ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2019. № 441. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 441. April

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 441 Апрель 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бакула В.Б. Образ птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой 5
Бурова Е.Е. Просодические маркеры хезитации в контексте определения коммуникативного статуса говорящего 12
Катышев П.А., Осадчий М.А. Речевое вовлечение в деятельность радикального сообщества: критическое дискурсивное исследование прецедентности 19
Лукашкин А.С. Переводы романов Понсона дю Террайля о Рокамболе в пародиях А.П. Чехова 1880-х годов 27
Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина 34
Наумова Н.Г. Особенности семантики и функционирования предлога *ПО* в современном русском языке (на материале текстов научного и официально-делового стиля) 44
Симатова С.А. Конфликтный диалог: критический обзор лингвистических исследований в Китае 54
Тик Н.А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в переводах Э. Ло Гатто 62
Шпилевая Г.А., Бахметьева И.А., Безрукова В.В. Способы выражения авторской философско-этической позиции в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» и в пьесе Л.Н. Толстого «Живой труп»: к вопросу о «несходстве сходного» 68

ФИЛОСОФИЯ

Голубинская А.В. Принятие знания расширенным сознанием в условиях информационного общества 75
Иванов А.Г. Мифологема героя в структуре социального мифа 80
Красавин И.В. Гиперреализм и пределы метафизического мышления 89
Мирошниченко Е.И. София-образ vs. София-ипостась: особенности рецепции учения Афанасия Александрийского о Премудрости Божией в софиологии Павла Флоренского 98
Суворова И.М. Проблема эстетизации безобразного в истории философии и в восприятии современного школьника 106

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Зазулина М.Р. Трансформирующийся патернализм и его пределы: о некоторых закономерностях в изменении структуры ожиданий сельского населения современной России 113
Сергеев В.С. Понятие социального как проблема для интегративных парадигм 120

ИСТОРИЯ

Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны Российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 2. Канун Китайского похода 1900–1901 гг. 128
Агишев С.Ю. Привилегия норвежского короля Хакона V городу Гамбургу из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета 142
Ахметшина А.В. Материальное положение земского медицинского персонала: на материалах Уфимской губернии (последняя треть XIX – начало XX в.) 151
Кузеванов В.С. Руководство архитектурной отраслью административного центра Омской области (1930–1940-е гг.) 155

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 441 April 2019

CONTENTS

PHILOLOGY

Bakula V.B. The Image of a Bird in the Works of the Sami Writer Nadezhda Bolshakova……. 5
Burova E.E. Prosodic Markers of Hesitation in the Context of the Determining of the Speaker's Communicative Status…….. 12
Katyshev P.A., Osadchiy M.A. Speech Involvement in the Activity of a Radical Community: A Critical Discursive Study of Precedence…….. 19
Lukashkin A.S. Translations of Ponson Du Terrail's Novels About Rocambole in Anton Chekhov's Parodies of the 1880s…….. 27
Mishankina N.A., Rozhneva Zh.A. The Database of Russian Metaphorical Terminology: A Term Description Model …… 34
Naumova N.G. Features of the Semantics and Functioning of the Preposition *PO* in Modern Russian (On the Material of Texts of the Scientific and Official Style) …… 44
Simatova S.A. Conflict Dialogue: A Critical Review of Linguistic Studies in China ……. 54
Tik N.A. Alexander Pushkin's Novel *Eugene Onegin* in Translations by Ettore Lo Gatto ……. 62
Shpilevaya G.A., Bakhmetieva I.A., Bezrukova V.V. Nikolay Chernyshevsky's Quotation in *What Is to Be Done?* in the Semantics of the Plot in Leo Tolstoy's *The Living Corpse*: On the "Dissimilarity of the Similar" …… 68

PHILOSOPHY

Golubinskaya A.V. Knowledge Acceptance by an Extended Mind in the Information Society Conditions …… 70
Ivanov A.G. The Hero Mythologem in the Structure of a Social Myth ……. 80
Krasavin I.V. Hyperrealism and Limits of Metaphysical Thinking ……. 89
Miroshnichenko E.I. Sophia-Image vs. Sophia-Hypostasis: The Features of Reception of the Wisdom of God Concept by Athanasius of Alexandria in the Sophiology of Pavel Florensky …… 98
Suvorova I.M. The Problem of Aestheticization of Ugliness in the History of Philosophy and in the Perception of a Modern School Student …… 106

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Zazulina M.R. A Transforming Paternalism and Its Limits: Some Regularities in Changing the Structure of Expectations of the Rural Population of Modern Russia …….. 113
Sergeev V.S. The Notion of the Social as a Problem for Integrative Paradigms …… 120

HISTORY

Avilov R.S. The Problem of the Military Defense Planning of the Russian Far East in 1896–1900. Part 2. The Eve of the Chinese Campaign of 1900–1901 …….. 128
Agishev S.Yu. King Haakon V's Privilege to Hamburg from the Manuscript Collection of the Tomsk State University Research Library …….. 142
Akhmetshina A.V. The Financial Position of Zemstvo Medical Personnel: On the Materials of the Ufa Gubernia (The Last Third of the 19th – Early 20th Centuries) ……..…… 151
Kuzevanov V.S. Management of the Architectural Branch of the Administrative Center of Omsk Oblast in the 1930s–1940s ……. 155

Муратшина К.Г., Пашкова Т.В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия 160
Первухина А.А. Устройство казенных винных лавок в начале XX в. (на материалах Курганского уезда) 169
Починская И.В. Из истории введения единоверия в России: новый источник о процессе воссоединения с официальной церковью стародубских старообрядцев 177
Румянцева Т.Б. Тема государственной политики в сфере инноваций в избирательной кампании кандидата на пост президента США Б. Клинтона в 1992 г. 183
Селезенев Р.С., Ковтунова Ю.В. Положение женщины в Сербии во второй половине XIX – в начале XX в. и проявление тенденций к эмансипации 189

ПЕДАГОГИКА

Никитина Т.В. Диагностический инструментарий для мониторинга сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России …. 196
Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С. Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты 206
Пешков В.Ф. Обоснование темы «Планирование средств восстановления в спорте» дисциплины «Теория и методика восстановительных средств» 213
Румянцева Е.Е. Образование лиц с ОВЗ: помощь или дискриминационный отказ 220

ПРАВО

Ким Ю.В. «Паллиативные» юридические конструкции в Конституции Российской Федерации 231
Черкасов К.В., Лапина Е.Б. Федеральный государственный контроль качества образования в современной России: некоторые аспекты правовой неопределенности 235

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 243

Muratshina K.G., Pashkova T.V. The People's Republic of China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty …… 160
Pervukhina A.A. The Structure of State-Owned Wine Shops in the Early 20th Century (On the Materials of the Kurgan Uyezd) …… 169
Pochinskaia I.V. From the History of the Introduction of Edinoverie in Russia: A New Source about the Unification of the Starodub Old Believers with the Official Church …….. 177
Rumyantseva T.B. The Subject of the State Innovation Policy in the Election Campaign of the US Presidential Candidate Bill Clinton in 1992 …….…… 183
Selezenev R.S., Kovtunova Yu.V. A Woman's Position in Serbia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries and Manifestation of Trends to Emancipation …….…….…… 189

PEDAGOGICS

Nikitina T.V. A Diagnostic Tool for Monitoring the Formation of Professional Communicative Competence of Cadets of Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia …..….. 196
Okhorzina Yu.O., Salosina I.V., Glinkin V.S. Russian Language Teaching in a Chinese University: Theories and Methods ……. 206
Peshkov V.F. Substantiation of the Theme "Planning of Recovery Means in Sport" for the "Theory and Methodology of Recovery Means" Discipline …… 213
Rumyantseva E.E. Education of Persons with Special Health Needs: Assistance or a Discriminatory Refusal …….. 220

LAW

Kim Yu.V. "Palliative" Legal Constructs in the Constitution of the Russian Federation …… 231
Cherkasov K.V., Lapina E.B. Federal State Quality Control of Education in Modern Russia: Some Aspects of Legal Uncertainty …… 235

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN 243

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/441/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.51

В.Б. Бакула

ОБРАЗ ПТИЦЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СААМСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Н. БОЛЬШАКОВОЙ

Рассматривается роль образа птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой, определяются семантическая наполненность образа, трансформация мифологических представлений. В результате исследования выявлено, что в контексте творчества саамской писательницы птица является не просто образом, но мифологемой, сознательно взятой из мифологии и отражающей авторское миропонимание, сохраняющее и передающее этнические смыслы. Однако мифологема птицы значительно трансформируется в несказочной прозе Н. Большаковой, переосмысливается ею в соответствии с художественными представлениями, сформированными под воздействием русской культуры, утрачивает свою мифологическую составляющую.

Ключевые слова: российские саамы; новописьменная литература; этническое сознание; мифологические представления; мифологема птицы.

Литература кольских (восточных, или российских) саамов, рождение которой приходится на вторую половину XX в., находится в стадии становления, феномен ее еще не получил достаточного освещения в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых [1. С. 129], что говорит о новизне представляемого материала. Между тем уникальность новописьменной литературы российских саамов, которая определяется самобытной культурой народа и органической связью с историческими судьбами своей страны, не вызывает сомнений, а интерес к ней в мировом сообществе велик, что составляет актуальность исследований в рамках данного предметного поля.

Одной из ведущих черт российской саамской литературы является тяготение к фольклору. Мифофольклорная основа творчества мастеров слова составляет специфику литератур коренных малочисленных народов [2. С. 20; 3. С. 106–107, 147; 4]. Сочетание фольклорной и литературной традиций говорит об особенности стиля национального писателя. Фольклор не только воздействует на литературу на уровне жанров, тем, мотивов, образов, но через фольклор литература наследует элементы мифологического миросозерцания, образцовую этническую модель поведения. Однако этот процесс не происходит механически: обращаясь к мифологии и фольклору, художник слова использует архетипические образы, выстраивая собственное видение мироздания, наполненное этническими смыслами [5. С. 95].

Цель нашей работы – определить роль образа птицы в творчестве саамской писательницы Н. Большаковой. Поставленная цель определяет следующие задачи: рассмотреть семантическую наполненность образа, выяснить степень переосмысления Н. Большаковой мифологических представлений о птице.

Эстетическим своеобразием художественного мира саамского прозаика Н. Большаковой определяется представленность в ее творчестве фольклорной традиции, которая объясняется сохранностью мифологического поэтического сознания, что, в свою очередь, связано с «живой эпической традицией» [6. С. 224], в которой выросла писательница.

Об истоках своего творчества она повествует в сборнике рассказов «Тиррв – по-саамски здравствуй!» (2000). Каждый рассказ посвящен одному эпизоду из жизни автора или его родных, близких и знакомых людей. Особым лиризмом наполнены рассказы о бабушке Наташе, саами по национальности.

Надежда Большакова родилась в 1957 г. на Кольском полуострове в пос. Ревда Ловозерского района Мурманской области. Отец – помор Фомин Павел Петрович, уроженец Архангельской губернии Онежского района деревни Кушереки, мать Елизавета Ивановна – выходец из древнего саамского рода Галкиных, родословная которых уходит в далекий 1716 г.

Формирование взглядов писательницы до 5-го класса происходило в основном в саамской среде. Сказалась духовная близость к бабушке саами, поездки на каникулы в саамское село Ловозеро, к озеру Ловозеру и на Сейдозеро, с которым связаны многие саамские легенды и культы прошлого и которое являлось родовым местом семьи Галкиных. В зависимости от сезонных занятий саамы несколько раз в году переезжали с места на место. Они имели зимние и летние постоянные поселения – погосты и по четыре или пять весенне-осенних мест на семью. Общение с бабушкой, познание самобытной и во многом загадочной культуры саамов, их обычаев, быта, ценностей во многом сформировали мировоззрение Н. Большаковой. С детства впитала она знание народных сказок и песен, получила заряд любви ко всему живому, научилась бережно, с уважением относиться к саамским поверьям, понимать природу родного края. Все это определило особенность художественной картины мира, стиль писателя.

Не случайно ее первой книгой стал сборник сказок о Лапландии «Подарок чайки» (1996). В январе 1997 г. Н. Большакова была принята в Союз писателей России. На мифо-фольклорную основу сборника тогда еще указал мурманский поэт В. Тимофеев, заметивший «страстное желание Большаковой зачерпнуть, испить из духовных родников тундрового народа, извлечь на свет из исторических тайников бесценные духовные зерна, художественные озарения и заповеди предков» [7. С. 3].

Особую роль в художественном мире саамской сказочницы играют мифологические и фольклорные персонажи, среди которых важное место занимает образ птицы.

Птицы играли большую роль в культуре саамов: так, одним из традиционных видов промысла коренного народа Севера была охота, в том числе на птиц. Дети рано научались ставить силки на куропаток, которых считали летучей рыбой [8. С. 38].

Основную часть петроглифов на Канозере[1] составляют изображения животных, среди которых птицы – журавли, утки, гуси.

С птицами связаны отдельные элементы саамского орнамента: *кыррьтэй лоанът* ‘летящая птица’, *рыбп ручч* ‘следы куропатки’; *рыбп кийе* ‘лапки куропатки’, *лоанЬт кебпьленч* ‘птичья лапка’. Белоснежный треугольник с петлями на углах обозначает парящую северную птицу *кыррьтэй лоанът* ‘летящая птица’ [9. С. 40].

Образ птицы занимает определенное место в саамском народном календаре, который отражает многие стороны жизнедеятельности этноса на разных этапах его развития: временной отрезок, соответствовавший февралю-марту, назывался *нюххчманн* ‘лебединый месяц’ [10. С. 50]. В это время в Лапландию начинали прилетать лебеди.

Некоторые из старейших саамских клейм[2] имеют названия «воронья лапа», «птичий клюв» [там же. С. 135]. Названия птиц встречаются на карте полуострова: Карнасурт – гора Ворона, село Воронье. Птицы изображены на шаманском бубне [11. С. 219]. Млечный путь у саамов считался лестницей птиц, что соответствует представлениям финно-угорских народов [12. С. 8].

Сохранились фрагменты саамского космогонического мифа, где роль демиурга исполняет водоплавающая птица [13. С. 54, 84]. Для народов-охотников характерны тотемические мифы о браках с животными. Женихами становились вороны, искавшие себе невест среди саамских девушек. Обычно это был ворон-оборотень, который выклевывал один глаз у жены.

Образ птицы присутствует в обрядовом и необрядовом фольклоре саамов. Во время сватовства жених обращался к родителям невесты со следующими словами: «Я пришел за уточкой, не могу ли уточку поймать?», обещал им кормить и беречь «уточку». В этом обряде инициации сохранилось почитание птицы как существа, имеющего отношение к рождению нового, к рождению жизни [11. С. 276, 283]. В более современном свадебном обряде невесту называли птичкой [10. С. 93]. Наконец, образ птицы – один из самых часто встречающихся образов животного мира в саамских паремиях [14].

Птичьими чертами наделен олень Мяндаш[3], о котором в охотничьем мифе говорится: «Черную голову держит высоко, закинул рога и на невидимых крыльях летит. Ветры вольные его дыхание, они несут его в полете, в пути» [15. С. 80]. Птица участвует в цепочке реинкарнаций «рыба – олень – птица – олень – рыба», развернутой по вертикали мирового древа, которая «позволяет проследить мифологические истоки и связь разных форм промысловой деятельности» [16. С. 257].

Образ птицы встречается уже в первом сборнике Н. Большаковой – «Подарок чайки» (1996). Интересна история создания сборника. Сказка о чайке приснилась писательнице, и во сне ей было сказано: «Ты – женщина-птица». Чтобы выбрать название сборника, известный мурманский поэт В. Тимофеев предложил Н. Большаковой написать 60 вариантов словосочетаний. Одним из них явилось словосочетание «подарок чайки», которое и легло в название приснившейся сказки и всего сборника.

Сборник открывается сказкой «Прародитель – Мяндаш», в которой автор выстраивает свою сказочную Вселенную.

Роль демиурга выполняет птица-Вселенная, отложившая яйцо, из которого вылупилось много птенцов: главными при этом являются птица-Солнце и птица-Земля. Полюбив друг друга, Птица-Солнце и Птица-Земля дают начало новому существу – оленю, прародителю саамов, которого называют Мяндаш-пырре. От отца-Солнца Мяндаш получает золотые рога, от матери и отца наследует черты летучести, поэтому бег его сродни полету: «Лети, Мяндаш, ищи себе судьбу» [17. С. 6]. Благодаря такой способности Мяндаш-пырре преодолевает расстояние «от края и до края земли» в поисках любимой. С помощью чудесной силы превращает он понравившуюся ему девушку в важенку[4], с которой и связывает судьбу. Плодом их любви становится человечье дитя. Когда ребенок подрастает, Мяндаш-пырре завещает сыну тундровые просторы, наставляя при этом: «Должен ты беречь землю-кормилицу и быть оленям всем братом родным» [Там же. С. 8]. Являясь «прародителем земли тундровой», Мяндаш предсказывает, что от сына пойдет саамский род.

Таким образом, в сказке представлена цепочка происхождения саамов от Мяндаша, а через него – от Солнца, что соответствует мифологическим представлениям древних саамов. Интересен и такой факт: до написания сказок Н. Большакова не интересовалась этнографией саамов и по лопаристике прочитала только одну статью о «шумерах» Лапландии, которая была напечатана в журнале «Наука и религия». В сказке в соответствии с языческим мировоззрением саамов в виде птицы представлен космический медведь, на котором Птица-Солнце летает в поисках невесты. Миф о медведе-первопредке, спустившемся с неба, известен также в общих финно-угорских мифах [12. С. 8].

В «Сказке о том, как гора Карнасурт название свое получила» главным героем является ворон, однако семантическое наполнение образа иное, нежели во фрагменте мифа о появлении земли, в котором мифологический ворон должен был выполнить роль демиурга [13. С. 54–56]. В сказке о горе Карнасурт отражены тотемические представления саамов. «Возникновение тотемизма, наиболее древней формы почитания животных, ученые относят к самым ранним ступеням развития человеческого общества. Тотемизмом принято называть веру в родство определенной группы людей с тем или иным видом животных, растений, насекомых и т.п., а также связанные с ней обряды и церемонии» [18. С. 21]. Саам Оця подбирает вороненка с подбитым крылом, выхаживает его, а когда птица вырастает в красивого большого ворона, она, в свою очередь, начинает помогать Оце: на охоте указывает местонахождение зверя, на рыбалке посылает хороший улов. Птица предсказывает погоду, горе, радость,

притягивает удачу в жизнь саама, т.е. выполняет функцию тотема, который опекает, хранит свой род. Сказка отсылает к этиологическому мифу, объясняя происхождение земного рельефа с точки зрения саамов – появление горы Карнасурт (гора Ворона).

В соответствии с языческими представлениями древних саамов и художественным вымыслом, писатель наделяет птицу чертами человека: ворон организует сопротивление врагам и защиту от них саамов, предупреждает жителей об опасности, «стрелы да луки в руки лопинам вкладывает», зовет на помощь друзей-воронов и вместе с ними гонит с земли лопинов врагов – чудь иноземную. Ворон приносит удачу хозяину, ему свойственны чувство благодарности и самоотверженности. Тотемический герой Ворон-вещун – помощник человека в борьбе со злом, защитник лопинов. В сказке использован мотив окаменения, характерный для саамского фольклора – в конце повествования ворон окаменевает и превращается в гору Карнасурт.

Тотемические представления древних саамов положены также в основу сказки «Подарок чайки», давшей название всему сборнику. Подобный сюжет известен у народов Сибири: «Когда бесплодная женщина обращалась к орлу с просьбой дать ей детей и после этого у нее рождался ребенок, он считался рожденным от орла. В этом случае орел являлся тотемом материнского рода» [18. С. 35]. В сказке Н. Большаковой чайка за спасение своих птенцов дарит детей бездетной саамской семье. Рождение близнецов – девочки и мальчика – предсказано женщине во сне. Дети получают имена в честь чаек: мальчик в честь озерной – Церьха, девочка в честь речной – Кайе, и души птиц, которым покровительствует Бог-дедушка, – Йиммель-аень. Со временем у детей проявляются б*о*льшие шаманские способности, чем у нойды[5]: они предсказывают гибель своего отца от медведя, спасают мать от болезни, врачуют сородичей. В чудодейственной силе детей отражены языческие представления саамов о близнецах – их рождение в древности считали божественным чудом, что объясняется верой древних народов в сверхъестественное зачатие. «Раньше считали, что от связи мужчины и женщины близнецы родиться не могут, для этого необходимо соединение женщины со сверхъестественным существом или животным» [Там же. С. 116]. В сборнике сказок Н. Большаковой сакральным смыслом наделена водоплавающая птица – чайка, что также соответствует языческим представлениям саамов. Она является символом истока, начала: в мифологии – сотворения Земли, в цикле сказок – начала сборника, начала творчества Большаковой как писателя. Кроме того, в сказке «Подарок чайки» заключена главная идея всего сборника: жизнь без любви не имеет смысла и будущего. Понимание этой истины дарит чайка.

Образ птицы появляется еще в одной сказке сборника – в «Сказе об Октябрине…», в котором повествуется о трагической судьбе первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой. Зло в сказке представлено в образе змея, который стремится уничтожить Октябрину, а душа Октябрины изображена в облике птицы, которая ушла в небо после гибели поэтессы: «Душа обрела крылья птицы и взлетела еще выше» [17. С. 154].

Таким образом, мифологема птицы отражает и транслирует этнические ценности, являясь средством выражения неких «вечных» психологических начал, «стойких национальных культурных моделей» [19. С. 210]. В образе птицы заключена главная идея всего сборника, главный принцип существования сказочной Вселенной Н. Большаковой – любовь. Любовь ищут сказочные герои Птица-Солнце, Птица-Земля, их сын Мяндаш-пырре и в будущем – сын Мяндаша в облике человека, которого мать награждает любовью «ко всему живому на этой земле». Жизнь без любви невыносима для Октябрины, которая погибает от ненависти змея, но душа ее принимает облик птицы и становится недосягаемой.

Влияние фольклорных и мифологических традиций прослеживается не только в сказочной прозе Н. Большаковой, но и в романе «Алхалалалай» (2003) – первом романе в саамской литературе.

Произведение рассказывает о судьбах представителей саамского и ительменского народов, верованиях, мифологии, быте саамов и ительменов. В романе три сюжетных линии: Варван и нуэйта Белый День в XVII в., Екатерины и Сузвая, Насти и Лахэна в наше время. Главными героями являются Настя и Лахэн, женщина саами и мужчина ительмен, которые полюбили друг друга вопреки всем условностям, преградам и расстояниям: Настя живет в Мурманске, а Лахэн – на Камчатке, время их встреч ограничено короткими приездами Лахэна в Москву с выступлениями танцевального коллектива «Эльвель» и поездкой Насти на ительменский языческий праздник Алхалалалай на Камчатку. Сюжетная линия Варван и Белого Дня является своеобразной экспозицией сюжетной линии Насти и Лахэна. Отсылая нас к далекому прошлому, она знакомит с предками главной героини в XVII в. События в романе то развиваются параллельно, то пересекаются.

В основе художественного сравнения в романе лежит образ птицы. Он используется для характеристики состояния героев. Испытывая неимоверную физическую и психологическую усталость после напряжения последних часов во время праздника, нуэйт Белый День упал на оленьи шкуры, «раскинув в разные стороны руки, словно подбитая птица, провалился в забытье» [20. С. 42]. «Словно птица, Настя уже много лет кружила в полете одна среди людей и городов в поиске своего любимого. Казалось, крылья стали слабеть, исчезла всякая надежда на встречу... И вот он, большой и могучий, подлетел к ней» [Там же. С. 178].

Герои произведения сравниваются с птицами внешне. Наблюдая за Кончатом, Настя отмечает, что мужчина более похож на европейца, нежели на ительмена: «Не было у него тайной раскосости глаз, как у Лахэна, большого орлиного, как у Перия, носа, словно по заказу выточенного с образа хищной птицы» [Там же. С. 151].

Образ птицы используется для характеристики действий героев: «Лахэн навис над ней, словно боль-

шая птица, стараясь закрыть от всего мира своими руками-крыльями»; «они (Белый День и Настя. – *В.Б.*) совершили, словно птицы, прекрасный полет любви»; характеризует социальный статус женщины: «Ей доводилось общаться с разными женщинами – от простушек до «птиц высокого полета» [20. С. 109].

Образ птицы является основным в описании природы: «Ночь, словно огромная птица, опустила черные тяжелые крылья на дом Карриты» [Там же. С. 167].

Образ птицы положен в основу метафоры судьбы главной героини. Насте снится сон, в котором она, убегая от преследователей, слышит слова в свой адрес: «Ее не убить: она – женщина-птица». В последний момент перед пропастью Настя вместе с Лахэном кидаются с крутого обрыва и летят, «как два лебедя, расправив крылья». Потеряв любимого, Настя воспарила в небо одна, «поднимаясь все выше и выше, наконец из женщины превратилась в птицу...» [Там же. С. 62].

Умение летать во сне уподобляет героиню существу, наделенному «даром общаться с небесами, быть связующим звеном между богами и человеком». В этом отсылка к мифо-религиозному содержанию образа птицы финно-угорских народов, у которых птица – олицетворение женского природного начала и «одна из многих воплощений Великой Матери, дарующей жизнь всему живому» [21. С. 1877].

В символическом сне, предвещающем разлуку с любимым, появляется образ лебедя как символа верности. В данном случае мы наблюдаем переработку семантики мифологемы птицы в соответствии с мировыми традициями и собственным художественным мировоззрением Н. Большаковой.

Превращение Насти и Лахэна в лебедей связано с тотемическими верованиями саамов в оборотничество, которое было распространено и у других народов мира [18. С. 98]. В романе только главная героиня обладает способностью к оборотничеству, что подчеркивает ее генетическую особенность, связь с сакральным. Кроме того, птица и полет символизируют свободу, счастье: «Она летала высоко и пела свою песню любимому, пока он был рядом. Но стоило ему покинуть ее, и ощущение радости полета пропало» [20. С. 19].

Неудивительно, что брачный танец розовых фламинго производит такое глубокое впечатление на Настю, которая «ловила себя на мысли, что и сама не прочь стать на какой-то момент птицей» [Там же. С. 192].

Любовь к свободе, ощущение полета, возвышенность души, стремление к неизведанному, одухотворенность, верность в любви – все это роднит Настю с птицами. Эту особенность героини подмечает руководитель ительменского ансамбля «Эльвель» Перий, который называет Анастасию «пташкой-канарейкой».

С образом птицы связана еще одна героиня романа – Каррита, гражданская жена Лахэна. Судьбу Карриты символизирует образ одинокого лебедя, погибающего на замерзающей полынье. В момент тяжелых испытаний Каррита вспоминает картины давно ушедшего прошлого, когда она стала свидетелем того, как лебедь билась за жизнь, ломая крыльями кромку льда уменьшающейся с каждым днем полыньи. В какой-то момент девочка не выдержала, «достигла полого места и схватила птицу на руки, но, как ни старалась привести лебедушку в чувства, не могла. Свои последние силы та отдала полынье и умерла на руках девочки, свесив холодеющую шею к самому льду» [20. С. 167]. Потрясение, испытанное в детстве, стало одним из самых тяжелых и страшных для Карриты, невольно предсказав судьбу женщины. Несмотря на то, что она борется за собственную жизнь и жизнь своих детей, в какой-то момент не исполняет своего предназначения хранительницы и продолжательницы рода: избавляясь от ребенка от любимого мужчины во время священного праздника любви Алхалалалай, она тем самым совершает тяжкий грех. Судьба наказывает Карриту за это: женщина умирает, а ее детей разлучают – отправляют в интернат и отдают родственникам.

Образ птицы раскрывает суть устремлений женской души, в основе которой – любовь и жажда духовного полета. Умоляя Лахэна в письме простить ее за то, что ворвалась в его жизнь и внесла в нее душевную смуту, Настя пишет: «Прости за Карриту. Мы одинаковы, мы словно птицы. Лиши нас возможности любить – и лишишь возможности полета» [20. С. 205]. Не случайно одним из любимых слов Насти является слово «птица».

Важное место занимает образ птицы и в последнем романе Н. Большаковой – «Письма в школьных тетрадках» (2016). В центре повествования – судьбы жителей небольшого городка Светлого в последнее двадцатилетие XX в., зачастую трагичные, изломанные не зависящими от людей обстоятельствами. Реалистично обрисована атмосфера маленького городка, переживание его жителями всех тех событий, которые происходили в центре России и будоражили сознание людей перестроечного времени на территории всей страны: возвращение к православной вере, смерть Высоцкого, карточная система, молодежный форум, Олимпиада, сухой закон, Афганистан, Чечня. Главные герои романа – Светлана и Глеб – разлучены на время прохождения Глебом срочной службы на Севере, их общение происходит через письма, которые становятся символом настоящей большой любви. В романе много внимания уделено женским судьбам.

Одна из героинь, Валентина Архипова, после развода с мужем и предательства подруги возвращается с Севера, где она жила последнее время, в родной город Светлый. В поезде ей снится вещий сон, в котором появляется сказочная птица-дева, выполняющая роль помощницы, спасителя людей, предсказывающая счастье Валентины. Протягивая ей лапу-руку для пожатия, птица оставляет свою четырехпалую кисть в руках женщины, объясняя ей: «Не переживай, я специально оставляю тебе свою кисть – на счастье» [22. С. 265].

Появление во сне Валентины Птицы-девы перекликается с тотемическими представлениями саамов, в то же время, символизируя счастье, она отражает художественные представления самой писательницы, переосмысление ею фольклорных образов. Кисть Птицы-девы, оставленная в руке девушки, выполняет функцию оберега.

С птицей ассоциируется счастье и у Светланы, главной героини романа и автора писем: «До неё вдруг стало доходить, что счастье было счастьем тогда, когда они с Глебом держали его в руках. Стоило чуть обоим ладони разжать – и вот оно уже готово выскользнуть, выпорхнуть птицей вольной, улететь…» [22. С. 307].

Свое душевное состояние Светлана описывает Глебу при помощи образа птицы в традициях русской литературы: «Если бы у меня были крылья, непременно взмахнула бы ими и полетела белой чайкой навстречу твоему кораблю. Помнишь, как в “Грозе” Островского: «…отчего люди не летают так, как птицы?». <…> Сейчас бы я этот монолог совсем по-другому прочла, потому что сама вот уже почти год наполнена чувством полёта... Так бы разогналась с обрыва нашей Светлой, взмахнула крыльями и полетела на далёкий Север, навстречу тебе…» [Там же. С. 458].

Размышляя о сути женской души, Елена, подруга Светланы, приводит множество выражений, связанных с птицей: «парит на крыльях любви», «хожу, словно окрыленная»; «любовь окрыляет, а нелюбовь приземляет»; «у меня сегодня появилась сказочная легкокрылость», «у неё не руки – крылья», «я лечу на крыльях мечты», «крылатая богиня» – и делает вывод о том, что «женщины – те всё больше крылатые, летают в своих мечтах и фантазиях». А лиши женщину крыльев и радости полета – тут же иные словосочетания появятся – «опустились мои крылышки»… А если вспомнить, как часто мужчины называют женщин птичьими именами: восторженно – «девушка-лебедушка», «журавушка», «пташка-канарейка», «голубка моя сизокрылая», «ты мой цыпленочек»… [Там же. С. 555].

Наконец, образ птицы становится нарочито аллегоричным, когда героиня размышляет о будущем России: «Знаешь, Глеб, а я почему-то верю – Россия вырвется из этого хаоса тьмы, возродится к новой, светлой жизни, точно так же, как возрождалась птица Феникс из пепла» [22. С. 393].

Таким образом, птицы в творчестве Н. Большаковой играют большую роль. В сказочной прозе они помогают воссоздать картину мира древних саамов, выполняют сюжетообразующую функцию, являясь инструментом художественной организации материала, раскрывают авторский взгляд на мир и человека в нем. В основе фольклорного образа птицы лежат этнокультурные представления о ней, прежде всего мифологические. Птица является демиургом, выполняет функцию тотема, символизирует начало жизни, в птицу превращается душа человека. Образ птицы в сказочной прозе сохраняет свою мифологическую составляющую.

В несказочной прозе Н. Большаковой образ птицы символизирует суть устремлений женской души, помогает воссоздать внутреннее состояние прежде всего женских персонажей, подчеркнуть трагичность судеб героинь. В то же время образ птицы используется для внешней характеристики мужчин героев. Образ птицы конкретизируется: лебедь подчеркивает преданность любящих, орел – мужскую решительность, силу, чайка – духовность, возвышенность, крылатость женской души.

Н. Большакова сознательно обращается к мифологии, художественно организуя таким образом материал своих произведений. В контексте ее творчества птица является не только художественным образом, но и мифологемой, сохраняющей культурную память этноса и в то же время отражающей авторское миропонимание. Однако мифологема птицы значительно трансформируется в несказочной прозе, переосмысливается в соответствии с художественными представлениями саамской писательницы, сформированными под воздействием русской культуры, и утрачивает свою мифологическую составляющую.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Петроглифы – наскальные рисунки, живопись древних художников. Петроглифы на берегах и островах озера Канозеро датируются 3–4,5 тыс. до н.э.

[2] Клеймо – знак, налагаемый на предметы, метка, печать. У саамов служили знаком собственности.

[3] Мяндаш – саамское божество в виде золоторогого оленя, легендарный предок саамов. В легендах о Мяндаше отразились древнейшие тотемистические представления саамов.

[4] Важенка – самка оленя.

[5] Нойд – саамский шаман. В том же значении – нуэйт, нойда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домокош Й. Прошлое – это не чужая страна: «Пограничность» (лиминальность) как принцип поэзии Аскольда Бажанова // Саамская литература: материалы и исследования / сост. Вячеслав Огрызко. М. : Литературная Россия, 2010. С. 128–140.
2. Косинцева Е.В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции : автореф. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2013. 41 с.
3. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера : истоки, становление, развитие / отв. ред. А.И. Алиева ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1988. 168 с.
4. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литератур) : дис. ... д-ра филол. наук. URL: http://www.dissercat.com/content/folklorno-epicheskie-traditsii-v-proze-malochislennykh-narodov-rossii-na-materiale-mansiisko#ixzz4VICR1Q63 (дата обращения: 14.11.2016).
5. Гончаров С.А., Гончарова О.М. Этнокультурная самобытность автохтонного слова (опыт младописьменных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока // Культура и текст. 2014. № 3. С. 87–103.
6. Литература народов России : учеб. пособие / под. ред. Р.З. Хайруллина, Т.И. Зайцевой. М. : ИНФРА-М, 2016. 397 с.
7. Тимофеев В.Л. Сказки Надежды Большаковой // Подарок чайки / Н.П. Большакова. Мурманск : Русский Север, 1994. С. 3–4.
8. Львов В.Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. М., 1903. 81 с.
9. Бакула В.Б., Васильева А.В. Картина мира саамов Кольского полуострова в лексике орнамента // Общество: философия, история, культура. Краснодар. 2014. № 3. С. 38–41.
10. Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск : Кн. изд-во, 2005. 416 с.

11. Харузин Н.Н. Русские Лопари (Очерки прошлаго и современнаго быта). М. : Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсонъ, 1890. 472 с.
12. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М. : Астрель : АСТ, 2003. 464 с.
13. Чарнолуский В.В. В краю летучего камня. М. : Мысль, 1972. 271 с.
14. Пешкова В.С. Образы животных в саамских пословицах и поговорках // Язык. Речь. Коммуникация : сб. науч. ст. Мурманск : МАГУ, 2016. С. 122–127.
15. Чарнолуский В.В. Легенда об олене-человеке. М. : Наука, 1965. 139 с.
16. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с.
17. Большакова Н.П. Подарок чайки. Мурманск : Русский Север, 1994. 160 с.
18. Соколова З.П. Культ животных в религии. М. : Наука, 1972. 216 с.
19. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Наука, 2000. 407 с.
20. Большакова Н.П. Алхалалалай // Два романа. Рассказы. Мурманск : Тореал, 2016. С. 9–212.
21. Зыков С.Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематики // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. С. 1876–1880.
22. Большакова Н.П. Письма в школьных тетрадках // Два романа. Рассказы. Мурманск : Тореал, 2016. С. 213–568.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 января 2019 г.

The Image of a Bird in the Works of the Sami Writer Nadezhda Bolshakova

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 5–11.
DOI: 10.17223/15617793/441/1

Viktoria B. Bakula, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation). E-mail: museum-vs@yandex.ru

Keywords: Russian Sami; new-written literature; ethnic consciousness; mythological representations; mythologem of birds.

The article is devoted to the literature of the Kola (Eastern or Russian) Sami, one of the leading features of which is the myth-folk basis. The aim of the work is to determine the role of the bird image in the works of the Sami writer Nadezhda Bolshakova. Bolshakova's works have not been studied earlier in the framework of the stated topic, which determines the novelty and relevance of the material presented in the article. Material for the study was the collection of tales *A Gift of the Seagull* and two novels of the writer: *Alkhalalalay* and *Letters in School Notebooks*. The leading methods of this study are cultural-historical, hermeneutic and mythopoetics; their combination allows to reflect the relationship of folklore and literary elements in the work, primitive meanings and meanings in the Sami folklore and literature, to determine the author's individual interpretation of folklore material. The study analyzed the semantics of the image of the bird and its functioning in the fairy-tale and non-fairy-tale prose of the Sami writer; traced the transformation of mythological ideas in Bolshakova's works; considered the origins of her worldview, features of the artistic picture of the world and style. In addition, the role and importance of the image of the bird in the culture and mythology of the Sami, in the ritual and non-ritual folklore of the Northern people, some pagan representations of the ancient Sami were described. The analysis of the material showed that birds play an important role in Bolshakova's fairy-tale and non-fairy-tale prose. In fairy-tale prose, they help to recreate the picture of the world of the ancient Sami, perform a plot-forming function, being an instrument of the literary organization of the material, reveal the author's view of the world and the person in it. The basis of the folk image of the bird are ethno-cultural ideas about it, especially mythological ones. In Bolshakova's non-fairy-tale prose, the image of the bird helps to reveal the essence of the female psyche, reinforces the psychology that reconstructs the internal state of primarily female characters, emphasizes the tragic fate of female characters. At the same time, the image of the bird is used for the external characteristics of male characters. In the context of Bolshakova's works, the bird is not just an image, but a mythologem consciously taken from mythology. The idea of the soul in the form of a bird is common among all peoples of the globe; however, Bolshakova rethinks the mythology of the bird in accordance with her literary world and the Sami pagan idea of it. Bolshakova uses mythology consciously. The combination of folk and literary traditions is a feature of the national writer's style.

REFERENCES

1. Domokosh, Y. (2010) Proshloe – eto ne chuzhaya strana: "Pogranichnost'" (liminal'nost') kak printsip poezii Askol'da Bazhanova [The past is not a foreign country: Liminality as the principle of the poetry of Askold Bazhanov]. In: Ogryzko, V. (ed.) *Saamskaya literatura: materialy i issledovaniya* [Sami literature: materials and research]. Moscow: Literaturnaya Rossiya.
2. Kosintseva, E.V. (2013) *Khantyyskaya literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, traditsii* [Khanty literature from the origins to the present: themes, images, traditions]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saransk.
3. Poshataeva, A.V. (1988) *Literatury narodov Severa: istoki, stanovlenie, razvitie* [Literature of the peoples of the North: the origins, formation, development]. Moscow: Nauka.
4. Khazankovich, Yu.G. (2009) *Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Rossii (na materiale mansiyskoy, nenetskoy, nivkhskoy, khantyyskoy, chukotskoy i evenkiyskoy literatur)* [Folklore epic traditions in the prose of the small peoples of Russia (on the material of Mansi, Nenets, Nivkh, Khanty, Chukchi and Evenki literature)]. Philology Dr. Diss. [Online]. Available from: http://www.dissercat.com/content/folklorno-epicheskie-traditsii-v-proze-malochislennykh-narodov-rossii-na-materiale-mansiisko#ixzz4VICR1Q63. (Accessed: 14.11.2016).
5. Goncharov, S.A. & Goncharova, O.M. (2014) Ethno-cultural identity of indigenous literature (the experience of a newly created written literatures of the Russia's North, Siberia and Far East) *Kul'tura i tekst – Culture and Text.* 3. pp. 87–103. (In Russian).
6. Khayrullin, R.Z. & Zaytseva, T.I (eds) (2016) *Literatura narodov Rossii* [Literature of the peoples of Russia]. Moscow: INFRA-M.
7. Timofeev, V.L. (1994) Skazki Nadezhdy Bol'shakovoy [Tales of Nadezhda Bolshakova]. In: Bol'shakova, N.P. *Podarok chayki* [Gift of the Seagull]. Murmansk: Russkiy Sever.
8. L'vov, V.N. (1903) *Russkaya Laplandiya i russkie lopari: geograficheskiy i etnograficheskiy ocherk* [Russian Lapland and Russian Lapps: a geographical and ethnographic essay]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnereva i K°.
9. Bakula, V.B. & Vasil'eva, A.V. (2014) Worldview of the Sami of the Kola Peninsula reflected in the ornament vocabulary. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 3. pp. 38–41. (In Russian).
10. Bol'shakova, N.P. (2005) *Zhizn', obychai i mify kol'skikh saamov v proshlom i nastoyashchem* [Life, customs and myths of the Kola Sami in the past and present]. Murmansk: Kn. izd-vo.
11. Kharuzin, N.N. (1890) *Russkie Lopari (Ocherki proshlago i sovremennago byta)* [Russian Lapps (Essays on the past and modern life)]. Moscow: Vysochayshe utverzhdennoe Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson".
12. Petrukhin, V.Ya. (2003) *Mify finno-ugrov* [Finno-Ugric myths]. Moscow: Astrel': AST.
13. Charnoluskiy, V.V. (1972) *V krayu letuchego kamnya* [In the land of a flying stone]. Moscow: Mysl'.

14. Peshkova, V.S. (2016) Obrazy zhivotnykh v saamskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Images of animals in Sami proverbs and sayings]. In: Tyurkan, E.A. & Vinogradova, S.A. (eds) *Yazyk. Rech'. Kommunikatsiya* [Language. Speech. Communication]. Murmansk: Murmansk Arctic State University.
15. Charnoluskiy, V.V. (1965) *Legenda ob olene-cheloveke* [Legend of the deerman]. Moscow: Nauka.
16. Terebikhin, N.M. (2004) *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomor State University.
17. Bol'shakova, N.P. (1994) *Podarok chayki* [A Gift of the Seagull]. Murmansk: Russkiy Sever.
18. Sokolova, Z.P. (1972) *Kul't zhivotnykh v religii* [The cult of animals in religion]. Moscow: Nauka.
19. Meletinskiy, E.M. (2000) *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow: Nauka.
20. Bol'shakova, N.P. (2016) *Dva romana. Rasskazy* [Two novels. Short stories]. Murmansk: Toreal. pp. 9–212.
21. Zykov, S.N. (2014) Sacred image of a bird in Finno-Ugric articles. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*. 9. pp. 1876–1880. (In Russian).
22. Bol'shakova, N.P. (2016) *Dva romana. Rasskazy* [Two novels. Short stories]. Murmansk: Toreal. pp. 213–568.

Received: 07 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 12–18. DOI: 10.17223/15617793/441/2

УДК 81'33

Е.Е. Бурова

ПРОСОДИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ХЕЗИТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА ГОВОРЯЩЕГО

Рассматриваются просодические маркеры хезитации как средство определения коммуникативного статуса участника диалога. Под коммуникативными статусами понимаются психологические ролевые статусы ведущего и ведомого. Цель работы – показать, какие именно маркеры хезитации и при каких условиях эксплицируют реализацию статуса ведомого. В работе устанавливается взаимосвязь между коммуникативным статусом и количественными и качественными характеристиками просодических маркеров хезитации. Просодические средства проанализированы с помощью программы Speech Analyzer. В частности, определены длительность пауз, движение тона в них, а также описано движение тона в высказывании.

Ключевые слова: коммуникативный статус; маркеры хезитации; просодия; Speech Analyzer; диалог; звучащая речь.

На современном этапе развития лингвистической науки стало совершенно ясно, что в процессе коммуникации задействованы сразу несколько информационных (коммуникативных) каналов: вербальный (сегментный), просодический, жестовый и т.д. Современная лингвистика изучает единицы, передающиеся аудиально и визуально с помощью различных каналов, т.е. занимается исследованием мультиканального дискурса [1].

В последнее время многие исследователи интересовались невербальным компонентом коммуникации, связанным со зрительным восприятием. Например, подробно изучался так называемый язык тела, т.е. жесты, мимика, различные позы [2]. Описывались иллюстративные жесты, которые, в отличие от жестов-эмблем, не имеют постоянного, закрепленного за ними значения [3]. Иллюстративные жесты могут быть дейктическими, т.е. указывающими на реально присутствующий или воображаемый референт, изобразительными, т.е. передающими слушающему какую-то смысловую информацию, дополняющую или дублирующую слова, могут представлять собой жестовые ударения, т.е. движения руки, согласованные с ударным слогом в слове, и т.д. Еще одним невербальным компонентом коммуникации, передающимся по визуальному каналу, является движение глаз. Данный компонент также оказывался в центре внимания ученых [4].

Просодический компонент речи, воспринимаемый человеком с помощью органов слуха, представляет не меньший интерес для лингвистики. В данной статье мы рассмотрим такие просодические элементы, которые являются маркерами хезитации, и установим их взаимосвязь с коммуникативным статусом участника общения. Просодические маркеры хезитации – это, например, заполненные паузы и удлиненная реализация фонем, т.е. так называемые долексические сигналы речевых сбоев и затруднений [5. С. 181–183].

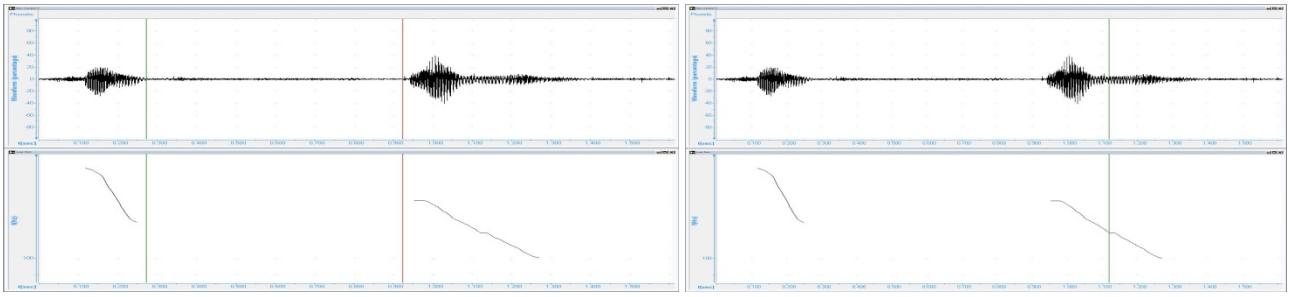
Материалом для исследования является диалог, в котором один из собеседников нанимает второго в качестве киллера. Рассматриваемый материал представляет собой спонтанный устный текст, записанный на аудионоситель. По данному тексту была назначена и проведена лингвистическая экспертиза. Условно обозначим первого участника диалога словом *заказчик*, а второго – словом *киллер*. Информация о просодии рассматриваемого текста получена с помощью компьютерной программы анализа устной речи Speech Analyzer.

На наш взгляд, изучение упомянутых выше маркеров хезитации напрямую связано с проблемой определения коммуникативного статуса говорящего в диалоге. Под коммуникативным статусом мы понимаем приблизительно то, что у И.Н. Борисовой обозначено термином *психологический ролевой статус* [6. С. 44]. Коммуникативный статус является переменной характеристикой коммуниканта, т.е. такой, которая присуща ему в рамках одного или нескольких коммуникативных событий, и представляет собой позицию, занимаемую коммуникантом для достижения определенных целей в общении. На самом высоком уровне обобщения можно выделить коммуникативные статусы ведущего и ведомого. Для устной спонтанной речи характерны нарушения плавного развертывания речевого потока и возникающие вследствие этого маркеры хезитации. Паузы хезитации и удлиненная реализация фонем являются необходимыми для любого говорящего перерывами в речи, во время которых происходит подготовка новой порции информации [5. С. 177–179]. Речь коммуниканта, являющегося ведомым, должна, по нашему мнению, содержать больше таких перерывов, нарушающих плавность развертывания дискурса и свидетельствующих о трудностях говорящего при речепорождении.

В диалоге, который мы анализируем, коммуникативные статусы заданы ситуацией общения: очевидно, что заказчик занимает позицию ведущего, а киллер – ведомого. Уровень просодии подкрепляет данное утверждение: в речи киллера мы находим больше заполненных пауз и удлинений, чем в речи заказчика, причем в некоторых элементарных дискурсивных единицах (ЭДЕ) мы можем констатировать наличие сразу двух маркеров хезитации. В случае когда коммуникативный статус задан целью общения, возникает интересная исследовательская задача, заключающаяся в характеристике просодических маркеров хезитации, эксплицирующих реализацию статуса ведомого. Поэтому рассмотрим заполненные паузы и удлинения звуков в речи киллера и сравним их с аналогичными маркерами хезитации в речи заказчика. Полученные в ходе анализа данные могут быть применены в ситуациях, когда коммуникативный статус участника диалога не так очевиден.

Вначале последовательно проанализируем высказывания киллера, а затем перейдем к примерам из речи заказчика.

*(1) Че **в-в** плане-э…*



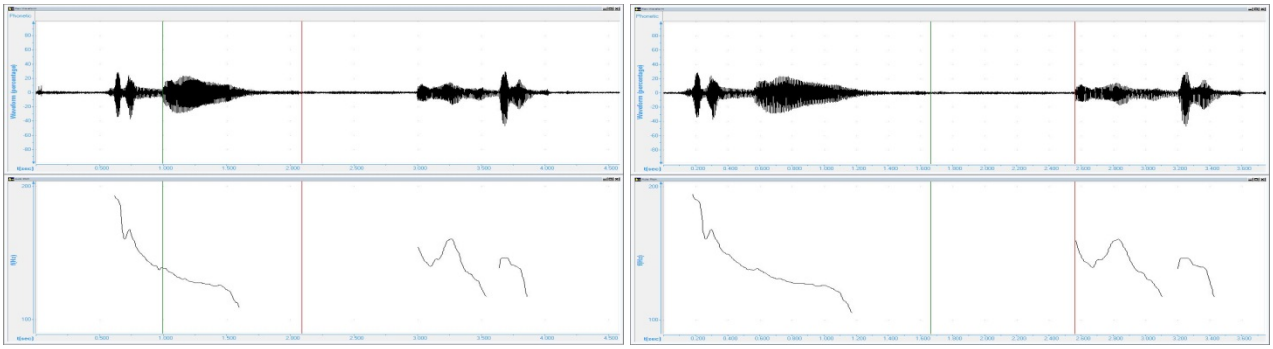
Представленная выше реплика является незавершенной и характеризуется сразу двумя случаями удлинения звука. В первом случае происходит удлинение согласного звука [ф], фонетического варианта предлога *в*. Тонограмма на данном участке ничего не отображает, тональный контур отсутствует, так как звук является глухим, фонации при его произнесении не происходит. Осциллограмма изображает практически прямую линию. Удлиненный согласный [ф] находится между курсорами на первом из вышеприведенных графиков и длится приблизительно 0,65 секунды.

На втором графике представлен удлиненный гласный (от курсора и до конца временной шкалы). Как можно заметить, на данном гласном происходит понижение тона. Длительность гласного равна примерно 0,5 секунды.

На первом графике между курсорами мы можем увидеть движение тона в заполненной паузе хезитации. Хорошо заметным является понижение тона, происходящее в два этапа: сначала он понижается медленно и незначительно, затем происходит более быстрое и значительное понижение частоты основного тона. Пауза длится примерно 1,1 секунды.

На втором графике между курсорами мы видим удлиненный согласный звук [с]. Снова, как и в предыдущем примере, тонограмма не фиксирует движение тона в силу отсутствия фонации. Длительность звука [с] равна примерно 0,9 секунды.

*(2) Че там / **э-э** / **с-с** / преждевременный задаточек*

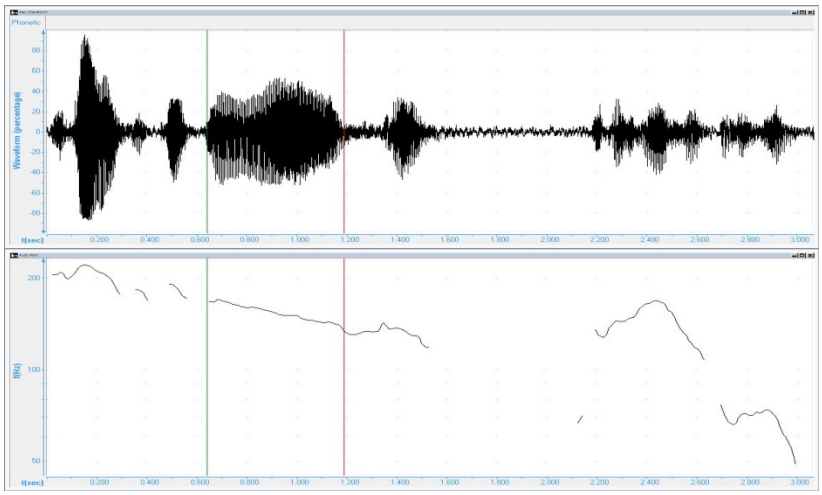


В данном случае мы имеем дело с заполненной паузой хезитации, тональный контур которой находится между курсорами.

Тон в этой паузе незначительно и медленно понижается, остается практически ровным.

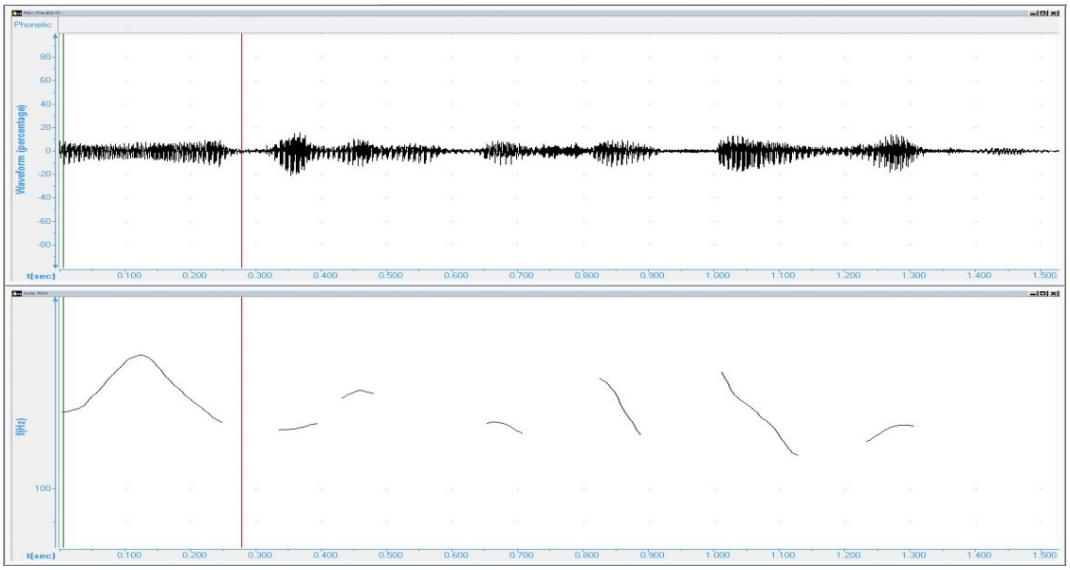
Пауза длится чуть больше 0,5 секунды.

*(3) Ну короче как / **э-э** / обыкновенная хулиганка*



На рисунке запечатлено движение тона в удлиненном гласном [и]. Движение тона в нем восходяще-нисходящее. Союз *и* в данном высказывании длится чуть меньше 0,3 секунды.

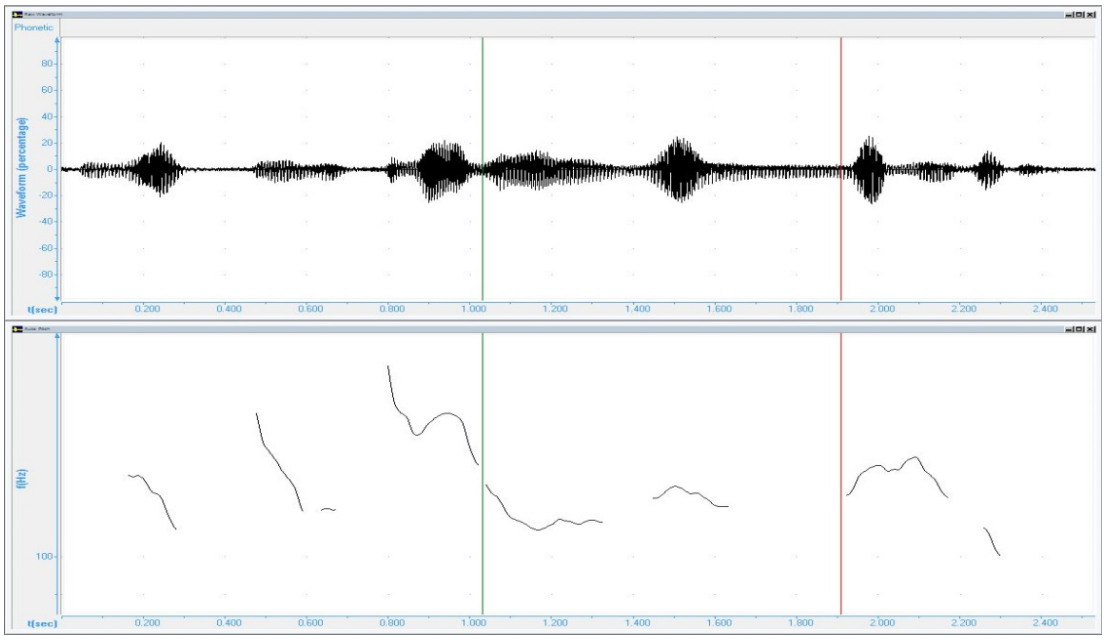
(4) ***И-и*** */ потом, если че, сразу звякну*



Между курсорами на графике изображено удлинение согласного звука [в], допущенное киллером в приведенном примере. Тонограмма фиксирует движение тона в данном звуке, так как он является звонким. Можно заметить, что тон в звуке неровный, тональный контур изрезанный.

Длительность звука приблизительно равна 0,9 секунды.

(5) Я в принципе всю дорогу / ***в-в*** */ одну харю*

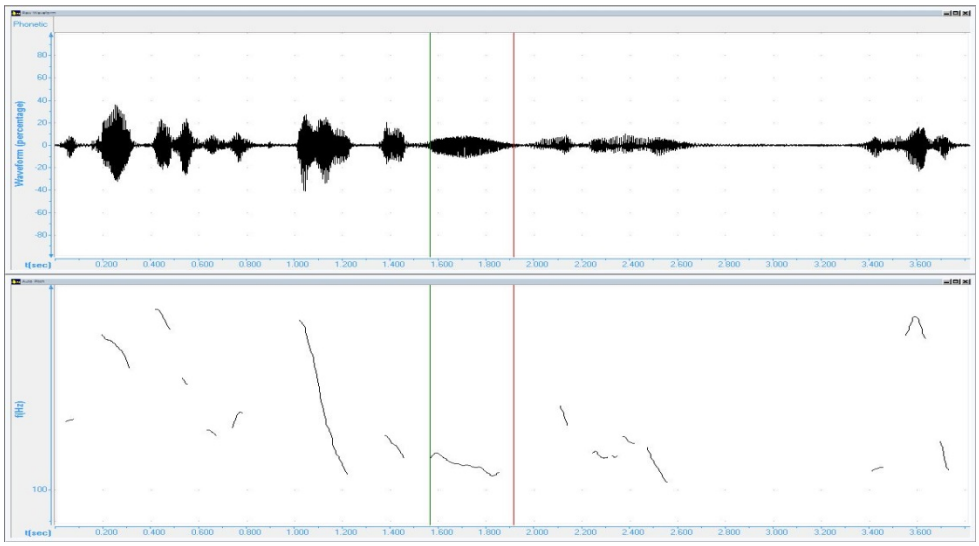


Мы рассмотрели параметры заполненных пауз и удлиненных реализаций фонем в речи киллера. Теперь перейдем к репликам заказчика, чтобы иметь возможность найти различия между маркерами хезитации в речи обоих коммуникантов. Вначале сходным образом охарактеризуем заполненные паузы и удлиненные реализации фонем в высказываниях заказчика.

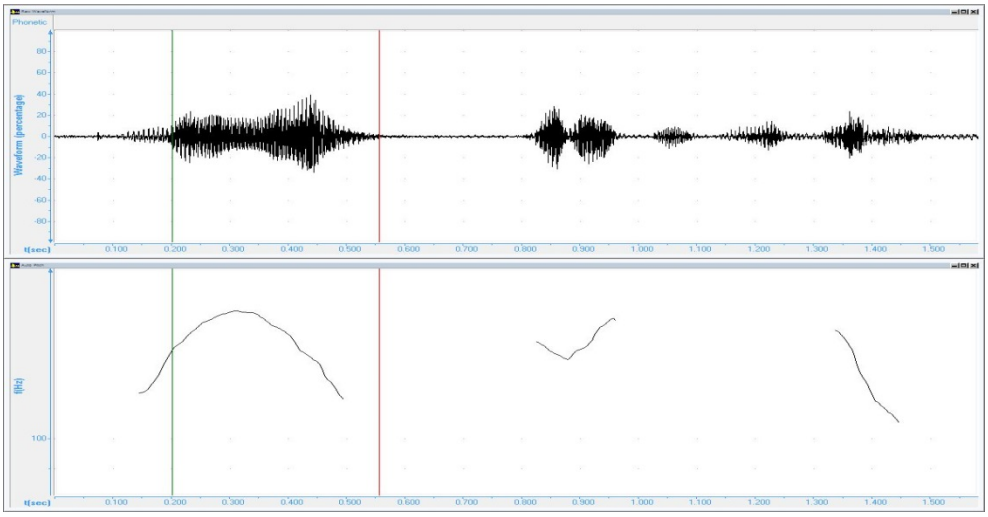
В репликах заказчика удалось обнаружить только одну заполненную паузу хезитации. Она отображается на графике выше. Тон в паузе незначительно понижается, остается практически ровным. Длительность паузы составляет примерно 0,3 секунды.

В данном случае происходит удлинение гласного звука [о], входящего в состав союза *но*. Как мы можем заметить, тонограмма отображает восходяще-нисходящее движение тона в удлиненном гласном, но нисходящее движение тона более значительно. Гласный [о] длится около 0,35 секунды.

*(6) Такая тема, как обстава под / **э-э** / некриминал, возможна?*

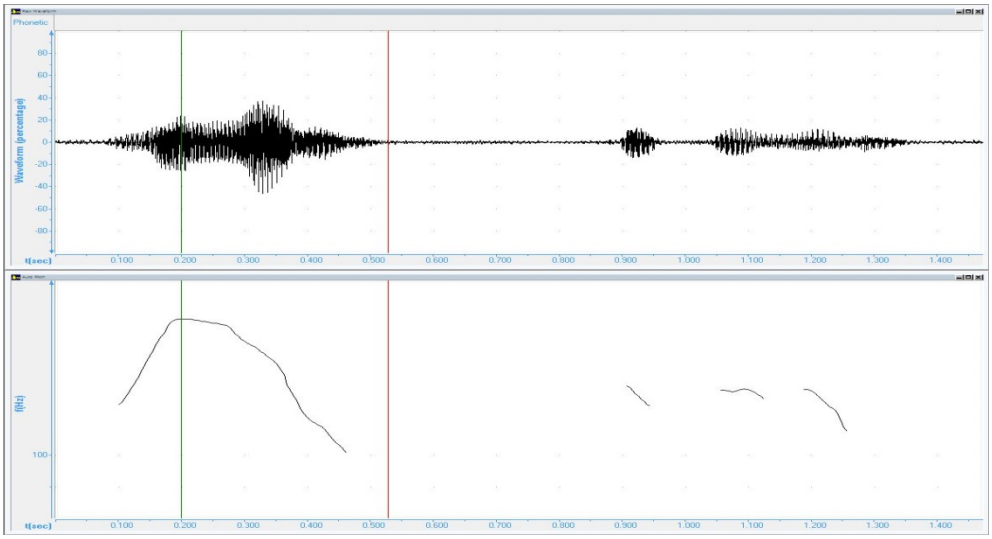


*(7) **Но-о** / торопить не буду*



В приведенном примере снова происходит удлинение конечного гласного: в слове *два* произносится долгий звук [а]. Тон в звуке [а] движется вниз, причем значительно, его конечный уровень ниже тонального уровня начала слога. Длительность рассматриваемого гласного достигает примерно 0,33 секунды.

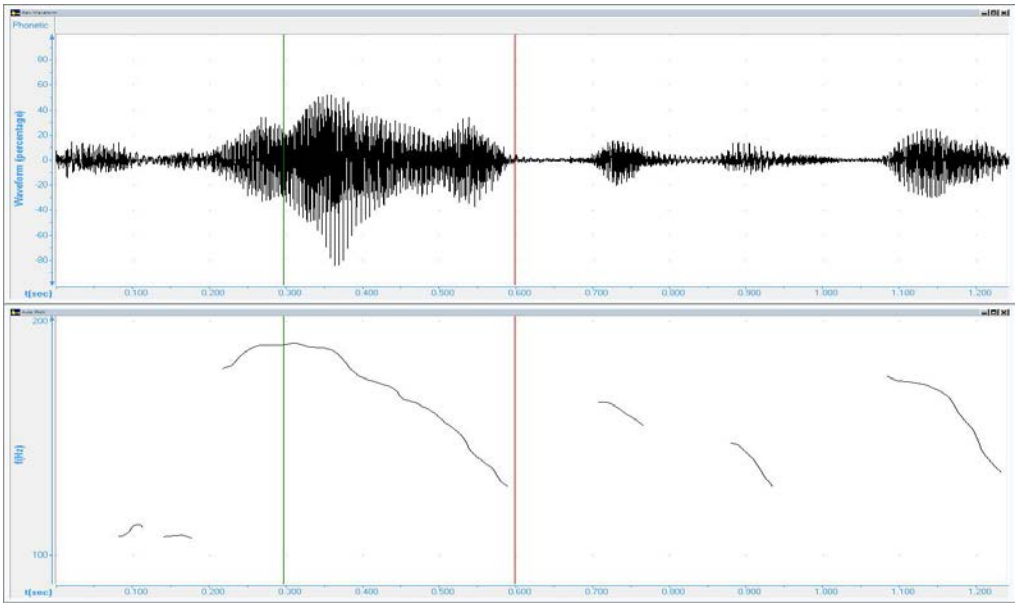
*(8) **Два-а** / пассажира*



В приведенной реплике наблюдаем удлинение гласного звука; заказчик придает долготу звуку [а] в местоимении *я*.

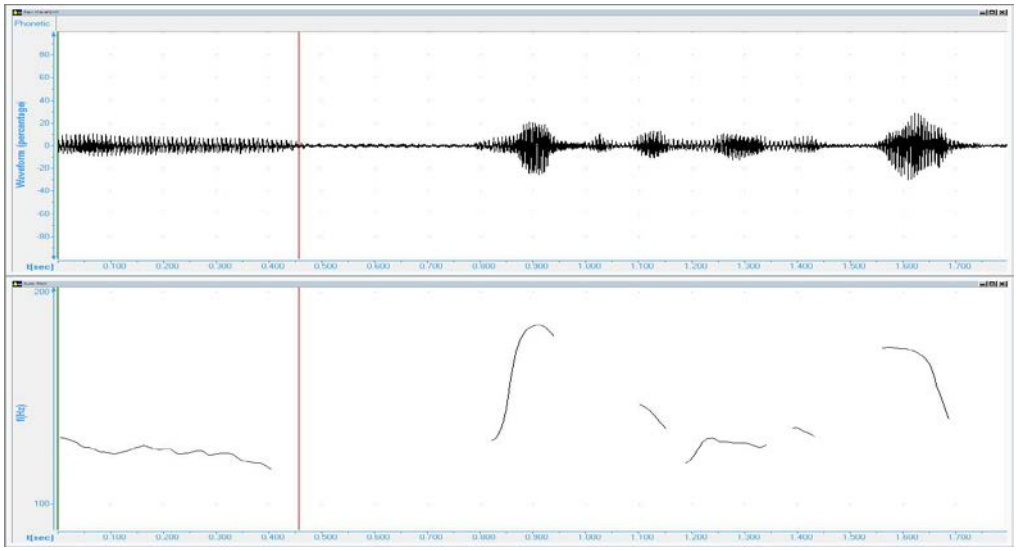
Удлиненный звук характеризуется нисходящим тоном и длится приблизительно 0,3 секунды.

(9) То есть ***я-а*** */ как бы считаю…*



Данный пример демонстрирует удлинение гласного на союзе *и*. Тональной характеристикой удлиненного гласного является ровный, практически без изменений тон. Длительность звука [и] составляет около 0,45 секунды.

(10) ***И-и*** */ Леша как бы объяснял…*



Рассмотрев заполненные паузы и удлиненные реализации фонем, мы можем заметить различия между характеристиками данных маркеров хезитации в речи киллера и в речи заказчика и попробовать объяснить имеющиеся различия.

1. Первое несовпадение касается временного параметра представленных пауз и удлинений. У киллера длительность пауз и удлиненных звуков достаточно разнообразна, демонстрируется довольно большой разрыв между значениями временных показателей (0,65; 0,5; 1,1; 0,9; 0,3). У заказчика отсутствуют большие различия между значениями временных параметров, паузы и удлинения в целом являются более короткими, чем у киллера (почти всегда около 0,3 секунды). Колебания длительности пауз и удлиненных звуков в речи киллера, а также в целом б***о***льшая временная протяженность данных маркеров хезитации являются, на наш взгляд, показателями коммуникативного статуса ведомого. Временные колебания могут говорить об эмоциональной нестабильности говорящего в момент речи, а более длинные, чем у собеседника, сигналы хезитации свидетельствуют о б***о***льших коммуникативных затруднениях, отражающих, как нам кажется, некоторую неуверенность говорящего в общении с собеседником.

2. Второе отличие касается движения тона в паузах и удлиненных реализациях фонем. Как можно заметить, у заказчика тон практически всегда равно-

мерно понижается или даже остается ровным, а у киллера, наряду с ровным тоном, существует неравномерное понижение тона (в два этапа), также тон в гласном может быть восходяще-нисходящим, а в одном случае мы наблюдаем изрезанный тональный контур, т.е. некоторые тональные колебания. Такие тональные показатели могут свидетельствовать об эмоциональной нестабильности киллера во время разговора, о недостатке уверенности и, следовательно, могут служить еще одним доказательством того факта, что киллер характеризуется в рассматриваемом диалоге коммуникативным статусом ведомого.

3. Наконец, последним отличием реплик киллера от реплик заказчика в аспекте представленных в них заполненных пауз и удлинений звуков является наличие удлиненных согласных. Речь здесь идет о щелевых звуках [в], [ф] и [с]. Благодаря тому, что данные звуки артикулируются с помощью создания органами речи щели, возникает возможность их долгого произнесения: органы речи не меняют своего положения и происходит длительное, медленное прохождение через них воздушной струи; иногда в процессе произнесения звука участвуют и голосовые связки, тогда происходит процесс фонации. Долгое произнесение щелевых согласных свойственно в данном диалоге исключительно киллеру. Перечислим высказывания, которые имеются в виду:

*(1) Че / **в-в** / плане-э…* (долгий звук [ф])

*(2) Че там / э-э / **с-с** / преждевременный задаточек.*

*(5) Я в принципе всю дорогу / **в-в** / одну харю.*

Удлиненная реализация фонем в перечисленных примерах допускается на предлогах (*в, с*). По нашему мнению, данные удлинения имеют специфическую природу: они возникают в том случае, когда у говорящего появляется сомнение в уместности или необходимости произнесения той конструкции, которая уже сложилась на этапе внутренней речи. Доказательством этому служит произнесенный предлог, являющийся сигналом того, что грамматическая конструкция на уровне внутренней речи уже сформировалась. Кроме того, в одном из представленных выше высказываний использован звонкий вариант предлога *в* (программа в данном случае фиксирует движение тона), а в другом – глухой вариант того же предлога (программа фиксирует отсутствие фонации). Данный факт свидетельствует о том, что и лексическая структура высказывания в приведенных примерах сформирована на уровне внутренней речи уже в момент произнесения предлога. Артикуляционный аппарат уже приготовился к произнесению звука, являющегося начальным звуком следующего за предлогом слова. Согласно фонетическим законам, в первом высказывании (*Чё / **в-в** / плане-э…*) следующим звуком должен быть глухой согласный, а во втором (*Я в принципе всю дорогу / **в-в** / одну харю*) – звонкий / сонорный согласный или гласный. И в обоих приведенных примерах происходит именно так: в первом случае говорящий произносит вслед за предлогом глухой согласный, а во втором – гласный звук. Таким образом, органы речи при произнесении предлога уже готовы к произнесению следующей лексической единицы, а хезитационное удлинение возникает вследствие сомнения говорящего по поводу приемлемости данного слова или конструкции. В высказывании *Че там / э-э / **с-с** / преждевременный задаточек* такое сомнение приводит к отказу от уже выстроенной в сознании грамматической структуры. Иными словами, киллер пытается контролировать себя, оценивает свои слова с точки зрения их приемлемости в диалоге, т.е. выглядит как более слабый в коммуникативном смысле участник общения. В репликах заказчика, как уже упоминалось ранее, удлинения согласных отсутствуют, а присутствующие удлиненные гласные являются, по-видимому, маркерами поиска. Так, произнося высказывание ***Два-а** / пассажира* заказчик, как кажется, не думает о том, стоит ли ему произносить слово *пассажир*, а просто пытается найти для некоторых объектов подходящую номинацию. По крайней мере, эксплицитные указания на сомнения заказчика по поводу произнесения слова или конструкции в данной реплике мы не находим, как, впрочем, и во всем диалоге.

Итак, рассмотрев присутствующие в речи киллера и заказчика маркеры хезитации, мы показали, какие именно элементы просодии указывают на коммуникативный статус киллера как ведомого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А.А. Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. № 39 (1). С. 70–80.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М. : НЛО, 2002.
3. Николаева Ю.В. Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) // Московский лингвистический журнал. 2004. Т. 8, № 2. С. 89–117.
4. Федорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 98–120.
5. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М. : Языки славянских культур, 2009. 736 с.
6. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 мая 2018 г.

Prosodic Markers of Hesitation in the Context of the Determining of the Speaker's Communicative Status

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 12–18.
DOI: 10.17223/15617793/441/2

Evgenia E. Burova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: abcedik00@yandex.ru

Keywords: communicative status; markers of hesitation; prosody; Speech Analyzer; dialogue; sounding speech.

The article deals with the problem of the relationship of prosodic markers of hesitation and the communicative status of the participant in the dialogue. The aim of the work is to show which specific markers of hesitation and under what conditions express the realization of the status of the slave. The material of the study is a dialogue in Russian, in which one of the interlocutors hires the second as a killer. The material under consideration is a spontaneous oral text recorded on audio media. The text was investigated in the framework of linguistic expertise. In the dialogue analyzed, communicative statuses are set by the situation of communication: it is obvious that the customer takes the lead position and the killer – the position of the slave. However, in such a situation, a nontrivial research task is to characterize the specificity of prosodic hesitation markers in the speech of the communicant who is in the slave position. Therefore, the author reviewed the filled pauses and lengthening of sounds in the killer's speech and compared them with similar hesitation markers in the customer's speech. The data obtained during the analysis can be applied in situations in which the communicative status of the participant in the dialogue is not so obvious. Information about the prosody of the text under consideration was obtained using the Speech Analyzer computer program for the analysis of oral speech. This program allows to trace changes in the pitch contour, the intensity of speech, as well as to describe in detail the pauses in the sounding speech. Prosodic markers are considered here in both quantitative and qualitative aspects. Such an analysis involves the establishment of the duration of the pauses, a detailed description of the movement of the tone in the filled pauses, and a listing of the acoustic properties of elongated phoneme realizations. In the course of the study, the author established that the slave's speech contained a larger number of prosodic hesitation markers than the leader's speech. However, they have a number of specific properties. For example, the duration of pauses and elongated sounds is quite diverse, a rather large gap is shown between the values of temporal indicators (0.65; 0.5; 1.1; 0.9; 0.3). Along with a smooth tone, there is an uneven decrease in tone (in two stages), the tone in a vowel can also be upward-downward, and in one case a rugged tonal contour, i.e. some tonal vibrations, is observed. There are elongated constrictive consonants [v], [f], [s], as well as a change of the tonal contour due to the abandonment of the grammatical structure. All these features, apparently, testify to the speaker's emotional instability and some caution when constructing statements, i.e. reflect the status of the slave given by the communicative situation.

REFERENCES

1. Kibrik, A.A. (2018) Russian multichannel discourse. Part I. Setting up the problem. *Psikhologicheskiy zhurnal – Psychological Journal*. 39 (1). pp. 70–80. (In Russian). DOI: 10.7868/S0205959218010075

2. Kreydlin, G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow: NLO.

3. Nikolaeva, Yu.V. (2004) Illyustrativnye zhesty v ustnom diskurse (tipy, funktsii, kommunikativnoe povedenie) [Illustrative gestures in oral discourse (types, functions, communicative behavior)]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal – Moscow Linguistics Journal*. 8 (2). pp. 89–117.

4. Fedorova, O.V. (2008) Metodika registratsii dvizheniy glaz "Vizual'nyy mir": shans dlya sblizheniya psikholingvisticheskikh traditsiy [Methods of eye movements recording "Visual World": a chance for rapprochement of psycholinguistic traditions]. *Voprosy yazykoznaniya.* 6. pp. 98–120.

5. Kibrik, A.A. & Podlesskay, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: A corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

6. Borisova, I.N. (2009) *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. 3rd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

Received: 01 May 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 19–26. DOI: 10.17223/15617793/441/3

УДК 808:81'27'276

П.А. Катышев, М.А. Осадчий

РЕЧЕВОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: КРИТИЧЕСКОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

Обосновывается критический подход к исследованию речевого вовлечения в деятельность радикальной организации. На примере явления прецедентности как средства контроля над социумом показывается зависимость использования языковых средств от особенностей контекста, стадии инклюзивного воздействия и формы вовлекающей интеракции. Выявлено, что за переосмыслением терминологии традиционного ислама стоит скрытое намерение сформировать у аудитории идеологически окрашенное представление о религии.

Ключевые слова: критические дискурсивные исследования; речевое вовлечение; экстремизм; прецедентные феномены; реконтекстуализация.

Введение. Статья основана на исследовании, проведенном ранее [1] и переосмысленном в свете последующей разработки теории прецедентности и тех перспектив, которые открывает критический дискурс-анализ для ее изучения.

Данная работа продолжает линию критического осмысления проблем, связанных с рассмотрением дискурса как средства навязывания притязаний на власть, и посвящена изучению отдельной дискурсивной практики, в которой религия начинает использоваться для внедрения в общество радикальных идей. Именно в этом плане показательна деятельность организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая, по мнению политолога З. Баран, «играет решающую роль в формировании мусульман, исповедующих радикальную идеологию» [2. С. 68]. По способу культивирования идеологии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» представляет собой группу инклюзивного типа, т.е. такое сообщество, которое, если пользоваться определением М. Олсона, преследует какую-либо цель за счет расширения самой группы [3. С. 34]. Целью рассматриваемой организации выступает возрождение халифата, однако, будучи транснациональной, она вынуждена учитывать свое положение в тех государствах, на территории которых ведет деятельность по распространению политически и идеологически окрашенного ислама. В настоящем исследовании деятельность «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» описывается с учетом ее правового статуса на территории Российской Федерации, где функционирование организации запрещено решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. Этот фактор является, по нашему мнению, решающим при выборе стратегии ее самопродвижения в обществе, а также определяет то особое значение, которое имеет процесс вовлечения для жизнеспособности изучаемой группы.

В данной статье представлен критический анализ вовлечения как такой практики нелегальной группы, которая тесно связана с вербовкой и сплочением аудитории на основе налаживания с ней религиозно-политической интеракции. Критический анализ дискурса вовлечения акцентирует внимание на стратегическом характере тех коммуникативно-семиотических механизмов, которые обеспечивают задачу постепенного вхождения индивида в ряды нелегальной организации. В этом плане переосмысление религиозной терминологии ислама выступает одним из факторов, влияющих на формирование последователей радикальной доктрины. В общем случае такое переосмысление рассматривается как «сопровождаемое трансформацией перемещение какого-либо элемента из одного… дискурса… в другой» [4. С. 154], что в англоязычной лингвистической традиции обозначается термином «реконтекстуализация», а в отечественном языкознании рассматривается в связи с изучением феномена прецедентности как определенного свойства исходного знака и результата его вторичной деривации, причем свойство прецедентности описывает факт ассоциирования знака с неким социальным, культурными, семиотическим и другим явлением, имевшем место ранее и широко известным его носителям [5. С. 118; 6. С. 216]. В рамках данной статьи мы имеем дело с процессом модификации прецедентного термина при его переходе из одной социальной практики в другую, что приводит к обновлению его системных свойств. Социальный характер переосмысления прецедентного феномена подчеркивается в ряде работ (см., например: [7–9]), что позволяет рассматривать ситуацию переозначивания не как нейтральный процесс текстопорождения, а как «акт контроля» [10. С. 76]. Иными словами, трансформация прецедентного феномена относится к решению субъекта, наделенного некоторой властью, присваивать элементы другой дискурсивной практики, пересматривать их, придавать переосмысленному статус легитимности [11. С. 26], наделять собственную репрезентацию таким значением, которое впоследствии становится всеобщим, разделяемым всеми членами сообщества [12. С. 501], ориентиром для упорядочения деятельности, а также для выбора цели и стратегий ее осуществления [8. С. 248; 13. С. 43].

Характеристика базы данных. Данные для исследования взяты из корпуса устных бесед членов «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Корпус формировался из дискурсов, собранных в 2012–2016 гг. на территории Республики Башкортостан на этапе досудебного расследования случаев вовлечения в деятельность названной террористической организации. Все беседы ведутся на русском языке. Для передачи религиозно-политической доктрины организации используются,

как правило, заимствования из арабского языка (арабизмы) типа *дагват*, *зиярат*, *дарис*, *мушриф* и т.д. Во многих случаях фонетическая форма арабизмов является диффузной, например, *зияра́т* || *зиара́т* || *дзияра́т* || *джара́т* || *джейра́т*; *дагва́т* || *дагава́т* || *давва́т* и т.д., что обусловлено, по-видимому, устной традицией общения между членами организации и вовлекаемыми лицами, их недостаточным уровнем владения арабским языком, а также фактором употребления в иной языковой среде, испытывающей, в свою очередь, влияние со стороны нескольких языков – прежде всего, русского, башкирского и татарского.

В корпус включено 30 записей устных бесед общей продолжительностью 60 ч 37 мин и объемом в 267 341 словоупотребление. В ходе работы было выявлено 136 вхождений исследуемой единицы *зиярат* и вариантов ее огласовки в корпус устных бесед (*зиярат* – 97 вхождений, *джарат* – 19, *зиарат* – 16, *джейрат* – 3, *дзиярат* – 1). Сам корпус разбивается на три подкорпуса, которые отражают различные интерактивные формы вовлечения: подкорпус *халакатов* – дискурсов, производимых на обучающих мероприятиях (*халакат* ‘кружок, обучающее мероприятие’), подкорпус *амали* – дискурсов, реализующихся в рамках свободных по форме организационно-обучающих мероприятий, допускающих прием пищи, распитие чая (*амали* ‘братская беседа между участниками кружка’), подкорпус *разное,* состоящий из коллекции разнородных дискурсов, объединенных наличием инструктирующих, разъяснительных, убеждающих, отчетно-обобщающих пассажей и характеризующихся либо невозможностью установить жанровую природу исследуемого фрагмента, либо однократностью появления жанра, представляемого изучаемыми диалогом или полилогом.

Необходимость выделения подкорпусов определяется системной природой вовлечения, детерминирующей употребление языковых средств формой и содержанием интеракции, ее местом и ролью в инклюзивном воздействии, которое расценивается не только как процесс модификации сознания, но и как элемент региональной стратегии, значимой для достижения политической цели организации. Так, установка на расширение и консолидацию сообщества предполагает прохождение таких стадий вовлечения, как «совместное совершение деятельности», «выход на более широкую аудиторию». В дальнейшем обобщения оценочно-аналитического характера выводятся относительно подкорпусов, включающих однородные в жанровом отношении дискурсы (преимущественно по отношению к подкорпусу *халакаты*). Такое ограничение вызвано задачей проследить зависимость использования реконтекстуализованного элемента от формы интеракции, стадии вовлечения и социокоммуникативной ситуации в целом.

Критерии и принципы критического исследования. Современный этап развития дискурсивных исследований характеризуется возрастающей ролью критической методологии в изучении многочисленных коммуникативных практик. При этом само атрибутивное понятие «критический» следует рассматривать в качестве номинального, имеющего предписательный характер, который зависит от исследовательских интересов ряда школ, течений и проектных коллективов.

Так, в одной из первых версий критической герменевтики дискурса – в риторической критике – методология оценивания обеспечивается целым набором критериев, связанных с персуазивными характеристиками коммуникативных артефактов, такими как эффективность, эффектность, этичность, эстетичность речи и т.д. (см., например: [14]).

Продолжение истории критических исследований коммуникации тесно связано с освоением проблематики общественных наук, что предопределяет рассмотрение дискурса в качестве сугубо социального феномена, через который реализуются аспекты неравенства, неравноправия, злоупотребления материальными и нематериальными ресурсами и т.п. (см., например: [15]) или же осуществляется обсуждение и пересмотр социальных, политических, религиозных и других понятий (см., например: [16]). Список критериев, обеспечивающих соответствие исследований статусу критических, также претерпевает определенные изменения, затрагивающие оценку дискурса с точки зрения интересов подчиненных социальных групп [17. С. 24].

Если критические дискурсивные исследования предполагают рассмотрение феномена реализации власти в условиях социальной асимметрии, то исследования в рамках критического жанрового анализа служат прояснению дискурсивных практик и действий, совершаемых в условиях институциональных контекстов: «Критический жанровый анализ – это метод “демистификации” профессиональной практики посредством разбора жанра» [18. С. 18]. Критический статус данных исследований определяется их соответствием установке на уменьшение зазора между умозрительным видением жанров и реальным их функционированием.

В данной работе критический характер исследования сводится к констатации вовлечения как социального феномена, связанного с незаконным использованием власти. По этой причине актуальная трактовка критического аспекта в описании коммуникации удовлетворяет прежде всего критерию наличия нелегальной группы как очага доминирующего дискурса. Кроме того, нелегальный статус группы влияет на характер прозелитической активности ее членов. Поэтому назначение критического подхода к описанию коммуникации видится еще и в перспективе разбора тех форм, через которые воплощаются программные установки радикального сообщества, ведущего свою работу вопреки наложенному на нее официальному запрету.

С учетом обобщаемой дискурсивной практики вовлечения сформулируем следующие методологические принципы исследования:

1) принцип фокусировки на социальных проблемах, таких как злоупотребление религиозной доктриной ислама, расширение сферы влияния нелегальной идеологии, радикализация общества и т.д.;

2) принцип объяснения языковых и дискурсивных форм с позиции социальной и когнитивной детерминант;

3) принцип аналитической оценки вовлечения с точки зрения критериев легальности, социального доминирования, соотнесенности с определенным институциональным контекстом.

Вовлечение как аналитическая категория лингвистики. Несмотря на то, что тема вовлечения – одна из магистральных для классической риторики как искусства публичного воздействия и взаимодействия, сам термин «вовлечение» в качестве аналитической категории, посредством и в аспекте которой изучаются отдельные коммуникативные процессы, состояния и явления, вошел в активный научный оборот в начале 80-х гг. XX в. благодаря исследованиям в области интеракциональной социолингвистики и дискурс-анализа. Кроме того, термином «вовлечение» успешно пользуются в ряде гуманитарных и общественных наук (в юриспруденции, экономике, политологии, социологии, психологии, педагогике, философии). Существенным представляется также то, что категория вовлечения может выступать как отдельный элемент стратегии социального агента, например носителя политической, религиозной, экономической идеологии. Такое разнообразие эпистемических контекстов делает искомое понятие ситуативно вариабельным.

Так, в лингвистике получил развитие ряд направлений исследования вовлечения. Интеракциональная социолингвистика соотносит понятие вовлечения с готовностью и способностью субъектов принимать активное участие во взаимодействии на основе общих, разделяемых языковых и социокультурных знаний и имеет дело с наблюдаемым состоянием нахождения в интеракции, отличным от простого совместного присутствия [19]. В дискурс-анализе вовлечение – это один из функционально-языковых параметров, характеризующий такой семиотически маркированный тип участия в коммуникативном событии, который предполагает по преимуществу наличие между собеседниками непосредственного контакта во времени и пространстве [20, 21], некоей связи, достигаемой людьми в общении и соединяющей их с событиями и обстоятельствами [22]. В этнографии речи вовлечение как тип эмоциональной связи рассматривается прежде всего через национально и социально маркированные формы взаимодействия [23]. Становление критического подхода приводит к исследованию вовлечения как несимметричного процесса, осуществляемого в дискурсивных формах членами ингрупп как по отношению к самим себе, так и по отношению к членам аут-групп. В таком процессе сторона-инициатор формирует и приводит в действие готовность участников интеракции к совершению согласованных поступков, актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых социальных обязательств и интеракциональных конвенций, разделения ответственности с группой и т.д. При этом вовлекаемые лица могут быть доведены до состояния осознанного совершения таких поступков, которые квалифицируются как противоправные деяния.

Моделирование вовлечения в деятельность радикальной организации. Асимметрия социальных позиций особенно ощущается при рассмотрении таких дискурсивных практик, которые применяются агентами нелегальных организаций в отношении управляемой аудитории. В этом случае движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, ее стремление сформировать последователей и лояльно настроенных лиц; само же вовлечение может стать предметом правового преследования, причем основаниями для его возбуждения служат соответствующие статьи уголовного кодекса.

Юридическая практика использования концепта «вовлечение», сложившаяся в России, указывает на то, что это не столько речевой, сколько социальный феномен. В российском криминальном законодательстве понятийным ядром категории вовлечения выступает идея о целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния [24]. При этом не исключается, что формирование будущего члена доминирующей группы может быть реализовано и дискурсивным путем.

Разнообразие дискурсов вовлечения, используемых радикальной организацией, позволяет сформулировать ряд положений, которые учитываются нами при проведении критического исследования.

1. Вовлечение в деятельность радикальной организации – это социальный фрейм, аккумулирующий вокруг себя сумму представлений о структуре и системе знаний, необходимую для определения, усвоения и применения доктрины сообщества, а также для отбора и воспроизводства дискурсивных способов ее реализации.

2. Вовлечение, как спланированный процесс, постепенно, т.е. проходит через ряд стадий.

3. Вовлечение ситуативно, т.е. зависит от общего социального, культурного, религиозного контекста, от группы, положения ее членов, их ролей, от форматов коммуникации, форм общения и некоторых других обстоятельств.

4. Вовлечение – не одноразовая акция, а то, как обычно поступают члены организации, обеспечивая постоянство и жизнеспособность объединения.

С учетом выдвинутых положений в модели вовлечения можно выделить несколько уровней (слотов) представления исследуемой дискурсивной практики.

Особенности социокоммуникативного контекста. Вовлечение зависит от некоторого множества «внешних» параметров, в частности от программы, идеологии, устройства, правового статуса сообщества, его типа с точки зрения отношения к членству в группе, его сознательного подхода к культивированию и применению технологий расположения, склонения, вербовки и агитации.

С этих позиций организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – это такой агент вовлечения, деятельность которого в России запрещена из-за пропаганды радикальной идеологии через обращение к идеям ислама; об этой организации см., например, в: [25–27]. Основная цель партии – возвращение былого господства ислама через возрождение халифата, а долг каждого мусульманина – работа по возрождению этого госу-

дарства, которое несло бы послание ислама всему миру. В соответствии с ее доктриной эту задачу следует начинать с проведения исламского призыва с целью возрождения исламского образа жизни во всех мусульманских странах. Вместе с тем планы «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» имеют больший масштаб, поскольку халифат представляется скорее в виде транснационального государства, границы которого выходят за пределы стран с традиционно исламским вероисповеданием. Для построения халифата основателями партии была предложена стратегия трех этапов: на первом этапе партия вербует членов, вовлекая их в интеллектуальный и политический диалог; на втором этапе она работает для закрепления ислама в жизни государства и общества, привлекая на свою сторону представителей власти; на третьем этапе она претворяет ислам посредством создания халифата [27. С. 318]. Согласно исследованию Гудзоновского института, по прошествии более полувека планы организации не изменились, однако ее функционирование очень сильно зависит от региональных условий [28. С. 1–2]. Так, в России, где организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» запрещена, а члены преследуются по закону, ее деятельность, по-видимому, не продвинулась дальше начального этапа, поэтому основные усилия данного сообщества направлены на объединение людей вокруг своей идеологии. В этом плане одна из основных обязанностей членов организации – несение призыва – репрезентируется арабизмом *дагват*, имеющим отношение к истории ислама и традиционно обозначающим пропаганду данной религии [29. С. 111–112]. При попадании в дискурс радикальной организации это слово реконтекстуализируется и приобретает более узкий смысл: *делать дагват* означает ‘вовлекать в организацию на основе призыва либо принять ислам, либо соблюдать законы ислама’.

Стадии реализации инклюзивного воздействия. Вовлечение в деятельность радикальной организации требует контроля активности аудитории и характеризуется постепенностью своего воплощения, переходом от стадии включения в сообщество к стадиям, предполагающим личную инициативу его членов (т.е. самововлечение). Таким образом, вовлечение как процесс изменения состояний и установок вовлекаемых лиц может быть описано либо с точки зрения присвоения и применения объектами вовлечения идеологии организации [30], либо с позиции взаимодействия организации с обществом как реальным и потенциальным источником единомышленников, новых адептов и стейкхолдеров.

В последнем случае речевое вовлечение представляет собой процесс несимметричного взаимодействия ин-группы с аут-группой и складывается из этапов: (1) формирования сообщества, (2) совместного совершения деятельности членами сообщества, имеющими разную степень вовлеченности, (3) совместного созидания образа организации, в том числе и за счет лояльно настроенных лиц, (4) выхода на более широкую аудиторию.

Дискурсивный строй. Описание дискурсивного строя практики вовлечения в деятельность нелегальной организации осуществляется в ходе рассмотрения и оценки выбора их участниками (1) фактур общения (устной / письменной / цифровой, непосредственной / опосредованной, реальной / виртуальной коммуникации) > (2) жанровых форм > (3) средств их реализации. При этом коммуникативно-семиотические механизмы кодирования инклюзивной интенции демонстрируют такую иерархическую организацию актов общения, за счет которой речевые стратегии вовлекателя и вовлекаемого обеспечиваются совокупностью конститутивных элементов: пассажами, текстовыми макростратегиями, локальными речевыми актами, локальными значениями и передающими их лексическими единицами, грамматическими формами и средствами локального синтаксиса, явлениями внутри- и межсловной деривации и т.д.

«Нулевая трансформация» прецедентного феномена как предмет критического исследования. С позиции предлагаемой модели вовлечения рассмотрим явление «нулевой транспозиции» как явления «нового прочтения» в контексте заимствующей дискурсивной практики формально неизмененного прецедентного феномена [5. С. 127], что репрезентируется системой лексико-семантических вариантов слова *зиярат*.

Следует особо отметить, что решение о реконтекстуализации исследуемого элемента *зиярат* (из-за его отсутствия в глоссариях, представляющих терминосистему радикальных исламистских идеологий; например, в: [26. С. 164; 31. С. 75]) принималось на основе сопоставления актуализованного в дискурсах смысла с толкованием концепта *зиярат*, данным в источниках, отражающих официальную доктрину ислама. В частности, учитывалась информация из энциклопедического словаря «Ислам» [29. С. 77, 151].

Согласно данным этого словаря, *зийара*, *зиярат* – это концепт, описывающий паломничество к могилам пророков, святых, шиитских имамов, а в Северной Африке – к живым суфийским шейхам; кроме того, он подразумевает еще и посещение мест захоронения человека [Там же]. Контексты словоупотребления арабизма *зиярат* и его огласовок указывают на трансформацию исходного значения, реконтекстуализацию единицы при переходе из сугубо религиозной сферы в идеолого-религиозную (рис. 1).

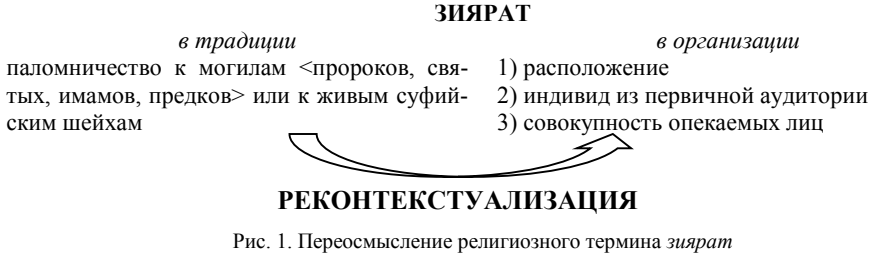


Рис. 1. Переосмысление религиозного термина *зиярат*

По корпусу наиболее информативных употреблений можно понять, что у единицы *зиярат* актуализуется несколько значений, противопоставленных по признаку *отвлеченности-конкретности-собирательности*, а именно:

– *зиярат*$_1$ ‘процесс работы с первичной аудиторией; расположение’: *Главное/ дагват делать целый день// Не так/ что там на улице с кем-то стоял/ пару слов кинул// Я вижу/ что* ***зиярат*** *либо со своим/ либо с братьями всеми по-любому надо сделать//*;

– *зиярат*$_2$ ‘индивид из первичной аудитории, подвергаемый целенаправленному вовлечению в организацию’: *С этим общаешься/ с этим общаешься/ с этим/ с этим/ с этим// Общаешься// И в итоге/ пару* ***зияратов*** *нормально выходит//*;

– *зиярат*$_3$ ‘совокупность лиц – тех, кого опекает человек, осуществляющий вовлечение в организацию’: *Вот Айрата/ можно из* ***дзиярата*** *не планировать пока// Потому что/ во-первых/ ему надо доступно донести наилучшим образом ислам/ как исполнять// И если начнет исполнять// А потом видно будет//*.

Актуализованные значения, демонстрируемые фрагментами из дискурса *халакатов*, подтверждаются также подкорпусом дискурсов *амали*.

Таким образом, приведенные контексты употребления единицы *зиярат* позволяют сделать следующие выводы об особенностях вовлечения, свойственного «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

1. Семантическое изменение исходного элемента можно квалифицировать как один из частных случаев реконтекстуализации – нулевую транспозицию, представляющую собой переход религиозного термина в разряд выражения, используемого социально обособленной группой в своих целях.

Данный семиотический переход имеет прямое отношение к репрезентации доминантной манеры вовлечения. Асимметричность интерперсональных отношений усматривается в том, что:

(а) в реконтекстуализированной номинации, в отличие от ее источника, акцентированными оказываются именно деятельность и лица, на которые эта деятельность направлена (т.е. прецедентный феномен индексирует отдельные составляющие начальной стадии вовлечения, имеющие отношение к вербовке первичной аудитории);

(б) подменяя традиционный смысл религиозного термина, инициаторы обучения ограничивают у адресатов горизонты восприятия доктрины ислама, попутно формируя круг посвященных, по речи которых можно установить степень принадлежности к сообществу.

2. Многозначность элемента *зиярат* развивается по пути концептуализации прецедентным феноменом самой ситуации работы членов сообщества с первичной аудиторией. В то же время многозначность употребления снимается ближайшим вербальным контекстом (предложением или словосочетанием). В таких случаях неравноправие сторон вовлекающей интеракции, воспроизводимое руководителем халаката, а также другими инициаторами воздействия (например, авторами изучаемых на халакате брошюр), репрезентируется:

(а) через императивное подчеркивание действий, вменяемых в обязанность членам организации: *…зиярат*$_1$ *либо со своим/ либо с братьями всеми по-любому* <u>*надо*</u> *сделать//*;

(б) через отношение к ним как к: объектам целенаправленного воздействия (*…я зиярату*$_2$ <u>*звоню*</u>; *…джарату*$_2$ *ты* <u>*говоришь*</u>*/ надо читать нормально намаз*), результатам приложенных усилий (*И в итоге/ пару зияратов*$_2$ *нормально* <u>*выходит*</u>*//*), носителям состояний, контролируемых извне (*Зиярат*$_2$ */ это тот человек/ который* <u>*готов слушать*</u> *тебя//*), объектам владения (*Ну так планируешь/ что* <u>*один у тебя*</u> *с работы зиярат//*; <u>*У нас*</u> *раньше/* <u>*тридцать было*</u> *зияратов*$_2$*//*), контролируемому извне ресурсу (*Вот Айрата/ можно* <u>*из*</u> *дзиярата*$_3$ <u>*не планировать пока*</u>*//*; *Поэтому вначале/ лучше зиярат*$_3$ *искать* <u>*среди знакомых*</u>*/*);

(в) через приписывание вовлекаемым негативных поступков (*…я зиярату*$_2$ *звоню/ не получилось/* <u>*обламывают*</u>*/* <u>*обламывают*</u>*//*);

(г) через изображение членов организации в качестве субъектов целенаправленного воздействия или же в качестве тех, кто владеет вовлекаемыми (*Один* <u>*у тебя*</u> *с работы зиярат*$_2$*//*; <u>*У нас*</u> *раньше/ тридцать было зияратов*$_2$*//*).

Таким образом, представления о характере взаимодействия демонстрируют особенности иерархии, установленной в организации. В ней наделенность властью тесно связана с активностью и директивностью агента, с его правом владеть и распоряжаться человеческими ресурсами, а также с его способностью целенаправленно создавать события *зиярата*. Отсутствие власти коррелирует с пассивностью контрагента.

3. Употребление прецедентного феномена *зиярат* в коммуникативных актах служит дополнительным аргументом в пользу отношений доминирования. Приведенный выше корпус текстовых фрагментов из дискурса халакатов указывает нам на то, что в качестве ведущих способов реализации власти выступают инструктирующие и объяснительные пассажи. Иными словами, налицо как раз такие формы речевого воздействия, с помощью которых, с одной стороны, осуществляется управление поведением адресата, призванного осуществлять зиярат, а с другой – формирование у собеседника определенного ценностного отношения к неосвоенному организацией социуму, рассматриваемому в качестве ресурса для пополнения ее рядов.

4. Использование прецедентного феномена *зиярат* отсылает к программным установкам «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», в свете которых построение халифата невозможно без формирования постоянно пополняемого сообщества. Однако статус нелегальности накладывает определенный отпечаток на отношение сообщества к одному из традиционных терминов ислама. В ходе регулярных обучающих интеракций он используется как средство манипуляции сознанием, через которое добиваются исполнения необходимых поступков, касающихся вербовки первичной аудитории. Суть такой манипуляции состоит в проведении через каноничную языковую оболочку термина со-

вершенно иного смысла, ограничивающего восприятие доктрины ислама идеологией радикально настроенного сообщества.

Заключение. Понимание речевого вовлечения как комплексного – социального, когнитивного и собственно дискурсивного – феномена позволило обратить внимание на отдельные стороны деятельности «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Исследование подтвердило зависимость функционирования сообщества от региональных условий, в которые оно поставлено. Находясь в России под запретом, организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» вынуждена сосредоточивать усилия на первоначальном этапе построения халифата, т.е. на этапе дагвата (агитации, включающей в себя элементы вовлечения). Дополнительным аргументом в пользу ее установки на расширение влияния служит активное использование в обучающих и мотивирующих практиках концепта *зиярат* (расположение, вовлечение первичной аудитории) как самостоятельной идеологической категории.

Применение критической методологии исследования помогло эксплицировать манеру вовлечения, свойственную изучаемой радикальной организации. На стадии совместного совершения деятельности (в частности, на халакате) носители доктрины придерживаются в большей степени манипулятивной стратегии, базирующейся на неявной подмене традиционного исламского термина его суррогатом. В этом плане реконтекстуализация одного из понятий ислама – понятия *зиярат* – показывает, что за его семантическим видоизменением стоит скрытая попытка доминирующей группы сформировать идеологически окрашенное представление об исламе. Поэтому закономерно предположить, что активное использование любых других арабизмов в дискурсе организации может поддерживаться преобразованием по принципу «нулевой транспозиции», а потому требует внимательного отношения со стороны интерпретатора.

Представленный анализ доказывает важность учета прецедентности при проведении критического дискурсивного исследования, поскольку благодаря ему переосмысление заимствуемых элементов в контексте заимствующих дискурсивных практик рассматривается с позиции контролирующего социального субъекта, в задачу которого входит институционализация, а следовательно, и признание (легитимация) в глазах (со)общества.

Поиск нелегальными группами «точек доступа» для общения с аудиторией приводит к расширению того инструментария, который используется с целью установления общественного контроля. В этом плане прецедентность не стала исключением. С одной стороны, многообразие ее проявлений – следствие смешения нескольких дискурсивных практик (деятельность исследуемой радикальной организации показывает, что в рамках ее идеологического дискурса соединяются и сосуществуют религиозный, дидактический, экономический, политический, маркетинговый и др. дискурсы). На увеличение прецедентных феноменов, их разновидностей и механизмов переосмысления также оказывает влияние тенденция к усилению (социо)медиатизации, за счет которой контролирующий субъект адаптирует свою дискурсивную практику к тем возможностями, которые имеют современные СМИ и социальные сети для продвижения разнообразного (в том числе и гетерогенно организованного) контента, контроля за его распространением, получения обратной связи от аудитории. Поэтому особый статус приобретают те критические исследования, которые обращают внимание на функционирование прецедентных феноменов, осложняющих поликодовые и мультимодальные тексты. Усматриваемый за этими текстами усиленный воздействующий эффект [32, 33] нуждается в дополнительной проверке не только посредством мониторинга состояния их просмотров, но и экспериментальным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катышев П.А., Кильдибекова Б.Е. Вовлечение с позиции риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 4. С. 89–96.
2. Baran Z. Fighting the war of ideas // Foreign Affairs. 2005. № 84 (6). P. 68–78.
3. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М. : Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
4. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // Text. 1998. № 18 (2). P. 143–157.
5. Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117–137.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
7. Bernstein B. Pedagogy, symbolic control and identity: Theory, research, critique. Lanham: Rowman & Littlefield, 1996. 256 p.
8. Linell P. Rethinking language, mind, and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 482 p.
9. Richardson J.E., Wodak R. Recontextualising fascist ideologies of the past: Right-wing discourses on employment and nativism in Austria and the United Kingdom // Critical Discourse Studies. 2009. № 6 (4). P. 251–267.
10. Bauman R., Briggs C.L. Poetics and performance as critical perspectives on language and social life // Annual Review of Anthropology. 1990. № 19. P. 59–88.
11. Oddo J. Precontextualization and the rhetoric of futurity: Foretelling Colin Powell's UN address on NBC News // Discourse and Communication. 2013. № 7 (1). P. 25–53.
12. Hodges A. The politics of recontextualization: Discursive competition over claims of Iranian involvement in Iraq // Discourse & Society. 2008. № 19 (4). P. 483–505.
13. Semino E. et al. Metaphor, Genre, and Recontextualization // Metaphor and Symbol. 2013. № 28 (1). P. 41–59.
14. Смолененкова В.В. Основы риторической критики. М., 2018. 192 с.
15. Fairclough N.L., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as Social Interaction / ed. by T.A. van Dijk. London : SAGE, 1997. P. 258–284.
16. Krzyżanowski M. Recontextualisation of neoliberalism and the increasingly conceptual nature of discourse: Challenges for critical discourse studies // Discourse & Society. 2016. № 27 (3). P. 308–321.
17. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
18. Bhatia V.K. Critical genre analysis: theoretical preliminaries // Hermes – Journal of Language and Communication in Business. 2015. № 54. P. 9–20.
19. Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 225 p.

20. Chafe W.L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy / ed. by D. Tannen. Norwood : Ablex, 1982. P. 35–53.
21. Chafe W., Danielewicz J. Properties of spoken and written language // Comprehending Oral and Written Language / ed. by R. Horowitz, F.J. Samuels. N.Y. : Academic Press, 1987. P. 83–113.
22. Tannen D. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. X. 223 p.
23. Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 1994. № 22. P. 279–299.
24. Селиванова М.А. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Известия Байкальского государственного университета. 2010. № 2 (70). С. 146–149.
25. Ахмадуллин А.С. Идеология «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – угроза основам конституционного строя и безопасности России // Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. Т. 1. С. 135–141.
26. Ahmed H., Stuart H. Hizb ut-Tahrir: Ideology and Strategy. London : The Centre for Social Cohesion, 2009. 167 p.
27. Karagiannis E., McCauley C. Hizb ut-Tahrir al-Islami: Evaluating the threat posed by a radical islamic group that remains nonviolent terrorism and political violence // Terrorism and Political Violence. 2006. № 18 (2). P. 315–334.
28. Whine M. Is Hizb ut-Tahrir Changing Strategy or Tactics? Center for Eurasian Policy Occasional Research I(1). Washington, DC : Hudson Institute, 2006. 11 p.
29. Ислам : энциклопедия. М. : Наука, 1991. 315 с.
30. Хазимуллина Е.Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. XII, ч. 3. С. 453–469.
31. Musawi M.A. Cheering for Osama: How Jihadists Use Internet Discussion Forums. London : Quilliam, 2010. 80 p.
32. Мардиева Л.А. Коды визуального поведения и ассоциированные с ними смыслы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. 1. С. 126–130.
33. Filardo-Llamas L. Re-contextualizing political discourse // Critical Discourse Studies. 2015. № 12:3. P. 279–296.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2018 г.

Speech Involvement in the Activity of a Radical Community: A Critical Discursive Study of Precedence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 19–26.
DOI: 10.17223/15617793/441/3

Pavel A. Katyshev, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: katpa@rambler.ru
Mikhail A. Osadchiy, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: MAOsadchiy@pushkin.institute

Keywords: critical discourse studies; speech involvement; extremism; precedent phenomena; recontextualization.

The article substantiates a critical approach to the study of speech involvement in the activities of a radical organization (evidence from “Hizb ut-Tahrir al-Islami”). On the example of the precedent phenomenon “ziyarat” as a means of control over society, the dependence of the use of language means on the features of the general context, the stage of inclusive impact and the form of involving interaction is shown. It is revealed that behind the rethinking of the terminology of traditional Islam there is a hidden intention to form an ideologically colored idea of religion in the audience. The analyzed contexts of the use of the “ziyarat” unit allow the authors to draw the following conclusions about the features of involvement peculiar to “Hizb ut-Tahrir al-Islami”. (1) The semantic change of the initial element “ziyarat” can be qualified as one of the special cases of recontextualization – zero transposition, which is the transition of a religious term to the category of expression used by a socially separate group for its own purposes. (2) The polysemy of the “ziyarat” element develops along the path of conceptualizing the semantic derivation of the very situation of the work of members of the community with the primary audience. The ideas of the nature of the interaction, given the tone of the requirements to the addressee, as well as the means of designation of the primary audience, demonstrate the features of the hierarchy established in the organization. In it, authority is closely connected with the activity and directive of the agent, with his right to own and dispose of human resources, as well as his ability to purposefully create the events of *ziyarat*. The lack of power correlates with the passivity of the counterparty. (3) The use of the “ziyarat” item in communicative acts serves as an additional argument in favor of relations of domination. Instructing and explanatory passages serve as the leading means of realizing power. It is precisely such forms of speech influence with which, on the one hand, the behavior of the addressee, designed to carry out the ziyarat, is controlled, and, on the other hand, a certain value attitude to the undeveloped society by the organization, considered as a resource for replenishing its ranks, is formed. (4) The use of the “ziyarat” unit as a precedent phenomenon refers to the program settings of “Hizb ut-Tahrir al-Islami”, in the light of which the construction of the caliphate is impossible without the formation of an ever-replenishing community. The status of illegality leaves a certain imprint on the attitude of the community to one of the traditional terms of Islam. In the course of regular learning interactions, it is used as a means of manipulating the consciousness, through which the necessary acts for recruiting the primary audience are sought. The essence of such manipulation consists in carrying through the language the shell of a term of a completely different meaning limiting the perception of the doctrine of Islam by the ideology of a radicalized community.

REFERENCES

1. Katyshev, P.A. & Kil’dibekova, B.E. (2015) Involvement from the standpoint of rhetorical criticism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (64):4. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-4-89-96
2. Baran, Z. (2005) Fighting the war of ideas. *Foreign Affairs*. 84 (6). pp. 68–78. DOI: 10.2307/20031777
3. Olson, M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Translated from English. Moscow: Fond ekonomicheskoy initsiativy.
4. Linell, P. (1998) Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse. *Text*. 18 (2). pp. 143–157.
5. Vysotskaya, I.V. (2013) The controversial questions of the theory of precedent. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 1 (18). pp. 117–137. (In Russian).
6. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
7. Bernstein, B. (1996) *Pedagogy, symbolic control and identity: Theory, research, critique*. Lanham: Rowman & Littlefield.
8. Linell, P. (2009) *Rethinking language, mind, and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.

9. Richardson, J.E. & Wodak, R. (2009) Recontextualising fascist ideologies of the past: Right-wing discourses on employment and nativism in Austria and the United Kingdom. *Critical Discourse Studies*. 6 (4). pp. 251–267. DOI: 10.1080/17405900903180996

10. Bauman, R. & Briggs, C.L. (1990) Poetics and performance as critical perspectives on language and social life. *Annual Review of Anthropology*. 19. pp. 59–88.

11. Oddo, J. (2013) Precontextualization and the rhetoric of futurity: Foretelling Colin Powell's UN address on NBC News. *Discourse and Communication*. 7 (1). pp. 25–53. DOI: 10.1177/1750481312466480

12. Hodges, A. (2008) The politics of recontextualization: Discursive competition over claims of Iranian involvement in Iraq. *Discourse & Society*. 19 (4). pp. 483–505. DOI: 10.1177/0957926508089940

13. Semino, E. et al. (2013) Metaphor, Genre, and Recontextualization. *Metaphor and Symbol*. 28 (1). pp. 41–59. DOI: 10.1080/10926488.2013.742842

14. Smolenenkova, V.V. (2018) *Osnovy ritoricheskoy kritiki* [Fundamentals of rhetorical criticism]. Moscow: Infra-M, Forum.

15. Fairclough, N.L. & Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: Dijk, T.A. van. (ed.) *Discourse as Social Interaction*. London: SAGE.

16. Krzyżanowski, M. (2016) Recontextualisation of neoliberalism and the increasingly conceptual nature of discourse: Challenges for critical discourse studies. *Discourse & Society*. 27 (3). pp. 308–321. DOI: 10.1177/0957926516630901

17. Dijk, T.A. van. (2013) *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow: LIBROKOM.

18. Bhatia, V.K. (2015) Critical genre analysis: theoretical preliminaries. *Hermes – Journal of Language and Communication in Business.* 54. pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlcb.v27i54.22944

19. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.

20. Chafe, W.L. (1982) Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. In: Tannen, D. (ed.) *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy*. Norwood: Ablex.

21. Chafe, W. & Danielewicz, J. (1987) Properties of spoken and written language. In: Horowitz, R. & Samuels, F.J. (eds) *Comprehending Oral and Written Language*. N.Y.: Academic Press.

22. Tannen, D. (2007) *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.

23. Besnier, N. (1994) Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal. *Journal of Pragmatics*. 22. pp. 279–299.

24. Selivanova, M.A. (2010) About the term of juvenile involvement in the commission of crime. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Baikal State University*. 2 (70). pp. 146–149.

25. Akhmadullin, A.S. (2015) [Hizb ut-Tahrir al-Islami ideology as a threat to the fundamentals of the constitutional system and security of Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii* [Legal state: problems of understanding and implementation]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Ufa: Bashkir State University. pp. 135–141. (In Russian).

26. Ahmed, H. & Stuart, H. (2009) *Hizb ut-Tahrir: Ideology and Strategy*. London: The Centre for Social Cohesion.

27. Karagiannis, E. & McCauley, C. (2006) Hizb ut-Tahrir al-Islami: Evaluating the threat posed by a radical islamic group that remains nonviolent terrorism and political violence. *Terrorism and Political Violence*. 18 (2). pp. 315–334. DOI: 10.1080/09546550600570168

28. Whine, M. (2006) *Is Hizb ut-Tahrir Changing Strategy or Tactics?* Washington, DC: Hudson Institute.

29. Petrosyan, M.B. et al. (1991) *Islam: entsiklopediya* [Islam: Encyclopedia]. Moscow: Nauka.

30. Khazimullina, E.E. (2016) Mekhanizm rechevogo vovlecheniya v deyatel'nost' ekstremistskikh organizatsiy [The mechanism of speech involvement in the activities of extremist organizations]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. XII (3). pp. 453–469.

31. Musawi, M.A. (2010) *Cheering for Osama: How Jihadists Use Internet Discussion Forums.* London: Quilliam.

32. Mardieva, L.A. (2014) Visual behavior codes and meanings associated with them: Problem setting. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (33):1. pp. 126–130. (In Russian).

33. Filardo-Llamas, L. (2015) Re-contextualizing political discourse. *Critical Discourse Studies*. 12:3. pp. 279–296. DOI: 10.1080/17405904.2015.1013478

Received: 20 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 27–33. DOI: 10.17223/15617793/441/4

УДК 821.161.1

А.С. Лукашкин

ПЕРЕВОДЫ РОМАНОВ ПОНСОНА ДЮ ТЕРРАЙЛЯ О РОКАМБОЛЕ В ПАРОДИЯХ А.П. ЧЕХОВА 1880-х гг.

Устанавливается связь пародийного аспекта раннего творчества А.П. Чехова с переводами на русский язык романов о Рокамболе французского фельетониста Понсона дю Террайля. Формируется корпус упоминаний Понсона дю Террайля и его цикла о Рокамболе в текстах Чехова 1880-х гг. На основе составленного корпуса и контекстного анализа прослеживаются семантические особенности употребления слов «рокамболь» и «червонный валет» в пародийном изломе.

Ключевые слова: русская литература XIX в.; А.П. Чехов; пародия А.П. Чехова; французская литература XIX в.; французский роман-фельетон; Понсон дю Террайль; Рокамболь.

Введение. Чехов-пародист и французская литература

Исследователи неоднократно обращались к пародийному аспекту в раннем творчестве А.П. Чехова [1–4]. На протяжении шести лет, с 1880 по 1886 г., Чехов оттачивал свое мастерство в пародийном жанре: треть написанного им в это время – пародии и юморески [4. С. 12, 80].

Особым ориентиром в формирующемся творчестве писателя являлась французская литература. Тексты ее передовых авторов (Мюрже, Гюго, Флобер, Золя, Мопассан) были взяты молодым Чеховым за образец. Иронизируя, но осваивая разнообразные приемы стилизации, он учился у французской литературы и проходил школу писательского мастерства [5].

Одним из объектов пародии стал известный французский писатель-фельетонист Понсон дю Террайль, чье наследие в текстах Чехова до сих пор оставалось за пределами внимания критиков. Его серия романов «Парижские драмы, или Подвиги Рокамболя» пользовалась большим успехом во Франции и в России в 1850–1870 гг. Главный персонаж, Рокамболь, по ходу саги перевоплощается из преступника в детектива и удерживает внимание читателей непредсказуемыми и невероятными приключениями, которые во французском языке получили эпитет «rocambolesque».

В России первый перевод цикла о Рокамболе вышел в журнале издателя-редактора Н.С. Львова «Переводы отдельных иностранных романов» (Санкт-Петербург) в 1868 г. и распространялся в отдельных томах. Сопоставление перевода с текстом оригинала выявляет значительное урезание исходного текста. Некоторые эпизоды буквально представляют собой «дайджест», примитивный пересказ основных коллизий, интригующих читателя. Эти переводы также реорганизуют текст и значительно перестраивают структуру, меняя отдельные фрагменты местами. При этом точность перевода и соответствие оригиналу вызывают сомнения.

Несмотря на эти недостатки, романы о Рокамболе на протяжении нескольких десятилетий оставались одними из самых читаемых в жанре авантюрно-приключенческой литературы в России [6. С. 66, 81–82]. Их популярность нашла отражение в журнально-литературной среде и попала в поле зрения Чехова, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания Рокамболя в чеховских текстах.

Данная статья предлагает комментарий и анализ употребления отсылок к Рокамболю в пародийном творчестве раннего Чехова. В основу работы ложится анализ пародийного текста «Русский Рокамболь» (1882). В качестве вводного материала приводятся краткая каталогизация и комментарий в хронологическом порядке нескольких упоминаний, пришедшихся на 1884–1885 гг.

Первый случай употребления встречается в пародийном рассказе «Нечистые трагики и прокаженные драматурги» (1884), написанном по поводу премьеры мелодрамы «Чистые и прокаженные» в театре М.В. и А.Л. Лентовских. В уста Лентовского вкладываются следующие слова: «Одним словом, стряпайте по шаблону, как стряпаются Рокамболи и графы Монте-Кристо…» [7. Т. 2. С. 320]. Очевидно, имеется в виду, что романы о Рокамболе и об Эдмоне Дантесе принадлежат к жанру массовой литературы, которая характеризуется эксплуатаций одних и тех же формул и клише [8, 9]. Таким образом, проводимая Чеховым параллель подчеркивала сюжетную предсказуемость и банальность пьесы.

Несколько примеров может быть обнаружено в юмористическом фельетоне «Осколки московской жизни» (1883–1885, журнал «Осколки»). Так, в очерке от 17 марта 1884 (№ 19) мы читаем:

«Роковая тайна нависла над Москвой. Какая-то невидимая сила в продолжение целой недели отравляла Москву невидимым ядом. То и дело в газетах печатались случаи отравления москвичей каким-то неведомым и судейски неуловимым веществом. Симптомы: рвота, холодный пот, боли в животе и прочее нехорошее. Наши Пазухины, Соколихи и прочие раздирательные, рокамболистые писатели заподозрили преступление и уже нанялись писать поденно длинный роман под заглавием: “Семь смертей, или Рвота каторжника”. Но не печати пришлось разоблачить ужасную тайну. Разоблачила ее, как и следовало ожидать, полиция» [7. Т. 16. С. 84].

В приведенном отрывке Чехов использует авторский неологизм «рокамболистый», т.е. в духе романов о Рокамболе, а значит – авантюрный, неправдоподобный, если следовать французскому прототипу. Это слово применяется в качестве эпитета к сотрудникам малой прессы («Наши Пазухины, Соколихи») и таким образом характеризует их как авторов, работающих в

жанре авантюрно-уголовных романов и ищущих сенсационного материала.

Стоит отметить также чеховскую иронию по поводу стремления авторов уголовных романов объяснить странное, «таинственное» явление с их точки зрения. Известно, что создатель Рокамболя, Понсон дю Террайль, также предпринимал попытку объяснить «с точки зрения опытного фельетониста, знающего все преступные схемы» убийство семьи в Пантене. Жестокое событие потрясло Францию[1], и его обсуждение затмило в ряде изданий прочую повестку, в том числе публикацию фельетонов. Таким образом, Понсон дю Террйаль, вместо продолжения фельетона *Les Mystères des Bois* 27 сентября 1869 г., выступил с открытым письмом в газете *La Petite Presse* в качестве эксперта [10. D. 1]. Нет достаточных оснований полагать, что Чехов знал об этой публикации[2], однако это явление может быть отмечено как общее место.

Другое упоминание Рокамболя также из цикла «Осколки московской жизни» датируется 13 октября 1884 (№ 32):

«В то время, когда на сцене г-жа Гейтен выделывает ногами тонкости и последние выводы своей балетной науки, зрительная зала бывает пуста и безлюдна. Кассир в это время читает «Рокамболя», капельдинеры храпят около пустых вешалок, в курильной, к великому горю любителей окурков, ни одного окурка…» [7. Т. 16. С. 125].

Эти строки относятся к критике московского балета. Чехов показывает, что он не привлекает внимания публики и не вызывает интереса. Замечание о том, что «кассир в это время читает “Рокамболя”», не только иллюстрирует наблюдение писателя, но и косвенно свидетельствует о читательской аудитории романа-фельетона, известного как литература для «низов».

Наконец, последний приведенный пример взят из очерка № 47 от 18 мая 1885 г.:

«У Левенсона печаталась книжонка “Козырные валеты”. Содержание ее шантажно-рокамбольное: шулер на шулере едет, шулером погоняет… Фигурируют в ней Ястребов, Пшеничникова, Коралов, Рисанова – всё московские знакомые. Говорят, что если вместо ястреба взять другую птицу, а вместо пшеницы другой злак, то станет очевидным, кого имел в виду обессмертить автор-аноним» [Там же. С. 168].

В данном отрывке Чехов пишет об издании пользующейся большим спросом у московской публики «книжонки». Любопытным представляется употребление эпитета «рокамбольный», которое на этот раз входит в составное прилагательное в паре с другим элементом – «шантажный». Как покажет дальнейший анализ, такое соседство неслучайно, как неслучаен и выбор повода – книга «Козырные валеты». При подробном рассмотрении системообразующего текста чеховской рецепции романов о Рокамболе Понсона дю Террайля станут ясны писательские мотивировки Чехова. Пока же отметим негативную коннотацию, которая придается слову «рокамболь» и образованным от него частям речи, а именно: нечто низкопробное, незамысловатое, преступное.

«Русский Рокамболь» как пародийно-сатирический текст

Отражение феномена Рокамболя в раннем творчестве Чехова не ограничивается приведенными примерами. Существует целый пародийный текст, название которого привлекает явной отсылкой к романам Понсона дю Террайля: «Тайны ста сорока четырех катастроф, или Русский Рокамболь (Огромнейший роман в сжатом виде. Перевод с французского)» (альманах «Литературная мысль», Пг., 1923; далее – «Русский Рокамболь»). Рассказ написан не позднее 1882 г. и впервые опубликован в 1923 г. издателем С.Д. Балухатым в альманахе «Литературная мысль» [11. С. 600].

С одной стороны, упоминание в названии Рокамболя задает четкую систему координат, соотнося текст с определенной жанровой традицией. С другой стороны, Чехов использует свойственный для себя эффект «двойного дна», заключая в пародийную форму сатирическое содержание [4. С. 70]. Рассмотрим данный пародийный рассказ в этих двух ключевых аспектах: литературном по форме и журнально-новостном по содержанию.

I. Форма: пародия на французский авантюрный роман

Пародия на переводной роман

В ранний период творчества Чехов пародирует много и пробует себя в разных формах: пародируются не только художественные произведения, но и официальные документы, календари, сонники, реклама [4. С. 12, 80].

Попытка жанровой классификации, предпринятая Н.С. Шаталовой, открывает разнообразие подгрупп и тематик чеховской пародии: 1. Решение женского вопроса. 2. Театр, театральная жизнь. 3. Записки, пометки, письма, протоколы и другие документы. 4. Правила и руководства. 5. Научные трактаты. 6. Рассуждения. 7. Объявления. 8. Происшествия. 9. Уголовный роман и т.д.

У Чехова складывается свой набор приемов, с помощью которого на нескольких страницах ему удается воспроизвести основообразующие элементы объекта пародии. Подтекст, сверхтекст, реминисценция обращаются к устойчивой читательской рецепции. Рукописи этого периода содержат следы активной авторской редактуры: Чехов уменьшает количество отступлений, сокращает авторские размышления.

В случае «Русского Рокамболя», «огромнейшего романа в сжатом виде», открывается перспектива особых пародийных отношений Чехова с романным жанром. Это гротескное внимание к роману встраивается в цикл романных пародий, написанных в данный период:

– «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (Роман в одной части без пролога и эпилога), 1880 г.;

– «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь» (Роман в одной части с эпилогом), 1880 г.;

– «Скверная история» (Нечто романоподобное), 1882 г.

Чехов пародирует не один текст, а политекст, т.е. многие родственные тексты. Об их сходстве свидетельствуют подзаголовки: например, «Робкое подражание Виктору Гюго» к пародии «Тысяча одна страсть или страшная ночь» [4. С. 93].

Чеховский «Русский Рокамболь» отсылает к переводам французской авантюрной литературы в России 1860–1880 гг. Практика публикации переводов в журналах и отдельными выпусками описана А.И. Рейтблатом [6. С. 78]. Такие переводы, как правило, издавались сразу после появления оригинального текста с целью получения коммерческой прибыли и поддержания читательского интереса и были отнюдь не самого высокого качества. Быстрота переводов достигалась за счет многочисленных сокращений (отчасти отсюда чеховское «роман в *сжатом* виде») (курсив мой. – *А.Л.*).

Указание на язык оригинала в полном названии «Русского Рокамболя» (перевод с французского) – еще один прием, который неоднократно использовался Чеховым в 1880–1882 гг.: известны несколько рассказов с пометками в скобках «перевод с испанского», «соч. Жюля Верна. Перевод А. Чехонте» и даже с экзотической отсылкой – «перевод… с португальского». Шуточная эпатажность чеховских языковых шалостей становится тем более очевидной, если учитывать «особые отношения» Чехова к иностранным языкам, переводам и переводчикам. Известно, что в Таганрогской классической гимназии Чехов учил древнегреческий, латынь, немецкий [12. С. 36]. Письма Чехова начала 1890-х гг. свидетельствуют о том, что он знал французский на достаточном уровне для повседневного общения во Франции и чтения французских газет. Однако в одном из писем Л.Н. Ленской Чехов просит ее перевести французскую рецензию:

15 ноября 1889 г. Москва.

Уважаемая Лидия Николаевна!

Будьте моей благодетельницей, переведите мне прилагаемую при сем рецензию. Наши барышни бились два часа и, насколько я понял их, сумели перевести только одно слово – “Antoine”. Полный перевод был бы незаслуженною роскошью; для меня было бы совершенно достаточно, если бы Вы взяли на себя труд перевести только по кусочку из начала, середины и конца; поймаете общий тон статьи – и на том спасибо, а подробности пусть читают французы.

<…>

Мне вдвойне совестно: беспокою Вас и не знаю языков. Ах, с каким бы удовольствием я себя выпорол! Без знания языков чувствуешь себя, как без паспорта. Учите Сасика трем языкам – не меньше [13. Т. 3. С. 286].

Как видно из письма, Чехов оценивал свои языковые познания, возможно, чересчур скромно. Тем не менее, в своих письмах 1880–1883 гг. Чехов редко прибегает к использованию иностранных языков и французского языка в частности – более-менее регулярно встречаются разве что вкрапления латыни.

Важно отметить, с какой последовательностью Чехов предается в данный период подобным «переводческим» упражнениям, откровенно мистифицируя и развлекая читателя. Этот «театр языков» включает самый разнообразный жанровый репертуар и палитру пародийных средств. Таким образом, «Грешник из Толедо (Перевод с испанского)» – стилевая пародия, «стилизация, использующая экзотический испанский материал для раскрытия новеллы с неожиданным финалом» [11. С. 571]. «Жены артистов (перевод… с португальского)» – пародия на А. Додэ, не столько литературная, сколько юмористическое повествование «на русский манер» о неустроенном быте молодых художников, литераторов и студентов, какими и были Чехов и его окружение. В первоначальной версии «Летающих островов (Соч. Жюля Верна. Перевод А. Чехонте)» (1882–1883) в подзаголовке было указано «пародия» вместо «перевод А. Чехонте».

Именно в ответ на одну из пародий, отправленную в журнал «Осколки» в начале 1883 г., с которым Чехов активно в данный период сотрудничает, приходит такой комментарий от главного редактора Николая Лейкина:

«…приходится мне возвратить Вам Ваши Летающие острова. Во-первых, вещица ничего иного не представляет, как пародию на манеру писания Ж. Верна, а во-вторых – и это главное, – длинна для “Осколков”. <…> Вы отлично пародируете. Вот если бы Вы когда-нибудь попробовали строчках на 200 написать несколько пародий на 4–5 писателей – дело другое» [11. С. 585].

Чехов получает поддержку от своего главного редактора в продвижении пародийного жанра и под его руководством осваивает механизмы: пародия должна быть лаконичной, но, в то же время, иметь сразу несколько «мишеней». По-видимому, эта установка и отразилась в подзаголовке-ремарке: «Русский Рокамболь» – «огромнейший роман в сжатом виде». Отметим, что сам Чехов редактировал «Графа Монте-Кристо» для издания А.С. Суворина, сокращая роман, о чем вспоминал М.П. Чехов [14. С. 184–185].

Пародия на авантюрно-приключенческий нарратив

Сумбурность, лаконизм, граничащий с абсурдом, стилистические нарушения, непоследовательность – эти характерные черты романов-фельетонов отразились в чеховской пародии. «Русский Рокамболь» Чехова с первых строк перекликается с рокамбольными романами Понсона дю Террайля: «Была полночь. Природа капризничала, как старая дева. Месяц зарылся в черные тучи и не глядел на землю. Осенний дождь с остервенением стучал в окна… Гнулись дубы и ломались сосны. Ветер стонал, как озлобленный, и рвал всё и вся…». Схожим описанием природы начинается первый роман оригинальной серии о Рокамболе «Сэр Вильямс» (пер. Тиханова): «Была мрачная декабрьская ночь. Мелкий, пронизывающий, холодный дождь моросил из тумана, покрывающего Париж, медленно смачивая мостовые его улиц, едва освещенных фонарями».

При сопоставлении чеховской пародии с романами о Рокамболе и авантюрными романами вообще выявляются сходства сюжетных мотивировок и фигур речи. Так, стоит отметить нехарактерную для Чехова перена-

сыщенность персонажами: на шести страницах появляются или упоминаются не менее двадцати имен и фамилий[3]. Читателю практически невозможно запомнить роли разных героев – как следствие, возникает путаница. Это вполне коррелирует с авторским стилем Понсона, который без устали представлял читателю новых персонажей и порой был вынужден напоминать о существовании того или иного героя в начале главы: «Оставим пока майора Арлева, Даму в черной перчатке и капитана Гектора Лемблена, готовящихся войти в комнату покойной Марты де Шатенэ, и вернемся в Париж»; «Оставим в покое Сен-Лазара и вернемся к Тимолеону». Существует легенда, что Понсон хранил в ящике кукол, которые соответствовали героям романов, чтобы не забывать, кто из действующих лиц в кого влюбился, кто кого вызвал на дуэль, а кого и вовсе постигла смерть [15. С. XIII].

Многие из этих персонажей, как и у Понсона, – разбойники, которых Чехов гротескно описывает: они носят маски и перевоплощаются, и, словно герои «Рокамболя», вооружены до зубов холодным, огнестрельным оружием и ядами:

«Оба были вооружены с головы до ног. Из их карманов выглядывали револьверы, ножи и банки с ядами. На спинах покоились прекрасные винтовки. Из-за фалд пальто выглядывали топоры, привешенные к поясам. В руках обоих было по длинной казацкой пике. Я задрожал. Кто они? Рассматривая их, я скоро заметил, что бороды их фальшивы, и в носе одного из них узнал нос Узембло» [7. Т. 1. С. 489].

В тексте Чехова присутствует другой элемент романов о Рокамболе: спасение жизни как нечто совершенно обыденное. Напомним, что Рокамболь не один раз спасал жизнь себе и другим – это случалось настолько часто и неестественно, что перестало удивлять читателей и критиков и вошло в «сверхчеловеческий» ареол Рокамболя [9. С. 111]. В тексте Чехова эта деталь отражается следующим образом:

Шедший с ним под руку Миллер тоже обрадовался, увидев меня. Я связан с ним теснейшими узами дружбы. Десять раз я спасал ему жизнь, и он был предан мне всей душой.

<…>

Проходя мимо горевшей «Аркадии», я вытащил из пламени Родона, который за спасение жизни заплатил мне дружбой [7. Т. 1. С. 490–491].

Сюжет «Русского Рокамболя» пронизывается любовной интригой, которая, по канонам авантюрно-приключенческой литературы, выходит на первый план и определяет развитие сюжета:

«– Прррокляти! – пробормотал сквозь зубы Свентицкий. – Этот человек любит женщину, которую я люблю. Я настаиваю на том же, на чем и настаивал: он должен умереть!!!

<…>

По уходе Свентицкого Рыков застонал и схватил себя за волосы. По бледному лицу потекли слезы, подогнулись колени…

– Боже мой! – простонал он. – Прости меня! Эти люди — орудие в моих руках. Их преступлениями я добуду себе Маргариту! Я люблю ее больше жизни!..

<…>

Кочетов, прочтя эту телеграмму, сел на поезд и покатил к “Аневризме”. Ехал он в первом классе (билет был даровой) и утопал в мечтах. Он тоже любил Маргариту… Эта любовь погубила его» [7. Т. 1. С. 488–489, 491].

Эти черты, типичные для романов авантюрного жанра в целом, концентрируются и в романах о Рокамболе в частности.

II. Содержание: отражение газетно-журнальной повестки

Кукуевская катастрофа в печати

Тот факт, что большинство персонажей «Русского Рокамболя» соответствует реальным лицам из газетной хроники 1882 г., установлен и описан М.П. Громовым [11. С. 491–493]. Для определения источников необходимо обратить внимание на конец рассказа, где автор описывает, как герой уезжает от своих врагов на поезде, но в это время случается катастрофа: «Но враги мои не дремали. Близ станции “Чернь” они вытащили из насыпи трубу. Дождь и болото размыли насыпь, и мой поезд полетел в бездну… Так мстили мне мои враги за то, что я был счастлив!». Здесь и раскрывается еще один источник чеховского текста, а именно газетно-журнальная полемика после страшной железнодорожной аварии в Кукуево, унесшей жизни 42 человек в 1882 г.

Злодеи Узембло и Свентицкий (глава II) и сюжетные перипетии, таким образом, напоминают действительное происшествие, активно обсуждавшееся на страницах «Русского курьера». Как отмечает М.П. Громов, «верность реальным фактам Чехов сохранил даже в деталях, которые на первый взгляд кажутся вымышленными». Например, усыпление с помощью хлороформа (в главе II читаем: «Во флаконе был хлороформ») применялось железнодорожными грабителями [16]. Эти черты соотносятся с поэтикой уголовного романа.

Получается, что Чехов предлагает свое объяснение Кукуевской катастрофы, которая произошла якобы из-за любовных интриг, но, в то же время, опирается на многие реальные факты, освещенные в прессе. Без изменения фамилий фигурируют известные редакторы и аферисты, их конфронтацией Чехов и объясняет катастрофу.

Именно из-за этого подтекста роман Чехова не был допущен к публикации: появиться в печати «роман» не мог, поскольку еще 14 августа 1882 г. последовало распоряжение министра внутренних дел «о непечатании статей агитационного характера против Министерства путей сообщения по поводу несчастных случаев на железных дорогах» [17]. Распоряжение это было объявлено редакторам бесцензурных периодических изданий.

Неопубликованный замысел нашел отражение в очерке № 35 от 24 ноября 1884 г. из цикла «Осколки московской жизни». В нем Чехов пишет: «Романист сажает всех своих героев в кукуевский поезд и – трагическая развязка готова» [7. Т. 16. С. 132]. Этой неожиданной развязкой и оканчивается «Русский Рокамболь».

Процесс о «червонных валетах»

В попытке понять мотивировки Чехова завернуть в «обертку» романов о Рокамболе газетно-журнальную повестку о Кукуевской катастрофе стоит отметить сложную, непрямую рецепцию романов Понсона в России. Так, в Москве дворянская молодёжь, подражая клубу «Червонных валетов», фигурирующему в одном из эпизодов цикла о Рокамболе, создала подобную группу, занимавшуюся вымогательством и мошенничеством в 1871–1875 гг.[4] Они называли себя «червонными валетами» и похищали имущество путем выманивания, подлогов, введения в обман и т.п. Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей 8 февраля – 5 марта 1877 г. также инкриминировало «Клубу червонных валетов» кощунство, оскорбление должностных лиц, грабеж и даже убийство. Дело о «Клубе червонных валетов» стало одним из самых резонансных судебных процессов за историю Российской империи: испытание недавно введенного института присяжных, сорок восемь обвиняемых на скамье подсудимых, выступления лучших представителей российской адвокатуры [18]. Оно освещалось в московской, петербургской и даже иностранной прессе.

Вот почему Чехов, говоря об аферистах Вальяно[5], Рыкове[6] и др., для которых люди – лишь орудие для реализации задуманных любовных интриг, выбирает пародию на Рокамболя. Он проецирует этих людей на героев романов о Рокамболе, одновременно соотнося их с московским «валетами». Присущая обеим плоскостям коннотация мошенника таким образом удваивается. Ведь один из аферистов Рыков, совершая бесконечные подкупы, подлоги, доносы, ведет себя как Рокамболь. В газете «Русский курьер» сообщалось в 1882 г.: «Иван Гаврилович Рыков, директор Скопинского банка, коммерции советник, потомственный почетный гражданин и кавалер многих орденов – между прочим, даже персидского ордена “Льва и Солнца”…» [11. С. 491–493]. Удивительным образом этот же экзотический знак отличия незаслуженно носил один из фигурантов процесса «Червонных валетов» Андреев (*Московские ведомости*. № 41 от 17 февраля 1877 г. С. 5).

Наряду с «рокамболем» слово «валет» входит в писательский лексикон Чехова с синонимичной коннотацией «шулер», «мошенник». Так, упомянутый в начале статьи очерк № 47 от 18 мая 1885 г. из «Осколок московской жизни» рассказывает о «книжонке “Козырные валеты” с шантажно-рокамбольным содержанием».

Другим примером может послужить вложенная в уста Нюнина характеристика жениха из чеховской «Свадьбы» (1889): «Жених, говорю, человек прекраснейший, душа нараспашку. Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет» [7. Т. 12. С. 117].

Наконец, в коротком тексте «Нытьё» (1886) мы читаем: «Вся эта ложь пересыпана такими лестными для меня эпитетами, как душка, хлыщ, валет, шулер и т.п. В общем, читатели приглашаются посетовать на слабость кары, посмеяться и плюнуть по моему адресу…» [Там же. Т. 5. С. 341]. В этом отрывке слово «валет» стоит в одном ряду со словами «душка» (приятный молодой человек), «хлыщ» (франтоватый и пустой молодой человек) и «шулер» (карточный мошенник). Слово «валет» используется Чеховым с явной негативной коннотацией, как характеристика человека, ведущего праздную жизнь.

Чеховский «Русский Рокамболь» – одно из свидетельств того, как слова «рокамболь» и «червонный валет», заимствованные из произведений Понсона дю Террайля, входили в писательский лексикон, становясь именем нарицательным, соотносившимся с «мошенником» или «авантюристом». Этот рассказ представляет собой пародийный конспект, «формулу» авантюрного жанра, шаблонное изложение того типа чтения, что был чрезвычайно востребован публикой 1880-х гг. На шести страницах уместилась спрессованная авантюрная эпопея. Метка, отличительная печать Чехова заключается в том, что литературные клише наполнены реальными событиями и именами, отсылающими к газетной полемике и тем фактам, что на протяжении ряда лет горячо обсуждались в газетно-журнальном пространстве. Связь с аферной тематикой подчеркивается в выборе названия и жанра. Таким образом, Чехов пародирует и форму, и проблему, которая нова и актуальна. Создавая рассказ-фельетон, Чехов словно показал «кухню» изготовления произведений подобного авантюрного сорта.

Опыт Чехова – это одна из вех адаптации сюжета о Рокамболе в русской литературе, свидетельство авантюрной модели, которая взята на вооружение сочинителями и потенциальными героями. Чеховская версия «Русского Рокамболя» может рассматриваться также, как один из возможных ответов на вопрос, волнующий не одно поколение исследователей [19]: отсутствие романа в его художественной системе объясняется в том числе изначальным «медицинским знанием», подходом к делу не с «парадного входа», а с пародийно-фельетонной изнанки. Невозможность создать роман мотивируется ранней писательской искушенностью в том, как делается роман и как он устроен. Пародийная прививка выработала у Чехова стойкий авторский иммунитет, однако эта тема заслуживает изучения в отдельной статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Оно вошло в историю как «Пантенская резня» (Massacre de Pantin), судимый по этому делу Ж.-Б. Тропман был приговорен к казни гильотиной в 1870 г.

[2] Чехову на тот момент было всего девять лет, а о его знании французского языка будет сказано ниже в этой статье.

[3] Появляются: Баталин, Рыков, Казаков, Кочетов, Ланин, Лентовский, Миллер, Светницкий, Узембло, Федоров.

[4] Информацией об этом и других преступных сообществах, ярких авантюристах была переполнена московская и петербургская пресса 1880–1900-х гг. Сводки новостей и корреспонденции публиковались в газетах «Московский листок», «Новости дня», «Петербургский листок», «Вести», «Русский листок».

[5] Авантюрное дело таганрогского контрабандиста-миллионера М. Вальяно началось еще в 1881 г. (Московский листок. 1881. 24 дек.). Фраза «Вальяно выпущен из тюрьмы…» (глава III «Рокамболя») соответствует газетному сообщению: «Виновник таможенных недоразумений, купец Вальяно, успел и свободу себе исходатайствовать, и тюрьму покинуть, и залог за себя внести» (Московский листок. 1882. № 38. 8 февр.) [11. С. 491–493].
[6] Афера Скопинского банка была раскрыта только в 1882 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубасов А.В. Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург, 1998.
2. Оверина К.С. Ранняя проза А.П. Чехова (1880–1884): проблема повествования : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.
3. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2016.
4. Шаталова Н.С. Малые жанры в русской юмористике 1880–1886-х годов и Чехов-пародист : дис. … канд. филол. наук. М., 1994.
5. Назиров Р.Г. Пародии Чехова и французская литература // Чеховиана. Чехов и Франция. М. : Наука, 1992.
6. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009.
7. Чехов А.П. Сочинения : в 18 т. // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
8. Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул : пер. с англ. // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–65.
9. Eco U. De Superman au Surhomme, (Il Superhuomo de Massa) [1978], trad. de l'italien par Myriem Bouzaher. Paris : Grasset et Fasquelle, 1993.
10. Ponson du Terrail : éléments pour une histoire des textes, 1 : Dossier, éds. René Guise et Centre de recherches sur le roman populaire. Nancy : Centre de recherches sur le roman populaire Université de Nancy II, 1986.
11. Громов М.П. Примечания: Чехов А.П. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1974. Т. 1.
12. Громов М.П. Книга о Чехове. М. : Современник, 1989.
13. Чехов А.П. Письма в 12 томах // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983. Т. 3.
14. Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М. : Моск. рабочий, 1960.
15. Bazin L. Rocambole. Les Exploits de Rocambole. Paris : Robert Laffont, 1992.
16. Вашков И. Заметки незаметного // Московский листок. 1882. № 272. 3 окт.
17. Архив Московского цензурного комитета. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 2173. Л. 178.
18. Потапчук И.В. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула : Автограф, 1997.
19. Sventsitskaia E. Почему А.П. Чехов не написал роман? // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 43. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/51/tsq51_sventsitskaia.pdf (дата обращения: 17.09.2018).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 октября 2018 г.

Translations of Ponson Du Terrail's Novels About Rocambole in Anton Chekhov's Parodies of the 1880s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 27–33**.**
DOI: 10.17223/15617793/441/4.
Alexey S. Lukashkin, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: l.lukashkin@gmail.com
Keywords: 19th-century Russian literature; Anton Chekhov; Anton Chekhov's parodies; 19th-century French literature; feuilleton novel; Ponson du Terrail; Rocambole.

This article establishes a link between early Anton Chekhov's parodies and the translations into Russian from French of the Rocambole novels by Pierre Ponson du Terrail. The Rocambole novels were first published in Russia in 1868, and, like in France, had a considerable success. The work regroups mentions of Ponson du Terrail and his cycle about Rocambole in Chekhov's texts of the 1880s. During this period, Chekhov was learning how to be a writer. He aimed at wide-spread text genres and imitated them in his parodies. The genre of a feuilleton novel, in which Ponson du Terrail excels, is in Chekhov's parody list. A few mentions of Ponson du Terrail and Rocambole are scattered in Chekhov's early texts. On the basis of the compiled information and a contextual analysis, semantic features of the use of the words *rokambol'* [Rocambole] and chervonnyy valet [knave of hearts] are traced in its humorous display. In fact, an entire short story was written by Chekhov in 1882 that imitated the feuilleton novel genre. It was entitled "The Mysteries of One Hundred and Fourty-Four Catastrophes, or the Russian Rocambole" (further referred as "Russian Rocambole"). This six-page text evokes every stereotype about adventure literature: the exceeding number of characters, a love intrigue, resurrections and rescues, poisons and weapons, an impressive finale with a train crash. This short story resembles in many details a typical poorly organized feuilleton novel. Chekhov mockingly pictures its main features. On the other hand, Chekhov, being attentive towards news agenda, adds a realistic layer to his story, connecting it with the actual events. He refers to the tragic Tcherny railway accident that happened in 1882 when a train derailed and more than forty people died. The plot of "Russian Rocambole" thus proposes a fictional explanation to this calamity. The link with the real event was the reason why "Russian Rocambole" was not published until 1923 although it was written in 1882. Moreover, the characters of "Russian Rocambole" are well-known journalists and editors, criminals and crooks. The "double bottom" aspect – a mix of real and fiction events – is a common characteristic of Chekhov's texts. However, the choice of joining together a feuilleton novel genre parody with a tragic event is yet to be analysed. A possible explanation can be found in a famous affair. Around 1871, a gang of con men named "Valets de Cœur" was created in Moscow. The same title can be found in the Rocambole cycle "Le Club des valets de cœur" published in 1858 (*La Patrie*). It is not a coincidence since the young crooks reproduced crimes exactly the same as those by the book's characters in real life. The affair of the "Valets de Cœur" led to a great trial, and drew a particular attention of Russian writers. Thus, we can observe that in order to speak about Russian criminals and crooks, Chekhov chooses Ponson du Terrail's Rocambole novels as the source of his parody.

REFERENCES

1. Kubasov, A.V. (1998) *Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii* [A.P. Chekhov's Prose: the art of stylization]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
2. Overina, K.S. (2015) *Rannyaya proza A.P. Chekhova (1880–1884): problema povestvovaniya* [Chekhov's early prose (1880–1884): The problem of narration]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
3. Chudakov, A.P. (2016) *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdenie* [Poetics of Chekhov. Chekhov's world: The emergence and establishment]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.

4. Shatalova, N.S. (1994) *Malye zhanry v russkoy yumoristike 1880–1886-kh godov i Chekhov-parodist* [Small genres in Russian humor literature of 1880–1886 and Chekhov the parodist]. Philology Cand. Diss. M.

5. Nazirov, R.G. (1992) Parodii Chekhova i frantsuzskaya literatura [Chekhov's parodies and French literature]. In: Kataev, V.B. et al. (eds) *Chekhoviana. Chekhov i Frantsiya* [Chekhoviana. Chekhov and France]. Moscow: Nauka.

6. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

7. Chekhov, A.P. (1974–1983) Sochineniya: v 18 t. [Works: In 18 Vols]. In: *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 Vols]. Moscow: Nauka.

8. Cavelty, J.G. (1996) Izuchenie literaturnykh formul [The study of literary formulas]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 22. pp. 33–65.

9. Eco, U. (1993) *De Superman au Surhomme, (Il Superhuomo de Massa) [1978]*. Trad. de l'italien par Myriem Bouzaher. Paris: Grasset et Fasquelle.

10. Guise, R. (ed.) (1986) *Ponson du Terrail : éléments pour une histoire des textes, 1 : Dossier*. Nancy: Centre de recherches sur le roman populaire Université de Nancy II.

11. Gromov, M.P. (1974) Primechaniya [Notes]. In: Chekhov, A.P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 Vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

12. Gromov, M.P. (1989) *Kniga o Chekhove* [A Book about Chekhov]. Moscow: Sovremennik.

13. Chekhov, A.P. (1974–1983) Pis'ma v 12 tomakh [Letters: In 12 Vols]. In: *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 Vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.

14. Chekhov, M.P. (1960) *Vokrug Chekhova. Vstrechi i vpechatleniya* [Around Chekhov. Meetings and impressions]. Moscow: Mosk. rabochiy.

15. Bazin, L. (1992) *Rocambole. Les Exploits de Rocambole*. Paris: Robert Laffont.

16. Vashkov, I. (1882) Zametki nezametnogo [Notes of the unnoticeable]. *Moskovskiy listok*. 272. 3 October.

17. Archive of the Moscow Censorship Committee. Central State Archive of Moscow. Fund 31. List 3. Item 2173. P. 178. (In Russian).

18. Potapchuk, I.V. (1997) *Russkie sudebnye oratory v izvestnykh ugolovnykh protsessakh XIX veka* [Russian judicial speakers in the famous criminal proceedings of the 19th century]. Tula: Avtograf.

19. Sventsitskaia, E. (2013) Pochemu A.P. Chekhov ne napisal roman? [Why did A.P. Chekhov not write a novel?]. *Toronto Slavic Quarterly*. 43. [Online]. Available from: http://sites.utoronto.ca/tsq/ 51/tsq51_sventsitskaia.pdf. (Accessed: 17.09.2018).

Received: 15 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 34–43. DOI: 10.17223/15617793/441/5

УДК 81'373.612.2'33'001.4'

Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева

БАЗА ДАННЫХ РУССКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ ТЕРМИНА

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 15-04-00302а «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира» (номер гос. регистрации № 115041440068).

Цель статьи – представить принципы описания метафорической терминологии и механизм формирования запросов для решения информационных задач, связанных с выявлением и систематизацией универсальных метафорических структур в терминосистемах различных дисциплин в формате реляционной базы данных. Описан принцип выявления исходной опорной единицы, определения метафорической модели при метафорическом терминообразовании, механизм формирования запроса для решения поставленных информационных задач.

Ключевые слова: метафорическая концептуализация; гносеологическая функция метафоры; научная терминология; терминосистема; метафорический термин; база данных; информационная задача; запрос.

Проблема исследования. Актуальность использования технологии баз данных в лингвистике обусловлена целым рядом теоретических и прикладных проблем, связанных с поиском способов сбора, хранения и обработки лингвистических данных, разработкой методик и технологий их представления, релевантных для построения функциональной модели языка. Именно поэтому актуальной задачей становится поиск междисциплинарных методик, позволяющих осуществлять аналитическую обработку информации. Проблема использования компьютерных технологий и методов концептуального проектирования информационных ресурсов была поставлена уже более 50 лет назад, в частности, была обозначена задача применения баз данных (БД) для создания ядра тезаурусов – системы фиксации и хранения элементов (единиц) и семантических сетей [1, 2], чуть позже была отрефлексирована значимость банков терминов для различного рода аналитических описаний [3, 4].

Современные исследования в этой области показывают, что представление информации на основе технологии БД используется в самых разных областях лингвистических исследований: типологических: «Языки мира» [5], Atlas of Pidgin and Creole Language Structures (APiCS) [6], «A world-wide survey of affix borrowing» (AfBo) [7], The World Loanword Database (WOLD) [8], The Typological Database System (TDS) [9], The World Color Survey (WCS) [10], Database of children's printed words in three Slavic languages [11], Типологическая база данных адъективной лексики [12]; структурного описания языков: звучащей русской речи [13], «Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка» [14], русских прилагательных «EDGE» [15], A Grammar-informed Corpus-based Sentence Database for Linguistic and Computational Studies [16], БД сравнений украинского поэтического языка второй половины XX в. [17], БД латинской лексики простонародья из текстов латинских надписей [18], специальной лексики белорусского языка [19], по топонимике Ингерманландии [20], по морфологии ижорских эпических песен [21], прагматически маркированной лексики русского языка [22, 23], психолингвистическая база данных русских существительных [24]. В этом значительном ряду присутствуют и базы данных, посвященные описанию метафорических единиц: БД русской политической метафоры, послужившая основой для «Словаря политической метафоры» [25], концептуальных метафор итальянского языка [26], массмедийной метафоры (на материале французского и немецкого языков) [27], китайских метафор – имен существительных [28], Проект «Разработка Политехнического билингвального словаря метафор: испанский-английский / английский-испанский», реализуемый научной группой UPM(DISCYT) [29].

Подробный обзор терминологических баз данных (TaaS, Termite 6L, UNTERM и под.) представлен в работе Л.Г. Федюченко [30]. Автор определяет универсальные структурные компоненты исследуемых ресурсов, основные функции и устанавливает, что практически все анализируемые базы данных в качестве основного пользователя предполагают специалиста-инженера, не являются собственно лингвистическими. Однако мы полагаем, что особые теоретические перспективы для лингвистики связаны с использованием терминологических БД в исследовании семантических процессов, в частности механизмов семантической деривации в терминообразовании. И здесь также можно говорить о проблемной зоне, требующей особого исследовательского внимания – поиске методов описания лингвистической семантики для представления в базах данных – обусловленной сложностью объекта, параметры которого препятствуют формализации. На этот момент указывает в своей работе И.М. Кобозева, размышляя об ограничениях, накладываемых необходимостью жесткого структурирования метафорической семантики при описании ее в базах данных [31].

Приведенный выше перечень разрабатываемых в настоящее время проектов лингвистических и терминологических баз данных показывает, что метафорические фрагменты терминосистем различных дисциплин еще не были отражены в единой БД и не были рассмотрены как целостный массив единиц. Вопрос о «сквозных» метафорических единицах, задействованных в гносеологических процессах и оформлении научного знания, ставился только теоретически [32]. Полагаем, что задача выявления и систематизации

таких гносеологических моделей может быть эффективно решена с применением технологии баз данных, которая позволит выявить подобные универсальные метафорические структуры в терминосистемах различных дисциплин и решить ряд теоретических и прикладных задач, связанных с описанием гносеологических процессов в русском научном дискурсе, решением задач терминоведения и терминографии. Одной из попыток решения этой проблемы можно назвать создание Базы данных метафорической терминологии в формате реляционной СУБД Microsoft Access. На этапе ее концептуального проектирования был определен спектр информационных задач, осуществлен анализ предметной области и сформированы ее инфологическая и даталогическая схемы, определена концептуальная структура, результаты этой работы представленные в [33, 34].

Цель настоящей статьи – представить принципы описания метафорической терминологии и механизм формирования запросов для решения информационных задач, связанных с выявлением и систематизацией универсальных метафорических структур в терминосистемах различных дисциплин в формате реляционной базы данных.

Методология исследования. Базовым методологическим подходом исследования можно считать синтез нескольких методологий: 1) когнитивного терминоведения, ставящего своей целью изучение концептуальной модели семантики терминологической единицы. В частности, особое внимание уделяется метафорической концептуализации, так как при образовании такого термина трансформируется семантика общеупотребительной лексической единицы [35–38]. 2) В качестве основного методологического подхода при анализе метафорической терминологии была избрана теория концептуальной метафоры [39] как наиболее эффективная при описании концептуальных моделей. Методика описания была разработана на базе исследований российских лингвистов-метафорологов, сформировавших систему методов, объединявшую достижения лексико-семантического и когнитивного подходов [40, 41], в том числе и для анализа метафорической терминологии [42, 43]. 3) Технология концептуального проектирования реляционных баз данных выступила в качестве третьего методологического основания [44].

Как уже говорилось выше, для решения задачи основной задачи исследования была создана База данных метафорической терминологии, включающая 5 058 метафорических терминов 10 научных областей: биологии, геологии, информатики, медицины, психологии, социологии, физики, химии, филологии, философии, 1 273 опорные лексемы и их дефиниций из терминологических и толковых словарей. В общей сложности было проанализировано около 150 словарных источников [34].

Принципы описания метафорической терминологии в формате реляционной базы данных. Исходя их центральной проблемы, связанной с определением и описанием системы гносеологических универсалий – устойчивых метафорических моделей, задействованных в гносеологической деятельности и процессах терминообразования, была сформулирована основная задача информационного ресурса: *выявление системы терминологических номинаций различных научных областей, отражающих гносеологические универсалии – устойчивые метафорические модели (фреймовые структуры), являющиеся ключевыми для русской научной картины мира.*

Достижение ее связано с решением системы более частных задач:

1) определения границы метафорического фрагмента в каждой из исследуемых научных областей путем включения метафорических терминов в БД, т.е. осуществление выборки метафорических терминов их терминологических словарей; 2) выявления лексических единиц национального языка, наиболее востребованных в терминообразовании отдельной предметной области, путем соотнесения метафорических терминов и производящих единиц общенационального языка в ходе сопоставления терминологической выборки с данными толковых словарей современного русского языка; 3) выявления лексических единиц национального языка, наиболее востребованных в терминообразовании целом; 4) установления степени их уникальности / универсальности как в отдельных предметных подъязыках, так и 5) в терминосистеме в целом; 6) выявления исходных понятийных областей и фреймовых структур, задействованных в процессах метафорического терминообразования, а в итоге определение степени вовлеченности той или иной метафорической модели (фреймовой структуры) в эти процессы.

Решение трех первых задач связано непосредственно с формированием содержания базы данных метафорической терминологии, оно включает несколько этапов. На первом этапе производятся выборка метафорических терминов из терминологических словарей и внесение их в соответствующие терминологические таблицы. При этом одновременно производилось связывание термина с мотивирующей лексической единицей общенационального языка. Так как состав таких единиц еще не был определен, работа шла параллельно: при внесении термина в терминологическую таблицу одновременно вносилась соответствующая запись в таблицу «Лексическая единица».

Уже на этом этапе потребовалось решить принципиальную проблему, связанную с определением понятий *производность, производящая и производная единица, производящая основа, мотивированность, мотивирующая и мотивированная единицы* в рамках нашей модели описания. Эта проблема актуализировалась при внесении данных в таблицу «Лексическая единица», а именно: при заполнении поля «Лексическое значение» выяснилось, что в толковых словарях современного русского языка для производных единиц зачастую указывается не собственно значение, а отсылка к производящей единице: «ВЫГОНКА; ВЫГОНЯТЬ; ВЫГОНЯТЬСЯ см. Выгнать» [45].

С одной стороны, в дериватологии понятие *производность* интерпретируется как образование языковой единицы от другой, при этом значимыми оказываются непосредственные отношения внутри *словообразовательной пары*: производящего и производного слова (значения)

[46, 47]. Однако уже словарные данные показывают, что отношения производности и мотивированности объединяют лексемы в целостные цепочки, выстраивая эпидигматические связи, в рамках которых реализуется единое значение корневой морфемы, представляющее собой целостную концептуальную структуру.

Задача описания универсальных лингвокогнитивных гносеологических структур, получающих отражение в языковых единицах, привела к необходимости полностью включить в поле анализа словообразовательную цепочку для обращения к исходной единице. В данном случае актуализируется понятие внутренней формы слова – «семантической и структурной соотнесённости составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признака, положенного в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [47] – как единой модели, организующей семантику всех единиц словообразовательной цепочки. В связи с этим ключевой единицей в нашем анализе выступает не словообразовательная пара: лексема общенационального языка – метафорический термин, а система лексических единиц, внешняя и внутренняя форма которых соотносима с единой концептуальной фреймовой структурой (В работе фреймовая структура понимается как «структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти» [48. С. 187]), репрезентируемой исходной производящей единицей. При внесении лексемы в таблицу, в качестве мотивирующей избиралась именно исходная единица, после предварительной проверки данных по словообразовательному словарю.

Такая ситуация складывалась чаще всего с глагольными лексемами и отглагольными существительными. Например, в терминосистеме геологии есть несколько терминов, образованных на основе корневой морфемы *-ход-* : *Вода восходящая, Источник восходящий, Волны проходящие, Выход нефти, Выход продукта, Выход газа.* Обращение к словарным дефинициям [45, 49] показывает следующую ситуацию:

ВОСХОДЯЩИЙ, -ая, -ее. Поднимающийся, повышающийся → ВОСХОДИТЬ, -хожу, -ходишь; восходящий; нсв. 1. к Взойти (1–2 зн.).→ ВЗОЙТИ, взойду, взойдёшь; взошёл, -шла, -шло; взошедший; взойдя; св. 1. ***Идя****, подняться наверх.*

ПРОХОДИТЬ, -хожу, -ходишь; проходящий; проходимый; -дим, -а, -о; нсв. 1. к Пройти. → ПРОЙТИ, пройду, пройдёшь; прошёл, -шла, -шло; прошедший; пройденный; -ден, -а, -о; пройдя; св. 1. ***Идя****, совершить путь мимо кого-, чего-л., куда-л. или где-л. Дети прошли. П. вдоль забора, между домами.*

ВЫХОД, -а; м. 1. к Выйти (1–4, 6 зн.). → ВЫЙТИ, выйду, выйдешь; выйди; вышел, -шла, -шло; вышедший; выйдя; св. 1. ***Уйти*** *откуда-л., оставить, покинуть какое-л. место, помещение, пределы чего-л. В. из дому, из сада, из метро.*

Как можно убедиться, мотивирующей для семантики всех этих единиц является концептуальная структура, выражаемая глаголом

ХОДИТЬ, хожу, ходишь; нсв. 1. Обладать способностью, быть в состоянии ***двигаться, ступая ногами****, делая шаги (о человеке, животном). Ребёнок начал х. в десять месяцев. Ваш сын уже ходит?*

Таким образом, единица, зафиксированная в таблице «Лексическая единица» и объединяющая все термины, образованные на основе этой концептуальной структуры, – глагол *ходить*.

В тех случаях, когда семантика терминов мотивирована разными концептуальными структурами, производна от разных лексико-семантических вариантов либо обусловлена значениями словообразовательных аффиксов, в таблицу вносились обе единицы как различные.

Рассмотрим, например, ряд терминов из различных областей: геология – *Вступление волны, Геотермическая ступень;* филология – *Лирическое отступление, Отступ, Отступающее ударение, Вступительный вид* и *Ступенчатое видовое образование, Ступенчатое противопоставление.* Данные термины мотивированы разными концептуальными структурами, одна из них представляет тип движения [45, 49]:

ВСТУПЛЕНИЕ, -я; ср. 1. к Вступить – вступать. ВСТУПИТЬ, -туплю, -тупишь; св. 1. ***Войти****, въехать куда-л.*

ОТСТУПЛЕНИЕ, -я; ср. 1. к Отступить – отступать.

*ОТСТУП, -а; м. 1. к Отступить – отступать ОТСТУПИТЬ, -ступлю, -ступишь; отступив и отступя; св. 1.****Шагнув*** *назад,* ***отойти****, отодвинуться.*

СТУПИТЬ, ступлю, ступишь; св. 1. ***Сделать шаг, шагнуть; стать ногой*** *куда-л.*

А вторая – объект, номинированный по метонимическому принципу: «место, куда ступают»:

СТУПЕНЬ, -и; мн. род. -ей и -ей, дат. -ням и -ням; ж. 1. мн. род.: ступеней, -ням. Один из горизонтальных ***выступов лестницы****, на который ступают при подъёме или спуске.*

СТУПЕНЧАТЫЙ, -ая, -ое; -чат, -а, -о. 1. ***Имеющий ступени*** *или* ***выступы*** *в виде ступеней; расположенный ступенями, уступами.*

Эта единица репрезентирует иную фреймовую структуру и поэтому вносится в виде отдельной записи.

Хочется еще раз обратить внимание на то, что подобное объединение на основе базовой фреймовой структуры представляется нам оптимальным именно в связи с задачами, для решения которых создана база данных. Именно поэтому во избежание путаницы было принято решение использовать не общепринятые номинации *производящая* или *мотивирующая*, а ***опорная лексема*** – единица, семантика которой обусловливает концептуальную структуру терминов опосредованно производных от нее. Определение соотношения опорных лексем и метафорических терминов позволило решить третью задачу.

Решение задачи, связанной с выявлением метафорических моделей и подмоделей (а именно: ассоциативно связываемых исходных и результативных понятийных областей и фреймовых структур), задействованных в процессе метафорического терминообразования, потребовало атрибуции входных единиц во всех таблицах. И в первую очередь необходимо было определить исходную понятийную области и фреймо-

вую структуру опорной лексемы как мотивирующую семантику метафорического термина.

В работе И.М. Кобозевой [31] ранее была обозначена проблема, связанная с формализацией параметров метафорической единицы при представлении ее в базе данных русской политической метафоры. Автор справедливо отмечает, что ограничение, налагаемое формальным описанием, противоречит минимальным требованиям к репрезентации метафоры, так как предполагает ограниченное множество фреймовых структур и ограниченный метаязык представления знаний. При разработке системы обозначений в базе данных метафорической терминологии эти замечания были учтены. Но в то же время очевидно, что сам объект описания – терминология – представляет собой более строгую систему, нежели общенациональный язык в целом, в том числе в аспекте метафоризации. Тем не менее потребовалось введение определенных ограничений в связи с тем, что, несмотря на широкий спектр работ [25, 32, 39–43], посвященных описанию системы концептуальных метафор и метафорических моделей в различных дискурсах, единой системы номинаций исходных понятийных областей не выработано, что вполне понятно, если принимать во внимание континуальность семантики.

На основе работ исследователей концептуальной метафоры [25, 32, 39–43] и первичного анализа эмпирического материала был выявлен следующий набор исходных понятийных областей: АРТЕФАКТ, БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ, ВЕЩЕСТВО, ВОСПРИЯТИЕ, ВРЕМЯ, ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ЖИВОТНОЕ, НАТУРФАКТ, ОБЪЕКТ, ПРОСТРАНСТВО, РАСТЕНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК [34]. Данные области относятся к разным уровням обобщения, поэтому принцип их выделения требует дополнительного комментария. Дело в том, что анализируемые термины образованы на основе лексических единиц, относящихся к разным уровням абстракции. Например, область «ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ» объединяет номинации, относящиеся к области живого в целом, тот вид метафор, которые обычно названы анималистическими. Чаще всего это биологические аспекты существования живых существ: физические действия (ходить: *восходящий, возвратно-непереходный, восходящая градация, восходящее ударение, вхождения внутренне-местный падеж, основы исход*) жизнь в целом (живой: *живой язык, жизненный цикл программного обеспечения, живые слова, жизнеспособность полимеров*), структура и анатомические особенности тела (волос: *волоски листовые, волосатик, волосы пеле*), телесные свойства (сильный: *силы социальные, производительные, сильное место, порождающая сила, кристаллизационная сила*), размножение (родить: *порождающая сила, родство языков*), рост (*двойник прорастания, рост кристалла адкумулатный, двойниковый сросток, вращивание*) и под. В эту область не включены номинации, имеющие компоненты, конкретизирующие семантику и позволившие отнести их к областям «ЧЕЛОВЕК», «ЖИВОТНОЕ» (например, название животного или части его тела), «РАСТЕНИЕ». В целом эта понятийная область репрезентирует представления о биологическом аспекте жизни, в том числе и человека. К области «ОБЪЕКТ» по аналогии с областью «живой организм» были отнесены общие для любых объектов номинации: общее название объекта (вещь, предмет, артефакт), структурные свойства, не связанные напрямую с восприятием (крепкий, простой, распасться), пространственные положения и свойства (стоять, лежать, устойчивый, баланс). Область «БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ» репрезентируют единицы с самой общей семантикой: *пространство, время, энергия* и под. Области «ПРОСТРАНСТВО» и «ВРЕМЯ» мотивируют единицы с более конкретной семантикой: расщелина, глубина, *устье, канал, русло, проток, пещера, остров, космос, поле, граница, край, период, мгновение* и т.п.

В связи с тем, что фреймовые структуры представляют более конкретную структуру знания, чем понятийная область, система их более разнообразна, и представить их полный перечень не представляется возможным. Приведем в качестве примера несколько фреймовых структур, репрезентирующих понятийную область «ЧЕЛОВЕК»: действия: речевое (*угроза*), коммуникативное (*дразнить*), физическое (*теснить*), звуковое (*свистеть*), социальное (*руководить*); движение: направленное (*мигрировать*), ненаправленное (*блуждать*), разнонаправленное (*ходить*); свойство: социальное (*свободный, инфантильный*), личностное (*веселый, гневливый*) и мн. др.

Рассмотрим более подробно процедуру определения исходной фреймовой структуры и понятийной области для метафорической модели. На первом этапе выявленные путем сплошной выборки из терминологических словарей метафорические термины подвергались сопоставлению с формально тождественными единицами, зафиксированными в толковых словарях современного русского языка (см. список литературы), для установления их производности, а затем процедуре компонентного анализа:

(1) В случае если термин однословный, проводилось сопоставление значения метафорического термина с исходным значением лексемы русского языка, представленной в толковом словаре. Например: ***Красота*** – «*аддитивное квантовое число, присущее т. н. красивым, или прелестным, адронам, сохраняющееся в процессах сильного и эл-магн. взаимодействий и нарушающееся в процессах слабого взаимодействия)*» [50]. Словарное значение: «*к Красивый (Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т.п.). К. среднерусского пейзажа. К. рук. К. движений. Душевная, внутренняя к. Мы увидели город во всей его красоте. 2.Красивое, прекрасное. Какая к. кругом! Чувство красоты. К. жизни. Красота спасёт мир (Достоевский)*» [49]. Для определения исходного значения нами традиционно для Томской метеорологической школы [41] использовался лексикографический критерий. Проводилось сопоставление дефиниции лексемы в нескольких словарях и, если первое значение в них совпадало, оно избиралось в качестве исходного. Однако в некоторых редких случаях этот критерий оказывался неэффективным. В этом случае мы прибегали к интроспекции и пилотному эксперименту.

Например, таким образом устанавливалось исходное значение для лексемы «тело». Большинство толковых словарей русского языка дает следующее первое значение этой лексемы:

Словарь Д.Н. Ушакова [51]: «1. Ограниченное пространство, заполненное какой-нибудь материей, веществом (физ.). Все тела делятся натвердые, жидкие и газообразные. || Часть пространства, ограниченная со всех сторон замкнутой поверхностью (мат.). Геометрическое тело. Тело вращения».

Толковый словарь Д.В. Дмитриева [52]: «1. Телом называется материя, вещество, которые занимают собой определённую часть пространства, а также какой-либо отдельный предмет».

Большой толковый словарь [49]: «1. Физ. Материя, вещество, заполняющие определённую часть пространства; отдельный предмет в пространстве».

Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [53]: «1. Отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-н. веществом или ограниченная замкнутой поверхностью».

Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [54]: «1. Отдельный предмет в пространстве. перен. Основная часть, корпус чего-либо (судна, самолета, артиллерийского орудия, пулемета и т.п.)».

Вместе с тем пилотный эксперимент на дефинирование лексемы «тело» с участием 30 респондентов, позволил получить результаты, показывающие, что именно это значение является доминирующим в наивном языковом сознании: в качестве исходного респонденты называли значение «Организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях» [34. С. 96]. Представляется, что это возможность говорить об образе живого тела как исходной фреймовой структуре: инвариантным для всех анализируемых терминологических значений является «материальная форма, существующая отдельно от других форм». На антропоморфность и зооморфность как первичные модели для интерпретации других феноменов мира указывают авторы теории концептуальной метафоры [39], а также авторы философских работ [55, 56]. С.С. Гусев пишет: «Всевозможные варианты отождествления различных аспектов человеческой природы с объективным миром могут рассматриваться как первый достаточно универсальный способ описания действительности, сложившийся в рамках мифологического подхода, но продолжавший функционировать и после разложения первобытной формации». Он отмечает, что в основе первых геометрических представлений лежит пространственное видение человека [56. С. 68]. Ю.И. Манин также говорит о значимости «телесной» рефлексии в математике, в частности, о материальных основаниях понятия «число» [57. С. 20–21]. Наш материал доказывает справедливость этих утверждений.

(2) Если же термин включает несколько лексических единиц, то маркером метафоричности является нестандартная сочетаемость лексем. После установления ее проводится сопоставление терминологического и исходного значений, как в первом случае. Например: ***Воротник*** *бура – «тяжелое трубчатое соединение между бурильной колонной и буровым долотом»* [58]. Словарное значение: «*Часть одежды – матерчатая, меховая и т.п. полоса, пришиваемая или пристёгиваемая к вороту. Отложной в. Меховой, кружевной в. В. шалькой, хомутиком. Поднять в.*» [45].

В результате этой процедуры были определены метафорические модели и подмодели, к которым могут быть отнесены исходное и результативное (терминологическое) значение. Например:

(1) число – это визуально воспринимаемое качество → АБСТРАКТНАЯ СУЩНОСТЬ – ОЦЕНОЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: Исходная понятийная область – восприятие.

(2) Буровой инструмент – это деталь одежды → ОБОРУДОВАНИЕ – АРТЕФАКТ: Исходная понятийная область – артефакт.

Таким образом, метафорический термин «красота» репрезентирует фрейм «оценочное восприятие действительности» и область «восприятие», а термин «воротник» – «деталь одежды» и область «артефакт».

Определение принципов описания метафорической терминологии и осуществление этого описания представляют собой основу для решения поставленных выше информационных задач. Однако для реализации процессов обработки данных необходимо произвести трансформацию названных задач в систему заданий для формирования информационных запросов в формате СУБД Microsoft Access, так как именно запросы в этом формате позволяют получить данные для решения каждой из поставленных частных задач и, в конечном итоге, определить, насколько релевантен созданный ресурс для решения основной. Представим далее механизмы подобной трансформации.

Механизм формирования запросов для решения информационных задач.

Задача 1: определить границы метафорического фрагмента отражаемых научных областей → **Задание:** определить количество терминов, относящихся к определенной предметной области → **Запрос** на поиск повторяющихся значений в поле «Область» таблицы «Метафорический термин» и подсчет их количества.

Задача 2: выявить лексические единицы национального языка, наиболее востребованные в метафорическом терминообразовании отдельной предметной области → **Задание:** определить частоту вхождения единиц из таблицы «Лексическая единица» в каждой предметной области → серия **запросов** на поиск повторяющихся значений в поле «Лексическая единица» таблицы «Метафорический термин» и подсчет их количества, в качестве условия отбора в каждом запросе задавалась определенная предметная область (биология, геология, информатика и т.д.).

Задача 3: выявить лексические единицы национального языка, наиболее востребованные в русском метафорическом терминообразовании → **Задание:** определить частоту вхождения единиц из таблицы «Лексическая единица» в таблице «Метафорический термин» в целом → **Запрос** на поиск повторяющихся значений в поле «Лексическая единица» таблицы «Метафорический термин» и подсчет их количества без выборки по предметным областям.

Задача 4: определить область функционирования и степень уникальности / универсальности опорной единицы → **Задание:** вывести лексическую единицу и связанные с нею термины в отдельной форме → **Запрос** на выборку отдельных полей из таблицы «Метафорический термин»: поля «Лексическая единица», «Термин» и «Область».

Задача 5: определить степень вовлеченности той или иной метафорической модели (фреймовой структуры) в процессы терминообразования в отдельной предметной области → **Задание:** определить самые частотные метафорические модели и фреймовые структуры в каждой предметной области → **Перекрестный запрос 1** на группировку повторяющихся значений в таблице «Метафорический термин» одновременно по двум полям «Метафорическая модель» (строки) и «Область» (столбцы) и подсчет их количества по предметным областям. **Перекрестный запрос 2** на группировку повторяющихся значений в таблице «Метафорический термин» одновременно по двум полям «Фреймовая структура» (строки) и «Область» (столбцы) и подсчет их количества по предметным областям.

Задача 6: определить степень вовлеченности той или иной метафорической модели (фреймовой структуры) в процессы терминообразования → **Задание:** определить самые частотные метафорические модели и фреймовые структуры в таблице «Метафорический термин» в целом. → **Запрос 1** на поиск повторяющихся значений в поле «Метафорическая модель» таблицы «Метафорический термин» и подсчет их количества без выборки по предметным областям. **Запрос 2** на поиск повторяющихся значений в поле «Фреймовая структура» таблицы «Метафорический термин» и подсчет их количества без выборки по предметным областям.

Эта система позволила получить ответ на сформированные ранее информационные задачи и осуществить количественный анализа данных по исследуемым параметрам.

Результаты и перспективы использования БД метафорической терминологии для выявления гносеологических универсалий. Реализованные в процессе создания Базы данных метафорической терминологии принципы определения опорных лексических единиц, описания терминов и механизмы формирования запросов позволили осуществить обработку единиц, представленных в базе, и получить количественные и качественные данные для последующей интерпретации. Предложенные решения позволили получить ответы на все поставленные информационные запросы.

В ходе анализа терминосистем отдельных научных областей были определены объемы метафорических фрагментов и коэффициент лексического разнообразия в каждой отдельной области.

Результаты количественного анализа метафорической терминологии показали, что соотношение производящих единиц и метафорических терминов для всей терминосистемы в целом составляет около 1:4. В этой связи можно говорить о том, что тенденция к универсальности функционирующих в области метафорического терминообразования лексических структур прослеживается уже на данном уровне.

Был пределен состав опорных лексем, регулярно задействованных в процессах терминообразования более чем в половине исследуемых научных областей – 62 опорные лексические единицы, что составило 1,2% от общего количества терминов в базе данных и 4,9% от количества опорных лексем. В аспекте семантической избирательности каждой исследуемой терминосистемы определены наиболее часто привлекаемые к процессам терминообразования единицы общенационального языка.

В ходе анализа параметров метафорического моделирования был определен состав исходных понятийных областей, на основе которых осуществляется семантическая деривация, выявлены метафорические модели, задействованные в процессах метафорического терминообразования, а также степень их вовлеченности в указанные процессы. Выявлено, что в терминосистеме в целом доминирует антропоморфная метафора, при которой в качестве исходной для семантической деривации выступает понятийная область «человек». На ее основе образовано 1 394 термина, что составляет 27,56% от общего количества терминов.

Подводя итог, отметим, что ресурс, объединяющий данные о процессах метафорической концептуализации в различных научных областях, позволил получить данные о составе и объеме метафорических фрагментов терминосистемы, их концептуальной специфике и структуре, о функционирующих в данной сфере метафорических моделях.

Вместе с тем были получены данные, не запланированные ранее. Созданный ресурс позволил определить не только универсальные для процессов метафорического терминообразования в русском языке метафорические модели и опорные лексемы, но и уникальные, единичные, свойственные только для определенной предметной области. Ближайшей задачей мы ставим описание подобных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М. : Наука, 1978.
2. Скороходько Э.Ф., Стогний А.А. Некоторые вопросы создания банка терминов: Лингвистический аспект // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. № 8. С. 29–33.
3. Скороходько Э.Ф. Мотивированность термина: Количественная оценка и некоторые закономерности // Научно-техническая терминология. 1989. № 12. С. 17–22.
4. Шелов С.Д. Построение терминологической базы знаний и анализ понятийной структуры терминологии // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1998. № 5. С. 1–10.
5. Ярославцева Е.И. Грамматикон и база данных «Языки мира» // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики : сб. материалов семинара «Актуальные проблемы прикладной лингвистики» / отв. ред. А.И. Новиков. М. : Азбуковник, 2001. С. 339–357.
6. Michaelis S., Maurer Ph., Haspelmath M., Huber M. The Atlas and Survey of Pidgin and Creole Languages. Oxford : Oxford University Press, 2013.

7. AfBo: A world-wide survey of affix borrowing. URL: http://afbo.info/ (дата обращения: 15.07.2018).
8. The World Loanword Database. URL: http://wals.info/ (дата обращения: 15.07.2018).
9. The universals archive. URL: https://typo.uni-konstanz.de/archive/intro/index.php (дата обращения: 15.07.2018).
10. The World Color Survey (WCS). URL: http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/ (дата обращения: 15.07.2018).
11. Garabík R., Caravolas M., Kessler B., Höflerová E., Masterson J., Mikulajová M., Szczerbiński M., Wierzchoń P. A cross-linguistic database of children's printed words in three Slavic languages'. // Computer Treatment of Slavic and East European Languages: Fourth International Seminar, Bratislava, Slovakia, 25−27 October 2007: Proceedings / eds. J. Levická, R. Garabík. Bratislava : Tribun, 2007. P. 51–64.
12. Кюсева М.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Типологическая база данных адъективной лексики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2013. Вып. 12 (19). С. 407–419.
13. Фролова О.Е., Кедрова Г.Е., Крейчи С.А., Потемкин С.Б., Байрамова Ф.О. База данных звучащей русской речи как инструмент изучения интерференции артикуляторных моделей различных языков // Ученые записки физического факультета МГУ. 2014. № 5. С. 353-1–353-7.
14. Поликарпов А.А., Богданов В.В., Крюкова О.С. Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка: создание базы данных и ее системно-квантитативный анализ // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания. Т. 32 из Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник». М., 1998. С. 172–184.
15. Гращенков П.В., Кобозева И.М. Многоаспектная компьютерная база данных по русским прилагательным EDGE как инструмент анализа лексико-грамматической категории // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс : тр. и материалы. М. : Изд-во МГУ, 2001. URL: http://geum.ru/next/art-188143.leaf-3.php (дата обращения: 15.07.2018).
16. Hongzhi Xu, Helen Kaiyun Chen, Chu-Ren Huang, Qin Lu, Tin-Shing Chiu, Dingxu Shi. A Grammar-informed Corpus-based Sentence Database for Linguistic and Computational Studies // Proceedings of International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC) / eds. by N. Calzolari, Kh. Choukri, T. Declerck, M. Uğur Doğan, B. Maegaard, J. Mariani, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis. Istanbul, Turkey, 2012. P. 3140–3144.
17. Makovetska-Gudz Yu.A. The linguistic database of Ukrainian similes // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. 2008. № 2. С. 238–242.
18. Adamik B. Computerized Historical Linguistic Database of the Latin Inscriptions of the Imperial Age // From Polites to Magos: Studia György Németh sexagenario dedicata / ed. by Szabó Ádám. Budapest ; Debrecen : University of Debrecen Department of Ancient History, 2016. P. 13–27. (Hungarian Polis Studies).
19. Мицкевич О.С. Лингвистическая база данных (ЛБД) специальной лексики белорусского языка с точки зрения потенциальных пользователей // Прикладная лингвистика в науке и образовании : сб. тр. VI Междунар. науч. конф., 5–7 апреля 2012 г., Санкт-Петербург. СПб. : Книжный дом, 2012. С. 203–206.
20. Николаев И.С. Географическая терминология в базе данных по топонимике Ингерманландии // Структурная и прикладная лингвистика. 2015. № 11. С. 161–167.
21. Николаев И.С. Исследовательская база данных по морфологии ижорских эпических песен: терминология, модели и реализация // Структурная и прикладная лингвистика. 2010. № 8. С. 233–242.
22. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.06.
23. База данных прагматически маркированной лексики русского языка. URL: http://spml.ipmip.nspu.ru/ (дата обращения: 15.07.2018).
24. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92. DOI: 10.17223/19986645/43/6.
25. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русской политической метафоры. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
26. Alonge A. Italian Metaphor Database: una base di dati sulle metafore in italiano per sistemi di Trattamento Automatico del Linguaggio // Prospettive nello studio del lessico italiano / ed. by E. Cresti. Firenze : Atti SILFI, 2006. FUP: Vol. I. P. 253–257.
27. Lönneker-Rodman B. The Hamburg Metaphor Database project: issues in resource creation // Language Resources and Evaluation. 2008. № 42 (3). P. 293–318. DOI: 10.1007/s10579-008-9073-9.
28. Lei Wang, Shiwen Yu, Zhimin Wang, Weiguang Qu, Houfeng Wang. A Study on Metaphors in Idioms Based on Chinese Idiom Knowledge Base // Chinese Lexical Semantics. Volume 8922 of the series Lecture Notes in Computer Science. 2014. P. 434–440. DOI: 10.1007/978-3-319-14331-6_43.
29. Durán-Escribano P., Cuadrado-Esclapez G. Constitutive metaphor and mental mappings: meaning construction in the language of science and technology // Revista de Lenguas para Fines Específicos. 2017. № 23.1. P. 83–107.
30. Федюченко Л.Г. Структурно-функциональные параметры терминологической базы данных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 45–58. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-45-58.
31. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2002. URL: http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva. (дата обращения: 07.07.2016).
32. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
33. Мишанкина Н.А, Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 86–99.
34. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем) / под ред. Н.А. Мишанкиной. М. : Флинта, 2018. 272 с.
35. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
36. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 128 с.
37. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2011. 224 с.
38. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М. : Издательство URSS, 2009. 256 с.
39. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
40. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
41. Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж, 2003. Ч. 1.
42. Мишланова С.Л. Когнитивный аспект метафоризации в медицинском дискурсе // Научно-техническая терминология. М., 2003. Вып. 1. С. 35–45.
43. Mishankina N.A., Deeva A.I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 215. P. 293–300.
44. Советов Б.Я., Цехановский В.В., Чертовской В.Д. Базы данных: теория и практика М. : Юрайт, 2012. 463 с.

45. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988. 696 с.
46. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М. : Просвещение, 1976.
47. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010.
48. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М. : Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
49. Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
50. Райзер Ю. П. Физика газового разряда. М., 1987.
51. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4. 1502 с.
52. Толковый словарь русского языка / ред. Д.В. Дмитриев. М. : Астрель: АСТ, 2003. 1578 с. (Словари Академии Российской).
53. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
54. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. Т. 3. 976 с.
55. Ortega-y-Gasset J. Las dos grandes metáforas // Ortega-y-Gasset J. Obras Completes. Madrid, 1966. T. II. P. 387–400.
56. Гусев С.С. Наука и метафора. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 152 с.
57. Манин Ю.И. Математика как метафора. М. : МЦНМО, 2008. 400 с.
58. Белоусов В.С. Нефтегазовой иллюстрированный глоссарий : в 2 т. Т. 1: Русско-английский. М. : Валент, 2010.

Статья представлена нучной редакцией «Филология» 6 марта 2019 г.

The Database of Russian Metaphorical Terminology: A Term Description Model

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 34–43.
DOI: 10.17223/15617793/441/5

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru
Zhanna A. Rozhneva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhar@ido.tsu.ru

Keywords: metaphorical conceptualization; epistemological function of metaphor; scientific terminology; term system; metaphoric term; database; information task; query.

The aim of the article is to present a model for describing a metaphorical term in a database to identify and systematize universal metaphorical structures in the term systems of various disciplines, as well as to solve a number of theoretical and applied problems related to the description of epistemological processes. Special theoretical perspectives are seen in the use of terminological databases for studying semantic derivation in terminology. To solve this research problem, a metaphorical terminology database was created that includes 5,058 metaphorical terms in 10 scientific areas, 1,273 reference lexemes and their definitions from terminological and explanatory dictionaries. The study applied a synthesis of methodological approaches: (1) cognitive terminology studies, (2) the theory of conceptual metaphor, (3) the conceptual design of relational databases. Based on the central problem associated with the definition and description of a system of epistemological universals, i.e. stable metaphorical models involved in terminological processes, a system of particular problems was formed. At the first stage, a sampling of metaphorical terms was made from terminological dictionaries and entered into databases. The term was linked to the motivating lexical unit of the national language. The task of describing universal linguistic-cognitive epistemological structures has led to the need to fully include in the field of analysis a word-building chain to refer to the original unit. In this case, the concept of the internal form of the word is actualized, and the unit of analysis is the system of lexical units, the external and internal form of which is correlated with a single conceptual, frame structure represented by the original derivational unit. In cases when the semantics of the term is motivated by different conceptual structures, or is due to the meanings of derivational affixes, both units were entered into the table as different. At the second stage, the solution of the problem associated with the identification of conceptual areas and frame structures involved in the metaphorical term formation required the attribution of input units in all tables: the definition of the initial conceptual domain and frame structure of the reference lexeme. On the basis of the primary analysis, a set of initial conceptual areas was identified: ARTEFACT, BASIC CATEGORY, SUBSTANCE, PERCEPTION, TIME, LIVING ORGANISM, ANIMAL, NATUREFACT, OBJECT, SPACE, PLANT, PHYSICAL PHENOMENON, PERSON. The article provides a detailed description of the procedure for determining the initial conceptual domain and frame structure for a metaphorical term. At the third stage, the formation of requests for solving the above information tasks was carried out. This system made it possible to get an answer to the previously formed information tasks and to carry out a quantitative analysis of the data on the parameters studied.

REFERENCES

1. Nikitina, S.E. (1978) *Tezaurus po teoreticheskoy i prikladnoy lingvistike* [Thesaurus on theoretical and applied linguistics]. Moscow: Nauka.
2. Skorokhod'ko, E.F. & Stogniy, A.A. (1986) Nekotorye voprosy sozdaniya banka terminov: Lingvisticheskiy aspekt [Some issues of creating a term bank: A linguistic aspect]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. *Ser. 2*. 8. pp. 29–33.
3. Skorokhod'ko, E.F. (1989) Motivirovannost' termina: Kolichestvennaya otsenka i nekotorye zakonomernosti [The motivation of the term: Quantitative assessment and some regularities]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 12. pp. 17–22.
4. Shelov, S.D. (1998) Postroenie terminologicheskoy bazy znaniy i analiz ponyatiynoy struktury terminologii [Construction of a terminological knowledge base and analysis of the conceptual structure of terminology]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. *Ser. 2*. 5. pp. 1–10.
5. Yaroslavtseva, E.I. (2001) Grammatikon i baza dannykh "Yazyki mira" [Grammaticon and the "Languages of the World" database]. In: Novikov, A.I. (ed.) *Scripta linguisticae applicatae. Problemy prikladnoy lingvistiki* [Scripta linguisticae applicatae. Problems of applied linguistics]. Moscow: Azbukovnik. pp. 339–357.
6. Michaelis, S., Maurer, Ph., Haspelmath, M. & Huber, M. (2013) *The Atlas and Survey of Pidgin and Creole Languages.* Oxford: Oxford University Press.
7. *AfBo*: *A world-wide survey of affix borrowing*. [Online]. Available from: http://afbo.info/. (Accessed: 15.07.2018).
8. *The World Loanword Database.* [Online]. Available from: http://wals.info/. (Accessed: 15.07.2018).
9. *The Universals Archive.* [Online]. Available from: https://typo.uni-konstanz.de/archive/intro/index.php. (Accessed: 15.07.2018).
10. *The World Color Survey (WCS)*. [Online]. Available from: http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/. (Accessed: 15.07.2018).
11. Garabík, R. (2007) A cross-linguistic database of children's printed words in three Slavic languages'. In: Levická, J. & Garabík, R. (eds) *Computer Treatment of Slavic and East European Languages*: Proceedings of the Fourth International Seminar. Bratislava, Slovakia. 25−27 October 2007. Bratislava: Tribun. pp. 51–64.

12. Kyuseva, M.V., Reznikova, T.I. & Ryzhova, D.A. (2013) [Typological database of adjective vocabulary]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Proceedings of the Annual International Conference "Dialog". Bekasovo. 29 May – 2 June 2013. Is. 12 (19). Moscow: RSUH. pp. 407–419. (In Russian).

13. Frolova, O.E. et al. (2014) Database of Russian speech as a tool for studying interference of articulation patterns in different languages. *Uchenye zapiski fizicheskogo fakul'teta MGU – Memoirs of the Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University*. 5. pp. 353-1–353-7. (In Russian).

14. Polikarpov, A.A., Bogdanov, V.V. & Kryukova, O.S. (1998) Khronologicheskiy morfemno-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: sozdanie bazy dannykh i ee sistemno-kvantitativnyy analiz [Chronological morpheme word-formation dictionary of the Russian language: The creation of a database and its system-quantitative analysis]. In: Tatarinov, V.A. (ed.) *Voprosy obshchego, sravnitel'no-istoricheskogo, sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [Issues of general, comparative historical and comparative linguistics]. Vol. 32. Moscow: Moskovskiy litsey; Russkiy filologicheskiy vestnik.

15. Grashchenkov, P.V. & Kobozeva, I.M. (2001) [Multidimensional computer database on Russian adjectives EDGE as a tool for analyzing lexical-grammatical categories]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: historical destinies and modernity]. Proceedings of the International Congress. Moscow: Moscow State University. [Online]. Available from: http://geum.ru/next/art-188143.leaf-3.php. (Accessed: 15.07.2018). (In Russian).

16. Hongzhi Xu. et al. (2012) A Grammar-informed Corpus-based Sentence Database for Linguistic and Computational Studies. In: Calzolari, N. et al. (eds) *Proceedings of International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC)*. Istanbul, Turkey: European *Language Resources* Association. pp. 3140–3144.

17. Makovetska-Gudz, Yu.A. (2008) The linguistic database of Ukrainian similes. *Naukoviy visnik Volins'kogo natsional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïnki. Filologichni nauki*. 2. pp. 238–242.

18. Adamik, B. (2016) Computerized Historical Linguistic Database of the Latin Inscriptions of the Imperial Age. In: Szabó Ádám. (ed.) *From Polites to Magos: Studia György Németh sexagenario dedicata*. Budapest; Debrecen: University of Debrecen Department of Ancient History.

19. Mitskevich, O.S. (2012) [Linguistic database of the special vocabulary of the Belarusian language from the point of view of potential users]. *Prikladnaya lingvistika v nauke i obrazovanii* [Applied Linguistics in Science and Education]. Proceedings of the VI International Conference. St. Petersburg. 5–7 April 2012. St. Petersburg: Knizhnyy dom. pp. 203–206. (In Russian).

20. Nikolaev, I.S. (2015) Geograficheskaya terminologiya v baze dannykh po toponimike Ingermanlandii [Geographic terminology in Ingria toponymy database]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika – Structural and Applied Linguistics*. 11. pp. 161–167.

21. Nikolaev, I.S. (2010) Issledovatel'skaya baza dannykh po morfologii izhorskikh epicheskikh pesen: terminologiya, modeli i realizatsiya [Research database on morphology of Izhora epic songs: terminology, models and implementation]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika – Structural and Applied Linguistics*. 8. pp. 233–242.

22. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06

23. Tripol'skaya, T.A. et al. (n.d.) *Baza dannykh pragmaticheski markirovannoy leksiki russkogo yazyka* [Database of pragmatically marked vocabulary of the Russian language]. [Online]. Available from: http://spml.ipmip.nspu.ru/. (Accessed: 15.07.2018).

24. Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6

25. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar' russkoy politicheskoy metafory* [Dictionary of Russian political metaphor]. Moscow: Pomovskiy i partnery.

26. Alonge, A. (2006) Italian Metaphor Database: una base di dati sulle metafore in italiano per sistemi di Trattamento Automatico del Linguaggio. In: Cresti, E. (ed.) *Prospettive nello studio del lessico italiano*. Vol. I. Firenze: Atti SILFI, FUP.

27. Lönneker-Rodman, B. (2008) The Hamburg Metaphor Database project: issues in resource creation. *Language Resources and Evaluation*. 42 (3). pp. 293–318. DOI: 10.1007/s10579-008-9073-9

28. Lei Wang. et al. (2014) A Study on Metaphors in Idioms Based on Chinese Idiom Knowledge Base. *Chinese Lexical Semantics*. Volume 8922 of the series Lecture Notes in Computer Science. pp. 434–440. DOI: 10.1007/978-3-319-14331-6_43.

29. Durán-Escribano, P. & Cuadrado-Esclapez, G. (2017) Constitutive metaphor and mental mappings: meaning construction in the language of science and technology. *Revista de Lenguas para Fines Específicos*. 23.1. pp. 83–107.

30. Fedyuchenko, L.G. (2017) Structural-Functional Parameters of Termbase. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 3 (2). pp. 45–58. (In Russian). DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-2-45-58

31. Kobozeva, I.M. (2002) Towards formal representation of metaphors within the ramifications of cognitive approach. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Proceedings of the International Conference. [Online]. Available from: http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva. (Accessed: 07.07.2016). (In Russian).

32. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: A paradox or a norm?]. Tomsk: Tomsk State University.

33. Mishankina, N.A. & Panasenko, E.A. (2016) The metaphorical terminology database: conceptual design. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 86–99. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.07

34. Mishankina, N.A. et al. (2018) *Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti (na materiale metaforicheskikh fragmentov estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh terminosistem)* [Russian terminological systems in the aspect of semantic selectivity (on the material of metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian terminological systems)]. Moscow: FLINTA.

35. Alekseeva, L.M. (1998) *Termin i metafora* [Term and metaphor]. Perm: Perm State University.

36. Volodina, M.N. (2000) *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominatsiya* [The cognitive-informational nature of the term and terminological nomination]. Moscow: Moscow State University.

37. Golovanova, E.I. (2011) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology studies]. Moscow: Flinta; Nauka.

38. Leychik, V.M. (2009) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology studies: the subject, methods, structure]. Moscow: Izdatel'stvo URSS.

39. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.

40. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

41. Rezanova, Z.I., Mishankina, N.A. & Katunin, D.A. (2003) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: key concepts]. Pt. 1. Voronezh: RITs EF VGU.

42. Mishlanova, S.L. (2003) Kognitivnyy aspekt metaforizatsii v meditsinskom diskurse [A cognitive aspect of metaphorization in medical discourse]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*. 1. pp. 35–45.

43. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2015) Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 293–300. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.637

44. Sovetov, B.Ya., Tsekhanovskiy, V.V. & Chertovskoy, V.D. (2012) *Bazy dannykh: teoriya i praktika* [Databases: Theory and Practice]. Moscow: Yurayt.
45. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
46. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1976) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Reference dictionary of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
47. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Nazran: Piligrim.
48. Kubryakova, E.S. et al. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University.
49. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
50. Rayzer, Yu.P. (1987) *Fizika gazovogo razryada* [Gas Discharge Physics]. Moscow: "Nauka" Fizmatlit.
51. Ushakov, D.N. (ed.) (1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
52. Dmitriev, D.V. (ed.) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel': AST.
53. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: ITI Tekhnologii.
54. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: AST, Astrel', Kharvest.
55. Ortega-y-Gasset, J. (1966) *Obras Completes.* Vol II. Madrid: Revista de Occidente. pp. 387–400.
56. Gusev, S.S. (1984) *Nauka i metafora* [Science and metaphor]. Leningrad: Leningrad State University.
57. Manin, Yu.I. (2008) *Matematika kak metafora* [Mathematics as a metaphor]. Moscow: MTsNMO.
58. Belousov, V.S. (2010) *Neftegazovoy illyustrirovannyy glossariy: v 2 t.* [Illustrated glossary of oil and gas: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Valent.

Received: 06 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 44–53. DOI: 10.17223/15617793/441/6

УДК 811.161.1

Н.Г. Наумова

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДЛОГА *ПО* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НАУЧНОГО И ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ)

Статья посвящена проблеме семантического и стилистического описания предлога ПО. Отмечаемая современными исследователями размытость значений предлога ПО побудила автора статьи проанализировать научную и справочную литературу по этому вопросу и разработать собственную классификацию значений предлога ПО. Данная классификация была применена при анализе особенностей функционирования предлога в текстах научного и официально-делового стилей.
Ключевые слова: семантика; значения предлога ПО; официально-деловой стиль; научный стиль; стилистическая окраска.

Настоящая статья представляет результаты исследования, посвященного выявлению особенностей семантики и функционирования предлога ПО в современном русском языке. По словам В.В. Виноградова, «формирование новой стилистической системы, сопровождающееся смешением и переоценкой прежних форм выражения, образование новой фразеологии, распространение отвлеченных и научно-технических понятий, новые формы речетворчества, характеризующие современную эпоху, изменения в синтаксическом строе не могли не отразиться и на употреблении предлогов. В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции. Острее всего эти грамматические сдвиги дают себя знать в газетно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка. Характеристика этих процессов – смешения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций – должна быть предметом особого самостоятельного исследования» [1. С. 575]. В связи с этим актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить изменения в области функционирования предлогов (в частности предлога ПО), происходящие в русле современных языковых процессов.

Стоит также отметить, что в науке ведется большая работа по изучению семантики предлога. Среди наиболее актуальных направлений в этой области можно отметить следующие: поиск и изучение инвариантной части предлога (труды О.Н. Селиверстовой, Т.Н. Маляр, С.Е. Никитиной, Г.Е. Крейдлина, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной), проблему представленности и соотношения грамматического и лексического компонентов в значении предлога, проблему определения способов формирования вторичных значений многозначных предлогов (см. работы С.Е. Никитиной, О.Н. Селиверстовой, Г.Е. Крейдлина и др.), проблему описания семантики предлога и ее лексикографического представления (см. работы Ю.Д. Апресяна, М.В. Всеволодовой, Г.А. Золотовой, Л.Л. Иомдина, Г.И. Кустовой, О.Н. Кравченко, И.Б. Левонтиной, Г.Е. Крейдлина, А.К. Поливановой и др.). Однако существующее многообразие подходов и концепций пока невозможно свести к некоей универсальной семантической модели, способной представить наиболее полную и объективную структуру семантического поля того или иного предлога. Следовательно, представляется важным искать пути решения проблемы семантического описания предлогов.

Что касается семантики предлога ПО, то ее четкое определение в настоящее время является весьма проблематичным. Прежде всего это связано с возросшей активностью конструкций с предлогом ПО. Вот что пишут об этом исследователи. К.С. Горбачевич отмечает, что «в последние годы резко возросла активность предлога *по*. …Предлог *по* продолжает наступать, вытесняя синонимичные предлоги *для, о* и другие, а также традиционные беспредложные конструкции» [2. С. 248]. По словам Н.С. Валгиной, «активность предлога *по* уже давно отмечена в литературе; ср.: *слесарь-ремонтник – слесарь по ремонту, инженер-технолог – инженер по технологии, преподаватель истории – преподаватель по истории*… Предлог по вытесняет другие предлоги, которые уже достаточно укрепились в языке: *заявки на ремонт – заявки по ремонту, говорить о кандидатуре – говорить по кандидатуре, приз за выступление – приз по выступлению* и др.» [3. С. 220–221]. Н.Ю. Шведова также говорит об интенсивном распространении в современном языке словосочетаний с предлогом *по* + дат. п., типа: *контора по прокату, инструктор по физкультуре, программа по литературе* [4. С. 8].

При этом данная активность предлога ПО, по наблюдениям лингвистов, сопровождается ***«размыванием»*** его ***семантики***. На основе первичных (конкретных) локальных и темпоральных значений предлога ПО развиваются вторичные, более отвлеченные значения (дистрибутивные, каузальные, ограничительные). Так, В.В. Виноградов пишет, что «в русском языке значение простых предлогов становится все отвлеченнее, аналитичнее; что наряду с конкретными, реальными отношениями – пространственными и временными – один и тот же предлог обозначает множество переносных логико-синтаксических оттенков, обстоятельственных отношений и связей между словами… с XVIII в. наблюдается усиленный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке» [1. С. 569], который особенно углубляется в XX в. «Внедряясь одним краем в область наречий, предлоги, с другой стороны, приближаются к “препозиционным флексиям” (выражение В.А. Богородицкого) имен существительных

или к “послелогам” глагола. Теряя свои реальные, лексические значения, они становятся чистыми падежными префиксами или глагольными “приклейками” – выразителями косвенно-переходных отношений глагола (например: *думать о будущем; тосковать по отце; сомневаться в чем-нибудь* и т.п.). В этом случае они делаются формальными, морфологическими показателями синтаксических связей глагола» [1. С. 556]. Ученый отмечает, что потеря конкретного значения предлогом приводит к тому, что он становится неким «послелогом», выполняющим функцию указания на грамматические связи между словами, а не на смысловые отношения.

М.Я. Гловинская также указывает на то, что происходит «нивелировка лексического значения предлога и употребление его (предлога) в качестве как бы простой прокладки внутри падежных сочетаний, в качестве знака синтаксической связи двух слов» [5. С. 247].

Данный процесс размывания семантики предлога ПО не угасает и в начале XXI в. В активно появляющихся и используемых в официально-деловом и публицистическом стилях конструкциях предлог ПО выражает ***отношения «общего касательства»***. Так, Л.К. Граудина отмечает: «В современном языке, главным образом в официально-деловой и газетной речи, широко распространены конструкции с предлогом *по*, выражающим самое общее значение отношения. “Удобство” этих конструкция заключается в том, что они содержат лишь самое общее указание отношения – ограничение той сферой, которая обозначена зависимым существительным… Остается неясным характер отношений между предметами… В некоторых случаях описанное употребление предлога *по* представляется целесообразным, так как способствует “конденсации” текста, сокращении конструкции и ее большей емкости…» [6. С. 58–59].

Как отмечает В.В. Виноградов, «в семантической системе предлогов открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями. Необходимы углубленные работы по раскрытию внутренних закономерностей в смысловой системе предлогов» [1. С. 564].

В русле существующих проблем в области семантики предлогов (и предлога ПО в частности) нами была поставлена цель выявить и описать наиболее активные в современном русском языке значения предлога ПО, а также особенности их реализации в текстах научного и официально-делового функциональных стилей. С целью выявления существующих значений предлога ПО мы обратились к словарной и научной литературе.

Общепризнанным является тот факт, что все первообразные предлоги многозначны, а предлог ПО является одним из самых многозначных. Сравним, например: «Предлог *по* в современном русском языке принадлежит к числу наиболее многозначных. Сочетаясь с тремя падежами, он характеризуется исключительным разнообразием употребления и богатством значений. Наряду с первичными, конкретными (пространственными и временными) значениями он обладает широким кругом разнообразных отвлеченных значений (причинных, разделительных, ограничительных и др.) и входит в число тех предлогов, которые в определенных синтаксических условиях могут ослаблять свои лексические значения, а иногда совсем их утрачивать, формализуясь, превращаясь в «пустые» предлоги – чисто грамматические показатели синтаксической связи между словами» [7. С. 281].

Как отмечается в «Русской грамматике» 1980 г., «для выявления (установления) того или иного значения первообразного предлога всегда требуется контекст, минимальное словесное окружение… Для определения значения предлога первостепенную роль одновременно играют два фактора: во-первых, падежная форма присоединяемого предлогом имени, во-вторых, лексическое значение слов» [8. С. 712]. Также отмечается тесная связь семантики предлога с определенной синтаксической конструкцией, с формой зависимого слова, идущей за предлогом, с частью речи главного слова, выделяемого в словосочетании с предлогом. Все это приводит к существенным различиям и в подходах к описанию значений предлогов и в определении количества значений.

Так, весьма показательным является то, что в словарных статьях, посвященных предлогу ПО, в разных словарях выделяется разное количество значений: в «Толковом словаре русского языка» в 4 томах под редакцией Д.Н. Ушакова находим 21 значение [9. С. 316–318], в «Словаре современного литературного русского языка» в 17 томах (БАС) – 37 [10. С. 5–10], в «Словаре русского языка» в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) – 28 [11. С. 148–150], в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – 19 [12. С. 526], в «Толковом словаре современного русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной – 15 [13. С. 506], в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова – 26 [14. С. 847] (см. подробнее [15]).

Кроме проблемы точного определения количества значений предлога ПО, выделяется не менее важная проблема выбора универсального принципа, который может быть положен в основу классификации данных значений. Так, в большинстве работ избрана классификация значений предлога ПО, основанная на их группировке по связи с определенной падежной формой зависимого слова (значения предлога ПО с дат. п., с вин. п., с предл. п.; см. толковые словари С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, В.В. Лопатина, С.А. Кузнецова, «Словарь русского языка» А.П. Евгеньевой и др.) В «Русской грамматике» 1980 г., а также в трудах Н.Н. Прокоповича учитывается также часть речи главного слова. Такая классификация отличается некоторым дублированием сходных значений предлога, использующихся с разными падежными формами.

Другой принцип, избегающий данного дублирования, предлагается в «Словаре современного литературного русского языка» в 17 томах (БАС), в котором классификация значений предлогов производится на основании типа выражаемых в словосочетании синтаксических отношений. Именно данный принцип мы положили в основу нашего исследования.

Для решения задач, поставленных в нашем исследовании, мы предприняли попытку обобщения и систематизации значений предлога ПО, выделяемых в словарях и в трудах В.С. Бондаренко [16], В.В. Виноградова [1], Л.Л. Иомдина [17], Н.Н. Прокоповича [9], Д.Э. Розенталя [18], A. Narloch [19], а также в Русской грамматике [20]. Нередко значения, выражаемые предлогом ПО в определенных контекстах употребления, разными исследователями определяются поразному. Это часто бывает обусловлено различием в подходах ученых: одни стремятся дать наиболее общую характеристику, другие – выделить тончайшие оттенки значения.

В основу разработанной нами классификации значений предлога ПО легли типы синтаксических отношений – определительные (атрибутивные), субъектные, объектные, обстоятельственные, комплетивные (восполняющие – в цельных словосочетаниях). Распределение значений по группам на основании данного принципа позволило избежать проблемы повторного упоминания какого-либо значения в других группах при сохранении внимания на морфологических особенностях главного и зависимого слова, их лексическом значении и возникающих между ними синтаксических отношениях (см. подробнее об этом в наших статьях [21–23]).

Наша классификация значений предлога ПО включает в себя:

<u>I. Обстоятельственные отношения</u>

1. Значение места.

а) Указание на то, что кто-, что-либо находится на / действует по поверхности чего-либо (с дат. п.).

б) Указание на то, что кто-, что-либо находится / действует по одному направлению, задаваемому чем-либо (с дат. и вин. п.).

в) Указание на то, что кто-, что-либо действует, распространяется в ограниченных пределах (с дат. п.).

г) Указание на то, что кто-, что-либо находится / действует в разных направлениях / местах (с дат. п.).

2. Значение образа действия.

а) Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо (с дат. п.).

б) Указание на то, что кто-, что-либо соответствует чьему-либо мнению, чьей-либо теории (с дат. п.).

в) Указание на то, что кто-, что-либо совершает действие определенным способом, с помощью чего-либо (с дат. п.).

3. Значение цели (с дат. и вин. п.).

4. Значение времени.

а) Указание на повторяющееся во времени действие (с дат. п.).

б) Указание на действие, происходящее в течение продолжительного периода (с дат. п.).

в) Указание на действие, осуществленное в определенное время (с дат. п.).

г) Указание на действие, длящееся до определенного времени (с вин. п.).

д) Указание на действие, осуществляемое после определенного момента (с предл. п.).

5. Значение причины (с дат. п.).

6. Значение количества (с дат., вин. и род. п.).

7. Значение меры проявления действия или признака, достигшего определенного предела (с вин. п.).

<u>II. Объектные отношения</u>

1. *Указание на* объект физического действия (с дат. п.).

2. *Указание на* объект как сферу распространения интеллектуального действия (с дат. п.).

3. *Указание на* объект горестного чувства (с дат. и предл. п.).

<u>III. Определительные (атрибутивные) отношения</u>

1. *Указание на* характеристику кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний (с дат. п.).

2. *Указание на* характеристику людей по общности местонахождения, сферы деятельности, по родству и т.п. (с дат. п.)

<u>IV. Ограничительные отношения (в рамках комплетивных)</u> (с дат. п.)

Разработав классификацию значений предлога ПО, мы применили ее к анализу конкретного языкового материала с целью выявить наиболее активные в современном русском языке значения предлога ПО, а также особенности их реализации в текстах научного и официально-делового стилей.

Рассмотрение семантики предлога ПО с позиций стилевой дифференциации языка позволило нам более точно определить связь того или иного значения предлога ПО с определенным функциональным стилем (о чем подробнее будет сказано ниже). Для этого мы провели наблюдения над частотностью его употребления в текстах научного и официально-делового стилей. Чтобы сопоставление стало возможным, мы взяли примерно одинаковый объем текстов каждого стиля (около 800 страниц формата А4) и подсчитали, сколько раз предлог ПО встречается в каждом значении в текстах каждого стиля. Кроме этого, в рамках каждого стиля мы выделили ряд более узких областей и провели подобное сопоставление и среди них, чтобы посмотреть, как функционирует предлог ПО внутри стиля.

Свои наблюдения мы произвели на языковом материале, включающем 2 860 контекстов, содержащих предлог ПО (811 – из текстов научного стиля, 2 049 – из текстов официально-делового стиля), извлеченных путем сплошной выборки из текстов научного (800 страниц) и официально-делового (800 страниц) стилей. Анализ данных контекстов с позиций разработанной классификации значений предлога ПО позволил нам сделать ряд выводов, которые мы предлагаем ниже. Наши выводы основываются на статистических подсчетах, которые в обобщенном виде представлены в табл. 1.

Данные статистические подсчеты позволили нам сделать следующие выводы об особенностях функционирования предлога ПО в научном и официально-деловом стилях.

1) Предлог ПО при примерно равном объеме взятых для анализа текстов почти в 2,5 раза чаще используется в официально-деловом стиле, чем в научном: на 800 страниц текстов научного стиля – 811 случаев употребления, на 800 страниц текстов официально-делового стиля – 2 049 случаев упо-

требления. Этот факт позволяет утверждать наличие более тесной связи у предлога ПО именно с официально-деловым стилем. Можно говорить о существовании у предлога ПО (в некоторых его значениях) функционально-стилевой окраски официально-делового стиля.

Таблица 1

Частотность употребления предлога ПО в различных значениях в научном и официально-деловом стилях

Значение предлога ПО	Количество контекстов с предлогом ПО	
	Научный стиль	***Официально-деловой стиль***
I. Обстоятельственные отношения	597 (74%)	898 (44%)
I.1. Значение места	***101***	***36***
I.1.а. *Указание на то, что кто-, что-либо находится на / действует по поверхности чего-либо*	12	–
I.1.б. *Указание на то, что кто-, что-либо находится / действует по одному направлению, задаваемому чем-либо*	**57**	4
I.1.в. *Указание на то, что кто-, что-либо действует, распространяется в ограниченных пределах*	20	19
I.1.г. *Указание на то, что кто-, что-либо находится / действует в разных направлениях / местах*	12	13
I.2. Значение образа действия	***412***	***739***
I.2.а. *Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо*	293	707
I.2.б. *Указание на то, что кто-, что-либо соответствует чьему-либо мнению, чьей-либо теории*	114	4
I.2.в. *Указание на то, что кто-, что-либо совершает действие определенным способом, с помощью чего-либо*	5	28
I.3. Значение цели	–	***3***
I.4. Значение времени	***37***	***70***
I.4.а. *Указание на повторяющееся во времени действие*	1	1
I.4.б. *Указание на действие, происходящее в течение продолжительного периода*	–	–
I.4.в. *Указание на действие, осуществленное в определенное время*	1	–
I.4.г. *Указание на действие, длящееся до определенного времени*	16	4
I.4.д. *Указание на действие, осуществляемое после определенного момента*	19	65
I.5. Значение причины	***24***	***42***
I.6. Значение количества	***23***	***8***
I.7. Значение меры проявления действия или признака, достигшего определенного предела	–	–
II. Объектные отношения	15 (2%)	83 (4%)
II.1. Указание на объект физического действия	***10***	–
II.2. Указание на объект как сферу распространения интеллектуального действия	***4***	***83***
II.3. Указание на объект горестного чувства	***1***	–
III. Определительные (атрибутивные) отношения	134 (17%)	1 053 (52%)
III.1. Указание на характеристику кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний	***131***	***1 053***
III.2. Указание на характеристику людей по общности местонахождения, сферы деятельности, по родству и т.п.	***3***	–
IV. Ограничительные отношения (в рамках комплетивных)	65 (8%)	15 (0,7%)
Всего контекстов:	**811**	**2 049**

В текстах научного и официального делового стиля предлог ПО выражает все возможные (для него) отношения, но чаще других – обстоятельственные и определительные отношения, в рамках которых реализуются разнообразные значения данного предлога. Однако есть некоторые различия в выражении отношений между стилями.

Так, подавляющее большинство контекстов научного стиля (74% от общего количества) выражают обстоятельственные отношения, процент контекстов с определительными отношениями небольшой (17%). В то время как контексты с определительными отношениями в официально-деловом стиле преобладают (52% от общего количества), хотя и процент контекстов с обстоятельственными отношениями тоже высок (44%).

В рамках обстоятельственных отношений как в научном, так и в официально-деловом стиле наиболее частотным оказалось значение образа действия (в официально-деловом контексты с этим значением встретились почти в 2 раза чаще). Следовательно, это одно из активных значений предлога ПО в русском языке. Причем данное значение чаще всего реализует такой свой оттенок, как ‘указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо’.

2) В рамках значения I.2.а ‘указание на то, что кто- , что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо’ в научном и в официально-деловом стилях смысловые оттенки реализовались по-разному (табл. 2).

Если в рамках научного стиля смысловой оттенок ‘определяться на основании некоего параметра’ встречается в 2/3 контекстах, то в текстах официально-делового стиля он проявляются очень редко. Это связано, на наш взгляд, со спецификой данных стилей. В научном стиле чаще происходит разъяснение того или иного явления, для чего применяется классификация, сопоставление, распределение по группам, отнесение рассматриваемого явления по какому-

либо параметру к тому или иному классу. То есть данное значение выполняет познавательно-определительную функцию. Сравним, например: *Возможность* ***соотнесения*** *или противоположения некоторых объектов* ***по*** *тому или иному* ***признаку*** (Залевская А.А. Введение в психолингвистику); *Формы субъективного существования* ***различаются по степени*** *жесткости детерминации их поведения* (Философия: учебник / под ред. А.Ф. Зотова и др.); ***По*** *своим физиологическим* ***характеристикам*** *обезьяна, конечно,* ***является животным*** (Там же); ***Различия*** *прокариотических и эукариотических клеток* ***по наличию*** *гистонов* (Биология: учебник / под ред. В.Н. Ярыгина); ***Различающихся по структуре*** (Биология с основами экологии: учебник / под ред. А.С. Лукаткина); ***По*** *своему механическому* ***составу*** *почвы* ***бывают*** (Там же); ***Группировали по органам*** (Лебедев Е.В. Комплексный физиологический анализ таксационных данных фитомассы древостоев…); *При* ***сравнении*** *показателей летальности* ***по полу*** *выявлено* (Иванова С.В. и др. Клинико-эпидемиологический профиль подросткового рака).

Таблица 2

Частотность использования смысловых оттенков значения
I.2.а. Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо
в научном и в официально-деловом стилях

Оттенки значения	Всего контекстов	
	В научном стиле	В официально-деловом стиле
Определяться на основании некоего параметра	131	14
Действовать на основании неких данных, фактов	65	87
Действовать в соответствии с определенным способом организации явления	48	44
Действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания	21	211
Действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами	11	194
Действовать в соответствии с некими официальными отношениями, договоренностями	–	117
Действовать в соответствии с существующими системными отношениями и связями	–	40
Определяться в соответствии с неким способом наименования	9	–
Определяться на основании некоего способа измерения	8	–
Всего:	**293**	**707**

В официально-деловом стиле определение явления также очень важно, но оно происходит в основном не через глагольный тип словосочетаний, в которых на первом плане находится познавательное действие, а через тип именных словосочетаний, в которых на первом плане находятся предмет и его характеристика (определительные отношения). Следовательно, можно считать рассматриваемый оттенок значения предлога ПО в рамках обстоятельственных отношений более связанным с научным стилем.

Смысловой оттенок предлога ПО ‘действовать на основании неких данных, фактов’ проявился в достаточной мере в обоих стилях, так как актуальной как для одного, так и для другого является опора в действиях на какие-либо основания: в научно стиле при этом чаще ссылаются на научные работы и другие источники информации, в официально-деловом – на факты и данные. Сравним, например, научный стиль: ***По результатам*** *исследований* ***был сделан вывод*** (Дубровский Д. Тексты специальной прагматики (троллинг и пародия) как исследовательская проблема); ***По публикациям*** *разных лет* ***можно проследить*** *трактовку…* (Залевская А.А. Введение в психолингвистику); ***По подсчетам*** *различных историков* (Семин В.П. Отечественная история: учебное пособие); ***По сообщениям*** *современников* (Там же); ***По результатам*** *этого исследования* ***было выявлено…*** (Шипицына Е.А. и др. Первый триместр беременности: метаболические особенности адаптации…); ***По данным*** *международной организации* (Головачёв В.И. Инновационная сфера как определяющий фактор качества экономического развития); официально-деловой: *Участники корпорации... вправе...* ***оспаривать****... сделки* ***по основаниям****, предусмотренным статьей 174* (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 65.2.1); ***По результатам*** *рассмотрения заявления... суд* ***принимает*** *решение* (Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Раздел 2, 3. Ст. 206.2); ***Рассмотреть*** *дело* ***по*** *имеющимся в деле* ***доказательствам*** (Там же. Ст. 131.4); *Мотивы,* ***по которым*** *суд* ***отверг*** *те или иные доказательства* (там же. Ст. 170.4.1); ***Принятие… решений… по итогам*** *процедуры* (Договор о Евразийском экономическом союзе); ***По фактам*** *хищений...* ***принимает меры*** (Организационно-правовые основы деятельности Вятского государственного гуманитарного университета).

Смысловой оттенок предлога ПО ‘действовать в соответствии с определенным способом организации явления’ также с одинаковой частотой встречается и в научном, и официально-деловом стилях. Сравним, например, научный стиль: *Проведение* ***мониторинга по*** *представленной* ***методике*** (Дубровский Д. Тексты специальной прагматики (троллинг и пародия) как исследовательская проблема); *Системы* ***по принципу*** *обратной связи* ***работают*** (Биология с основами экологии: учебник / под ред. А.С. Лукаткина); ***Сгруппировать*** *слова* ***по*** *этому же* ***принципу*** (Залевская А.А. Введение в психолингвистику); *Изменения,* ***происходящие*** *внутри языка* ***по*** *его собственным* ***законам*** (Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху); официально-деловой: *Документы...* ***изготовлены… по*** *установленной* ***форме*** (Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам); *Решения...* ***принимаются по принципу*** (Договор о Евразийском экономическом союзе); *Совет* ***работает по плану*** (Организационно-правовые основы деятельности Вятского государственного гуманитарного универси-

тета); ***Строится по*** *территориальному* ***принципу*** (Устав Общероссийского движения «Преображение»).

Смысловой оттенок предлога ПО ‘действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания’ встречается в обоих стилях, однако в официально-деловом стиле он наиболее частотен в рамках рассматриваемого значения I.2.а (и встречается в 10 раз чаще, чем в научном стиле), в то время как в научном стиле встречается довольно редко. Это связано с императивным характером текстов официально-делового стиля, которые в основном призваны выражать чью-либо волю. Следовательно, данный смысловой оттенок можно считать связанным с официально-деловым стилем. Сравним, например, научный стиль: ***По совету*** *Пушкина* (Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник»); *Его* ***допустили по*** *специальному* ***распоряжению*** *императора* (Там же); *Бояре* ***живут по*** *своей* ***воле*** (Семин В.П. Отечественная история: учебное пособие); ***Был убит по приказу*** *царя* (Там же); ***Творят*** *научные гипотезы и теории* ***по*** *своему собственному* ***усмотрению*** (Удальцов В.Г. К вопросу о системном в исторических явлениях); официально-деловой: *Обязано* ***возместить по требованию*** *юридического лица* (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 53.1.1); ***Может быть исключен*** *из кооператива* ***по решению*** *общего собрания* (Там же. Ст. 106.5.2); ***Расторжение*** *трудового договора* ***по инициативе*** *работодателя* (Отраслевое соглашение по организациям, находящимся…); *Отзыв работника из отпуска* ***осуществляется по*** *письменному* ***распоряжению*** *работодателя* (Там же); *Не* ***явился*** *в судебное заседание...* ***по вызову*** *суда* (59, ст. 148.1.9); ***Развивает по поручению*** *Совета контакты* (Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств…); ***Рассматривает по предложению*** *совета комиссии вопросы* (Договор о Евразийском экономическом союзе); ***Могут присутствовать по приглашению*** (Там же); *Реорганизация...* ***осуществляется по решению*** *Конференции* (Устав Межрегиональной Общественной Организации помощи детям…); *Обязуется* ***устранить по требованию*** *Заказчика* (Договор оказания услуг по декоративному оформлению помещений и площадок).

Смысловой оттенок предлога ПО ‘действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами’ в 17 раз чаще встречается в официально-деловом стиле, в научном стиле он весьма редок. Это также обусловлено спецификой официально-делового стиля. Сравним, например: *Ликвидация,* ***осуществляемая по правилам*** *настоящего Кодекса* (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 63.3); *Лицо,* ***по ходатайству*** *которого* ***были вызваны*** *эксперты* (Арбитражный процессуальный кодекс. Ст. 162.4); ***Выступать*** *от его имени...* ***по доверенности*** (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 84.2); ***Предоставляется*** *работнику* ***по*** *его письменному* ***заявлению*** (Отраслевое соглашение по организациям, находящимся…); *Права и обязанности…* ***определяются по законодательству*** (63); *Предоплате,* ***предоставляемой по договорам*** (Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством…); *Разработка предложений о* ***приеме*** *на работу* ***по конкурсу*** *в соответствии с порядком* (Организационно-правовые основы деятельности Вятского государственного гуманитарного университета).

Смысловые оттенки предлога ПО ‘действовать в соответствии с некими официальными отношениями, договоренностями’ и ‘действовать в соответствии с существующими системными отношениями и связями’ не были обнаружены нами в научном стиле, однако в официально-деловом они довольно частотны, что свидетельствует об их связи именно с этим стилем. Сравним, например: *Учредитель... не* ***отвечает по обязательствам*** *юридического лица* (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 56.2); *Баланс* ***утверждается по согласованию*** (Там же. Ст. 63.2); ***Осуществляется по*** *общему* ***согласию*** (Там же. Ст. 71.1); ***Утвердить по согласованию*** *с Министерством* (94). *Заявление...* ***подается*** *в арбитражный суд* ***по месту*** *нахождения* (Арбитражный процессуальный кодекс. Ст. 208.1); ***Поступающих*** *на работу* ***по*** *полученной* ***специальности*** (Отраслевое соглашение по организациям, находящимся…); ***Формирование…*** *ставок заработной платы* ***по*** *квалификационным* ***уровням*** (Отраслевое соглашение по организациям, находящимся…).

Смысловые оттенки предлога ПО ‘определяться в соответствии с неким способом наименования’ и ‘определяться на основании некоего способа измерения’ были выделены только на материале текстов научного стиля (довольно редки), в текстах официально-делового стиля данные оттенки не встретились. Сравним, например: *Общая* ***оценка*** *здоровья больным (ООЗБ) в мм* ***по*** *100 мм визуальной аналоговой* ***шкале*** (ВАШ) (Олюнин Ю.А. Ревматоидный артрит); ***Называние*** *царя* ***по имени*** *(«великий Петр») почти сразу заменяется многозначительным «он»* (Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник»); ***Называется*** *товаром Гиффена,* ***по имени*** *английского экономиста Р. Гиффена* (Курс экономической теории: учебник / под общей редакцией М.Н. Чепурина).

3) В рамках значения образа действия предлога ПО активность проявил смысловой оттенок ‘указание на то, что кто-, что-либо соответствует чьему-либо мнению, чьей-либо теории’, однако данный оттенок реализуется в основном в текстах научного стиля. Сравним, например: ***По предположению*** *Пушкина* (Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник»); ***По мнению*** *теоретиков искусства* (Лебедев И.В. Жанр фэнтези и авантюрно-приключенческая литература); ***По определению*** *К.Г. Фрумкина* (Там же); ***По мнению*** *критика* (Строганова И.А. «Пути небесные» И.С. Шмелева: жанровый и стилевой синтез); ***По*** *их* ***наблюдению*** (там же); ***По утверждению*** *Т.А. Махновец* (Там же).

4) Обстоятельственное значение места предлога ПО встретилось в нашем материале в относительно небольшом количестве контекстов, преимущественно в научном стиле, причем их большая часть связана со значением ‘указание на то, что кто-, что-либо находится / действует по одному направлению, задаваемому чем-либо’. Сравним, например: ***По*** *этим* ***путям*** *славяне* ***ездили*** *торговать к грекам* (Семин В.П. Отечественная история: учебное пособие); *Владимир* ***вел***

строительство *крепостей* ***по рекам*** (Там же. С. 39); *Миофибриллы* ***проходят*** *непрерывно* ***по*** *всей* ***длине*** *мышечного волокна* (Биология с основами экологии: учебник / под ред. А.С. Лукаткина); ***Расположены по бокам*** *позвоночника* (Там же); *Тела* ***движутся по*** *определенным* ***траекториям*** (Общая химия: учебник / под ред. С.Ф. Дунаева); *Планеты солнечной системы* ***движутся*** *по эллиптическим* ***орбитам*** (Детлаф А.А. Курс физики: учебное пособие); *Вектор скорости* ***направлен по касательной*** (Там же).

Несколько реже встречается обстоятельственное значение времени, в основном в значении ‘указание на действие, осуществляемое после определенного момента’, более проявившемся в официально-деловом стиле. Сравним, например: *Предоставление... отпусков* ***осуществляется... по окончании*** *учебного года* (Отраслевое соглашение по организациям, находящимся…); ***Продажа*** *товара* ***по истечении*** *установленного срока годности* (Закон РФ «О защите прав потребителей». Ст. 5.5); ***Производится по окончании*** *финансового года* (Гражданский кодекс РФ. Глава 4. Ст. 106.5.1); *Возраст,* ***по достижении*** *которого* ***наступает*** *административная ответственность* (Кодекс РФ об административных правонарушениях. Ст. 2.3.); ***Осуществляется по получении*** (Соглашение между Правительством РФ и Правительством…); ***Разрешено… по*** *его* ***получении*** (Там же).

Остальные обстоятельственные значения и их оттенки встречаются в нашем материале довольно редко. Это обусловлено тем, что они связаны с частными ситуациями узко-конкретного содержания, описываемыми в текстах нечасто, по мере необходимости. Это общеязыковые значения предлога ПО, не обнаруживающие связи с определенным стилем и не отличающиеся в целом активностью в современном языке.

5) В нашем материале предлог ПО достаточно редко используется в словосочетаниях с объектными отношениями. В подавляющем большинстве это контексты официально-делового стиля со значением ‘указание на объект как сферу распространения интеллектуального действия’. Сравним, например: ***Консультировать*** *их* ***по вопросам*** *защиты прав потребителей* (Закон РФ «О защите прав потребителей». Ст. 44); *Судьи* ***совещаются по вопросам*** (Арбитражный процессуальный кодекс. Ст. 184.5); *Решение...* ***принятое по*** *данному* ***делу*** (Арбитражный процессуальный кодекс. Раздел 2. Ст. 211.5.1); ***Давать разъяснения... по вопросам*** (Организационно-правовые основы деятельности Вятского государственного гуманитарного университета); ***Выражать*** *своё* ***мнение по*** *любому* ***вопросу*** (Там же); ***Голосования по*** *данному* ***вопросу*** (Там же).

6) Определительные отношения, как уже было сказано выше, являются одними из наиболее частотными при функционировании предлога ПО. Причем наиболее часто они встречаются в текстах официально-делового стиля со значением III.1. ‘указание на характеристику кого-, чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний’ (больше половины контекстов официально-делового стиля). В рамках данного значения мы выделили следующие смысловые оттенки (табл. 3).

Таблица 3

Частотность использования смысловых оттенков значения
III.1. Указание на характеристику кого-, чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний
в научном и в официально-деловом стилях

Оттенки значения	**Всего контекстов**	
	В научном стиле	**В официально-деловом стиле**
Характеристика неодушевленных объектов *Целевой оттенок*	78 43	893
Характеристика людей // Наименование людей по профессии, должности	10	25
Наименование официальных организаций	–	111
Наименование документов	–	24
Всего:	**131**	**1 053**

Подсчеты показали, что словосочетания с данным значением в 8 раз чаще встречаются в официально-деловом стиле, что позволяет нам говорить о наличии у них соответствующей стилевой окраски. В рамках данного значения, как видим, чаще всего реализуется смысловой оттенок ‘характеристика неодушевленных объектов’, причем часто (в официально-деловом стиле почти всегда) он сопровождается дополнительным значением цели. Это связано с тем, что зависимые слова в словосочетаниях данного типа часто выражены отглагольными существительными, имеющими значение действия, на выполнение которого ориентировано то, что названо главным словом. Сравним, например: ***Полномочиями по рассмотрению*** *заявок* (Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил отбора….»); *Заседания рабочей* ***группы... по мониторингу*** (Приказ «Об утверждении Порядка рассмотрения…»); ***Предложения по разработке*** (Там же); ***Мероприятий по совершенствованию*** *работы* (Там же); ***Комиссии по оценке*** *выполнения показателей* (Там же); ***Предложения по определению*** *приоритетных направлений* (Приказ «О Научном совете Минздрав. РФ»); ***Работы по поиску****, отбору талантливой молодежи* (Организационно-правовые основы деятельности Вятского государственного гуманитарного университета); ***Мероприятий по формированию*** *духовно-нравственной культуры* (Там же); ***Рекомендации по корректировке*** *действий* (Там же).

Смысловые оттенки ‘наименование официальных организаций’ и ‘наименование документов’ встретились нам только в текстах официально-делового стиля.

7) Выделенный нами ограничительный тип отношений (IV) проявился в основном в контекстах научного стиля. Сравним, например: *Корреляция между МП и ЧПФ...* ***была слабой... по азоту****, фосфору и калию* (Лебедев Е.В. Комплексный физиологический анализ таксационных данных фитомассы); *Не имеющим* ***по масштабам равных*** (Биология: учебник / под ред. В.Н. Ярыгина); ***Наименьшую по размерам*** *структуру* (Там же); *Явление,* ***сходное по результату*** (Там же); *Фауна...* ***близка по*** *видовому* ***составу*** *к заповедника. Амурской обл.* (Безбородов В.Г. Пластинчатоусые жуки…); *Данный период* ***аналогичен по строению*** *шестому* (Общая химия: учебник / под ред. С.Ф. Дунаева); *Проблем, которые* ***по*** *своей* ***природе*** *являются* ***многоцелевыми*** (Овсянникова Р.В. Макрорегионы в системе стратегического планирования…); ***Первое*** *место* ***по уровню*** *инновационной активности* (Головачёв В.И. и др. Инновационная сфера как определяющий фактор качества экономического развития).

Таким образом, статистические подсчеты позволили выделить наиболее частотные в современном русском языке отношения и значения предлога ПО: чаще всего выражаются обстоятельственные и определительные отношения, в их рамках наиболее активны значения «Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо», «Указание на то, что кто-, что-либо соответствует чьему-либо мнению, чьей-либо теории», «Указание на характеристику кого-, чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний».

Сопоставление частотности употребления словосочетаний с предлогом ПО в данных значениях в разных стилях позволило сделать выводы о наличии у ряда значений функционально-стилевой окраски. Так, окраской официально-делового стиля характеризуются значения и их оттенки:

I.2.а. Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо:

– действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания;

– действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами;

– действовать в соответствии с некими официальными отношениями, договоренностями;

– действовать в соответствии с существующими системными отношениями и связями.

III.1. Указание на характеристику кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний:

– характеристика неодушевленных объектов;

– наименование официальных организаций;

– наименование документов;

I.4.д. Указание на действие, осуществляемое после определенного момента;

II.2. Указание на объект как сферу распространения интеллектуального действия.

Окраской научного стиля характеризуются значения:

I.2.а. Указание на то, что кто-, что-либо действует в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо:

– определяться на основании некоего параметра;

– определяться на основании некоего способа измерения.

I.1.б. Указание на то, что кто-, что-либо находится / действует по одному направлению, задаваемому чем-либо.

I.2.б. Указание на то, что кто-, что-либо соответствует чьему-либо мнению, чьей-либо теории.

IV. Ограничительные отношения (в рамках комплетивных).

В результате проведенного анализа значения предлога ПО, оцениваемые современными лингвистами как «размытые» и неконкретные, были уточнены и детализированы путем выделения более узких и конкретных смысловых оттенков. На основе частотности употребления предлога ПО в научном и официально-деловом стилях была установлена взаимосвязь отдельных значений предлога с данными стилями. Перспективой данного исследования представляется дальнейшее изучение особенностей функционирования предлога ПО в газетно-публицистическом и разговорном стилях, а также в нелитературных формах русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1986. 640 с.
2. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971. 270 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие. М. : Логос, 2001. 304 с.
4. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском языке (словосочетание). М., 1966. 156 с.
5. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ред. Е.А. Земская. М., 1996. 480 с.
6. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001. 557 с.
7. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966. 400 с.
8. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. 789 с.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова М., 1996. С. 316–318.
10. Словарь современного литературного русского языка : в 17 т. М., 1960. Т. 10. С. 5–10.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. С. 148–150.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. 944 с.
13. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009. 834 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. ; М., 1998. 1536 с.
15. Фен Мин, Наумова Н.Г. Значения предлога ПО в современном русском языке (по данным словарей) // Семантика. Функционирование. Текст.: сб. науч. тр. Киров, 2015. С. 66–74.
16. Бондаренко В.С. Предлог в современном русском языке. М., 1961. 75 с.
17. Иомдин Л.Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32: Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 94–120.
18. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке: словарь-справочник. М., 1997. 304 с.
19. Narloch Andrzej. Активизация субстантивных предложных словосочетаний в современном русском языке. Poznań, 2011. 250 с.
20. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. 710 с.
21. Фен Мин. К проблеме описания семантики предлога ПО: пространственные отношения // Вестник ВятГ: научный журнал. № 3. 2017. С. 79–84.

22. Фен Мин, Наумова Н.Г. Современные направления исследования семантики предлогов // Современные тенденции в науке, технике, образовании : сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., 31 марта 2017 г. Смоленск, 2017. С. 126–130.
23. Фен Мин, Наумова Н.Г. Объектные, определительные, ограничительные значения в семантике предлога ПО // Современные тенденции развития науки и технологий : период. науч. сб. по материалам XXIV Междунар. науч.-практ. конф., 31 марта 2017 г. Белгород, 2017. С. 117–121.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2019 г.

Features of the Semantics and Functioning of the Preposition *PO* in Modern Russian (On the Material of Texts of the Scientific and Official Style)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 44–53.
DOI: 10.17223/15617793/441/6
Natalya G. Naumova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: aj-latan@yandex.ru
Keywords: semantics; meanings of the preposition *PO*; official style; scientific style; stylistic connotation.

This article presents the results of a study on the identification of features of the semantics and functioning of the preposition “PO” in modern Russian. The relevance of the study is due to the need to study changes in the field of the functioning of prepositions (in particular, the preposition “PO”) occurring along the lines of modern language processes. One of the most polysemantic prepositions of the Russian language, the preposition “PO” currently demonstrates an increased activity (it is used in various constructions with different types of syntactic relations), which leads to the blurring of its semantics. In this regard, the aim was set to identify and describe meanings of the preposition “PO” that are the most active in modern Russian and features of their implementation in the texts of the scientific and official functional styles. For this, the author analyzed the scientific and reference works of literature devoted to the description of the preposition “PO”, and developed her own classification of meanings based on the types of syntactic relations: attributive, subjective, objective, adverbial, completive (complementary in phrases). Then this classification was applied in the semantic analysis of the features of the functioning of the preposition in the texts of the scientific and official styles. About the same number of texts of each style (800 pages of A4 format) was taken for comparative analysis. The language material of the study comprised 2,860 contexts with the preposition “PO” (811 from scientific style texts, 2,049 from official style texts) extracted by continuous sampling. The analysis consisted in determining the type of meaning in each context and making the necessary statistical calculations. Conclusions about the most frequent relations in modern Russian and meanings of the preposition “PO” and about the stylistic connotation of some meanings were made as a result of the analysis. Thus, adverbial and attributive relations are the most frequent. In their framework, the meanings of “indication that sb./sth. acts according to sth., based on sth.”, “indication that sb./sth. is consistent with sb.’s opinion, sb.’s theory”, “indication of the characteristics of sb./sth. in relation to the field of activity, area of knowledge” are the most active. The meanings of the preposition “PO”, assessed by modern linguists as “blurred” and non-specific, were refined and detailed by identifying narrower and more specific semantic shades as a result of the analysis. The interrelation of some meanings of the preposition “PO” with the scientific and official styles was established on the basis of the frequency of this preposition’s usage in them. *A f*urther study of the features of the functioning of the preposition “PO” in journalistic and colloquial styles, as well as in non-literary forms of Russian, can become the prospect of this study.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: the grammatical doctrine of the word]. Moscow: Vyssh. shk.
2. Gorbachevich, K.S. (1971) *Izmenenie norm russkogo literaturnogo yazyka* [Change of the norms of the Russian literary language]. Leningrad: Prosveshchenie.
3. Valgina, N.S. (2001) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow: Logos.
4. Shvedova, N.Yu. (1966) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke (slovosochetanie)* [Active processes in modern Russian (phrase)]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Glovinskaya, M.Ya. (1996) Aktivnye protsessy v grammatike [Active processes in grammar]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki rus. kul’tury.
6. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (2001) *Grammaticheskaya pravil’nost’ russkoy rechi. Stilisticheskiy slovar’ variantov* [The grammatical correctness of the Russian language. Stylistic dictionary of variants]. Moscow: Nauka.
7. Prokopovich, N.N. (1966) *Slovosochetanie v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [The phrase in the modern Russian literary language]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
9. Ushakov, D.N. (ed.) (1996) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Terra.
10. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1960) *Slovar’ sovremennogo literaturnogo russkogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern literary Russian language: in 17 vols]. Vol. 10. Moscow: USSR AS. pp. 5–10.
11. Evgen’eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar’ russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: A TEMP.
13. Lopatin, V.V. & Lopatina, L.E. (2009) *Tolkovyy slovar’ sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern* Russian language]. Moscow: Eksmo.
14. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg; Moscow: Norint.
15. Feng Ming & Naumova, N.G. (2015) Znacheniya predloga PO v sovremennom russkom yazyke (po dannym slovarey) [The meanings of the preposition PO in modern Russian (according to the dictionaries)]. In: Chernov, V.I. (ed.) *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst* [Semantics. Functioning Text]. Kirov: VSHU.
16. Bondarenko, V.S. (1961) *Predlog v sovremennom russkom yazyke* [A preposition in modern Russian]. Moscow: Uchpedgiz.
17. Iomdin, L.L. (1991) Slovarnaya stat’ya predloga PO [Dictionary entry of the preposition PO]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Semiotika i informatika* [Semiotics and computer science]. Is. 32. Moscow: VINITI. pp. 94–120.
18. Rozental’, D.E. (1997) Upravlenie v russkom yazyke: slovar’-spravochnik [Subordination in Russian: A reference dictionary]. Moscow: AST.

19. Narloch, A. (2011) *Aktivizatsiya substantivnykh predlozhnykh slovosochetaniy v sovremennom russkom yazyke* [Activation of substantive prepositional phrases in modern Russian]. Poznań: Instytut Filologii Rosyjskiej UAM.

20. Shvedova, N.Yu. et al. (eds. (1900) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

21. Feng Ming. (2017) To the problem of description of the semantics of the preposition PO: spatial relations. *Vestnik VyatGU – Herald of Vyatka State University*. 3. pp. 79–84. (In Russian).

22. Feng Ming & Naumova, N.G. (2017) [Modern trends in the study of the semantics of prepositions]. *Sovremennye tendentsii v nauke, tekhnike, obrazovanii* [Modern trends in science, technology, education]. Proceedings of the II International Conference. 31 March 2017. Smolensk: NOVALENSO. pp. 126–130. (In Russian).

23. Feng Ming & Naumova, N.G. (2017) [Objective, determinative, restrictive meanings in the semantics of the preposition PO]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy* [Modern trends in the development of science and technology]. Proceedings of the XXIV International Conference. 31 March 2017. Belgorod: APNI. pp. 117–121. (In Russian).

Received: 26 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 54–61. DOI: 10.17223/15617793/441/7

УДК 81-119

С.А. Симатова

КОНФЛИКТНЫЙ ДИАЛОГ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КИТАЕ

Описываются содержательные аспекты китайских лингвистических исследований конфликтного диалога в период с 2004 по 2018 г. Подробно рассматриваются характер используемого языкового материала, применяемые в ходе исследований теории и методы, предмет исследований. В результате анализа делается вывод об отличительных особенностях рассмотренных исследований, а также о некоторых проблемах, которые в определенной степени могут сдерживать дальнейшее развитие китайских лингвистических исследований конфликтного диалога.

Ключевые слова: конфликтный диалог; языковой материал; ключевые теории и методы; предмет исследования; понятие «лица»; вежливость / невежливость.

Введение

Конфликт как одна из древнейших форм взаимодействия людей является объектом исследования многих наук. В учебнике по конфликтологии А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова среди них называются следующие: история, политология, педагогика, философия, искусствоведение, социобиология, математика, психология, правоведение, социология, военные науки [1]. Как можно заметить, в этом списке отсутствует лингвистика, хотя, казалось бы, именно она играет наиболее важную роль в деле изучения речевого проявления конфликта – конфликтного диалога. Отсутствие лингвистики в списке ведущих наук по изучению конфликтного общения вступает в явное противоречие с обилием лингвистических исследований конфликта, которые появились за последние десятилетия. Назрела проблема систематизации и оценки накопленного опыта изучения конфликтного диалога в лингвистике.

В целом под конфликтным диалогом исследователями понимается диалог со значением конфронтации, т.е. речевая дисгармоничность в общении, возникающая из-за разницы позиций коммуникантов по одному и тому же вопросу [2, 3]. В англоязычных источниках наиболее популярным термином, который используется для обозначения рассматриваемого нами явления, выступает «conflict talk» («конфликтный разговор»). В русскоязычном научном пространстве фигурируют термины «конфликтный дискурс» и «конфликтное взаимодействие». В китайских источниках доминируют различные варианты перевода западного термина «conflict talk» – «冲突话语» и «冲突性话语», которые также могут выступать удачным вариантом перевода русскоязычного термина «конфликтный дискурс», поскольку лексема «话语» нередко используется для перевода английского термина «discourse». Термин «конфликтный диалог», на наш взгляд, более приемлем при проведении лингвистического исследования, поскольку на данный момент выглядит определеннее, нежели термины «конфликтный разговор», «конфликтный дискурс» и «конфликтное взаимодействие». Под конфликтным диалогом понимается определенный тип диалогического текста, в то время как «конфликтный разговор» и «конфликтное взаимодействие» вообще не являются чисто лингвистическими терминами, а термин «конфликтный дискурс» довольно размыт из-за многочисленных трактовок понятия «дискурс». По указанным причинам далее по ходу статьи мы будем придерживаться термина «конфликтный диалог».

В обзорных параграфах отечественных диссертационных исследований, касающихся изучения процесса конфликтного общения, обычно упоминаются только работы российских и западных (европейских и американских) лингвистов. В настоящее время в российском лингвистическом сообществе довольно мало известно об исследованиях конфликтного общения в китайской лингвистике и вообще о состоянии современной китайской лингвистики в целом. Это связано с ограниченным доступом к китайскоязычным источникам в российском интернет-пространстве, а также, в большинстве случаев, и с отсутствием качественного перевода данных источников. Целью настоящей статьи является освещение основных содержательных аспектов китайских лингвистических исследований конфликтного диалога, а также критическая оценка этих исследований, в результате чего выявляются их положительные и проблемные стороны. На наш взгляд, это позволит составить более полное представление об истории изучения конфликтного общения в лингвистике и наметить перспективы дальнейшей работы в данном направлении.

В статье представлены результаты анализа 59 китайских источников за период с 2004 по 2018 г.[1] (см. рис. 1), среди них статьи в периодических научных журналах, магистерские диссертации и одна диссертация PhD.

Как видно из рис. 1, наибольшая часть работ по обсуждаемой проблеме выпущена после 2010 г., что свидетельствует о явном повышении интереса китайских лингвистов к проблеме конфликтного общения в последнее время (резкое увеличение количества исследований по конфликтному общению в 2016 г., может быть, в том числе, связано с развернутыми в это время многочисленными международными конфликтами). Среди журналов, в которых опубликованы изученные статьи, и среди университетов, где были защищены диссертации по рассматриваемой проблеме, наблюдается большое разнообразие: 33 журнала и 18 университетов (табл. 1, 2).

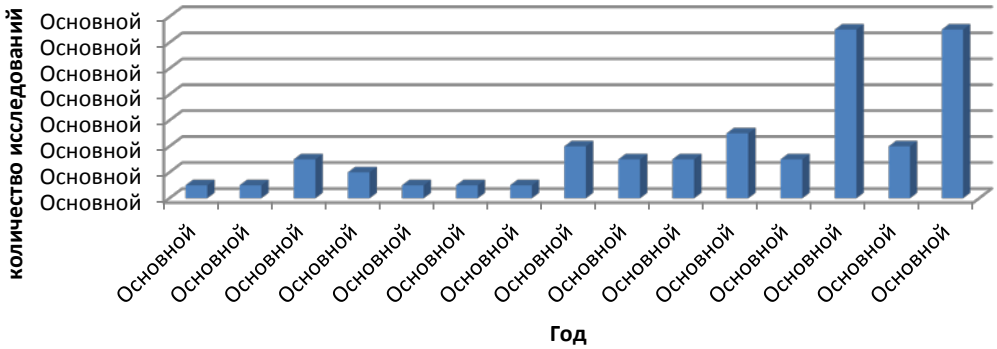


Рис. 1. Китайские лингвистические исследования конфликтного диалога (2004–2018 гг.)

Таблица 1

Китайские журналы, в которых опубликованы результаты исследований конфликтного диалога (2004–2018 гг.)

№	Название журнала на китайском языке	Название журнала на английском языке	Кол-во исследований, посвященных конфликтному диалогу в период с 2004 по 2018 г.
1	现代外语	Modern Foreign Languages	2
2	学理论	Theory Research	1
3	东北大学学报	Journal of Northeastern University	1
4	外语与外语教学	Foreign Languages and Their Teaching	1
5	太原城市职业技术学院学报	Journal of Taiyuan Urban Vocational College	1
6	海外英语	Overseas English	2
7	新乡学院学报	Journal of Xinxiang University	1
8	开封教育学院学报	Journal of Kaifeng Institute of Education	1
9	吉林广播电视大学学报	Journal of Jilin Radio and TV University	1
10	科技经济导刊	Technology and Economic Guide	1
11	当代电视	Contemporary TV	1
12	外语教学	Foreign Language Education	1
13	当代外语研究	Contemporary Fofeign Languages Studies	1
14	赤子	Spiritual Leaders	1
15	现代语文	Modern Chinese	1
16	合肥工业大学学报（社会科学版）	Journal of Hefei University of Technology	1
17	云梦学刊	Journal of Yunmeng	1
18	上海理工大学学报	Journal of University of Shanghai for Science and Technology	1
19	河北北方学院学报	Journal of Hebei North University	1
20	外语学刊	Foreign Language Research	2
21	哈尔滨学院学报	Journal of Harbin University	1
22	语文建设	Language Planning	1
23	牡丹江大学学报	Journal of Mudanjiang University	1
24	河北工程大学学报	Journal of Hebei University of Engineering	1
25	文学教育	Literature Education	1
26	考试周刊	Kaoshi Zhoukan (нет официального англоязычного названия)	1
27	宿州学院学报	Journal of Suzhou University	1
28	武汉纺织大学学报	Journal of Wuhan Textile University	1
29	辽宁工程技术大学学报	Journal of Liaoning Technical University	1
30	科技经济导刊	Technology and Economic Guide	1
31	东北师大学报	Journal of Northeast Normal University	1
32	佳木斯职业学院学报	Journal of Jiamusi Vocational Institute	1
33	滁州职业技术学院学报	Journal of Chuzhou Vocational and Technical College,	1

Таблица 2

Китайские университеты, в которых защищены диссертации по конфликтному диалогу (2004–2018 гг.)

№	Название университета на китайском языке	Название университета на английском языке	Кол-во исследований, посвященных конфликтному диалогу в период с 2004 по 2018 г.
1	东北师范大学	Northeast Normal University	4
2	湖南工业大学	Hunan University of Technology	1
3	黑龙江大学	Heilongjiang University	3
4	兰州交通大学	Lanzhou Jiaotong University	1
5	山东大学	Shandong University	1
6	渤海大学	BOHAI University	1
7	云南师范大学	Yunnan Normal University	1
8	信阳师范大学	Xinyang Normal University	1
9	电子科技大学	University of Electronic Science and Technology of China	1
10	福建师范大学	Fujian Normal University	1
11	延边大学	Yanbian University	1
12	燕山大学	Yanshan University	1
13	西南大学	Southwest University	1
14	山西大学	Shanxi University	1
15	华中师范大学	Central China Normal University	1
16	山东农业大学	Shandong Agricultural University	1
17	沈阳师范大学	Shenyang Normal University	1
18	曲阜师范大学	Qufu Normal University	1

Из табл. 1 видно, что по количеству опубликованных научных работ по проблеме конфликтного диалога выделяются журналы *Современные иностранные языки* (现代外语), *Английский язык за границей* (海外英语) и *Исследования иностранного языка* (外语学刊), где за указанный период было опубликовано по две работы. В табл. 2 показано, что больше всего диссертаций за указанный период защищено в Хэйлунцзянском университете (黑龙江大学) и в Северо-Восточном педагогическом университете (东北师范大学). Большинство изученных работ написаны на китайском языке, исключение составляют англоязычные магистерские диссертации, которые выполнены по специальностям, связанным с английским языком, например «Иностранная лингвистика и прикладная лингвистика», «Английская филология» и т.д. В целом выявленные направления исследований будут совпадать как для китайского, так и для английского языкового материала, однако наиболее интересны для анализа те работы, которые выполнены на базе китайского языка, поскольку в них западные лингвистические теории применяются на непривычном языковом материале.

Характер используемого языкового материала

Прежде всего, следует отметить чрезвычайное разнообразие источников языкового материала, используемого в анализируемых работах: 1) реальная устная речь [4–8]; 2) сериалы и фильмы, в том числе ситкомы [9–18 и т.д.]; 3) телепрограммы [19, 20]; 4) художественные произведения, в том числе пьесы [21–26]; 5) речи американских политиков [27–30]; 6) Чаты в Интернете [31]. Наиболее популярный источник для выбора конфликтных диалогов – сериалы и фильмы.

Значительная часть исследований характеризуется использованием нескольких из указанных источников для отбора языкового материала [32–37 и т.д.]. Иногда источник отбора конфликтных диалогов не указывается [38–41].

В ряде работ исследуется конфликтный диалог в целом, однако есть и немало примеров анализа конкретных типов конфликтного диалога, выделяемых в зависимости от участников и сферы общения: 1) в медицинской сфере между врачами или между врачом и пациентом [13, 42]; 2) между возлюбленными [19]; 3) между бизнес-партнерами [7]; 4) между друзьями или подругами [15]; 5) между студентами [8]; 6) между политическими деятелями [28–30]. Доминируют исследования, где анализу подвергаются диалоги между членами семьи: 1) между членами семьи в целом [17]; 2) между свекровью и невесткой [43–45]; 3) между тещей и зятем [43, 45]; 4) между мужем и женой [4, 12, 16, 23, 32, 46, 47]; 5) между старшим и младшим поколениями, обычно между родителями и детьми [9, 11, 18, 20, 48].

Исследования, в которых в качестве языкового материала используются записанные диалоги, не требуют наличия транскрипционной (нотационной) системы. Однако системы транскрипции нередко отсутствуют и в тех работах, где анализируются устные диалогические тексты. Иногда в качестве принципов транскрипции указывается перевод в письменную форму с использованием привычных знаков препинания [9, 18], что по своей сути не является транскрипционной системой. Некоторые китайские лингвисты [5, 49] используют в исследованиях заимствованную транскрипционную систему Д. Таннена [50], как правило, в сокращенном варианте. Кроме того, нередко наблюдается следующая ситуация: по примерам диалогов, которые встречаются в текстах работ, видно, что они записаны с использованием какой-то транскрипционной

системы, но при этом сама система и ее источник в работах не описываются [4, 7, 11, 15, 19, 35].

Применяемые теории и методы

В рассмотренных источниках обычно подробно описывается теория, на которую опирается автор. Методы анализа языкового материала в китайской лингвистике, как правило, заимствуются из предыдущих исследований, выполненных в рамках выбранной автором теории. Содержание методов анализа в изученных нами работах подробно не раскрывается, в разделе «Методы исследования» указываются только такие общие методы, как количественный и качественный анализ, наблюдение и описание.

Исходя из содержания изученных работ, мы можем сделать вывод, что у китайских ученых и исследователей, занимающихся конфликтным диалогом, наибольшей популярностью пользуются заимствованные американские и европейские лингвистические теории. На первом месте стоит Теория речевых актов (ТРА), разработанная Дж. Остином и усовершенствованная Дж. Серлем. Как правило, ТРА применяется совместно с другими теориями из области прагматики, включая принцип кооперации Г.П. Грайса [10, 13, 47], принцип вежливости Дж. Лича [10, 34, 39, 47], теорию вежливости П. Брауна и С. Левинсона [19, 33, 39, 43 и т.д.], модели невежливости Дж. Кулпепера и Д. Боусфилда [9, 11, 16, 18, 19, 22, 26, 28, 43, 45 и т.д.]. Иногда в качестве основы для исследования указывается комплекс теорий дискурсивного анализа, прагматики и стилистики без описания их авторских вариантов [5, 6]. Нередко вместе с опорой на ТРА используется методика конверсационного анализа [9, 15, 30–32, 38, 49].

Кроме ТРА, китайские ученые и исследователи предпочитают опираться на теорию лингвистической адаптации Д. Фершуерена (Verschueren's Linguistic adaptation theory) [32, 41 и т.д.] и теорию / модель регулирования взаимоотношений Х. Спенсер-Оатей (H. Spencer-Oatey's Rapport management theory / model) [27, 42 и т.д.]. Обе теории разработаны в рамках прагматики и социолингвистики. Следует отметить, что в русскоязычном пространстве содержание этих теорий практически не освещено.

Среди других лингвистических теорий, используемых в китайских исследованиях в качестве опорных, можно перечислить следующие: теория релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон (D. Sperber & D. Wilson's Relevance theory) [21, 22], теория приспособления Х. Гилес и П. Повесланд (H. Giles & P. Powesland's Accomodation theory) [33], теория диалогического синтаксиса Дж.В. Дю Буа (J.W. Du Bois's Dialogic syntax) [51], теория аргументации Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста (F.H. van Eemeren and R. Grootendorst's Theory of argumentation) [6] и т.д. В качестве дополнительных объясняющих теорий в двух работах использованы теория власти М. Фуко [7] и культурная теория Г. Ховстеде [49]. В российских исследованиях конфликтного диалога описание указанных теорий встречаются крайне редко.

Исследований, где бы опора шла на теории, разработанные китайскими лингвистами, чрезвычайно мало. Это касается не только трудов по конфликтному общению, но и китайских лингвистических исследований в целом. Нам удалось обнаружить несколько работ, где в качестве основы выбран принцип цели, выдвинутый китайскими учеными Гу Юего и Ляо Мэйчжэнь (顾曰国, 廖美珍) [5, 20, 36]. Принцип цели представляет собой дальнейшее развитие прагматических принципов Г.П. Грайса и Дж. Лича. Ученик Дж. Лича Гу Юего утверждал, что современная прагматика выглядит неполной без так называемой риторики разговора. Главная задача риторики разговора заключается в анализе риторической трансакции, т.е. процесса влияния собеседников друг на друга для достижения своих коммуникативных целей [5. С. 41]. Ключевая идея Гу Юего состоит в том, что любые прагматические явления (например, перлокутивные акты) проявляются исключительно в процессе взаимодействия собеседников, т.е. в случае активности обеих сторон общения. Заслуга Ляо Мэйчжэнь состоит в том, что он создал на основе принципа цели полноценную лингвистическую теорию, центральным понятием которой стало понятие целевых отношений [20. С. 14]. Если цели собеседников совпадают, то в диалоге наблюдаются отношения сотрудничества. Если же цели сталкиваются, то мы имеем дело с конфликтным диалогом. Материалом исследования Гу Юего были диалоги между врачом и пациентом, а материалом исследования Ляо Мэйчжэнь – диалоги в зале суда.

Интерес представляет теория китайского исследователя, которая упоминается в одной из изученных статей по анализу оборонного дискурса на примере диалогов между КНР и США [29], – это модель культурологического анализа китайскоязычного дискурса Ши Сюй. Новаторство Ши Сюй заключается в том, что он одним из первых заявил о несправедливом доминировании западных теорий дискурса. В своей работе ученый отмечает излишнее стремление западных теорий дискурса к глобализации и универсализации, из-за чего, по его мнению, совершенно не учитывается фактор принадлежности дискурса к определенной культуре. Если и говорится о культурных моментах, то в стороне остаются восточные культуры, в том числе китайская. Лингвокультуролог Ши Сюй говорит об игнорировании и замалчивании культурной специфики дискурсов восточных народов со стороны западноевропейских теорий, что вызывает, в свою очередь, непризнание западными лингвистами альтернативных подходов к анализу дискурса, разработанных в восточных странах [52. С. 5]. В работе Ши Сюй подробно описываются философский, теоретический и методологический аспекты анализа китайскоязычного дискурса, приводятся многочисленные примеры из китайской истории и литературы, демонстрирующие своеобразие китайскоязычного дискурса, что, по мнению автора, доказывает неприменимость западных принципов анализа для китайского языкового материала.

Предмет исследований

В качестве предмета исследования в изученных работах в основном выступают стратегии, или типы, речевого поведения в конфликтном диалоге и соответствующие им поверхностные языковые средства. Рассмотренные исследования конфликтного диалога можно разделить на две большие группы, в зависимости от анализируемой структурной части конфликтного диалога. Первая группа включает работы, где выявляются стратегии и тактики для всех трех основных стадий (и структурных частей, соответственно) конфликтного диалога, выделенных с прагматической точки зрения, т.е. начальной, кульминационной (собственно конфликтной) и завершающей [9, 11, 16, 25, 38 и т.д.]. Вторая группа – исследования стратегий и тактик, используемых на отдельных стадиях конфликта: начальной [41] или завершающей [23, 44, 48]. Центральной единицей анализа обычно выступает диалогическое единство реплики-стимула (РС) и реплики-реакции (РР). Есть несколько исследований, где анализируются стратегии только в РС [33, 37] и только в РР [4, 17, 41, 42].

Наибольшее разнообразие описываемых тактик наблюдается при рассмотрении завершающей стадии конфликта. Среди основных тактик указываются следующие: смена темы (转移话题), выход из диалога (退出), победа одной стороны (一方获胜), вмешательство третьей стороны (第三方介入), уступка (妥协退步), прерывание по объективным причинам (客观环境中止), ирония и юмор (诙谐幽默), окончание диалога без победы или поражения (不分胜负), выход из диалога с помощью невербальных средств (非言语退出). Примечательно, что разные авторы указывают фактически одни и те же тактики, частично изменяя их названия. Например, для тактики уступки в изученных нами работах предложены следующие названия: 妥协退步/妥协让步 («компромисс и уступка»), 自愿妥协让步 («уступка по собственному желанию»), 和解让步 («мирное разрешение и уступка»), 屈服顺从 («повиновение»), 一方妥协 («одна сторона соглашается»).

В процессе исследования стратегий и тактик конфликтного общения часто затрагиваются психологическая и социальная стороны конфликта: описывается разница в используемых стратегиях и тактиках для людей, разных по характеру или находящихся в разных типах взаимоотношений [7, 12], для разных членов семьи [18, 43], для разных национальностей [29]; анализируются причины выбора тех или иных стратегий и тактик [45], а также оценивается эффект, произведенный использованием определенных стратегий и тактик [40].

Выводы

В целом направленность китайских исследований конфликтного диалога совпадает с направленностью подобных исследований в отечественном языкознании: предметом исследования выступают стратегии и тактики, используемые коммуникантами в процессе ведения конфликтного диалога (среди недавних отечественных исследований подобного плана см.: [53]). Отличительной чертой китайских работ в сфере изучения конфликтного общения является популярность различных теорий вежливости и так называемой теории лица (в рамках модели П. Брауна и С. Левинсона). Примечательно, что даже в англоязычных работах, где описываются данные теории, приводятся в основном примеры из китайского языка. Вероятно, это связано с особой значимостью категории лица в китайской культуре. Так, известный российский китаевед Н.А. Спешнев говорит о существовании для китайца социального лица (面子), которое указывает на положение человека в обществе (честь, слава, почет), и морального лица (脸), означающего уважение к самому себе и уважение других к себе [54. С. 128]. Обе категории нашли отражение в различных устойчивых сочетаниях китайского языка, например 丢脸 («потерять лицо»), 不要脸 («бессовестный»), 给面子 («дать возможность другому сохранить лицо»), 增加面子 («наращивать лицо», т.е. стремиться увеличить свой имидж) и т.д. При общении с другими китаец стремится «сохранить лицо» и предоставить возможность сохранить лицо своему собеседнику. С этой точки зрения конфликтные диалоги китайского языка особенно интересны для изучения: можно выявить, как и когда собеседники нарушают или соблюдают принцип сохранения лица, какие приемы они для этого используют.

Еще одной особенностью изученных китайских работ является указание на значимость исследований конфликтного диалога для уменьшения конфликтов между людьми в различных сферах жизни [8, 13, 19, 20, 39 и т.д.], для сокращения разногласий в семье [11, 12, 18, 32, 43, 44, 48] и в целом для создания гармоничного общества [14, 24, 34, 42, 49, 51]. Эксплицитное подчеркивание подобной значимости исследований конфликтного диалога свидетельствует об общем стремлении китайцев к гармонии с окружающим миром. Это соотносится с известным конфуцианским принципом «золотой середины» (中庸之道), который велит «не вдаваться в крайности, поступать надлежащим образом и умеренно» [54. С. 26]. Принцип гармонии связан и с вышеупомянутой категорией лица, поскольку гармония в обществе создается путем приспособления, т.е. благодаря учету связей и лица собеседника [54. С. 23–24].

В некоторых из рассмотренных исследований идет опора на теории, которые еще недостаточно освещены в русскоязычном научном пространстве, в частности теорию / модель регулирования взаимоотношений Х. Спенсер-Оатей, теорию лингвистической адаптации Д. Фершуерена, теорию релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон (Rapport management model / theory, Accomodation theory, Relevance theory). Труды, выполненные на основе перечисленных теорий, могут быть полезны российским исследователям конфликтного диалога для того, чтобы по-другому взглянуть на изучаемый феномен и, возможно, выработать какой-то альтернативный подход. Несомненным плюсом большинства китайских исследований, на наш взгляд, является очень четкое и подробное описание опорной теории, что однозначно устанавливает рамки исследования.

Вместе с тем хотелось бы отметить некоторые проблемы, которые, по нашему мнению, характерны для китайских исследований конфликтного диалога. Во-первых, в качестве опорных используются в основном только западные теории, своих фундаментальных разработок в области теории языка в Китае чрезвычайно мало. Возможно, именно с этим связан тот факт, что за рассмотренный нами период с 2004 по 2018 г. в рамках проблемы конфликтного общения защищена всего лишь одна диссертация PhD.

Во-вторых, в связи с тем, что во многих исследованиях под разными названиями выделяются фактически однотипные стратегии и тактики ведения конфликта и опора при этом идет на одни и те же практические исследования китайских коллег, к сожалению, не во всех изученных работах очевидны научная новизна и теоретическая значимость.

В-третьих, практически во всех проанализированных нами работах недостаточно подробно описаны методы исследования. Во введении диссертаций, как правило, упоминаются только такие общие методы, как объяснение и описание, количественный и качественный анализ, в то время как алгоритм анализа именно для данного исследования конфликтного диалога не описан вовсе.

В-четвертых, во многих исследованиях на материале устных диалогов не описывается система транскрипции. Даже если присутствуют транскрипционные знаки, то их крайне мало, и им не дается расшифровки. Кроме того, исследователи часто не указывают, на базе какой нотационной системы создана их система. И, наконец, на фоне огромной популярности в Китае различных социальных сетей и большого числа мессенджеров удивляет малое количество исследований на материале интернет-источников, что, на наш взгляд, было бы актуально для сферы конфликтного общения именно на китайском языке.

Заключение

В статье критически проанализированы современные китайские исследования конфликтного диалога: описаны характер используемого в работах языкового материала, применяемые китайскими лингвистами теории и методы, предмет исследований. Обнаружено сходство предмета китайских и отечественных лингвистических исследований по конфликтному диалогу (коммуникативные стратегии и тактики, а также языковые средства их выражения). Выяснено, что для китайских исследований характерен особый интерес к концепции «лица», а также подчеркивание значимости проведенного исследования для достижения гармонии в обществе. При общей структурной выдержанности изученных работ и подробном описании опорных теорий наблюдаются некоторые проблемы, которые, на наш взгляд, в определенном отношении сдерживают дальнейшее развитие китайских лингвистических исследований конфликтного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Источники выбраны с помощью тематического поиска (поиск по словосочетаниям “冲突话语”, “冲突话语分析”) в системе «Инфраструктуры национальных знаний» на сайте www.cnki.net. Система была создана в 1999 г. при поддержке одного из ведущих китайских вузов – университета Цинхуа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология : учеб. для вузов. М. : Юнити, 2000. 551 с.
2. Conflict talk: sociolinguistic investigations in conversations / ed. by A.D. Grimshaw. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 359 p.
3. Stewart K.A., Maxwell M.M. Storied Conflict Talk. Narrative construction in mediation. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. 137 p.
4. 李祥云, 张德禄. 争吵话语结构特点研究// 外语与外语教学. 2007. 第12 期. 4–7.
5. 赵英玲. 汉语冲突话语语用修辞研究: 博士学位论文. 长春市., 2008. 199页.
6. 赵英玲, 狄艳华. 汉语冲突言语事件中的论证话语分析// 东北大学学报(社会科学版). 2009. 第11卷第5期. 449–460.
7. 杨文慧. 从话语权看冲突性话语中的人际化线索// 现代外语. 2013. 第36 卷第4 期. 371–378.
8. 胡琼. 大学生日常话语冲突// 学理论. 2014. 第30 期. 175–176.
9. Luo Qingyuan. Cross-generation Conflict Talk from the Perspective of Discourse Analysis – Contrastive Study of I Love my Family and Growing Pains: master dissertation. Chengdu., 2007. 84 p.
10. 王春宜. 中国情景剧“武林外传”中冲突性话语模式研究: 硕士学位论文. 长春市., 2011. 51页.
11. Liu Yanbin. The Analysis of Conflict Talks in “Qing Chun Qi” Zhuang Shang Geng Nian Qi: master dissertaton. Qufu., 2012. 52 p.
12. 易姣. 《婚姻保卫战》中夫妻间冲突性话语的顺应性研究: 硕士学位论文. 株洲市., 2013. 92页.
13. 徐瑾. 电视剧医患冲突性话语语用分析: 硕士学位论文. 昆明市., 2014. 71页.
14. 于金池. 汉语口语冲突性话语标记研究——以热播影视剧《虎妈猫爸》为例: 硕士学位论文. 锦州市., 2016. 46页.
15. 王梦梦. 会话结构视角下女性朋友间的冲突话语模式——以《欢乐颂》为例// 新乡学院学报. 2017. 第34卷第2期. 43–46.
16. 马小莉. 当代电视剧中夫妻冲突话语的语用分析// 吉林广播电视大学学报. 2017. 第6期. 117–118.
17. 邹丽玲. 《我的前半生》中家庭冲突性话语语用效应分析// 当代电视. 2018. 第2期. 32–33.
18. Hong Ju. A Study of Conflict Talk Between Parents and Children from the Perspective of Impoliteness: master dissertation. Changchun, 2018. 62 p.
19. Cheng Xinran. Analyzing Conflict Talk Between Lovers in Love Battle: a Perspective of Impoliteness: master dissertation. Fuzhou, 2016. 89 p.
20. 刘艳波. 目的原则视域下真人秀《爸爸去哪儿》: 硕士学位论文. 哈尔滨市., 2018. 46页.
21. 赵忠德, 张琳. 从关联理论看话语冲突// 外语教学. 2005. 第26 卷第1期. 17–21.
22. 高萍. 剧本中冲突性话语研究: 硕士学位论文. 延吉市., 2006. 48页.
23. 肖欢. 顺应论视角下《围城》中冲突性话语的研究: 硕士学位论文. 秦皇岛市., 2014. 75页.
24. 吉锡媛. 冲突话语中缓和策略使用的人际语用理据// 当代外语研究. 2015. 第7期. 30–34.
25. 洪长宇. 《人生》冲突话语分析// 赤子. 2016. 第3期. 第51页.
26. 杨帆. 冲突性话语中刻意不礼貌回应策略研究——以小说《亮剑》中的冲突性话语为例// 现代语文. 2016. 第3期. 132–135.
27. 陈曼. 2016年美国总统大选第二场电视辩论冲突性话语研究// 合肥工业大学学报(社会科学版). 2018. 第32卷第4期. 73–78.
28. Jing Ran. A Study of the Conflict Talks in the American Presidential Candidate Debates from the Perspective of Impoliteness: master dissertation. Changchun, 2018. 77 p.
29. 龚双萍, 张韧. 中美冲突性国防话语的文化话语分析 // 云梦学刊. 2018. 第39卷第2期. 7–11.
30. 高璇. 基于冲突话语的总统竞选辩论语言研究—以特朗普和希拉里为例: 硕士学位论文. 哈尔滨市., 2018. 59页.

31. Du Lingli. Analysis of Conflict Talk on IRC: master dissertation. Chongqing., 2006. 79 p.
32. Wang Minling. A Pragmatic Study of Conflict Talk between Couples in Chinese Verbal Communicaion: master dissertation. Taiyuan, 2006. 72 p.
33. 冉永平. 冲突性话语趋异取向的语用分析// 现代外语. 2010. 第33 卷第2 期. 150–157.
34. 张春丽. 争吵行为的语用学分析. 硕士学位论文. 武汉市, 2009. 50 页.
35. 王渊渊. 汉语冲突性话语中的话语标记研究. 硕士学位论文. 泰安市, 2013. 55页.
36. 杨文秀, 胡小琴, 许梅玲. 隐性冲突话语的发展模式新论// 上海理工大学学报(社会科学版). 2015. 第37卷第2期. 133–139.
37. 郦辉. 冲突性话语生成机制的语用分析// 河北北方学院学报(社会科学版). 2016. 第32卷第3期. 84-86, 98.
38. 赵英玲. 冲突话语分析// 外语学刊. 2004. 第5期. 37–42.
39. 陈翠, 袁林. 汉语交际中的冲突性话语研究// 哈尔滨学院学报. 2015. 第36卷第12期. 89–92.
40. 悲燕萍. 语用学下冲突性话语效应的分析// 语文建设. 2016. 第11期. 95–96.
41. 郦辉, 袁鸣, 邵京京. 顺应论视角下冲突性话语的语用表现// 牡丹江大学学报. 2018. 第27卷第6期. 66–71.
42. 王佳佳, 寇丽明. 冲突性话语的缓和回应策略——以医患会话为例// 河北工程大学学报(社会科学版). 2016. 第33卷第3期. 92–94, 116.
43. 任苗苗. 家庭成员冲突性话语中的不礼貌现象研究. 硕士学位论文. 济南市, 2016. 71页.
44. 何文彬. 婆媳冲突话语软着陆策略研究——以《麻辣婆媳》为例// 开封教育学院学报. 2017. 第37 卷第5期. 51–53.
45. 任苗苗, 刘红英, 徐晓娟. 基于不礼貌原理的婆媳间、岳母女婿间冲突性话语研究// 海外英语. 2018. 第1期. 199–200, 207.
46. 赖小玉. 汉语语境下夫妻间冲突性话语的顺应性研究// 外语学刊. 2011.第4期. 59–63.
47. 穆林. 冲突话语研究——以电视剧《离婚律师》为例. 硕士学位论文. 哈尔滨, 2016. 83页.
48. 吕丽佳, 刘燕燕. 青春期亲子关系中冲突性话语结束方式分析// 文学教育. 2018. 第5期. 64–65.
49. 宋艳妮. 中美情景喜剧中冲突性话语对比分析——以《爱情公寓》和《老友记》为例. 硕士学位论文. 兰州市, 2016. 66页.
50. Tannen D. Conversational Style. Analyzing Talk among Friends. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. 244 p.
51. 杨玉顺. 冲突性话语中的对话共振研究// 太原城市职业技术学院学报. 2016. 第6期. 203–205.
52. Shi-xu. Chinese Discourse Studies. Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2014. 223 p.
53. Коверина М.С. Языковые показатели речевых стратегий и тактик в конфликтной ситуации общения (на примере ток-шоу «Пусть говорят») // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 1 (17). С. 120–125.
54. Спешнев Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб. : КАРО, 2011. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 ноября 2018 г.

Conflict Dialogue: A Critical Review of Linguistic Studies in China

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 54–61.
DOI: 10.17223/15617793/441/7

Sofya A. Simatova, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sonyachita14@mail.ru

Keywords: conflict dialogue; language material; basic theories and methods; subject of studies; notion “face”; politeness/impoliteness.

The article focuses on the analysis of linguistic studies of conflict dialogue undertaken in China between 2004 and 2018. The necessity of the analysis is determined by the lack of information on Chinese linguistic studies of conflict dialogue and Chinese linguistics in general in the Russian linguistic community. This situation is connected with the problem of limited access to the Chinese language resources in the Russian Internet and the absence of high-quality Russian translations of most of these Chinese language resources. The analysis is based on 58 Chinese resources, including scientific articles, master theses and PhD theses. It seems that most of the studies have been carried out after 2010. Three journals and two universities stand out among the others as they have more studies on conflict dialogue in the period under review. The article discusses the types of language material used in the analyzed works, basic theories and methods selected for research as well as the subject of studies. One of the features of Chinese studies is the diversity of empirical data: dialogues in professional sphere, among family members and friends, and so on. The most popular source of language material in Chinese studies is TV plays and films. The theoretical background for the analyzed works in most cases is presented by European and American linguistic theories. Some of these theories have a short or no description in Russian-language scientific resources. The subject of studies of conflict dialogue both in Chinese and Russian linguistics includes communicative strategies, tactics and language means used for their realization. The analysis shows that Chinese linguists pay a special attention to the theories of politeness/impoliteness and to the conception of “face”. It is also emphasized in many works that conflict talk studies are important for creating harmony in society. These moments can be partly connected with the role of the face category in Chinese culture in general and a philosophical principle of achieving harmony with the world that has been crucial in China since ancient times. Although the Chinese scientific works under review are well structured and include detailed descriptions of their theoretical background, there are still certain problems that in some ways hinder the development of Chinese linguistic studies of conflict dialogue, they include: (1) lack of Chineses fundamental linguistic theories; (2) non-obvious theoretical significance and novelty of some studies; (3) poor description of methods used; (4) lack of transcription systems in many studies of spoken discourse; (5) lack of attention to the Internet as a source of language material in most of the studies, which contrasts with the great development of the Chinese Internet and different messengers.

REFERENCES

1. Antsupov, A.Ya. & Shipilov, A.I. (2000) *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow: YuNITI.
2. Grimshaw, A.D. (ed.) (1990) *Conflict talk: sociolinguistic investigations in conversations*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Stewart, K.A. & Maxwell, M.M. (2010) *Storied Conflict Talk. Narrative construction in mediation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
4. 李祥云, 张德禄. 争吵话语结构特点研究 // 外语与外语教学. 2007. 第12 期. 4–7.
5. 赵英玲. 汉语冲突话语语用修辞研究: 博士学位论文. 长春市. 2008. 199页.
6. 赵英玲, 狄艳华. 汉语冲突言语事件中的论证话语分析// 东北大学学报（社会科学版）. 2009. 第11卷第5期. 449–460.
7. 杨文慧. 从话语权看冲突性话语中的人际化线索 // 现代外语. 2013. 第36 卷第4 期. 371–378.
8. 胡琼. 大学生日常话语冲突 // 学理论. 2014. 第30 期. 175–176.
9. Luo Qingyuan. (2007) *Cross-generation Conflict Talk from the Perspective of Discourse Analysis – Contrastive Study of I Love my Family and Growing Pains*: master dissertation. Chengdu.
10. 王春宜. 中国情景剧“武林外传”中冲突性话语模式研究: 硕士学位论文. 长春市. 2011. 51页.

11. Liu Yanbin. (2012) *The Analysis of Conflict Talks in "Qing Chun Qi" Zhuang Shang Geng Nian Qi*: master dissertaton. Qufu.
12. 易姣. 《婚姻保卫战》中夫妻间冲突性话语的顺应性研究: 硕士学位论文. 株洲市. 2013. 92页.
13. 徐瑾. 电视剧医患冲突性话语语用分析: 硕士学位论文. 昆明市. 2014. 71页.
14. 于金池. 汉语口语冲突性话语标记研究——以热播影视剧《虎妈猫爸》为例: 硕士学位论文. 锦州市. 2016. 46页.
15. 王梦梦. 会话结构视角下女性朋友间的冲突话语模式——以《欢乐颂》为例 // 新乡学院学报. 2017. 第34卷第2期. 43–46.
16. 马小莉. 当代电视剧中夫妻冲突话语的语用分析 // 吉林广播电视大学学报. 2017. 第6期. 117–118.
17. 邹丽玲.《我的前半生》中家庭冲突性话语语用效应分析 // 当代电视. 2018. 第2期. 32–33.
18. Hong Ju. (2018) *A Study of Conflict Talk Between Parents and Children from the Perspective of Impoliteness*: master dissertation. Changchun.
19. Cheng Xinran. (2016) *Analyzing Conflict Talk Between Lovers in Love Battle: a Perspective of Impoliteness*: master dissertation. Fuzhou.
20. 刘艳波. 目的原则视域下真人秀《爸爸去哪儿》: 硕士学位论文. 哈尔滨市. 2018. 46页.
21. 赵忠德, 张琳. 从关联理论看话语冲突 // 外语教学. 2005. 第26 卷第1期. 17–21.
22. 高萍. 剧本中冲突性话语研究: 硕士学位论文. 延吉市. 2006. 48页.
23. 肖欢. 顺应论视角下《围城》中冲突性话语的研究: 硕士学位论文. 秦皇岛市. 2014. 75页.
24. 吉锡媛. 冲突话语中缓和策略使用的人际语用理据 // 当代外语研究. 2015. 第7期. 30–34.
25. 洪长宇. 《人生》冲突话语分析 // 赤子. 2016. 第3期. 第51页.
26. 杨帆. 冲突性话语中刻意不礼貌回应策略研究——以小说《亮剑》中的冲突性话语为例 // 现代语文. 2016. 第8期. 132–135.
27. 陈曼. 2016年美国总统大选第二场电视辩论冲突性话语研究 // 合肥工业大学学报（社会科学版）. 2018. 第32卷第4期. 73–78.
28. Jing Ran. (2018) *A Study of the Conflict Talks in the American Presidential Candidate Debates from the Perspective of Impoliteness*: master dissertation. Changchun.
29. 龚双萍, 张韧. 中美冲突性国防话语的文化话语分析 // 云梦学刊. 2018. 第39卷第2期. 7–11.
30. 高璇. 基于冲突话语的总统竞选辩论语言研究—以特朗普和希拉里为例: 硕士学位论文. 哈尔滨市. 2018. 59页.
31. Du Lingli. (2006) *Analysis of Conflict Talk on IRC*: master dissertation. Chongqing.
32. Wang Minling. (2006) *A Pragmatic Study of Conflict Talk between Couples in Chinese Verbal Communicaion*: master dissertation. Taiyuan.
33. 冉永平. 冲突性话语趋异取向的语用分析 // 现代外语. 2010. 第33 卷第2 期. 150–157.
34. 张春丽. 争吵行为的语用学分析: 硕士学位论文. 武汉市. 2009. 50 页.
35. 王渺渺. 汉语冲突性话语中的话语标记研究: 硕士学位论文. 泰安市. 2013. 55页.
36. 杨文秀, 胡小琴, 许艳玲. 隐性冲突话语的发展模式新论 // 上海理工大学学报 (社会科学版). 2015. 第37卷第2期. 133–139.
37. 郦珲. 冲突性话语生成机制的语用分析 // 河北北方学院学报 (社会科学版). 2016. 第32卷第3期. 84-86, 98.
38. 赵英玲. 冲突话语分析 // 外语学刊. 2004. 第5期. 37–42.
39. 陈翠, 袁林. 汉语交际中的冲突性话语研究 // 哈尔滨学院学报. 2015. 第36卷第12期. 89–92.
40. 悲燕萍. 语用学下冲突性话语效应的分析 // 语文建设. 2016. 第11期. 95–96.
41. 郦珲, 袁鸣, 邵京京. 顺应论视角下冲突性话语的语用表现 // 牡丹江大学学报. 2018. 第27卷 第6期. 66–71.
42. 王佳佳, 寇福明. 冲突性话语的缓和回应策略——以医患会话为例 // 河北工程大学学报 (社会科学版). 2016. 第33卷第3期. 92–94, 116.
43. 任苗苗. 家庭成员冲突性话语中的不礼貌现象研究: 硕士学位论文. 济南市. 2016. 71页.
44. 何文彬. 婆媳冲突话语软着陆策略研究——以《麻辣婆媳》为例 // 开封教育学院学报. 2017. 第37 卷 第5期. 51–53.
45. 任苗苗, 刘红英, 徐晓娟. 基于不礼貌原理的婆媳间、岳母女婿间冲突性话语研究 // 海外英语. 2018. 第1期. 199–200, 207.
46. 赖小玉. 汉语语境下夫妻间冲突性话语的顺应性研究 // 外语学刊. 2011.第4期. 59–63.
47. 穆琳. 冲突话语研究——以电视剧《离婚律师》为例: 硕士学位论文. 哈尔滨. 2016. 83页.
48. 吕丽生, 刘燕燕. 青春期亲子关系中冲突性话语结束方式分析 // 文学教育. 2018. 第5期. 64–65.
49. 宋艳妮. 中美情景喜剧中冲突性话语对比分析——以《爱情公寓》和《老友记》为例: 硕士学位论文. 兰州市. 2016. 66页.
50. Tannen, D. (2005) *Conversational Style. Analyzing Talk among Friends*. Oxford, New York: Oxford University Press.
51. 杨玉顺. 冲突性话语中的对话共振研究 // 太原城市职业技术学院学报. 2016. 第6期. 203–205.
52. Shi-xu. (2014) *Chinese Discourse Studies*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
53. Koverina, M.S. (2015) Linguistic Indicators of Verbal Strategies and Tactics in Conflict Situations of Communication (by the Example of the Talk Show "Let Them Talk"). *Vestnik MGPU. Ser. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie – MCU Vestnik. Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 1 (17). pp. 120–125. (In Russian).
54. Speshnev, N.A. (2011) *Kitaytsy: osobennosti natsional'noy psikhologii* [The Chinese: Peculiarities of National Psychology]. St. Petersburg: KARO.

Received: 11 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 62–67. DOI: 10.17223/15617793/441/8

УДК 821.161.1 - Русская литература

Н.А. Тик

РОМАН А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ПЕРЕВОДАХ Э. ЛО ГАТТО

Работа посвящена переводческой рецепции романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» итальянского слависта Этторе Ло Гатто. Объектами внимания исследования являются: эволюция переводческой стратегии Э. Ло Гатто, проблема выбора формы для перевода «романа в стихах», трансформация композиционной структуры оригинала и возможности передачи смыслопорождающего потенциала пушкинского текста в прозаическом и поэтическом вариантах перевода Ло Гатто.

Ключевые слова: Этторе Ло Гатто; Евгений Онегин; художественный перевод; пушкиноведение; русско-европейские литературные связи.

Актуальность настоящего исследования обусловлена непрекращающимся интересом современной гуманитарной науки к диалогу культур, проблемам рецептивной эстетики и переводоведения. В контексте большого количества работ отечественного и зарубежного литературоведения, посвященных западноевропейской рецепции романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (особенно английской, немецкой, французской), история рецепции романа в Италии исследована в меньшей степени. В связи с чем представляется актуальным изучить итальянскую рецептивную историю «Евгения Онегина», дополнив тем самым общую картину восприятия и функционирования романа в стихах в западноевропейском и мировом культурном пространстве.

В настоящее время существует десять полных переводов романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на итальянский язык, предпринятых с 1856 по 2006 г.[1] Среди них особое место занимают два перевода, прозаический и поэтический, выполненные одним автором – итальянским славистом Этторе Ло Гатто. Роль переводов и литературоведческих трудов Э. Ло Гатто в формировании представления о России и русской литературе у итальянского читателя сложно переоценить: Ло Гатто – переводчик, исследователь русской литературы и культуры, а также русско-итальянских взаимосвязей, главное действующее лицо «в ситуации, которую позже назвали рождением итальянской “русистики”» [1. С. 7][2].

Предлагаемая статья посвящена переводческой рецепции Э. Ло Гатто романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Основные задачи: проследить эволюцию переводческой стратегии Э. Ло Гатто, исследовать причины выбора формы для перевода «романа в стихах», особенности композиционной организации и возможности передачи ассоциативного и смыслопорождающего потенциала пушкинского текста в прозаическом и поэтическом вариантах перевода.

Выбор Ло Гатто прозаической формы для первого перевода «Евгения Онегина» (1923), по его собственному признанию, был обусловлен знакомством с переводом Дж. Кассоне (1906), не вызвавшем у Ло Гатто желания повторить подобный «поэтический» переводческий опыт: «…знакомство с переводом Кассоне, выполненным нерифмованным одиннадцатисложником, утвердило меня во мнении <…> о сложности или даже невозможности передать итальянскими стихами иностранную поэзию, в особенности стихи такого поэта, как Пушкин»[3] [2. С. 208–209] (здесь и далее перевод мой. – *Н.Т.*). Но несмотря на это утверждение (а также на то, что перевод стихов прозой – явление вполне традиционное для итальянской переводческой практики тех лет), исследователя продолжает занимать мысль о поиске возможности перевести «роман в стихах» стихами, и он вновь обращается к пушкинскому тексту. Мотивы, побудившие его приступить к работе над стихотворным переводом, Ло Гатто не раз называет в своих письмах и литературоведческих статьях: «Работа эта была задумана давно: речь шла о том, чтобы преодолеть в себе изначальное неприятие стихотворного перевода. Короче: я начал полусерьезно-полушутя переводить пушкинского «Онегина», которого, <…> более десяти лет тому назад перевел в прозе» [1. С. 48]; «Мне хотелось победить собственное отвращение к стихотворному переводу вообще, победить собственным стихотворным переводом» [3. С. 761]; «чтение и перечитывание “романа в стихах” побудило меня предать самого себя. Учитывая, что русский поэт, в сущности, в определенном смысле сам отрицал, что его “роман” может быть переведен прозой <…> в чем и заключался смысл его заявления: “роман в стихах, дьявольская разница”, мое решение было неким вызовом самому себе»[4] [2. С. 209].

Последняя цитата ассоциативно корреспондирует с известной итальянской поговоркой «traduttore, traditore» («переводчик – предатель»), смысл которой в том, что перевод может искажать текст и авторский замысел оригинала. Ло Гатто же ставит вопрос о предательстве переводом не автора оригинала, а самого переводчика, что также верно: переводчик зачастую находится под воздействием собственной национальной литературной традиции (например, неприятие Ло Гатто «стихотворного перевода вообще» – это следствие влияния на него итальянской традиции перевода стихов прозой), и преодоление силы воздействия этой традиции действительно, до некоторой степени, является предательством «самого себя».

Ло Гатто удается осуществить его «дерзкий замысел» [1. С. 48], и в 1937 г. исследователь знакомит итальянского читателя с плодом «настоящей одержимости и многих ночей без сна» [Там же] – со своим новым переводом, на этот раз стихотворным. Для перевода пушкинского 4-стопного ямба Ло Гатто выбирает одиннадцатисложник, называя при этом свой выбор инстинктивным: «При выборе одиннадцатисложника мною руководил в большей степени ин-

стинкт, нежели рассудок»[5] [2. С. 211]. Но помимо отправного «инстинктивного» движения, у Ло Гатто была по крайней мере еще одна причина для выбора одиннадцатисложника: уже во время своей работы над прозаическим переводом он замечает явное сходство онегинской строфы с итальянским сонетом, законы жанра которого требуют определенного размера и рифмы (а также особой схемы рифмовки, которой Ло Гатто, однако, не придерживается, сохраняя схему рифмовки онегинской строфы – оригинального пушкинского изобретения). Национальная поэтическая традиция в каждом языке закрепляет за определенными размерами присущие лишь им функции, на которые и следует ориентироваться переводчику: «…для создания интонации оригинала в поэтическом переводе нужно найти размер, соответствующий выразительным ритмико-интонационным средствам оригинала, и совсем не обязательно повторять размер подлинника <…> таким образом, стих одного языка передается наиболее близким по характеру стихом другого языка, а не прямым перенесением метрическом схемы» [4. С. 93]; «Важно находить такие соответствия, которые основывались бы <…> на сходстве устоявшихся в употреблении того или иного размера в двух метрических системах» [5. С. 71–72] – и таким «соответствием» русскому 4-стопному ямбу в итальянском языке является именно одиннадцатисложник[6]. Дополнительным подтверждением «правомерности» выбора Ло Гатто одиннадцатисложника может служить отзыв о его переводе Вячеслава Иванова, русского поэта, в совершенстве владевшего итальянским языком: «Не хватало до сих пор не только верного, но и художественного итальянского и, – что существенно, – исполненного в чисто итальянских рифмах, перевода» [7. С. 653].

При анализе прозаического и поэтического вариантов перевода Ло Гатто представляется целесообразным рассматривать переводной текст с точки зрения тех свойств и особенностей, которые являются принципиальными для жанровой специфики оригинала (как лироэпического целого). Не имея возможности в рамках данной работы подробно остановиться на реализации всей совокупности жанровых признаков «романа в стихах» в переводах, ограничимся двумя проблемами: воссоздание композиционной структуры и передача ассоциативного и смыслопорождающего потенциала оригинального текста. Известно, что композиционный замысел Пушкина менялся в процессе работы над текстом (и до сих пор вопросы о намеренном или вынужденном изменении композиционной структуры, статусе «Отрывков из путешествия Онегина» и т.п. являются предметом споров даже отечественных литературоведов), кроме того, роман существует в двух редакциях (поглавная и полная), поэтому представляется необходимым проследить, какой редакции придерживается Ло Гатто, а также воспроизводит ли он соотношение поэтических и прозаических компонентов текста. Что касается воссоздания переводчиком ассоциативного и смыслопорождающего потенциала оригинала, данная проблема представляется актуальной в связи с тем, что возможность генерировать смыслы и ассоциации при сравнительно небольшом объеме – это ведущее свойство «Евгения Онегина» как стихотворного текста. В данном случае нас будут интересовать следующие элементы текста, участвующие в организации романа в стихах как единого целого и обладающие смыслопорождающим потенциалом: тематический повтор и игра с читателем, его вовлечение в акт творения романа.

Пушкинский роман (полная редакция) композиционно организован следующим образом: прозаический эпиграф на французском языке; стихотворный эпиграф-посвящение; 8 глав в стихах; примечания Пушкина; отрывки из путешествия Онегина.

Композиция прозаического перевода Э. Ло Гатто содержит:

– Предисловие «Александр Пушкин и “Онегин”» (Introduzione «Alessandro Puškine L’ “Onjéghin”»);

– посвящение Л.С. Пушкину к первому изданию первой главы (Dedica della prima edizione del primo capitolo: Dedicato a mio fratello Leone Serghjeevič Puškin);

– предисловие к первому изданию первой главы: «Вот начало большого стихотворения…» (Prefazione alla prima edizione del primo capitolo);

– посвящение П.А. Плетневу (A Pietro Aleksandrovič Pletnjòv);

– прозаический эпиграф на французском;

– 8 глав в прозаическом переводе;

– приложения к «Онегину» (Appendici all’ «EugenioOnjéghin»): «Странствия Онегина» (Le peregrinazioni di Onjéghin), «Альбом Онегина» (L’Album di Onjéghin), «Дополнительные строфы» (Strofe supplementari), «Попытки возвращения к «Евгению Онегину»[7] (Tentativi di ritorno ad «Eugenio Onjéghin»);

– примечания Пушкина (к изданиям отдельных глав и к полному изданию 1833 г.);

– заметки переводчика.

При жизни А.С. Пушкина роман целиком был напечатан дважды (1833, 1837) в редакции, установленной самим поэтом, что дает основания считать текст дефинитивным. Однако в прозаическом переводе Ло Гатто на уровне композиционной организации можно наблюдать ряд несовпадений с окончательной пушкинской редакцией: перенос композиционных частей и включение в текст фрагментов из ранних и черновых редакций романа. Необходимо отметить, что все эти фрагменты специально обозначаются в тексте как дополнительные, а также получают освещение в «Заметках переводчика», в которых Ло Гатто подробно комментирует пушкинский текст: отдельные строфы, строки, слова; дает культурологический и лингвистический комментарий реалиям («“присядка” в русском национальном танце обозначает набор движений, который включает в себя: приседание, резкое выбрасывание ног вперед и быстрый подъем»[8] [8. P. 258]; «Мы обычно говорим “il Volga”. Представляется необходимым оставить названию женский род, учитывая значение, которое для русских имеет выражение “Волга-матушка”[9] [Ibid. P. 268]); объясняет итальянскому читателю имена исторических персонажей (Iaroslav «Il Savio», Stenka Razin), аллюзии на персонажей литературных произведений (Childe-

Harold, Ciatskij) и реальных друзей и знакомых Пушкина (Vjazemskij, principessa M. Volkonskaja), упоминает о книгах из библиотеки поэта, обстоятельствах его дуэли с Дантесом, цитирует письма Пушкина, работы советских пушкинистов и пр.

Такой подробный корпус комментариев и вставки в перевод текстов, относящихся к творческой истории романа, обнаруживают ориентацию переводчика на неподготовленную аудиторию, желание все объять и объяснить, донести «всего Пушкина» до итальянского читателя.

Композиция поэтического перевода Э. Ло Гатто выстраивается следующим образом:

– двухчастное предисловие (первая часть – Вяч. Иванов о переводе Ло Гатто, вторая – Ло Гатто о жизни и творчестве Пушкина);

– примечание, касающееся перевода русских имен и композиционной организации перевода (Avvertenza);

– прозаический эпиграф на французском;

– стихотворный эпиграф-посвящение;

– 8 глав в стихотворном переводе. Каждой из глав предшествует прозаический комментарий, в котором Ло Гатто знакомит читателя с названиями глав, данными Пушкином в его «Плане» 1830 г. («Хандра», «Поэт» и пр.), дает краткую информацию об обстоятельствах, при которых глава была написана и впервые опубликована, сообщает краткое содержание главы;

– примечания Пушкина;

– отрывки из путешествия Онегина (также предваряющиеся прозаическим комментарием Ло Гатто);

– заметки переводчика (Nota del traduttore);

– пояснительные замечания (Note esplicative): краткий комментарий переводчика к отдельным строфам каждой главы романа.

В стихотворном переводе отступлением от оригинальной композиционной структуры является включение комментариев переводчика непосредственно в текст романа. Данные комментарии отличаются от комментариев, вынесенных за текст. Во-первых, в них отсутствует указание на принадлежность текста переводчику (ср.: во всех переводческих «заметках» и «замечаниях» присутствует соответствующее заглавие («Nota del traduttore», «Note esplicative»), а также подпись переводчика, полное имя или инициалы (Ettore Lo Gatto, e.l.g). Кроме того, об этих комментариях не упоминается в примечании («Avvertenza»), в котором Ло Гатто дает пояснения относительно других своих комментариев к тексту («Nota del Traduttore», «Note esplicative»). Предваряя каждую из восьми глав (следуя за эпиграфами), а также «Отрывки из путешествий Онегина», комментарии переводчика могут давать повод для восприятия их в качестве прозаических элементов оригинального текста (подобно пушкинским прозаическим предисловиям и примечаниям). Упоминание автора-Пушкина (романного или реального) в некоторых комментариях не дают оснований однозначно атрибутировать их Э. Ло Гатто, поскольку Пушкин в романе неоднократно говорит о его авторе в третьем лице, ср.:

Э. Ло Гатто: «Ricco di digressioni e di riferimenti autobiografici, il capitolo si chiude con le amare previsioni dell'autore sull'accoglienza che la sua opera avrà dalla critica» [9. P. 22].

Подстрочный перевод: «Изобилующая отступлениями и автобиографическими отсылками, глава завершается горькими прогнозами автора относительно будущего приема его романа критикой» (Здесь и далее перевод мой. – *Н.Т.*).

А.С. Пушкин: «<…> Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха» [10. С. 193].

Э. Ло Гатто: «<…> nel piano retrospettivo del «romanzo» fatto da Puškin <…>» [9. C. 22].

Подстрочный перевод: «<…> в ретроспективном плане "романа", созданном Пушкиным <…>».

А. С. Пушкин: «А.П.», «Сам П. говаривал»[10] [10. С. 529].

Во-вторых, в комментариях прослеживается связь с ранними редакциями романа, ср.:

Э. Ло Гатто: «In esso il protagonista viene presentato come un giovane esponente della nobiltà pietroburghese, imbevuto di byronismo ed irrimediabilmente annoiato della vita di società che conduce» [9. P. 22].

Подстрочный перевод: «В ней главный герой – молодой представитель петербургского света, проникнутый духом байронизма и безнадежно утомленный светской жизнью, которую он ведет».

Первое отдельное издание 1-й главы (1825): «Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона» [10. С. 638].

Если в прозаическом переводе Ло Гатто специально композиционно выделяет тексты, не вошедшие в полную редакцию «Евгения Онегина», то в стихотворном переводе фрагменты этих текстов оказываются включенными в переводческий комментарий, сам комментарий при этом оказывается внутри переводного текста романа – происходит сращивание перевода и комментария, что дает основание для постановки проблемы восприятия границ дефинитивного художественного текста переводчиком. Обращение Ло Гатто к ранним редакциям, черновым вариантам романа, введение их в переводной текст, а также стремление текст прокомментировать обнаруживают интенцию переводчика как можно более полно и точно донести до итальянского читателя, аудитории совершенно неподготовленной, смысл пушкинского романа (примета филологического перевода), а также свидетельствует о том, что, перевод «Евгения Онегина» для Ло Гатто – не просто перевод художественного текста иноязычного автора, но создание пространства особого духовного взаимодействия с пушкинским текстом и самим Пушкиным. Стремление к комментарию – традиционный пушкинский прием, и, пользуясь им, внедряя в текст комментарий, Ло Гатто, с одной стороны, демонстрирует инстинктивное «чувствование» пушкинского романа, но с другой – инстинктивное недоверие к самостоятельной коммуникативной и информативной достаточности стихотворного текста.

Стихотворная речь обладает таким смыслопорождающим потенциалом, который превышают сумму семантики участвующих в этом процессе элементов. И чтобы воссоздавать образно-смысловые оттенки

при переводе, не обязательно воспроизводить данные элементы буквально, можно, а зачастую даже необходимо, заменять их другими, исходя из возможностей переводящего языка. Традиционно выделяют три вида специфично стиховых структур: метрико-ритмические, фонические (звукобуквенные), металогические (словесно-образные), которые, «действуя совокупно, осуществляют многомерную интеграцию словесного материала, «перерабатывают» фактуальный смысл в концептуальную и эстетическую информацию» [11. С. 107].

Обратимся к означенным структурам и рассмотрим, как они реализуются в стихотворном переводе Ло Гатто (для сравнения привлечем также прозаический перевод) на двух примерах:

1. А.С. Пушкин: Еще не перестали топать,/ Сморкаться, кашлять, шикать, *хлопать*;/ Еще снаружи и внутри/ Везде блистают фонари;/ Еще, прозябнув, бьются кони,/ Наскуча упряжью своей,/ И кучера, вокруг огней,/ Бранят господ и *бьют в ладони* [10. С. 14] (здесь и далее курсив мой. – *Н.Т.*).

E. Lo Gatto (прозаический перевод): Gli spettatori non hanno cessato di battere i piedi, di soffiarsi, di tossire, di zittire e *applaudire*; ancora e di fuori e di dentro dappertutto scintillano i fanali; ancora, gelando, s'agitano i cavalli annoiati dei loro Finimenti, e i cochieri intorno ai fuochi sparlano dei padroni e *battono le palme delle mani* [12. P. 389–390].

Подстрочный перевод: Зрители не перестали топать, сморкаться, кашлять, шикать и хлопать; еще и снаружи, и внутри, везде сверкают фонари; еще, замерзнув, беспокоятся кони, уставшие от своей сбруи, и кучера вокруг огней злословят о хозяевах и бьют в ладони.

E. Lo Gatto (стихотворный перевод): non finiscono ancora di tossire,/ d'applaudir, di fischiare e di *zittire*;/ ancora sulla piazza e nei locali/ del teatro scintillano i fanali;/ ancor tremando sotto i finimenti/ s'agitano i cavalli e, indispettiti/per l'attesa i cocchieri *intirizziti*/ ai loro padroni mandano accidenti [9. P. 31].

Подстрочный перевод: Не перестали еще кашлять, хлопать, свистеть и шикать; еще на площади и в помещениях театра сверкают фонари; еще, дрожа под упряжью, беспокоятся кони и, рассерженные ожиданием, оцепеневшие (окоченевшие) кучера шлют своим хозяевам проклятия.

Мотив-образ театра является одним из повторяющихся сюжетно-композиционных узлов и каждый раз строится на комплексе более мелких, тоже повторяющихся мотивов-автореминисценций, закрепленных в следующих опорных понятиях: пространственная характеристика театра, визуальная характеристика, вариативный тип эмоционального поведения человека в театре[11]. «Прием повтора оказывается функционален в двух отношениях: автореминисцентные мотивы не только уподобляют каждый следующий вариант образа театра предыдущему, но и вызывают соответствующие ассоциации в том случае, если опорное слово-мотив возникает в тексте романа за пределами театрального эпизода <…> жизнь за стенами театра в "Евгении Онегине" имеет театральный внешний облик. Театральное действо как бы выплескивается из театрального здания и оформляет совершенно по сути отличное от театра пространство быта внешним подобием облика, позы, жеста, которое закреплено в тех же опорных словах» [13. С. 67]. В приведенном выше фрагменте оригинального текста можно наблюдать, как внешняя форма бытования театра (вариативный тип эмоционального поведения человека в театре) переходит в быт за его пределами: повтор, внешне уподобляющий жесты греющих руки кучеров аплодисментам зрителей (*хлопать* / *бьют в ладони*). В прозаическом переводе Ло Гатто данный повтор сохраняется (*applaudire / battono le palme delle mani*). Но в поэтическом переводе жест меняется: кучера не «аплодируют», они, напротив, застывают неподвижно, «цепенеют» («intirizziti» – «оцепеневшие, застывшие, окоченевшие»). Как интерпретировать данное переводческое решение, почему Ло Гатто изменяет жест кучеров? Невозможно отнести его на счет невнимательности или непонимания пушкинского текста, поскольку в прозаическом переводе Ло Гатто, хронологически предшествующему поэтическому, сохраняется оригинальный вариант поведения кучеров. Самым очевидным представляется, что выбор лексического эквивалента вызван рифмой «indispettiti – intirizziti». В оригинальном тексте кучера «бьют в ладони», чтобы согреться, определение «оцепеневшие», «окоченевшие» также дает представление о том, что им холодно, следовательно, смысловое наполнение жеста сохраняется, утрачивается опорное слово-повтор, уподоблявший кучеров зрителям. Но появляется другой повтор: теперь оцепеневшие (*intirizziti*) кучера уподоблены не зрителям, а актерам, которых зрители ошикали (*zittire*). Конкретное опорное слово «хлопать», используемое в данном фрагменте у Пушкина, не повторяется у Ло Гатто, но повтор, придающий жизни за стенами театра театральный внешний облик, остается, переходя со словесно-образного уровня на звукобуквенный (*zittire – intirizziti*). Не представляется возможным установить степень осознанности данного приема переводчиком, но вне зависимости от этого, стихотворный текст перевода оказывается способен репродуцировать имплицитные смыслы оригинала.

2. А.С. Пушкин: И вот уже трещат *морозы*/ И серебрятся средь полей.../ (Читатель ждет уж рифмы *розы*;/ На, вот возьми ее скорей!) [10. С. 90].

E. Lo Gatto (прозаический перевод): Ed ecco il *gelo* scricchiola e inargentate luccicano nei campi... (il lettore s'aspetta già la rima *rose* ma sì, eccola, prendetevela!) [12. P. 90].

Подстрочный перевод: И вот, мороз трещит и в полях блестят посеребренные… (читатель ждет уже рифмы «розы», ну да, вот она, возьмите ее!).

E. Lo Gatto (стихотворный перевод): Sotto i passi già crepitan, dal *gelo*/ inargentati i viottoli ed è grigio.../ (se t'aspetti, o lettor, la rima il *cielo*,/ mettila pur, mi renderai servigio) [9. P. 110].

Подстрочный перевод: Под ногами уже скрипят морозом посеребренные тропы и серое (если ты ждешь, о, читатель, рифмы «небо», подставь же ее, мне окажешь услугу).

В прозаическом переводе Ло Гатто остается в пределах пушкинского словесно-образного уровня («морозы-розы»), при этом теряется смысл пушкинской игры с читательскими ожиданиями и ассоциациями. В поэтическом переводе Ло Гатто находит образно-лексический эквивалент: итальянский «мороз» – «il gelo» образует рифму с итальянским «небом» – «il cielo», образ «серого (мрачного, хмурого) неба» является возвышенным поэтическим образом, литературным штампом, который «снижается» посредством его «разоблачения». Кроме того, перевод выдержан в высоком стиле, на это указывает инверсия (стандартный порядок слов в итальянском языке был бы следующим: «crepitano i viottoli inargentati dal gelo» или «i viottoli inargentati dal gelo crepitano»), а также редукция окончаний в словах «crepitano», «lettore», «pure». Ло Гатто удается воспроизвести пушкинский механизм обнажения «поэтической условности», и таким образом переводной текст активизирует те же самые ассоциативные способности у итальянского читателя, что и оригинал у читателя русского; лексическая отдаленность перевода Ло Гатто от оригинала оборачивается близостью стилистической и образной.

Резюмируя изложенные наблюдения, можно сделать следующие выводы: во-первых, появление второго, стихотворного перевода Э. Ло Гатто обнаруживает его стремление преодолеть воздействие национальной переводческой традиции и максимально приблизиться к оригиналу, создать эквивалентный перевод, однако, прозаический комментарий внутри стихотворного текста демонстрирует, что, несмотря на то, что Ло Гатто преодолел в себе «изначальное неприятие стихотворного перевода» созданием собственного такого перевода, он не смог побороть ощущение коммуникативной и информативной недостаточности стихотворного текста. В то же время сам стихотворный текст перевода свидетельствует об обратном: возможности его ассоциативного и смыслопорождающего потенциала превышают возможности прозаического текста Ло Гатто; во-вторых, фрагменты из ранних и черновых редакций (в прозаическом переводе), от которых Пушкин в полной редакции отказался, и включение переводческого комментария непосредственно в текст (в стихотворном переводе) дают основания для постановки проблемы восприятия границ дефинитивного художественного текста в сознании переводчика и проблемы оригинальной жанровой природы переводов Э. Ло Гатто (синтез вольного, эквивалентного и филологического переводов).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] L. Delatre. «Eugenio Anieghin» (1856), A. Besobrasoff, «Eugenio Oneghin» (1858), G. Cassone, «Eugenio Anieghin» (1906), E. Lo Gatto, «Eugenio Onjéghin» (1923), E. Lo Gatto, «Eugenio Oneghin» (1937), E. Bazzarelli, «Eugenio Onieghin» (1960), G. De Dominicis Jorio, «Evgenij Onegin» (1973), G. Giudici, «Eugenio Onieghin» (1975), P. Pera, «Evgenij Onegin» (1996), F. Gabbrielli, «Eugenio Onegin» (2006).

[2] Подробно о Ло Гатто-русисте см.: [1. С. 9–32]. Библиографический список основных работ Э. Ло Гатто см.: [1. С. 150–154].

[3] Итал.: «la conoscenza della traduzione del Cassone in endecasillabi sciolti mi aveva confermato nell'opinione <…> della difficoltà o addirittura impossibilità di rendere in versi italiani la poesia straniera e in particolare di poeti come Puškin».

[4] Итал.: «la lettura e rilettura del «romanzo in versi» mi spinse a tradir me stesso. Considerando che il poeta russo in fondo aveva egli stesso in un certo senso negato che il suo «romanzo» potesse essere tradotto in prosa <…> e in ciò consisteva la ragione della sua dichiarazione: «un romanzo in versi, una differenza diabolica», la mia decisione fu come una sfida a me stesso».

[5] Итал.: «Per l'adozione dell'endecasillabo fui guidato più dall'istinto che dal ragionamento».

[6] О соответствии между итальянскими и русскими размерами подробно см.: [6. P. 107–127].

[7] Стихотворные варианты ответов Пушкина на предложения современников продолжить роман («Ты мне советуешь, Плетнев любезный…» и др.).

[8] Итал.: «"prisjadka" indica nella danza nazionale russa un insieme di movimenti che comprende il piegarsi sul ginocchi, il gettar rapidamente le gambe avanti e il risaltar su svelti».

[9] Итал.: «Siamo soliti dire il Volga. Sarebbe necessario lasciare il nome al femminile, riflettendo al significato che ha per i russi "la madre Volga» (Прим.: il – артикль мужского рода, la – женского. – *Н.Т.*).

[10] Черновые варианты к примечанию 5.

[11] Об этом подробно см.: [13. С. 66–75].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией / пер. К. Гладыш, И. Дергачевой. М. : Кругъ, 1992. 160 с.: ил.
2. Lo Gatto E. Criteri di traduzione in versi dell'Evgenij Onegin // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo. Milano, 1979. P. 208–216.
3. Шишкин А.Б., Сульпассо Б. Переписка Вячеслава Иванова и Этторе Ло Гатто: Вячеслав Иванов: исследования и материалы. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 759–779.
4. Гачечиладзе Г. Стихосложение и поэтический перевод (фрагмент) // Поэтика перевода : сб. ст. М. : Радуга, 1988. С. 88–99.
5. Иванов Вяч. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста // Поэтика перевода : сб. ст. М. : Радуга, 1988. С. 69–87.
6. Colucci M. Del tradurre poeti russi (e non solo russi) // Europa orientalis. 1993. № 7. P. 107–127.
7. Иванов Вяч. Лик и личины России: эстетика и литературная теория. М. : Искусство, 1995. 669 с.
8. Puškin A. Eugenio Onjeghin: traduzione, introduzione e note di Ettore Lo Gatto. Firenze : G.C. Sansoni, 1925. 271 p.
9. Puškin A. Eugenio Oneghin: romanzo in versi. (Trad. in versi di E. Lo Gatto; introd. di V. Ivanov). Firenze : Sansoni, 1967. 285 p.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. / ред. Б.В. Томашевский. М. : Воскресенье, 1999. Т. 6. 697, [3] с.: 1 л. порт.
11. Гончаренко С. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода : сб. ст. М. : Радуга, 1988. 235 с.
12. Puškin A. Opere poetiche: a cura di Ettore Lo Gatto. Milano : Mursia, 1985. 885 p.
13. Лебедева О.Б. «Мотив театра в сюжетосложении романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой : сб. ст. / отв. ред. А.С. Янушкевич. Томск : Знамя Мира, 1997. С. 66–75.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 января 2019 г.

Alexander Pushkin's Novel *Eugene Onegin* in Translations by Ettore Lo Gatto

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 62–67.
DOI: 10.17223/15617793/441/8

Natalia A. Tik, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tiknataly@yandex.ru

Keywords: Ettore Lo Gatto; Eugene Onegin; literary translation; Pushkin studies; Russian-European literature connections.

This research investigates the translations of Alexander Pushkin's novel *Eugene Onegin* by the Italian Slavist Ettore Lo Gatto. He translated the novel into prose in 1923, but 14 years later he offered Italian readers a new poetic version of the masterpiece, which was in hendecasyllable (traditional Italian meter). The author considers the problem of selecting the form for the translations in the context of the Italian tradition of translation (prosaic translation of poetry); the dynamics of Lo Gatto's translation strategy: "I wanted to defeat my own aversion to poetic translation in general, to defeat it with my own poetic translation"; the transformation of the original's composition; the potential of Lo Gatto's prosaic and poetic translation for conveying the richness of meaning in Pushkin's text (analysis of such elements of the novel's text as thematic iteration and a game with the reader). *Eugene Onegin* was published twice (1833, 1837) during Pushkin's life in the versions that were exactly as written by the poet himself. This indicates that the text is definitive. However, in both translations by Lo Gatto, at the level of composition, we can observe a number of discrepancies with Pushkin's definitive wording. In the prosaic translation, Lo Gatto swaps parts of the composition and includes fragments from the early and draft editions of the novel. In the poetic translation, the deviation from the definitive text is the inclusion of the translator's commentary directly into the text, so that there is a merging of the translation and the commentary. Lo Gatto's recourse to the previous editions and drafts of the novel, their introduction to the translations, and his desire to comment on the text show the intention of the translator to convey the meaning of Pushkin's novel to the Italian reader, an audience that was totally unfamiliar with it, accurately and as fully as possible. But his recourse to this material also demonstrates the problem of the translator's perception of the boundaries of the definitive literary text. The second, poetic translation by Lo Gatto reveals his desire to overcome the impact of the national tradition of translation and come as close as possible to the original, to create an equivalent translation. However, the prosaic translation commentary inside the poetic text demonstrates that although Lo Gatto overcame his "own aversion to poetic translation in general" by creating his own poetic translation, he could not overcome the feeling of the communicative and informative insufficiency of the poetic text. At the same time, the poetic translation of the novel testifies to the opposite: its richness exceeds that of Lo Gatto's prosaic translation.

REFERENCES

1. Lo Gatto, E. (1992) *Moi vstrechi s Rossiey* [My meetings with Russia]. Translated from Italian by K. Gladysh, I. Dergacheva. Moscow: Krug".

2. Lo Gatto, E. (1979) Criteri di traduzione in versi dell'Evgenij Onegin. In: *La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze in russo*. Milano: Cisalpino-Goliardica.

3. Shishkin, A.B. & Sul'passo, B. (2010) *Perepiska Vyacheslava Ivanova i Ettore Lo Gatto: Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Correspondence of Vyacheslav Ivanov and Ettore Lo Gatto: Vyacheslav Ivanov: studies and materials]. Is. 1. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma. pp. 759–779.

4. Gachechiladze, G. (1988) Stikhoslozhenie i poeticheskiy perevod (fragment) [Versification and poetic translation (fragment)]. In: Goncharenko, S. (ed.) *Poetika perevoda* [Poetics of translation]. Moscow: Raduga.

5. Ivanov, V. (1988) O yazykovykh prichinakh trudnostey perevoda khudozhestvennogo teksta [On the linguistic reasons for the difficulties of translating a literary text]. In: Goncharenko, S. (ed.) *Poetika perevoda* [Poetics of translation]. Moscow: Raduga.

6. Colucci, M. (1993) Del tradurre poeti russi (e non solo russi). *Europa orientalis*. 7. pp. 107–127.

7. Ivanov, V. (1995) *Lik i lichiny Rossii: estetika i literaturnaya teoriya* [The face and masks of Russia: aesthetics and literary theory]. Moscow: Iskusstvo.

8. Puškin, A. (1925) *Eugenio Onjeghin*: traduzione, introduzione e note di Ettore Lo Gatto. Firenze: G.C. Sansoni.

9. Puškin, A. (1967) *Eugenio Oneghin: romanzo in versi*. (Trad. in versi di E. Lo Gatto; introd. di V. Ivanov). Firenze: Sansoni.

10. Pushkin, A.S. (1999) *Polnoe sobranie sochineniy: v 19 t.* [Complete Works: in 19 vols]. Vol. 6. Moscow: Voskresen'e.

11. Goncharenko, S. (1988) Stikhovye struktury liricheskogo teksta i poeticheskiy perevod [Verse structures of a lyrical text and poetic translation]. In: Goncharenko, S. (ed.) *Poetika perevoda* [Poetics of translation]. Moscow: Raduga.

12. Puškin ,A. (1985) *Opere poetiche*: a cura di Ettore Lo Gatto. Milano: Mursia.

13. Lebedeva, O.B. (1997) Motiv teatra v syuzhetoslozhenii romana A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin" [The motive of the theater in the plot of A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Motivy i syuzhety russkoy literatury. Ot Zhukovskogo do Chekhova: K 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti F.Z. Kanunovoy* [Motives and plots of Russian literature. From Zhukovsky to Chekhov: To the 50th anniversary of the scientific and educational activities of F.Z. Kanunova]. Tomsk: Znamya Mira.

Received: 14 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 68–74. DOI: 10.17223/15617793/441/9

УДК 821.161.1

Г.А. Шпилевая, И.А. Бахметьева, В.В. Безрукова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И В ПЬЕСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ЖИВОЙ ТРУП»: К ВОПРОСУ О «НЕСХОДСТВЕ СХОДНОГО»

Рассматривается использование в драме Л.Н. Толстого цитаты из романа Н.Г. Чернышевского. Авторы статьи изучили центральное событие двух произведений с точки зрения его мифологического, характерологического и жанрового тяготения. Показано, что «мнимое самоубийство» («разрешающее» конфликт в любовном треугольнике) является универсалией, позволяющей реализовать авторскую концепцию как в психологической драме, так и в литературе идеологизированной.
Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский; Л.Н. Толстой; интертекст; утопия; любовный треугольник; философия самоубийства; концепция личности.

Л.Н. Толстой, как известно, не просто процитировал Н.Г. Чернышевского в пьесе «Живой труп» (1900), но сделал одно из сюжетных звеньев романа «Что делать?» (1862–1863) центральным событием своего произведения. «Ложное самоубийство» (в силу чрезвычайной усложненности процесса расторжения брака) стало достаточно популярной и поэтому узнаваемой моделью: примером могло послужить нашумевшее судебное дело супругов Н.С. и Е.П. Гимер[1]. Ориентируясь как на реальные события, так и на известное литературное произведение, Толстой создает свой текст «ложного самоубийства»: «*Маша* (вырывая письмо). Писал, что убил себя, да? Не писал про пистолет? Писал, что убил? *Федя*. Да, что меня не будет. *Маша*. Давай, давай, давай. Читал ты “Что делать?”? *Федя*. Читал, кажется. *Маша*. Скучный это роман, а одно очень, очень хорошо. Он, этот, как его, Рахманов взял, да и сделал вид, что он утопился. И ты вот не умеешь плавать? *Федя*. Нет. *Маша*. Ну вот. Давай сюда свое платье. Все, и бумажник» [1. С. 65].

Напомним, что в сходном топосе (гостиница) нашли и записку «самоубийцы-утопленника» Лопухова: «Ухожу в 11 часов вечера и не возвращусь. Меня услышат на Литейном мосту между 2 и 3 часа ночи. Подозрений ни на кого не иметь» [2. С. 27]. Как видно, в обоих произведениях присутствует «водная мифология», и оба героя – Лопухов и Протасов – одинаково мотивируют свой поступок: «Я смущал ваше спокойствие…» [Там же. С. 30]; «Вам надо жениться, чтобы быть счастливыми. Я мешаю этому, следовательно, я должен уничтожиться…» [1. С. 72]. Также аналогично реагируют на сообщение о гибели супругов обе героини-жены. Вера Павловна – Кирсанову: «Прочь! Не прикасайся ко мне! Ты в крови. На тебе его кровь»; «Милый, мы должны расстаться. Я решилась. Это тяжело. Но еще тяжелее было бы нам видеть друг друга. Я его убийца. Я убила его для тебя» [2. С. 30–31] – у Чернышевского. У Толстого: «*Лиза*: “Я знала. Я знала. Федя, милый Федя. Неправда, неправда, что я не любила, не люблю его. Люблю его одного, люблю. И его я погубила. Оставь меня”» [1. С. 72].

Этими фрагментами сходство не исчерпывается – в обоих произведениях имеется «цыганский текст». Цыганское пение в «Живом трупе» «имеет большое значение для сюжетного развития», так как романсы «выполняют роль “текста в тексте”», указывают на «перспективу развития действия или образов» [3. С. 162][2]. Вера Павловна Розальская, как известно, цыганские романсы не пела, но мать (желая обидеть, «в сердцах») называет её «цыганкой» (что и подтвердилось устремлением молодой героини к свободе) из-за смуглого лица. Напомним, что дядя (Ф.И. Толстой-Американец) и брат Л.Н. Толстого были женаты на цыганках. Как и в случае с «мнимым самоубийством», в данной модели интерферируют реальность и литературные образы.

Существует еще одна общая черта (на этот раз наиболее акцентированная в романе Чернышевского): образы «эгоистов». «Сам Чернышевский называет много раз своих героев хитрецами за то, что они толкуют о своей полной приверженности “теории эгоизма”» [4. С. 12], – отмечал Н.В. Богословский. Этот же исследователь, объясняя авторскую концепцию «эгоизма», полагал, что, по Чернышевскому, «только на путях неразрывного слияния общественных интересов с личными мыслимо подлинное счастье отдельного человека» [Там же. С. 12]. Чернышевский, размышляя о природе человека, его настоящем и будущем, развивает философские учения Аристотеля, Спинозы, Гельвеция, Фейербаха, французских социалистов-утопистов, Оуэна, при этом стремится актуализировать, наполнить современными социальными и культурными элементами их теории. Слово «эгоисты» присутствует как в рассматриваемом толстовском произведении, так и в литературоведческих работах о «Живом трупе». О героях и конфликте драмы сказано, что это «столкновение добрых, но слабых людей с людьми добродетельными, но эгоистичными» [5. С. 333]. *Эгоистом* называет Федю Протасова и цыганка Маша, а Лиза говорит Каренину: «Какие мы делаемся эгоисты» [1. С. 67].

Учитывая приведенные примеры интертекста в толстовской пьесе, представляется важным сравнить два произведения с точки зрения присутствующих в них *мифологических*, *характерологических* и *жанрологических* данностей. Интересным также представляется рассмотреть особенности *сюжетного* развития в произведении из разряда драматургической классики и в романе-манифесте. Целью же указанных сопоставлений является выявление аспектов одной из центральных полемик в отечественной литературе второй половины XIX в. – о духовном и рационально-практическом в жизни человека.

В рассматриваемых романе и драме, на наш взгляд, присутствуют несколько архетипических образов, которые сохранили актуальность и оправдали свое бытие в искусстве по причине своей типичности и реалистичности. Речь идет о вечном «любовном треугольнике» (triangle amoureux) и о традиции «тонущих людей» (вспомним таких «неравновеликих» персонажей, как жертвы русалок, фольклорная персидская княжна (воспетая и Д.Н. Садовниковым), Мартин Иден, Офелия, Катерина Кабанова, одна из героинь шолоховского «Тихого Дона», астафьевского «Коня с розовой гривой», а также утонувшего в водах Урала легендарного фурмановского Чапаева и пр.).

Н.В. Пращерук напоминает о том, что модификаций фабулы «любовного треугольника» существует огромное количество, но у них есть некий (древнейший) *общий знаменатель*: «соотнесенность с социальными отношениями в примитивном обществе, которые устанавливались на принципе обмена женщинами» [6. С. 420].

«Обмен женщинами» (или «смена женщин») и «тонущие люди» представлены в «революционном» романе Чернышевского и в психологической драме Толстого, разумеется, по-разному. Для Чернышевского это повод заострить проблему положения женщины в семье и обществе, затронуть вопрос о разводах, развить теорию «разумного эгоизма», а также расширить пространственные сферы романа-утопии, а именно: отправить Лопухова в Америку, где он найдет применение своим силам и убеждениям. В пьесе Толстого (страстно выступавшего против пьянства и самоубийства, но ввергшего своего духовного, обаятельного, благородного героя Федю Протасова именно в эти «пороки») представлены совсем иные идеологические и этические стратегии.

Актуальным остается утверждение К.Н. Ломунова о том, что «с обострением революционного кризиса в стране Толстой все более отчетливо представлял себе свои задачи обличителя старого несправедливого общественного устройства» [7. С. VI]. Однако еще более важно другое, переводящее коллизию «Живого трупа» в план общечеловеческий и вневременной, отделяющее от конкретных социально-семейных ситуаций, которыми мыслитель и художник Толстой был явно недоволен. Писатель показал страдания, муки совести столь же неудовлетворенного Федора Протасова (невозможность ходить на опостылевшую государственную службу, стыд перед женой, желание свободы – отсюда «цыганский текст» как выход к *воле*). Однако внутренний (психологический) конфликт приводит героя, трижды решившегося на самоубийство, к необходимости телеологического объяснения человеческого существования в целом, к размышлениям об его глубинных пластах – о «первых» и «последних»: о жизни и смерти. В итоге у Толстого проблема «вины и искупления» разрешается таким образом, что Протасов «без имитации смерти и расплаты за этот проступок так и оставался бы на грани между бытием и небытием» [8. С. 95]. Как видно, настоящее самоубийство (Чернышевский остановился на «ложном») вывело Федора Протасова из *небытия* к *бытию* – нравственному.

В анализируемых произведениях в *характерах* героев, их судьбах, идеологии, безусловно, отразились важнейшие идеи их творцов, поэтому остановимся на этом.

О революционных взглядах Чернышевского, об его «призывании» к социальным переменам известно много, и художественной иллюстрацией политических взглядов писателя стал его роман, пронизанный предчувствиями, прогнозами и верой в то, что «новые люди» и «особенный человек» скоро все изменят в этом *старом* и несправедливом мире. Толстовские взгляды также достаточно изучены, и мы знаем, что великий писатель «не присоединялся <…> ни к “бесценному триумвирату”, ни к Чернышевскому, ни к Некрасову» [9. С. 151][3]. Причин «неприсоединения» Толстого к Чернышевскому множество, но в целом их можно объяснить тем, что первый *жил* по афоризму, часто повторяемому Ангелусом Силезиусом: «Идем мы, а не время». «Именно поэтому человек, пытающийся изменить ход исторического развития, обречен на провал. Жизнь одна, и в силах человека изменить только ту часть жизни, которая находится в его власти, – то есть свою собственную жизнь» [Там же. С. 158], – отметил Ю.В. Прокопчук, рассматривая некоторые особенности толстовского мироотношения. Чернышевский, как известно, хотел изменить коренные законы бытия, что и отразил в своем романе, показал (как он сам полагал), *что* и *как делать*. Сходство натур двух мыслителей и писателей состоит, пожалуй, в том, что они за свои идеи готовы были пострадать и страдали. Известно из письма Толстого к своему секретарю, единомышленнику и последователю Н.Н. Гусеву, что во времена преследования толстовцев сам писатель хотел взять на себя их мучения и попасть в тюрьму – «гадкую, вонючую». Чернышевский попал-таки и в тюрьму, и в Сибирь на долгие годы.

Создаваемые авторами характеры также отличаются страстностью. Толстовский Федя Протасов, как и его творец, – русский максималист, герой «хочет сразу, одним рывком прорваться в совершенную жизнь» [10. С. 50]. Для достижения своей цели он выбирает самоубийство – оно позволяет ему перейти «из жизни телесной в жизнь духовную» [Там же. С. 52]. Действительно, «выстрел Феди Протасова на судебном процессе <…> – это прорыв к истине, это трагическая высота человека, сумевшего преодолеть страх смерти во имя ближних, во имя себя – человека» [11. С. 138]. О Протасове неоднократно заявлялось, что он «чисто русский тип», «тип русской святости», «божий человек» (в розановском толковании) [Там же. С. 135]. Между прочим, о рационалисте Лопухове (который даже ревность «воспринимал как пережиток старого мира и в обществе будущего, видимо, надеялся его ликвидировать» [12. С. 218] – по ироничному замечанию Б.Ф. Егорова) не кто иной, как Д.И. Писарев написал, что, совершив «самоубийство» («сошел со сцены»), он испытал «святую радость». Итак, в итоге столь разные «святые» самоубийцы испытали катарсис, очистились, распутали сложный узел чувств и отношений.

Кроме мужских образов, остановимся на женских характерах, чьи сходные черты (например, *корысть / бескорыстие*) удивительным образом перекликаются.

Образ цыганки Маши, как известно, детально не прописан (пьеса существует только в черновой рукописи и увидела свет лишь после кончины Толстого), что породило некоторые несоответствия в поведении персонажа. Мы знаем, что Протасов хотел ее видеть перед смертью (но Маша, по его словам, «опоздала»), она защищала Федора от своих алчных родителей, для которых безденежный «барин» не представлял никакого интереса. Однако на контрасте с тем, что Маша любила и поддерживала Федора, указывается и на иные ее качества. Например: «*Маша*. Ну, а что я вас просила… *Федя*. Что? денег? (Вынимает из кармана штанов.) Ну, что же, возьми. (Маша смеется, берет деньги и прячет в пазуху.) *Федя* (цыганам). Вот и разбери тут. Мне открывает небо, а сама на душки просит. Ведь ты ни черта не понимаешь того, что ты сама делаешь» [1. С. 27].

В данном случае возникает аналогия с другой цыганкой (теперь уже реальной) – А.М. Тугаевой («прелестной певицей», по словам С.Л. Толстого), женой дяди Толстого, упомянутого выше Ф.И. Толстого-Американца. Историю об ее бескорыстии описал С.Л. Толстой, и есть веские основания полагать, что сам автор «Живого трупа» был в курсе определенных семейных преданий. С.Л. Толстой сообщает: «Он долго жил с нею без венчания. Раз, проиграв большую сумму в Английском клубе, он должен был быть выставлен на черную доску за неплатеж проигрыша в срок. Он не хотел пережить этого позора и решил застрелиться. Его цыганка, видя его возбужденное состояние, стала его выспрашивать. Авдотья Максимовна не отстала от него, узнала, сколько ему нужно было денег, и на другое утро привезла ему потребную сумму. – Откуда у тебя деньги? – удивился Федор Иванович. – От тебя же. Мало ты мне дарил. Я все прятала. Теперь возьми их, они – твои. Ф.И. расчувствовался и обвенчался на своей цыганке» [13. С. 30].

В русле женской характерологии (в частности, рассматриваемой модели *корысть / бескорыстие*) уместно вспомнить о третьей «цыганке» – Вере Павловне Розальской. В бескорыстии этой «новой» героини сомневаться не приходится, ибо даже прибыль, получаемую от швейной мастерской, она делила между работницами или тратила на общественные нужды. Однако рационалист Чернышевский, описывая экономические условия существования как «старых», так и «новых» людей, вынужден был объяснить, на какие материальные блага могла рассчитывать Вера Павловна, решившаяся было расстаться с Кирсановым и даже уехать (после известия о «смерти» Лопухова). Даже если учесть, что героиня просто хотела утешить Кирсанова и оставить ему надежду на дальнейшие отношения, следующий фрагмент заслуживает внимания[4]: «Я думаю, что не буду нуждаться; но если буду, обращусь к тебе; позаботься же, чтоб у тебя на всякий случай было готово несколько денег для меня; ведь ты знаешь, у меня много надобностей, расходов, хоть я и скупа; я не могу обойтись без этого. Слышишь? я не отказываюсь от твоей помощи! пусть, мой друг, это доказывает тебе, что ты остаешься мил мне…» [2. С. 31]. Очевидно, что даже в утопии, где все – вымысел, автору все же приходится учитывать логику реальных отношений. В данном случае важно то, что обоим творцам, несмотря на разницу в их художественном даровании и мировоззрении, пришлось при описании главных героинь балансировать между их корыстными и бескорыстными устремлениями.

Поскольку в структуре обоих произведений важную роль играет определенное событие – *самоубийство* (как ложное, так и настоящее) героев, то необходимо рассмотреть его «сюжетное поведение» в различных жанровых сферах.

«Русская жизнь, неустроенная и напряженная, издавна давала много поводов для создания утопий» [12. С. 8], поэтому нет ничего удивительного, что Чернышевский, который «с юных лет <…> мечтал о революции <…> жаждал в ней участвовать» [Там же. С. 216], именно в начале 1860-х гг. создает утопию «Что делать?». Одно из непременных условий для бытования указанного жанра – «бесконфликтные развязки», ибо «таков утопический идеал» [Там же. С. 221]. Читая художественные произведения Чернышевского, его философские работы, нельзя не удивиться, как человек с такой сложной судьбой *легко* решал социально-полити-ческие, этические и эстетические проблемы. Устремленность автора к *нетрагическому* разрешению достаточно напряженных коллизий создала условия для бесконфликтного урегулирования отношений в любовном треугольнике. Поступок Лопухова (мнимое самоубийство) разрешил столкновение чувств, интересов и потребностей в утопическом русле (почти безболезненно), как и «случалось» все остальное: «…большие заработки, образовательные лекции, абонирование десяти мест в итальянскую оперу, фантастический размах пикников на пятьдесят человек… И никаких противоречий и раздоров, общее единодушие» [Там же. С. 222].

Совсем иное жанровое тяготение у Толстого. Исследователи заметили, что этот писатель никогда не обращался к вышеприведенному литературному образцу, столь полюбившемуся Чернышевскому. «Интересно, что описывая социальные проблемы, Толстой не увлекался утопическими идеями [9. С. 158]», – отметил Ю.В. Прокопчук. Цитируя роман-утопию Чернышевского, вступая с ним в открытую полемику, Толстой избирает драматический род, жанр которого нуждается в уточнении. Пространные монологи, пролонгированная развязка конфликта (Федор трижды решался на самоубийство), сложные, уводящие от «единства действия» мотивы дали возможность исследователям увидеть в толстовской пьесе эпический элемент, «предполагающий наличие прозаического компонента в сценических формах» [14. С. 34].

Принципиальное неприятие Толстым утопии, многоступенчатый конфликт указывают на то, что автор, в отличие от Чернышевского, не мог строить свой сюжет на «простом юридическом обмане» [12. С. 219][5]. Толстым движут художественная логика и опыт общения с несчастным семейством Гимеров (реальный жизненный материал), Чернышевским – искреннее и страстное желание помочь человечеству и убедиться в правильности выношенной им философии (в частности – теории «разумного эгоизма»).

Попытаемся выяснить особенности *фабульно-сюжетных* отношений в рассматриваемых произве-

дениях. Под фабулой традиционно понимаем «внешнюю канву “узловых событий” (т.е. объединенных, прежде всего, каузальными связями)» [15. С. 6]. Сюжет же – это сложная система событий и персонажей, «суть которой обнаруживает развертывающаяся во времени и пространстве коллизия» [Там же. С. 3]. Нельзя не согласиться с мнением, что «сопоставление сюжета и фабулы – необходимый шаг в познании художественного целого» [Там же. С. 6].

Герои романа-утопии действуют по изначально заданной автором схеме, основанной на его социально-философских воззрениях: находят выход из конфликтной ситуации за счет компромисса, разумного соглашения между личными интересами и чаяниями других людей. Вследствие этого фабула и сюжет данной утопии почти равны друг другу (если не учитывать простейших примеров их расхождения: включение «внефабульных» снов, прием ретроспекции при сообщении о прошлом персонажей). Несовпадений «внешних» и «внутренних» событий (таящих глубокие смыслы), как и неразрешимых проблем, мы здесь, пожалуй, не найдем[6].

Настоящий накал страстей в утопии Чернышевского сосредоточен не в «зазорах» между фабульным и сюжетным событиями (что встречаем в шедеврах классики, например, в лермонтовском «Герое нашего времени» и бунинском «Солнечном ударе»). «Учительный» роман-программа (по-своему захватывающий, эмоционально достоверный и динамичный) удерживает внимание читателя не столько изображением психологических закономерностей (раскрывающихся в классике при анализе событийных и нарративных сфер), сколько силой *идеи*, гуманистической теории, в которую безгранично верит «биографический автор» и представляет в тексте «автор как точка зрения» (если воспользоваться терминами Б.О. Кормана). *Убеждение, теория* «просвечивают» и за «внешним» (фабульным), и за «внутренним» (сюжетным) *жестами*. Данное единство указывает на типологию данного жанра, так как позволяет авторам утопий сосредоточиться на своей главной задаче, а иллюзия достоверности изображенного (эмпирический фон) создаётся с помощью определённых деталей. Например, проблема мук совести героини была убедительно разрешена «записочкой», которую Вере Павловне (после того, как она искренне погоревала) принес Рахметов. Для ее окончательного успокоения понадобились две рюмки хереса, найденного в буфете (а сам мужественный Рахметов закурил сигару). Отметим, что ощущение идеологической и художественной завершенности в романе поддержано единством взглядов автора и положительных персонажей – «рупоров идеи».

В знаменитой утопии Чернышевского, свято верившего в то, что он создает «учебник жизни» для формирующихся в обществе «новых людей», главные персонажи пребывают в атмосфере напряженной борьбы с далеко не дружественным миром, и их устремления сводятся к демонстрации практического воплощения идей о справедливом устройстве общества. Публицистический пафос, философский смысл «прикрыты» беллетристической оболочкой, что сделало произведение невероятно популярным и в то же время *защищенным* от ревнителей порядков «старого» мира. «Что делать?» сопровождается подтекстом, «параллельным» собственно тексту (так как в данном случае нельзя ограничиться классическими комментариями к художественному произведению) – многие аспекты произведения проясняются лишь при условии знакомства с биографией, с философскими воззрениями автора и с особенностями жизни российского общества 1860-х гг. Это и усложняет, и обогащает экстравагантную событийную схему.

Иное дело в «Живом трупе», где герои (например, Федор Протасов) – это не «рупоры идеи», а личности, включающие в себя бесконечное множество составляющих, свойственных сложной природе человека. Его несколько попыток самоубийства – необходимый «внешний» *жест*, «узловые события», маркирующие коллизии в семейных, социальных, эстетических, психологических сферах[7]. Между событиями, объединенными простыми каузальными связями, пребывают глубинные (сюжетные), которые отражают и «диалектику души», и «текучесть переживаний», и тайны «жизни психической» (в терминологии Толстого). Неопределенное положение персонажей в завязке сюжета, отсылки к их прошлому (вторая картина третьего акта), различные толкования некоторых фрагментов фабулы (например, опознание трупа утопленника), сам характер «алкоголика», но «отличной души человека» (по словам автора пьесы), его мучительная рефлексия (во второй картине второго акта) создают ту уникальную сюжетно-композиционную систему, где угадываются бесконечные варианты возможного развития человеческих отношений, отражаются расхождения между юридическим и человеческим, раскрывается напряженная душевная борьба, предстает «невыразимое» в сферах человеческих чувств.

Итак, использовав модели «ложного самоубийства» (и остановившись на «водном» тексте), «любовного треугольника», «цыганской воли» два выдающихся мыслителя, писателя продолжили спор о Человеке, его жизни, труде, любви, дружбе, смерти. И художник Толстой, и публицист Чернышевский, исходя из общей фабулы (Чернышевский – чтобы создать остросоциальный фон, Толстой – показать мучительный процесс нравственного выбора), предложили свои варианты развития возникшей ситуации. Чернышевский, применив редукционистский подход (с чем причудливо перекликаются сны Веры Павловны и многочисленные символы, подобные обосновавшимся в знаменитой романтической шлегелевской «Люцинде» (1799), высоко ценимой автором «Что делать?»), стремился доказать: неразрешимых ситуаций нет. В данном случае «ложное самоубийство» разрешило конфликт, и все были удовлетворены и счастливы.

Диалектик Толстой предложил иной путь: в его драме создается трагическая коллизия (в гегелевской трактовке – со столкновением равновеликих «субстанциональных» сил: совести и свободы, любви и долга), которая разрешается, как известно, смертью героя (или гибелью духовных ценностей, как в брехтовской «Жизни Галилея»), и где «на пер-

вый план выступает индивидуальность и, как следствие, экзистенциальная разобщенность с миром» [16. С. 75]. Свою нравственную высоту Протасов доказал, только заплатив за это своей жизнью, но его «мнимое самоубийство» не решило проблемы, а лишь усилило страдания. Свободу ему и его близким приносит отрицание компромисса и собственной лжи (которую он так ненавидел в других), что подчеркивает душевную высоту и человеческую одаренность героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Драма семьи Гимер (в которой также действуют спившийся супруг, попытавшийся инсценировать самоубийство – утопление, и жена, пожелавшая выйти замуж за другого человека), развернулась в 1880-е гг. и была хорошо известна Л.Н. Толстому, лично знакомому с некоторыми фигурантами истории. В деле Гимер, приговоренных к долгой ссылке, принимал участие А.Ф. Кони, считавший решение суда излишне суровым. Сын Гимеров (Н.Н. Суханов) увлекся толстовством, а впоследствии стал активным участником революционного движения в России.

[2] Действительно, стихи песен «Не вечерняя», «Час роковой», «Размолодчики мои» становятся органичной частью текста «Живого трупа». Сходным образом в «Бесприданнице» (1878) А.Н. Островского романсы «Матушка-голубушка», «Разуверение» («Не искушай…»), пение цыганского хора стимулируют и обозначают завязку, кульминацию и развязку сюжета.

[3] «Бесценным триумвиратом» Толстой называл В.П. Боткина, П.В. Анненкова и А.В. Дружинина, с которыми сблизился во второй половине 1850-х гг.

[4] Интересно наблюдение Б.Ф. Егорова, проанализировавшего логику поведения и характера Веры Павловны. Отмеченное несоответствие, как и в случае с толстовской цыганкой Машей, можно объяснить некоторой «непрописанностью» образа, но на этот раз связанной с тем, что Чернышевского больше интересовали социальные проблемы, нежели каузальные связи в поступках персонажей. Вот что пишет исследователь о «бросающихся в глаза несообразностях»: «Вера Павловна умилительно описывается автором неженкой, сибариткой, любящей долго валяться в постели утром, спать после обеда час-полтора, проводящей много времени в беседах с мужем – непонятно, как же она может при таком сибаритстве напряженно трудиться на равных с другими швеями (она – главная закройщица в мастерской), да еще мотаться по частным урокам, которые давала до десяти в неделю» [12. С. 222].

[5] В упомянутом деле семьи Гимер, спровоцировавшей в обществе «неслыханный скандал», фигурировали термины «сговор» (поскольку Н. и Е. Гимеры договорились инсценировать самоубийство), «мошенничество», «двоебрачие», «двоемужица», «пособничество в преступлении», что с юридической точки зрения было абсолютно верно. Однако многие понимали, и в первую очередь, сочувствующий Е. Гимер, хорошо знавший ее родственников Толстой, что с позиции законов человеческой морали эти люди не преступники и нуждаются в помощи и поддержке. В очередной раз противопоставив официальную этику и гуманистические принципы (вспомним соответствующие ситуации в «Войне и мире», «Анне Карениной», «После бала», а также в лесковском рассказе «Человек на часах»), Толстой в «Живом трупе» показал за абсурдной ситуацией (вырисовывающейся из грубой фабулы) глубокую человеческую драму.

[6] К подобному выводу можно прийти, сравнивая одинаковые фабульные модели в художественно неравнозначных литературных образцах, например, в классике и беллетристике (литературе «второго ряда»). При рассмотрении произведений классиков (Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Г.И. Успенского) и беллетристов (П.Д. Боборыкина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.Л. Бостром, раннего В.В. Вересаева) с точки зрения проблемы «неплательщика» (в данном случае – дворянина или разночинца, не работающего «для народа», не заплатившего ему «долги» и страдающего по этому поводу) понимаем, что в высокохудожественном реалистическом произведении (где общественные проблемы и связанная с ними личность показаны в сложнейшем взаимодействии) совпадение внешнего и внутреннего действия и легкое разрешение конфликта невозможно. В литературе «второго ряда», напротив, «неплательщик» или «деловой человек» (например, богатый фабрикант или помещик) недолго испытывают чувство «социальной вины» и «муки совести»: они достаточно быстро решает проблему и счастливо соединяют черты успешного предпринимателя и гуманиста (уважающего труд своих работников, сберегающего природные ресурсы и пр.). Это обусловлено «формульной» природой произведений данной категории (которые, безусловно, просвещают, учат добру и справедливости), изначальной заданностью разрешения конфликта личности и «общественного здания», линейной сюжетно-композиционной системой. См. об этом подробнее в работе: Шпилевая Г.А., Бондаренко В.А. Роман Л.Н. Толстого «Воскресение» в свете проблемы «социальной вины» (к характерологии русской литературы второй половины XIX века) // Материалы «Толстовских чтений-2014» в Государственном музее Л.Н. Толстого. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 33–42.

[7] В связи с этим отметим контраст, который возникает при чтении толстовской пьесы и ознакомлении с материалами историков и литераторов, описывающих дело «супругов Гимер». Во втором случае мы знакомимся со своеобразным детективом (излагаемым вследствие этого в надлежащей нарративной манере – порой весьма иронично и даже в некоторых случаях цинично, хотя история закончилась весьма печально: по некоторым сведениям, несчастная «двоемужица» Е. Гимер отравилась, так и не дождавшись развода с Н. Гимером), так как представлено не что иное, как *фабула*, освобожденная от психологических подробностей. Толстой же, наблюдавший эту реальную историю страданий, лишений, любви и унижений, создает трагический *сюжет*, созвучный с его нравственными исканиями и философскими размышлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : ГИХЛ, 1952. Т. 34. 624 с.
2. Чернышевский Н.Г. Что делать? Роман. М. : Просвещение, 1979. 416 с.
3. Пяткина Ю.В. Мотив цыганского пения в драме Л.Н. Толстого «Живой труп» // Наследие Л.Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 161–165.
4. Богословский Н.В. О романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. «Что делать?» Роман. М. : Просвещение, 1979. С. 3–25. [Предисловие].
5. Ломунов К.Н. Драматургия Л.Н. Толстого. М. : Искусство, 1956. 468 с.
6. Пращерук Н.В. Муж, любовник и «Бедная Лиза»: трансформация архетипической фабулы // Универсалии русской литературы. Воронеж : Изд-во ВГУ ; Издательский дом Алейниковых, 2009. С. 420–433.
7. Ломунов К.Н. Предисловие // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Просвещение, 1952. Т. 34. С. I–XXXIII.
8. Михайлова О.В. Аннотация к монографии: Шульц С.А. Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (Герменевтический аспект). Ростов н/Д : Изд-во Рост.ун-та, 2002. 240 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. Реферативный журнал. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2004. № 3. С. 88–95.
9. Прокопчук Ю.В. О некоторых особенностях толстовского мировосприятия // Юбилейный сборник. Материалы научной сессии. 25 ноября – 1 декабря 2011 г. К 100-летию Государственного музея Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 151–164.
10. Горелов А.А. Л. Толстой и русская идея // Юбилейный сборник. Материалы научной сессии. 25 ноября – 1 декабря 2011 г. К 100-летию Государственного музея Л.Н. Толстого. М., 2012. С. 48–56.
11. Салманова И.Ф. От «Исповеди» Л.Н. Толстого к исповедальной драме // Материалы «Толстовских чтений-2014» в Государственном музее Л.Н. Толстого. М. : Оригинал-макет, 2015. С. 130–139.

12. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб. : Искусство-СПб., 2007. 416 с.
13. Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М. : Современник, 1990. 64 с.
14. Семенова О.С. Контекст драматургии Л.Н. Толстого как литературоведческая проблема // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2011. № 15. С. 31–36.
15. Мущенко Е.Г. Сюжет и фабула как категории литературоведческого анализа // Сюжет и фабула в структуре жанра. Калининград : КГУ, 1990. С. 3–10.
16. Семенова О.С. Тема смерти в драматургии Л.Н. Толстого (К проблеме онтологической поэтики) // Вестник Псковского государственного ун-та. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. Вып. № 3. С. 73–77.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 декабря 2018 г.

Nikolay Chernyshevsky's Quotation in *What Is to Be Done?* in the Semantics of the Plot in Leo Tolstoy's *The Living Corpse*: On the "Dissimilarity of the Similar"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 68–74.
DOI: 10.17223/15617793/441/9
Galina A. Shpilevaya, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: 19alex04@mail.ru
Irina A. Bakhmetieva, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: irbakh@mail.ru
Vera V. Bezrukova, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: verabz.ru@gmail.com
Keywords: N.G. Chernyshevsky; L.N. Tolstoy; intertext; love triangle; utopia; suicidal philosophy; genre pertainance.

The article discusses two works: a bestseller of its period, Nikolay Chernyshevsky's utopia *What is To Be Done?* (1862–63), and the draft released after the author's death, Leo Tolstoy's drama The "narrative behaviour" of the same model, a fake suicide, in an instructive journalistic work of fiction and a highly artistic literary work is considered. The material and grounds for comparison are based on the fact that Tolstoy mentions Chernyshevsky's novel and makes it clear that the Gipsy Masha has made use of Chernyshevsky's doctrine. However, it goes further than the quotation. Masha, willing to rescue Protasov, suggests that he should follow the example of another character of *What Is to Be Done?*, the "rational egoist" Lopukhov, namely a fake suicide, to solve the love collision problems. It is commonly known that getting divorced in the Russia of that time was next to impossible, which is extensively described in fiction. There also exists evidence of real incidents, e.g., the case of the Gimer spouses, the key figures of which Tolstoy knew personally. Considering the fact that the author of *The Living Corpse* not only quoted Chernyshevsky but also introduced the underlying intertext, the present article focuses on the contrastive analysis of the two works and comparison of their mythological, characterological, genrelogical and plot realities. It has been revealed that the basis of the novel and the drama is made up by several archetypes drawing together the semantics of the plot patterns. Following Chernyshevsky, who only outlined the gypsy theme, Tolstoy creates an extensive "Gypsy text" significant in terms of the plot: the play features Gypsy characters (reflecting the lasting tradition of the Russian literature) and songs ("Ne Vechernyaya" [Not Vespertinal], "Chas Rokovoy" [Fatal Hour]). They mark the stages of the plot movement, expand the chronotope images and introduce the theme of "freedom-will". The literary images interfere with reality (Tolstoy's uncle (F.I. Tolstoy the American) and brother were married to gypsies, which was typical of nobles who were carried away by beautiful singers from the choir), which allowed Tolstoy to create an interesting model of self-interest/self-neglect that deepens the female characterology of the play. A similar plot model (a voluntary departure from life of a person who decided to free his loved ones) in Chernyshevsky's novel and in Tolstoy's play at the plot level is realized in completely different ways. For the rationalistic scheme of the utopia, a simple eventive "step" is sufficient to reach personal happiness and social well-being without any "restrictions" (as opposed to the genre of idyll, in which happiness is "restricted", according to Jean-Paul's interpretation). This distinguishes "instructive," moralising novel fiction (popular with contemporaries) from a great classical work created for ages. The play *The Living Corpse*, in which more than immediate problems are solved, is its perfect confirmation.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1952) *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Vol. 34. Moscow: GIKhL.
2. Chernyshevskiy, N.G. (1979) *Chto delat'? Roman* [What Is to Be Done? A novel]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Pyatkina, Yu.V. (2014) [The motive of gypsy singing in the drama of L.N. Tolstoy "The Living Corpse"]. *Nasledie L.N. Tolstogo v gumanitarnykh paradigmakh sovremennoy nauki* [Heritage of L.N. Tolstoy in the humanitarian paradigms of modern science]. Proceedings of the XXXIV International Tolstoy Readings. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 161–165. (In Russian).
4. Bogoslovskiy, N.V. (1979) O romane N.G. Chernyshevskogo "Chto delat'?" [On N.G. Chernyshevsky's novel "What Is to Be Done?"]. Chernyshevskiy, N.G. *Chto delat'? Roman* [What Is to Be Done? A novel]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Lomunov, K.N. (1956) *Dramaturgiya L.N. Tolstogo* [Plays by L.N. Tolstoy]. Moscow: Iskusstvo.
6. Prashcheruk, N.V. (2009) Muzh, lyubovnik i "Bednaya Liza": transformatsiya arkhetipicheskoy fabuly [Husband, lover and "Poor Liza": the transformation of the archetypal plot]. In: *Universalii russkoy literatury* [Universals of Russian literature]. Is. 5. Voronezh: Voronezh State University; Izdatel'skiy dom Aleynikovykh. pp. 420–433.
7. Lomunov, K.N. (1952) Predislovie [Preface]. In: Tolstoy, L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete Works: in 90 vols]. Vol. 34. Moscow: GIKhL.
8. Mikhaylova, O.V. (2004) Annotatsiya k monografii: Shul'ts S.A. Istoricheskaya poetika dramaturgii L.N. Tolstogo (Germenevticheskiy aspekt). Rostov n/D: Izdatel'stvo Rost.un-ta, 2002. 240 s. [Annotation to the monograph: Schulz, S.A. *Historical poetics of plays by L.N. Tolstoy (A hermeneutic aspect)*. Rostov-on-Don: Rostov State University. 240 p.]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya literatura. Ser. 7: Lit-vedenie*. 3. pp. 88–95.
9. Prokopchuk, Yu.V. (2012) O nekotorykh osobennostyakh tolstovskogo mirovospriyatiya [On some features of Tolstoy's worldview]. In: Gladkova, L.V. (ed.) *Yubileynyy sbornik. Materialy nauchnoy sessii. 25 noyabrya – 1 dekabrya 2011 g. K 100- letiyu Gosudarstvennogo muzeya L.N. Tolstogo* [Jubilee collection. Materials of the scientific session. 25 November – 1 December 2011. To the 100th anniversary of Leo Tolstoy State Museum]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey L.N. Tolstogo.
10. Gorelov, A.A. (2012) L. Tolstoy i russkaya ideya [L. Tolstoy and the Russian Idea]. In: Gladkova, L.V. (ed.) *Yubileynyy sbornik. Materialy nauchnoy sessii. 25 noyabrya – 1 dekabrya 2011 g. K 100- letiyu Gosudarstvennogo muzeya L.N. Tolstogo* [Jubilee collection. Materials of the scientific session. 25 November – 1 December 2011. To the 100th anniversary of Leo Tolstoy State Museum]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey L.N. Tolstogo.

11. Salmanova, I.F. (2015) [From “A Confession” by L.N. Tolstoy to the confessional drama]. *Materialy Tolstovskikh chteniy – 2014” v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [Proceedings of Tolstoy Readings–2014 in Leo Tolstoy State Museum]. Moscow: Original-maket. pp. 130–139. (In Russian).

12. Egorov, B.F. (2007) *Rossiyskie utopii: Istoricheskiy putevoditel’* [Russian utopias: A historical guide]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

13. Tolstoy, S.L. (1990) *Fedor Tolstoy Amerikanets* [Fedor Tolstoy the American]. Moscow: Sovremennik.

14. Semenova, O.S. (2011) L.N. Tolstoy’s context of dramatic art as a literary problem. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial’no-gumanitarnye nauki*. 15. pp. 31–36. (In Russian).

15. Mushchenko, E.G. (1990) Syuzhet i fabula kak kategorii literaturovedcheskogo analiza [The plot and the story line as categories of literary analysis]. In: *Syuzhet i fabula v strukture zhanra* [The plot and the story line in the structure of the genre]. Kaliningrad: Kaliningrad State University. pp. 3–10.

16. Semenova, O.S. (2011) The subject of death in Tolstoy’s drama (to the problem of ontological poetics). *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya: Sotsial’no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 3. pp. 73–77. (In Russian).

Received: 12 December 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 75–79. DOI: 10.17223/15617793/441/10

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.4

А.В. Голубинская

ПРИНЯТИЕ ЗНАНИЯ РАСШИРЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

Предложена адаптация гипотезы расширенного сознания к условиям познавательной деятельности субъекта современного информационного общества. Выводится три типа распределения и расширения познавательной деятельности: автономный (сократический) и два трансактивных, в том числе без применения виртуальных технологий (ньютоновский) и с их применением (кларковский). Рассмотрение возможных вариаций «кларковского субъекта» позволяет выявить новые связи между гипотезой и проблемой эпистемического доверия.

Ключевые слова: онлайн-знание; эпистемическое доверие; сократический субъект; ньютоновский субъект; кларковский субъект; расширенное сознание; информационное общество.

Считается, что Сократу принадлежат слова «Я знаю, что ничего не знаю». Сегодня мы не знаем и этого, ведь возможности, которые даёт нам Интернет, привели к тому, что знать можно всё, кроме собственного невежества. Мы, как в сократическом диалоге, постоянно задаём вопросы, но почти не ведём дебатов и, вместо поиска ответа в сущности интересующего нас явления, получаем доступ ко всем когда-либо написанным по этому явлению комментариям. Вопросы стали запросами, а ответы – данными, которые вовсе не влекут за собой новых, более глубоких вопросов, и хотя при такой познавательной деятельности Сократ-помощник оказался бы крайне полезным, мы всё же склонны запрашивать и получать данные в одиночку. «Истины», лежащие в нашем доступе, почти ничего не стоят, и потому их называют постистинами [1, 2], фолк-истинами [3], подчёркивая условность, относительность и даже переносный смысл применения к ним свойства истинности. Мы говорим об обществе знаний, указывая на неорганизованный, спонтанный поток информации, и о самих знаниях, уравнивая их со сбором информации. Однако производить знания или принимать их осознанно, осмысленно, путём суждения – это труд, которому традиционно служило меньшинство. В современных условиях такое ограничение попросту невозможно, в результате чего знание подменяется данными, а познание – сбором их фрагментов, и с эпистемологической точки зрения это очень сомнительное положение. В целом таковы основные направления современной критики общества знаний [1, 4, 5].

Намного позже Сократа появились альтернативные подходы к знанию и незнанию, само отношение к познаваемости мира сильно изменилось. Важно понимать, что во времена становления классической науки, а также свойственного этому периоду научного мышления, один учёный мог удержать в голове все существующие научные знания. С. Фаерштайн отметил, что по соотношению знаний одного учёного к общему количеству накопленных знаний Ньютон и его современники обошли бы всех современных гениев [6. P. 13]. Однако сегодня выпускник школы должен знать больше, чем знал Ньютон, и держать в уме все накопленные знания можно в лучшем случае только в пределах одной конкретной дисциплины. Выходит, что в этом плане мы ближе к Сократу, чем к Ньютону, хотя в общих чертах и в повседневной жизни продолжаем верить в ценности классической науки вроде возможности устранения всех научных пробелов, разработки теории всего, абсолютной точности научного метода.

Впрочем, всё ещё сложно оспорить утверждение, что отношение к знанию Сократа и субъекта современного информационного общества должны чем-то отличаться, и дело должно быть не в том, что мы знаем, а как мы это знаем. Возможно, разница связана с тем, что наши предки знали немного, но эти немногие знания определяли все их действия, – они знали, чтобы действовать. Мы же, напротив, отличаемся странной привилегией бытия среди вещей, которые, *вообще говоря, познаны*, но не нами. Эта разница, очевидно, не в нашу пользу.

Субъекты информационного общества не столько жаждут понимания вещей, сколько доступа к пониманию «до востребования». В одном из исследований [7. P. 12–13] «гуглизации мышления», т.е. провоцируемых поисковыми системами следствий когнитивных процессов, группы респондентов должны были отвечать на разные вопросы, в том числе при помощи подсказок из Интернета или без возможности проверить свой ответ. По результатам авторами был сделан вывод, что точное воспроизведение ответа из Интернета, даже ошибочное, вызывало в респондентах чувство гордости, в то время как собственных знаний всегда было недостаточно для выражения уверенности в их достоверности. Это наблюдение подталкивает к вопросу: если изолировать нас от всемирной сети информации, как много мы обнаружим в себе?

Допустим, что знания «гуглизованного мышления» – это всё же знания, и их можно исследовать наравне со знаниями, которыми субъект обладает в традиционном смысле этой фразы. В данной работе эти «традиционно» понимаемые знания будем называть «автономными», т.е. независимыми от каких-либо внешних источников и локализованные в биоло-

гической системе субъекта. Те знания, которые зависят от подключения к сети, назовём «трансактивными» по аналогии с тем, как этот термин используется в когнитивной психологии для описания идентичных явлений. Однако даже такое простое деление встречает ряд затруднений.

Обратим внимание на ещё один эксперимент [8], результатом которого стало следующее заключение: активным интернет-пользователям свойственно не столько запоминать информацию, полученную из глобальной сети, сколько запоминать место в киберпространстве, откуда эту информацию можно извлечь. Это, пожалуй, может стать одним из принципов теоретизации трансактивных знаний в условиях информационного общества. Прежде полагалось, что трансактивная память объясняет, как одни люди полагаются на воспоминания других людей и как распределяется информация в устойчивых социальных связях (вроде семейных) [9. P. 91]. Вопрос о природе этого явления задаётся и в психологии, и в философии сознания. Так, например, основные положения истории об Отто и Инге, представленной у А. Кларка и Д. Чалмерса [10, 11], схематично воспроизводятся и у теоретиков трансактивной памяти [12], хотя авторы и не используют общую терминологию.

Совершённое допущение – одна из форм гипотезы расширенного сознания, которая включает в когнитивную систему человека внешние артефакты, регулярно используемые для решения умственных задач [12. P. 233], перцептивная система субъекта вовлекает в себя мир, а не представляет модели независимого от ума мира [13. P. 195]. Для иллюстрации этого положения зачастую описывают образ человека с записной книжкой, которая так часто им используется, что стала ничем не уступающей памяти частью механизма хранения информации [14. P. 149]. Если всё же включить в эту схему современные информационные технологии, что вполне допустимо для выбранной теории [15. С. 134–135], то окажется, что записи в эту книжку делает не только её хозяин, но ещё несколько миллиардов человек, и её содержание вряд ли можно ограничить даже самой подробной энциклопедией. Именно поэтому применение гипотезы необходимо уточнить.

Во-первых, внешние компоненты когнитивных систем должны отвечать требованию о регулярности взаимодействия [12. С. 233]. Выходит, говорить стоит не о веб-пространстве в целом, но о тех его зонах, в которых пользователь достаточно свободно ориентируется. Например, Иван и Анна оба пользуются Интернетом во время написания работы по истории и оба используют в качестве источника онлайн-курс их лектора. Анна не знает даты гражданской войны во Вьетнаме и потому спешно просматривает курс в поисках нужной информации. Иван уже несколько раз просмотрел этот курс и точно помнит, что даты представлены в начале второй лекции, поэтому открывает нужную лекцию и находит информацию, зная, где именно её искать. Гипотеза расширенного сознания применима только к случаю с Иваном: его знания являются трансактивными, в то время как пример с Анной – это пример простого отсутствия знания. Это уточнение позволяет нам избежать установления равенства между знаниями пользователей и всем содержимым Интернета, которое они потенциально могут использовать. Замечание похожего рода высказано и П. Смартом в «Веб-расширенном сознании» [16]: Википедия, разумеется, намного доступнее, чем бумажная версия энциклопедии, но избыточность информации на каждой из страниц приводит к тому, что получение необходимой информации требует времени и усилий, следовательно, Википедия не может рассматриваться как элемент когнитивных структур личности.

Во-вторых, как было показано в двух упомянутых выше экспериментах, существует некоторое противоречие в оценке автономного и трансактивного воспроизведения знаний. Здесь интуитивно чувствуется связь гипотезы расширенного сознания с чем-то вроде эпистемического доверия. Однако, чтобы это установить, необходимо обозначить исходную точку размышления: как изменится ситуация, если Отто заменит блокнот на цифровой дневник?

Гипотеза расширенного сознания в условиях информационного общества. Представим, что Иван и Анна идут в тот же музей, что Отто и Инга. Как и в оригинале [10], Инга помнит адрес, а Отто испытывает с этим трудности и заносит его в блокнот. Иван тоже не обладает надёжной памятью, поэтому открывает социальные сети и отправляет Инге сообщение с просьбой указать адрес, что она и делает. Теперь адрес хранится в его личных сообщениях. Анна также не способна запомнить адрес, но она и не испытывает в этом потребности, поскольку она планирует воспользоваться навигатором, как только доберётся до города, а для этого ей потребуется только внести в программе слово «музей» и следовать указаниям голосового помощника. Для совершения этой операции Анне достаточно информации о том, что она пойдёт в конкретный музей, не больше. Очевидно, что в данном случае Анна знанием адреса не обладает и полагает, что, если в навигаторе была бы ошибка, обманутые пользователи сообщили бы в поддержку, поэтому риск заблудиться очень невысок. Так второе условие (условие надёжности) можно считать выполненным. Однако Анна полагается на технического партнёра, тем самым иллюстрируя распределение трансактивной памяти: если поменять навигатор на Ивана, который сопроводит Анну к музею, ей также не потребуется знать адрес и количество её знаний не изменится. Выходит, внешний источник – это уже не просто источник, а деятель, который полностью берёт на себя и получение знания, и совершения действия, для которого потребовалось это знание. Поскольку перемещение Анны в пространстве под указаниями навигатора не является когнитивным актом, а всю прочую работу взял на себя технический деятель, то от самой Анны вообще не потребовалось совершения умственных операций.

Интересно, что мысленный эксперимент с Иваном и Анной выявляет не только пример совершения действий без требуемых для этого знания, но и пример того, как можно иметь знания, но «не знать их». Так, когда Иван читает сообщение от Инги, то всякая интересующая нас разница между ним и Отто исчезает. Однако вплоть до этого момента Иван, имеющий од-

но непрочитанное сообщение от Инги с адресом музея, также не обладает знанием, хотя *имеет основания полагать, что оно у него есть*. Этих оснований может быть несколько, как минимум три:

(1) он обратился к Инге с просьбой прислать адрес,

(2) он знает, что у него есть одно непрочитанное сообщение от Инги,

(3) он не прочитал, но визуально оценил поступившее сообщение и понял, что это адрес, поскольку оно начиналось со слов «ул.» и имело цифры в конце сообщения,

но всё равно он *не знает* адрес. Можно обозначить и другие интересные свойства: Иван полностью доверяет Инге и рассматривает её как надёжный источник информации о месте музея, а также Иван знает «координаты» веб-пространства, где эта информация хранится. Иными словами, ситуация воспроизводит условия предыдущего опыта, когда Иван готовил работу по истории и выступал примером трансактивного знания.

С точки зрения теории трансактивной памяти, ситуация не является чем-то исключительным. Стоит лишь заменить навигатор Анны на живого человека, и описанные события не будут выделяться из таких же историй, представленных как в психологической литературе: один знает последовательность компонентов детали, другой – последовательность их соединения, в совокупности они владеют одним знанием [17. P. 127] (самый известный пример распределения знаний – это их распределение среди членов экипажа – [18]). И здесь уже просматривается искомая разница между тем, как знал Сократ, и тем, как знает субъект современного общества: разница в количестве таких «когнитивных партнёров», локализованных за биологическими пределами организма. В конце концов, факт того, что Сократ выступал против письменности, превращает его в фигуру, абсолютизирующую автономность знания. «Сократический субъект», пожалуй, вряд ли возможен сегодня в условиях глобализованной культуры знания: записывать, вести тетради и фиксировать информацию «на потом» – всё это стало навыком дошкольного уровня, не говоря о темпах развития информационно-технической грамотности у поколений, не заставших мира до Интернета. Иными словами, сегодня «сократический субъект» – это образ, который мы используем для человека, знающего автономно. Впрочем, «ньютоновский субъект» получается ещё более идеализированным образом человека, автономно знающего всё, что можно знать. Выходит, современный человек – это всё же «кларковский субъект».

Проблема обоснованности знаний «кларковских» субъектов: невидимое третье лицо. Своеобразный консенсус в эпистемологии относительно природы знания достигнут в вопросе компонентов знания: убеждения, истинность и обоснованность, что следует из распространённой фразы о равенства понятий «знать» и «иметь обоснованное убеждение, что P истинно». Следовательно, чтобы считать какую-то внешнюю, вне-нейронную информацию личным знанием субъекта, нужно пропустить её через внутренние механизмы «одобрения» так, чтобы она «так же заслуживала доверия, как и то, что извлекается из биологической памяти» [19]. Очевидно, «кларковский субъект» вносит некоторые изменения в представления об обоснованности, которая не обязательно должна быть каким-то внутренним действием [20].

Однако философия Э. Кларка не предполагает, что подобный субъект или воспроизводимая им познавательная ситуация могут быть чем-то атомарным, т.е. начальным и неделимым, для всей теории. Скорее, их можно назвать «молекулами», и от того, что входит в эти молекулярные связи, зависит то, как именно раскрывается «кларковский субъект». С одной стороны, это артефакты [10; 19; 21. P. XV; 22], как в примере с Отто и Иваном. С другой стороны, это и другие субъекты [23], конкретные или обобщённые, например ситуация с Анной. Можно добавить в этот ряд и своеобразный симбиотический агент в виде социально-технических эпистемических систем [24–26]. Эти компоненты не обязательно должны взаимодействовать между собой напрямую, и это положение раскрыто в аргументе эпистемического доверия Хардвига.

Если мы наложим на гипотезу расширенного сознания аргумент Д. Хардвига, то получим вероятный способ преодоления проблемы обоснования веб-расширенного познания. Сам аргумент можно представить в следующем изложении: некто может знать нечто, если обладает доказательствами, но и также если не обладает доказательствами, но верит тому, кто ими обладает [27]. Этот аргумент показывает, что обоснованность знания, не входящего в структуры личного опыта субъекта, выражается в обоснованности расценивать высказывания третьего лица как высказывания истинные. В настоящем контексте речь идёт о том, что доверие Отто не является доверием к блокнотам, но доверием к себе, и обоснованием истинности суждения является не то, *где* он зафиксирован, а то, *кем* эта фиксация произведена. Возвращаясь к замечанию П. Смарта [16], обоснованность знаний к энциклопедии подкрепляется не самой материей энциклопедии, а доверием к издателю, автору, экспертному совету, который позволил этой информации получить статус энциклопедии, к профессору, порекомендовавшего эту энциклопедию, к продавцу книжного магазина, поставившего книгу на полку научной и энциклопедической литературы, и т.д. Кому же доверяет «кларковский субъект»? По аналогии, доверие Ивана к сообщению от Инги в социальных сетях не является доверием к социальным сетям, но доверием к высказываниям Инги по вопросу местонахождения музея, и может быть описано, например, моделью распределения доверия Д. Хардвига. Под действие этого тезиса попадает и Анна, которая полагается не на знание технической системы, но на знание интернет-сообщества, подкреплённое инструментами народного контроля. Однако её доверие распределяется совершенно иным способом, предположительно связанным с феноменом мудрости толпы, или, скорее, с оценкой этого феномена самим познающим сознанием в процессе принятия и обоснования знания. Несмотря на то, что термин «мудрость толпы» имеет историю применения в описанной проблематике [28; 29; 30. P. 7–8], возможность построение модели доверия остаётся неочевидной.

Таким образом, проблема прнятия знаний при веб-расширенном познании – это проблема медиации знаний. В традиционном понимании медиация осуществляется собственными силами, а трансактивное знание становится таким знанием, сохранение и передача которого осуществляются с помощью внешних средств. В условиях информационного общества распределение знания сталкивается с проблемой распределения доверия, и здесь можно сделать следующее заключение. Сама по себе гипотеза расширенного сознания служит иллюстрацией нетипичных для теории познания способов распределения когнитивных функций познающего субъекта, подчёркивает включённость технических средств в интеллектуальную деятельность. Субъект информационного общества в заданных гипотезой условиях становится примером другого явления, а именно изменений в доверии, служащим обоснованием принимаемого знания. Так, Отто и Инга – персонажи, доверяющие себе, в том числе опосредованно техническими объектами. Иван и Анна, напротив, выражают возможности опосредованного принятия знания через доверие к другим. В условиях же виртуально-информационных технологий эпистемическое доверие может быть персонифицированным (что подразумевается в модели Хардвига) к обезличенной, но органичной социальной массе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sismondo S. Post-truth? // Social Studies of Science. 2017. Vol. 47, is. 1. P. 3–6.
2. Fuller S. Post-Truth: Knowledge As A Power Game. London : Anthem Press, 2018.
3. Gerken M. On folk epistemology: How we think and talk about knowledge. Oxford : Oxford University Press, 2017.
4. Frankfurt H.G. On bullshit. Princeton : Princeton University Press, 2009.
5. Brey A., Innerarity D., Mayos G. The Ignorance Society and other essays. Barcelona : Infonomia, 2009.
6. Firestein S. Ignorance: How It Drives Science. Oxford University Press, 2012.
7. Ward A.F. One with the Cloud: Why People Mistake the Internet's Knowledge for Their Own. Cambridge : Harvard University, 2013.
8. Sparrow B., Liu J., Wenger D.M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. Vol. 333, № 6043. P. 776–778.
9. Wenger D.M., Erber R., Raymond P. Transactive memory in close relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61, № 6. P. 923–929.
10. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. № 1. P. 7–19.
11. Wegner D.M. Transactive memory: A contemporary analysis of the group mind // Mullen B., Goethals G.R. (eds) Theories of group behavior. New York : Springer, 1987. P. 185–208.
12. Левин С. Расширенное сознание и каузальный статус деятелей // Логос. 2017. Т. 26, №. 5. С. 227–242.
13. Clark A. Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind. Oxford : Oxford University Press, 2000.
14. Левин С.М. Коллективное сознание и десубстантивация ментального //Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 142–156.
15. Винник Д.В. Сознание за пределами мозга истоки аргументации радикального экстернализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2 (10). С. 125–136.
16. Smart P.R. The Web-Extended Mind // Metaphilosophy. 2012. Vol. 43, №. 4. P. 446–463.
17. Nevo D., Wand Y. Organizational memory information systems: a transactive memory approach // Decision support systems. 2005. Vol. 39, № 4. P. 549–562.
18. Hutchins E. How a cockpit remembers its speeds // Cognitive science. 1995. Vol. 19, № 3. P. 265–288.
19. Clark A. Memento's revenge: The extended mind, extended // R. Menary (ed.) The Extended Mind. Cambridge, Massachusetts, USA : MIT Press, 2010.
20. Michaelian K., Arango-Muñoz S. Collaborative memory knowledge: A distributed reliabilist perspective // Collaborative remembering: Theories, research, applications. 2018. P. 231–247.
21. Chalmers D. Foreword to Andy Clark's Supersizing the mind // A. Clark, Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. ix–xvi.
22. Record I., Miller B. Taking iPhone seriously: epistemic technologies and the extended mind // J. Adam Carter, A. Clark, J. Kallestrup, S. Orestis Palermos, D. Pritchard (eds) Extended Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 105–127. DOI: 10.1093/oso/9780198769811.003.0007
23. Carter J.A., Clark A., Kallestrup J., Palermos S.O., Pritchard D. Socially Extended Epistemology. Oxford : Oxford University Press, 2018.
24. Simon J. Knowing Together: a Social Epistemology for SocioTechnical Epistemic Systems: Dissertation. Vienna : University of Vienna, 2010. 448 p.
25. Simon J. Distributed Epistemic Responsibility in a Hyperconnected Era // The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era / L. Floridi eds. Dordrecht : Springer, 2015. P. 145–159.
26. Smart P.R. Human-extended machine cognition // Cognitive Systems Research. 2018. Vol. 49. P. 9–23.
27. Hardwig J. Epistemic Dependence // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82 (7). P. 335–349.
28. Solomon M. Groupthink versus the wisdom of crowds: The social epistemology of deliberation and dissent // The Southern Journal of Philosophy. 2006. Vol. 44, № S1. P. 28–42.
29. Niederer S., Van Dijck J. Wisdom of the crowd or technicity of content? Wikipedia as a sociotechnical system // New Media & Society. 2010. Vol. 12, № 8. P. 1368–1387.
30. Halpin H. Does the Web extend the mind? // Proceedings of the 5th annual ACM web science conference. ACM, 2013. P. 139–147.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 февраля 2019 г.

Knowledge Acceptance by an Extended Mind in the Information Society Conditions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 75–79.
DOI: 10.17223/15617793/441/10

Anastasia V. Golubinskaya, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golub@ioo.unn.ru

Keywords: online knowledge; epistemic trust; Socratic subject; Newtonian subject; Clarkian subject; extended mind; information society.
The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Research Project No. 18-311-00061

The article aims to develop the extended mind thesis in order to involve the cognitive opportunities of a person of modern information society, the so-called "Clarkian subject", and to expand the theoretical foundation of the problem of web-knowledge phenomena. The research is built on the materials of the theories of transactive memory, extended mind and epistemic dependence, which as a whole constitute the relevant explanation of how we know in the Internet era. The author combines the results of existing research projects in philosophy (Otto and Inga examples of the extended mind thesis) and cognitive psychology (experiments on googlization of mind). The article includes three theoretical parts. The first part presents the study of specific traits of how modern person *knows* and how his or her knowing involves environment. Thus the author differs an autonomous knower ("Socratic") and transactive knowers, including those who know with virtual information technologies ("Clarkian") and without it ("Newtonian"). The second part of the article focuses on the question of the mediation of knowledge of the "Clarkian subject". Is it possible to "googlize" Otto's example? For an answer, it is necessary to complement the mentioned episode of D. Chalmers and A. Clark with two completely new cognitive situations, namely with Ivan, who uses social networks like Otto's notebook, and Anna, whose technical partner performs all her cognitive actions. It provides the discovery of two new ways of how the information society connects a person with knowledge: a person may literally "have" knowledge but might not really know it, or a person might not even "have" knowledge in any sense but may use it practically. The analysis of this experiment composes the results of the second part of the article. The third part of the article brings together the idea of a mediator of knowledge and the idea of an agent of knowledge in the conditions of the described thought experiment. It is hardly possible to analyze a mediator as a reason to accept knowledge. In this frame, the question about cognitive partnership of human and non-human elements transforms into the question of justification of transactive knowledge, or more likely the question of its epistemic trust. The author concludes that artificial cognitive partners of human mind do not transform the cognitive activity essence, but mediators of knowledge, which also mediate the system of epistemic trust. It seems clearly notable that epistemic trust is not common for each situation. At least, two forms are possible: personalized trust and depersonalized (social) trust, but the mechanisms of its mediation are still indistinct and represent the further development of the research.

REFERENCES

1. Sismondo, S. (2017) Post-truth? *Social Studies of Science.* 47 (1). pp. 3–6. DOI: 10.1177/0306312717692076
2. Fuller, S. (2018) *Post-Truth: Knowledge As A Power Game*. London: Anthem Press.
3. Gerken, M. (2017) *On folk epistemology: How we think and talk about knowledge.* Oxford: Oxford University Press.
4. Frankfurt, H.G. (2009) *On bullshit.* Princeton: Princeton University Press.
5. Brey, A., Innerarity, D. & Mayos, G. (2009) *The Ignorance Society and other essays*. Barcelona: Infonomia.
6. Firestein, S. (2012) *Ignorance: How It Drives Science*. Oxford University Press.
7. Ward, A.F. (2013) *One with the Cloud: Why People Mistake the Internet's Knowledge for Their Own*. Cambridge: Harvard University.
8. Sparrow, B., Liu, J. & Wenger, D.M. (2011) Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*. 333 (6043). pp. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745
9. Wenger, D.M., Erber, R. & Raymond, P. (1991) Transactive memory in close relationships. *Journal of Personality and Social Psychology.* 61 (6). pp. 923–929.
10. Clark, A. & Chalmers, D. (1998) The Extended Mind. *Analysis*. 1. pp. 7–19.
11. Wegner, D.M. (1987) Transactive memory: A contemporary analysis of the group mind. In: Mullen, B. & Goethals, G.R. (eds) *Theories of group behavior*. New York: Springer.
12. Levin, S. (2017) The extended mind and the causal status of the agent. *Logos*. 26 (5). pp. 227–242. (In Russian).
13. Clark, A. (2000) *Surfing Uncertainty: Prediction, Action, and the Embodied Mind.* Oxford: Oxford University Press.
14. Levin, S.M. (2015) Kollektivnoe soznanie i desubstantivatsiya mental'nogo [Collective mind and mental desubstantiation]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. 18. pp. 142–156.
15. Vinnik, D.V. (2010) Consciousness outside the brain - origins of radical externalism argumentation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (10). pp. 125–136. (In Russian).
16. Smart, P.R. (2012) The Web-Extended Mind. *Metaphilosophy*. 43 (4). pp. 446–463. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2012.01756.x
17. Nevo, D. & Wand, Y. (2005) Organizational memory information systems: a transactive memory approach. *Decision Support Systems.* 39(4). pp. 549–562. DOI: 10.1016/j.dss.2004.03.002
18. Hutchins, E. (1995) How a cockpit remembers its speeds. *Cognitive Science*. 19 (3). pp. 265–288.
19. Clark, A. (2010) Memento's revenge: The extended mind, extended. In: Menary, R. (ed.) *The Extended Mind.* Cambridge, Massachusetts, USA: MIT Press.
20. Michaelian, K. & Arango-Muñoz, S. (2018) Collaborative memory knowledge: A distributed reliabilist perspective. In: Meade, M.L. et al. (eds) *Collaborative remembering: Theories, research, applications.* Oxford Scholarship Online.
21. Chalmers, D. (2011) Foreword to Andy Clark's Supersizing the mind. In: Clark, A. *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. Oxford: Oxford University Press.
22. Record, I. & Miller, B. (2018) Taking iPhone seriously: epistemic technologies and the extended mind. In: Adam, J. et al. (eds) *Extended Epistemology*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198769811.003.0007
23. Carter, J.A. et al. (2018) *Socially Extended Epistemology.* Oxford: Oxford University Press.
24. Simon, J. (2010) *Knowing Together: a Social Epistemology for SocioTechnical Epistemic Systems*: Dissertation. Vienna: University of Vienna.
25. Simon, J. (2015) Distributed Epistemic Responsibility in a Hyperconnected Era. In: Floridi, L. (ed.) *The Onlife Manifesto: Being Human in a Hyperconnected Era.* Dordrecht: Springer.
26. Smart, P.R. (2018) Human-extended machine cognition. *Cognitive Systems Research.* 49. pp. 9–23. DOI: 10.1016/j.cogsys.2017.11.001
27. Hardwig, J. (1985) Epistemic Dependence. *The Journal of Philosophy*. 82 (7). pp. 335–349.
28. Solomon, M. (2006) Groupthink versus the wisdom of crowds: The social epistemology of deliberation and dissent. *The Southern Journal of Philosophy.* 44 (S1). pp. 28–42. DOI: 10.1111/j.2041-6962.2006.tb00028.x
29. Niederer, S. & Van Dijck, J. (2010) Wisdom of the crowd or technicity of content? Wikipedia as a sociotechnical system. *New Media & Society*. 12 (8). pp. 1368–1387. DOI: 10.1177/1461444810365297
30. Halpin, H. (2013) Does the Web extend the mind? *Proceedings of the 5th annual ACM web science conference*. ACM. pp. 139–147.

Received: 14 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80–88. DOI: 10.17223/15617793/441/11

УДК 101.1:316

А.Г. Иванов

МИФОЛОГЕМА ГЕРОЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФА

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-411-480001 «Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики».

Осуществлены системное социально-философское рассмотрение социальной мифологии и классификация социальных мифов. В структуре социального мифа особо выделяется мифологема героя. Отмечается, что фигура героя является как одним из базовых элементов повседневной мифологии семейной памяти, так и сущностной характеристикой «глобального» социального мифа. «Глобальные» мифы неустранимы из исторической памяти и постоянно присутствуют в культуре. Автор приходит к заключению, что наличие мифологемы героя в структуре социального мифа делает бесполезными процессы демифологизации.

Ключевые слова: герой; социальная мифология; современный социальный миф; типология мифов; «глобальный миф»; мифологема; стадии мифологизации; повседневная мифология семейной памяти; мифология образа Сталина.

We can be Heroes just for one day
…
We can be Heroes for ever and ever.

Дэвид Боуи (Heroes. 1977)

Фигура героя сегодня часто оказывается в поле зрения исследователей и обывателей: она присутствует в новостных репортажах, когда, например, сообщается о посмертном присуждении звезды героя за военный подвиг; возникает как немаловажная деталь нарратива, например в повествовании о семейной истории.

Фактически можно говорить о неустранимости героической фигуры из социального контекста, где герой выступает в качестве базового или даже архетипического феномена, сопровождающего значимые этапы исторического развития. Такими же имманентно присущими любому объединению людей феноменами являются миф и мифология. По мнению Ф.В.Й. Шеллинга, мифология есть судьба народа; мифология – это с самого начала выпавший ему жребий: «Немыслимо, чтобы мифология народа возникала из чего-либо уже наличествующего и среди наличествующего, а потому ей не остается ничего иного, кроме как возникать вместе с народом – в качестве сознания народа-индивида…» [1. С. 213–214].

Ф.В.Й. Шеллинг, однако, говорит от мифе классическом или о том уровне социальной мифологии, который мы называем архаическим. В центре же нашего внимания находится современная социальная мифология со всеми ее составляющими, основными среди которых являются миф, ритуал, мифологема, в том числе мифологема героя. Основываясь на идеях, высказанных И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным [2], мы считаем, что возможно системное исследование социальной мифологии. Рассмотрение социальной мифологии как системы позволяет выделить в ней ряд подсистем, которые состоят из некоторых элементов и образуют нечто вроде упорядоченной функциональной структуры. Социальная мифология, таким образом, оказывается одним из условий существования целостного общества, важным компонентом структуры социума.

Термин «социальная мифология»: сложности с определением?

Термин «социальная мифология» требует конкретизации, что обусловлено его самыми различными истолкованиями за последнее время.

Так, П.С. Гуревич полагал, что социальная мифология представляет собой «особый тип идеологического сознания» [3. С. 6]. Согласно другому распространенному определению социальная мифология «…представляет собой феномен идеологической практики, конституировавшийся в зрелом виде в XIX–XX вв. и представляющий собой сознательно целенаправленную деятельность по манипулированию массовым сознанием посредством специально сформированных для этой цели социальных мифов. Социальная мифология включает в себя, таким образом, два необходимых компонента: социальное мифотворчество и адаптацию созданных идеологических мифологем в массовом сознании» [4. С. 637]. Сторонником похожего мнения является А.В. Ульяновский, который отмечает, что «в области социальной мифологии актуален вопрос заказчика, групп интересов, создателей социальной мифологии…» [5. С. 42]. Г.П. Коршунов социальной мифологией считает «…самооргани-зующуюся систему семантически фиксированных нарративов (описаний должного положения вещей), закрепляющих, транслирующих и описывающих “само собой разумеющиеся” феномены общественного бытия. Эта система функционирует на уровне коллективного сознания главным образом в его повседневном измерении, субъектами воспринимается некритично и функционирует в рамках особой логики. При этом в сознании единичного субъекта социальная мифология представлена фрагментарно» [6. С. 63–64]. И.В. Чиндин видит в социальной мифологии сферу, в которой повседневная жизнь общества взаимодействует с идеологией, и считает, что современная социальная мифология есть определенный

комплекс мифологем сегодняшнего массового общества: «Мифологемы в современном общественном сознании существуют в виде целенаправленно заданных идеологами сюжетов, скрытых за определенными социальными образами. Подразумевается, что граждане буржуазного демократического государства произвольно и свободно воспринимают эти сюжеты в политике, бизнесе, массовом искусстве и проч.» [7. С. 158].

Отдельно следует сказать об иллюзиях и их взаимосвязи с современными социальными мифами. Так, П.А. Плютто исходит из того, что миф есть форма бытия социокультурных иллюзий, а социальный миф – это стихийная социокультурная иллюзия, бытующая на уровне массового общества и массовой культуры, тогда как утопиями и идеологиями автор считает рационализированные социокультурные иллюзии [8. С. 38]. Более того, исследователь заключает, что «…социокультурные иллюзии обладают собственной парадоксальной реальностью, – реальностью социокультурного виртуального» [Там же. С. 19]. Другое мнение разлделяет Л.В. Шукшина, которая считает, что социальный или иной миф выступает в качестве социокультурного основания социальной иллюзии [9. С. 22].

Вышеупомянутые определения иллюзии и ее связи с мифом звучат достаточно убедительно. Однако стоит заметить, что когда мы считаем некий феномен иллюзорным, то мы тут же соглашаемся с фактом его оторванности от реальности или с тем, что он характеризуется специфической реальностью (по словам П.А. Плютто, реальностью социокультурного виртуального), но с мифом все не так просто: мифом можно жить, полагая, что он и представляет собой самую настоящую реальность, и даже не ставить вопрос о том, соответствует ли миф реальности. Видно, что социальная мифология может как фактически отождествляться с идеологией, так и пониматься как феномен повседневной жизни, как разновидность иллюзии.

Социальная мифология – это аксиологически нагруженный феномен, образующий систему мифов о процессах общественного развития, обществе в целом, оказывающий существенное влияние на общественное сознание и приводящий к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума. Социальная мифология имплицитно существует с древности как аспект архаической мифологии, объясняющий общественные явления и процессы. Но к началу XX в. можно говорить об эксплицитно существующей социальной мифологии, содержащей изрядную часть идеологических построений. Современная социальная мифология – сложный феномен, реализующийся на двух уровнях: «архаическом» и «конъюнктурном» («инструментальном»). «Архаический» уровень включает преимущественно коллективно вырабатываемые архетипические образы, мифологемы, ритуалы, устойчиво удерживающиеся в сознании. «Конъюнктурный» или «инструментальный» уровень оказывается своеобразной «мифологией идей», содержащей результаты рациональной целенаправленной деятельности мифотворцев. Соответственно, и в каждом социальном мифе наличествует такая двухуровневость.

Тесно связано с вышеуказанными уровнями и выделение в мифе интерналистских (имманентных) и экстерналистских (привнесенных) компонентов: интерналистские компоненты являются следствием мифологизирующей деятельности и тесно соприкасаются с «архаическим» уровнем; экстерналистские – это продукт продуманной инструментальной деятельности творцов мифов, располагающийся на «конъюнктурном» уровне.

Современный социальный миф и его двухуровневость

Отсутствует определенность и вокруг основных составляющих социальной мифологии – мифов. Прежде всего необходимо разобраться в типологии социальных мифов. Актуальность системной классификации современных социальных мифов обусловлена современным состоянием общественной жизни, в которой как человек, так и общество в целом вынуждены мириться с тем, что происходит активное проникновение мифов почти во все сферы жизни общества. От способности обнаруживать социальные мифы в обществе зависит в конечном счете и возможность составления максимально объективного представления о том, что происходит вокруг на самом деле, возможность сопротивления пропаганде и противодействия негативным конъюнктурным общественным процессам.

Говоря об «архаическом» уровне социального мифа, следует вспомнить о той популярности, которую в свое время обрела на Западе так называемая психоаналитическая теория мифа, сторонниками которой в той или иной степени можно считать Д. Кэмпбелла, М. Элиаде и др. В центре их внимания находились некие глубинные, архетипические, неизменные конструкции, поиском которых они были заняты. Такого рода конструкции приверженцы психоаналитического понимания сущности мифа считали частью сферы бессознательного и фундаментом для любых социальных взаимодействий, имманентно присущих любому индивиду или обществу. Именно сторонники психоаналитической интерпретации смысла мифа стали широко применять такие тесно связанные с социальным мифом термины, как «мифологема», «архетип», «мифический образ».

Рассматривая «конъюнктурный» уровень социального мифа, мы можем сказать, что современная общественная жизнь предоставляет нам возможность для самой широкой – социально-философской – классификации. Ключевыми классификационными критериями являются: 1) субъект и объект социального мифа (см. таблицу); 2) контекст реализации социального мифа (включая различные сферы жизни общества).

Стоит, прежде всего, отметить, что попытка широкой классификации социальных мифов была впервые предложена А.В. Ульяновским [5. С. 134–143]; и его типология частично используется нами при классификации. Мы несколько изменили типологию, и определяющими классификационными критериями у нас стали субъект и объект социального мифа, а также основные разделы (аспекты) знания о социальной ми-

фологии. При этом под субъектом мы понимаем прежде всего творца социального мифа; под объектом – того, кому адресован социальный миф субъектом.

Классификация социальных мифов по субъекту и объекту

Раздел (аспект) знания	Объект	Субъект
Онтологический	Степень укорененности	Адрес (место) в цикле создания
Гносеологический	Степень осознанности	«Feedback»
Аксиологический	Соответствие ценностям	Источник доверия
Праксиологический	Форма	Формат

Онтологический аспект охватывает степень укорененности социального мифа в обществе (общество при этом выступает как объект социальной мифологии), а также то, какие социальные группы инициировали существование мифа. В гносеологическом плане мы определяем степень осознанности и понимания социальных мифов как теми, кто находится в поле бытования мифов (относятся к объекту социальной мифологии, могут являться «мифичными»), так и мифотворцами. Феномен «feedback», по нашему мнению, является важнейшим признаком понимания социального мифа индивидом: или субъект (как правило, мифотворец) полностью осознает, что социальный миф оказывается совершенно искусственным явлением, влияющим на сознание и определяющим поведение людей; или же субъект сам начинает относиться к мифу как тот, кому он был адресован. Четкое понимание феномена «feedback» мы обнаруживаем в текстах И.М. Дьяконова: «…в наши времена мы нередко имеет дело с третичными мифологиями: эти мифы являются метонимически-ассоциативным оформлением доказуемо ложных положений. Таковы миф об устроении царства божьего на земле, лишенного движущих антагонистических противоречий, миф о жидомасонах и другие подобные. Их ложность не значит, что пропаганда третичных мифологий является заведомой ложью: имея дело с мифологиями и пропагандой идей, мы должны всегда иметь в виду явление feedback, т.е. обратного воздействия пропаганды на самих пропагандистов» [10. С. 62–63]. В аксиологическом плане мы учитываем, соответствует ли социальный миф ценностным ожиданиям объекта социальной мифологии, а также то, как к нему относится субъект социальной мифологии. И, наконец, говоря о праксиологическом аспекте, мы акцентируем внимание, соответственно, на способе получения мифа объектом (форма социального мифа) и на способе подачи мифа субъектом (формат социального мифа). Реальное воздействие социального мифа на индивида в значительной мере возрастает в зависимости от того, какова степень привлекательности формы социального мифа для объекта, и от того, в какой «мифоформат» субъект мифа помещает транслируемый им социальный миф. Миф же, включающий мифологему героя, будет охватывать все фундаментальные основания выделяемых классификационных критериев.

Кроме объекта и субъекта существенным классификационным критерием для социальных мифов является контекст, который сопутствует взаимодействию субъекта и объекта социального мифа. Контекстуальный фактор дает возможность выделять следующие социальные мифы: по силе; по пространству; по длительности; по движению; по сферам жизни общества. Так, классифицируя социальные мифы по пространству, нужно провести анализ структуры общества. Выделение же частей социального пространства порождает социальные классы с соответствующими каждому такому классу мифами, которые, в свою очередь, выражают ценности класса (например, Р. Барт писал и о мифе у «правых», и о мифе у «левых» [11. С. 272–283]). Классовый миф является в нашей классификации нишевым и занимает срединное положение между индивидуальными и глобальными (социетальными) мифами. Следует вспомнить, что Р. Барт осуществил попытку всестороннего рассмотрения мифов повседневной жизни (повседневных мифов): в его известной работе «Мифологии» [11] был проиллюстрирован целый ряд событий из повседневной жизни Франции 1950-х гг. При этом в каждом очерке, который вошел в сборник «Мифологии», можно найти слова, понятия, термины, лежащие в основе социальной мифологии: власть имени в очерке «“Тур де Франс” как эпопея»; фигура героя в «Мире, где состязаются в кетче»; ритуал инициации в «Брачной хронике».

Нас же в контексте настоящей статьи будет интересовать миф о герое. В середине XX в. у Д. Кэмпбелла вышла в свет книга «Тысячеликий герой» [12], в которой он предположил, что в основе всех мировых мифологий лежит так называемый мономиф, ядром которого, в свою очередь, является рассказ о герое, обычно начинающийся с истории о чудесном рождении героя. Мы относим миф о герое и сопутствующие ему мифологемы, важнейшей из которых является собственно мифологема героя, к «глобальным» социальным мифам.

На наш взгляд, «глобальные» мифы (кроме мифа о герое, это – миф Просвещения, миф о вечном возвращении, например) достойны серьезного философского анализа. Такие мифы, как и социальные мифы, включают два уровня рассмотрения («архаический» и «конъюнктурный»), но имеют и свои особенности, важнейшая из которых состоит в том, что в «глобальных» мифах органично сочетаются два вышеуказанных уровня. Это обстоятельство в итоге и объясняет долгое существование «глобальных» мифов, постоянно оказываемое ими влияние на жизнь общества, их востребованность для объяснения и понимания общественного развития.

«Глобальные» мифы перманентно возникают в общественном сознании. И миф о герое в этом смысле, безусловно, стоит отнести к «глобальным» мифам, так как он представляет собой неустранимый, необходимый, преимущественно созидательный компонент общественного развития. Фигура героя, как в античную эпоху, так и в эпоху Возрождения и далее – в эпоху Романтизма, показывает отношение всего общества к феномену героизма, но также и демонстрирует отношение общества к социальной мифологии. Фигуру героя можно охарактеризовать как зеркало социальной мифологии.

Сегодня вероятность возникновения новых «глобальных» мифов является достаточно высокой, прежде всего, по причине глобализационных процессов, охвативших практически весь мир. Такие процессы, однако, могут привести к тому, что окажутся размытыми культурные идентичности, будет сформировано единое однородное пространство понимания, выступающее как некий строительный материал для мифотворческих и мифологизационных процессов. И именно по причине широкого распространения процессов глобализации может сформироваться поле интерсубъективности, что позволит не только конструктивным, но и деструктивным социальным мифам легко завладевать сознанием широких масс.

О структуре социального мифа

К. Леви-Строс считал, что «миф всегда имел многослойную структуру… никогда невозможно его понять только на одном уровне, его необходимо рассматривать на разных уровнях» [13. С. 68]. Это утверждение французского исследователя в полной мере относится и к современному социальному мифу: его структура включает в себя, как было показано ранее, как минимум два уровня («архаический» и «конъюнктурный»), которые могут состоять как из мифологем, ритуалов, символов, так и из идеологем, мифоритуальных практик, знаков, в конечном счете, сюжетов.

Важна и эволюция мифа или мифогенез, который А.А. Пелипенко представляет как «последовательность возникающих в эпоху прото- и палеокультуры когнитивных форм: протомифем – мифем – мифологем – мифов» [14. С. 414].

Для исследователей же современной социальной мифологии ключевое значение приобретает вопрос терминологии: до сих пор, как было показано выше, не вполне проясненным остается само понятие «современная социальная мифология»; актуальна и классификация социальных мифов. Не менее важным вопросом, камнем преткновения является термин «мифологема».

Начнем с того, что некоторые исследователи отдельно отмечают следующее: «Общепринятого значения терминов мифема и мифологема не существует…» [Там же]. Тем не менее мы исходим из того, что любой миф является совокупностью разного рода мифологем, выступающих в определенном смысле структурными единицами мифа. Соответственно, миф о герое может содержать в себе множество разнообразных мифологем: путешествие героя, борьба героя и т.д. В конечном счете, содержание мифа характеризуется наличием определенного количества мифологем, но также и тем, как эти мифологемы связаны между собой, как они взаимодействуют друг с другом. Рассматривая современные мифы в таком ключе, следует выделять в мифе как мифологемы, сложившиеся в процессе существования и развития мифа (они связаны с архетипами, с «архаическим» уровнем), так и мифологемы, искусственно привнесенные в тот или иной миф с целью воздействия на массовое сознание («конъюнктурный» уровень).

Интересно, что трактовка термина «мифологема» в работах отечественных исследователей имеет довольно широкий диапазон. Так, Д.В. Чернышков пишет о мифологеме глобализации, считая, что, функционируя в обществе, эта мифологема отсылает нас к глубинным архетипам всеединства человечества в границах Большой Семьи, что свойственно абсолютно всем людям [15]. Также следует выделить и осуществленное Э.А. Коблевой рассмотрение проблем, которые возникли в эпоху Постмодерна: автор придерживается такого мнения, что эволюция современного общества способствовала оформлению мифологемы богатства. Кроме того, исследователь исходит из архетипичности самой такой мифологемы, считая, что в ней «…выражается устойчивое представление людей о безбедной жизни, о материальном достатке. В современном мире мифологема богатства отражает конкретно-историческую ситуацию, пропитанную консьюмеризмом…» [16. С. 10].

Интересно отметить, что мифологемы глобализации и богатства, появившись в историческом масштабе не так давно, согласно вышеупомянутым авторам, тем не менее, включают в свое содержание известную долю архетипического, таким образом, оказываясь сопряженными с выделяемым нами «архаическим» уровнем социальной мифологии.

Такие часто непользующиеся апологетами психоаналитической теории мифа термины, как «мифологема», «архетип», «сюжет» и многие другие, имеют общую связь также и с социальным мифом. «Мифологема – это мифическая идея или мотив. Несколько мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф… “Мифологема” – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологемы: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и свое отдельное значение, и, вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга» [17. С. 10–16]. Получается, что Д. Холлис выделяет в качестве самостоятельной единицы мифологему героя, тогда как мы полагаем, что мифологема существует всегда как часть мифологического повествования (мифа). Более того, существуя как часть нарративной формы мифа, мифологема может осмысляться в нескольких измерениях. Так, В.В. Майков, в кэмпбелловской мифологеме путешествия героя усматривает сразу три героических путешествия – мифическое, экзистенциальное и духовное [18. С. 432].

Для демонстрации противоречивости понимания термина «мифологема» приведем два диаметрально противоположных мнения. Белорусский исследователь Н.Н. Беспамятных считает, что «мифологема – это понятие, которое раскрывает наиболее глубинные и таинственные стороны мира, и в котором эти стороны выражаются в привычных зримых образах. …Мифологемы… придают мифу глубину, мудрость и тайну» [19. С. 95]. Другое же мнение таково: «Фактически мифологема – это искусственно сконструированный миф, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных со-

циальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю» [20. С. 81]. Но стоит отметить, что последнее определение фактически уравнивает мифологему с идеологемой, чем значительно обедняет ее содержание.

Как видно, смысл, придаваемый мифологеме, у вышеуказанных авторов различается. На наш взгляд, мифологема, кончено, выступает как структурная единица мифа; прежде всего мифологему можно рассматривать как составляющую социального мифа и в целом современной социальной мифологии. Но мифологема, как и миф, отличается известной двойственностью: отсылает к фундаментальным, лежащим в основе человеческого мышления образам, архетипам и в то же время может представлять собой некий логически измеряемый, вероятно даже искусственно создаваемый конструкт.

Далее необходимо выявить соотношение понятий «миф» и «мифологема». Это можно рассмотреть на примере процесса мифологизации. Процессы мифологизации (придание социальной реальности мифологической образности) наряду с процессами мифотворчества (запечатление социального бытия в виде мифов, построение мифологических сюжетов) свойственны мифологическому сознанию, которое, как миф, ритуал или мифологема, является важным компонентом социальной мифологии.

«Возможно (это еще требует изучения), мифологизации харизматического вождя предшествует формирование панегирического нарратива. Если это предположение верно, то возникновение такого нарратива можно трактовать как первую стадию мифологизации» [21. С. 89–90]. Соглашаясь в целом с А.М. Прилуцким, отметим, что процесс мифологизации состоит из нескольких стадий – от возникновения простого нарратива до появления цепи событий, сюжетной линии, предстающей в качестве оформленного мифа. То есть нарратив, чтобы стать мифом, должен быть встроен в сюжетную линию: «Сталинский панегирический нарратив еще не является “сталинским мифом” – для того, чтобы им стать, он должен обрести сюжетность. Поэтому к дискусрам “сталинского мифа” не относятся утверждения о святости Сталина, его прозорливости, поскольку они не содержат элементов событийной сюжетности, ограничиваясь констатацией. Напротив, повествования о событиях, в которых раскрываются религиозно маркированные качества И.В. Сталина, утверждается влияние их на современность, относятся к сталинской мифологии независимо от модальности и исторической достоверности» [Там же. С. 88]. Сюжет – это цепь событий, повороты и перипетии действия, взаимоотношения персонажей, выраженные через действия, протекающие в художественной реальности; это цепь отношений, связей, вещей в словесной динамике. Обратим внимание и на то, что сюжет как важнейшая часть мифологического повествования (мифа) также претерпел известную эволюцию. Начиная с паратактических перечислений (так, анализируя «Илиаду», К. Хюбнер замечает следующее обстоятельство: «…описания плаваний вдоль берегов и маршрутов парусных судов, которые всегда начинались одинаково звучащими выражениями, состояли из перечисления мест, где проходили водные пути» [22. С. 154]), вплоть до современных развернутых нарративов (которые, впрочем, вполне могут содержать отсылки к «архаике»: например, регулярность употребления «маркерных» слов, имен и другие в современных масс-медиа), сюжет мифа, как, собственно, и сам миф, остается значимым социальным феноменом. Мифологемы же при этом призваны подчеркивать значимость социального мифа, придавая мифологическим повествованиям завершенность, определенность и устойчивость.

Мифологема героя

В начале III в. до н. э. Эвгемер написал роман «Священная история», имевший форму философского путешествия. В романе было показано, что древние мифологические боги на самом деле являются обожествленными историческими личностями. Согласно концепции Эвгемера, боги, которые были изображены в мифах, не являются подлинными богами, а есть исторические личности (герои, цари), которые были превращены сознанием человека в богов. Следует заметить, что данная концепция оказалась востребованной вследствие распространенной в Античности традиции, согласно которой выдающиеся личности наделялись атрибутами богов. В свою очередь, эта традиция восходила к древнегреческому культу богов.

Видимо, стремлением людей обожествлять и героизировать своих выдающихся современников можно объяснить популярность и распространенность эвгемеризма в качестве одной из интерпретаций смысла мифа. Данная трактовка сохранилась вплоть до Нового времени. Действенность эвгемерической трактовки мифа подкреплялась оказываемым влиянием на широкие массы: когда цари и герои приравнивались к богам, это способствовало укреплению государства и сохранению власти.

Доминированию мифа в общественной жизни с древних времен помогало то обстоятельство, что миф был тесно связан с фигурами героев. Герой наглядно показывал, каким образом нужно верно отправлять определенное сакральное действо в повседневной жизнедеятельности, в сфере профанного. Герой был фигурой, которая придавала жизни устойчивость, даже предсказуемость; фигурой, творящей реальность взамен хаотичного состояния. Кроме того, на процесс создания образа того или иного героя влияло и распределение в общественной жизни сакральных сил. Сакральное могло быть по-разному акцентировано, например, быть более интенсивно и концентрированно представлено у воинов, жрецов и, конечно, у героев.

На еще более ранний исторический этап – на времена, когда жил Гомер, – пришелся период «героической обработки мифологии» [23. С. 35]. В эпосе особенно важным представляется то обстоятельство, что именно эпический герой осуществляет функцию по транслированию и передаче сакральных сил социуму. Сама фигура героя символизирует борьбу и в итоге

победу над хаотическими силами, представленными, например, природными стихиями. Победа героя выглядит и символичной, и необходимой для последующего упорядочения общественного развития. Фигуре героя принадлежит ключевая роль в процессе трансформации мифа в эпос.

Если мифологическое представление о причинно-следственной связи во многом базируется на принципе партиципации (из случайной связи и случайного нахождения предметов рядом (например, по времени) делаются заключения о причинно-следственной зависимости между этими предметами), то в эпосе, несмотря на множественные и сложные сюжетные линии, действия героя последовательны и выверены. В эпосе просматривается «определенная направленность событий» [23. С. 41]. С появлением героя, который действует самостоятельно, выделяется от остальных нехарактерным ранее желанием противодействовать судьбе, господство мифа в жизни общества неуклонно подходит к концу. Безвозвратно разрушается мифологический синкретизм; принцип партиципации больше не объясняет отношения в устройстве мира. Эпический герой своими действиями приводит к нарушению мифологической формы целостности – синкретизма. В конечном счете герой эпоса уподобляется богам, «вступает в конфликт со своей судьбой» [Там же. С. 41–43].

В дальнейшем феномен героя претерпел определенную эволюцию, активная фаза которой пришлась на эпоху Ренессанса, когда оформлялся новый, более свободный и творческий тип личности. В Новое время ярко проявляются, прежде всего, социальные функции героя, когда – особенно в эпоху Романтизма – фигура романтического героя находится в авангарде «борьбы» за более справедливую социальную организацию общества. Следует заметить, что одни романтики приписывали герою черты мечтательного чудака или загадочной личности, но при этом герой всегда представал в качестве трагически одинокого индивидуалиста; другие же романтики в индивидуализме романтического героя усматривали гордость самоутверждения, у них герой осуществлял подвиги, руководствуясь эгоистическими целями или бунтуя против несовершенного мира. При этом, однако, поступки романтического героя кардинально отличаются от того, что можно было бы ждать от мифологического героя, от героя мифа. И в этом проявляется особенность творимой представителями романтизма новой мифологии. «Персонаж мифа воплощает в себе некий закон, некую универсальную потребность, и поэтому должен быть в известной степени предсказуем, он не может таить в себе ничего неожиданного. Персонаж романа, напротив, стремится быть таким же, как все мы, и то, что может происходить с ним, столь же непредсказуемо, как то, что может происходить с нами» [24. С. 181]. Можно сказать, что изменения в типе личности привели и к изменениям функций у героев романов, уже существовавших в западноевропейском обществе к началу эпохи Возрождения.

Именно начиная с эпохи Романтизма, фигура героя в полной мере берет на себя функции зеркала, в котором отражаются социальные противоречия и антагонизмы. Актуальность феномена героизма подтверждается тем, что «фигура героя является стержневым элементом многих социальных процессов в современном обществе, поскольку является средством представления сути происходящего» [25. С. 83].

И.М. Суравнева и В.В. Федоров в работе «Феномен героизма» [Там же] сделали вывод, что героический миф постоянно порождается архетипом героя, спроецированным в сферу самоорганизации общества. «Героический миф – миф о рождении, смерти и возрождении героя, в котором воплощены чаяния поколений и сплетены высшая форма коллективности и высшая форма индивидуальности, – постоянно циркулирует в любом обществе. Это мифы о власти, стоящей на страже Правды, о добром царе-герое или царе-мученике, о герое-избавителе (миф о сильной руке) и пр. Фигура героя является стержневым элементом многих социальных процессов в современном обществе, поскольку является средством представления сути происходящего. В частности, с помощью представлений о герое массам вновь и вновь транслируется духовно-нравственное измерение политики» [Там же. С. 83].

Герой фигурирует и в нарративах об истории семьи, являясь одним из базовых элементов повседневной мифологии семейной памяти. Причем место и роль героя в таких нарративах меняются в зависимости от множества факторов, одними из которых является местные традиции и обычаи.

Однако мы хотели бы обратить внимание на вариативность масштаба: дело в том, что фигура героя присутствует как в семейных историях (это, так сказать, наименьший масштаб представления фигуры героя), так и на социетальном уровне, в масштабе всего общества. Так, М. Элиаде отмечал, что К. Маркс воспользовался одним из самых известных эсхатологических мифов средиземноморско-азиатского мира – мифов о справедливом герое-искупителе (в виде пролетариата), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Более того, бесклассовое общество у К. Маркса и, как следствие, исчезновение исторической напряженности, есть, по мнению М. Элиаде, не что иное, как миф о золотом веке, который, согласно многочисленным традициям, характеризует как начало, так и конец истории. «Маркс обогатил этот извечный миф элементами мессианистской и иудейско-христианской идеологии: с одной стороны, сотериологическая функция и профетическая роль пролетариата, с другой стороны, последний и решительный бой между добром и злом, который легко сравнить с апокалиптическим конфликтом между Христом и Антихристом, заканчивающимся победой первого» [26. С. 173]. Фигура героя в виде пролетариата у К. Маркса занимает центральное место и отсылает нас к устойчивым, «вековым» героическим мифологемам. «Можно сказать, что искусство интерпретации, “препарирования” мифа предполагает учет очень многих факторов – от мельчайших внутренних структурных компонентов мифа в виде, например, этапов путешествия героя в соответствующих мифологеме и мифе до предельно широкого контекста,

охватывающего различные формы бытования мифа» [27. С. 93].

Ярким примером мифа о герое, который позволяет увидеть особенности функционирования «глобального» социального мифа в современной России, стал миф о И.В. Сталине. Осуществляющаяся в последнее время трансформация мифологии образов Сталина предоставляет возможность для размышления о некоторых тенденциях в развитии современного социального мифа: изменения происходят в нескольких социально-философских измерениях – онтологическом, аксиологическом, праксиологическом.

Трансформации в структуре собственно социальной мифологии (представления о причинно-следственной связи и о соотношении части и целого смещаются на более глубокий – «архаический» – уровень) в случае с мифологией образов Сталина обнаруживаются, когда поступки вождя объясняются, как и во времена Античности, через апелляцию к некоей высшей воле.

Интересно, что характерные для современного мифа радикальные изменения сферы применения принципов синкретизма и партиципации (речь идет, в целом, о кардинальном редуцировании действия этих принципов), искажение сущности символического и кризисное состояние классических идеологий (и распространение так называемых молекулярных идеологий) не являются показательными в случае с мифологией образов Сталина. Фигура вождя оказывается одним из последних столпов мифологии, не успевшей понести фатальные потери. Это, в частности, объясняет стремление некоторых представителей российского политического истеблишмента «ухватиться» за образ Сталина, который пока еще способен вызвать консолидацию некоторой части общества, не утратил своего глубокого символического значения и, более того, продолжает содержать в себе «заряд» или потенциал синкретизма. Имеется в виду та особенность синкретизма, согласно которой все взаимосвязано со всем: например, все, чего касается вождь, успешно решается, решительное ли это противодействие коррупции или же оглушительные успехи на военном или политическом поприще.

Говоря о набирающих ход тенденциях проводить оценки степени конструктивности или деструктивности результатов мифотворческой (и мифологизационной) деятельности, обратим внимание на следующее интересное предположение. Сегодня, по нашему мнению, один из немногочисленных феноменов, который не уступает праздникам архаических обществ, соперничая с ними в интенсивности, суггестивности, – это война (именно война, а не мир), понимаемая нами как противоположность празднику. Учитывая данное соображение, неудивительно, что буквально в последние десятилетия – уже в XXI в. – образ Сталина начинает устойчиво ассоциироваться в общественном сознании жителей России с победой в Великой Отечественной войне. Этот факт во многом и объясняет то, что сегодня мифология образов Сталина многими начинает оцениваться в аксиологически позитивных тонах.

Праксиологические объективации социальной мифологии в виде преимущественно мифоритуальных практик в настоящее время постепенно утрачивают связь с традицией и растворяются в пространстве современного общества, одновременно превращаясь в то, что можно назвать рационализированной, регламентированной, даже контролируемой формой общественного поведения. Кроме того, следует говорить также и об успешной коммерциализации мифоритуальных практик, подтверждением чего является индустрия памяти, которая получала бурное развитие в последнее время. Так, сегодня мы сталкиваемся с активным тиражированием образа Сталина в попкультуре; это, в свою очередь, наводит на мысли об известной схеме Р. Барта, в которой миф определяется как вторичная семиологическая система.

Примеры трансформаций мифологии образов Сталина указывают на формирующиеся или уже сформированные тенденции или тренды в развитии самой социальной мифологии (исключение здесь – гносеологическое измерение, но оно лишний раз показывает нам особенности «глобального» мифа в виде мифа о герое). Гносеологическое измерение социального мифа прежде всего охватывает процессы мифологизации и мифотворчества. Постоянная востребованность во многих обществах мифа о герое делает актуальным подробное изучение, на наш взгляд, скорее процессов мифологизации. Дело в том, что мифологизирующая деятельность, склонность к мифологизации укоренены в общественном сознании на более глубинном («архаическом») уровне, чем процессы мифотворчества, в большой степени зависящие от текущей ситуации.

К изменениям в структуре и сущности социальной мифологии приводят как внутренние (интерналистские), так и внешние (экстерналистские) факторы: контекст в виде социокультурной среды, политической ситуации и т.п. Говоря о примере с мифологией образов Сталина, можно констатировать, что драматические перемены, случившиеся в России в конце XX в., ускорили процессы изменения отношения к данной мифологии. Развал СССР, разочарованность в демократических реформах, противоречивость в политическом и социально-экономическом развитии государства – уже Российской Федерации – выступили в качестве источников роста пессимистических общественных настроений. В результате возникли запросы на социальную стабильность, недоверие к резким изменениям, но также и рост социальных иллюзий и ностальгия по временам великих свершений. Из того факта, что значительная часть российского общества стала ностальгировать по ушедшим временам былого величия Советского Союза (со всеми его особенностями, включая специфику отправления власти), пытается извлечь преимущества (как социального, так и символического порядка) и политическая элита страны. Так, политическое руководство умело использует популярный ныне образ вождя, выстраивая, в том числе и на основе мифа о герое, соответствующие идеологические конструкты.

Пример мифа о Сталине показывает, что «работающий» социальный миф не обходится без включения в свое содержание мифологемы героя. Причем данная мифологема просматривается как на уровне рассказов

об истории семьи, выступая базовым элементом повседневной семейной мифологии, так и в масштабе всего общества (например, мифологема героя в сталинском мифе, оказывающем, в свою очередь, существенное и далеко неоднозначное влияние на общественные умонастроения в современной российской действительности). Мифологема героя – это «визитная карточка» «глобального» социального мифа. Более того, присутствие мифологемы героя в структуре социального мифа делает такой миф практически неуязвимым для процессов демифологизации, внешних по отношению к нему. В широком же смысле можно констатировать принципиальную неэлиминируемость «глобального» мифа из исторической памяти и культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеллинг Ф.В.Й. Введение в философию мифологии // Сочинения : в 2 т.:пер. с нем. М. : Мысль, 1989. Т. 2. С. 159–374.
2. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 271 с.
3. Гуревич П.С. Социальная мифология (критика буржуазной идеологии и ревизионизма). М. : Мысль, 1983. 175 с.
4. Можейко М.А. Мифология // Новейший философский словарь. Минск : Книжный дом, 2003. С. 634–638.
5. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб. : Питер, 2005. 544 с.
6. Коршунов Г.П. Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск : Беларус. навука, 2009. 208 с.
7. Чиндин И.В. Миф: реконструкция архаической ментальности. М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. 164 с.
8. Плютто П.А. Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М. : Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.
9. Шукшина Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Саранск, 2010. 39 с.
10. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М. : Едиториал УРСС, 2004. 248 с.
11. Барт Р. Мифологии: пер. с фр. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
12. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой: пер. с англ. Москва : Рефл-Бук ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.
13. Беседа с Клодом Леви-Стросом Константина фон Барлевена и Галы Наумовой // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 66–79.
14. Пелипенко А.А. Постижение культуры : в 2 ч. Ч. 2: Мифоритуальная система. Кн. 1: Медиационная парадигма. М. : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2017. 503 с.
15. Чернышков Д.В. Глобализация как мифологема общественного сознания: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2012. 15 с.
16. Коблева Э.А. Богатство как мифологема общества постмодерна : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2012. 31 с.
17. Холлис Д. Мифологемы: Воплощения невидимого мира: пер. с англ. М. : Независимая фирма Класс, 2010. 184 с.
18. Майков В.В. Героизм как психотерапия: терапевтические игры медиапространств массовой культуры // Психология и психотехника. 2016. № 5 (92). С. 427–435. DOI: 10.7256/2070-8955.2016.5.19682.
19. Беспамятных Н.Н. Мифология: введение в теорию мифа. Минск : ФУАинформ, 2004. 240 с.
20. Пилюгина Е.В. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2015. № 4. С. 76–87.
21. Прилуцкий А.М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95.
22. Хюбнер К. Истина мифа; пер. с нем. М. : Республика, 1996. 448 с.
23. Лосев А.Ф. Античная философия истории. СПб. : Алетейя, 2001. 256 с.
24. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста: пер. с англ. и итал. СПб. : Симпозиум, 2005. 502 с.
25. Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 152 с.
26. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. М. : Академический проект, 2000. 222 с.
27. Линченко А.А., Иванов А.Г. Что нам делать с мифами о Сталине? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 91–99. DOI: 10.17223/15617793/425/12.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 марта 2019 г.

The Hero Mythologem in the Structure of a Social Myth

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 80–88.
DOI: 10.17223/15617793/441/11

Andrey G. Ivanov, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Keywords: hero; social mythology; contemporary social myth; typology of myths; “global myth”; mythologem; stages of mythologization; everyday mythology of family memory; mythology of Stalin’s images.

The aim of the article is to demonstrate the importance and significance of the hero mythologem for a social myth. The author, using a system method, gives a definition of social mythology as an axiologically loaded phenomenon that forms a system of myths about the processes of social development, society in general, which has a significant impact on public consciousness and leads to the intensification of the activities of individual social groups and the whole society. Classifying contemporary social myths, the author uses sections of philosophical knowledge, the concept of “object” and “subject” of social myth, as well as the context of myth realization as classification criteria. “Global” myths, organically combining two levels of social mythology – “archaic” and “conjunctural” (“instrumental”), are singled out separately. There is a contradiction and uncertainty around the concepts of the “myth of the hero” and the “hero mythologem”: some researchers identify them or one concept may include the other. Mythologem, according to the author, is a structural part of a social myth, but, like a myth, is dual: it refers to the fundamental images and archetypes underlying human thinking, and at the same time it is a certain logically measurable artificial construct. Mythologem can also be seen as a concomitant of the process of mythologizing that consists of several stages – from the emergence of a simple narrative to a chain of events of a storyline that appears in the form of a myth. Attention to the hero is determined by the fact that, in ancient times, in modern times and today, society’s attitude to the phenomenon of heroism demonstrates, first of all, its attitude to a social myth. The hero is a mirror of social mythology. The significance of the hero is that it is both one of the basic elements of everyday mythology of family memory and an essential characteristic of the “global” social myth. The author draws attention to the variability of the scale of the hero’s action: the hero is present both in family stories (the smallest scale of the hero’s representation) and at the societal level, on the scale of the whole society (for example, the hero in the form of the proletariat by K. Marx occupies a central place and refers to stable, “age old” heroic mythologems). A striking example of the myth of the hero, allowing us to see the specifics of the develop-

ment of the “global” social myth in modern Russian reality, is the myth of Stalin. The transformation of the mythology of Stalin’s images in recent years allows us to speak about a number of trends in the development of the modern social myth: changes are found in the ontological, axiological and praxiological dimensions. An example of the myth of Stalin clearly shows that the “working” social myth is not complete without the inclusion in its content of the mythologem of the hero. The hero mythologem is the “business card” of the “global” social myth. The presence of the hero mythologem in the structure of a social myth makes such a myth practically invulnerable to the processes of demythologization. The conclusion is made about the principal non-eliminability of a “global” myth from the historical memory and culture in general.

REFERENCES

1. Schelling, F.W.J. (1989) Vvedenie v filosofiyu mifologii [Introduction to philosophy of mythology]. In: Gul’ga, A.V. (ed.) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl’.

2. Blauberg, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost’ sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of the system approach]. Moscow: Nauka.

3. Gurevich, P.S. (1983) *Sotsial’naya mifologiya (kritika burzhuaznoy ideologii i revizionizma)* [Social mythology (criticism of bourgeois ideology and revisionism)]. Moscow: Mysl’.

4. Mozheyko, M.A. (2003) Mifologiya [Mythology]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiy filosofskiy slovar’* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Knizhnyy dom.

5. Ul’yanovskiy, A.V. (2005) *Mifodizayn: kommercheskie i sotsial’nye mify* [Mythodesign: Commercial and social myths]. St. Petersburg: Piter.

6. Korshunov, G.P. (2009) *Mesto i rol’ sotsial’noy mifologii v strukture massovogo soznaniya* [Place and role of social mythology in the structure of mass consciousness]. Minsk: Belarus. navuka.

7. Chindin, I.V. (2013) *Mif: rekonstruktsiya arkhaicheskoy mental’nosti* [Myth: Reconstruction of archaic mentality]. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy.

8. Plyutto, P.A. (2014) *Issledovanie real’nosti sotsiokul’turnogo virtual’nogo: Opyt analiza sotsiokul’turnykh illyuziy* [The study of reality of the sociocultural virtual: Experience of analysis of sociocultural illusions]. Moscow: Progress-Traditsiya.

9. Shukshina, L.V. (2010) *Ekzistentsial’naya tsennost’ sotsial’nykh illyuziy* [The existential value of social illusions]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Saransk.

10. D’yakonov, I.M. (2004) *Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada* [Archaic myths of East and West]. Moscow: Editorial URSS.

11. Barthes, R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izdatel’stvo im. Sabashnikovykh.

12. Campbell, J. (1997) Tysyachelikiy geroy [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English by A.P. Khomik. Moscow: Refl-Buk; Kiev: Vakler.

13. von Barleven, C. & Naumova, G. (2009) Beseda s Klodom Levi-Strosom Konstantina fon Barlevena i Galy Naumovoy [Conversation of Constantine von Barleven and Gala Naumova with Claude Levi-Strauss]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 66–79.

14. Pelipenko, A.A. (2017) *Postizhenie kul’tury: v 2 ch.* [Understanding the culture: in 2 parts]. Pt. 2. Book 1. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. El’tsina.

15. Chernyshkov, D.V. (2012) *Globalizatsiya kak mifologema obshchestvennogo soznaniya: sotsial’no-filosofskiy analiz* [Globalization as a mythologem of public consciousness]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Barnaul.

16. Kobleva, E.A. (2012) *Bogatstvo kak mifologema obshchestva postmoderna* [Wealth as a mythologem of a postmodern society]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Krasnodar.

17. Hollis, J. (2010) *Mifologemy: Voploshcheniya nevidimogo mira* [Mythologems: Incarnation of the invisible world]. Translated from English by V.K. Mershavka. Moscow: Nezavisimaya firma Klass.

18. Maykov, V.V. (2016) Heroism as psychotherapy: therapeutic games of pop culture media spaces. *Psikhologiya i psikhotekhnika – Psychology and Psychotechnics*. 5 (92). pp. 427–435. (In Russian). DOI: 10.7256/2070-8955.2016.5.19682

19. Bespamyatnykh, N.N. (2004) *Mifologiya: vvedenie v teoriyu mifa* [Mythology: Introduction to the theory of myth]. Minsk: FUAinform.

20. Pilyugina, E.V. (2015) Mify, mifologemy i ideologiya kak instrumenty vliyaniya na sotsial’nuyu deystvitel’nost’ v usloviyakh informatsionnoy voyny [Myths, mythologems and ideology as instruments of influence on social reality in terms of information warfare]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Herald of Tver State University. Series: Philosophy*. 4. pp. 76–87.

21. Prilutskiy, A.M. (2016) The Stalin myth in the religious and para-religious discourses. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial’nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences*. 2. pp. 87–95. (In Russian).

22. Hubner, K. (1996) *Istina mifa* [The truth of the myth]. Translated from German by I. Kasavin. Moscow: Respublika.

23. Losev, A.F. (2001) *Antichnaya filosofiya istorii* [Ancient philosophy of history]. St. Petersburg: Aleteyya.

24. Eco, U. (2005) *Rol’ chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts]. Translated from English and Italian by S.D. Serebryanyy . St. Petersburg: Simpozium.

25. Suravneva, I.M. & Fedorov, V.V. (2008) *Fenomen geroizma* [The phenomenon of heroism]. Moscow: Izdatel’stvo LKI.

26. Eliade, M. (2000) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Translated from French by V.P. Bol’shakov. Moscow: Akademicheskiy proekt.

27. Linchenko, A.A. & Ivanov, A.G. (2017) What should we do with the myths about Stalin? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 91–99. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/12

Received: 02 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 89–97. DOI: 10.17223/15617793/441/12

УДК 111.33

И.В. Красавин

ГИПЕРРЕАЛИЗМ И ПРЕДЕЛЫ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Анализируются возможности представления содержания мышления – формальные абстракции и общие понятия – как реальные объекты, не зависимые от разума. Ключевым допущением является экстериорность реальности разуму не только в виде материи или энергии, но и в виде сингулярно существующих абстракций (идей). Предполагается, что, обладая самостоятельным существованием, абстракции не репрезентируют сущность объекта, а имитируют его. Опыт и абстракция неоднородны, это разные вариации, а не степени реальности.

Ключевые слова: абстракция; единичность; сингулярность; имитация; виртуальность; экстериорность; реальность; объект; вещь; концепт.

(Не)соответствие, (не)противоречивость

Обращение к концепции гиперреализма происходит в контексте споров о реальности, истине, объективности, рациональности науки и философии. Эти споры, говоря крайне обобщенно, состоят в обосновании рационального знания в условиях значительных противоречий, с которыми сталкивается претензия на объективность – отождествление объектов знания с объектами природы / общества как реальными и независимыми от разума. Последнее предполагает картезианский дуализм материи и духа, способность разума быть вне природы и, имея в действительности предметом лишь самого себя, высказывать истину, исходя из непротиворечивости суждений и видимого соответствия природным объектам. Разум, реализуя в абстракциях производящую способность мышления и познавая с их помощью мир природы, как правило, испытывает недоверие к ним. Даже Платон, первым поставивший эту проблему, для придания реальности идеям был вынужден причислить их миру идеального, а не человеческого бытия и превратить знание идей в припоминание.

Как всегда впервые и навеки, у Аристотеля определение меры реальности происходит через соответствие и непротиворечивость, подчинив абстракции финалистской связи с индивидуальными материальными объектами. Хотя мыслить и быть – одно и то же, абстракции уступали в степени реальности материальным объектам по причине того, что сами абстракции индивидуальности не имеют. «Первая сущность», единичное обозначает дискретные материальные объекты, соразмерные человеку как познающему их виду. «Вторые сущности» общих понятий, виды и роды, не индивидуальны и потому без непосредственной связи с индивидуальной вещью не имеют смысла, а следовательно, и существования. Виды и роды представляют собой ряд убывания способности абстракций обозначить сущность, превращаясь на уровне рода в простое понятие, наподобие знака или метки [1. С. 3–6]. Другая линия инструментального использования абстракций была развернута в силлогистике, подчиняя абстрактные объекты логике тождества как соответствия сущности – исчерпывающему определению природы объекта. Сингулярный характер абстракций, их способность к перемене значений в зависимости от контекста, созданию смыслов и воспроизводству в коммуникации были замечены, но изгонялись как софистические уловки, призванные отвратить пытливые умы от познания истины [2. С. 21, 31].

Схоластика, воспринимая явление абстракций разуму за отблеск божественного света, продолжала трактовать их преимущественно как образования, вторичные от эмпирических объектов либо как плоды воображения, по сути, фантазмы, которые являются не индивидуальными вещами, а лишь знаками, обозначающими вещи [3. С. 27–40]. Наследие Дунса Скота представляет собой пример колебаний на сей счет. «Сущее двояко, а именно – оно и сущее природы, и сущее разума. Ибо сущее природы – это такое сущее, бытие которого не зависит от души» [4. С. 38]. Дунс склоняется к тому, что фантазии разума тоже есмь сущи, но только если допустить двойственность сущего, в реальности которого мы убеждаемся ввиду его «независимости» от души[1] [5. С. 271–272].

Поскольку сущее разума не всегда кажется реальным, их демаркация выглядит следующим образом. Скот выделяет два «габитуса», или направленности, мысли и соответственно два вида объектов. Ens realis, реальное сущее, исследуется метафизикой, математикой и физикой; ens rationis, сущее разума, исследуется логикой, риторикой и грамматикой. Метафизика и математика заняты реальными объектами, поскольку их понятиям / объектам можно найти соответствия за пределами разума, будь то божественное существование или количественные отношения. Но и ens rationis также реально, если ему есть соответствие в ens realis [6. P. II–IV]. Это соответствие, следуя Аристотелю, определяется либо понятийным обозначением вещи (и отношения), либо непротиворечивостью суждения о вещах, доподлинно разуму не известных. Верно то, что Дунс Скот первым допустил существование интенциональных объектов, но сделал он это косвенно, связав меру их реальности с материальными объектами и непротиворечивостью суждения (при том что сама непротиворечивость имеет значение лишь относительно целеполагающего субъекта) [3. С. 266]. Для Скота материальные объекты обладали большей степенью реальности, нежели интенциональные. Создание интенцией интеллекта каких-либо понятий (species) не творит (creatio) их материально, а лишь производит (producere) в качестве абстракций. Это условие сохраняется и позднее, когда, начиная с Декарта, в ходе развития математического естествозна-

ния метафизика смещается к ens rationis. Индивидуальное существование принадлежит материальным объектам и разуму субъекта, абстракции же его лишены.

В философии субъекта (картезианство, немецкий идеализм, феноменология) абстракции трактуются как объективно существующий смысл, который в то же время неотделим от своей инструментальной сущности, иначе сам акт мышления проделан зря. Данный подход почти признал реальность абстракций, дал методы и примеры их описания, однако все так же оставил их в зависимости от разума (сознания) и материальных объектов. Мышление субъекта непосредственно, «из первоисточника» усматривает сущность объектов и определяет их порядок, который, впрочем, следует аристотелевскому родовидовому делению. Сущность, в свою очередь, возможна только при допущении самотождественности (непротиворечивости) абстракций и / или их соответствия внешним вещам (опыту), также самотождественным. В связи с этим проблема разума видится не в том, что порожденные им абстракции существуют автономно от его целей, а в том, что он еще не научился создавать совершенные абстракции, которые имели бы всеобщий характер хотя бы для своей предметной области [7. С. 29–64].

Однако слишком многое указывает на то, что мир абстракций, будучи неотделим от субъекта, живет сам по себе, и это (а не более или менее совершенная методология) является условием неспособности разума создать mathesis universalis. Абстрактные объекты являются одновременно частью и целым, они единичны и множественны, дискретны и континуальны, вневременны и существуют в историческом времени, принадлежат разуму и находятся в отношениях значения автономно от финалистских устремлений субъекта. Ограниченность соответствия понятий и объектов, противоречивость обобщающих суждений и родовидовой структуры абстракций были очевидны уже Аристотелю на примере определения «науки о сущем», но решение этой проблемы так и не было предложено [8. С. 108, 119, 188]. Вследствие их экстериорности субъекту абстракции содержат онтологические противоречия между суждением, субъектом и объектом высказывания, которые «очевидно» являются трансцендентальными условиями их существования.

Двойственные отношения разума с реальностью вызваны сингулярной природой абстракций: они являются определенными, но только в пределах каких-то отношений, совмещая единичность определения и множество состояний. Прежде всего это касается онтологического статуса основных для каждой предметной области понятий и их отношений: существуют ли они как вещи или нет. Общие понятия (и их разновидности), будь то «слово», «природа», «число», «материя», «время», «общество», «сознание», «рынок» и подобные, не дедуцируются из других понятий, а просто вводятся как метафоры, наделяемые необходимыми значениями по мере надобности. Залогом самотождественности понятия оказывается его беспредпосылочность. Причиной этого затруднения является юмовская проблема индукции, то есть невозможность непротиворечивого обобщения на основе индуктивных заключений. Идеал рационального знания предполагает необходимость его полной аксиоматизации с последующим дедуктивным развертыванием, дабы гарантировать строгость рассуждений (вычислений). Однако искомая строгость всегда оказывается конечной, ограничиваясь отдельной предметной областью или типом объекта.

Образец наибольшей строгости, наука об ens realis, математика с самого рождения является множественной, а операции с разными типами чисел не дедуцируются друг из друга. Невозможность ее полной формализации указывает на то, что даже она в строгом смысле не рациональна и ее содержание не развертывается последовательно и непротиворечиво из общего набора аксиом. Раз нет общего основания, значит, есть много разных математик, каждая из которых предполагает свою логику (ens rationis) и создает свои объекты индуктивно [9. С. 12–17]. Абстрактная система значений, исходя из правил, заданных разумом, самоорганизуется автономно от него, обнаруживая парадоксы и конечность содержания. Геометрия, будучи дедуктивной, в первую очередь является плодом внешнего опыта, отношения к объектам, и опыт разных объектов дает разную геометрию [10. С. 45–46]. Опыт, даже если это опыт умозаключения – шаткое основание, ибо является частным, ограниченным свойствами / значениями конкретных объектов / абстракций, универсальные онтологические определения которых – логика и причинно-следственные связи каких бы то ни было «первичных элементов» – отсутствуют. Отсюда следует невозможность тотальной непротиворечивости (при множестве частных случаев непротиворечивых суждений) в силу разнообразия типов объектов.

То же самое справедливо и в отношении естественных и уж тем более общественных и гуманитарных наук, которые, несмотря на свою строгость, в некотором роде произвольны, поскольку их исторический генезис (и претензия на окончательную версию реальности) ограничен позицией наблюдателя и доступными объектами. «Законы природы», как и «законы общества», ничего не говорят о сущности природы и общества: их функция состоит в организации полученных данных и определении порядка процессов. В них используются понятия и величины, принимаемые в качестве истинностных и полученные спекулятивно, тогда как прикладная наука знает только действительные величины и множество опытных моделей, создаваемых как ноу-хау. Верифицируемая реальность – это не соответствие, а приближение, статистически измеряемая величина отклонения наблюдаемых объектов от спекулятивных истин [11. P. 107; 12. P. 123]. Здесь имеется в виду, что в каком бы виде разум не подступался к изучению реальности, «картина мира» останется контингентной, настолько же необходимой, как и случайной. Это не означает, что существующая наука неверна или что сформулированные ею законы не являются таковыми. Это значит, что могут быть обнаружены другие объекты с другими типами связей и, естественно, другие законы и другие предметные области уже известных объектов. Законы непроизвольны, но объекты произвольны, в

связи с чем любая форма умозаключения о них так же становится единичным объектом, а не универсальной истиной. Эта контингентность связана не со случайностью, а с множественностью объектов, в ряду которых находятся и абстракции.

Любое последовательно строгое знание рано или поздно сталкивается с контингентностью как метода, так и объектов. Формализм эмпирических наук, будучи аналогией движения во всех его видах, описывает идеальное взаимодействие изолированных объектов, однако он испытывает затруднения в описании реальной множественности форм и движений конкретных объектов. Та же проблема всплывает при попытке формализовать абстрактную рефлексию, оперирующую множественными значениями. По мере усложнения объекта его описания начинают множиться, обрастать двусмысленностями и исключениями. То, что выглядит как точное отражение реальности, является аналогией, вполне продуктивной, но неизбежно ограниченной и вероятностной, т.е. воображаемой на основе допущения «тождества неразличимых». Аналогия представляет собой метод обхода частного статуса индуктивных умозаключений при помощи воображаемой дедукции исходных посылок. Порожденные таким образом высказывания о реальности объектов становятся частными генерализациями (конкретными универсалиями), которые не усматривают сущности объектов, а имитируют их существование, стараясь превзойти природу в степени совершенства – простоте и строгости.

Разум воображает и выражает исследуемые процессы, а не умозрит их сущность, и, тем не менее, он претендует на истину реальности. Эта претензия основывается на способности к манипуляции объектами при помощи имитационных теоретических моделей [13]. Здесь сходятся взаимно противоречивые, но обосновывающие друг друга методы познания. В то время, как поиск фундаментальных теорий исходит из необходимости / предзаданности полной аксиоматики реальности, технический поиск прикладных решений эклектичен. В одном случае истина рассматривается как соответствие (сущность), а в другом – в виде когерентного добавления ad hoc. Переход от когеренции к умозрению сущности происходит через манипуляцию объектом, нахождение субъектом его границ, т.е., посредством очевидности, которая становится соответствием. В этом суть «механического доказательства» Галилея – Декарта, которое приравняло манипуляцию материальным телом к идеальной математической мере [14. С. 255–256]. Но манипуляция ничего не говорит о сущности, а в субъектной очевидности нет ничего «объективного». В этом смысле «объективная реальность» представляет собой имитацию, условность которой в той же мере изображаема в аналогии, в какой верифицируема в опыте. В то же время у нас нет причин отказывать разуму в «прямом доступе» к реальности. Проблема не в доступе, а в экстериорности конечных абстракций, которые не являются в полной мере ни «отражением» реальности, ни ее воображаемым «конструктом», – они и есть реальность.

Конечность свойственна не только эмпирическому опыту, но и абстракциям, включая те, чье значение полагается актуально бесконечным. Под конечностью здесь понимается определенность – наличие границ значений, пересечение которых создает разные эффекты взаимодействия. То есть конечность делает абстракции существующими так же, как вещи, указывая на то, что их свойства зависят не только от собственных значений. Перефразируя Фуко, можно заключить, что на реальность абстракций указывают не соответствие и непротиворечивость, а противоречия, границы и парадоксы [15. С. 36–37]. Абстракции сингулярны и предполагают различные комбинации актуальных для субъекта значений и виртуальных семантических границ. Сочетание конечности и сингулярности абстракций затрудняет их толкование как соответствия. Деление объектов на более и менее реальные (конкретные и абстрактные) является лишь одним из методологических допущений, отождествляющим наше знание об объекте с полнотой его свойств. Целью этого допущения может быть только выделение отдельных свойств объекта, а не придание объекту меры реальности как таковой. Бесконечность сущего, встречаемого в каком бы то ни было опыте, нельзя приписать никакой (отдельной) единичной области соответствующей семантики. Оно не поддается объективации, ни в виде моделей движения, ни в виде моделей мышления. Поэтому, строго говоря, судить о мере, степени реальности, сравнивая одни конечные объекты с другими, невозможно, каким бы изощренным ни был метод, можно лишь выделить различные виды реальности.

Обладая самостоятельным существованием, абстракции не репрезентируют сущность объекта, а имитируют его. Разумеется, понятно, что реальность мышления и природы различна: пять талеров в кармане и в уме – это разные талеры: одно не превратится в другое. Опыт и абстракция неоднородны, это разные вариации, а не степени реальности. Абстракции (понятия и числа), будучи умозрительными, всегда находятся в отношениях значения и смысла, автономных от разума. В таком виде любой объект первичен по сравнению со знанием о нем, даже если это не более, чем гипостазирование. Абстракции конечны в силу своей множественности и экстериорны разуму, который привык принимать их не только как данность, но и как средство. Предположение об одновременном порождении абстракций разумом и их внешнем, автономном существовании означает, что разум, cogito, является реляционным. В свою очередь, абстракции открываются / воображаются / имитируются именно потому, что они принадлежат природе, а не субъекту, как и сам разум.

Тезис о реальности конечных абстракций подтверждается, как это ни смешно, имплицитным номинализмом, свойственным исторически существующему познанию, что всегда оставляет место новому опыту и новым теориям. В своей практике мышление принимает множественную реальность как данность, внутри которой при помощи аналогии наблюдаются и создаются разнообразные абстрактные регулярности. Несмотря на то что содержательно развитие корпуса

знаний в любой предметной области обусловливается несколькими основополагающими теориями, первичными остаются объекты, а не аргументы, которые при случае подгоняются к явлениям. Познание реальных объектов имеет мало общего с дедуцированием и кумулятивным накоплением знаний. Скорее, оно представляет собой разностороннюю миграцию информации (не всегда доступной), идей (не всегда понятных или ценностно приемлемых), социальных связей (разной степени плотности и протяженности), экспериментов (не всегда осуществимых и всегда пробных). Эти гетерогенные условия определяют эволюцию содержания предметных областей и семейств моделей объектов в качестве ассоциативных множеств, т.е. сингулярных существований, а не номенклатуры данных [16–18].

И эмпирия, и абстракции онтологически единозначно принадлежат природе, а не являются ее истинной или ложной версиями, заслоняющими одна другую. В этом случае мышление предстает аналогией эмпирического опыта не содержательно (это свойство доступно лишь частично), а по факту существования, и созданные им объекты так же независимы от разума, как и объекты природы. Абстрактные объекты – первое, с чем сталкивается разум, и то, из чего он себя содержательно производит [19. С. 78–81]. Погоня за сущностью не имеет финала и не приближает субъекта к вещам, а заставляет его множить семейства объектов. Из одних и тех же значений конструируются разные абстракции, как множество мер из понятия числа и множество нарративов из одной фактуальности исторического процесса.

Если мы возьмем частные понятия, типа ядро – полупериферия – периферия» или фрактал, то обнаружим их в любых популяциях (совокупностях дискретных объектов): звезд, генов, людей или организаций. Любимое трехчастное деление (тезис – антитезис – синтез) может быть применено к любому множеству темпорально структурированных отношений. Очевидно, что это свойство субъектного разума, а не внешнего окружения, однако это не мешает относиться к ним, как к реальным. Разные абстракции, налагаемые на одни и те же «материальные» и «социальные» объекты, дают совершенно разную картину и предполагают разный инструментарий. Так понятие материи раздваивается на поле и вещество, которые исследуются разными теориями и демонстрируют разные объекты и свойства, хотя то и другое суть одно. То же происходит и с понятием общества, которое распадается на экономику, культуру и политику, состоящие из одних и тех же связей одних и тех же людей. Разум видит только посредством абстракций, с помощью которых симулируются объекты. Он полагает их интенционально направленными на объекты, тогда как в действительности абстракции, скорее, «оперативно замкнуты» на самих себе. Объект, поэтому, раскрывается не сам по себе, а только в зависимости от того, какая абстракция используется для его имитации.

Наблюдательная позиция разума, занимаемая в ходе абстрагирования, не выводит его из подчинения природе (или, говоря обобщенно, реальности). Абстракциям находится соответствие не в силу визионерской мощи разума постигать истину, а в связи с тем, что все, до чего разум может додуматься, уже содержится в реальности. Видение абстракций как инструментальных фантазий, всецело находящихся в распоряжении субъекта и дающих знание о сущности явлений, – не более чем иллюзия. Двойственность абстракций, их неосязаемость, метафоричность и контринтуитивность не делают их вторичными по сравнению с природными объектами, поскольку последние, данные в обыденном опыте геометрически трехмерных физических макротел, не являются образцом. Природа вообще не знает никакого онтологического образца. Поэтому у субъекта и нет никакой привилегированной позиции по отношению к собственному мышлению и поэтому идеальная непротиворечивая абстракция – как идеальное соответствие – недостижима. Более того, правила аксиоматически-дедуктивного вывода в таком случае оказываются для организации абстракций одним, но не единственным способом (что не отменяет требований строгости, предъявляемых научной и философской рефлексии). Другим способом является описанная Юмом ассоциативно-индуктивная организация, в виде множественной ассоциации и дифференциации целых и частей абстрактных объектов (идей) [20. С. 76–81]. Такая связь предполагает гетерогенную сборку отношений объектов, каждое из которых (отношений) является друг для друга внешним и непреднамеренным, контингентным.

Онтология абстракций

Трудность отождествления абстракций с сущностью объектов (или придания им самотождественности) заключается в том, что сущность, постигаемая в опыте сущего, мыслится как сверхсущее основание, которое, само не имея референта, определяет существование обозначаемых ею конечных объектов [21. С. 70–86]. Однако фактическое существование не выводится из сущностного определения, наоборот, последнее нуждается в существенных признаках объекта. В связи с этим история сущности представляет собой бесконечную подгонку понятия под объект. Толкование понятий мышления как воображаемых сущностей, из которых невозможно вывести фактического существования ни материальных, ни абстрактных объектов, ведет к антиномии разума, вследствие которой мы можем признать реальность (действенность) «непостижимой эффективности» использования абстракций в описании объектов, но реальности самих абстракций признать не можем [10. С. 363]. И наоборот, признавая собственное существование абстракций, которые выражают, имитируют, но не определяют / обосновывают объекты, мы уходим от этих бесплодных противоречий.

Абстракции, конечность которых обусловливается их многообразием, реляционны и существуют в виде отношений. Хотя мы привыкли считать объекты мышления самотождественными, уже опыт их инструментального использования говорит об обратном: полнота свойств значения не известна заранее. Нет

значения самого по себе, есть значение как отношение к чему-то (другому значению). Порождаемые значения получают свое содержание благодаря границам с внешним: исследуемыми (неизвестными) объектами и уже имеющимся смыслом. Опыт отношений экстериорен, включая опыт абстракций; разум только инициирует его, но не подчиняет, поскольку сами отношения создаются различием. Таким образом, реляционность не тождественна корреляции, которая так заботит Мейясу, хотя и свидетельствует о «доступе к реальности».

Здесь имеется один занимательный момент. Относительно различия уже давно есть консенсус в том, что оно непредставимо. Различие – это всегда различие чего-то, а не само по себе. Напротив, тождество принято считать явлением объекта как такового, который затем различается в отношениях. «Как таковой» означает сущностное единство объекта. Однако Дунс Скот, следуя единозначности (унивокации) бытия «двоякого сущего», отмечает, что единое – это не тождество. «...единозначное понятие есть то, которое до такой степени едино, что его единства достаточно для противоречия, когда оно (это понятие) утверждается и отрицается о том же самом» [4. С. 407]. Речь в этом известном высказывании идет не о тождестве единства, а о том, что утверждать или отрицать что-либо можно только об определенном (единичном, конечном, конкретном) понятии. Причастность к единому создает единичность, любой объект в силу своего существования. Единое есть единство объекта как именно этого объекта, а не другого, т.е. всякий объект, определенный как именно этот и никакой другой, обладает индивидуальным существованием, являясь тем самым частью единого сущего [6. С. 36]. Единое, следуя терминологии Скота, формально. Оно указывает на определенность единичных объектов как обладающих собственным существованием, а не замещает их некоей более истинной природой.

Вовсе необязательно следовать гегельянскому пониманию единого как снятия всех различий в тождестве абсолютной идеи. Тождество дифференциально уже потому, что устанавливается в отношении и является частным случаем различия. Движение смысла, как подчеркивает Хайдеггер, может и не идти путем слияния тезиса и антитезиса в снимающем противоречия универсальном синтезе. Множественность значений скорее предполагает гетеротезис мышления, иначе говоря, дифференциацию, взаимное определение объектов: одно всегда дается с другим [7. С. 33]. В дифференциальных отношениях самотождественность объектов (или субъекта) номинальна, поскольку они множественны и реляционны. То, что условно называют тождеством, представляет собой гетеротетическую рекурсию подобий – воспроизведение объекта в разных сериях последовательности отношений.

Несамотождественность единого влечет за собой признание того, что единое (общее, универсальное), и единичное (частное, партикулярное) являются атрибутивными признаками реальности, познаваемой в качестве «вещи», самостоятельного существования. Единое и единичное представляют собой частные генерализации, или имитации. И если мы отвергаем единство как тождество, или, по-другому, первичность одного образца реальности и вторичность другого, нам придется принять не сущность, но подобие объекта. Подобие здесь дается как различенный в каком-либо аспекте объект (все его значения между тождеством и различием). Это подобие без образца; такой объект становится множеством различенных подобий, или серий различий. Полная индивидуальность объекта недостижима, ибо он всегда находится в отношениях и может бесконечно различаться [22. P. 4–16]. Свойства каждого объекта самого по себе (вещи) не имеют значения без других объектов, с которыми он соотносится. Полностью изолированный объект не имеет свойств и не может исчерпывающе характеризовать свою реальность как объективную.

По сути, это означает признание реальности атрибутов (частей) как существующих единичностей по аналогии с «первой сущностью» Аристотеля: вещами, индивидами, монадами, обладающими нередуцируемым существованием, иначе называемым «этовостью». Конечность любого «этого» существования обусловлена различием с другими существованиями. Несуществование конечно, поскольку «объект как таковой» един и определен, напротив, объект определен, упорядочен и един, поскольку его существование дифференцировано с существованиями других объектов. Если бы был «объект как таковой», «сам по себе», его существование было бы бесконечным, будучи предопределенным своей сущностью. Реляционность объекта, который образуется в виде скопления отношений с различиями в их последовательности, является условием конечности множественной вещи и наоборот. Поскольку сингулярное существование вещи предшествует сущности, оно мультимасштабно. Атрибуты «превращаются» в вещи (так же как свойства становятся объектами) различиями масштабов, каждый из которых предполагает свою форму сборки отношений.

«Этовость», согласно Скоту, – формальная композиция вещи, принцип ее индивидуации [4. С. 437]. Необходимо оговориться, что этовость, haecceitas, согласно Скоту, есть не результат композиции, а ее условие. Этовость для него является отдельной формой, которая, соединившись с единичной материальной формой, образует определенный, «вот этот» объект. В данном исследовании, напротив, формальная определенность вещи является результатом композиции, которая разворачивается не как предзаданная сущность, а как самоорганизующийся процесс. «Формальное различие», distictio formalis a parte rei, различает, но не создает реальной множественности (для Скота было важно сохранить приоритет за ens realis), однако оно может пониматься и как эффект – дифференцированное качество, вызываемое с разных сторон, гетеротезис, определяемый как минимум двумя значениями [23. С. 254]. Единичное существование, будучи уникальным, не передаваемым никому сущим, создается эффектом различия и воспроизводится повторением, становясь, таким образом, множеством подобий, взаимоопределяемых относительно друг друга. Единичный объект здесь оказывается переходом, отношением между различными формами одного

существования и / или между разными существованиями вещей, т.е., сингулярностью [24. С. 80–87].

Сингулярное существование не привязано к субстрату. Любой объект может быть рассмотрен как единичный (индивид) и как множественнный (совокупность), и процесс существования тогда представляет собой не только переход от начала к концу, но и, главным образом, соотнесение значений. Различение отношений и совмещение свойств, благодаря чему объекты приобретают свою определенность, представляет собой их взаимное непреднамеренное интендирование. Иначе это может быть названо производством объектов без цели, что происходит в отношениях интенции без целеполагания (случай целеполагающей интенции является частным). Объекты создаются эффектом наложения различий, которые, будучи каждое в отдельности формальным, т.е. различиями семантических границ, налагаются одно на другое и образуют разные природы объектов. Свойства объектов заранее предполагают типы (не)соразмерных отношений и форм, в которых они могут (не)реализоваться. Множественная организация (в виде одновременной дифференциации / ассоциации) предполагает невозможность приведения значения к однозначному соответствию, а следовательно, невозможность выделения привилегированного описания или привилегированного типа объектов.

Отношения разума и объектов представляют собой дифференциацию, т.е. взаимное определение друг друга. В таком случае различие трансцендентально – это условие возможности существования реальных объектов. Экстериорность существований делает невозможной их редукцию к перечню онтических причинно-следственных связей или формальным определениям, их создавшим. Причина не является обоснованием, это всего лишь другое существование. Безусловно, выявление причин необходимо для понимания связей и свойств объекта, но поскольку и причина, и следствие (определение объекта и сам объект) являются существованиями, онтологически они независимы друг от друга. Причина не способна заместить собою следствие, выступая по отношению к ней сверхсущим основанием. Ни причина, ни цель, ни представление сами по себе не могут определить объект, поскольку создаются вместе с ним – сущность определяется не по конечному состоянию, а по историческому существованию объекта (не только как целого, но и всех его атрибутов) [25. P. 186–187].

Определяемое таким образом существование является гетерогенным, а отношения, которые структурируют его, представляют собой виртуальную параметрическую сеть, в которой свернуто множество возможных форм и значений. Не случайно выше было сказано о разных природах объектов. Множественное определение причинно-следственных связей предполагает, что процессы формирования объектов, будь то сворачивание белков или поведение социальных акторов, выходят за пределы отдельно взятого предметного поля и затрагивают множество пересекающихся полей. Белки одновременно являются топологическими объектами, квантовыми волнами / частицами, популяциями атомов, молекулярными соединениями и последовательностью генов; акторы совмещают в себе характеристики индивидуальных эго, коллективных совокупностей, стадных автоматов и рациональных субъектов, разумное суждение которых легко превращается в символ веры, и наоборот.

Сообщества и индивиды – примеры параллельного, или виртуального, существования реальных объектов. Индивиды не воспринимают общество как единый объект и подменяют его представлением локальных значений, все признаки общества оказываются косвенными. Точно так же организм как биохимическая система и тело как социобиологический агент виртуальны друг для друга. В том же отношении виртуальности находятся абстрактные и «материальные» объекты, существуя в виде оборотной стороны своего Другого. И точно так же абстрактные объекты виртуальны друг для друга. Имеем ли мы дело с естественным языком или формальными системами, мы можем наблюдать вариативность последовательностей значений у одних и тех же объектов, создание из одних и тех же абстракций разных порядков отношений. Каждое из предметных полей для объекта оказывается виртуальным – не находящимся в непосредственной причинной связи, но вызывающим эффект соответствующего различия. Сами объекты в таком случае становятся сложными, образуя гетерогенные сборки, или композиции из разных атрибутов. То, что в одном аспекте воспринимается в качестве законченного объекта, в другом уступает атрибутам статус единого целого.

Виртуальность, вбирающая в себя формальные различия, представляет собой пространство совозможных, непреднамеренных отношений, в котором объект реализует свои состояния. Со-возможность множественных отношений делает недостижимой исчерпывающую редукцию природы / значений объекта к уже известным причинно-следственным схемам. Это, однако, влечет за собой не скептицизм, а отказ в том, чтобы считать какую-либо схему привилегированной, не отказывая ей в то же время в реальности существования. Обозначая онтологическое качество, виртуальность является эпистемологическим понятием, выражающим вариативность реальности «с точки зрения» субъекта. Дунс Скот замечает: «Что же касается несовершенного знания, которое оно [действующее] создает, то в нем виртуально содержится то совершенное знание, причиной которого был бы познанный в себе объект» [4. С. 117–119]. Если в исходные аксиомы входят все возможные выводы, то туда же входят и все возможные парадоксы. Границы объекта полагаются уже его понятием, хотя могут оставаться неизвестными субъекту. Все возможные выводы делаются при наличии всех возможных объектов, способности и свойства которых появляются вследствие экстериорной соотнесенности отношений, а не «зашиты внутри» в виде кода или чего-то там еще. Субъект наблюдает их уже готовыми, как если бы появление объекта было подчинено некоей цели или одно свойство заранее предполагало другое. Однако финализм обратной реконструкции объекта является таковым только для познающего субъекта. Актуализация свойств объектов множественна и проис-

ходит благодаря виртуальному присутствию совозможных отношений (в пределах контекста – параметрической сети значений и форм, которые сами могут быть рассмотрены в качестве объектов).

Формальные различия суть не что иное, как виртуальные сингулярности, актуализирующие границы в виде конкретного («этого») объекта в контексте всех его возможных отношений. Таким образом, виртуальные сингулярности предстают трансцендентальными отношениями объектов, которые для них (объектов) являются априорными [12. С. 113–114]. Они не являются исчерпывающими характеристиками субстрата, поскольку заранее неизвестны и открываются в ходе манипуляций с объектами, когда обнаруживаются их новые или непонятные свойства. Монадическое распределение виртуальных сингулярностей собирает множество параллельных существований сложных объектов. Процесс сборки, она же индивидуация, – это морфогенез значений и свойств, в ходе которого изменение формы / значения объекта идет через экстериорную организацию отношений, совпадая с эволюцией его внешнего окружения (контекста) [25. P. 184–201; 26. P. 297–319]. Обратной стороной данной дифференциации является взаимное уподобление объектов. Таким образом совмещаются (возможная) дискретность объектов и непрерывность их взаимного изменения. Виртуальность сингулярного существования указывает на то, что сопредельные процессы и значения являются не прямой причиной отношения/действия/значения/свойства, а условиями, предполагающими соответствующие формы организации.

Примером такой сборки являются сами нарративы и системы («популяции» в терминах Деланда) абстракций. Если взглянуть на формирование абстрактных объектов и образование ими предметных областей коммуникации и познания как на исторический процесс их самоорганизации, можно предположить, что системы и нарративы абстракций используют рефлексию человеческого разума для собственного воспроизводства. Не только субъект (сознание, наблюдатель) прорывается к предметам и «вещам», но и реальность в виде интендированных объектов производит себя с помощью субъекта. Нарративы и системы абстракций, как и «материальные» тела, организуются и статистически группируются относительно друг друга, существуют параллельно человеческим сообществам, воспроизводясь посредством социальной передачи знаний.

Результатом является формирование групп семантических полей, которые, априорно существуя вне человеческого времени, создаются субъектом в темпорально структурированном процессе познания. С точки зрения субъекта люди передают объекты мышления друг другу и создают из них содержательные нарративы; с «точки зрения» внешних объектов, наоборот, абстракции, подобно вирусам, распространяются при помощи переносчиков (людей), захватывая их воображение и образуя популяции систем и нарративов. Реальность состоит из множества параллельных существований, само присутствие и конечность которых (что делает возможным восприятие) для субъекта совсем не очевидно. Вследствие виртуальности существования становится возможным толкование реальности как актуальной бесконечности, единой (единозначной) по сопричастию, но состоящей из множества единичных (конечных) объектов. Бесконечность актуальна, но для конечных объектов она виртуальна вследствие их гетерогенности, что делает невозможным их однозначное сравнение. В виртуальной бесконечности возможны любые формы существования, а сингулярность уникального события – не чудо, а правило [27. С. 410–411].

Если реальность такова, как было описано выше, определение ее меры через установление соответствия и непротиворечивости суждения о сущности объекта становится невозможным. Вместо этого придется принять мимезис абстрактного мышления. Значения, которыми оперирует интеллектуальная рефлексия, всегда создаются множественными и контингентными, а их организация экстериорна субъекту. В таком случае, действительно, от претензий на сущность необходимо отказаться. Отношения значений и смыслов, которыми в мышлении определяются объекты, представляют собой подражание, частичное или полное подобие. Тождество значений, которое преследовала рефлексия (не)классической философии, предполагало прекращение мысли за счет нахождения истины и закрытия вопроса о реальном. Но каковы бы ни были хитроумные процедуры верификации, все это остается не более, чем тяжеловесной риторикой. Напротив, определение объектов через подобия и различия значений не отказывает онтологии ни в риторичности, ни в реальности.

Условиями самоорганизации значений мышления являются рекурсия подобий и мимезис ноэзиса. Эго субъекта присваивает создаваемые мышлением смыслы посредством их локального отождествления как своих собственных. Но повседневная неустойчивость субъекта во взглядах опровергает этот стереотип: субъект является источником суждения, а не мышления. Вследствие экстериорной организации абстракций их гетеротезис производит двусмысленный смысл, которому для своего существования не требуется исходного тождества. Результатом действия рефлексивного мимезиса является язык, любая самоорганизующаяся знаковая система. При этом не только образуемые в языке смыслы онтологически миметичны. Сам по себе язык представляет собой аналогию «материальной» природы, такой же множественной и виртуальной, как и абстракции. Метафора есть не что иное, как топологическая сборка отношений / значений [28. С. 199–221] как вследствие самой операции сравнения, так и ввиду подразумеваемых смыслов, которые прямо или косвенно включают пространственные отношения. Понятия и сравнения суть семантические сборки аналогично отношениям пространственных объектов и симулируют неязыковые события. Миметичность семантического поля делает возможным само отношение значения, которое является отношением без целеполагающей интенции.

Мимезис рефлексии неизбежен, если принимается возможность одновременной единичности и множественности (абстрактных) объектов. Множества подобий упорядочиваются в серии различий, имитируя

(непосредственно или через дополнение) контекст определяемых свойств. Если сущность несамотождественна, определение ее понятия всегда будет содержать противоречие [29. P. 141–144]. Поэтому сущность реального объекта (вещи) – это концепт, множественные значения и смыслы которого взаимно определяются; (дифференцируются) в процессе рефлексии. Концепт – это, буквально, собирание, сборка различенных значений, форма их организации. Он не схватывает, а производит смысл, а вместе с ним и сущность (не)определимой вещи [5. С. 468–469; 30. С. 25–36]. В этом смысле задача философской рефлексии – по преимуществу создание концептов, а не поиск истины, так как любая истина, претендуя на всеобщность, носит частный характер, иначе говоря, является имитацией, а в таком виде – частью какого-то концепта.

Поскольку объекты суть сборки, совмещения, ассоциации существований, их языки описания должны быть множественными. Объект бесконечно приближается к сущности вещи, номинально тождественной (чтойной), но множественной вследствие своей реляционности. Всякая вещь развернута многим реальностям существования, структурированным различиями подобий. Хотя мы можем условно свести одну форму объекта к другой (например, биологический вид – к его генетическому устройству, социального индивида – к нормативной структуре, многообразие треугольников – к «треугольнику вообще» и т.д.), заместить существование какой-либо формы невозможно. В каждой из версий реальности вещь демонстрирует различные объектные свойства, которые друг для друга являются условиями возможности существования. Вот почему сущность концептуальна, а рефлексия миметична. «Первая сущность» представляет собой абстракцию, понятие о вещи, но в этом понятии выражено то, что разум может принять только в качестве парадокса очевидности – независимое от разума существование объекта, даже если этот объект – его собственная фантазия. Здесь нет «настоящей природы», которая бы предписала истинную форму объекта, но есть множество гетерогенных отношений, определимых концептуально, в качестве совозможных (виртуальных) значений и смыслов.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Инициатором видения сущего «двояким» был Боэций, использовавший понятие субсистенции (subsistentia), которое толкуется как предсуществование, пребывание. Субсистенция реальна, но не однородна с экзистенцией, она предсуществует экзистирующим вещам, которые благодаря предсуществующим, или извечно пребывающим, несотворенным универсалиям получают возможность быть. Универсалии, как и Бог, существуют сами по себе (субсистируют), материальные же вещи существуют посредством чего-то другого. Субсистенция самотождественна, а экзистенция гетерогенна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. М. : Ленанд, 2016.
2. Кассен Б. Эффект софистики. М. ; СПб. : Московский философский фонд ; Университетская книга ; Культурная инициатива, 2000.
3. Перлер Д. Теории интенциональности в Средние века. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
4. Майоров Г.Г. Дунс Скот как метафизик / Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. М. : Издательство Францисканцев, 2001.
5. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб. : РХГА, 2006.
6. Heidegger M. Duns Scotus' Theory of Categories and of Meaning. Translated From the German and with Introduction by Harold Robbins. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School, Department of Philosophy, De Paul University. 1978.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009.
8. Аристотель. Метафизика: Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1975. Т. 1.
9. Клайн М. Математика: утрата определенности. М. : Мир, 1984.
10. Пуанкаре А. О науке. М. : Наука, 1983.
11. Cartwright N. How the Laws of Physics Lie. Oxford : Clarendon Press, 1983.
12. Delanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London ; New York : Continuum, 2002.
13. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. М. : Амфора, 2012.
14. Гайденко П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
15. Фуко М. Археология знания. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2004.
16. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
17. Delanda M. Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field. Bloomsbury Academic, 2015.
18. Dupre J. The Disorder of Things. Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. MA : Harvard University Press, 1995.
19. Meinong A. The Theory of Objects. trans. Isaac Levi, D.B. Terrell, and Roderick Chisholm // Realism and the Background of Phenomenology / ed. Roderick Chisholm. Atascadero, CA : Ridgeview, 1981.
20. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 1.
21. Керимов Т.Х. Гетерология, однозначность бытия и имманентность философии // Пунктуации: складки времени : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.
22. Simondon G. The Position of the Problem of Ontogenesis // Parrhesia. 2009. № 7.
23. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998.
24. Делез Ж. Логика смысла. Москва : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998.
25. Delanda M. Philosophy and Simulation: the Emergence of Synthetic Reason. London ; New York : Continuum, 2011.
26. Simondon G. The Genesis of the Individual // Incorporations / Crary J., Kwinter S. (eds). New York : Zone Books, 1992.
27. Кунин Е. Логика случая. М. : Центрполиграф, 2014.
28. Том Р. Топология и лингвистика // Успехи математических наук. 1975. № 30:1 (181).
29. Finn S. Metametametaphysics and Dialetheism // Australasian Journal of Logic. 2017. Vol. 14, № 1.
30. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. ; М. : Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 19 января 2019 г.

Hyperrealism and Limits of Metaphysical Thinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 89–97.
DOI: 10.17223/15617793/441/12

Igor V. Krasavin, Ural State University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: krasavin.i@gmail.com

Keywords: abstraction; single; singularity; imitation; virtuality; exteriority; reality; object; thing; concept.

The aim of this paper is an analysis of opportunities for representation of the content of thinking – formal abstractions and general notions – as real objects, autonomous of the subject's mind. This conception has been named hyperrealism, as it combines simultaneous assumptions of the real existence of abstractions and of the exteriority of real objects to a subject. Being a conceptual oxymoron, hyperrealism treats the relations of mind and reality beyond the oppositions of ideal – material, abstract – concrete, objective – subjective, single – multiple and so on. Hyperrealism follows the literal reading of the notion of "this very" "thing": the essence of the thing is determined by existence and is not ready-made; the thing exists independently of mind; reality is an endless universum of finite things. Abstractions do not signify essences of some more real objects, but imitate them in their own existence. Along with the axiomatic-deductive mode of organization, they are characterized by associative-inductive reproduction. The question of the real existence of exterior abstractions has been repeatedly raised in the history of philosophy and science: the controversy of sophists and philosophers, the controversy of universals, Cartesian dualism and the problem of grounding the objective knowledge. This question in this paper is discussed through an appeal to some notions of Duns Scotus' philosophy: "double being", the one, formal difference, singularity, virtuality; and their interpretations by Martin Heidegger, Gilles Deleuze and Manuel Delanda. The key assumption here is the exteriority of reality to mind as not only a matter and energy, but also in the form of singular existing abstractions (ideas). Abstractions' singular existence is made up by relations of single objects that appear as series of repetitions and differences forming manifolds of conceptual events, in which co-possible objects are virtual for each other. Since abstractions are concrete, they are finite like empirical experience. The finitude of abstractions makes them existing like things, i.e. they get their meaning from the environment. Since abstractions are finite and singular, they cannot be sufficiently interpreted as correspondence, i.e. as signs of some more real physical objects. Having their own existence, abstractions merely imitate objects rather than represent their essences. Experience and abstractions are entities of different kinds, they are variations and not (top-down) levels of reality.

REFERENCES

1. Aristotle. (2016) *Kategorii. S prilozheniem "Vvedeniya" Porfiriya k "Kategoriyam" Aristotelya* [Categories. With "Introduction" by Porfiry to the "Categories" of Aristotle]. Translated from Old Greek by A. V. Kubitskiy. Moscow: Lenand.

2. Cassin, B. (2000) *Effekt sofistiki* [The effect of sophistry]. Translated from English. Moscow; St. Petersburg: Moskovskiy filosofskiy fond; Universitetskaya kniga; Kul'turnaya initsiativa.

3. Perler, D. (2016) *Teorii intentsional'nosti v Srednie veka* [Medieval theories of intentionality]. Translated from English. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS.

4. Mayorov, G.G. (2001) Duns Skot kak metafizik [Duns Scotus as a metaphysician]. In: Johannes Duns Scotus. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev.

5. Neretina, S. & Ogurtsov, A. (2006) *Puti k universaliyam* [Paths to universals]. St. Petersburg: RKhGA.

6. Heidegger, M. (1978) *Duns Scotus' Theory of Categories and of Meaning*. Translated From German and with Introduction by Harold Robbins. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School, Department of Philosophy, De Paul University.

7. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [*Ideas* for a *Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiy proekt.

8. Aristotle. (1975) *Metafizika: Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Metaphysics: Writings in four volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

9. Kline, M. (1984) *Matematika: utrata opredelennosti* [Mathematics: The loss of certainty]. Moscow: Mir.

10. Poincare, H. (1983) *O nauke* [Science and Hypothesis]. Translated from French. Moscow: Nauka.

11. Cartwright, N. (1983) *How the Laws of Physics Lie*. Oxford: Clarendon Press.

12. Delanda, M. (2002) *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London; New York: Continuum.

13. Haking, S. & Mlodinow, L. (2012) *Vysshiy zamysel* [The Grand Design]. Translated from English. Moscow: Amfora.

14. Gaidenko, P. (2003) *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow: Progress-Traditsiya.

15. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The archeology of knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: ITs "Gumanitarnaya akademiya".

16. Latur, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri soobshchestva* [*Science in Action*, How to Follow *Scientists and Engineers* through Society]. Translated from English. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

17. Delanda, M. (2015) *Philosophical Chemistry: Genealogy of a Scientific Field*. Bloomsbury Academic.

18. Dupre, J. (1995) *The Disorder of Things. Metaphysical Foundations of the Disunity of Science.* MA: Harvard University Press.

19. Meinong, A. (1981) The Theory of Objects. Translated by Isaac Levi, D.B. Terrell, and Roderick Chisholm. In: Chisholm, R. (ed.) *Realism and the Background of Phenomenology*. Atascadero, CA: Ridgeview.

20. Hume, D. (1996) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Translated from English by S.I. Tsereteli et al. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 14–84.

21. Kerimov, T.Kh. (2013) Geterologiya, odnoznachnost' bytiya i immanentnost' filosofii [Heterology, the uniqueness of being and the immanence of philosophy]. In: Kerimov, T.Kh. (ed.) *Punktuatsii: skladki vremeni* [Punctuation: folds of time]. Yekaterinburg: Ural State University.

22. Simondon, G. (2009) The Position of the Problem of Ontogenesis. *Parrhesia*. 7.

23. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition.]. Translated from French. St. Petersburg: Petropolis.

24. Deleuze, G. (1998) *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow: Raritet; Yekaterinburg: Delovaya kniga.

25. Delanda, M. (2011) *Philosophy and Simulation: the Emergence of Synthetic Reason.* London; New York: Continuum.

26. Simondon, G. (1992) The Genesis of the Individual. In: Crary, J. & Kwinter, S. (eds) *Incorporations.* New York: Zone Books.

27. Kunin, E. (2014) *Logika sluchaya* [The logic of chance]. Moscow: Tsentrpoligraf.

28. Thom, R. (1975) Topology and linguistics. *Uspekhi matematicheskikh nauk.* 30:1 (181). pp. 199–221. (In Russian).

29. Finn, S. (2017) Metametametaphysics and Dialetheism. *Australasian Journal of Logic*. 14 (1). DOI: 10.26686/ajl.v14i1.4029

30. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Translated from French. St. Petersburg; Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Aleteyya.

Received: 19 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 98–105. DOI: 10.17223/15617793/441/13

УДК 94 (495). 01; 140.8:21

Е.И. Мирошниченко

СОФИЯ-ОБРАЗ VS СОФИЯ-ИПОСТАСЬ: ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ УЧЕНИЯ АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО О ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В СОФИОЛОГИИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.»

Рассматривается проблема рецепции Павлом Флоренским концепции Софии Премудрости Божией, разработанной ранневизантийским богословом IV в. Афанасием Александрийским в связи с реинтерпретацией Притч. 8:22–30. С точки зрения автора, Флоренский игнорирует концепт образа в учении Афанасия, возводя Софию не к Логосу, образом которого у Афанасия являлась Премудрость, а к Деве. Таким образом, Флоренский не воспринимает мысль Афанасия по содержанию, а использует лишь его формульный язык.

Ключевые слова: София; ранневизантийское богословие; Афанасий Александрийский; Павел Флоренский; русская религиозная философия; византийская теория образа.

1

Одной из важнейших задач для историка философской мысли сегодня является критический анализ философских построений, использующих те или иные философские концепты давно прошедших эпох. Очищение философии от шелухи спекуляций позволяет не только отделить зерна от плевел в области истории философии, но и пересмотреть значимость тех или иных мыслительных конструктов. Так, например, русская религиозная философия, о мистических корнях которой, начиная с Владимира Соловьёва, известно достаточно много (см., например, [1. P. 43–64]; о Владимире Соловьёве см.: [2], особенно [2. P. 53]), большую часть своих идей подтверждала не только ссылками на Бёме и Сведенборга, но и пыталась апеллировать к более «аутентичной» традиции – древнерусской, а иногда (несмотря на компрометирующий в среде русской интеллигенции со времён П.Я. Чаадаева характер) и к византийской. Павел Флоренский был едва ли не первым из русских философов (если не считать А.С. Хомякова и И.В. Киреевского), который воспринимал византийское наследие непосредственно по первоисточникам[1]. Тем более любопытен его подход к одной из ключевых проблем русской религиозной мысли начала XX в.: проблеме Софии, Премудрости Божией.

Большинство исследователей, обращающихся к теме Софии у Флоренского, отмечают, что он ориентировался на традицию Владимира Соловьёва (см.: [5. С. 27]), хотя некоторые и склоняются к той точки зрения, что Флоренский существенно отходил от соловьёвского понимания Софии как Души Мира [6. С. 162]. Соловьёв же понимал Софию как мистическое существо женского рода, и истоки его концепции мы можем обнаружить как в его психологии восприятия женского пола, так и в том философском бэкграунде, который у него был уже на момент написания трактата «София» [7. С. 38–39]. Вероятно, наибольшее влияние на формирование взглядов Соловьёва оказали, как полагает Манон де Куртен, каббала, гностики, мистик Бёме и философ Шеллинг [8. P. 210] (Козырев также дополняет этот список именем Сведенборга [7. С. 39]). Неудивительно, что и такие последователи Соловьёва, как Павел Флоренский и Сергей Булгаков, опирались на указанные учителем авторитеты (Так, например, Флоренский имплицитно включает идеи Бёме, отождествляя Софию с Девой и девственностью (см.: [9. С. 35, 53], а развиваемая Соловьёвым идея Софии как Вечной Женственности была популярна не только у философов, но также и у поэтов, например, у Александра Блока с его «Прекрасной Дамой», см.: [10. P. 49]). Флоренский, однако, не идёт проторенной дорогой, он использует всю свою эрудицию для подтверждения своей специфической позиции, которую позднее он обозначил как «философию культа» и «конкретную метафизику». Одним из центральных пунктов этой позиции является учение о твари, которая находится между возможностью восходить к Богу, который есть Жизнь, и нисхождением от него в земное, в смерть. Творение, устремлённое к этому восхождению, приобщённое «Троичной Жизни и Любви», Флоренский называет Софией [11. С. 326]. Соловьёва и мистиков для обоснования этой концепции оказывается недостаточно, и Флоренский привлекает традицию ранневизантийского богословия и, в частности, учение о Софии, разработанное ярым борцом с арианством – епископом Александрийским Афанасием.

2

Одним из главных аргументов, которые приводили ариане в защиту своей точки зрения, и с которыми Афанасий Александрийский полемизирует, была цитата из библейской Книги Притчей Соломоновых, где Премудрость, под которой в раннехристианском богословии понимался Христос-Логос [12. С. 17–32], говорит о себе в первом лице как о создании Божием:

«Господь создал[2] Меня в начале путей для дел Его (κύριος ἔκτισέν με ἀρχὴν ὁδῶν αὐτοῦ εἰς ἔργα αὐτοῦ). Прежде века Я помазана в начале, прежде сотворения земли и прежде сотворения бездны <…>. Когда Он уготовлял небеса, Я была там. Когда Он <…> полагал основания земли, тогда Я была при Нём художницею (ἁρμόζουσα – созидающей, соединяющей), и радова-

лась всякий день, веселясь пред лицом Его во всякое время» (Притч. 8:22–30).

Эта цитата служила подтверждением позиции ариан, согласно которой Сын не мог быть ни единосущен, ни даже подобосущен (у радикальных ариан) Богу Отцу по той причине, что Он был сотворён. Подтверждением этой позиции была не столько сама цитата, сколько тянущийся за ней шлейф раннехристианских интерпретаций, согласно которым под Премудростью следует понимать не что иное, как Божественный Логос – Христа. Впервые, насколько это известно, Софию отождествил со Христом Афинагор Афинский во второй половине II в. (Legatio pro Christianis, 10, 69–73 // PG 6. Col. 909). Подобного же мнения придерживались почти все последующие раннехристианские богословы, иногда, впрочем, отождествляя Премудрость и с Духом Святым (во всяком случае, такой вывод можно сделать на основе анализа сочинений Феофила Антиохийского и Иринея Лионского: см.: [12. С. 21]).

Если Премудрость, о которой говорится в книге Притчей, это действительно Логос, то из этого следовало бы признать, что Логос (Христос) был сотворён. А раз сотворён, то, как утверждали ариане, «было время, когда Его не было» (Socratis Scholastici, Histroria Ecclesiastica I, 5 // PG 67. Col. 41), и ни о каком единосущии речи быть не может. Проблема, связанная с интерпретацией этой цитаты, была настолько существенна, что Афанасий Александрийский вынужден был посвятить ей целую речь («Второе слово против ариан»[3]). В этой речи он полностью и радикально реинтерпретирует по сравнению с предшествующей богословской традицией указанную цитату[4].

Во-первых, Афанасий замечает, что слово «сотворил» часто употребляется в греческом языке в смысле «родил», но главное, что нужно учитывать при понимании этой фразы из книги Притчей, это не сами слова, а сущность, к которой эти слова применяются (Contra arianos (далее C. Ar. – *Е.М.*) II, 3-5). Чтобы проиллюстрировать этот тезис, Афанасий рассказывает притчу о царе и его сыне. Сын правителя обустраивает город и на каждом здании приказывает обозначить своё имя. Когда приказ исполняется, царский сын (под которым легко угадывается Сын Божий) говорит: «…по воле отца я изображён на каждом здании, имя моё создано в этих зданиях» (C. Ar. II, 79, 3)[5]. Понятно, говорит Афанасий, что речь идёт не о том, что царский сын сотворён, а о том, что Его имя сотворено в этих зданиях (по аналогии с «этими делами» (Притч. 8:22)). Иначе говоря, в своих словах царский сын «будет иметь в виду не свою созданную сущность (οὐ τὴν εαυτοῦ οὐσίαν κτισθεῖσαν), но [отпечатленный] посредством своего имени образ (τὸν εαυτοῦ τύπον διὰ τοῦ ὀνόματος)» (C. Ar. II, 79, 3).

Во-вторых, Афанасий весьма много и подробно рассуждает о словах Премудрости «Господь создал меня в дела Свои», отмечая, что речь здесь идёт не о божественной сущности Христа, а о Его человечестве (τὸ ἀνθρώπινον) «и о нас домостроительстве» (τὴν εἰς ἡμᾶς οἰκονομίαν) (C. Ar. II, 45, 1). Согласно Афанасию, словом «создал» Премудрость не себя называет тварью, а «своё человечество, которому и свойственно быть созданным» (τὸ περὶ αὐτὸν γενόμενον ἀνθρώπινον·τούτου γὰρ ἴδιόν ἐστι καὶ τὸ κτίζεσθαι) (C. Ar. II, 46, 4). В другом месте он добавляет: «…сказанное в Притчах означает не сущность, но человечество Слова» (οὐ τὴν οὐσίαν, ἀλλὰ τὸ ἀνθρώπινον τοῦ λόγου) (C. Ar. II, 51, 3). В то же время Афанасий отмечает, что речь идёт не о тварности Христа, но о вочеловечении Логоса: «[слово] «создал» указывает не на начало бытия, не на тварную сущность (τὴν οὐσίαν κτιστὴν) Сына, но на то обновление, которое по Его благодеянию совершается в нас <…>. Создание сие означает не начало бытия, а вочеловечение (τὴν ἐνανθρώπησιν)» (C. Ar. II, 53, 1–2). Таким образом, учение о Софии, которое далее формулирует Афанасий и к которому обращается Флоренский для обоснования своей концепции Премудрости Божией, формулируется Александрийским богословом в контексте богословской полемики с арианами о природе Христа.

Учение о Софии у Афанасия (C. Ar. II, 78–81) основано на концепции образа, которая в IV в. начинает оформляться в византийском богословии[6]. Ради доброты бытия (καλῶς ὑπάρχῃ), пишет Афанасий, Бог повелел Премудрости отпечатлеть свой образ в творении, так что бы в каждой твари Он был запечатлен (ὥστε τύπον τινὰ καὶ φαντασίαν εἰκόνος αὐτῆς ἐν πᾶσί τε κοινῇ καὶ ἑκάστῳ ἐνθεῖναι) (C. Ar. II, 78, 1). Подобно тому, как человеческое слово – это образ божественного Логоса, так и человеческая премудрость – образ божественной Софии. Посредством же этой Софии мы восходим к познанию Её Отца, т.е. Бога. Таким образом, София оказывается образом Бога, запечатленным в тварном мире. Такого рода построения ничуть не должны удивлять нас, поскольку концепция Сына как образа Отца была широко распространена в ранневизантийском богословии [18]. Афанасий лишь вписал в эту концепцию Софию и её образ – человеческую мудрость, в результате чего получилась анфилада богословских образов, предвосхищающих знаменитую лестницу образов Иоанна Дамаскина. Отсюда слова из Книги Притчей следует понимать не буквально: создаётся не сам Логос, а Его образ – «образ и отпечаток (εἰκόνα καὶ τύπον) в делах Его, как бы Сам Он был этим образом» (C. Ar. II, 78, 3). Через премудрость в вещах человек может познать Логос (создателя этой премудрости), т.е. саму Премудрость, а через Логос – и Бога Отца. Подчёркивая земной характер Софии-образа, Афанасий говорит, что «сказанное в Притчах относится к мудрости, сущей в нас», а не к Логосу как таковому, и поэтому Христа нельзя назвать творением, как это делают ариане. Обратим внимание, что так называемая тварная София у Афанасия презентуется скорее как олицетворение премудрости как таковой, присущей людям. Он сам подчёркивает это, цитируя слова из Священного Писания о «премудрых мужах» (Притч. 6:26). Об этой премудрости говорится, что Господь «излил её на все дела Свои» (Сирах 1:10) и поскольку «излияние» является признаком не «истинной и единородной» Премудрости (т.е. Логоса), а Премудрости, «изобразившейся в мире», то мы можем говорить о том, что Афанасий под Премудростью книги Притчей понимает тварную

Софию, а не Логос. Тем не менее, концепт «двух Софий», «тварной» и «нетварной», с нашей точки зрения, не отражает адекватно учение Афанасия о Софии. Строго говоря, для Афанасия существует только одна София – Христос-Логос («Истинная и зиждительная Премудрость – Единородное Божие Слово») (C. Ar. II, 80, 2), а так называемая тварная София есть по сути образ этой Софии (и условно может быть назван премудростью (с маленькой буквы), лишь по имени имеющей связь со своим первообразом)[7].

Соотношение истинной Софии (Софии-Логоса) и Софии, «внедрённой в мире и в делах», представляется проблемой для исследователей, поскольку Афанасий в том единственном месте, где он называет Софию тварной (κτισθεῖσα) (C. Ar. II, 78, 3), говорит, что эта тварная София – образ истинной и созидающей (ἀληθονὴ καὶ δημιουργὸς) Софии. Перед нами не столько объяснительная конструкция **тварная / нетварная**, сколько схема **образ / первообраз**. «Тварность» Софии из Книги Притчей – условность языка (как следует из указанных выше слов самого Афанасия (C. Ar. II, 78, 3–5)). София-образ не столько «тварная», сколько «внедрённая» (ἐγκτισθεῖσα) (C. Ar. II, 79, 3; 80, 2), она – τύπος и εἰκών истинной, нетварной Софии. Поэтому Бог не создавал её (в том смысле, как Он создал мир), она как бы сама отпечатлелась в творении. Афанасий, однако, не развивает эту мысль дальше, никак не раскрывая особенность соотношения Софии-образа и Софии-первообраза, т.е. Логоса. Таким образом, всё, что мы можем сказать об указанном соотношении, укладывается в схему образ / первообраз. София из Книги Притчей – это образ Софии-Логоса. Афанасий всячески это подчёркивает. Так, например, он говорит, что человек познаёт Отца посредством мысленного восхождения от земной Премудрости к Софии-Логосу (C. Ar. II, 80, 3).

Следует также обратить внимание на выражение «в дела» (εἰς ἔργα αὐτοῦ). Образ Софии существует не сам по себе, а как созданный «в дела». По Афанасию, это ключевой момент в понимании Софии: София-Логос отображается «в дела», но в своём отображении уже не мыслится по существу Логосом. При таком понимании Софии была опасность разделить Софию-Логос на две Софии (что и делают, весьма поспешно, увлечённые этой темой мыслители[8]), но Афанасий тщательно избегает этого. Он говорит, что «дела незыблемо и вечно пребывают утвержденными в образе этой Софии» (C. Ar. II, 80, 4), и этим он полагает Софию единой, со всеми делами, до всякого творческого акта утверждёнными в ней как в образе, отпечатке её в творении. Не просто так, замечает Афанасий, в Притчах говорится «прежде гор, прежде земли» и прочее, а чтобы «не подумал кто, что истинная Премудрость – Божий Сын есть тварь по природе». Ведь «Премудрость по сущности не создана вместе с делами», а создана «в дела и до дел», таким образом предшествуя созданию мира. «Поэтому по природе и по сущности София не творение, а рождение» (C. Ar. II, 80, 5). Очевидно, что главной задачей для Афанасия было не выдумывание некой второй, тварной, Софии, а простое доказательство того, что под словом «сотворил» в Книге Притчей имелось в виду «родил». С этой целью Афанасий и использует теорию образа, согласно которой образ Софии отличается от Софии по существу, но о самой Софии мы не можем говорить, что она была сотворена, но только, что рождена.

Таким образом, Афанасий нигде не говорит, что речь идёт о двух Софиях и тем более нигде не утверждает, что София из Притчей – личность. София, говорящая «Господь создал меня», – это образ, отпечаток в творении единственной Софии, т.е. Логоса. Любопытно, что русский переводчик сочинений Афанасия [21] вполне в духе переводимого автора так называемую тварную Премудрость писал с маленькой буквы: премудрость (в отличие от Павла Флоренского, который, судя по всему, пользовался этим переводом, и который везде заменяет малую букву на большую)[9]. Согласно тому же о. Сергию Булгакову, Афанасий утверждает, что перед нами уже не одна София, а две[10]. Одна – истинная София – есть Логос, Сын Божий. Она нетварна и существует в Боге. Другая София тварна и существует как образ и подобие истинной Софии в творении. Афанасий специально создаёт богословскую теорию образа, чтобы обосновать свою точку зрения. Получается, что в Книге Притчей о своей сотворённости говорит не Логос, а тварная София. Таким образом, Христос оказывается несотворённым, а значит, его единосущность Отцу становится возможной. Что касается тварной Софии, то она, по всей видимости, не является ни едино-, ни подобосущной ни Отцу, ни Сыну, ни Святому Духу. Эту тварную Софию Афанасий нигде не называет ни Церковью, ни Девой Марией, но только образом и отпечатком «истинной и созидающей Софии», т.е. Логоса.

Между тем, как мы видели выше, никакой теории двух Софий у Афанасия не было. Согласно Афанасию, София одна – Логос, Христос. Не даром для обозначения так называемую тварной Софии Афанасий употребляет термин «образ», «отпечаток». Образ един с первообразом по ипостаси (как позднее будут подчёркивать иконопочитатели), но отличается от него сущностью. Во времена Афанасия теория образа ещё не была разработана, но некоторые основания для этой теории уже были. Выражение «образ и отпечаток» использовалось последователем Афанасия Василием Кесарийским для опровержения Евномия и его теории тварности Сына. Василий называл Сына «образом и отпечатком Отца», и в этом смысле полагал, что Сын наследует Его божественную сущность [17. С. 24–25]. Нечто подобное пытается выразить и Афанасий, утверждая, что Премудрость – это «образ и отпечаток» Логоса в Его делах. Главную мысль Афанасия, исходя из контекста, следует понимать не как создание ещё одной ипостаси – ипостаси Софии, а как указание на то, что София и есть образ Бога в Его творении (Словом-Премудростью Бог творит мир). Собственно, речь идёт об одной и той же Софии, но в разных её аспектах. Если о Софии можно говорить, как об образе, то ясно, что к ней применимо выражение «создал», хотя София и не является тварью, будучи Предвечным божественным Логосом.

На эту теорию и опирался Павел Флоренский, создавая собственную концепцию Софии Премудрости Божией. Однако, как мы увидим далее, его (на первый

взгляд, «византийская») постановка проблемы имеет мало отношения к тем задачам, которые ставил перед собой Афанасий. Итак, как София представлена у Флоренского?

3

Самые известные рассуждения Флоренского о Софии содержатся в специально посвящённом ей 10-м письме знаменитого «Столпа и утверждения Истины» (1914). Именно на основе этого письма многие исследователи и анализируют «учение Флоренского о Софии», хотя о Софии он пишет и в некоторых других своих сочинениях (в частности, в «Именах», относящихся к первой половине 1920-х гг.) [24. С. 253–259]. Кроме того, ещё в предыдущей главе «Столпа» («Тварь») Флоренский обозначает «вопрос о Софии» таким образом: «…как же мыслится тварь сама в себе или сама по себе или сама о себе» [11. С. 318]. То есть, на первый взгляд, София рассматривается как мыслящая о самой себе тварь. Однако такой вывод противоречил бы ортодоксальным установкам автора. Ведь если София сотворена, значит, она уже не может рассматриваться как Логос-Христос, а если может, то мы автоматически впадаем в арианство. Мы видели, как изящно эту проблему разрешил Афанасий Александрийский с помощью теории образа. Можно было бы ожидать, что Флоренский пойдёт вслед за ним, тоже будет использовать эту теорию (тем более, что проблема образа и иконология его интересовала не меньше, чем проблема Софии). Однако он этого не делает. Вместо этого он находит выход в наделении Софии ипостасностью. Она оказывается хотя и сотворённою, но ипостасной, т.е. отделённою от Логоса не отношением образа-первообраза (т.е. по сущности, но не по имени), а отношением двух разных ипостасей (разными и по имени, и по ипостаси, и по сущности). То есть София у Флоренского оказывается не Логосом и даже не Его образом, что в корне отличает с самого начала софиологический дискурс Флоренского от такового Афанасия. Флоренский называет Софию «эта любовь-идея-монада, этот четвёртый ипостасный элемент» [11. С. 323]. И далее он уточняет: «…я сказал “монада”, т.е. некоторая реальная единица» [Там же. С. 324]. Напомним, что согласно Лейбницу, монада – это «простая субстанция», т.е. ипостась, «не имеющая частей» [25. С. 413]. Софию нельзя разделить, при этом мы не знаем, о какой именно Софии говорит Флоренский: о Логосе или о Софии-образе. По всей видимости, не о той и не о другой. Так что это за София у Флоренского и каковы источники его представлений о ней?

София есть «все-целостная тварь» (πάσα ἡ κτίσις – Рим. 8:22), или «Великий Корень цело-купной твари, которым тварь уходит во внутри-Троичную жизнь и через который она получает себе Жизнь Вечную от Единого Источника Жизни», «София есть первозданное естество твари, творческая Любовь Божия» [11. С. 326]. Здесь София обозначена как «тварь», как «естество твари» и как «творческая Любовь Божия». Напомним, что Афанасий нигде не называет её тварью, и только один раз, в рамках концепции образа, говорит о сотворённости Софии. Также вызывает вопрос выражение «Великий Корень». Мы нигде не найдём слово «корень» в писаниях Афанасия Александрийского, однако оно часто встречается в сочинениях Якова Бёме [26. С. 56, 68, 71, 100, 106, 167, 209, 230, 247, 274, 411, 424, 431 и в некоторых других местах]. Очевидно, такого рода выражения у Флоренского имеют своим источником сочинения Бёме.

Несмотря на то, что София есть «тварь», Флоренский говорит в то же время (в духе проповедуемой им антиномичности), что София находится в некотором отношении к твари: «В отношении к твари София есть Ангел-Хранитель твари, Идеальная личность мира. Образующая разум в отношении к твари, она – образуемое содержание Бога-Разума, “психическое содержание” Его, вечно творимое Отцом через Сына и завершаемое в Духе Святом: Бог мыслит вещами» [11. С. 326]. София оказывается одновременно и в твари, и вне твари. «Единая в Боге она множественна в твари и тут воспринимается в своих конкретных явлениях как идеальная личность человека, как Ангел-Хранитель его, т.е. как проблеск вечного достоинства личности и как образ Божий в человеке» [Там же. С. 329]. Понятие образа, отсылающее нас к Афанасию, появляется неожиданно среди совершенно не патристического дискурса, и далее не развивается. Более того, Флоренский строит свою концепцию Софии не на теории образа, а на идее различного восприятии реальности: рассудочного или религиозного, с предпочтением последнего (что соответствует его общим философским установкам: философствовать о религии в религии [Там же. С. 824]). Он пишет, что религиозно София воспринимается как Любовь, «почти сливаясь со Словом и Духом и Отцом, как с Премудростью и Царством и Родительством Божиим», а рассудочно София «есть совсем иное, нежели каждая из этих ипостасей» [Там же. С. 331]. Очевидно, что слова «почти сливаясь» нельзя воспринимать как формулу, поскольку Флоренский изначально отнёс их к таким, которые выражают не рациональную мысль, а религиозную. Характерно, что при этом Флоренский ссылается не на отцов церкви, а на Владимир Соловьёва, причём в приводимой из этого автора цитате мы находим (вполне ожидаемо!) имена Парацельса, Бёме и Сведенборга [Там же]. Рядом с этими именами соседствует имя ещё одного мистика (александровских времён) – М.М. Сперанского [Там же. С. 331–332]. Опираясь на вышеуказанные авторитеты, Флоренский отождествляет Софию и Церковь, и, полагая, что Церковь существовала до своего «человеческого» оформления, тем же качеством «предсуществования» наделяет и Софию [Там же. С. 334–335] (о связи предсуществования Софии с утверждением, что Церковь это Тело Христово: [Там же. С. 350]), чем окончательно лишает её тех свойств иконичности, которые ей приписывал св. Афанасий.

Заложив, таким образом, совершенно чуждые духу Афанасия Александрийского основания для концепции Софии, Флоренский неожиданно ссылается именно на него [24. С. 338]. Этой ссылке предшествует другая ссылка – на книгу «Пастыря Ермы» [Там же. С. 336–338], в котором Церковь представлена в

образе Женщины. Таким образом, Церковь из «Пастыря Ермы» оказывается той же Софией, что и в «Слове против ариан» Афанасия Александрийского. Именно поэтому Флоренский пускается в рассуждения о предсуществовании Церкви [24. С. 339–340], которые напоминают опровержения слов Ария «было время, когда Сына не было», только здесь вместо Сына оказывается Церковь (которую Флоренский наделяет ипостасностью, отдельной от ипостасности Сына, тварной ипостасностью).

Любопытно, что само обращение к византийской традиции у Флоренского происходит в стилизованных под византийство тонах: «Многократно возвращаясь к толкованию знаменитых в истории арианских споров слов из Притчей <…> и многообразно стараясь объяснить это, соблазнительное для арианствующих, “создал”, Афанасий разумеет в различных местах своих творений под Премудростью весьма разное; а именно: то – Человеческое Естество Христа, то Тело Его, то Церковь, то – Сторону тварного мира, обращённую к вечности. Но это различие – только кажущееся различие, ибо все перечисленные способы понимания слова “Премудрость” на деле суть все одна и та же София, как Бого-зданное единство идеальных определений твари, – одна и та же София, но под разными аспектами воспринимаемая, – цельное естество твари» [11. С. 344].

Сравнив это высказывание с тем, что говорит о Софии Афанасий, мы легко можем увидеть, что Флоренский по форме следует Афанасию (София – «одна и та же»), но по содержанию полностью отходит, приписывая к тому же ему концепции, которых у него никогда не было, в частности утверждение о том, что София воспринималась у Афанасия различным образом. Как мы выяснили, София всегда полагалась Афанасием как Логос, и только в контексте интерпретации цитаты из «Книги Притчей» он говорит о Софии-образе, которую понимает как человеческую природу Христа (а не как «Церковь» или «Сторону тварного мира, обращённую к вечности»). Все эти утверждения, очевидно, не имеют отношения к оригинальной концепции Афанасия Александрийского.

Между тем Флоренский приводит саму концепцию Афанасия о Софии-образе, в некоторых случаях пускаясь в пересказ, меняя и подстраивая систему Афанасия под свою теорию Софии. Например, процитировав слова о том, что «Слово в сущности не есть тварь, сказанное же в Притчах относится к премудрости в нас сущей и именуемой» (которая не есть «Премудрость Источная и Единородная, но Премудрость, изобразившаяся в мире»), Флоренский добавляет в духе Владимира Соловьёва: «Не может быть никакого сомнения, что та тварная Премудрость, о которой говорит приведённая выдержка, по взгляду Афанасия В., ни в коем случае не ограничивается только психологическим или гносеологическим процессом внутренней жизни твари, но является, по преимуществу, метафизическою природою тварного естества: Премудрость в твари есть не только деятельность, но и субстанция; она имеет существенный, массивный, вещный характер» [Там же. С. 346].

София, таким образом, оказывается не просто образом Логоса, но и «метафизическою природой», «субстанцией», существующей сама по себе. Отличительным её качеством является тварность, тогда как нетварная, истинная Премудрость – это Логос. Соотношение этих двух Премудростей у Флоренского не просто не обозначено, а прямо игнорируется, поскольку сам он утверждает, что Премудрость – одна. Однако он заявляет также и ипостасный характер этой Премудрости, а значит, ему нужно было если и не сказать о соотношении двух Софий (что потом потребовалось С. Булгакову), то хотя бы разъяснить, какое отношение София имеет к другим, нетварным ипостасям, к Троице. Об этом Флоренский говорит, что София «участвует» в жизни Троицы, «входит в Троичные недра», «приобщается Божественной любви» [11. С. 349]. Вспомним, что у Афанасия всё происходит ровным счётом наоборот: София входит не в недра Троицы, а внедряется в творение (C. Ar. II, 79, 3; 80, 2). Впрочем, София не единосущна Троице, так как её ипостась – тварная. В связи с толкованием новгородской Софии Флоренский замечает: «София, во всяком случае, не есть Ипостась в строгом смысле слова», «она не тождественна с Логосом» [Там же. С. 383].

Таким образом, то, что у Афанасия было образом Логоса, у Флоренского становится ипостасью (в религиозном, не философском, смысле), а София как Логос исчезает вовсе. София оказывается не тождественна с Логосом[11], что противоречит всей византийской традиции понимания Софии. Разумеется, Флоренский не мог не знать о том, какая существовала традиция отождествления Софии и Логоса в Византии. Он сам об этом пишет, упоминая, что храм Святой Софии, построенный Юстинианом, посвящён Воплощённому Сыну Божьему – Божественному Логосу. Но тут же он утверждает, что идея Софии была связана с Богородицей [24. С. 384], что уже не имеет ничего общего с византийской традицией. Такие странные переходы следует понимать в свете следующего утверждения, которым Флоренский подводит итог своим размышлениям о Софии и которое следует сразу за рассуждениями о русских иконах и особом почитании на Руси Божьей Матери: «Таково толкование Софии нашими предками. Сразу видно отличие его по тону от толкования византийских греков. *Занятая богословскою спекуляцией* (курсив здесь и далее наш. – *Е.М.*), Византия воспринимала Софию со стороны её *спекулятивно-догматического содержания*. София, в понимании греков, – по преимуществу предмет созерцания. Наши же предки восприняв от Византии готовые догматические формулы, прилепились душой к подвигу, и к непорочности, возлюбили чистоту и святость отдельной души. И тогда София повернулась к их сознанию другой своей гранью, – аспектом целомудрия и девственности, аспектом духовного совершенства и внутренней красоты. Наконец, наши современники, мечтая о единстве всей твари в Боге, всю мысль устремили к идее мистической Церкви. И София повернулась к ним своею третьей гранью, – аспектом Церкви. Феодор Бухарев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, «нео-христиане», католические модернисты и т.д. – вот те течения, которые опять находят себе сим-

волическое выражение в софийных иконах» [11. С. 389–390][12].

Таким образом, согласно Флоренскому, София прошла три этапа в открытии себя миру: как предмет созерцания (византийцы), как девственность («наши предки») и, наконец, как мистическая Церковь (Бухарев, Достоевский, Соловьёв и пр.). При этом византийская трактовка, несмотря на постоянное восхищение патристической мыслью, называется в данном случае несколько снисходительно «богословскими спекуляциями». Очевидно, византийскую трактовку Софии Флоренский отвергает как рассудочную, и всячески продвигает Софию во втором и третьем понимании, как Девство и как Церковь. Все эти три типа понимания, три аспекта Софии (сводимые им к вересозерцанию, надежде-чистоте и любви-единству), по Флоренскому, проявляются в разное время у разных людей, и только в Духе Святом объединяются в единое целое [11. С. 391]. Концепция Афанасия оказывается спекулятивно встроенной Флоренским в его собственную схему.

4

Итак, подведём итоги и обозначим отличия софиологии Флоренского от традиционного учения о Софии, которое мы находим у Афанасия Александрийского.

Во-первых, в отличие от Афанасия, Флоренский называет Софию «четвёртой ипостасью».

Во-вторых, Флоренский возводит Софию к Деве Марии (чего мы не находим у византийцев), а если быть точнее, зная мистические истоки размышлений Флоренского, к вечной женственности. Здесь просвечивает его соловьёвство, увлечение мистицизмом, а также Яков Бёме (которого он, впрочем, не цитирует явно). Роль Бёме в конструировании Флоренским его концепции Софии явно недооценена. Между тем ещё Николай Бердяев заметил, что у Бёме мы обнаруживаем «в сущности первое в истории христианской мысли учение о Софии» [9. С. 34]. Оно, по мнению Бердяева, совершенно уникально и не обнаруживает следов влияния какого-либо иного учения. София Бёме не имеет никакого отношения к Софии раннехристианского богословия, она понимается им «антропологически», как «Девство и Целомудрие» [27. С. 70–71], что гораздо ближе находится к софиологии Флоренского, чем учение о Софии Афанасия.

В-третьих, Флоренский заменяет интерпретационную концепцию Афанасия, которую можно обозначить как концепцию Софии-образа другой концепцией – концепцией Софии-ипостаси. При этом он как бы «исправляет» логику Афанасия, оказываясь в опасной близости от монофизитства, избежать которое ему помогает только искусственная ссылка на определения Халкидонского собора: «София <…> почти сливается со Словом и Духом и Отцом», но тут же добавляет в согласии с антиномичными определениями Халкидона, что в то же время «она есть совсем иное, нежели каждая из этих ипостасей» [11. С. 331]. Так что в определённом смысле мы можем говорить о ретроспективном способе рецепции ранневизантийского богословия у Павла Флоренского.

Наконец, в-четвёртых, мы могли бы задаться вопросом о соотношении тварной и нетварной Софии, а также об их соотношении со Христом-Логосом у Флоренского. Так он пишет, что София неединосущна другим лицам Троицы, поскольку она тварная, и определяет её как отдельную ипостась с собственной природой. Это значит, что Христос и София – это разные лица, отличающиеся природой, тогда как для Афанасия, как мы видели ранее, Христос и София это одно и то же лицо, и природой София отличается не как ипостась, а как образ. Именно в виду этих противоречий С. Булгакову, наследнику софиологии Флоренского, пришлось отказаться от ипостасности Софии [5. С. 33].

Таким образом, влияние Соловьёва на Флоренского было не таким значительным, как полагали исследователи. Гораздо большее влияние на него оказали немецкие мистики и, в частности, концепция Бёме. Также недооцененным оказалось византийское влияние, которое, однако, выражалось не в рецепции богословских идей, а в обращении к богословским формулам. Флоренский использует формулу Афанасия для подтверждения своей точки зрения на то, что София – это идеальное творение, божественное в земном, искра (аллюзия на Бёме). По сути, развивая метафизическую концепцию, он использует формулу византийца в своих целях, меняя её смысл, превращая тварную Софию в ипостасную, отличающуюся от Троицы только «рассудочно», а в глубинном религиозном сознании единую с ней, т.е. он как бы возвращает ей её божественный статус, но уже не как Логоса, а как отдельной «ипостаси», которая, впрочем, больше похожа на некую природу полу-божественного, полутварного характера, которая оборачивается то человеческой природой Христа, то Ангелом Хранителем, то Церковью, то Божьей Матерью, а то и вовсе абстрактными понятиями (напоминающими платоновские идеи) Девства, Радости и Красоты.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Предшественники Флоренского если и обращались к теме Софии, то лишь в контексте увлечения шеллингианством и платонизмом, понимая Софию как «Душу мира», не без привкуса мистицизма (см. нашу статью: [3. С. 156–157]; о русском контексте софиологии Флоренского см.: [4. С. 79–97].

[2] Интересно, что Синодальный перевод, следуя еврейскому оригиналу (יְהוָה, קָנָנִי), пытается избежать неудобного термина ἔκτισε (букв. «сотворил»), заменяя его более нейтральным «имел». Также в нём отсутствует имеющееся в Септуагинте выражение «εἰς ἔργα αὐτοῦ» («в дела Его»), на толкование которого Афанасий Великий тратит столько сил во «Втором слове против ариан».

[3] Мы цитируем это сочинение по изданию [13].

[4] Реинтерпретация происходит в рамках специфического герменевтического метода, которым пользовался Афанасий и который заключался в том, что слова Священного Писания не следует понимать буквально, но необходимо соотносить с тем откровением, которое в них содержится (см. о герменевтическом методе Афанасия в контексте «Второго слова против ариан»: [14. P. 228]; и более подробно в

[15. P. 135–230]). Этот герменевтический метод имел большое значение в ранневизантийском богословии, его использовали также и последователи Афанасия, например Григорий Назианзин (см.: [16. С. 55–88]).

[5] Любопытно, что когда эту притчу приводит Флоренский, он не только вписывает её в контекст своих софиологических размышлений, но и связывает с другим разделом своей «конкретной метафизики» – философией имени [11. С. 346–347].

[6] См. нашу статью: [17].

[7] Не даром Афанасий обрушивается на ариан, приписывая им учение о двух различных Софиях [15. P. 185–186].

[8] См., например, утверждения о. Сергия Булгакова о том, что Афанасий Великий говорит о двух Софиях – «извечной и тварной» [19. С. 281] (богословский анализ интерпретации Булгаковым учения Афанасия см.: [20]).

[9] У переводчика, например: «Поелику же в нас и во всех делах есть таковой отпечаток созданной премудрости, то истинная и зиждительная Премудрость, восприемля на Себя принадлежащее отпечатку Ея справедливо говорит о Себе…» [21. С. 364]. У Флоренского эта цитата присутствует в таком виде: «Так как в нас и во всех делах есть таковой отпечаток созданной Премудрости, то истинная и зиждительная Премудрость, восприемля на Себя принадлежащее Отпечатку Ея, говорит о Себе» [11. С. 344]. Таким образом, у Флоренского смысл предложения меняется: если у переводчика Афанасий говорит об одной Софии и о её образе в виде человеческой мудрости, то у Флоренского получаются уже две Премудрости: «созданная» и «истинная и зиждительная».

[10] См. обсуждения этой интерпретации слов Афанасия о Софии Булгаковым и его последователями: [22. С. 130–131]. Также разбор и анализ взглядов Булгакова см. в книге [23. С. 104–107].

[11] Любопытно, что в некоторых местах Флоренский сопоставляют Софию, вполне в платоническом (или, если угодно, шеллингианском) духе с мировой душой (см., например, [56. С. 254]).

[12] Характерно, что после этих утверждений следует пространная цитата из Владимира Соловьёва.

ЛИТЕРАТУРА

1. David Zd. The influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought // Slavic Review. 1962. Vol. 21, t. 1. P. 43–64.
2. Nemeth Th. The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics. Springer, 2014.
3. Мирошниченко Е.И. Путь постижения Истины: онтологическая гносеология П.А. Флоренского // Мирошниченко Е.И. История раннего платонизма в России. Статьи по истории русской философии. СПб., 2013. С. 145–170.
4. Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 79–97.
5. Павлюченков Н.Н. Идея Софии в трудах священника Павла Флоренского // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2015. Вып. 4 (60). С. 24–38.
6. Френч М. Лик Премудрости. Дилемма философии и перспектива софиологии. СПб., 2015.
7. Козырев А.П. Соловьёв и гностики. М., 2007.
8. De Courten M. History, Sophia and the Russian Nation. A Reassessment of Vladimir Solov'ev's Views on History and his Social Commitment. Bern : Peter Lang AG, 2004.
9. Бердяев Н. Из этюдов о Якове Бёме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине. Я. Бёме и русские софиологические течения // Путь. 1930. № 21. С. 34–62.
10. Evtuhov C. Sergei Bulgakov: A Study in Modernism and Society in Russia, 1900-1918: dissertation for the degree of Doctor of philosophy in History. Berkeley : University of California, 1991.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М., 1990. Т. I (1).
12. Бахарева Н.Н. Софийные мотивы в восточно-христианской художественной культуре IV – начала XV веков: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Н. Новгород, 2007.
13. Athanasius. Werke. Bd. I. Die Dogmatischen Schriften. Contra arianos oratio secunda. Berlin ; New York : De Gruyter, 1998.
14. Kannengiesser Ch. The Athanasian Understanding of Scripture // Interpretation. 1981. Vol. 35. P. 221–229.
15. Jones M.D. Hermeneutical Principles in Contra Arianos of Athanasius of Alexandria: dissertation for the degree of Doctor of Theology. University of South Africa, 2004.
16. Бирюков Д.С. Вера – язык: Юлиан и свт. Григорий Назианзин // Император Юлиан. Сочинения. СПб., 2007. С. 55–88.
17. Мирошниченко Е.И. Византийская концепция образа: между неоплатонизмом и богословием каппадокийских отцов // Идеи и идеалы. 2010. № 3, т. 2. С. 22–32.
18. Schönborn Ch. God's Human Face: The Christ-Icon. San-Francisco : Ignatius Press, 1994.
19. Булгаков С., прот. Купина Неопалимая. Париж, 1927.
20. Серафим (Соболев), архиеп. Новое учение о Софии Премудрости Божией. София, 1935.
21. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. Т. 2. С. 260–368.
22. Братство святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939. Протоколы семинаров о Софии, Премудрости Божией. Москва ; Париж, 2000. С. 130–131.
23. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М., 2011. С. 104–107.
24. Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. М., 2000. Т. 3 (2).
25. Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. М., 1982. Т. 1.
26. Фокин И.Л. Philosophus Teutonicus. Якоб Бёме: возвещение и путь немецкого идеализма. СПб., 2014.
27. Фокин И.Л. Учение Бёме о происхождении и назначении человека // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 65–74.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 марта 2019 г.

Sophia-Image vs. Sophia-Hypostasis: The Features of Reception of the Wisdom of God Concept by Athanasius of Alexandria in the Sophiology of Pavel Florensky

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 98–105.
DOI: 10.17223/15617793/441/13

Evgeniy I. Miroshnichenko, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

Keywords: Sophia the Wisdom of God; early Byzantine theology; Athanasius of Alexandria; Pavel Florensky; Russian religious philosophy; Byzantine theory of image.

The article considers the problem of Athanasius' concept of Wisdom reception by Pavel Florensky. Athanasius formulated this concept in connection with the reinterpretation of *Proverbs 8:22–30:* "The Lord possessed me at the beginning of His way, before His works of old. I have been established from everlasting, from the beginning, before there was ever an earth. <. . .> When He pre-

pared the heavens, I was there <. . .>. When He marked out the foundations of the earth, then I was beside Him as a master craftsman; and I was daily His delight, Rejoicing always before Him". Athanasius reinterpreted Wisdom, which speaks in this fragment, as Logos, Son of God, by whom God the Father created the whole world. Florensky (as well as some other authors of Vladimir Solovyov's circle) has a different understanding of Sophia, although he continues to refer to Athanasius' texts. That is why most researchers have concluded that Florensky depended on Solovyov's sophiology. This problem is solved on the material of the texts, which Athanasius and Florensky devoted to this issue (i.e. *The Word Against Arians* by Athanasius and the chapter "Sophia" from Florensky's book *The Pillar and Affirmation of the Truth*). These texts are investigated using comparative, historical, hermeneutic, typological and phenomenological methods. First of all, the author studies the concept of Sophia by Athanasius of Alexandria, then reconstructs the concept of Sophia by Pavel Florensky. In particular, the author not only reconstructs the content, but also establishes the way Florensky works with the text of Athanasius. Finally, the author compares Athanasius' and Florensky's approaches to the issue of Sophia and discovers that the latter ignores the concept of the image in Athanasius' theory. Florensky does not interpret Sophia as Logos, whose image the Wisdom of *Proverbs 8:22* in Athanasius is, but as Virgin and virginity (which brings him much closer to Jakob Boehme than to Athanasius). Separating Wisdom from Logos, Florensky endows Her with hypostaticity, which leads him to a separation from the early Byzantine Orthodox tradition of the Wisdom concept interpretation. Thus, Florensky does not perceive the content of Athanasius' thoughts, but only uses his formulas, citing *The Second Word against the Arians* for his own purposes, namely, to construct his concrete metaphysics. However, with this usage, Athanasius' idea of the image ceased being necessary in Florensky's sophiology and is substituted by the idea of a created hypostasis. Thus, the influence of Solovyov on Florensky was not as significant as some researchers believed. German mystics, especially Boehme's concept, had a much greater influence on him. Also the Byzantine influence appears underestimated, which however was expressed in the appeal to theological formulas rather than in the reception of theological ideas.

REFERENCES

1. David, Zd. (1962) The influence of Jacob Boehme on Russian Religious Thought. *Slavic Review*. 21 (1). pp. 43–64.

2. Nemeth, Th. (2014) *The Early Solov'ev and His Quest for Metaphysics*. Springer.

3. Miroshnichenko, E.I. (2013) *Istoriya rannego platonizma v Rossii. Stat'i po istorii russkoy filosofii* [The history of early Platonism in Russia. Articles on the history of Russian philosophy]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 145–170.

4. Bonetskaya, N.K. (1995) Russkaya sofiologiya i antroposofiya [Russian sophiology and anthroposophy]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 79–97.

5. Pavlyuchenkov, N.N. (2015) The Idea of Sophia in the Priest Pavel Florensky's Works. Vestnik *PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya – St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy*. 4 (60). pp. 24–38. (In Russian). DOI: 10.15382/sturI201560.24-38

6. French, M. (2015) *Lik Premudrosti. Dilemma filosofii i perspektiva sofiologii* [Face of Wisdom. The dilemma of philosophy and the perspective of sophiology]. St. Petersburg: Rostok.

7. Kozyrev, A.P. (2007) *Solov'ev i gnostiki* [Solovyov and Gnostics]. Moscow: Izd. Savin S.A.

8. De Courten, M. (2004) *History, Sophia and the Russian Nation. A Reassessment of Vladimir Solov'ev's Views on History and his Social Commitment*. Bern: Peter Lang AG.

9. Berdyaev, N. (1930) Iz etyudov o Yakove Beme. Etyud II. Uchenie o Sofii i androgine. Ya. Beme i russkie sofiologicheskie techeniya [From etudes about Jacob Böhm. Etude II. The doctrine of Sophia and androgyne. J. Böhme and the Russian Sophiological Movement]. *Put'*. 21. pp. 34–62.

10. Evtuhov, C. (1991) *Sergei Bulgakov: A Study in Modernism and Society in Russia, 1900-1918*: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in History. Berkeley: University of California.

11. Florenskiy, P.A. (1990) *Stolp i utverzhdenie Istiny* [A pillar and affirmation of Truth]. Vol. 1 (1). Moscow: Pravda.

12. Bakhareva, N.N. (2007) *Sofiynye motivy v vostochno-khristianskoy khudozhestvennoy kul'ture IV – nachala XV vekov* [Sophia motifs in Eastern Christian artistic culture of the 4th – early 15th centuries]. Philosophy Cand. Diss. N. Novgorod.

13. Athanasius. (1998) *Werke*. Bd. I. Berlin; New York: De Gruyter.

14. Kannengiesser, Ch. (1981) The Athanasian Understanding of Scripture. *Interpretation*. 35. pp. 221–229.

15. Jones, M.D. (2004) *Hermeneutical Principles in Contra Arianos of Athanasius of Alexandria*: dissertation for the degree of Doctor of Theology. University of South Africa.

16. Biryukov, D.S. (2007) Vera – yazyk: Yulian i svt. Grigoriy Nazianzin [Faith – language: Julian and St. Gregory Nazianzen]. In: Emperor Julian. *Sochineniya* [Writings]. Translated from Old Greek by T.G. Sidash. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

17. Miroshnichenko, E.I. (2010) The Byzantine concept of the image: Between the neo-Platonic philosophy and the theology of Cappadocian Fathers. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3 (2). pp. 22–32. (In Russian).

18. Schönborn, Ch. (1994) *God's Human Face: The Christ-Icon*. San-Francisco: Ignatius Press.

19. Bulgakov, S. (1927) *Kupina Neopalimaya* [The burning bush]. Paris: YMCA-PRESS.

20. Archbishop Serafim (Sobolev). (1935) *Novoe uchenie o Sofii Premudrosti Bozhiey* [The new doctrine of Sophia the Wisdom of God]. Sofia: Tipografiya Rakhvira.

21. Athanasius the Great. (1902) *Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Afanasiya Velikogo, arkhiepiskopa Aleksandriyskogo* [Works by Athanasius the Great, Archbishop of Alexandria]. Vol. 2. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra: Sobstvennaya Tipografiya. pp. 260–368.

22. Struve, N.A. (ed.) (2000) *Bratstvo svyatoy Sofii. Materialy i dokumenty. 1923–1939. Protokoly seminarov o Sofii, Premudrosti Bozhiey* [Brotherhood of St. Sophia. Materials and documents. 1923–1939. Minutes of the seminars on Sophia, the Wisdom of God]. Moscow; Paris: Russkiy put'; YMCA-Press. pp. 130–131.

23. Vaganova, N.A. (2011) *Sofiologiya protoiereya Sergiya Bulgakova* [Sophiology of Archpriest Sergius Bulgakov]. Moscow: St. Tikhon's University. pp. 104–107.

24. Florenskiy, P.A. (2000) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3 (2). Moscow: Mysl'.

25. Leibniz, G.W. (1982) Monadologiya [Monadology]. In: Bykhovskiy, B.E. et al. (eds) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

26. Fokin, I.L. (2014) *Philosophus Teutonicus. Yakob Beme: vozveshchenie i put' nemetskogo idealizma* [Philosophus teutonicus. Jacob Boehme: the proclamation and the path of German idealism]. St. Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta.

27. Fokin, I.L. (2010) Boehme's theory on the origin and destiny of man. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 1. pp. 65–74.

Received: 12 March 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 106–112. DOI: 10.17223/15617793/441/14

УДК 7.01

И.М. Суворова

ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЗАЦИИ БЕЗОБРАЗНОГО В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

Исследуется специфика восприятия эстетизированного безобразного в природе, искусстве и обществе на основе трудов классиков эстетики и современных ученых. В качестве методологии использован комплексный подход на основе культурологического, герменевтического и психологического анализа материала. Результатом стал сравнительный анализ суждений классиков эстетики и современных школьников относительно сущности безобразного и степени необходимости его эстетизации в искусстве.

Ключевые слова: история философии; эстетизация безобразного; искусство; современный школьник; восприятие; педагогика; диалог; ценность и антиценность.

Введение и постановка проблемы

Проблема эстетизации безобразного является традиционно полемичной для специалистов: художников, философов, искусствоведов и культурологов. Однако детский взгляд на эту проблему представляет особый интерес, так как неподкупность и непосредственность детского восприятия аналогична резонансу пифагорейской арфы, которая способна искренне отзываться на яркие звуковые колебания. В педагогике изучение специфики эстетического восприятия традиционно сводится к анализу воспринимаемых прекрасных, возвышенных, героических и романтических объектов и явлений. Таким образом, за гранью исследовательского интереса остаются ценностные антиподы названных эстетических категорий: безобразное, ужасное и низменное. Однако в реальной жизни ребенок сталкивается со всем эстетическим многообразием, что позволяет ему вырабатывать свое отношение как к эстетическим ценностям, так и антиценностям. Это обстоятельство предполагает, что для изучения специфики детского восприятия эстетических антиценностей необходима консолидация усилий теоретиков и практиков на уровне интеграции эстетики, психологии и педагогики.

В свою очередь данная задача осложняется целым рядом существующих проблем. Во-первых, в истории эстетики, по признанию современного философа С.А. Лишаева, очень часто «эстетический феномен безобразного и низменного рассматривался как дополнение и фон для истолкования прекрасного и возвышенного» [1. С. 209]. Во-вторых, обнаруживается определенный исследовательский «вакуум» в этой проблематике и со времен К. Розенкранца и его «Эстетики безобразного» (1853) никаких специальных фундаментальных трудов не появилось. В-третьих, с психологической точки зрения человеку свойственно дистанцироваться от неприятных моментов в своей жизни, которые неизменно сопровождают безобразное и низменное, а потому педагогу привычнее анализировать с учениками прекрасное и возвышенное, которое доставляет не только эстетическое наслаждение, но и приносит психическое удовлетворение.

Безусловно, анализ эстетических антиценностей является определенным риском в педагогической стратегии и тактике, и потому многие учителя образовательной области «Искусство» стараются избегать такого рискованного опыта. Однако в условиях современного информационного общества и глобализирующегося мира ученики вольно или невольно сталкиваются с эстетическим многообразием, и задачей учителя является подготовка детского сознания для адекватного анализа и выработки собственного мнения по поводу эстетической ценности и антиценности объектов и явлений. Для решения данной практической задачи необходим предметный анализ эстетических, психологических и педагогических источников, который позволит соотнести детское видение проблемы эстетизации безобразного с имеющимися научными концепциями и педагогическими взглядами на проблему. Таким образом, целью данного исследования является сравнительный анализ профессиональных оценок безобразного, ужасного и низменного как явлений природы, общества, искусства с суждениями современных школьников на основе эмпирического опыта, организованного по методике Сократовского диалога. Для реализации заявленной цели в исследовании применяются культурологический, психологический, феноменологический и герменевтический подходы.

Анализ методологических подходов к решению проблемы

С культурологической точки зрения по теории Ю.М. Лотмана феномены безобразного и низменного в культуре можно соотнести с «механизмом для выработки неопределенности», который создает «резерв внутренней вариативности для функционирования культуры как сложной системы» [2. С. 125]. В рамках проблемы динамического развития культуры пристальный интерес к эстетическим антиценностям был характерен для переходных периодов, «во времена резких сдвигов в общественной и культурной жизни Европы (поздняя античность, маньеризм, барокко, романтизм, модерн, постмодерн)» [1. С. 208], что свидетельствует об определенной ценностной антинормативности, так как именно в это время происходили системные переоценки ценностей. Современный период развития культуры может быть также охарактеризован как переходный с точки зрения процессов глобализации, «сдвигающих» культурный пласт ин-

дустриального общества. Поэтому проблема эстетизации безобразного, ужасного и низменного становится по-новому актуальной уже в формате исследования информационного общества с точки зрении современной эстетики.

Самые выразительные, с точки зрения эстетиков, примеры безобразного и низменного встречаются в современном искусстве, которое «…миметичность заменило прямым воспроизведением известной повседневности, в неожиданной подаче которой должно проступать ее новое понимание. Сделанное остается искусством, поскольку представляет до некоторой степени нестандартный взгляд на мир, не данный заранее набор значений, вызывающих чаще чрезмерную эмоциональную реакцию» [3. С. 182]. Такая «нестандартность» и расчет на чрезмерную эмоциональность являются достаточно привлекательными для любопытного детского взгляда, а потому оказываются в центре внимания современного школьника. И если учесть, что «человек действует, воспринимает и мыслит по определенным культурным образцам (типам, схемам, моделям, паттернам и т.п.), с которыми всегда сравнивает реальное положение вещей и в соответствии с которыми стремится преобразовать эту реальность» [4], то становится важным определить сущность и смысл современной художественной реальности. Тем более что «в философии и психологии восприятия существуют давние дискуссии о различении визуального от концептуального содержания восприятия искусства» [5]. Само название формы современного искусства – «арт-практика» – свидетельствует о некой «приземленности» этого искусства, о балансировании на грани духовное–практическое, что нацеливает ищущий взор на «отделение зерен от плевел» – художественного от повседневного. И хотя искусство постмодерна отказалось от базовых эстетических ценностей, необходимость совершенства формы осталась актуальной, и в случае с безобразным в современных арт-практиках оно «строится по законам выразительной конструктивной формы, деконструкция становится устойчивой, тщательно просчитанной конструкцией» [3. С. 183], а сам творческий процесс сводится к определенной «перестановке» привычных вещей, фрагментов, явлений. Психолог Е. Морозова видит в современных арт-практиках, содержащих феномен безобразного, ужасного и низменного, определенного рода провокацию, которая определяется как «акция вызова гнева, умышленного подстрекательства и связывается в общественном сознании с конфликтом, противостоянием, нападением, обманом, насилием, шоком и т.д.» [6. С. 186]. Более того, автор настаивает на универсальности художественной провокации относительно возраста и пола. И если учесть, что в школьном возрасте ребенок переживает несколько кризисных периодов, то получается, что он подвержен такой провокации, которая для него может выглядеть как игра с высокой степенью эмоциональной вовлеченности.

По мнению М.В. Коваль, «безобразное является воплощением зла и недостойно сопереживания, восприятие учащимися несправедливости, жестокого поступка на картине, конечно же, вызовет у него отрицательные эмоции, но сам способ художественного выражения в передаче отрицательных черт может вызвать чувство восторга. Данное противоречие объясняется тем, что мы можем воспринимать не только содержательную сторону произведения, идею и замысел автора, но и способ передачи и организации содержания» [7]. В свою очередь И.Н. Титаренко предупреждает, «что современное искусство далеко не всегда изображает безобразное в целях его преодоления прекрасной художественной формой. Явления современной художественной жизни (смакование натуралистических сцен, нарко-сексуального бреда, анатомических мерзостей, физического уродства, абсурдных отношений между людьми, образов насилия, садизма и мазохизма) выступают свидетельством безобразной действительности, перед которой художественная форма оказывается бессильной. Значение безобразного крайне велико в сюрреализме, экспрессионизме, театре абсурда, “боди-арте”, в современном кинематографе с его бесчисленными сценами жестокости и насилия» [8]. Многие произведения современного искусства, изображающие безобразное во всей натуралистической наготе, направлены не на превращение его в объект, доставляющий эстетическое наслаждение в духе Аристотеля или Канта, а, по мнению В.В. Бычкова, «на возбуждение негативных эмоций протеста, отвращения, брезгливости вплоть до страха, ужаса, шокового состояния» [9. С. 63]. Помимо этого, безобразное в искусстве может иметь и другое проявление: выражать невольное или умышленное нарушение законов творчества, ведущее к разрушению художественного образа. Сюда относятся как неумение художника творить по законам красоты (отсутствие мастерства, навыка), так и искажение норм творчества в угоду ложной оригинальности и моде, что приводит к формализму, к утрате истинного смысла искусства» [8].

Зарубежные ученые [10, 11] обратили внимание на такую уникальную форму безобразного в современном искусстве, как аутоагрессия – художественная провокация, направленная на тело самого художника. И если для взрослого восприятия подобный акт выглядит как «прорыв традиций» или эпатаж благопристойной публики, то для детского восприятия он оказывается шоком, провоцирующим смещение теперь уже не только эстетических, но и этических представлений об искусстве, художнике и мире. «Так парадоксально распорядилась история: в искусстве стали работать не люди, владеющие комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, а люди, руководствующиеся спонтанными эмоциями и анархически понятой свободой, произошло «перемещение сознания, культуры с целостного мировоззрения к отказу от ценностного миропонимания, господству индивидуализма, который довел сознание общества до нарцисстического эгоцентризма и тотального релятивизма» [12].

Материалы и методы исследования

Таким образом, в анализе проблемы детского восприятия безобразного мы пришли к необходимости ее

связи с этикой, а конкретно – к обнаружению неразрешимого противоречия между неизбежностью восприятия и этической антинормативностью этого феномена. Это противоречие Р. Бэнем в книге «Новый брутализм. Этика или эстетика?» [13] по-кантовски называет антиномией, которую не может решить современная эстетика. Именно в этой ситуации учитель может «приподнять» своего ученика над художественной «обыденностью» безобразного, выйдя на философскую позицию герменевтической трактовки данного феномена в искусстве. Известно, что «герменевтический подход позволяет синергетически связать воспитательные возможности философии и искусства» [14. С. 20], что особенно позитивно влияет на личностное развитие учеников, так как помогает соотнести собственные эмоции учащихся, рождающиеся под влиянием восприятия искусства, с обобщенной нравственно-психологической и эстетической оценкой явлений жизни. Необходимо помнить, что на эстетическое восприятие школьников влияет много факторов; как выяснила Е.В. Савелова, это «характер ребенка, индивидуальные особенности психики, установка на активное общение с искусством (или неразвитость этой установки), общий культурный уровень и мировоззрение, собственный эмоционально-эстетический опыт, зависимость от мнения родителей, сверстников, СМИ и интернета» [15. С. 82]. Помимо этого у современных подростков исследователи отмечают «…ощущение неопределенности, растерянности перед завтрашним днем, неясность жизненных ориентиров способствуют формированию тревожности у подростков, что негативно влияет на эффективность их обучения, воспитания, взаимодействия с людьми и развития личности в целом» [16. С. 200].

Однако, по словам И.В. Гете, в искусстве зритель легче воспринимает «что», а не «как», и для педагога очевиден выход из ситуации в виде организации творческой познавательной активности учеников, которая включает не только эмоциональное переживание, но и освоение специфического образного языка искусства и формирование эстетической оценки и суждения на понятийном уровне. Для организации подобной деятельности педагогу необходимо создать атмосферу открытости, помогающей ученику войти в герменевтический круг произведения. Ведь не секрет, что современные ученики (чаще старшеклассники) подвержены депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различным формам беспомощности и зависимости, склонности к эскапизму, что в условиях ценностного плюрализма современного общества предполагает особый педагогический подход на уровне диалога учителя с ребенком и ребенка с произведением искусства. Только диалог при восприятии безобразного в произведении искусства способен активизировать процессы познания и самопознания, а также ценностного самоопределения.

Именно такой диалог был организован для старшеклассников на заседании Сократовского клуба Петрозаводского государственного университета под названием «Берегитесь злой красоты!» (З. Гиппиус). Целью данного занятия был анализ и обсуждение феномена эстетизации безобразных явлений окружающей действительности в разных видах искусства: живописи, фотографии, литературе, кино. В качестве эпиграфа для создания определенной эстетической дисгармонии (актуализации темы) было выбрано цитирование стихотворения З. Гиппиус под музыку Лунной сонаты Бетховена с демонстрацией фотографий ужасных и безобразных явлений природы и социума.

Необходимо отметить, что большинство старшеклассников заявили о несоответствии содержания зрительного и музыкального рядов и сформулировали мысль о том, что художники изображают в своих произведениях не только красивое и прекрасное, но и ужасное, безобразное, низменное (то, что З. Гиппиус назвала «злой красотой»). Почему же поэтесса призывала «бояться злой красоты»? Чтобы ответить на этот вопрос, все старшеклассники для участия в игровой форме PRO ET CONTRA разделились на три группы: ареопаг, сторонников и противников злой красоты.

Каждая группа (защитников и противников эстетизации безобразного в искусстве) анализировала следующие материалы: тему нашествия из Ленинградской симфонии Д. Шостаковича (звуковой файл), репродукцию картины В. Верещагина «Апофеоз войны», репродукцию картины И. Босха «7 смертных грехов», репродукцию картины С. Дали «Мягкая конструкция с вареными бобами (предчувствие Гражданской войны)», репродукцию картины П. Брейгеля «Слепые», стихотворение З. Гиппиус «Все кругом», фото города после атомной бомбежки, фото уродливых животных после техногенной катастрофы, фото голодающих детей, фото обложки журнала – кич. Участники групп не только эмоционально обсуждали предоставленные материалы, но и выдвигали аргументы в защиту своей позиции: за или против злой красоты, а представители ареопага оценивали весомость аргументов каждой стороны и выносили свое взвешенное решение на основании протокола заседания.

Результаты исследования

Результатом эмпирического исследования стал сравнительный анализ эстетических суждений о безобразном, ужасном и низменном в искусстве у классиков эстетики и в восприятии современных старшеклассников.

Итак, группа PRO предложила в защиту эстетизации безобразного следующий аргумент: «Обращая внимание на уродство в нашей жизни, которое изобразил художник, люди могут сподвигнуться на добрые поступки во благо мира и добра». Таким же правомерным и закономерным изображение безобразного в искусстве считали классики эстетики, но в определенной мере. Согласно Канту, развивавшему мысль Аристотеля, искусство «прекрасно описывает вещи, которые в природе безобразны или отвратительны» [17. С. 300], т.е. за счет художественности изображения превращает безобразное природы в эстетический объект, доставляющий удовольствие, фактически снимает безобразное, преобразует его в прекрасное. Кроме того, по мысли Аристотеля, безобразное в искусстве не доставляет реального страдания (в отличие от действи-

тельности) и в области драматического искусства вызывает смех (в комедии) или способствует самоотрицанию (в трагедии). Таким образом, обнаруживается определенное совпадение мнений классиков и участников спора в защиту эстетизации безобразного.

Первый аргумент группы CONTRA сводился к тому, что «восприятие безобразного, ужасного и неизменного опасно для самого человека». С точки зрения классической эстетики безобразное в природе, так же, как и в искусстве, по своей эстетической направленности противоположно прекрасному и обозначает полное отсутствие соразмерности, симметрии, совершенства природного объекта, т.е. «включает в себя качественный диссонанс» [18]. Восприятие такого безобразного объекта неприятно для человека, что вызывает отрицательные эстетические эмоции. Безобразными выглядят трупы животных и людей, разлагающиеся водоросли и гниющие стволы деревьев, т.е. все, что связано со смертью живого организма и с потерей формы. Как пишет Лишаев, «в бесформенности разлагающегося проступает что-то Другое, чуждое оформленности существования» [1. С. 223]. Таким образом, человек ощущает приближение Не-бытия в безобразном феномене, что его страшит и отталкивает.

Тем не менее безобразное в природе не представляет серьезной опасности для человека, так как заключенные в этих объектах силы освоены человеком и подчинены ему. Но до XX в. эти безобразные явления в природе были в меньшинстве по сравнению с прекрасными явлениями и не представляли такой опасности, какая появилась в прошлом веке. Сегодня безобразными выглядят последствия экологических и военных катастроф, которые ассоциируются с Небытием и противопоставляются Бытию как естественному мироощущению.

Аналогичными данной оценке выглядят выводы группы старшеклассников CONTRA: «Люди помогают животным в зонах техногенных катастроф, но все знают, что эту трагедию создали сами люди, а это подло и низко». Таким образом, старшеклассники связали эстетические оценки безобразных явлений с этическими оценками. Действительно, крайней степенью безобразного в природе является низменное – негативная эстетическая оценка, которой характеризуются еще неосвоенные и неподчиненные человеку явления. «Чуждайтесь низкого – оно всегда уродливо», – предупреждал об угрозе низменного Никола Буало еще в XVIII в., в XIX в. Карл Розенкранц утверждал: «Уродливое само по себе тождественно злу». Эти слова не только чисто внешне определяют низменные объекты, но и связывают низменное с уродливым как крайним проявлением некрасивости и особенности объекта.

Как отмечает М.А. Шкепу, в живой и неживой природе не так уж часто встречаются откровенно уродливые и низменные объекты [19. С. 264]. С точки зрения классической эстетики изображение низменного и безобразного в искусстве «не само сущее», т.е. «вторичное бытие, которое разрушает прекрасное». Таким образом, совпадают детские и философские оценки восприятия безобразного в искусстве как опасного для человека и его жизни.

Вторым аргументом группы PRO (за эстетизацию безобразного в искусстве) было признание права художника на индивидуальность в выражении своих чувств: «Безобразное и ужасное в жизни вдохновляет художника, и он своеобразно отражает увиденное на полотне». С эстетической точки зрения, безусловно, каждый автор обладает индивидуальным стилем, и выразительные объекты и явления вдохновляют его на творчество, но в любом случае речь идет о степени социальной ответственности за демонстрацию образа ужасного или низменного перед публикой. И в данном случае речь уже идет о целесообразности создания и показа такого образа, если он вызывает у зрителя только отвращение или только страх. Имеет ли право художник манипулировать исключительно негативными эмоциями человека, не побуждая его к осмыслению феномена безобразного и не вкладывая глубинного смысла в образ? Наверное, поэтому так немного мастеров эстетизации безобразного в мире искусства, поскольку решиться на этот ответственный шаг смогли только настоящие художники-философы (И. Босх, П. Брейгель, Ф. Гойя, Д. Шостакович, С. Дали).

Очередным аргументом группы CONTRA (против эстетизации безобразного в искусстве) стал вывод о беспомощности человека перед безобразным. Это может быть такое природное явление, которое никак не сможет контролироваться людьми, а господствует над ними, вызывая ужас. И если трагическое величественно, оно возвышает человека – ставит его ответственным господином обстоятельств, то в ужасном, напротив, человек – раб обстоятельств, не способный ориентироваться в этом мире. «Страх, всегда связанный с эмпирической опасностью, нужно отличать от ужаса, который не связан с эмпирической опасностью, а с трансцендентным, с тоской бытия и небытия. Тоска и ужас имеют родство. Но ужас гораздо острее, в ужасе есть что-то поражающее человека» [20. С. 45]. Таким образом, ужасное, как эстетическая характеристика современной природы, из единичных фактов может стать всеобщей характеристикой, которая уничтожит не только человека, но и поставит под угрозу само бытие на Земле.

Не только в природе, но и в современном обществе безобразными эстетическими качествами в значительной мере обладают многие явления общественного сознания. Человечество не владеет собственными общественными отношениями. Это таит в себе источник бедствий и воспринимается как низменное: милитаризм, тоталитаризм, тирания. И в данном случае мнение старшеклассников относительно оценки феномена безобразного созвучно словам немецкого философа И. Канта: «Безобразное – это сфера абсолютной несвободы человека…» [17. С. 301]. Таким образом, участники Сократовского клуба ответили на поставленный в начале заседания вопрос следующим образом: «З. Гиппиус призывает бояться “злой красоты”, так как она лишает человека свободы, а без свободы человек перестает быть таковым».

В ходе заседания Сократовского клуба участники полемики особенно отметили проявление безобразного и низменного в современной массовой культуре. Анализируя массовую культуру, ученики указали на

такое специфическое явление, как китч или «глянец». По их мнению, китч сегодня заполонил все эстетическое пространство культуры и именно китч агрессивно навязывает современной молодежи свои эстетические нормы.

С точки зрения эстетики китч относится к самым низким пластам массовой культуры и является стереотипным псевдоискусством, лишенным художественно-эстетической ценности. Именно китч в современной эстетической картине мира выражает модификацию низменного и безобразного одновременно, являясь категорией тривиального (т.е. элементарного, банального, общедоступного). Данное явление проявляется прежде всего как оформительский элемент журналов с их безвкусными, но красочными обложками, в комиксах, интернете, кино-, видео-, телепродукции, рэп-баттлах, эстетизирующих ненормативную лексику. В современной картине мира китч рассчитывает на обыденное сознание и стирает границы эстетических ценностей в искусстве и других сферах жизни, что объединяет его с категорией безобразного, выражающей негативную эстетическую ценность «искусства развлекательного, «антиусталости», особого рода субкультуры. Отождествляясь с терминами «эрзац» и «псевдоискусство» низкого уровня, отличающийся пошлостью и подделкой под настоящие его образцы, китч приобрел негативное значение символа современной эпохи» [21. С. 259].

Однако, как полагает зарубежный исследователь К. Гринберг, «человеку надо питать к настоящей культуре истинную страсть, которая даст ему силу противостоять подделкам, окружающим его и давящим на него с того самого момента, как он становится достаточно взрослым, чтобы рассматривать забавные картинки» [22]. Вероятно, задачей педагога образовательной области «Искусство» должна быть необходимость и возможность приобщения современного ученика к настоящей культуре, а не к подделкам китчевой «красивости» во всех ее проявлениях, в том числе и в знаковой форме.

В рамках постнеклассической эстетики Т. Адорно в работе «Эстетическая теория» (1970) отмечал, что в классическом искусстве (от Античности до XX в.) в целом прослеживается диалектика прекрасного и безобразного [23], создание гармонии на основе динамического единства диссонансов, а в XX в. вес безобразного в искусстве значительно увеличивается, и оно переходит в новое эстетическое качество. Причины этого Адорно видит в бездумном развитии техники, основанном на насилии над природой и человеком. С философской точки зрения безобразное в искусстве, опираясь на ницшеанское, бергсоновское, фрейдистское учение, ориентируется на эстетическое удовольствие и непосредственную натуральность. Экспрессивно-натуралистические сцены и образы насилия, жестокости, садизма и мазохизма в современных «произведениях искусства» направлены на возбуждение негативных эмоций протеста, отвращения, брезгливости, страха, ужаса, шока. Таким образом, безобразное абсолютизируется в современной культуре и включается в один ряд и на равных условиях со всеми остальными эстетическими феноменами бытия-сознания (как китчевые художники-фигуративисты во главе с норвежским Оддом Нердрумом вошли в один ряд с художниками предыдущих эпох и стилей). Можно отметить, что детская оценка эстетизации безобразного в современной жизни созвучна философской, что свидетельствует об обостренной эстетической чуткости этого возраста.

Логичным финалом Сократовской полемики (после того как ареопаг объявил ничью в групповой игре) стало написание индивидуального философского эссе по обсужденной теме с использованием цитат философов. Оригинально выглядят фрагменты некоторых работ старшеклассников:

«Понятие “злая красота” довольно разнообразное, оно может быть устрашающим, но в то же время может чему-нибудь научить. Бояться ее можно из-за того, что ужасное может произойти с любым из нас. В то же время злую красоту можно воспринимать как какую-либо мысль, высказанную художником, фотографом, композитором, архитектором. Из этой мысли можно что-то извлечь, осознать, пробудить себя к какой-то деятельности» (С. София).

«Картины ужаса вызывают отвращение, давят на психику, сжигают изнутри, иногда даже рушат наш маленький мирок, который мы создали. В итоге, если взвесить все за и против, можно убедиться, что нам стоит оберегаться злой красоты» (Х. Александра).

«Я считаю, что можно ограждать себя от воздействия злой красоты, чтобы не оказаться в ее плену, не ограничить свою свободу, но иногда прибегать к ней. Злая красота в первую очередь красота, со своими особенностями и идеями, а уже потом страх и ужас. Но человеку с тривиальными мыслями этого не понять, нужно уметь думать. А с помощью злой красоты можно научиться думать, развивать вкус и мышление» (К. Софья).

Обсуждение и заключение

Таким образом, острая и плодотворная полемика в Сократовском клубе побудила ее участников к созданию интересных и ярких философских эссе. Сравнительный анализ эстетических суждений эстетиков и школьников относительно проблемы эстетизации безобразного в искусстве показал, что по основным вопросам их позиции совпадают, что свидетельствует о человеческой солидарности в эстетическом восприятии, несмотря на возраст, опыт, эпоху и «однозначную тенденцию искусства к временной изменчивости» [24]. Как пишет современный исследователь, «лучшее объяснение нашей тенденции спорить об искусстве, это то, что мы неявно верим в объективные факты об эстетическом восприятии» [25]. Восприятие безобразного, ужасного и низменного сопряжено с необычной ситуацией, что делает человека онтолого-эстетически заинтересованным, поэтому не оставляет никого равнодушным, освобождает чувственность от ангажированности внешними прагматическими целями. Но так же как человек онтолого-эстетически заинтересован в подобном переживании, он естественным образом заинтересован и в прекращении этого переживания, как перспективе Небытия. Чтобы помочь осознать эту

философскую истину детям, учитель сам должен уметь «подняться» над обыденностью в осмыслении феномена безобразного и только потом конструировать диалог с учениками по этой сложной теме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лишаев С.А. Эстетика Другого. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. 308 с.
2. Лотман Ю.М.Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272с.
3. Лисовец И.М. Эстетика и искусство: возможности традиционного анализа нетрадиционной художественности? // Эстетика в XXI веке: вызов традиции? СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 178–186.
4. Ячин С.Е. Критика аксиологического разума // Вопросы философии. 2017. № 8 URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1728&Itemid=52 (дата обращения: 12.04.2018).
5. Mitrović B. Visuality and Aesthetic Formalism // The British Journal of Aesthetics. 2018. № 3.
6. Морозова Е.А. Психологические проблемы художественной провокации: акмеологический аспект // Эстетика в XXI веке: вызов традиции? СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 186–202.
7. Коваль М.В. Восприятие художественных произведений искусства через призму эстетических категорий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-hudozhestvennyh-proizvedeniy-iskusstva-cherez-prizmu-esteticheskih-kategoriy (дата обращения: 12.04.2018).
8. Титаренко И.Н. Эстетика. Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. 225 с. URL: http://textb.net/14/12.html (дата обращения: 12.04.2018).
9. Бычков В.В. Феномен неклассического эстетического сознания // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 61–71.
10. Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М. : Художественный журнал, 1999. 208 с.
11. Vergine L. Il corpo come linguaggio (La "Body-art" e storie simili). Milano, 1974. 40 p.
12. Яковлев Е.Г. Проблема эстетического взаимодействия: профессионал, маргинал, аутсайдер. URL: http://www.medpsy.ru/inye/inye022.php (дата обращения: 12.04.2018).
13. Бэнем Р. Новый брутализм. Этика или эстетика? М. : Стройиздат, 1973. 199 с.
14. Беляева Л.А., Чугаева И.Г. Философия и искусство как средство гармоничного развития эмоционально-чувственного и рационального мышления школьников // Философия – детям. Эмоциональное и рациональное : материалы 7 Междунар. конф. М. ; СПб., 2016. 140 с.
15. Савелова Е.В. Эстетическое восприятие и проблемы его формирования // Философия-детям. Интеллект и творчество : материалы 5 Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. 151 с.
16. Васюра С.А., Иоголевич Н.И. Временная трансспектива школьников подросткового возраста как психолого-педагогическая проблема // Интеграция образования. 2017. № 2. С. 199–217.
17. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 5: Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994. 414 с.
18. Portales C. Objective Beauty and Subjective Dissent in Leibniz's Aesthetics // The Central European Journal of Aesthetics. 2018. № 1. URL: https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=441 (дата обращения: 12.04.2018).
19. Шкепу М.А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца. М. : Феникс, 2010. 448с.
20. Бердяев Н. Самопознание. М. : Международные отношения, 1990. 336 с.
21. Поляков А.Ф. Духовно-нравственный потенциал китча в контексте современности // Вестник КрасГАУ. 2011. № 8. С. 59–65.
22. Greenberg K. Avant-garde and kitsch. 1955. URL: http://www.sharecom.ca/greenberg/kitsch.html (дата обращения: 12.04.2018).
23. Адорно Т. Эстетическая теория. М. : Республика, 2001. 527 с.
24. Xhignesse M.-A. Fake Views – or Why Concepts are Bad Guides to Art's Ontology // The British Journal of Aesthetics. 2018. April. URL: https://doi.org/10.1093/aesthj/ayy009 (дата обращения: 12.04.2018).
25. Evers D. Expressivism and Arguing about Art // The British Journal of Aesthetics. 2018. № 3. URL: https://doi.org/10.1093/aesthj/ayy003 (дата обращения: 12.04.2018).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 января 2019 г.

The Problem of Aestheticization of Ugliness in the History of Philosophy and in the Perception of a Modern School Student

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 106–112.
DOI: 10.17223/15617793/441/14

Irina M. Suvorova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: suvormih@list.ru

Keywords: history of philosophy; aestheticization of ugliness; art; modern school student; perception; pedagogics; dialogue; value and anti-value.

The aim of this article is the comparative analysis of the results of the perception of aestheticized ugliness in modern school students and in classics of philosophy. The problems of comparative analysis also included the awful and the low not only as aesthetic categories, but also as anti-values. The relevance of the research of children's perception of aestheticized ugly objects and phenomena of the modern world is dictated by the inevitability of "meeting" them in the field of art, politics, ideology, in the nature and society. However, unlike the perception of the beautiful, the sublime, the heroic and the romantic as aesthetic values, in case of ugliness children face an aesthetic anti-value which looks unusual for them as it is presented in an aestheticized "cover". Then a thinking mind naturally needs an explanation of this problem situation, in which the teacher armed with theoretical knowledge and practical experience in aesthetics can play the leading role. Theoretical material for this research was works of classics of aesthetics and publications of modern researchers working in the field of philosophy, cultural science, ethics, psychology, hermeneutics and pedagogics. An integrated approach, based on the culturological, hermeneutical and psychological analysis of the material was used as a methodology. During the review of the literature of modern writers, the most typical characteristics of aestheticization of the ugly, the awful and the low in modern art have been identified. They are, for instance, cultural development at the time of a crisis transitional period, irregularity, defiance, shock value, ethical antinormativity. The revealed contradiction between the due art (traditional art has to be fine and kind) and the real art(modern art is not fine and kind) became a subject for the empirical part of the research: for organizing a dialogue between high school students about the problem of aestheticization of ugliness in the pro et contra format. The comparative analysis of judgments of the classics of esthetics and modern school students concerning the essence of the ugly, the awful and the low, concerning the right of the artist to aestheticize these phenomena and also degrees of need of the aestheticization of the ugly in modern art became results of the conducted research. Thus, there is a certain coincidence of aesthetic judgments of the classics and the contemporaries, which can be characterized as human universality and solidarity in the solution of one of the most complex aesthetic problems.

REFERENCES

1. Lishaev, S.A. (2008) *Estetika Drugogo* [Aesthetics of the Other]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

2. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnozis.

3. Lisovets, I.M. (2008) Estetika i iskusstvo: vozmozhnosti traditsionnogo analiza netraditsionnoy khudozhestvennosti? [Aesthetics and art: the possibilities of traditional analysis of non-traditional artistry?]. In: Nikonova, S.B. (ed.) *Estetika v XXI veke: vyzov traditsii?* [Aesthetics in the 21st century: the challenge of tradition?]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

4. Yachin, S.E. (2017) Critique of Axiological Reason. *Voprosy filosofii*. 8 [Online]. Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1728&Itemid=52. (Accessed: 12.04.2018). (In Russian).

5. Mitrović, B. (2018) Visuality and Aesthetic Formalism. *The British Journal of Aesthetics*. 3. DOI: 10.1093/aesthj/ayy001

6. Morozova, E.A. (2008) Psikhologicheskie problemy khudozhestvennoy provokatsii: akmeologicheskiy aspekt [Psychological problems of artistic provocation: An acmeological aspect]. In: Nikonova, S.B. (ed.) *Estetika v XXI veke: vyzov traditsii?* [Aesthetics in the 21st century: the challenge of tradition?]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

7. Koval', M.V. (2016) *Vospriyatie khudozhestvennykh proizvedeniy iskusstva cherez prizmu esteticheskikh kategoriy* [The perception of works of art through the lens of aesthetic categories]. [Online]. Available from: https://cyberleninka.ru/ article/n/vospriyatie-hudozhestvennyh-proizvedeniy-iskusstva-cherez-prizmu-esteticheskih-kategoriy. (Accessed: 12.04.2018).

8. Titarenko, I.N. (2006) *Estetika* [Aesthetics]. Taganrog: Izd-vo TRTU. [Online]. Available from: http://textb.net/14/12.html. (Accessed: 12.04.2018).

9. Bychkov, V.V. (2003) Fenomen neklassicheskogo esteticheskogo soznaniya [The phenomenon of non-classical aesthetic consciousness]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 61–71.

10. Salecl, R. (1999) *(Iz)vrashcheniya lyubvi i nenavisti* [(Per)versions of love and hate]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal.

11. Vergine, L. (1974) *Il corpo come linguaggio (La "Body-art" e storie simili)*. Milano: Prearo EditoreTorino, Impronta.

12. Yakovlev, E.G. (n.d.) *Problema esteticheskogo vzaimodeystviya: professional, marginal, autsayder* [The problem of aesthetic interaction: A professional, a marginal, an outsider]. [Online]. Available from: http://www.medpsy.ru/inye/inye022.php. (Accessed: 12.04.2018).

13. Banham, R. (1973) *Novyy brutalizm. Etika ili estetika?* [New brutalism. Ethic or aesthetic?]. Translated from English. Moscow: Stroyizdat.

14. Belyaeva, L.A. & Chugaeva, I.G. (2016) [Philosophy and art as a means of harmonious development of schoolchildren's emotional, sensual and rational thinking]. *Filosofiya – detyam. Emotsional'noe i ratsional'noe* [Philosophy to children. The emotional and the rational]. Proceedings of the 7th International Conference. Moscow; St. Petersburg: Izd. Vorob'ev A. V. (In Russian).

15. Savelova, E.V. (2012) [Aesthetic perception and problems of its formation] *Filosofiya – detyam. Intellekt i tvorchestvo* [Philosophy to children. Intellect and creativity]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow: [s.n.]. (In Russian).

16. Vasyura, S.A. & Iogolevich, N.I. (2017) T**eenage schoolchildren's time perspective as a psychological and pedagogical issue.** *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*. 2. pp. 199–217. (In Russian). DOI: 10.15507/1991-9468.087.021.201702.199-217

17. Kant, I. (1994) *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Translated from German. Vol. 5. Moscow: Iskusstvo.

18. Portales, C. (2018) Objective Beauty and Subjective Dissent in Leibniz's Aesthetics. *The Central European Journal of Aesthetics*. 1. [Online]. Available from: https://www.ceeol.com/search/journal-detail?id=441. (Accessed: 12.04.2018).

19. Shkepu, M.A. (2010) *Estetika bezobraznogo Karla Rozenkrantsa* [Aesthetics of Ugliness by Karl Rosenkranz]. Moscow: Feniks.

20. Berdyaev, N. (1990) *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

21. Polyakov, A.F. (2011) Dukhovno-nravstvennyy potentsial kitcha v kontekste sovremennosti [Spiritual and moral potential of kitsch in the context of modernity]. *Vestnik KrasGAU – Bulletin of KrasGAU*. 8. pp. 59–65.

22. Greenberg, K. (1955) *Avant-garde and kitsch.* [Online]. Available from: http://www.sharecom.ca/greenberg/kitsch.html. (Accessed: 12.04.2018).

23. Adorno, T. (2001) *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic theory]. Translated from German. Moscow: Respublika.

24. Xhignesse, M.-A. (2018) Fake Views – or Why Concepts are Bad Guides to Art's Ontology. *The British Journal of Aesthetics.* April. [Online]. Available from: https://doi.org/10.1093/aesthj/ayy009. (Accessed: 12.04.2018).

25. Evers, D. (2018) Expressivism and Arguing about Art. *The British Journal of Aesthetics*. 3. [Online]. Available from: https://doi.org/10.1093/aesthj/ayy003. (Accessed: 12.04.2018).

Received: 14 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 113–119. DOI: 10.17223/15617793/441/15

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.334; 316.4

М.Р. Зазулина

ТРАНСФОРМИРУЮЩИЙСЯ ПАТЕРНАЛИЗМ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ: О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ ОЖИДАНИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Показаны особенности трансформации установки на патернализм в современном российском сельском социуме. Выявлена структура ожиданий, которые сельское население связывает с различными властными институтами. Установлены основные причины и закономерности, определяющие изменение этой структуры. Сделан вывод о смещении ожиданий от государства к местным властям, а также от экономических институтов к политическим на основе данных социологических исследований 2005–2014 гг.

Ключевые слова: патернализм; сельское сообщество; государство; трансформация; политические институты; экономические институты.

Развитие человечества показывает, что трансформирующиеся общества способны воспроизводить ряд установок, которые имеют не просто долгую историю, но, по-видимому, обладают архаической природой. Одним из таких феноменов, вновь и вновь воспроизводимых в качестве ценности в массовом сознании россиян, оказывается патернализм, который в самом общем плане понимается как социально-культурный феномен, проявляющийся в ожидании опеки со стороны государства или властных институтов и готовности в обмен на это частично ограничить свою свободу.

Существование патерналистского запроса в российском обществе сегодня рассматривается как аксиома и прослеживается на всех уровнях, вплоть до государственных документов. Несмотря на то что патернализм признается частью российской культуры, оценка его проявлений в основном проходит в негативном ключе. В частности, исследователи утверждают, что патернализм – это часть традиционалистской культуры, которая сама по себе является непродуктивной и реакционной, по большому счету мешая прогрессу и развитию [1]. Однако непродуктивность отнюдь не объясняет устойчивость воспроизводства отдельных элементов традиционалистской культуры во времени и во всех сферах жизни. Скорее то, что мы считаем непродуктивным, на самом деле является проявлением нелинейности общественного развития либо закономерностей, которые пока находятся вне нашего понимания.

Термин «патернализм» происходит от латинского слова *paternus*, которое переводится как «отцовский, отеческий». Характеристика социальных отношений как отношений отца и детей имеет долгую историю: она встречается в трудах Сократа, Платона, Аристотеля, Конфуция. Подобный тип взаимоотношений между государством и гражданами был описан у Дж. Локка, Л. де Бональда. В российской политической мысли тезис о выстраивании отношений царя с народом как «отца» с «детьми» развивали славянофилы. М. Вебер трактовал патернализм как форму традиционного политического господства (патримониализм), в рамках которой пользующийся авторитетом патриарх обеспечивает своим подчиненным защиту, за что последние платят ему лояльностью и послушанием. Во второй половине XX в. дискуссия о патернализме была развернута и реактуализирована в работах Дж. Дворкина и Дж. Файнберга, которые исследовали основания и пределы этого феномена в рамках пересечения таких проблематик, как потребность в реализации социальной политики государства, необходимость свободы в рамках гражданского общества и возможности рационального выбора. Таким образом, использование модели семейных отношений для объяснения отношений социальных может рассматриваться как достаточно распространенная интеллектуальная традиция, характерная и для мыслителей прошлого и для современных ученых [2. С. 77].

Очевидно, что предельно широкое и множественное определение понятия «патернализм» в современных социальных науках связано с распространением этого явления во всех сферах общественной жизни. Экономисты обращают внимание на то, что патерналистская система отношений представляет собой систему строгой субординации групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Таким образом, патернализм выступает как основа для механизмов специфического социального обмена и как метод утверждения классовых отношений и вырастает из потребности в стабилизации и моральном оправдании системы, покоящейся на фундаментальном неравенстве [3. С. 210].

В качестве примера определения понятия «патернализм», подчеркивающего многоликость этого явления, приведем определение, даваемое Большим толковым социологическим словарем: 1. Тип руководства, при котором руководители обеспечивают удовлетворение потребностей подчиненных взамен за их лояльность и послушание. 2. Покровительство, «отеческая власть» индивида или группы над другими индивидом или группой, считающимися слабыми. 3. Идеология и социальная практика в области трудовых отношений, которая проявляется в благотворительности и заботе предпринимателей о своих работниках. 4. Политика индустриально развитых стран по оказанию помощи развивающимся странам, фактиче-

ски закрепляющая экономическую и политическую, зависимость последних [4].

Тот факт, что установка на патернализм вновь и вновь воспроизводится в различные периоды культуры, позволяет говорить о ней именно как об элементе традиции (о традиционалистском элементе культуры). Суммируя современное понимание патернализма, отметим, что в качестве его сущностных черт выделяются отношения зависимости, подчиненности, связанные в первую очередь с дифференцированным доступом к власти и различным ресурсам. Особенно отношения патернализма характерны для обществ с сильными традициями общинности, а само это явление выступает неотъемлемой частью культурной традиции азиатских, латиноамериканских и европейских обществ.

Как культурный феномен патернализм имеет долгую историю, выступая неотъемлемой частью российской культуры. Правомерность использования этого понятия при анализе особенностей российского исторического процесса признается большинством исследователей. Устойчивые патерналистские традиции определяли отношения в крестьянской и помещичьей среде в царской России, делая, таким образом, патернализм ключевым элементом массового сознания большинства сельского населения Российской империи [5]. Патернализм Советского государства по отношению к обществу проявлялся в широкой системе социальных гарантий, а также в особых государственных мерах поддержки в отношении наименее социально и экономически защищенных групп населения: к проявлениям патернализма можно отнести такие черты советской административно-командной системы, как планирование деятельности предприятий «сверху», их защита от конкуренции, а также забота предприятий о своих сотрудниках.

Более того, накопленный опыт исследований патернализма позволяет ответить на вопрос, во-первых, о пределах патернализма, т.е. о том, какие формы он может принимать и до каких масштабов разрастаться, а во-вторых, о возможности существования его «приемлемых» вариантов. Отвечая на второй вопрос, известный исследователь Дж. Дворкин связывает патернализм с ограничением воли индивида, но отмечает, что сознательное установление индивидом таких ограничений и признание их в качестве оптимальных означает как раз «приемлемый» вариант патернализма [2. С. 81].

Пример российской истории как раз показывает возможную параболу развития патерналистских паттернов, от отдельных элементов, проявляющихся на различных уровнях общества (забота царя-батюшки о своих подданных, забота помещиков о своих крепостных, забота колхозов о семьях и домохозяйствах своих работников) и до возможной монополизации государством всех сфер и форм хозяйственной и политической жизни, граничащей с их полной регламентацией в условиях тоталитарного режима.

Таким образом, патернализм, доведенный до предела, ведет к монополизации государством всех форм хозяйственной и политической жизни и способствует появлению и существованию (фактически лежит в основе) таких феноменов, как тоталитарные и авторитарные общества. С такой точки зрения современные «постсоветские» проявления патернализма можно рассматривать как остаточные в тоталитарной системе, существовавшей в советский период.

Современные социологические исследования показывают, что на рубеже XX–XXI вв. патерналистские ценности продолжают определять социальное поведение россиян вплоть до электоральных предпочтений. Тот факт, что существование запроса на патерналистские отношения прослеживается сегодня на всех уровнях российского общества, от обыденного сознания граждан вплоть до государственных документов, дает повод рассматривать трансформацию патерналистских ценностей в двух ракурсах: 1) как систему мер «сверху» и 2) как систему ожиданий «снизу». Как система мер «сверху» патернализм СЕГОДНЯ существует в виде принципа дотационной выравненности различных территорий, от целых регионов до отдельных муниципалитетов, которым руководствуется современная государственная политика. После рыночных преобразований одним из самых ярких проявлений патернализма, например в сельской местности, можно считать феномен «опеки» сельскохозяйственных предприятий над хозяйствами своих работников, описанный сельскими социологами [6]. Как система ожиданий «снизу» патернализм проявляется в традиционалистской системе ценностей и, в том числе, в определенных установках населения по отношению к властным институтам.

Таким образом, репрезентированный в повседневной системе коммуникаций патернализм предстает как многоуровневая система социальных практик, где государство заботится о предприятиях и населении, которые в ответ обеспечивают послушное и лояльное отношение к властным политическим институтам. В основе такого лояльного отношения к власти, по сути дела, лежит традиционалистская система ценностей. Патернализм в качестве отклика, т.е. патернализм «снизу», сводится не только к лояльности власти (проявления которой могут быть многогранны, но при этом не всякое лояльное отношение к власти является патерналистским): это лояльное отношение к власти, дополненное, во-первых, стремлением ее персонифицировать, а во-вторых, связанное с надеждами на то, что она способна обеспечить «лучшую» жизнь. И речь в данном случае идет не просто об объективном выживании, а именно о надеждах на «лучшую» жизнь в соответствии со стандартами, принятыми на данный момент в обществе.

В нашей работе показаны особенности трансформации установки на патернализм в условиях изменений, которые переживает российский сельский социум, а также дана характеристика места, которое патернализм занимает в структуре ожиданий сельского населения. В качестве эмпирической базы послужили данные социологических исследований, реализованных в сельских сообществах Новосибирской области при участии либо под руководством автора в период с 2005 по 2014 г.

Проведенные исследования позволили выдвинуть и подтвердить ряд гипотез относительно особенностей социокультурной трансформации российского

сельского социума, а также ее обусловленности развитием социальных, экономических и политических процессов. Сибирское крестьянство в данном случае выступает тем срезом российского общества, на примере которого элементы патернализма прослеживаются достаточно ярко и на разных этапах развития, а установка на патернализм крайне выражена.

В частности, наши исследования показывают, что установка на патернализм оказывает структурообразующее действие на систему ожиданий, которые сельское население связывает с различными властными и экономическими институтами и определяет иерархию ожиданий, а также особенности их трансформации. Яркие проявления патернализма в сельских регионах России фиксируются исследованиями последнего десятилетия и позволяют говорить о выделении такого специфического феномена, как «сельский» патернализм. Мы понимаем сельский патернализм как сформировавшийся у сельских жителей блок ожиданий, связанных с поддержкой не только властных, но и хозяйственных структур. Понимаемый таким образом сельский патернализм репрезентируется к повседневной системе взаимодействий сельских жителей, ориентированных на улучшение своего благосостояния путем получения помощи от различных политических и экономических институтов в условиях осознания невозможности выжить без получения таковой.

Наиболее явно данная установка проявляется в убежденности селян, что существование современного села невозможно без помощи государства (табл. 1). На первый взгляд, такая позиция кажется сама собой разумеющейся и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако именно этот вопрос оказывается тем маркером, который в целом характеризует позицию сельских жителей в отношении рыночных реформ и демонстрирует, что тренд на либерализацию не только экономической, но и социальной сферы (который в середине 2000-х проявился в реформе по монетизации льгот, а сейчас, спустя десятилетие, в пенсионной реформе) является глубоко чуждым сельскому населению.

Таблица 1

Реально ли, на Ваш взгляд, развитие села без существенной помощи со стороны государства? Экспертный опрос, %

Вариант	Год		
	2007	2011	2014
Да, развитие без помощи государства возможно	4	0	5
Нет, развитие без помощи государства невозможно	94	98	92
Затруднились с ответом	2	2	3

В ситуации постоянного кризиса и изменения привычного образа жизни отношение к государству и представляющим его институтам неизбежно трансформируется, причем достаточно неожиданно: результаты опросов демонстрируют, что в указанный период наблюдается сокращение доли тех, кто считает, что правительство предпринимает усилия по решению проблем села, но одновременно сокращается и доля тех, кто считает, что правительство бросило село на произвол судьбы. Компенсируется это увеличением количества сельских жителей, которые затрудняются дать какую-либо оценку государственной политике, ориентированной на село (табл. 2).

Таблица 2

Как можно охарактеризовать политику правительства в отношении российского села? Массовый опрос, %

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Предпринимает усилия по решению проблем села	11	9	8	5
Бросило село на произвол судьбы	88	88	84	72
Затруднились с ответом	1	3	8	23

Тот факт, что «без помощи государства прожить невозможно», говорит о том, что государство продолжает оставаться основным адресатом патерналистских ожиданий. Вывод о систематизирующем характере установки на помощь государства в общей структуре патерналистских ожиданий сельского населения позволяют сделать данные об ожиданиях, которые население связывает с различными уровнями власти (табл. 3). Несмотря на фиксируемое в исследованиях общее снижение ожиданий, связываемых с государственной властью, именно она оказывается первой в рейтинге, значительно обгоняя своих «конкурентов» – региональные и местные администрации.

Таблица 3

От какого уровня власти вы ожидаете социальной поддержки прежде всего? Массовый опрос, %

Вариант	Год			
	2005	2007	2011	2014
Государство	41	73	53	47
Областная администрация	38	22	26	17
Местные администрации	21	5	21	36

Данные таблицы позволяют определить количественные и качественные изменения в структуре ожиданий от различных уровней власти. В первое десятилетие 2000-х – это классическая пирамида, в которой на первом месте оказывается самая популярная власть – государственная, на втором – власть областная, а на третьем – местная. К 2014 г. пирамида трансформируется в песочные часы, в которых основные полюса ожиданий – это государство и местные администрации, в то время как ожидания от региональной власти значительно сокращаются.

Наши исследования дают основания предположить, что зафиксированные изменения связаны с этапами осуществления муниципальной реформы и укладываются в объяснительную схему движения от периода регионализма (сила региональных властей и слабость местных), через постепенное изменение ситуации вследствие эффектов от введения муниципальной реформы (которая на территории Новосибирской области реализуется с 2003 г. и к 2005 г. дает первый эффект в плане адаптации к ней населения и возможности осмысления первых результатов) к все большим упованиям на власть местную, оказавшуюся последним институтом, реально решающим проблемы селян в условиях осознания того, что государство «бросило село на произвол судьбы».

Общее снижение «рейтингов доверия» государству отнюдь не означает разрушения патерналистского комплекса ожиданий в целом, а лишь его трансформацию. Не отказываясь полностью от установки на ожидание помощи извне, сельские жители в значительной степени трансформируют этот комплекс ожиданий.

Если рассматривать сельский патернализм как определенную структуру, представляющую собой ожидания от разных институтов, то очевидно, что эта структура имеет как минимум два уровня реализации. Первый, верхний уровень – это ожидания, связанные с государственной социальной и экономической политикой в отношении села. Второй, нижний уровень – это ожидания, которые сельское население связывает с «местными» властвующими и локальными субъектами. Реализация этих ожиданий может быть связана не только с действиями местных администраций, но также с социальной политикой местных предприятий, осуществляющих «опеку» над хозяйствами своих работников и в целом над населенными пунктами, на территории которых они находятся. Сквозным, объединяющим оба уровня ожиданий моментом можно считать феномен редистрибуции, понимаемый как совокупность практик по поступлению ресурсов от государства в крупные сельскохозяйственные предприятия и перераспределению затем в личные подсобные хозяйства. Получается система, в которой государство обеспечивает предприятия, а предприятия обеспечивают своих работников. Работники остаются заняты в сельском хозяйстве даже в условиях общего низкого уровня оплаты и тяжелых сезонных условий труда, поскольку, кроме этого, получают возможность (в ряде случаев формально, а в ряде случаев – и неформально) использовать ресурсы предприятия для ведения личных приусадебных хозяйств. Речь идет о таких практиках, как получение комбикормов, использование колхозной техники для обработки личных участков, помощь в заготовке сена, дров и пр.

Предприятия в этой системе оказываются основным редистрибутивным механизмом, а работники живут в уверенности, что смогут получить помощь, без которой иначе личные подсобные хозяйства не могли бы существовать (их ведение было бы нерентабельным), а сами семьи – продолжать жить в сельской местности (небольшая зарплата попросту не позволяла бы этого делать). Несмотря на ярко выраженный неформальный характер редистрибутивных механизмов, период их существования оказался достаточно долгим, а их значение для экономики крестьянских домохозяйств и сельской экономики в целом трудно переоценить. Сокращение количества сельскохозяйственных предприятий, ставшее следствием реорганизации всей сельской экономики, должно было привести к интенсификации деятельности на личных подворьях. И такой тренд действительно имел место: как показывают данные статистики, сокращение количества крупных сельскохозяйственных производителей привело к уменьшению доли производимой в них продукции и к увеличению доли продукции, производимой в ЛПХ [7].

Однако еще одним следствием данной ситуации стало постепенное разрушение, а затем и полный распад десятилетиями складывающихся редистрибутивных механизмов сельской экономики и сокращение, а в ряде случаев и полное прекращение поддержки личных подсобных хозяйств населения со стороны сельскохозяйственных предприятий, что привело к значительному сокращению экономической активности и на личных подворьях (отметим, что следствием крушения редистрибутивной системы можно считать и усиление миграционных потоков из села в город, и процессы диверсификации сельской экономики, связанные с отходничеством и работой вахтовым методом, оформившиеся и интенсифицировавшиеся именно в последнее десятилетие). Изменение структуры ожиданий сельского населения также стало одним из последствий такой ситуации.

В целом и данные статистики, и данные исследований, проводимых различными коллективами, позволяют утверждать, что в последние десятилетия происходит уменьшение значимости крупных сельскохозяйственных экономических структур в жизни целых сельских локальных сообществ и отдельных домохозяйств. В условиях, когда местные предприятия оказались экономически слабы и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей снизился и, как следствие, вырос «рейтинг доверия» к местной власти. Именно уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одновременным возрастанием авторитета местной власти, фиксируется исследованиями начиная со второй половины 2000-х гг. (рис. 1).

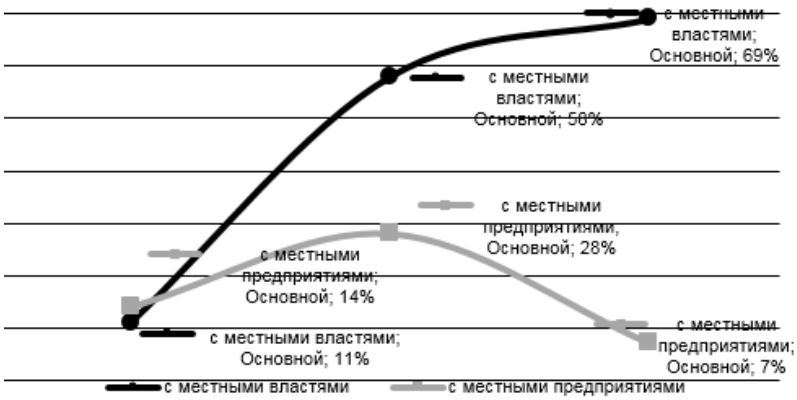


Рис. 1. С кем Вы связываете надежды на решение социально-экономических проблем Вашего села? Массовый опрос

Положительным аспектом данной тенденции является возрастание значения формальных институтов самоуправления, что может быть интерпретировано как показатель успешности муниципальной реформы, в ходе которой местное самоуправление получило не только более четкую организационную структуру, но и определенные гарантии своей публичной власти.

Очевидно, что огромный эффект для сельских территорий имела реформа самоуправления, инициированная принятием в 2003 г. Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Реинституциализация института местной власти, наделение ее четкой организационной структурой и системой полномочий, подкрепленных пусть небольшим, но финансированием, позволили стабилизировать ситуацию на селе, обозначить «нового хозяина», в качестве которого выступили сельские власти. Рост поддержки населения в данном случае означает становление местной власти в качестве действительно публичной. В результате было преодолено положение дел, характерное для российских сельских сообществ на протяжении 1990 – первой половины 2000-х гг., при котором основным властным субъектом на селе оказались сельскохозяйственные предприятия, т.е. субъекты экономические.

В то же время после сворачивания социальной активности крупных сельскохозяйственных предприятий полностью эта ниша так и осталась фактически никем не занятой. Связано это с ограниченностью ресурсов локальных сообществ, стабильностью и немногочисленностью основных субъектов социально-экономических взаимодействий. Несмотря на то что уход со сцены сельскохозяйственных предприятий ведет к переносу функций по оказанию помощи селу на администрацию и фермеров, ни сельские администрации, ни фермерские хозяйства не обладают достаточной ресурсной обеспеченностью для поддержания социальной жизни села и сельской экономики личных подсобных хозяйств. Таким образом, ликвидация или банкротство крупхозов являются спусковым механизмом деградации и гибели сельских сообществ.

Рост поддержки местной власти среди сельского населения позволяет сделать вывод не только об успешной институциализации самоуправления в результате муниципальной реформы, но и об очередной трансформации сельского патернализма и изменении системы ожиданий, связанных с различными локальными институтами. Дело в том, что формирование системы ожиданий связанных со становлением института местного самоуправления, в сельской местности не сопровождалось формированием самих сельских сообществ в качестве сознательных участников локальной муниципальной политики или повышением их социальной или политической активности. И это характерная ситуация в сельской местности, позволяющая интерпретировать ее именно как проявление патернализма. Данные многочисленных исследований показывают, что отсутствие активной социально-политической позиции характеризует отношение рядовых сельских жителей не только к самоуправлению, но и к более широким вопросам публичной и общественной жизни [8]. В результате в сельских сообществах вместо процессов гражданского и политического участия происходят очередной всплеск и реструктурирование патерналистских ожиданий.

Ориентация на патернализм оказывается определяющей не только для сельских жителей и не только для простого населения, но и для правящих элит, вплоть до влияния на уровень принятия законодательных и стратегических решений. Наиболее ярко этот момент был продемонстрирован в ходе последних изменений муниципальной реформы, в рамках которых произошло встраивание местного самоуправления в вертикаль власти (на законодательном уровне сопровождавшееся отменой выборности глав муниципальных образований, сокращением количества компетенций муниципалитетов низового уровня). Среди сельских элит (депутатов и представителей местного самоуправления) это проявляется в убежденности, что местное самоуправление должно быть хотя бы частично подчинено государственным органам власти (табл. 4).

Таблица 4

Предпочитаемые принципы взаимодействия местных и центральных властей в Российской Федерации. Экспертный опрос, %

Вариант ответа	Год		
	2007	2011	2014
Взаимная независимость в рамках действующего законодательства и недопустимость контроля со стороны центральных властей за деятельностью органов МСУ	28	23	30
Полная подчиненность местных органов власти центральным	19	21	23
Частичная подчиненность	44	41	40
Затруднились с ответом	9	15	7

Очевидно, что воспроизводство установки на патернализм в условиях современного села является закономерным не только потому, что это устойчивая установка обыденного сознания, но и в силу целого ряда обстоятельств, связанных с факторами социально-психологического и социально-экономического характера. Так, исследования, проводимые различными коллективами, показывают, что установки на патернализм чаще воспроизводятся в ситуации неопределенности и тревожности и сопровождаются снижением уровня социального самочувствия [8]. Также видим, что установки на патернализм в гораздо большей степени выражены в условиях социальной недифференцированности и внутренней неструктурированности сообществ. Можно предположить, что подобная ситуация является одним из следствий феномена «двойной эксклюзии», в которой оказались сельские сообщества. С одной стороны, эта эксклюзия вызвана процессами социально-геогра-фической и отраслевой стратификации, в результате чего сельское население оказывается в неравных условиях по сравнению с городским. С другой стороны, эксклюзия вызвана процессами социальной дифференциации, приводящей к маргинализации отдельных социальных групп и целых сообществ. Российское село в данном случае представляет собой яркий пример того, как социальные и экономические условия влия-

ют на процессы политического участия населения и более широко – на формирование им образа мира.

Таким образом, реализованный анализ социокультурных детерминант развития сельских сообществ показал, что «сельский» патернализм оказывается одним из наиболее специфических и одновременно структурообразующих явлений в жизни сельского социума. Сельский патернализм, понимаемый как сформировавшийся у сельских жителей блок ожиданий, связанных с поддержкой не только властных, но и хозяйственных структур, репрезентируется в повседневной системе взаимодействий сельских жителей, ориентированных на улучшение своего благосостояния путем получения помощи от различных политических и экономических институтов в условиях осознания невозможности выжить без получения таковой. В качестве основных выводов о сущности и значении «сельского» патернализма приведем следующее.

В целом можно утверждать, установка на помощь государства продолжает занимать центральное место в структуре ожиданий сельского населения. Государство до сих пор остается главным и основным адресатом патерналистских ожиданий. При этом яркой чертой российского обыденного сознания оказывается неоднозначное отношение к государству (разочарование и надежда).

В условиях изменения социально-экономической ситуации и снижения роли хозяйствующих субъектов в жизни сельских сообществ особое значение для них приобретают другие институты, а именно институты политические. Смещение ожиданий сельчан от невластных институтов к властным (от субъектов экономических к субъектам политическим) сопровождается изменением ожиданий, связываемых с различными политическими институтами. В частности, происходит смещение ожиданий по линии государство – местные власти.

Установка на патернализм ярко проявляется как среди экспертного сообщества, так и среди рядового сельского населения. В современном российском селе актуализации установки на патернализм способствуют, с одной стороны, некорректное формирование современных демократических и рыночных ценностей (неоформленность отношения к частной собственности на землю, ощущение проигрыша от реформ), с другой – низкие показатели социального самочувствия, общее снижение рейтингов доверия всем уровням власти при одновременном распаде горизонтальных связей.

По нашему мнению, пример «сельского» патернализма ярко демонстрирует, что существуют социокультурные установки, которые могут трансформироваться под воздействием целого ряда факторов, но при этом вряд ли полностью исчезнут. Можно предположить, что значимость данных установок (которая проявляется в виде их стабильного воспроизводства в пространстве и времени) обусловлена именно повторением ситуации, т.е. условий, в которых они воспроизводятся. Каждый раз это условия тотальной нехватки ресурсов и невозможности выжить самостоятельно, без помощи извне. Уточним, что речь идет не об объективной или абсолютной нехватке ресурсов (объективно всегда можно найти свободную пашню или даже выжить за счет собирательства в лесу). Эта нехватка скорее относительная (в силу того что крестьянский труд до сих пор является слишком трудоемким и низкорентабельным), связанная не с физическим выживанием, а с приемлемым по современным меркам уровнем и качеством жизни. Для села проблема усугубляется тем, что современный сельский образ жизни оказывается навеян и зависим от стандартов, задаваемых городским образом жизни, которые жизнь на селе просто не в состоянии обеспечить.

В ситуации, когда невозможно выжить самостоятельно, без помощи извне, «непродуктивный» патернализм оказывается структурообразующим элементом системы ожиданий, а его основное значение заключается в том, чтобы поддерживать в населении осознание того, что в критических ситуациях есть на кого рассчитывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Снеговая М. Патернализм как часть непродуктивной культуры // Ведомости. 2015. 15 апреля. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi
2. Сусак В. Патернализм // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С. 76–94.
3. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация : учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М. : Наука, 1995.
4. Большой толковый социологический словарь. URL: http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/paternalizm
5. Горянов А.В. Патернализм как одна из основ существования сельской дворянской усадьбы в России в XVIII–XIX вв. // Власть. 2011. № 4. С. 113–116.
6. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск : Ин-т ИЭиОПП СО РАН, 2009.
7. Зазулина М.Р. Институциональная динамика аграрного сектора как фактор трансформации сельских сообществ: социально-философский аспект // Сибирский философский журнал. 2018. № 3.
8. Белинская Е., Литвинова С., Муравьева О. и др. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. Т. 20. С. 63–70.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 февраля 2019 г.

A Transforming Paternalism and Its Limits: Some Regularities in Changing the Structure of Expectations of the Rural Population of Modern Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 113–119.
DOI: 10.17223/15617793/441/15

Mariia R. Zazulina, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zamashka@yandex.ru

Keywords: paternalism; rural community; state; transformation; political institutions; economic institutions.

The article shows the features of the transformation of a paternalistic mindset in the modern Russian rural society, and characterizes the place that paternalism occupies in the structure of expectations of the rural population. The article is based on the data (mass and expert surveys) of a sociological research carried out in rural communities of Novosibirsk Oblast from 2005 to 2014. The conducted research allowed to put forward a number of hypotheses regarding the features of the sociocultural transformation of the Russian rural society. In particular, the studies have shown that among the rural population the attitude to paternalism is extremely pronounced. Bright manifestations of paternalism in the rural regions of Russia are fixed by researches of the recent decade. There appears a specific phenomenon, "rural" paternalism, which the author understands as a block of expectations of rural residents associated with the support from the authorities and economic structures. Rural paternalism is represented in rural residents' daily interactions aimed at improving their well-being by receiving support from various political and economic institutions; rural residents realize that it is impossible to survive without this support. The paternalistic attitude has a structure-forming effect on the entire system of expectations that the rural population associates with various power and economic institutions. It determines the hierarchy of expectations, as well as the features of their transformation. Studies show that the expectation of state support continues to occupy a central place in the structure of rural residents' expectations: the state still remains the major and primary recipient of paternalistic expectations. At the same time, a bright feature of the Russian everyday consciousness is an ambiguous attitude to the state (disappointment and hope at the same time). However, studies record changes in the structure of expectations of the rural population. These changes are caused by a permanent socio-economic crisis and a decline in the role of economic entities in the life of rural communities. As a result, there is a shift in public expectations in two directions at once. Firstly, there is a shift in expectations from the state to local authorities. Secondly, there is a shift in expectations from economic actors to political actors. The paternalistic mindset is clearly manifested both among the expert community and among the ordinary rural population. Factors of actualization of paternalistic sentiments are the incorrect formation of modern democratic and market values (unformed attitude to private ownership of land, the feeling of loss from reforms), low social well-being and a general decline in confidence ratings to all levels of government with a simultaneous disruption of horizontal ties.

REFERENCES

1. Snegovaya, M. (2015) Paternalizm kak chast' neproduktivnoy kul'tury [Paternalism as part of an unproductive culture]. *Vedomosti*. 15 April. [Online]. Available from: https://www.vedomosti.ru/opinion/ articles/2015/04/16/paternalizm-kak-chast-neproduktivnoi-kulturi.

2. Susak, V. (2007) Paternalizm [Paternalism]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 3. pp. 76–94.

3. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1995) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.

4. Znachenieslova.ru. (n.d.) *Paternalizm* [Paternalism]. [Online]. Available from: http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/paternalizm.

5. Goryanov, A.B. (2011) Paternalizm kak odna iz osnov sushchestvovaniya sel'skoy dvoryanskoy usad'by v Rossii v XVIII–XIX vv. [Paternalism as one of the foundations of the existence of a rural nobleman's estate in Russia in the 18th–19th centuries]. *Vlast'*. 4. pp. 113–116.

6. Kalugina, Z.I. & Fadeeva, O.P. (2009) *Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki* [Russian village in the maze of reform: sociological essays]. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

7. Zazulina, M.R. (2018) Institutsional'naya dinamika agrarnogo sektora kak faktor transformatsii sel'skikh soobshchestv: sotsial'no-filosofskiy aspekt [Institutional dynamics of the agrarian sector as a factor in the transformation of rural communities: A socio-philosophical aspect]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – Siberian Journal of Philosophy*. 3.

8. Belinskaya, E. et al. (2004) Politicheskaya kul'tura: ustanovka na paternalizm v mental'nosti rossiyan [Political culture: an orientation towards paternalism in the mentality of Russians]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 63–70.

Received: 18 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 120–127. DOI: 10.17223/15617793/441/16

УДК 316.1

В.С. Сергеев

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПАРАДИГМ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00132 «Разработка модели социального развития в условиях постглобализации и поствиртуализации».

В рамках данной статьи поднимается проблема интеграции понятия социального в концептуальную рамку ведущих интегративных парадигм социологии. С этих позиций проводится сравнительный анализ теории аутопойетических систем Н. Лумана, теории структурации Э. Гидденса, теории морфогенеза М. Арчер, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории конструктивистского структурализма П. Бурдье и акторно-сетевой теории Б. Латура. Производится уточнение роли социального в современной социологической теории.

Ключевые слова: социальное; интегративная парадигма; проблема структуры-агентности; теория.

В последние десятилетия одной из основных проблем социологии является уточнение представления ученых о социальном. За последние 50 лет был сформулирован ряд теорий, в которых были предложены новые подходы к решению проблемы. Необходимость в их разработке была вызвана динамизмом общественных изменений второй половины XX – начала XXI в. В первую очередь переосмыслению подверглись дихотомия структура – агентность и роль социального. Как показали Н. Луман [1], Э. Гидденс [2–4], М. Арчер [5, 6], П. Бурдье [7, 8], Ю. Хабермас [9, 10], Б. Латур [11], кроме двух классических полюсов теоретической социологии, номинализма и холизма существуют и другие подходы к рассмотрению связи субъективного и объективного. Предложенные ими идеи во многом определяют сегодняшнее положение дел в социологии. Одновременно с этим прошло уже достаточно времени для того, чтобы оценить их потенциал в современных условиях.

Попытки дать всеобъемлющее определение понятия социального предпринимались в разное время. Так, классик социологии К. Маркс связывал социальное с производственными отношениями [12]. В социологическом словаре предлагается следующее определение: «…социальное – совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений данного общества, интегрированная в совместной деятельности (взаимодействии) индивидами или групп индивидов в конкретных условиях места и времени и проявляющаяся в их отношениях друг к другу, к своему положению в обществе, явлениям и процессам в общественной жизни» [13. С. 431]. В. П. Тугаринов выделяет социальное в широком и узком смыслах, связывая его с «общественным» и с отношениями внутри конкретной социальной группы соответственно [14]. Ю.М. Резник в общем виде предлагает понимать под социальным «область или сферу реальности, связанную с человеческими взаимодействиями» [15. С. 89]. Альберт и Андерсон предлагают поднять проблему социального на метатеоретический уровень, чтобы избежать различных трактовок понятия на уровне отдельных теорий [16].

С мультипарадигмальностью в социологию пришла некоторая неопределенность по поводу основного направления научного поиска. Мультипарадигмальность преследует лишь одну цель – бесконечное увеличение пула теорий. Сложно сказать, что эта цель является негативной. Однако у нее нет продолжения. В таком контексте социологам следует после очередной разработанной теории немедленно отложить ее и приступить к разработке следующей. Но ведь это не является самоцелью, хотя и позволяет фиксировать некоторое развитие. Идеалисты сказали бы, что идеальное состояние социологии существует, но оно недостижимо. Реалисты, напротив, убеждены в том, что его достичь можно. И в том и в другом случае теорема Томаса отлично работает. Так или иначе, в рамках данной статьи я буду следовать за импульсом, являющимся классическим для социологии: как ответить на вопрос о природе социального?

В рамках данной статьи предпринята попытка провести сравнительный анализ таких общих и самостоятельных теорий, как: теория аутопойетических систем, теория структурации, теория социального морфогенеза и морфостазиса, теория структуралистского конструктивизма, теория коммуникативного действия и акторно-сетевая теория. Обозначенная выше проблема деактуализации понятия социального в современной социологии требует от нас критического переосмысления итогов современного этапа развития науки. Обозначенные теории являются знаковыми для этого этапа, ведь они позволили не только вступить в него, но являлись его лейтмотивом на протяжении долгих лет. В контексте волнующей нас проблемы проведение подобного сравнительного анализа является особенно актуальным, поскольку это позволит оценить их потенциал для решения насущных теоретических и практических вопросов.

Первым критерием для сравнения теорий является их отношение к проблеме структуры-агентности. Н. Луман отказывает индивиду или группе индивидов в том, чтобы рассматривать их как систему. Вместо этого он определяет поведение индивидов как часть процесса воспроизводства социальной системы. При анализе поведения особое внимание уделяется понятию двойной контингентности. Она, согласно Н. Луману, вносит в поведение индивидов элемент ориентации на зависимость своего поведения от поведения другого и наоборот, поскольку и первое и второе включают в себя неопределенность. «Следовательно, – пишет Н. Луман, – это и есть эмерджентность социальной системы, которая становится возможной

посредством удвоения невероятности и, тем самым, облегчает определение собственного поведения» [1. С. 168]. Кроме чужого поведения, а вернее, знания о его неопределенности, на индивида оказывает влияние процесс произнесения (utterance). На него Н. Луман обращает внимание отдельно, поскольку акт произнесения «инициирует противоположный смысл» [Там же. С. 218] и тем самым усложняет выбор ответного или сопровождающего действия. Таким образом, наше поведение оказывается в ловушке неопределенности и ловушке семантики. Луман отводит социальному действию подчиненную роль в жизненном цикле социальных систем. Но в то же время он пишет: «Без человеческого действия нет никаких социальных систем, и наоборот, человек может обретать способность действовать лишь в социальных системах» [Там же. С. 287]. Здесь мы видим попытку Н. Лумана выйти на объяснение связи между действием и системой с точки зрения их взаимозависимости. Переходя к следующей теории, мы видим, что еще бóльшую степень рекурсивности взаимодействия структуры и агентности пытался обосновать Э. Гидденс. Для этого он ввел понятие дуальности структуры, согласно которому отношения структуры и агентности имеют два уровня анализа. На первом уровне структура предоставляет правила и ресурсы; на втором, в попытке достичь поставленной цели, индивид действует на основе этих правил и имеющихся ресурсов. Действие здесь является столь же важным, сколь предзаданные правила и ресурсы. При этом особый акцент Э. Гидденс делает на «свободе» индивида, конечно же в рамках структурных правил. Мы видим, как оба теоретика стремятся решить проблему структуры-агентности, придав действию структурообразующую функцию. Пусть и в рамках некоторых ограничений, но действие у них осуществляется на основе свободного выбора.

М. Арчер в ряде своих работ критикует теорию структурации Э. Гидденса [5, 6]. Предметом критики становится дуальность структуры. Структура и агентность, по М. Арчер, не могут находиться на одном уровне анализа. Чтобы аргументировать свою позицию, она вводит эмерджентный уровень в процесс анализа воспроизводства социальной структуры. Таким образом, структура и действие оказываются аналитически разделены, причем первичная роль остается за структурой. Согласно М. Арчер, действие оказывает влияние на воспроизводство структуры, как и у Э. Гидденса, но образовавшаяся в результате этого влияния структура является эмерджентной и по отношению к тому действию, которое воспроизвело ее, и к той структуре, которая предоставила индивиду правила и ресурсы ранее. Здесь мы видим схожесть с Н. Луманом в использовании эмерджентности для того, чтобы избежать жесткого детерминизма. Надо признать, что это оказалось не только успешным логическим приемом, но и имеющим серьезный потенциал теоретическим решением.

П. Бурдье, в свою очередь, реализовал иной, но не менее оригинальный подход к проблеме структуры-агентности. С одной стороны, он провозгласил свободную конвертируемость капиталов и определил поведение индивида как «социальные импровизации», заигрывая, тем самым, с субъективизмом. С другой стороны, при характеристике габитуса он говорит о некоторых «предрасположенностях» к какому-либо типу деятельности. Да, индивид, по П. Бурдье, импровизирует и совершенно не обязан заниматься той деятельностью, габитус которой он унаследовал. Но само приписывание индивиду предзаданных характеристик не позволяет говорить о свободе в принятии решений в полной мере. Более того, если мы последуем за структуралистскими настроениями П. Бурдье, минуя очарование импровизирующим агентом, то обнаружим, что его теория не просто так называется структуралистским конструктивизмом: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символике, языке, мифах и т.п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления» [7. С. 64]. И дальше: «…социальный мир изобилует институциями, которых никто не задумывал и не желал… и столь хорошо приспособленными к тем целям, которые их создатели никогда формально не ставили» [Там же. С. 135]. При глубоком анализе, из просто красивой цитаты это предложение превращается в пророчество посткризисной социологии. Порвать с объективизмом оказывается не так просто, как многие считали. Но шаг вперед сделан, и объективизм уже не является столь же незыблемым, как раньше. Это уже и не объективизм, ведь такое серьезное значение придается действию. Это больше похоже на движение в сторону реализма, причем критической направленности в духе Р. Бхаскара [17].

Следующий объект сравнения – теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса – тоже содержит ориентацию на существование некоторого внешнего по отношению к нашему познанию мира. Поскольку в центре внимания Ю. Хабермаса находится проблема понимания субъектами друг друга, концепт внешнего мира является для него некоторой константой, на основе которой и может состояться это понимание. Вместе с тем Ю. Хабермаса интересует процесс построения социального взаимодействия, первичную роль в котором он отдает коммуникативным актам, одной из функций которых называется координация социального действия.

Мы вновь можем наблюдать некоторую тенденцию к макротеоретизированию, к преданию большей аналитической ценности макропроцессам в вопросе влияния друг на друга структуры и агентности. К середине первого тома «Теории коммуникативного действия» (1984) Ю. Хабермас находит способ уйти от строгого объективизма. Им оказывается возможность индивида избежать влияния «внешних сил» посредством интеграции в свои речевые акты заявки на обоснованность (validity claim), которая, к тому же, может быть подвергнута критике [9. P. 417]. Подобная интеграция, по Ю. Хабермасу, позволяет индивиду реализовывать его намерения, исходя из собственных целей и планов. В своей работе немецкий ученый фокусируется на языковой составляющей социального, его интересуют процесс произнесения (utterance), конструирования речевых актов, интенция говоряще-

го и восприятие слушающего. Однако вместе с тем мы видим и его компромиссное отношение к проблеме структуры-агентности, которое лучше всего может быть выражено следующей цитатой: «…с каждым речевым актом участники общения связаны одновременно с чем-то в объективном, социальном и субъективном мирах» [9. P. 418]. Здесь нас интересует утверждение автора о том, что речевые акты нельзя помыслить в отрыве как от объективного, так и от субъективного. И поскольку Хабермас через анализ речевых актов проводит анализ социальных взаимодействий, мы можем говорить, что эта цитата напрямую относится к интересующей нас проблеме и позволяет составить мнение о том, как к ней относился немецкий ученый.

Не менее любопытные разработки были предложены и Б. Латуром. В своей работе «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» (2014) он представляет основные положения акторно-сетевой теории. Среди ее базовых положений оказывается «невозможность оставаться на одной из двух позиций продолжительное время (речь о номинализме и реализме)» [11. С. 239]. В свете проделанного анализа это утверждение может показаться схожим с приведенными выше позициями. Однако, для Б. Латура не существует номинализма или реализма в чистом виде, как и не существует общества в том виде, в котором его принято абстрактно представлять. Провозглашая девиз «следуйте за акторами», он предлагает нам делать это всеми возможными способами. Вместо рамок реализма и номинализма Б. Латур предлагает свободу, вместо ограничений социологического словаря – уникальность словаря акторов. При рассмотрении проблем социологического словаря автор затрагивает тему перевода некоторых явлений на профессиональный язык. Он пишет о том, что мы не должны отказываться от «субстанции, сделанной из социального вещества» [Там же. С. 163] в пользу ассоциаций, возникающих в связи с ней. С одной стороны, мы имеем абсолютно микросоциологический девиз АСТ, который воодушевил не одного исследователя социального действия, с другой – проблему перевода, указывающую, в духе общих теорий XX в., на объективное существование некоторых абстрактных сущностей, которые мы ошибочно подменяем ассоциациями. В рамках АСТ исследователь не является ни инициатором, ни, тем более, куратором собственного исследования. Он может попытаться, но эта попытка будет расцениваться как серьезная ошибка, которая поставит под удар результат всей работы. Акторы знают лучше не только как им действовать, но и что означают их действия. При этом трактовка действий, доступная акторам по умолчанию, оказывается недоступна исследователю, который, в свою очередь, должен, в процессе сборки или «распутывания», постараться избежать замены социальной субстанции простыми ассоциациями. Для Б. Латура проблема структуры-агентности сводится к проблеме перевода, и, следовательно, ее решение состоит в том, чтобы использовать и словарь акторов, и «словарь» внешних объективных субстанций.

Как видим, все рассмотренные теории посткризисного периода, которые мы выделили в качестве ведущих, используют интегративный подход при рассмотрении связи структуры и агентности. Этот схожий базовый принцип, среди прочих отличающихся, демонстрирует нам свой сильнейший социологический потенциал. Еще относительно недавно теоретики пытались заполнить лакуны реализма и номинализма, минуя не менее важную – интегральную. Интеграция в своих теоретических построениях достоинств как реализма, так и номинализма позволяет преодолеть ограничения, существующие у этих направлений по отдельности. Объединение точек зрения, считающихся непримеримыми, требует более глубокой теоретической подготовки от исследователя. Среди положительных сторон подобного объединения можно выделить (1) вариативность теорий в трактовке социальных явлений, (2) их способность в принципе схватывать происходящие с обществом изменения как на структурном, так и на индивидуальном уровнях, (3) их способность не только описать, но и объяснить социальные процессы и, наконец, (4) работоспособность опирающихся на интегральный принцип теорий, выраженная в их «запасе прочности» по сравнению с теориями, опирающимися лишь на один из вариантов (микро- или макро-).

Действительно, в социологии имеет место проблема долговечности теорий, их жизненного цикла. На примере теорий первой половины XX в. (Т. Парсонс, Дж. Мид и др.) мы можем наблюдать, как их пиковая форма и распространенность стремительно сменялись тотальной критикой и забвением [18, 19]. Конечно, не стоит не учитывать диалектический эффект, произведенный этими теориями на социологическое сообщество. Но все же не стоит и переоценивать их потенциал. Социальные изменения второй половины XX в. сыграли свою роль в процессе смены наукообразующего принципа в социологии. Даже здесь мы можем увидеть взаимозависимость контекста и внутренних процессов на примере развертывания второго социологического кризиса: что к нему привело, сама фаза кризиса, посткризисный период.

Вероятно, использование данных теорий в нынешних условиях невозможно без некоторых корректировок, поскольку эти теории разрабатывались в другом контексте, пытались справиться с несколько иными общественными вызовами. Тогда возникает вопрос относительно того, какие именно корректировки вносить. Любое исследование – произвольно или непроизвольно – разворачивает выбранную для использования теорию в своих интересах. Степень подобной гибкости теории определяется ее базовыми положениями. Они же определяют и ограничения, с которыми может столкнуться исследователь. Рассмотренные выше теории имеют свои собственные ограничения, но вместе с тем они имеют общие возможности, поскольку разделяют базовый принцип взаимовлияния макро- и микроуровней анализа. Да, такое взаимовлияние выражается по-разному, но потенциал этой посылки позволяет говорить о едином векторе развития. Кроме того, если обратиться к методам сравнения Дж. Милля, а именно к методу сходства, то при ответе

на вопрос, в чем причина стабильности выбранных для сравнения теорий в посткризисных условиях, мы ответим: в том, что эти теории в качестве одного из базовых положений используют идею взаимозависимости структуры и агентности.

Следующий критерий сравнения напрямую связан с обозначенной в начале статьи проблемой характеристики социального. Для того чтобы приблизиться к решению этой проблемы, необходимо проанализировать вклад, сделанный предшественниками. Для Н. Лумана нестабильность социальных систем является структурообразующим элементом. Различие, возникающее вследствие того, что индивиды оказываются подвержены двойной контингентности, аналитически выводит нас на эмерджентный уровень анализа. Здесь мы можем обратиться к социальности смысла: «Смысл является единством актуализации и виртуализации, реактуализации и ревиртуализации в качестве процесса (обусловленного системами) с собственной тягой» [1. С. 104]. Перед принятием решения о том, каким образом действовать в конкретной ситуации, индивид оказывается под влиянием, с одной стороны, своих собственных ожиданий, а с другой, – того, как он представляет себе ожидания со стороны оппонента. «…о любом смысле можно спросить, переживает его другой точно так же, как я, или иначе. Таким образом, смысл является социальным не как связь с определенными объектами (людьми), а как носитель своего рода удваивания возможностей понимания» [Там же. С. 124]. Само понимание оказывается как бы внешним по отношению к индивиду, поскольку, во-первых, элементы социальный системы являются таковыми по умолчанию и, во-вторых, поскольку двойная контингентность выводит его на эмерджентный уровень. Но именно это и упрощает выбор ответного действия. Обнаружив себя в ситуации полной неопределенности, индивид находит ориентир в виде неопределенности оппонента и на ее основе выстраивает собственную поведенческую стратегию. Анализ неопределенности оппонента действует как анестезия, и собственная неопределенность оказывается не такой пугающей. «Поглощение неуверенности происходит через стабилизацию ожиданий, а не через стабилизацию самого поведения, что, конечно, предполагает, что поведение выбирается не без ориентации на ожидания» [Там же. С. 161].

Социальное для Н. Лумана неопределенно, зависимо от контекста, но имеет эмерджентный уровень и выполняет структурообразующую функцию. Для Э. Гидденса социальное связано со временем и пространством. В своей работе «Центральные проблемы социальной теории» («Central Problems of Social Theory») (1979) для определения времени и пространства он ссылается на Лейбница: «Понимание времени и пространства возможно только через их отношения с объектами и событиями: время и пространство являются модальностями, в которых объекты и события ‘существуют’ или ‘происходят’» [2. P. 54]. Наряду с этим Гидденс выделяет виртуальное пространство-время: «Время, пространство и виртуальное пространство-время являются необходимым для конституирования реального» [Ibid. P. 55]. Эту мысль он развивает в следующей своей работе – «Устроение общества: очерк теории структурации» («Constitution of Society: An Outline to the Theory of Structuration») (1984), когда пишет о том, что именно через их интеграцию может быть решена проблема социального порядка [3. С. 181]. Поскольку в анализе Э. Гидденса отсутствует эмерджентный уровень, социальное концептуализируется через структурные компоненты, а именно правила и ресурсы. Они не являются постоянными, поскольку процесс воспроизводства структуры предполагает, по Э. Гидденсу, их изменение в результате их же использования со стороны агентов. Так, социальное одновременно является и определяющим, и определяемым. Оно лишено автономии, которую ей предписывают реалисты, и является рядовой частью процесса воспроизводства структуры.

У М. Арчер, чья теория базируется на реализме, проведена четкая аналитическая граница между социальным, как некоторым эмерджентным свойством структуры, и действием [5]. Поскольку эмерджентность не может быть сведена к агентности, ее трансформирующей или воспроизводящей, постольку социальное не является сколько-нибудь лишенной постоянства характеристикой структуры. Социальность, в рамках теории М. Арчер, приобретает вневременную природу и не зависит от индивида или его знания о ней. Предсуществование и автономность являются неотъемлемыми характеристиками социального, что не приводит к отчаянным попыткам концептуализации и персонализации, а, напротив, изучается в полном соответствии со своими эмерджентными особенностями. Теория П. Бурдье, в свою очередь, предлагает подходить к анализу социального с точки зрения его первичности по отношению к действию. Для этого он отдельно обговаривает вплетенность принципа различения в структуру социального пространства: «…оно [различение] воспринимается в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой» [8. С. 26]. Социальное у П. Бурдье имеет множественную структуру, сообразно полю и капиталу. За счет постоянной борьбы агентов за возможность конвертирования одного вида капитала в другой социальное пространство оказывается очень насыщенным и динамичным. Более того, разнообразие полей вносит дополнительный динамизм.

Ю. Хабермас отмечает двойственность природы социального. Индивиды, являющиеся, на первый взгляд, независимыми друг от друга, оказываются соединены невидимой нитью. Соединены и подчинены, поскольку социальная сила значений речевых актов является внешней по отношению к ним. Индивид работает на производство общества, находясь при этом внутри, и использует знание, существующее независимо от него (жизненный мир). Локальная разобщенность снимается за счет глобальной вовлеченности в единый процесс общественного производства. Индивидуальность агентов, имеющая значение на микроуровне, сливается в единую субстанцию на макроуровне и дополняет собой знание о мире. Как мы видим, Ю. Хабермас тоже использует рекурсивную схему. Однако в его схеме роли распределены таким образом, что активность индивида оказывается,

во-первых, под влиянием социального, а во-вторых, всегда участвует в его воспроизводстве.

Б. Латур отмечает, что особенностью роли социального является построение связей между несоциальными сущностями: «социальное как очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [11. С. 19]. В контексте акторно-сетевой теории такое понимание социальной силы выглядит несколько непоследовательным. Б. Латур признает это: «Прыжок от признания взаимодействий к существованию социальной силы – это вывод, логически не вытекающий из посылки» [Там же. С. 93]. Однако переход с фиксирования социальных взаимодействий на более высокий теоретический уровень просто необходим, если Б. Латур хочет добавить своей теории объяснительный потенциал. Но что нас больше всего интересует, так это то, что, по Б. Латуру, «присутствие социального должно каждый раз демонстрироваться заново; его никогда нельзя просто постулировать» [Там же. С. 77]. В духе Б. Латура было бы сказать о том, что социальное – это название не всего макроуровня, а лишь той его части, которую нам удается зафиксировать через выявление групп проводников и посредников, сетей, переводов. Хотя постоянная реконцептуализация социального в некотором смысле тоже оказывается в духе АСТ. Вероятно, такое понимание социального предписывает ему непостоянство, изменчивость, непредсказуемость и, в конце концов, зависимость от действия.

Как видим, трактовка социального в рамках конкретной теории напрямую зависит от того, какие базовые принципы легли в ее основу. С одной стороны, это обеспечивает стройность теории, но с другой – нередко рождает противоречия, которые вскрывают ее слабые места. На примере нашего сравнения видно, как выбранные изначально теоретические основания в одних случаях облегчили авторам работу над характеристикой социального, а в других – составили реальную проблему. Так, создается впечатление, что Б. Латур намеренно сокращает зону влияния социального в угоду действию, которое он выдвигает на первый план. Н. Луман и М. Арчер придают социальному эмерджентные свойства, чтобы продемонстрировать его отрыв от микроуровня. Компромисс П. Бурдье в понимании социального как множественного, но одновременно и структурирующего явления оказывается неизбежен, поскольку в ином случае французскому социологу было бы не просто примирить в рамках своей теории структуралистскую посылку и импровизированные практики агентов. Схема Ю. Хабермаса в некотором роде схожа со схемой дуальности структуры Э. Гидденса. И тот и другой используют принцип рекурсии. Но в отличие от Э. Гидденса, для которого структура и агентность – это две стороны одной медали, Ю. Хабермас проводит различие между ними. И когда мы говорим о его рекурсии, то мы говорим скорее о «недокрученной» рекурсии, поскольку объективация индивидуального на структурном уровне является концом жизненного цикла индивидуального (но продолжением жизненного цикла социального). Более того, концепция взаимовлияния микро- и макроуровней оказывается как бы не до конца принятой Ю. Хабермасом, в отличие от Э. Гидденса. Результаты сравнения по второму критерию демонстрируют нам ситуацию, при которой теории, находящиеся под крылом посткризисных интегративных разработок, по-разному подходят к рассмотрению проблемы актуализации понятия социального. У них есть общие тенденции, но, как мы показали, в частностях существуют значительные расхождения. Вероятно, это связано с тем, что не все базовые положения рассмотренных теорий являются схожими. И того, что мы выявили в первом критерии, оказывается явно недостаточно для того, чтобы все теории развивались по единому вектору. В этом, на наш взгляд, заключается достоинство социологического метода. Разделяя посылку о необходимости характеризовать социальное, в том числе так, чтобы это было в духе интегративной парадигмы, авторы делают это по-разному. Для нас здесь важной оказывается та вариативность, которую может предложить интегративная парадигма.

Попытки сформулировать сколько-нибудь строгое и единое понятие социального, как правило, не имели успеха. В качестве аргумента я использую несколько видоизмененную позицию Б. Латура о научном языке. В приведенной выше цитате Б. Латура о социологическом словаре было отмечено, что ошибкой социологов является подмена социальных понятий ассоциациями. По аналогии с этим я утверждаю, что использование единого понятия социального является не меньшей, а может, и большей ошибкой, которую допускают социологи. При концептуализации социальных явлений мы ограничены имеющимся в нашем распоряжении научным языком. Существуют различные обходы этого ограничения: от заимствования терминов и понятий из смежных наук до рекомбинирования уже имеющихся. И здесь, по моему мнению, возникает главная проблема. С одной стороны, продолжает действовать теорема Томаса, и в нашем случае это реализуется в развитии различных подходов к трактовке социального. С другой стороны, в качестве импульса развития указанной проблематики продолжает существовать вопрос: «Что такое социальное?» Он не требует ответа здесь и сейчас, а, скорее, дает мотивацию на продолжение научных изысканий. В рамках рассмотренных нами теорий и вообще всех теорий, претендующих на сколько-нибудь общее описание социальной реальности, этот вопрос превращается в более прикладной: «Каким образом мы можем зафиксировать работу социального?» Подобное смещение фокуса направляет мысль исследователя от абстрактного теоретизирования к поиску конкретных инструментов, которые могут помочь приблизиться к ответу. Результаты научных поисков авторов выбранных для данного исследования теорий свидетельствуют о том, что нет и не может быть единого понимания социального. В связи с этим снимается вопрос, какая из позиций является истинной, а какая – ложной. Нас больше интересует то, куда конкретная позиция может завести. Так, вместе с М. Арчер мы будем искать ту самую лакмусовую бумажку социального, вместе с Э. Гидденсом – аналитически отождествлять социальное с влияющим на него действием, а с Б. Латуром – иметь социальное ввиду, но не сильно на него ориентироваться. Сосуществование различных подходов к трактовке социаль-

ного положительно отражается на его изучении, ведь конкуренция – один из факторов развития. Однако не стоит принимать за конкуренцию простое наращивание эмпирического и теоретического материала. Принцип мультипарадигмальности предоставляет площадку и для борьбы аргументов, а не только для их мирного базирования.

Схожая позиция по поводу проблемы структуры / агентности еще не означает схожую позицию при характеристике социального. Необходимо иметь ввиду, что сам процесс концептуализации является зависимым от базовых положений теории, в рамках которой работает социолог. Соответствовать этим положениям – одна из основных задач, к выполнению которой должен стремиться исследователь. На примере Н. Лумана, М. Арчер, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, П. Бурдье и Б. Латура мы видим, как с этим справляются ведущие социологи посткризисного периода. Таким образом, мы можем сформулировать четыре тенденции, наметившиеся в изучении социального:

1) смена фокуса с вопроса о том, что такое социальное, на вопрос о том, как мы можем его зафиксировать;

2) эмерджентность / тождественность социального по отношению к социальным отношениям;

3) автономность / зависимость социального от остальных элементов анализа;

4) стабильность / изменчивость социального во времени (и пространстве).

Эта матрица может помочь избежать ловушки теоремы Томаса, поскольку каждый ее пункт может быть соотнесен с основными положениями теории, в рамках которой проводится конкретное исследование. Еще раз повторим: посылка о том, что бывают истинная и ложная трактовки социального, признается нами не имеющей достаточных оснований на существование. В это же время мы не хотим сказать, в духе П. Фейерабендта, что «возможно все» [20]. Напротив, мы выступаем за строгую последовательность шагов, когда речь идет о концептуализации социального. С нашей точки зрения, такое отношение к проблеме способствует более тщательной ее проработке.

В начале данной статьи нами была сформулирована основная проблема: актуализация понятия социального в современном контексте. Мы видим, что этот исследовательский вопрос вместо того, чтобы привести нас к ответу, привел к развилке. Но он в то же время позволил косвенно установить влияющий на ответ фактор, о котором не спрашивалось. Если у исследователя возникает необходимость концептуализировать социальное, то мы рекомендуем отложить эту идею и обратиться к базовым положениям теории, в рамках которой он работает. Именно они помогут ему понять, «какое из» социальных ему необходимо. Даже так: какое из социальных единственно возможно для него. Через разные очки мы видим один и тот же предмет по-разному. Но это один и тот же предмет, принципиально он не меняется, очки не изменяют его. И до того, как мы подошли посмотреть, предмет находился на своем месте. Репостулирование, попытки найти больше свидетельств социального не имеют ничего общего с изучением социального до тех пор, пока они производятся ради самих себя. Только в тот момент, когда это начнет происходить ради объяснения того, как социальное функционирует, мы можем говорить о развитии. При работе с социальным возникает сложность сопоставления его характеристик с теоретическими основаниями, которые разделяет исследователь. Как видно из примера Б. Латура, включить социальное в АСТ оказалось возможным только через сужение радиуса его воздействия. А поскольку социальное – это в первую очередь макросоциологический концепт, такое решение не выглядит корректным. Чтобы избежать подобного ограничения, необходимо заранее согласиться с тем, что социальному будет предоставлена некоторая автономность. Это один из выделенных нами пунктов, в котором можно с уверенностью выбрать одно из двух. Но интегративная парадигма предполагает взаимовлияние различных уровней анализа, взаимопроникновение и взаимоконструирование. Таковы основные ее посылки. Тогда некоторая часть или, точнее, некоторое состояние социального во времени и пространстве должно быть подвержено влиянию. Это приводит нас к следующему пункту – эмерджентности. Данный концепт позволяет провести аналитическое разделение социального на «до» и «после». И при этом сохранить его автономность. То, как корректно исследовать эмерджентные свойства социального, пытаются решить с помощью теорий М. Арчер и Н. Лумана. Характеристики стабильности / изменчивости тоже оказываются слишком строгими для современного толкования социального. Стабильной оказывается некоторая его часть, которая пополняется из переходящей на эмерджентный уровень другой его части. Как видим, все пункты не могут быть использованы однозначно. Возникает необходимость не столько в постулировании какого-либо свойства социального, сколько в установлении четких границ его противоположных свойств. Это совершенно меняет фокус исследования, но позволяет провести его более эффективно.

Подводя итог, хотелось бы вновь вернуться к основному исследовательскому вопросу. В процессе решения теоретических проблем социологии нередко возникают новые дилеммы. Так произошло и в нашем случае. Сопоставив подходы к определению понятия социального ведущих социологов посткризисного периода, мы обнаружили новую проблему, которая касается соответствия базовых положений теории и требований интегративной парадигмы. Это позволяет говорить о перспективах развития науки и потенциале уже имеющихся в нашем распоряжении разработок. И, вместе с тем, задает некоторый исследовательский вектор на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007. 641 с.
2. Giddens A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L. : Macmillan, 1979. 294 p.

3. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge : Polity Press, 1984. 401 p.
4. Giddens A., Sutton P. Essential Concepts in Sociology. Cambridge : Polity Press, 2014. 229 p.
5. Archer M. Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 354 p.
6. Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
7. Бурдье П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
8. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
9. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. B. : Beacon Press, 1984. 562 p.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Boston : Beacon Press, 1987. 457 p.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
12. Morrison K. Marx, Durkheim Weber. Formations of Modern Social Thought. 2nd ed. N. Y. : Sage Publishing, 2006. 465 p.
13. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М. : Норма, 2014. 488 с.
14. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 р.
15. Резник Ю.М. Понятие «социальное» в современной философии и науке // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II, № 1 (2). С. 88–111.
16. Albert S., Anderson H., Conceptual M. Translation: A Metatheoretical Program for the Construction, Critique, and Integration of Theory // Journal of Management Inquiry. 2010. № 19 (1). P. 34–46.
17. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. N.Y. : Routledge, 2008. 277 p.
18. Mills C.W. Sociological Imagination. Oxford : Oxford University Press, 1959. 234 p.
19. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб. : Наука, 2003. 576 с.
20. Фейерабендт П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007. 414 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 февраля 2019 г.

The Notion of the Social as a Problem for Integrative Paradigms

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 120–127.
DOI: 10.17223/15617793/441/16

Vasiliy S. Sergeev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svsrmsk@gmail.com

Keywords: the social; integrative paradigm; structure/agency problem; theory.

This article presents a study on the problem of the social and the problem of the structure – agency. The main research question is related to the potential of integrative paradigms in solving the indicated problems. The relevance of the research is connected with the need to clarify the status of the concept of the social for modern sociology. One of the results of the second sociological crisis of the 1960s–70s was the emergence of theories that can be attributed to the integrative wing. N. Luhmann, A. Giddens, M. Archer, J. Habermas, P. Bourdieu, B. Latour proposed their original designs and, thus, opened a new stage in the development of sociology. However, their theories faced certain difficulties. The first was the problem of structure – agency, which was solved either by the author's position of holism or nominalism. The limitations of these polar approaches had to be solved in various ways, but with the help of a single idea of the interdependence of macro- and micro-levels. Another problem inherited from the predecessors was the absence of any concrete concept of the social. Each of the listed theorists described it in his own way. A comparative analysis was chosen as a method, since it allows to make a sufficiently detailed study of the problem of the research. Criteria for comparison were the attitude of the authors to the problem of structure – agency and the authors' characteristics of the social. As a result of the comparative analysis, both similarities and differences of the selected theories according to the relevant criteria have been identified. Not only the authors' final formulations on the issues of interest have been recorded, but also the processes of their generation. A number of restrictions the authors faced have been identified. The author of the article has found that the single premise of the interdependence of structure and agency, which all the authors share to one degree or another, was, in some cases, difficult to integrate into their theories. In some cases, e.g., with Latour or Bourdieu, there are clear concessions that the authors had to make in order to meet the requirements of the integrative paradigm. However, on the basis of the comparative analysis, four main trends in the definition of the social have been identified: (1) change of the focus from the question of what the social is to the question of how we can fix it; (2) the emergence/identity of the social in relation to social relations; (3) autonomy/dependence of the social from the rest of the elements of analysis; (4) stability/variability of the social in time (and space). These trends, in the author's opinion, are decisive in characterizing the concept of the social in modern sociology, since their comparison with the basic ideas of the theory and with the requirements of the integrative paradigm will allow to characterize the social in a dynamically developing society more effectively.

REFERENCES

1. Luhman, N. (2007) *Sotsial'nye sistemy: ocherk obshchey teorii* [Social Systems: An Outline to General Theory]. St. Petersburg: Nauka.
2. Giddens, A. (1979) *Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis.* London: Macmillan.
3. Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.
4. Giddens, A. & Sutton, P. (2014) *Essential Concepts in Sociology*. Cambridge: Polity Press.
5. Archer, M. (1995) *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Archer, M. (1994) Realizm i morfogenez [Realism and Morphogenesis]. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 50–68.
7. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyyas.
9. Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1. Boston: Beacon Press.
10. Habermas, J. (1987) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2. Boston: Beacon Press.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to the Actor-Network Theory]. Translated from English. Moscow: HSE.
12. Morrison, K. (2006) *Marx, Durkheim Weber. Formations of Modern Social Thought*. 2nd ed. SAGE Publications.
13. Osipov, G.V. & Moskvichev, L.N. (eds) (2014) *Sotsiologicheskiy slovar'* [Sociological Dictionary]. Moscow: Norma.
14. Tugarinov, V.P. (1988) *Izbrannye filosofskie trudy* [Selected Philosophical Works]. Leningrad: Leningrad State University.
15. Reznik, Yu.M. (2008) Ponyatie "sotsial'noe" v sovremennoy filosofii i nauke [The notion of the social in contemporary philosophy and science]. *Voprosy sotsial'noy teorii.* II:1 (2). pp. 88–111.
16. Albert, S. & Anderson, M.H. (2010) Conceptual Translation: A Metatheoretical Program for the Construction, Critique, and Integration of Theory. *Journal of Management Inquiry*. 19 (1). P. 34–46. DOI: 10.1177/1056492609346727
17. Bhaskar, R. (2008) *A Realist Theory of Science*. N.Y.: Routledge.

18. Mills, C.W. (1959) *Sociological Imagination*. Oxford: Oxford University Press.
19. Gouldner, A. (2003) *Nastupayushchiy krizis zapadnoy sotsiologii* [The Coming Crisis of Western Sociology]. Translated from English. St. Petersburg: Nauka.
20. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Translated from English. Moscow: AST.

Received: 11 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 128–141. DOI: 10.17223/15617793/441/17

ИСТОРИЯ

УДК 930:355/359.07

Р.С. Авилов

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ПЛАНОВ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1896–1900 гг. ЧАСТЬ 2. КАНУН КИТАЙСКОГО ПОХОДА 1900–1901 гг.

На материалах ГА РФ и РГВИА исследуется история разработки и обсуждения планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Изучена дискуссия командования Приамурского военного округа с Главным штабом Военного министерства и лично с военным министром А.Н. Куропаткиным. Рассмотрены деятельность Окружного штаба по разработке планов развертывания и сосредоточения войск Приамурского военного округа в случае начала войны в регионе, процесс составления в округе нового мобилизационного росписания. Установлено, что командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков докладывал военному министру о японской угрозе еще в 1899 г. и эти данные были доложены императору Николаю II.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; Японо-китайская война 1894–1895 гг.; Китайский поход 1900–1901 гг.; Владивостокская крепость; Н.И. Гродеков; А.Н. Куропаткин; В.В. Сахаров; мобилизационная готовность.

Сложившаяся к середине 1899 г. (все даты в тексте приведены по юлианскому календарю, т.е. старому стилю. В некоторых случаях, когда речь идет о международных событиях, в скобках приведены даты по григорианскому календарю, т.е. новому стилю) ситуация с отсутствием утвержденного плана обороны российского Дальнего Востока на случай начала войны с Японией, т.е. с наиболее вероятным противником, и серьезные расхождения во взглядах между командованием Приамурского военного округа и военным министром на некоторые базовые положения, долженствующие лежать в основе этого документа, ставили Главный штаб Военного министерства и его начальника, генерал-адъютанта В.В. Сахарова, в достаточно щекотливое положение. Особенно с учетом того, что в результате анализа всех представленных в столицу документов [1. Л. 2–8 об.] **заведующий Азиатской частью Главного штаба** генерал-майор Д.В. Путята (сам выдающийся военный востоковед бывший в течение 6 лет – с 1886 по 1892 г. – военным агентом в Китае и хорошо знавший Дальний Восток [2. С. 197–198]) склонялся в своих выводах на сторону командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова [3. Л. 9–11 об.], а не военного министра А.Н. Куропаткина.

Результатом проработки в Главном штабе всех материалов по этому делу стала докладная записка начальника Главного штаба В.В. Сахарова, датированная 6 ноября 1899 г. Документ рисовал военное положение российского Дальнего Востока в очень мрачных красках и по стилистике скорее напоминал те документы, которые поступали с Дальнего Востока в Военное министерство в Петербург, а не наоборот, спускались из столицы в г. Хабаровск. «Наше положение на Дальнем Востоке, – отмечалось в записке, – ныне более прочное по сравнению с тем, что было пять лет тому назад, не может все еще быть признано благоприятным. Быстрое развитие Японии, на которое долгое время мы смотрели без опасения, победоносная война ея с Китаем (Японо-китайская война 1894–1895 гг. – *Р.А.*) и начинающееся пробуждение желтой расы создали нам нового врага, не скрывающего свою враждебность, а внутреннее брожение, происходящее в Китае, скорее сделает последний открытым союзником Японии, чем нашим. Те огромные выгоды, которые дает нам владение Квантуном, в данное время не могут вполне осуществиться; пока же занятие Порт-Артура только увеличивает число уязвимых пунктов. Кроме того, Англия, заняв Вейхай-вей, вступила теперь в непосредственное соседство с нашим новым владением, и нет сомнения, что в случае войны она явится деятельным союзником Японии.

Таким образом, в случае возникновения военных действий на Дальнем Востоке, нам придется иметь дело с противником, за которым обеспечено полное господство на море и огромный численный перевес в силах. 250-тысячная японская армия может почти вся принять участие в десантных операциях против нашего побережья, в виду островного, а следовательно, безопасного положения японской державы.

Для противодействия этим силам в данное время на всем огромном пространстве, которое занимают наши владения на Дальнем Востоке, мы располагаем лишь войсками Приамурского округа, гарнизоном Порт-Артура и, как резервом для них, войсками Сибирского округа. Что же касается Туркестанских войск (т.е. войск, дислоцирующихся на территории Туркестанского военного округа. – *Р.А.*), то они имеют свою специальную задачу угрожать британским владениям в Индии. На прибытие же резервов из России (имеется ввиду Европейская Россия. – *Р.А.*) можно рассчитывать лишь в том случае, когда нейтралитет наших западных соседей будет несомненным, и оно потребует весьма продолжительного времени» [4. Т. 1. С. 182–183]. Записка отчетливо свидетельствовала, что сотрудники центрального аппарата Военного министерства постепенно начинали осознавать те угрозы, о которых с весны 1895 г. докладывали им последовательно С.М. Духовской и Н.И. Гродеков.

Более того, в Главном штабе наконец-то осознали и важность для обороны Южно-Уссурийского края

Посьетского участка – ключа всего Южно-Уссурийского края («Здесь высадка удобна почти на всем протяжении, здесь находится крепость, военный порт и конечный пункт железнодорожного пути – Владивосток; отсюда неприятельский десант может развить свои операции вглубь страны с целью отторжения от России богатого Южно-Уссурийского края») [4. Т. 1. С. 183], а также устья р. Амур с г. Николаевск и о-ва Сахалин (вообще не упоминавшегося в 1895–1899 гг. в документах, связанных с военным планированием на Дальнем Востоке), занятие которых могло бы иметь известное «моральное» значение [Там же].

Особое внимание в документе было уделено разбору стратегического значения Маньчжурии и Квантунского полуострова, а также критике предложений Н.И. Гродекова по сосредоточению войск. В Главном штабе исходили из достаточно странного соображения, что пока существует Уссурийский корпус и Квантунский полуостров находится под русским контролем, движение японской армии в направлении среднего течения р. Сунгари маловероятно. Поэтому идея формирования отдельного Маньчжурского корпуса для занятия линии Бодунэ–Гирин и занятие большими силами среднего течения р. Сунгари были признаны нецелесообразными, равно как разброс и без того недостаточных сил на пространстве протяжением в 1 тыс. верст. Задачи же, возлагаемые на Маньчжурский корпус, можно было выполнить и гораздо меньшими силами: для противодействия восстанию местного населения в Маньчжурии было признано достаточным иметь несколько сотен, для обеспечения безопасности КВЖД посчитали достаточным наличие охранной стражи, численность которой предполагалось довести до 5 тыс. чел. Эти утверждения были невообразимой нелепицей, свидетельствовавшей об абсолютном невежестве сотрудников Главного штаба и его начальника в вопросах как истории Китая, так и его современного состояния. Абсурдность указанных тезисов наглядно подтвердили события, произошедшие в Манчжурии менее чем через год. Что же касается планируемого наступления войск из района среднего течения р. Сунгари на Квантунский полуостров на выручку Порт-Артуру, то оно было признано «совершенно бесцельным» как минимум до окончания строительства ЮМЖД, поскольку с момента объявления мобилизации до прибытия войск к Порт-Артуру, по самым оптимистичным подсчетам, получалось примерно полгода времени [4. Т. 1. С. 183]. По предоставленным тем же Н.И. Гродековым данным, а других в Главном штабе не было, получалось, что войска с территории Забайкальской и Амурской областей могли быть сосредоточены в районе среднего течения р. Сунгари за 2,5 месяца при открытой речной навигации и за 3,5 – при закрытой, после чего на преодоление расстояния в 1 тыс. верст из района сосредоточения до Порт-Артура требовалось еще 2,5–3 месяца.

Поэтому было предложено с началом войны ограничиться формированием одного Уссурийского корпуса, одного отряда и 2 крепостных гарнизонов: 1. Уссурийский корпус в составе 23 1/4 батальонов, 19 эскадронов и сотен и 82 орудий, главные силы которого (21 1/4 батальона, 17 эскадронов и сотен и 74 орудия) сосредоточивались у станции Надеждинской, а особый отряд (2 батальона, 2 сотни и 8 орудий) защищал побережье южнее м. Славянский. 2. Николаевский отряд для обороны устья р. Амур в составе одного батальона, одной крепостной артиллерийской роты и одной инженерной роты. 3. Гарнизон Владивостокской крепости в составе 5 крепостных батальонов и 2 линейных батальонов (правда, его постепенно собирались довести до 6 крепостных батальонов и 4 линейных батальонов). 4. Квантунские войска в составе 8 батальонов, 6 сотен и 24 орудий.

Войска, дислоцировавшиеся в Амурской области, предполагалось направить частью (2 батальона, 16 орудий и 0,5 сотни) к Уссурийскому корпусу и частью (8 сотен) – для занятия важнейших пунктов Маньчжурии. Войска же из Сибирского военного округа – 25 батальонов и 42 сотни, вместе с войсками, дислоцировавшимися в Забайкалье, предполагалось сосредоточить либо к г. Стретенск (в период речной навигации), либо к г. Нерчинск (при закрытой речной навигации), откуда войска можно было перебросить либо водой, либо пешим порядком на Уссурийский или на Маньчжурский театр военных действий (ТВД). Из г. Нерчинск на Маньчжурский ТВД – по дороге Нерчинск – Цурухайтуй – Хайлар – Цицикар – Бодунэ / Харбин, всего около 1 тыс. верст [4. Т. 1. С. 182–183, 772].

Авторы записки наивно полагали, что наличие в Южно-Уссурийском крае группировки русских войск в 35 тыс. чел., при минимальном количестве артиллерии с возможностью прибытия подкреплений сначала из Сибири, а затем, если империя не будет втянута в европейскую войну, и из Поволжья, удержит японцев от серьезных действий против русской территории. Противник, с их точки зрения, должен был захватить Квантунский полуостров, занять Корею, а в отношении Владивостокской крепости ограничиться лишь демонстративным обстрелом. Причем в Главном штабе вполне отдавали себе отчет в том, что при численности армии минимум в 200 тыс. чел. Япония легко достигнет двух указанных целей, поскольку уже через две недели после объявления мобилизации против блокированного и обреченного Порт-Артура будут стоять во много раз превосходящие силы неприятеля. «Как бы геройски ни защищался этот отряд, но вне сферы чистых случайностей трудно допустить, чтобы даже при содействии судов береговой обороны ему удалось удержаться против в пять, если не более, раз сильнейшего противника в продолжение 3 месяцев, т.е. того времени, которое потребовалось бы на подход сюда ближайших полевых войск Уссурийского корпуса» [Там же. С. 185]. От переброски же для спасения Порт-Артура Уссурийского корпуса было рекомендовано отказаться как от операции едва ли возможной и целесообразной. В Главном штабе исходили из полученных ранее от Н.И. Гродекова данных, что указанную переброску войск можно осуществить либо береговой дорогой Гензан–Ычжю, местами проходимой для колесного обоза, но в то же время открытой для обстрела неприятельским флотом, либо по

горной дороге через Самсу (в настоящее время населенный пункт Самсу в КНДР), Чхан-чен (в настоящее время населенный пункт Чхонсон в КНДР) на Ычжю, для движения по которой требовался отсутствовавший в то время в округе в достаточном количестве вьючный обоз. «А раз невозможно обеспечить себе правильный и непрерывный подвоз с базы, то не может быть и речи о движении наступательного характера через эту малокультурную и бедную средствами страну, тем более, что всякий отряд, двигающийся от Владивостока к Квантуну, неизбежно подставит свой фланг силам японцев, занимающим Корейский полуостров.

Можно вообще заметить, что если только кампания не затянется на весьма продолжительное время, то войскам Приамурского округа не придется действовать ни на Квантуне, ни на Северо-западном Корейском театре; тем более не придется воспользоваться здесь и Сибирскими резервами» [4. Т. 1. С. 185–186].

Таким образом, авторы записки *de facto* приходили к выводу, что до окончания строительства КВЖД и ЮМЖД Россия не может отстоять военными средствами свои политические интересы на Дальнем Востоке. Открытым оставался лишь вопрос: как поступать командованию Приамурского военного округа в случае, если война с Японией все-таки начнется до завершения железнодорожного строительства?

Для смягчения эффекта от столь мрачных перспектив в документ был вставлен также расчет скорости сосредоточения и переброски войск после окончания русского железнодорожного строительства в Маньчжурии. Когда появлялась возможность за 15 дней перебросить Уссурийский корпус (без Посьетского отряда) как на Квантунский полуостров, так и к г. Мукден. При этом сил Уссурийского корпуса в 30 тыс. чел. для занятия войсками района г. Бицзыво все равно оказывалось недостаточно, тем более что при этом пришлось бы выделять отряды для охраны 1500-верстного участка железной дороги (численность охранной стражи признавалась недостаточной), могущего подвергнуться нападению японцев со стороны р. Ялу (пограничная река, определяющая в настоящее время юго-западную часть границы между КНР и КНДР. В Российской империи ее название транслитерировалось на русский язык с китайского как р. Ялу и с корейского – как р. Амнокган; в настоящее время – соответственно р. Ялуцзян или Амнокган). Поэтому авторы записки предложили перебрасывать Уссурийский корпус не к Бицзыво, как предлагал Н.И. Гродеков, а в другое место в непосредственной близости от Квантуна или к г. Мукден, откуда эти войска могли угрожать японцам на Квантуне и, при необходимости, парировать их попытку перейти в наступление с Корейского полуострова.

Подкрепления из Забайкальской и Амурской областей, а также Сибирского военного округа при таком раскладе следовало направлять по КВЖД в г. Харбин, откуда их можно было легко перебросить по необходимости и к Владивостокской крепости, и к г. Мукдену. Собрав там при благоприятных обстоятельствах до 75 тыс. чел., авторы записки допускали даже начало успешного наступления с последующим развитием операций к югу от р. Ялу: «По переправе через Ялу, наши войска вступят в довольно населенную и богатую часть Кореи, где находится важный узел путей Пеньян и столица Сеул. Можно думать, что такие успехи нашего оружия принудят Японию к скорейшему заключению мира, что и было бы наиболее для нас желательным, так как дальнейшее наступление в южную часть полуострова, хотя не менее культурную, представляет значительные затруднения по дальности расстояний» [4. Т. 1. С. 185]. Заканчивалась записка, как, впрочем, и все аналогичные документы, полученные ранее с мест, констатацией необходимости усиления войск: Квантунского отряда – до такой силы, чтобы он мог в течение полугода самостоятельно держаться против пятикратно превосходящих сил противника (разумеется, при условии строительства фортификационных сооружений в Порт-Артуре и снабжении гарнизона возникшей таким образом крепости всеми запасами на 1–2 года); войск Приамурского военного округа – в первую очередь путем формирования понтонных частей и вьючного обоза [Там же. С. 186–187].

От содержания этой записки пришел в ужас не только первым анализировавший ее уже в качестве историка член военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг. полковник П.Н. Симанский, верно подметивший, что Главным штабом «предполагалось предоставить Порт-Артур его собственной участи, другими словами – несомненной гибели» (поскольку на усиление Квантунского отряда и серьезное крепостное строительство в Порт-Артуре денег просто не было) [Там же. С. 185], но даже военный министр А.Н. Куропаткин, неожиданно склонившийся по ее прочтении на сторону Н.И. Гродекова, т.е. в пользу формирования двух корпусов с задачей Маньчжурскому выручать Порт-Артур, хотя сам же признавал ранее сосредоточение войск в районе среднего течения р. Сунгари разбрасыванием сил. «Мы должны готовиться выручить Порт-Артур», – заметил он в одной из своих резолюций, хотя тут же скатился к откровенному шовинизму, написав на полях записки напротив фразы о невозможности крепости держаться при «в пять, если не более, раз сильнейшем» противнике, что «наш гарнизон может и теперь держаться столько времени, сколько будет запасов, если мы его усилим» [Там же. С. 187]. Мысль о том, что гарнизон может быть еще до израсходования запасов просто физически перебит при обстреле тяжелой осадной артиллерией, как-то не пришла ему в голову, даже с учетом того, что каких-либо серьезных оборонительных сооружений в Порт-Артуре во второй половине 1899 г. вообще не существовало, а по проектам крепостей Порт-Артур и Владивосток продолжались жаркие дискуссии [4. Т. 8, ч. 1. С. 39–50; 5. Л. 1–37, 78–94; 6. С. 155–159].

С использованием войск Забайкальской и Амурской областей, а также резервов, прибывающих из Сибирского военного округа, А.Н. Куропаткин вполне согласился, а вот с мнением, что рассчитывать на войска Южно-Уссурийского корпуса «возможно лишь при исключительно благоприятных политических обстоятельствах, и брать их в расчет в подгото-

вительных работах по сосредоточению в Маньчжурии не следует», он был «совершенно несогласен», заодно высказавшись о бесполезности авангарда у станции Куанченцзы, указав на необходимость держать его вместе с главными силами, а не на отдалении 150 верст [4. Т. 1. С. 187].

Впрочем, кроме мнений Главного штаба и командования Приамурского военного округа существовала также как минимум одна записка с альтернативными соображениями относительно плана сосредоточения русских войск. Подготовленная Генерального штаба полковником В.А. Альфтаном [4. Т. 1. С. 188–189], долго служившим на Дальнем Востоке [2. С. 13–14], она предусматривала вместо оборонительных активные наступательные действия. Альфтан исходил из концепции, от которой в Военном министерстве к этому времени уже несколько лет как отказались, а именно что численность и сила войск Приамурского военного округа должны возрастать в соответствии с развитием японской армии и, по возможности, даже превышать последние, а не зависеть от прибытия подкреплений из Сибири и Европейской России. По его мнению, к 1903 г., когда Япония будет иметь 184 тыс. чел. войск, численность русских войск в регионе должна составить около 225 тыс. чел., а их состав четко коррелироваться с условиями местности. Кавалерию иметь малочисленной, в количестве, достаточном для разведки; артиллерию – почти исключительно горную (полевой немного, и то облегченного типа). Всего в составе Приамурской армии: 185 батальонов, 44 сотни, 60 батарей (41 горная и 19 полевых), 6 саперных батальонов, одну телеграфную роту и 10–12 рот крепостной артиллерии [4. Т. 1. С. 188–189].

Следует подчеркнуть, что подобные показатели не были достигнуты в Приамурском военном округе даже к началу Первой мировой войны! Так, по официальным данным на 1 сентября 1914 г. (до начала отправки войск на фронт), всего на территории округа находились: 118 батальонов, 12 рот, 6 эскадронов, 13 сотен, 426 орудий (не считая артиллерии Владивостокской и Николаевской-на-Амуре крепостей), 19 артиллерийских парков, один осадный инженерный парк, один крепостной военный телеграф, одна военно-голубиная станция и 4 искровые станции (радиосвязь) [7. С. 399–402; 8. С. 8–9]. Что же касается рассматриваемого периода, то штатный состав нижних чинов на Дальнем Востоке (т.е. в Приамурском военном округе и Квантунской области), по официальным данным на 1 января 1902 г., составлял всего 80,9 тыс. чел. [9. Л. 1 об.; 10. С. 41–42].

В качестве цели для нанесения сосредоточенного удара В.А. Альфтан указал Корею как единственно возможный здесь ТВД [4. Т. 1. С. 188–189, 772]. Причем сам он достаточно хорошо знал Корейский полуостров, по которому с 30 ноября 1895 г. по 17 марта 1896 г. совершил рекогносцировочную поездку [11. С. 8–96]. Сложнее было с продовольственной базой, поскольку «для прокормления» столь большой армии даже во взятых вместе Забайкальской, Амурской и Приморской областях не хватало для годового обеспечения войск около 1300 пуд. хлеба и 850–1450 тыс. пуд. овса., а расчетных запасов самого Корейского полуострова хватало максимум на 25 тыс. чел. Вполне закономерно, что в качестве продовольственной базы и им была избрана Маньчжурия, а точнее, район Турий Рог–Сян-син–Бодунэ–Куанченцзы–Гирин–Омосо–Посьет, включавший территории как Маньчжурии, так и Южно-Уссурийского края. Для ее охраны необходимо было выделить 5 батальонов, одну горную батарею и 4 сотни. Еще 18 батальонов, 12 крепостных артиллерийских рот, 4 сотни, 5 батарей и одна саперная рота требовались для обороны Владивостокской крепости и побережья от зал. Посьета до Владивостока. Охрану главнейших центров Приамурского военного округа должны были обеспечить несколько батальонов, команд и рот, а остальные 160 батальонов, 30 сотен, 55 батарей (40 горных и 15 полевых) и 6 саперных батальонов предполагалось направить в Корею. Удивительно, но 9/10 всей армии он считал возможным доставить туда морем из Владивостока, а 1/10 – отправить из урочища Новокиевское по береговой дороге. Сначала войска должны были выйти на линию Гензан–Пеньян, которую он считал возможным занять войсками раньше противника, исходя из того что расстояние морем до Гензана от Владивостока и от Японии было одинаковым. Затем войска должны были выйти на линию Сеул–Чемульпо [4. Т. 1. С. 188–189, 772].

Хотя некоторые выкладки в этой записке не были лишены определенной логики, в целом проект крайне слабо соотносился с реальными возможностями как Российской империи, так и ее основного противника – Японии. Уровень хозяйственного освоения территории Приамурского генерал-губернаторства едва ли позволял разместить там на постоянные квартиры такое количество войск – тоннаж имевшегося флота решительно не позволял перебросить их морем в Корею, а состояние русского ВМФ на Дальнем Востоке не позволило бы обеспечить абсолютное господство русского флота на море, без чего все стратегические выкладки В.А. Альфтана начисто теряли практическую реализуемость.

Записка была изучена в Главном штабе младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета подполковником В.Х. Роопом к 25 февраля 1899 г. (не был специалистом по Азии и Дальнему Востоку, а 1 мая 1900 г. был назначен военным агентом в Вену – столицу Австро-Венгерской империи [12. С. 170; 13. С. 172]), ознакомившийся с ней 4 марта А.Н. Куропаткин характеризовал некоторые части записки как «совершенно опасную фантазию», а выводы – как «странные и слабые» [4. Т. 1. С. 188–189, 772].

Осенью того же 1899 г. грянул так называемый кризис в Мезанпо. Дело в том, что для обеспечения коммуникации между двумя важнейшими портами России на Тихом океане – Владивостоком и Порт-Артуром – русскому ВМФ требовалась как минимум одна угольная станция, оптимальным местом расположения которой командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов признал Корейский порт Мезанпо (в настоящее время город и порт Масан, Республика Корея). В то же время любая русская деятельность в Корее вызывала сильное возбуж-

дение японских военных и дипломатов, сопровождаемое открытым противодействием. В результате на открытых 21 мая 1899 г. торгах, из-за оплошности русской стороны, представители которой не прибыли на мероприятие вовремя, из 35 предложенных в Мезанпо участков 16 сразу же оказались в руках японца Хасама, который ни на каких условиях не собирался уступать их русским. Против захвата участка силой категорически выступил МИД, а попытки решить эту проблему (неудачные) и вызвали активную реакцию со стороны Японии. В дальневосточной печати в то время тиражировались упорные слухи, с одной стороны, о том, что русские замышляют силовой захват Мезанпо (на их фоне планировавшийся заход русской Тихоокеанской эскадры в этот порт был отменен), а с другой – о возможном нападении японцев на Порт-Артур или Владивосток, где тогда стояла эскадра. Причем, даже в начале декабря 1899 г. в Японии продолжались массовая переброска войск с восточного побережья на западное, энергичная деятельность в портах, и в первую очередь Сасебо, где работы шли круглосуточно, а 11 декабря граф А.П. Кассини (в то время посланник в США) сообщил, что японское правительство спешно заказало у англичан порох и снаряды [14. С. 179–187; 15. С. 97–98; 16. С. 276–278].

Эти обстоятельства привели не только к очередным ходатайствам Н.И. Гродекова об усилении войск Приамурского военного округа, но и о некоторой корректировке плана их развертывания в случае начала войны. Наиболее полно соображения были изложены Командующим войсками округа в записке от 12 апреля 1900 г. [17. Л. 12–21 об.]. В отношении анализа потенциальных угроз все внимание командования округа было приковано исключительно к Японии и Англии [Там же. Л. 13а–14], причем относительно этих двух стран анализ был достаточно точен: «В настоящее время совершенно ясно, что в ноябре минувшего года Япония, с оружием в руках, готовилась выступить на защиту своих интересов в Корее, когда прошел слух, будто-бы Россия хочет силой занять участок земли в Мосампо.

Правда все приготовления Японии были не особенно серьезны; тем не менее они показали, что мир на Дальнем Востоке далеко не прочен и что достаточно ничтожного повода, чтобы возгорелась война. В данном случае все обошлось благополучно; но нельзя поручиться за будущее. В настоящее время нет данных полагать чтобы Япония сама, без достаточного к тому повода, начала войну с нами; но несомненно, что, при благоприятных обстоятельствах, Япония не упустит случая посчитаться с нами и так или иначе решить Корейский вопрос [Напротив этого абзаца резолюция Николая II: «Весьма вероятно»]. Насколько можно судить здесь, в настоящее время ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос, ставший для Японии, помимо его практического значения, вопросом чести и национального самолюбия.

Можно положительно утверждать, что в настоящее время всякие наши шаги в Корее, всякие попытки утвердиться там или упрочить свое влияние, без предварительного соглашения с Японским правительством, будут встречены самым недружелюбным образом в Японии и могут повести к такому всеобщему возбуждению, которое кончится войной» [17. Л. 13–13 об.]. В то же время Китай в качестве самостоятельного военного противника России в записке снова не фигурировал [17. Л. 13а–14]. Поэтому базовые решения, лежавшие в основе плана сосредоточения войск округа, изменениям не подвергались, а лишь совершенствовались, тем более что успехи железнодорожного строительства позволили заметно повысить качество практической реализации задуманного.

Вследствие окончания строительства Забайкальской и Сибирской железных дорог и благодаря более рациональному распределению запасных нижних чинов и лошадей, к весне 1900 г. удалось в значительной мере ускорить мобилизационную готовность войск Приамурского военного округа, подняв ее на 2–22 дня. К 15 апреля 1900 г. в округе вводилось новое мобилизационное росписание № 5, по которому войска мобилизовались в следующие сроки: гарнизон Владивостокской крепости – на 4-й день, Николаевской-на-Амуре крепости – на 5-й, войска Приморской области – 5–12-й, Амурской –4–26-й (последний срок для казачьих частей Амурского казачьего войска, разбросанного по Амуру, от ст. Покровской до ст. Михайло-Семеновской), Забайкальской – 6–26-й день [17. Л. 15]. При этом, благодаря введенной еще в 1898 г. ускоренной мобилизации, крепость Владивосток и Николаевские укрепления, в случае необходимости, могли быть готовы к действию через 6 часов [18. Л. 1].

Еще более ускорить мобилизацию не позволяли малое еще число запасных нижних чинов в округе, а главное – «неравномерность их размещения, при весьма трудном учете, громадных расстояниях и плохих путях сообщения». Аналогичным образом обстояло дело и с пополнением частей и соединений лошадьми по военно-конской повинности. «В общем, – констатировал Н.И. Гродеков, – должно признать достигнутые результаты мобилизационной готовности войск Округа вполне удовлетворительными при настоящем положении дел, когда войска эти, чтобы попасть на театр военных действий (примерно к Мукденю), принуждены будут совершать 3-месячный поход» [17. Л. 15].

В конце 1899 г. в округ должны были прибыть из Европейской России госпиталя, что обеспечивало как войска Приамурского военного округа, так и Сибирские подкрепления военно-врачебными заведениями. Госпитальное имущество уже имелось полностью, а часть медицинского еще не была выслана; обозом военно-врачебные заведения были обеспечены. При мобилизации военно-врачебных заведений сложности ожидались лишь с укомплектованием их медицинским персоналом, поскольку «состоящих на участке лиц, медицинского персонала в Приамурском и Сибирском округах – ничтожное количество и, по призыве всех их, не хватает 241 врача, ветеринара и фармацевта и 341 фельдшера». Абзац с этими сведениями Николая II отчеркнул дважды [17. Л. 15–15 об.]. Неприкосновенные запасы, хранимые при войсках на

случай мобилизации, имелись полностью и освежались своевременно [Там же. Л. 15].

Вероятными главными ТВД для войск округа виделись Корея или Южная Маньчжурия и второстепенным – Приморская область. В Окружном штабе полагали, что Япония еще до объявления войны перебросит войска в Корею, заняв ее важнейшие пункты, создав запасы и подготовив себе тем самым базу для операций в Маньчжурии и Южно-Уссурийском крае. «Исходя из существующего политического положения и принимая в соображение силы и средства нашего возможного противника – Японии, можно думать, что наиболее вероятный способ действий Японцев будет состоять в высадке в Корею, еще до объявления войны, значительного десанта и в занятии важнейших пунктов ея. Благодаря легкости мобилизации и обилию транспортных средств, Японцы могут, без всякого напряжения, в любой момент снарядить и отправить в Корею 1–2 дивизии на столько быстро [от Японии до берегов Кореи 15–18 часов ходу] и незаметно, что возможно, что мы узнаем об этом уже как о факте свершившемся. Заняв важнейшие пункты, где у них есть гарнизоны и поселения, Японцы могут прочно укрепиться в известном районе и обеспечить себя всякого рода запасами. Высаженные войска могут быть всегда подкреплены из Японии, отправкой новых эшелонов» [17. Л. 15 об. – 16].

Если бы такое занятие Кореи японцами привело к войне с Россией, то, по мнению Н.И. Гродекова, военные действия начались бы «состязаниями на море нашего и Японского, а может быть и Англо-Японского флотов. От успеха борьбы на море зависит дальнейший ход событий. В случае перевеса на Японской стороне, господство на море переходит всецело в их руки и они могут приступить к дальнейшим операциям на суше» [Там же. Л. 15 об.]. Далее они могли либо, из осторожности, ограничиться занятием и удержанием одной Кореи, либо использовать все возможности численного преимущества и, одновременно с занятием Корейского полуострова, начать операции на Ляодуне, выставив отряд к Мукдену и осуществляя флотом демонстрации против Владивостока, у Николаевска-на-Амуре и о-ва Сахалин.

Расчетное время появления неприятельского десанта у берегов Ляодуна определялось Окружным штабом в 3 недели после объявления мобилизации. От Японии до берегов Ляодуна при существовавшем тогда морском транспорте было около 3 дней ходу. От устья р. Ялу до г. Мукден или Порт-Артура противник мог добраться примерно за месяц похода, до Гирина – за 1,5 месяца. «Ведение операций в Маньчжурии дает Японцам больше шансов на успех, чем в Южно-Уссурийском крае, почему надо думать, что главные операции их будут направлены на Ляодун; тем более, что условия для военных действий в Маньчжурии гораздо легче и более знакомы Японцам, чем на других театрах войны» [16. Л. 16].

Сосредоточение русских войск осложнялось не только их разбросанностью по территории огромного Приамурского военного округа, но и еще рядом факторов, ранее уже докладывавшихся Н.И. Гродековым в Главный штаб. Во-первых, трудностью доставки русских войск в Корею. Во-вторых, необходимостью как можно скорее доставить войска на Квантунский полуостров для помощи Порт-Артуру. В результате длительного размышления над этими вопросами в Окружном штабе пришли к следующему: «В случае отправки войск Округа в Корею, таковое передвижение их может быть сделано тремя способами: морем, береговой дорогой и через Маньчжурию.

Первый и второй способы возможны только при обеспечении за нами господства, хотя бы в северной части Японского моря, а первый, кроме того, и при имении под рукой необходимого числа транспортов.

Вопрос о возможности обеспечения за нами господства на море очень сомнителен, сбор же необходимого числа транспортов потребует слишком много времени. Как показывают сделанные расчеты, имея 8 больших пароходов (размеров Добровольного Флота) или 37 малых, можно на 16-й день, от начала мобилизации, перевезти в Гензан: 8 батальонов, 16 орудий, 1 саперную роту, 1 сотню и на 28-й день – еще 8 батальонов, 24 орудия, 1 сотню, 1 телеграфную роту, 3-месячное продовольствие и необходимые военно-врачебные заведения и парки. Отряд в 12–16 батальонов, 40 орудий, 6 сотен и 1 саперный батальон, передвигаемый сухопутно, может прибыть в Гензан через 2 месяца; но отряду придется идти все время по дороге, отстоящей от моря на 5–40 верст, следовательно подверженной ударам неприятельского флота. Для обеспечения подвоза продовольствия этому отряду, в виду крайней трудности движения по береговой дороге колесного обоза, необходимо иметь 35 000 носильщиков; причем коммуникационная линия будет совершенно не обеспечена, ибо проходит по самому берегу моря.

Следовательно, при существующем положении вещей, первый способ передвижения войск Округа в Корею возможен только при известных благоприятных обстоятельствах; второй же настолько труден и рискован, что он должен быть вовсе исключен из числа возможных, ибо рискуем войсками, без вероятности чего-либо выиграть.

Наиболее целесообразным способом действий, в случае необходимости движения в Корею, было бы наступление через Маньчжурию на Мукдень, с тем, чтобы, сосредоточивши там значительные силы и обеспечив себе базу в Маньчжурии, начать отсюда движение в Корею» [17. Л. 16–16 об.]. Из чего был сделан вывод, что наилучшим решением будет наступление войск в Маньчжурию на г. Мукден, откуда и можно будет перебрасывать их либо в Корею, либо на Ляодун. «Это способ действий более медленный, но более верный» [Там же. Л. 16]. В то время степень готовности КВЖД и ЮМЖД еще не позволяла осуществлять по ним переброску войск, так что переброску можно было осуществить: «зимой – походом, летом же – частию походом, частью сплавлять водой». Наиболее удобным местом для сосредоточения войск Командующий войсками округа продолжал считать район среднего течения р. Сунгари.

При существующих сроках мобилизационной готовности (по росписанию № 4), войска Приморской и Амурской областей могли быть сосредоточены к Гирину на 60-й день по объявлении мобилизации, в то

время как войска Забайкальской области и Сибирские подкрепления могли быть перевезены только водой, «…причем, при существующих речных средствах на Амуре и Сунгари, если навигация не будет прерываться мелководьем Шилки, что случается почти ежегодно несколько раз, можно будет к середине октября перевести все эти войска в район средней Сунгари, начав перевозку с открытием навигации» [17. Л. 16 об. – 17]. От Гирина до Мукдена частям предстояло следовать уже походным порядком, и, по сделанному в штабе округа расчету, они могли прибыть в Мукден через 3,5–4 недели после выступления из Гирина. «У Мукденя войскам, вероятно, придется уже вступить в сферу боевых действий, следовательно дальнейшие расчеты невозможны. Но и вышеприведенные данные нельзя считать достаточно точными, в особенности относительно перевозки водою, так как здесь примешивается влияние причин стихийных (мелководье Шилки), не поддающихся никакому расчету», – резюмировал Н.И. Гродеков. Следовательно, вообще большая часть расчетов Окружного штаба касательно сосредоточения войск до окончания строительства КВЖД и ЮМЖД носила во многом гадательный характер [17. Л. 17].

Тем не менее командующий войсками округа указывал на необходимость принятия ряда мер для успешного сосредоточения. В их числе он указывал, помимо усиления войск, на некоторую корректировку дислокации войск Южно-Уссурийского отдела, «обеспечение Амуро-Сунгарийского водного пути достаточным числом плавательных средств», поскольку имеющегося запаса хватило бы только на наличное количество войск, без расчета на хотя бы минимальное увеличение, а главное – на некоторую подготовку Маньчжурского ТВД к будущей войне. В первую очередь «еще в мирное время учредить в районе средней Сунгари достаточные запасы продовольствия, которые бы обеспечили войска в случае замедления в подвозе, в особенности в первый период после сосредоточения, когда подвоз не может быть вполне организован. Этого можно бы достигнуть учреждением паровой мельницы около Харбина, составляющего узел водных и железно-дорожных путей Маньчжурии. Мельница эта будет ежегодно привлекать местные запасы зерна в количестве не менее 400.000 пудов, что даст возможность иметь во всякое время на базе значительные запасы без ущерба для казны, так как запасы эти будут идти на текущее довольствие войск Приамурского округа» [17. Л. 17–21].

Эта записка Н.И. Гродекова, датированная 12 апреля 1900 г. [Там же. Л. 12–21 об.], по получении в Петербурге и прочтении А.Н. Куропаткиным была, как и предыдущая, представлена на Высочайшее воззрение. Николай II закончил ее чтение 17 июня 1900 г. [Там же. Л. 12] – ровно пять дней спустя после начала мобилизации войск Приамурского военного округа в связи с Боксерским восстанием (телеграмму о мобилизации в Хабаровске получили 11 июня 1900 г., а первым днем мобилизации было приказано считать 12 июня 1900 г.) [19. Л. 4], т.е. началом тех самых внешнеполитических «осложнений» на Дальнем Востоке, о которых писал Н.И. Гродеков в предыдущей записке [1. Л. 7 об.]. Итоговый план сосредоточения войск Приамурского военного округа на случай новой войны ни закончить, ни уж тем более утвердить к этому времени так и не успели.

Заметно лучше обстояло дело с мобилизационным росписанием, о чем уже частично шла речь выше. С 1898 г. в округе действовало мобилизационное росписание № 3, соответствовавшее росписанию Главного штаба № 17. Усовершенствованное в подробностях мобилизационное росписание № 4 было введено в действие примерно через год, в мае 1899 г. [1. Л. 5]. Работа над составлением мобилизационного росписания № 5 для войск Приамурского военного округа велась в Окружном штабе с 1 января по 14 февраля 1900 г. При составлении росписания № 5 были приняты в основание следующие требования:

1) сделать мобилизационное росписание № 5 возможно более простым и удобным для приведения его в действие;

2) достигнуть при действительной мобилизации тех именно сроков боевой готовности, которые будут определены при расчетах мирного времени.

Для достижения первого все части войск Приамурского военного округа предполагалось укомплектовать преимущественно на месте, т.е. из тех сборных пунктов, которые должны были быть открыты в местах квартирования частей с началом мобилизации. Перевозки мобилизованных из одной области в другую были безусловно исключены, чем «сокращалось число перевозок команд запасных и упрощалась мобилизация». Поскольку в Приамурском военном округе «по местным условиям, передвижение команд запасных встречает большие затруднения в отношении размещения, продовольствия и перевозок этих команд на подводах, поэтому уменьшение перевозок было особенно желательно. Притом сдача команд на месте являлась полезной в том отношении, что давала возможность ускорить сроки готовности частей по мобилизационному росписанию № 5, сравнительно с прежними мобилизационными росписаниями округа. Но, так как избежать перевозок, хотя бы и небольших нельзя, то в “порядке ввода мобилизационного росписания № 5 в действие” были даны подробные указания: как следует отправлять команды запасных в части войск и какие меры принять для обеспечения их продовольствием, квартирами в пунктах ночлегов и перевозочными средствами» [19. Л. 4 об. – 5].

Чтобы получить при мобилизации именно те сроки боевой готовности частей и соединений, которые были определены при составлении росписания, всем воинским начальникам были даны подробные указания в виде «ведомостей последовательности отправления команд со сборных пунктов» и категорически запрещено делать отступления от указанных в них сроков. В этих ведомостях были помещены указания по дням мобилизации и по категориям запаса: «сколько нижних чинов прибывает на сборный пункт и сколько, куда и когда должно быть отправлено <…>.

Следует отметить, что все расчеты мирного времени при составлении мобилизационных росписаний имеют в основании те данные, которые даются гражданскими учреждениями <…>.

Поэтому в мирное время необходимы поверочные сборы запасных. Они дают возможность перед составлением мобилизационного росписания поверить число запасных, состоящих на учете, и даже, до известной степени, выяснить точность в расчетах времени явки запасных. К сожалению, по местным условиям, поверочные сборы запасных в Приамурском военном округе чрезвычайно трудны: на объезд районов некоторых управлений воинских начальников требуется около года, а такая продолжительная отлучка начальника, конечно, невозможна. Однако перед составлением мобилизационного росписания № 5 были приняты меры для возможно более точного определения числа запасных, состоящих на учете в округе, для чего было сделано сличение учета запасных в управлениях воинских начальников и в городских и окружных полицейских управлениях; сделанные в первых управлениях исправления были незначительны» [19. Л. 4 об. – 5].

После окончания работы и рассылки нового мобилизационного росписания № 5 в войска (введено в действие 15 апреля 1900 г.) оно было представлено в Главный штаб при рапорте от 27 мая 1900 г. [Там же. Л. 4–5].

В соответствии с этим документом «каждая область Приамурского военного округа укомплектовывала своими средствами запаса по возможности все части войск, в ней квартирующие. Недостающее число добавлялось в тыловые части из Сибирского военного округа. Забайкальская область, ввиду близости ея к Сибирскому округу, проведения Забайкальской железной дороги и недостатка запасных в области, получала укомплектование из Сибирского военного округа частью и для действующих частей» [Там же. Л. 5].

Таким образом, в Приморской области требовалось 13 189 чинов запаса, в том числе: 5 242 – для укомплектования действующих частей войск (все назначены из запаса своей области), 7 947 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 4 441 чел., или 56%, – из своей области и 3 506, или 44%, – из Сибирского военного округа). В Амурской области требовалось 1 986 чинов запаса, в том числе: 80 – для укомплектования действующих частей войск (все назначены из запаса своей области), 1 906 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 1 614 чел., или 84%, – из своей области и 292, или 16%, – из Сибирского военного округа). В Забайкальской области требовалось 11 308 чинов запаса, в том числе: 9 506 – для укомплектования действующих частей войск (из них 4 600 чел., или 48%, – из своей области и 4 906, или 52%, – из Сибирского военного округа), 1 802 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 878 чел., или 49%, – из своей области и 924, или 51%, – из Сибирского военного округа).

Всего в Приамурском военном округе требовалось 26 483 запасных чина (из них 2 759 чел. назначались в 5 запасных батальонов, предположенных к формированию в округе) [19. Л. 4], в том числе: 14 828 – для укомплектования действующих частей войск (из них 9 922 чел., или 67%, – из запаса своего округа и 4 906, или 33%, – из Сибирского военного округа), 11 655 – для укомплектования тыловых и запасных частей (из них 6 933 чел., или 60%, – из запаса своего округа и 4 722, или 40%, – из Сибирского военного округа).

Из всего этого числа нижних чинов запаса: 11 296 чел., или 43%, – поступали в части на месте, 5 559, или 21%, – перевозились в районе своих областей и 9 628 чел., или 36%, – перевозились из Сибирского военного округа. Перевозок из одной области в другую не предполагалось [19. Л. 5].

На учете в областях Приамурского военного округа к 1 января 1900 г. состояло 20 659 нижних чинов запаса. За исключением так называемой скидки в 25%, т.е. запасных, которые по каким-либо причинам освобождались от призыва, росписанием № 5 были распределены в действующие части войск округа 14 896 чел., в запасные батальоны – 1 959. Всего – 16 885 чел. Остальные 9 628 чел., недостающие до потребности округа в 26 483 чел., были назначены распоряжением Главного штаба из Сибирского военного округа и распределялись по областям следующим образом: 60% сибирских запасных (5 830 чел.) – в Забайкальскую область, 3% (292 чел.) – в Амурскую область и 37% (3 506 чел.) – в Приморскую область. Наибольшие проблемы возникли с фельдшерами запаса, которых в Приамурском военном округе оказалось на учете всего 303 чел., из которых, за скидкой в 20%, были распределены росписанием 243 чел. Еще 332 чел. пришлось назначать из Сибирского военного округа [19. Л. 4].

Этим же документом регламентировался и порядок поставки от населения лошадей при объявлении мобилизации. По мобилизационному росписанию № 5 общая потребность в лошадях всех частей войск, управлений и заведений Приамурского военного округа была определена в 12 977 голов, из которых 1 200 голов назначались в 3 отделения конского запаса, предположенные к формированию в г. Благовещенск. Лошадей у населения предполагалось брать по реквизиции, так как положение о военно-конской повинности еще не было распространено на Приамурский военный округ [20. Л. 40]. А поскольку введение военно-конской повинности в округе было лишь вопросом времени, то производство реквизиции предполагалось произвести на тех же основаниях, на которых производилась в империи поставка лошадей по военно-конской повинности, а именно: «1. все области округа были разделены на военно-конские участки,

2. в каждом военно-конском участке был назначен свой сдаточный пункт,

3. было определено время сбора лошадей на сдаточных пунктах в случае объявления мобилизации,

4. для приема лошадей от населения на каждом сдаточном пункте была образована комиссия, в состав которой были назначены в качестве членов представитель от военного ведомства,

5. военно-окружным советом были установлены цены за взятых от населения по реквизиции лошадей, притом цена за верховых лошадей была оставлена таже, что указана в приказе по военному ведомству 1899-го года № 206; цены же за артиллерийских и обозных лошадей были назначены военно-окружным

советом различные для каждой области округа, в зависимости от развития коневодства в области,

6. на каждый сдаточный пункт население обязано было поставить лошадей на 50% более того числа, которое было назначено мобилизационным росписанием для приема с этого сдаточного пункта; затем комиссия выбирала лучших из поставленных лошадей,

7. принятые от населения лошади сдавались тутже на сдаточном пункте офицерам от частей войск, заранее назначенным по мобилизационному росписанию для приема и препровождения лошадей в части войск округа» [20. Л. 40–40 об.]. Сбор лошадей по реквизиции на сдаточных пунктах должен был начаться одновременно со сбором нижних чинов запаса на сборных пунктах округа [20. Л. 40 об.].

При составлении документа возникли серьезные проблемы с подсчетом численности в округе лошадей, имевшихся у населения. Поскольку нормальной военно-конской переписи в войсках округа не проводилось, то основанием для производства разверстки наряда лошадей в областях округа между частями войск служили данные, полученные при производстве упрощенного подсчета лошадей в 1898 г. При этом упрощенный подсчет лошадей был произведен в 1898 г. в частях только Амурской и Приморской областей, причем проводился он вместо военно-конской переписи, о производстве которой 23 мая 1898 г. ходатайствовал Окружной штаб Приамурского военного округа. Главный штаб, «признав вполне своевременным возбужденный вопрос о конской переписи в Приамурском округе, нашел более соответственным на первый раз произвести только предварительный упрощенный подсчет лошадей в полосе, ближайшей к линии железной дороги, и в других важнейших районах, с тем, чтобы выяснить на месте основания для производства военно-конской переписи в ближайшем будущем», которое до Китайского похода 1900–1901 гг. так и не наступило [20. Л. 40 об.–41]. В Забайкальской области подсчета лошадей не производилось вообще, и сведения о числе лошадей были взяты Окружным штабом из отзыва Забайкальского статистического комитета № 8 от 6 февраля 1891 г. На основании всех этих данных общее число лошадей в областях округа было определено в 543 591, из которых: 503 976 – в Забайкальской области, 21 865 – в Амурской и 17 750 – в Приморской области. При этом число лошадей, «годных к службе в войсках», было определено лишь в Амурской (в 1898 г. – 6 271 лошадь, т.е. 29% общего числа лошадей в области) и Приморской (в 1898 г. – 15 001 лошадь, т.е. 85% общего числа лошадей в области) областях, где производился упрощенный подсчет лошадей. Для Забайкальской области этот показатель известен не был [Там же. Л. 40 об.].

В результате мобилизационным росписанием № 5 было назначено к реквизиции у населения Приамурского военного округа всего 12 77 лошадей: из Забайкальской области – 3 851, Амурской области – 2 236 (36% годных лошадей в этой области) и Приморской – 6 890 (45%). Из них в действующие части назначались всего 8 466 лошадей: из Забайкальской области – 3 246, Амурской – 674, Приморской – 4 546. В крепостные войска назначались 120 лошадей из Приморской области. В тыловые части всего 3 166 лошадей: из Забайкальской области – 600, Амурской – 357, Приморской – 2 209. В запасные части всего 1 225 лошадей: из Забайкальской области – 5, Амурской – 1 205, Приморской – 15 [Там же. Л. 41].

Для сбора лошадей были намечены особые сдаточные пункты: в Забайкальской области: г. Чита, г. Верхнеудинск, Нерчинский завод, г. Троицкосавск, г. Акша и станица Стретенская; в Амурской области: г. Благовещенск и станица Екатерино-Никольская; в Приморской области: г. Хабаровск, г. Николаевск, г. Никольск-Уссурийский, Владивостокская крепость, урочище Новокиевское, сел. Григорьевское и сел. Черниговка [20. Л. 41]. Взятых по реквизиции лошадей, также как и мобилизованных нижних чинов запаса, не предполагалось перевозить из одной области в другую – каждая область укомплектовывала своими «коневыми средствами» все части войск, в ней квартирующие. «Во все части войск, штабы и заведения Приамурского военного округа лошади были назначены мобилизационным росписанием № 5 в числе, составляющем разницу штатов военного и мирного времени, с надбавкою в артиллерийские и полевые инженерные части 1% (от штатов военного времени) для пополнения могущего образоваться по случайным причинам некомплекта. Сверх этого числа лошадей, назначаемых для пополнения войсковых частей до штатов военного времени, были назначены лошади обозного сорта под верх ротным командирам и врачам и, кроме того, верховые лошади тем лицам, коим согласно приказа по военному ведомству 1895-го года № 306 *должны быть* непременно даны лошади, взамен пособий, выдаваемых в военное время. Остальные верховые лошади и все упряжные, кои по приказу 1895 года № 306 *могли быть* назначены взамен пособий, – не были назначены мобилизационным росписанием № 5, ввиду недостатка коневых средств края, в особенности в Амурской и Приморской областях» [Там же].

Таким образом, в отличие от нижних чинов запаса, недостаток которых для нужд мобилизации предполагалось покрывать населением Сибирского военного округа, лошадей на территории Приамурского военного округа в то время еще худо-бедно хватало на укомплектование военных частей, соединений, управлений и заведений по штатам военного времени, по крайней мере, теоретически.

Еще одним следствием Японо-китайской войны 1894–1895 гг. стало внедрение в Приамурском военном округе системы постоянной проверки мобилизационной готовности дислоцировавшихся на его территории войск – так называемых поверочных, т.е. пробных, мобилизаций. «Поверка мобилизационной готовности частей путем производства поверочных мобилизаций» была официально внедрена в русской армии на основании Высочайшего повеления от 7 мая 1894 г. В нормативно-правовых документах указывалось, что поверочные мобилизации производятся в войсках с целью «на деле ознакомить чины войсковых частей, управлений и заведений с предстоящими им при мобилизации обязанностями и дать им возмож-

ность приобрести каждому должный навык к выполнению и согласованию всех мобилизационных работ». Производиться они должны «периодически, с тем, чтобы сделать их обыденным занятием в жизни частей, наряду с прочими отделами войскового образования. Число и назначение частей, в которых должна производиться поверочная мобилизация, определяется главными начальниками военных округов» [21. С. V, 97–98].

Следует подчеркнуть, что в Российской империи в целом поверочные мобилизации имели место и до этого, хотя и не были обязательными [22, 23]. Однако в Приамурском военном округе до окончания Японо-китайской войны 1894–1895 гг. они не проводились. Примечательно, что некоторые служившие на Дальнем Востоке офицеры Генерального штаба объясняли их внезапное появление заимствованием опыта Киевского военного округа, где их активно практиковал командующий войсками генерал М.И. Драгомиров [24. С. 31–32; 25. С. 139–140, 169].

«Поверочные» мобилизации представляли собой мобилизацию отдельных воинских частей с целью проверить как подготовительные к мобилизации работы, так и общую степень готовности части к выступлению в поход [26. С. 255]. В настоящее время для наименования комплекса сходных по задачам мероприятий используется термин «неплановая проверка состояния войск».

Особое внимание при такой проверке обращали на состояние всех необходимых документов, наиболее важными из которых были местные мобилизационные росписания. Именно они клались в основу мобилизационных планов, составляемых в войсках, управлениях и учреждениях и содержащих подробный порядок всех мобилизационных работ и распределение их во времени. Эти планы составлялись на основе особых наставлений (см., напр.: [21, 27]), включали в себя мобилизационную записку и мобилизационный дневник. Последний имел «чрезвычайно важное значение, потому что дает во времени перечень работ каждому лицу, принимающему участие в работах по мобилизации». Именно этот документ, в случае его качественного составления, позволял, по получении приказа о мобилизации, всем действовать по плану самостоятельно и быстро, не «испрашивая дополнительных указаний», разъяснений, не перегружая этим телеграфные линии и не тормозя весь мобилизационный процесс.

На начальствующих лиц была возложена обязанность при каждом удобном случае проверять, в том числе на практике, достаточно ли твердо и «сознательно» усвоены их подчиненными мобилизационные обязанности, находятся ли в полной готовности и исправности неприкосновенные запасы [28. С. 353; 29. С. 369].

В период 1895–1900 гг., т.е. между мобилизацией 1895 г., вызванной угрозой войны с Японией, и мобилизацией 1900 г., вызванной последствиями набиравшего силу восстания ихэтуаней, подобные «поверочные» мобилизации отдельных частей округа стали проводиться регулярно и имели место: в 1896 г. (проверяли части, соединения и учреждения, расположенные в крупнейших и важнейших со стратегической точки зрения пунктах округа, а именно в г. Хабаровск: 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон и Хабаровского местного воинского начальника; г. Благовещенск: 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон; с. Никольское: 3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 1-ю мортирную батарею (с горной полубатареей) 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады; в урочище Новокиевское: 10-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, а также № 1-й и № 2-й Южно-Уссурийские полевые подвижные госпитали) [30; 31. С. 31; 32. С. 159–168], в 1897 г. (4-й и 7-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны, 4-й Восточно-Сибирский линейный батальон, 1-й Забайкальский казачий батальон ЗКВ, 1-я легкая батарея 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 2-я легкая батарея 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, 1-я батарея отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона, нештатная вылазочная батарея во Владивостоке, Управления Забайкальского, Амурского и Приморского воинских начальников) [33], 1898 г. [34] и 1899 г. (6-й и 7-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 1-я Забайкальская казачья конная батарея ЗКВ, Управление Приморского областного воинского начальника, Управление начальника Южно-Уссурийской округи) [35].

В целом поверочные мобилизации оказались достаточно эффективным способом проверки и оценки мобилизационной готовности войск, позволяющим своевременно выявить большую часть недоработок в этой сфере и хотя бы частично их устранить. В результате даже имевшиеся недостатки не помешали войскам Приамурского военного округа успешно отмобилизоваться в 1900 г. и достаточно хорошо проявить себя в Китайском походе 1900–1901 гг.

Таким образом, к началу Китайского похода 1900–1901 гг. никаких итоговых планов сосредоточения войск на случай новой войны на Дальнем Востоке ни в Окружном штабе Приамурского военного округа в Хабаровске, ни в Главном штабе Военного министерства в Петербурге просто не существовало. Их так и не успели закончить и утвердить. Имели место лишь отдельные, разрозненные и постоянно корректируемые соображения относительно вариантов развертывания войск, подготовленные в Окружном штабе и направленные в центр, критика этих соображений со стороны начальника Главного штаба генерал-адъютанта В.В. Сахарова и военного министра А.Н. Куропаткина, а также как минимум один вариант альтернативных соображений, подготовленный и направленный в министерство Генерального штаба полковником В.А. Альфтаном. При этом в штабе округа сохранился еще и старый план сосредоточения войск, разработанный весной 1895 г., незадолго до начала мобилизации войск Приамурского военного округа с целью оказания давления на Японию. Именно он и был до определенной степени использован на начальном этапе кампании 1900 г.

Особо следует подчеркнуть, что еще во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. командование Приамурского военного округа осознало – основным и наиболее вероятным противником России на Дальнем Востоке, без сомнения, будет Япония. По указанной

причине готовиться нужно в первую очередь к схватке именно с этим врагом, который может выступить как в одиночку, так и в союзе с Британской империей (наиболее вероятный сценарий), Китаем (менее вероятный сценарий) или ими обоими (сценарий маловероятный, но возможный). В связи с этим все военные приготовления и планирование по сосредоточению войск велись и в Хабаровске, и в столице исходя из этих трех возможных комбинаций. Вариант войны с одним Китаем, выступившим против России самостоятельно, а не в качестве союзника Японии, вообще не рассматривался ни в одном документе и, с учетом состояния китайских вооруженных сил, считался абсолютно невероятным. Что касается зарождения, постепенного развития и последующего взрыва антиевропейских и антииностранных настроений, происходивших в Дайцинской империи с 1898 г. и вылившихся затем в Боксерское восстание 1900 г. [36. С. 13–328], то при отсутствии нормально организованной в сопредельных дальневосточных странах разведки [37. С. 93–94, 102, 131–132, 134–135, 141–145; 38. С. 15–39, 56–71] в Хабаровске их просто пропустили. Развитие событий в Китае весной–летом 1900 г. стало для командования Приамурского военного округа полной неожиданностью, к которой совершенно не готовились.

Положение с разработкой планов новой кампании осложнялось еще и постоянными изменениями в исходных посылках. Сначала было принято решение о строительстве КВЖД – русской стратегической железнодорожной линии – на китайской территории, что поставило вопрос о необходимости защитить ее в случае войны. Затем был взят в аренду на 25 лет Квантунский полуостров с Порт-Артуром, который нужно было уже не только оборонять, но и выручать путем своевременного направления подкреплений из состава войск Приамурского военного округа, что в корне меняло все расчеты. А поскольку из-за недостатка финансирования и своеобразной позиции военного министра А.Н. Куропаткина усиление группировки русских войск на Дальнем Востоке проходило не в планово-систематическом, а в спонтанно-хаотическом режиме, все расчеты приходилось постоянно корректировать в зависимости от текущего состава войск округа. Причем, с учетом общей критически малой численности войск в регионе, вносить поправки приходилось после каждого мало-мальски серьезного переформирования, т.е. как минимум по несколько раз каждый год, да еще и дискутировать по многим из них с Петербургом. Заметно лучше обстояла ситуация с мобилизационным росписанием. Обновленную версию этого документа (Мобилизационное росписание № 5 Приамурского военного округа) вместе со всеми расчетами по призыву запасных и реквизиции лошадей удалось закончить и ввести в действие 15 апреля 1900 г., т.е. буквально за два месяца до начала 11 июня мобилизации 1900 г. [19. Л. 4, 5], что сыграло огромную положительную роль при развертывании войск.

Другим положительным фактором стал уже имевшийся у войск опыт мобилизации 1895 г., а также регулярные поверочные мобилизации отдельных частей, соединений и учреждений военного ведомства, активно проводившиеся в войсках Приамурского военного округа в 1896–1899 гг. Эти постоянные проверки позволили не только ликвидировать пробелы в мобилизационной готовности отдельных воинских частей, но и приучили командный и личный составы спокойно воспринимать сам процесс мобилизации; готовить часть «к выступлению в поход» без лишней суеты и нервозности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гродеков Н.И. «Записка о военной готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года». 2 июня 1899 г. Доложена Николаю II 10 августа 1899 г. // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
2. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М. : Вост. лит., 2005. 295 с.
3. Путята Д.В. По вопросам изложенным в записке Генерал-Лейтенанта Гродекова о боевой готовности Приамурского военного округа в половине 1899 года. 5 августа 1899 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
4. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны : в 9 т. СПб., 1910. Т. 1–9.
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399. По поводу обороны крепости Владивосток и вообще Южно-Уссурийского края.
6. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I: «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток : Дальнаука, 2013. 383 с.
7. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб. : Военная типография, 1914. 578 с.
8. Авилов Р.С. Приамурский военный округ (1884–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 11.
9. Записка полковника [А.А.] Гулевича «Сравнение затрат сил и средств в Варшавском округе и на Дальнем Востоке» от 14 марта 1903 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193.
10. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа // Новый исторический вестник. 2017. № 1.
11. Поездка в Корею Генерального Штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 года и январе 1896 года // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 69. СПб. : Военная типография, 1896.
12. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 января 1899 г. СПб. : Военная типография, 1899. 318 с.
13. Список Генерального штаба. Исправлен по 2 января 1901 г. СПб. : Военная типография, 1901. 410 с.
14. Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева. М. : Арбизо, 1994. 583 с.
15. Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под ред. О.Р. Айрапетова. М. : Три квадрата, 2004.
16. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб. : Нестор-История, 2008. 668 с.
17. Гродеков Н.И. «Записка о мобилизационной и боевой готовности Приамурского военного округа в начале 1900 г.» 12 апреля 1900 г. Прочитана Николаем II 17 июня 1900 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 96.
18. Шифрованная телеграмма генерала Н.И. Гродекова из Хабаровска Начальнику Главного штаба в Петербург № 1410 от 14 ноября 1898 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2399.

19. Отчет о выполнении в Приамурском военном округе росписания № 5 о призыве нижних чинов запаса и поставке лошадей от населения по реквизиции в 1900-м году. Ч. 1. Хабаровск, 1900 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101.
20. Отчет о выполнении в Приамурском военном округе росписания № 5 о призыве нижних чинов запаса и поставке лошадей от населения по реквизиции в 1900-м году. Ч. 2. Хабаровск, 1901 // РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101.
21. Наставление для мобилизации пехоты. СПб. : Военная типография, 1901. 213 с.
22. Отчет генерала Келлера о поверочной мобилизации в Донском казачьем войске в 1891 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 332 (по описи).
23. Отчет генерал-майора Хрещатицкого о поверочной мобилизации в Донском казачьем войске в 1891 г. // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 333 (по описи).
24. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны (далее – ОРВВВ). № 68–69. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
25. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / ред.-сост., ком. Р.С. Авилов, В.И. Калинин ; вст. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток : Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 434 с.
26. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары / ред., предисл., ком. А.М. Лукашевича. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
27. Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб. : Военная типография, 1888. 68 с.
28. Василевский. Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. Испр. и доп. (по 1 февраля 1910 г.) Н. Ходорович. 7-е изд. СПб. : Изд. В. Березовского, 1910. 793 с.
29. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 16. 640 с.
30. Приказ войскам Приамурского военного округа № 368 от 31 октября 1896 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний из отчетов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1896 г. Хабаровск, 1896.
31. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник ОРВВВ. № 59–60. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
32. Авилов Р.С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 1.
33. Приказ войскам Приамурского военного округа № 221 от 22 июня 1898 г. и приложенный к нему Свод главнейших замечаний по поверочной мобилизации некоторых частей войск и управлений Приамурского военного округа в 1897 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1898 г. Хабаровск, 1898.
34. Приказ войскам Приамурского военного округа № 245 от 12 июля 1898 г. // Приказы войскам Приамурского военного округа за 1898 г. Хабаровск, 1898.
35. Приказание войскам Приамурского военного округа № 29 от 10 февраля 1900 г. и приложенные к нему Замечания Командующего войсками Приамурского военного округа, сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 г. // Приказания войскам Приамурского военного округа за 1900 г. Хабаровск, 1900.
36. Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.). М. : Наука, 1978. 363 с.
37. Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М. : Издательский дом «Русская разведка»; ИИА Евразия+, 1998. Кн. I. 432 с.
38. Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. : дис. … канд. ист. наук / науч. рук. Г.В. Мелихов; Институт российской истории РАН. М., 2003. 213 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2018 г.

The Problem of the Military Defense Planning of the Russian Far East in 1896–1900. Part 2. The Eve of the Chinese Campaign of 1900–1901

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 128–141.
DOI: 10.17223/15617793/441/17

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation); Research Library of the Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Pri-Amur Military District; Sino-Japanese War of 1894–1895; China Campaign of 1900–1901; Vladivostok Fortress; Nikolay I. Grodekov; Aleksey N. Kuropatkin; mobilization readiness.

Using the unknown sources from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Military Historical Archive and the Collection of Manuscripts of the Russian State Library, this article examines the history of creating the military defense plans of the Russian Far East in 1896–1900 and the discussions about this issue. The controversy between the commanders of the Pri-Amur Military District, the chief of the Main Staff of the War Ministry and War Minister Aleksey N. Kuropatkin himself was also investigated. The creation of the new defense plan of the Russian Far East and the plan of force concentration in case of an outbreak of hostilities in this region, as well as the elaboration of a new mobilization schedule were also studied. It was revealed that the commander of the forces of the Pri-Amur Military District, General Nikolay I. Grodekov, reported to the war minister about the Japanese menace back in 1899, and this information was reported to Russian Emperor Nicholas II. Moreover, it was found that after 1895 the commanders of the Pri-Amur Military District were absolutely sure in the inevitability of the war with the Empire of Japan (probably in alliance with the British Empire), so all war plans and plans of force concentration in this region were created according to this menace. Because of it, by the start of the China Campaign of 1900–01 there were no plans of war only with China in the Russian Empire. The Military District Staff only had an old plan of force concentration, which had been prepared in the spring of 1895, a few months before the real mobilization of the Pri-Amur Military District. In fact, it was the plan used by the Russian Army in the first period of the China Campaign of 1900–01. The situation with the regional military planning in the new campaign was also complicated due to permanent changes in benchmark data. First, it was decided to build the Eastern Chinese Railway, which was strategically important to the Russian Army, in China. That raised the question of how to defend it in case of war. The *Kwantung Territory* with Port Arthur was occupied for 25 years, and there was a great problem of how to defend it too without enough troops in the region. A better situation was with the mobilization schedule. The renovated version of this document (Mobilization Schedule of the Pri-Amur Military District No 5) was finished and put in force on April 15, 1900, two months before the real mobilization of this military district. Another positive factor was the experience of a real mobilization of 1895, and the regular test mobilizations of separate troops, forces and military institutions, which took place in the Russian Far East in 1896–99.

REFERENCES

1. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekov, N.I. (1899) *"Zapiska o voennoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda". 2 iyunya 1899 g. Dolozhena Nikolayu II 10 avgusta 1899 g.* ["A note on the military readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899." June 2, 1899 Reported to Nicholas II on August 10, 1899].

2. Baskhanov, M.K. (2005) *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskiy slovar'* [Russian military Orientalists until 1917. A bibliographic dictionary]. Moscow: Vost. lit.

3. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Putyata, D.V. (1899) *Po voprosam izlozhennym v zapiske General-Leytenanta Grodekova o boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v polovine 1899 goda. 5 avgusta 1899 g.* [On the issues outlined in the note by Lieutenant-General Grodekov about the combat readiness of the Pri-Amur Military District in the middle of 1899. August 5, 1899].

4. Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War. (1910) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoy komissii po opisaniyu Russko-yaponskoy voyny: v 9 t.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 The work of the Military-Historical Committee on the Description of the Russo-Japanese War: in 9 vols]. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.

5. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Po povodu oborony kreposti Vladivostok i voobshche Yuzhno-Ussuriyskogo kraya* [Regarding the defense of the fortress of Vladivostok and in general of the South Ussuriisk region].

6. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013) *Vladivostokskaya krepost': voyska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi* [Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people]. Pt. I. Vladivostok: Dal'nauka.

7. Voennaya tipografiya. (1914) *Rospisanie sukhoputnykh voysk. Ispravlennoe po 1 sentyabrya 1914 g.* [Schedule of ground forces. Corrected on September 1, 1914]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

8. Avilov, R.S. (2015) Priamurskiy voennyy okrug (1884–1918 gg.): stranitsy istorii [The Pri-Amur Military District (1884–1918): Pages of History]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal – Military Historical Journal***.** 11.

9. State Archive of the Russian Federation. Fund 543. List 1. File 193. *Zapiska polkovnika [A.A.] Gulevicha "Sravnenie zatrat sil i sredstv v Varshavskom okruge i na Dal'nem Vostoke" ot 14 marta 1903 g.* [Note from Colonel [A.A.] Gulevich "Comparison of the expenditure of manpower and resources in the Warsaw District and the Far East" of March 14, 1903].

10. Avilov, R.S. (2017) The Number of Troops in the Priamurskiy and Warsaw Military Districts on the Eve of the Russo-Japanese War: An Experience with Comparative Analysis. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 1. pp. 41–42. (In Russian).

11. Voennaya tipografiya. (1896) Poezdka v Koreyu General'nogo Shtaba podpolkovnika Al'ftana v dekabre 1895 goda i yanvare 1896 goda [The trip to Korea of Lieutenant Colonel Alftan of the General Staff in December 1895 and January 1896]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia]. Is. 69. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

12. Voennaya tipografiya. (1899) *Spisok General'nogo shtaba. Ispravlen po 1 yanvarya 1899 g.* [List of General Staff. Corrected on January 1, 1899]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

13. Voennaya tipografiya. (1901) *Spisok General'nogo shtaba. Ispravlen po 2 yanvarya 1901 g.* [List of General Staff. Corrected on January 2, 1901]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

14. Zolotarev, V.A. (ed.) (1994) *Rossiya i Yaponiya na zare XX stoletiya. Analiticheskie materialy otechestvennoy voennoy orientalistiki* [Russia and Japan at the dawn of the twentieth century. Analytical materials of Russian military oriental studies]. Moscow: Arbizo.

15. Kondratenko, R.V. (2004) Rossiyskie morskie agenty ob usilenii yaponskogo flota v kontse XIX – nachale XX veka [Russian naval agents on the strengthening of the Japanese fleet in the late 19th – early 20th centuries]. In: Ayrapetov, O.R. (ed.) *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg. Vzglyad cherez stoletie* [Russian-Japanese war of 1904–1905. A look from a century later]. Moscow: Tri kvadrata.

16. Lukoyanov, I.V. (2008) *"Ne otstat' ot derzhav…" Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Not to be left behind the powers". Russia in the Far East at the end of the 19th – in early 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

17. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 96. Grodekov, N.I. (1900) *"Zapiska o mobilizatsionnoy i boevoy gotovnosti Priamurskogo voennogo okruga v nachale 1900 g." 12 aprelya 1900 g. Prochitana Nikolaem II 17 iyunya 1900 g.* ["Note on the mobilization and combat readiness of the Pri-Amur Military District in early 1900" on April 12, 1900. Read by Nicholas II on June 17, 1900].

18. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 400. List 1. File 2399. *Shifrovannaya telegramma generala N.I. Grodekova iz Khabarovska Nachal'niku Glavnogo shtaba v Peterburg № 1410 ot 14 noyabrya 1898 g.* [Encrypted telegram of General N.I. Grodekov from Khabarovsk to the Chief of the General Staff in Petersburg No. 1410 of November 14, 1898].

19. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 101. *Otchet o vypolnenii v Priamurskom voennom okruge rospisaniya № 5 o prizyve nizhnikh chinov zapasa i postavke loshadey ot naseleniya po rekvizitsii v 1900-m godu. Ch. 1. Khabarovsk, 1900* [Report on the implementation in the Pri-Amur Military District of Schedule No. 5 on the draft of the lower ranks of the reserve and the supply of horses from the population by requisition in 1900. Part 1. Khabarovsk, 1900].

20. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. List 3. File 101. *Otchet o vypolnenii v Priamurskom voennom okruge rospisaniya № 5 o prizyve nizhnikh chinov zapasa i postavke loshadey ot naseleniya po rekvizitsii v 1900-m godu. Ch. 2. Khabarovsk, 1901* [Report on the implementation in the Pri-Amur Military District of Schedule No. 5 on the draft of the lower ranks of the reserve and the supply of horses from the population by requisition in 1900. Part 2. Khabarovsk, 1901].

21. Voennaya tipografiya. (1901) *Nastavlenie dlya mobilizatsii pekhoty* [Manual for the mobilization of infantry]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

22. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 165. List 1. File 332 (according to the list). *Otchet generala Kellera o poverochnoy mobilizatsii v Donskom kazach'em voyske v 1891 g.* [Report of General Keller on the test mobilization in the Don Cossack army in 1891].

23. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 165. List 1. File 333 (according to the list). *Otchet general-mayora Khreshchatitskogo o poverochnoy mobilizatsii v Donskom kazach'em voyske v 1891 g.* [Report of Major-General Khreshchatytsky on test mobilization in the Don Cossack army in 1891].

24. Budberg, A.P. (1932) Sibirskie vospominaniya (1895–1904) [Siberian Memories (1895–1904)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy voyny.* 68–69. From the funds of the Museum of Russian Culture in San Francisco.

25. Budberg, A.P. (2017) *Sibirskie vospominaniya* [Siberian memories]. Vladivostok: Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya – Primorskoe kraevoe otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva.

26. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.

27. Voennaya tipografiya. (1888) *Nastavlenie dlya mobilizatsii chastey deystvuyushchey i rezervnoy pekhoty. Svod ukazaniy i soobrazheniy po ispolneniyu mobilizatsionnykh rabot v chastyakh deystvuyushchey i rezervnoy pekhoty. Ispr. po 1 yanvarya 1888 g.* [Manual for the mobilization of parts of the existing and reserve infantry. A set of instructions and considerations for the execution of mobilization work in divisions of the current and reserve infantry]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

28. Vasilevskiy. (1910) *Rukovodstvo dlya shtab-ofitserov i kapitanov, podvergayushchikhsya ispytaniyu pri zachislenii v kandidaty na dolzhnosti uezdnykh voinskikh nachal'nikov i spravochnaya kniga dlya uezdnykh voinskikh nachal'nikov. Ispr. i dop. (po 1 fevralya 1910 g.) N. Khodorovich* [A guide for headquarters officers and captains who are subject to probation when enrolling as candidates for the posts of district military commanders and a reference book for district military commanders. Correct and supplemented (as of February 1, 1910) by N. Khodorovich]. 7th ed. St. Petersburg: Izd. V. Berezovskogo.

29. Novitskiy, V.F. et al. (eds) (1914) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 16. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.

30. Anon. (1896) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 368 ot 31 oktyabrya 1896 g. i prilozhennyy k nemu Svod glavneyshikh zamechaniy iz otchetov komissiy, nablyudavshikh za proizvodstvom poverochnykh mobilizatsiy v 1896 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 368 of October 31, 1896, and the summary of the most important remarks from reports of the committees that monitored the mobilizations in 1896 attached to it]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].

31. Budberg, A.P. (1931) Sibirskie vospominaniya (1895–1904) [Siberian Memories (1895–1904)]. *Vestnik Obshchestva russkikh veteranov Velikoy voyny.* 59–60. From the funds of the Museum of Russian Culture in San Francisco.

32. Avilov, R.S. (2016) The "test mobilizations" of troops in Priamurskiy Military District in 1896 as a way to appreciate the mobilization readiness of military forces. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya – Ojkumena. Regional Researches.* 1. (In Russian).

33. Anon. (1898) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 221 ot 22 iyunya 1898 g. i prilozhennyy k nemu Svod glavneyshikh zamechaniy po poverochnoy mobilizatsii nekotorykh chastey voysk i upravleniy Priamurskogo voennogo okruga v 1897 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 221 of June 22, 1898, and the remarks attached to it on the calibration mobilization of some parts of the troops and directorates of the Pri-Amur Military District in 1897]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].

34. Anon. (1898) Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 245 ot 12 iyulya 1898 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 245 of July 12, 1898]. In: *Prikazy voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1898 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1898]. Khabarovsk: [s.n.].

35. Anon. (1900) Prikazanie voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 29 ot 10 fevralya 1900 g. i prilozhennye k nemu Zamechaniya Komanduyushchego voyskami Priamurskogo voennogo okruga, sdelannye vo vremya proizvodstva probnoy mobilizatsii, zimoyu 1899 g. [Order to the troops of the Pri-Amur Military District No. 29 dated February 10, 1900 and the comments of the Commander of the Pri-Amur Military District attached to it made during the test mobilization in winter 1899]. In: *Prikazaniya voyskam Priamurskogo voennogo okruga za 1900 g.* [Orders to the Pri-Amur Military District for 1900]. Khabarovsk: [s.n.].

36. Kalyuzhnaya, N.M. (1978) *Vosstanie Ikhetuaney (1898–1901 gg.)* [Yihetuan Movement (1898–1901)]. Moscow: Nauka.

37. Alekseev, M. (1998) *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II* [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas I]. Book 1. Moscow: Izdatel'skiy dom "Russkaya razvedka"; IIA "Evraziya+".

38. Dobychina, E.V. (2003) *Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg.* [Russian Foreign Intelligence in the Far East 1895–1904]. History Cand. Diss. Moscow.

Received: 08 May 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 142–150. DOI: 10.17223/15617793/441/18

УДК 94.(368)+736.311

С.Ю. Агишев

ПРИВИЛЕГИЯ НОРВЕЖСКОГО КОРОЛЯ ХАКОНА V ГОРОДУ ГАМБУРГУ ИЗ СОБРАНИЯ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование подготовлено в рамках проекта «Комплексное исследование коллекции западноевропейских средневековых рукописей в Томском государственном университете», поддержанного Российским научным фондом (соглашение № 17-78-20011) между Российским научным фондом и Новосибирским государственным университетом.

Рассматриваются отдельные вопросы внешней критики привилегии норвежского короля Хакона V (1299–1319), выданной им купцам Гамбурга в присутствии представителей Городского совета этого города 22 июля 1318 г. и сохранившейся в подлиннике в фондах Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ. Исследуются первые этапы торговых отношений Норвежского королевства непосредственно с Гамбургом в сопоставлении с другими ганзейскими городами, раскрываются особенности норвежской дипломатии и делопроизводства в части заключения международных договоров.

Ключевые слова: Средние века; Норвегия; Гамбург; Хакон V; церковь; торговля; Ганза; палеография.

В фонде Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРиКП НБ ТГУ) хранится оригинал привилегии норвежского короля Хакона V (1299–1319), выданной им купцам города Гамбурга. О.В. Манернова в своей статье указала, что документ, являющийся императорской привилегией, выданной норвежскому королю Алаусу (sic!), попал в Томск «вместе с родовой библиотекой графов Строгановых в 1888 г., привезенной бывшим генерал-губернатором Новороссийского края графом А.Г. Строгановым» [1. С. 365–366]. В действительности коллекция, в состав которой входит данный документ, является советским военным трофеем, вывезенным после окончания Великой Отечественной войны из Германии. Томские исследователи и хранители, которым был известен этот факт, справедливо опасались указывать настоящий источник поступления данных материалов ввиду давнего спора России и ФРГ о перемещенных ценностях.

Согласно инвентарной описи, составленной сотрудниками ОРиКП НБ ТГУ для внутреннего пользования, изучаемая рукопись имеет следующие формальные данные:

Инвентарный номер: В-22.011

Датировка: 22 июля 1318 года

Формат (ШхВ): 33х16 см

Материал: пергамен

Текст: выполнен в один столбец, 15 строк; дорсальные надписи отсутствуют.

Примечания: 6 вислых восковых печатей (одна на красном и пять на зеленом воске), подвешенные на переплетенных красных и зеленых шелковых нитях.

Внешний вид грамоты (рис. 1, 2) и ее физическое состояние подробно и в целом верно описаны той же О.В. Манерновой[1]. Что же касается атрибутирования текста, то в этой части исследователь допускает в своей статье, к сожалению, много ошибок, которые следует исправить.

Текст этого памятника известен давно. Впервые он был обнаружен в копии XVI в., в картулярии, ныне хранящемся в Королевской библиотеке в Стокгольме (шифр – KglBS-Danica 43 fol., л. 90). Другая копия документа была сделана для так называемого Бергенского картулярия (Bergens kopibok), который представлял собой собрание входящих и исходящих актов Бергенского епископства и хранился в епископской канцелярии. Этот картулярий был начат в 1305 г. при епископе Арни II (1304–1314) и велся регулярно вплоть до кончины епископа Хакона (1332–1342). Затем в сборнике появляются значительные пропуски, но все же он продолжал пополняться до начала XVI столетия. Текст изучаемого документа из «Бергенского картулярия» сохранился благодаря антиквару Томасу Бартолину-младшему (1659–1690), который переписал его в один из томов своей обширной коллекции письменных исторических памятников (см. рис. 3, *a, b*)[2]. После смерти датского коллекционера «Бергенский картулярий» был приобретен великим палеографом и собирателем скандинавских средневековых рукописей Арни Магнуссоном (1663–1730) и погиб с частью его коллекции в пожаре Копенгагена 20–23 октября 1728 г.

Документ существовал в двух экземплярах – по одному для каждой из сторон, для Норвегии и для Гамбурга. Упомянутые «шведская» и «датская» рукописные копии были сняты, судя по всему, с того экземпляра (или более поздней копии), который хранился в Норвегии. Текст документа был впервые издан по «датской» копии в сборнике под редакцией Г. Торкелина в 1778 г. [3. P. 112–113].

Экземпляр же, составленный для Гамбурга, хранился в Городском архиве этого немецкого города и имел шифр **Trese K 19**[3]. Краткое описание данной грамоты с упоминанием всех шести сохранившихся печатей впервые было сделано историком Ганзы Г.Ф. Сарториусом (1765–1828) и опубликовано в Копенгагене уже после его смерти в 1830 г. [5. S. 300]. Текст же на основании «гамбургского» экземпляра впервые был воспроизведен во втором томе собрания ганзейских документов и издан К. Хёльбаумом в 1879 г. [6. S. 135–136]. В этом издании текст нормализован согласно правилам гуманистической латыни и не может считаться собственно транскрипцией оригинала.

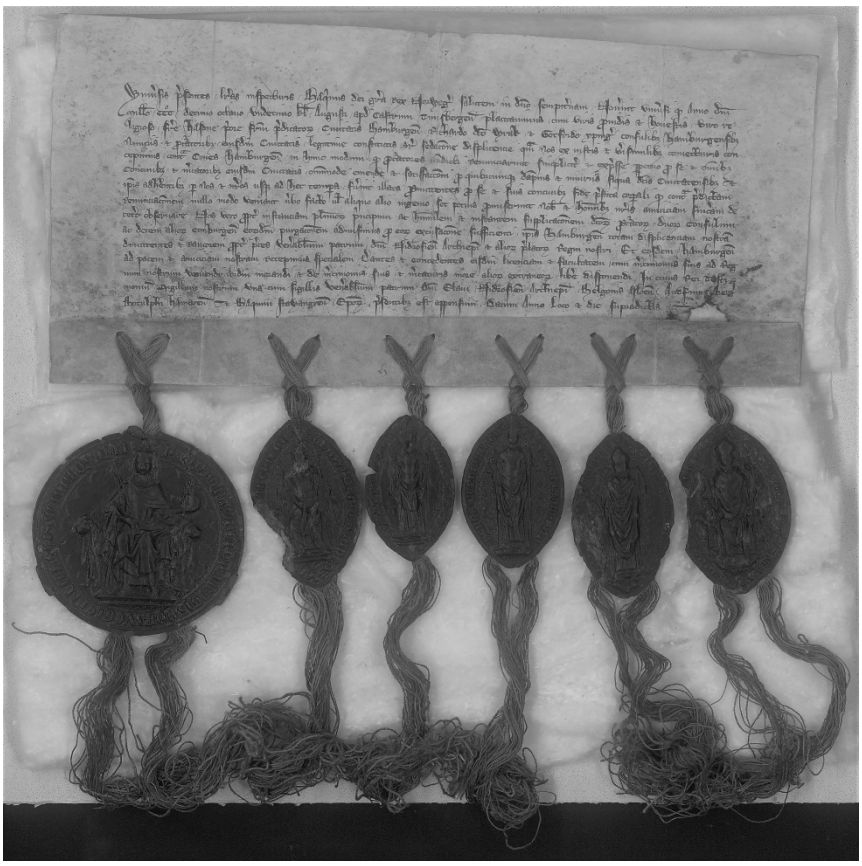


Рис. 1. Привилегия Хакона V городу Гамбургу. Общий вид (лицевая сторона). Из собрания ОРиКП НБ ТГУ, лицевая сторона (современное состояние)

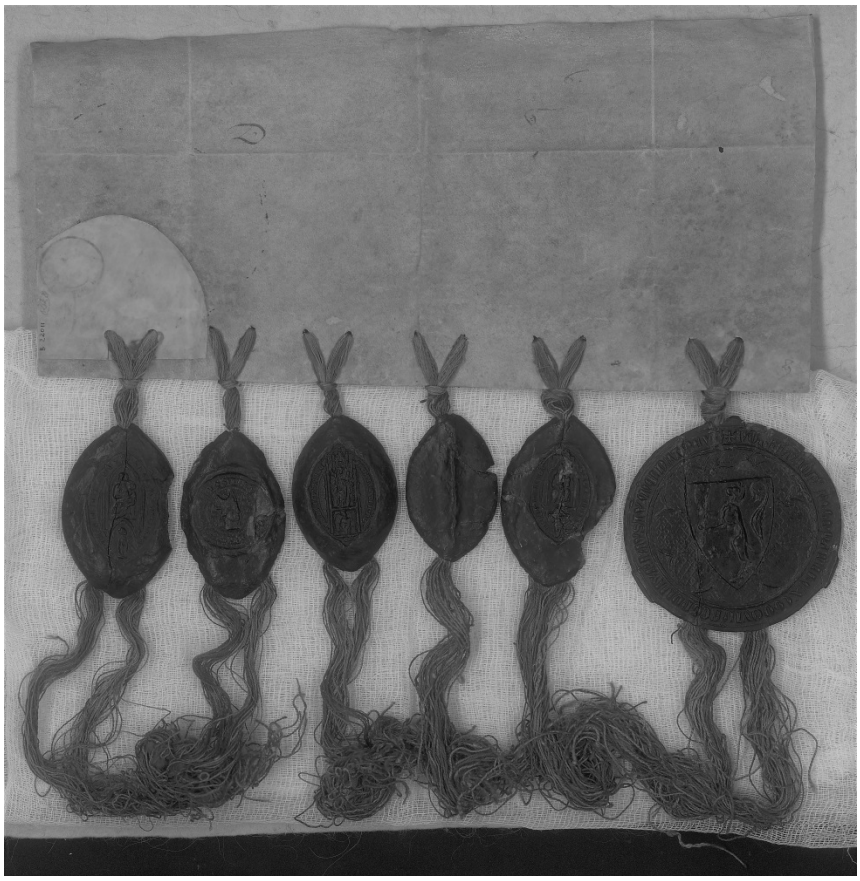
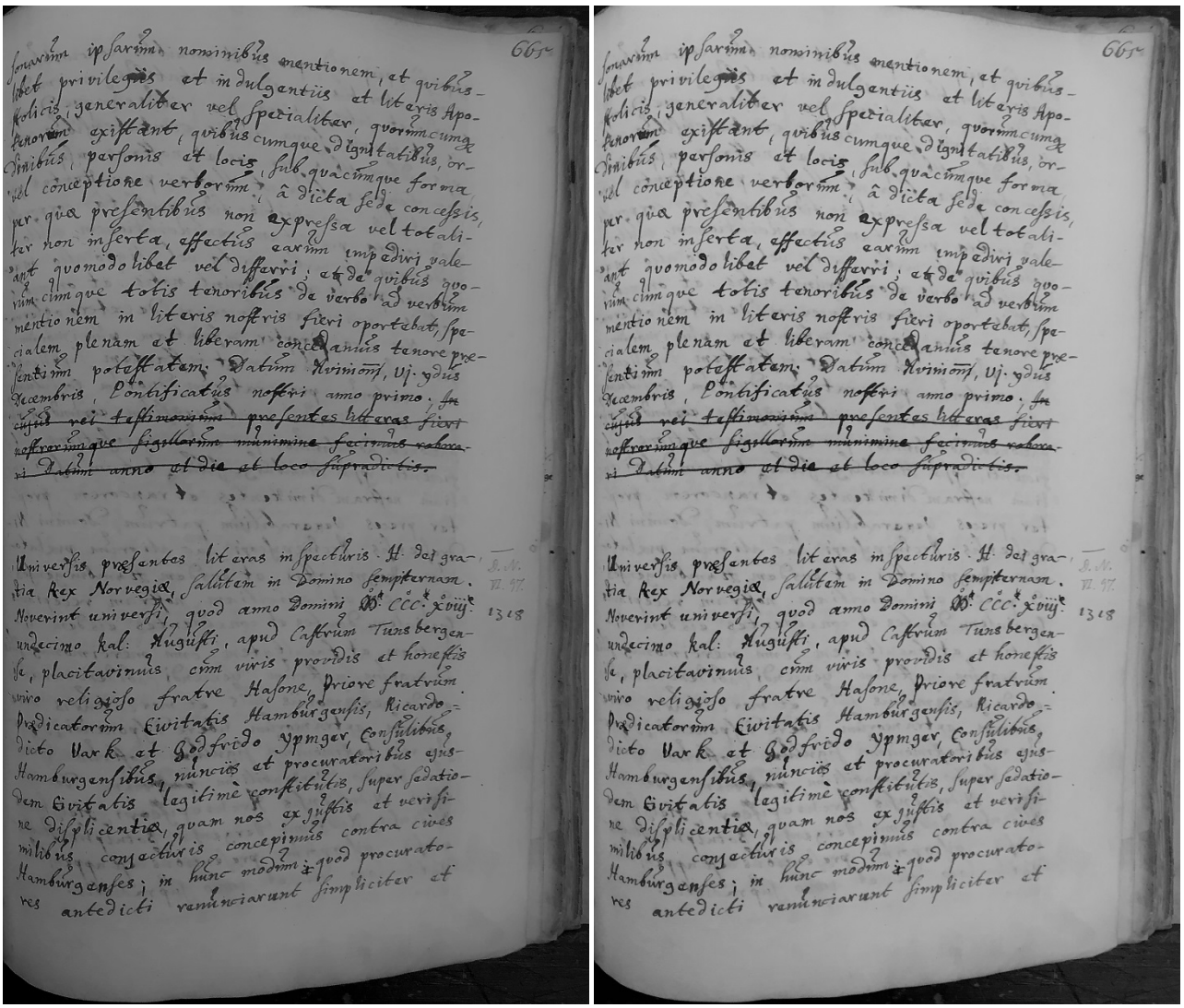


Рис. 2. Привилегия Хакона V городу Гамбургу. Общий вид (оборотная сторона). Из собрания ОРиКП НБ ТГУ, лицевая сторона (современное состояние)



a *b*

Рис. 3. Копия привилегии, сделанная рукой Т. Бартолина-младшего (*а*, *б*; вторая половина XVII в.).
Из собрания Королевской библиотеки в Копенгагене

В издании К. Хёльбаума в отличие от публикации, осуществленной Г. Торкелином, имя епископа Ставангерского Хакона I Макушки (1318–1322), сына Халльдора, не пропущено. При этом в датском издании, основанном на поздней копии, правильно передано латинизированное имя видного дипломата первой половины XIV столетия архиепископа Нидаросского Эйлива Короткого (1309–1332) – Elaus (Elaui), неверно названного в немецком издании, основанном на оригинальном тексте, Олавом (Olavus/Olavi). В третьем томе издания «Regesta Norvegica», вышедшем в 1983 г., указывается, что оригинальная грамота за шифром **Trese K 19** по-прежнему хранится в Городском архиве Гамбурга. Текст же, изданный в полном собрании норвежских средневековых документов, Diplomatarium Norvegicum, дан по «шведской» копии[4]. Как видно, составителям норвежского регистра о перемещении части средневековых памятников из Гамбурга на территорию СССР было неизвестно. Сейчас в Городском архиве Гамбурга имеется лишь нечеткая фотография этого документа, сделанная до начала Второй мировой войны.

Рукопись, хранящаяся в Томске, является «гамбургским» экземпляром привилегии (на его основе К. Хёльбаумом и была осуществлена публикация этого текста), к счастью, сохранившимся до наших дней. Краткое архивное описание на немецком языке с шифром (№ 19) вложено в короб с грамотой на отдельном бумажном листе (формат 13,5×13,5 см; имеется филигрань) и сделано, вероятно, в XVIII столетии (рис. 4). Датировка в данном описании неточна: документ датирован августом 1318 г.: очевидно тот, кто читал документ, неверно перевел указания на августовские календы, имеющиеся в тексте.

Ниже приводятся транскрипция оригинального текста по «гамбургскому» экземпляру и его перевод с латинского на русский язык. Все сокращения, контракции и суспенсии, имеющиеся в оригинале, при транскрибировании раскрыты.

Из прочих разночтений следует отметить инверсию, допущенную при копировании «норвежского» оригинала анонимным копиистом и Т. Бартлином-младшим, работавшими с утраченным «Бергенским картулярием», в прозвище приора гамбургских доминиканцев Рихар-

да (ср.: Wrak-Varck-Vark), но верно переданного в издании из Халле – Wrak. Также в «норвежском» и «гамбургском» экземплярах привилегии отличается формуляр datum: ср. Datum loco et die et anno supradictis. Также тот, кто переписывал текст привилегии в шведский картулярий, раскрывая сокращение, ввел в текст иную форму глагола **renunciauerunt** вместо более верной в данном случае формы **renunciarunt**.

B-22.011 (ОРиКП НБ ТГУ)	**Перевод**
Vniuersis presentes literas inspecturis Haquinus dei gratia rex Noruegie salutem in domino sempiternam. Nouerint vniuersi quod Anno domini‖ millesimo trecentessimo decimo octauo vndecimo kalendas Augusti apud castrum tunsbergense placitauimus cum viris prouidis et honestis viro re‖ligioso fratre Hasone priore fratrum predicatorum Ciuitatis Hamburgensis Richardo dicto Wrak et Godfrido ypinge consulibus Hamburgensibus‖ Nunciis et procuratoribus eiusdem Ciuitatis legitime constitutis super sedatione displicentie quam Nos ex iustis et verisimilibus coniecturis con‖cepimus contra Ciues Hamburgenses in hunc modum quod procuratores antedicti renunciarunt simpliciter et expresse perpetuo pro se et omnibus‖ Conciuibus et mercatoribus eiusdem Ciuitatis omnimode emende et satisfactioni pro quibuscumque dampnis et iniuriis siqua dictis Ciuitatensibus et‖ ipsis adherentibus per Nos et nostros usque ad hec tempora fuerint illata promittentes pro se et suis conciuibus fide prestita corporali quod contra predictam‖ renunciacionem nullo modo veniant uerbo facto vel aliquo alio ingenio set pocius promiserunt Nobis et hominibus nostris amicitiam sinceram de‖ cetero obseruare. Nos vero propter instantiam plurimorum principum ac humilem et instantem supplicationem dictorum procuratorum duorum consulum‖ ac decem aliorum Comburgensium eorundem purgationem admisimus pro eorum excusatione sufficienti ipsis Hamburgensibus totam displicentiam nostrum‖ dimittentes et rancorem propter preces venerabilium patrum dominorum Nidrosiensis Archiepiscopi et aliorum prelatorum regni nostri. Et eosdem Hamburgenses‖ ad pacem et amicitiam nostram recepimus specialem Dantes et concedentes eisdem licentiam et facultatem cum mercimoniis suis ad reg‖num nostrum veniendi ibidem morandi et de mercimoniis suis et mercaturis more aliorum extraneorum libere disponendi. Jn cuius rei testi‖monium sigillum nostrum vna cum sigillis venerabilium patrum Dominorum Elaui Nidrosiensis Archiepiscopi Helgonis Asloensis Audfini Bergensis‖ Botulphi Hamarensis et Haquini Stavangrensis episcoporum presentibus est appensum. Datum Anno Loco et die supradictis‖. *Примечание.* ‖ – конец строки	Всем, кто настоящую грамоту увидит, Хакон, Божьей милостью, король Норвегии привет во Господе вечный. Пусть все знают, что в год Господень тысяча триста восемнадцатый, в одиннадцатые календы августа, в крепости Тёнсберга вместе со сведущими и честны́ми консулами Гамбурга, послами и прокураторами этого города – особой духовного звания братом Хасоном, приором братьев проповедников города Гамбурга, Рихардом, прозываемым Варк, и Готфридом Ипингом – мы пришли к соглашению ради успокоения недовольства и исправления любых нарушений и несправедливости, а также ради всех сограждан и купцов этого города, ясно и навечно ради себя, всячески исправить постановления, которые мы согласно праву и законным разъяснениям утвердили против горожан Гамбурга и о которых сообщили вышеназванные прокураторы. Если же отныне названными горожанами и их наследниками, а также нами и нашими [наследниками] ради себя и своих подданных будут даны верно представленные совместные ручательства, то против указанных постановлений никто и никоим образом не должен выступать ни словом, ни делом, ни каким-либо помышлением, а обещать нам и всем нашим верным друзьям вечно их соблюдать. Мы же в присутствии многочисленных князей и подданных, а также с согласия двух названных прокураторов, консулов и десяти прочих их сограждан, прощаем всех гамбуржцев, учитывая принесенное ими извинение, забывая наше полное нерасположение и неприязнь, и в присутствии возвышенных достопочтенных отцов – господ архиепископа Нидаросского и других прелатов королевства нашего – этих самых гамбуржцев наделяем миром и особой дружбой нашей, даруя и признавая за ними право и возможность пребывать с их товарами в наше королевство, где и оставаться, и товары свои, а также купленное у других, свободно размещать. В подтверждение этого сию печать нашу с настоящими печатями достопочтенных отцов господина архиепископа Нидаросского Эйлива, епископов Осло Хельги, Бергенского Аудфинна, Хамарского Ботольва, Ставангерского Хакона привешиваем. Дано в год, место и день (пер. мой. – *С.А.*).

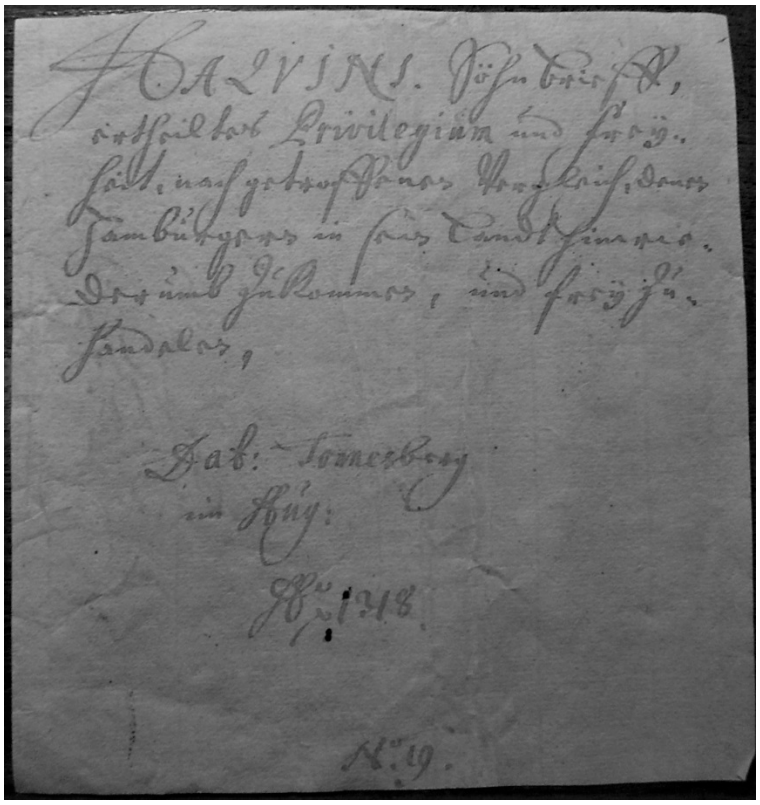


Рис. 4. Первое архивное описание привилегии на немецком языке (XVII в.).
Из собрания ОРиКП НБ ТГУ, лицевая сторона (современное состояние)

Изучаемый документ отражает ранний период торговых отношений Норвегии непосредственно с Гамбургом, который представлен в источниках фрагментарно. Больше всего информации о деятельности ганзейцев памятники содержат относительно Бергена, с первых шагов ставшего главным пунктом пребывания немцев на территории Норвежского королевства. Но королевская власть не оставляла своим вниманием и другие города, регулируя там правила торговли, сбор пошлин и налогообложение. Документы, исходящие от норвежских властей, сообщают о некоторых подробностях поведения немцев (прежде всего жителей Любека, Ростока, Штральзунда, Висмара), а также конкретных условиях, выдвигавшихся сторонами относительно режима торговли норвежцев в немецких землях и выходцев из последних во владениях норвежской короны [7, 8]. Гамбуржцы не называются в этих источниках напрямую, но угадываются в числе «всех прочих иноземцев», или немцев (лат. Teutonici, др.-норв. tydskere), как еще совокупно именовали ганзейцев в официальных документах. Условия, заключаемые Норвегией с ними первоначально для Бергена, становились своеобразным шаблоном, по которому оформлялись договоры о действиях выходцев из немецких земель в других норвежских городах. Затем привилегии, выдаваемые короной немецким купцам в одном из норвежских городов, распространялись и на другие [9. S. 57].

Что касается конкретно выходцев из Гамбурга и их поведения в норвежских городах, то здесь информация весьма скудна. Частные акты, где одним из контрагентов сделки являлся бы гамбургский купец, вовсе отсутствуют для периода до 1319 г.; столь же бедны информацией нарративные памятники и анналы. Таким образом, приходится иметь дело лишь с официальными документами, что, тем не менее, позволяет увидеть в расплывчатых и осторожных формулировках двусторонних договоров то, как складывались отношения норвежцев с гамбуржцами на самом раннем этапе. Этим этапом следует считать период от начала установления двусторонних отношений между Норвегией и Любеком (а через него впоследствии и со всей Ганзой) в 1250 г. до вступления Норвегии в первую личную унию со Швецией в 1319 г., когда центр принятия решений вместе с королевским двором перебрался на территорию последней. Хотя сам характер торговой политики, проводимой центральной властью в годы шведско-норвежской унии (1319–1355), не претерпел существенных изменений. Важнейшей вехой на этой стадии является двусторонний договор о торговле между Норвегией и Гамбургом в 1296 г.

Поведение гамбуржцев в Норвегии назвать примерным никак нельзя. Король Магнус VI Исправитель Законов (1263–1280) в своем послании городскому совету Гамбурга от 29 июля 1264 г. сообщает об освобождении из-под ареста немцев, в числе которых находились и гамбуржцы[5]. Они оказались в заточении якобы по злому навету повелением покойного Хакона IV за совершенное ими убийство. Освобождение немцев было совершено королем в ответ на просьбы, поступившие из различных ганзейских городов, среди которых был и запрос городского совета Гамбурга. Ганзейцы, по всей вероятности, рассчитывали на амнистию по случаю недавнего вступления Магнуса на норвежский трон[6]. Расчет немцев был верным. Новому государю было важно проявить свою милость, заявив, что он впредь будет придерживаться закона, а также наладить отношения с соседями после неудачной внешнеполитической акции своего отца, оказавшейся для него последней, которой стала война Норвегии с Шотландией (1263).

Затем гамбуржцы появляются в ряду прочих немецких купцов (из Любека, Ростока, Штральзунда, Бремена, Висмара, Штеттина, Грипсвольда, Деммина, Анклаба, Эльбинга, Висбю, Риги, Ревеля) в договорах Норвегии с Ганзой, заключенных лишь двадцать лет спустя по итогам норвежско-ганзейского[7] и датско-норвежского конфликтов[8], подтвердивших прежние и вводивших новые торговые привилегии и свободы для ганзейцев в Норвегии. Шаблонность выражений, применяемая в данных источниках, не позволяет объяснить, в чем конкретно выражались нарушения со стороны норвежских властей, повлекшие за собой, в свою очередь, недовольства и противоправные действия со стороны гамбуржцев в Тёнсберге, ввиду чего в их адрес в 1318 г. и последовало королевское прощение вместе с выданной им привилегией вести по всей Норвегии свободную торговлю, один из экземпляров которой хранится ныне в Томске. Очевидно, оно стало результатом неоднократных столкновений между норвежцами и немцами ввиду нарушения последними условий двустороннего договора Норвегии с Гамбургом, заключенного между ними 31 августа 1296 г. в Бергене.

По общему согласию король Эйрик II (1280–1299) разрешил привлекать своих подданных к ведению торговли и к заключению сделок совместно с гамбуржцами. Желая оказать последним особую милость, монарх освободил их от обязательных работ по вытаскиванию на берег чьих-либо судов, до минимума сократил для них штрафы за убийства, ввел свободный режим пребывания гамбургских купцов в Норвегии, которые могли без особого разрешения прибывать в страну и покидать ее, даровал им право свободной торговли не только на регулярных торгах, но и с кораблей. Таким образом, к подобному режиму допускались и норвежцы, которым в было запрещено торговать с иностранцами вне регулярных рынков. Гамбуржцы получали разрешение оставлять свои товары в Норвегии на последующие сорок суток, даже если сделки по ним были уже заключены. Далее положения договора касались только немецких негоциантов: «Если продавец требует расторгнуть сделку, пускай за восемь дней известит об этом покупателей. Если продавец не сделает этого в назначенный срок, извещает того судью, кто подтверждал сделку, что в залог покупки дан соответствующий залог, за который должен быть выкуплен соответствующий товар, а если не сделает этого, то продавец приносит свидетельства с достойными людьми, что это сделано без нарушений, и выкладывает этот залог. Далее, если какой-либо корабль гамбуржцев, перевозя тяжелый груз, придет в наше государство, платится пошлина как за талант законно купленной муки и столько же за

другие товары, а корабль предоставляется для осмотра, куда бы он ни пришел. Далее, если какой-либо корабль названных горожан идет на ловлю рыбы, то дает в качестве пошлины три денария стерлингов за каждый лест (ок. 2 560 кг), а также за то, что может на корабле сломаться или сгореть, а кроме того за все обнаруженное дерево, кроме необходимого им для ремонта. Далее, если корабли вышеназванных гамбуржцев прибудут в наше государство зимой, мы даруем им право пребывать там всю зиму в любом месте, не уплачивая десятины, однако, следует платить назначенную пошлину как за талант муки. Далее, все судьи и уполномоченные участвуют в заключении всех сделок как вышеназванных гамбуржцев, так и наших подданных. Далее, если какой-либо горожанин Гамбурга обратится к судьям с тем, что называется tacset (иск), очищается при участии двух законных, а не абы каких людей, которые должны быть либо немцами, либо норвежцами. Далее, если кто-либо из гамбуржцев подерется в кампании своих же купцов и работников, пусть у них будет возможность разобраться между собой, кроме возмещений за преступления. Если же тем самым здоровью работников или купцов будет нанесен ущерб, за это берется штраф в один эйрир. Далее, если какой-либо гамбургский корабль прибудет в наше государство, привезя какой-нибудь товар, то дает пошлину как за талант муки. Сим подтверждается, что на такой корабль возможно законно грузить дерево и прочие товары. Далее, если названные горожане Гамбурга потерпят в нашей стране кораблекрушение, они имеют законную возможность без всяких препятствий спасать свое имущество, которое выбросит море. И если на то будет нужда, то они призывают на помощь местных жителей, которым, после оценки спасенного имущества, дадут шесть норвежских эйриров»[9].

Из данного документа, при отсутствии решений по конкретным делам, можно лишь догадываться, какие именно нарушения допускали гамбуржцы и чем злоупотребляли норвежские власти в отношении немцев. В период между заключением этого договора и появлением изучаемой привилегии 1318 г., став королем, Хакон V издал целый ряд «улучшений права» (королевских указов), вводящих новые правила торговли для иностранных купцов. Их рассмотрение помогает представить, какие препоны на протяжении двух десятков лет вырастали перед иноземцами, заставляя их обходить запреты, казавшиеся им незаконными, вступать в конфликты с местными властями и церковью и в результате просить короля придерживаться ранее установленных правил. Объединяет эти постановления то, что они обращены не непосредственно к негоциантам, а к местным властям. Таким образом, королевская власть как бы уходила от официальных контактов с иностранными купцами, хотя принимаемые решения касались непосредственно их. В этом отношении документ из Томска явно выбивается из общего ряда подобных документов: противная сторона сумела настоять на оформлении именно двустороннего соглашения, а не выпуска очередной инстукции местным чиновникам.

Так, указ о торговле для иностранцев в Норвегии от 11 ноября 1302 г. обязывал их пломбировать все свои товары у местных властей (за что, естественно, взималась плата), выплачивать лейданг (общегосударственный налог с имущества), а также пошлину за выход в море на ловлю рыбы. Штраф за выход на путину без разрешения местного чиновника карался самым высоким из предусмотренных законом штрафов в 8 эртугов и 13 марок серебром[10]. Постановление от 30 июля 1316 г. для Тёнсберга и Бергена, обращенное к местным купцам, было направлено прежде всего против иностранцев и вступало в противоречие с договором 1296 г. Так, норвежцам запрещалось торговать с немцами всем, кроме пива и тех товаров, которые королевская власть могла оговаривать особо. Более того, вовсе запрещались торговля с кораблей, а также вывоз из страны масла и сала, если только они не обменивались на муку (зерно). Цены преференциальных закупок лично для короля в отношении половины иноземных купцов снижались на треть. В то же самое время вводились дополнительные акцизы на отдельные товары, экспортируемые из Норвегии, а любой неопломбированный местными властями груз изымался в пользу короля с дополнительной уплатой максимального штрафа. Неуплата пошлин также грозила иноземному негоцианту конфискацией всего имущества[11].

Однако уже 14 ноября того же года вышел большой королевский указ о защите иностранной торговли в норвежских городах – Бергене, Тёнсберге и Осло. Прежде всего там оговаривался порядок заключения преференциальных сделок сначала с уполномоченными агентами короля и церкви и только затем открывалась регулярная торговая сессия с горожанами и бондами. Причем к заключению контрактов допускались лишь специально приглашенные негоцианты, а закупки должны были совершаться в конкретный день. Это весьма ограничивало иностранным купцам маневр притом, что королевская власть корректировала цены по отдельным статьям. Идя навстречу иноземцам, король снял с части экспортных норвежских товаров обязательную маркировку, одновременно под угрозой штрафа запретив свободную торговлю одеждой и дорогими тканями. Срок торговли для иностранцев ограничивался двумя неделями. Следующие три недели они должны были в специально определенных местах закупать те товары, которые хотели вывезти из Норвегии. Лишь на это время норвежские горожане имели право сдавать иностранцам в аренду постройки, в противном случае они конфисковались в пользу короля, как и реализуемый товар. Режим свободной торговли вводился лишь между 3 мая (праздник Обретения Креста Господня) и 14 сентября (праздник Воздвижения Креста Господня); в зимнее время это было запрещено. Нарушение данного режима грозило конфискациями, тогда как норвежские купцы подвергались преследованиям по местным, куда более мягким, законам[12].

И, наконец, будучи уже в Тёнсберге, 10 мая 1318 г. король Хакон V выпустил отдельный указ о режиме пребывания и порядке ведения торговли иностранными купцами в этом городе. Король вводил в Тёнсберге режим свободной торговли для всех иностранных и норвежских купцов самыми ценными товарами – от

зерна и льна до вина и импортных тканей. Правда, в отношении последних допускалось некоторое ограничение: видимо, их ассортимент, как и прежде, оговаривался отдельно[13]. Указ был составлен в присутствии одного из доверенных королевских советников, провинциального казначея (fehirde) Тёнсберга и хранителя королевской печати Бьярни сына Аудуна[14], а также городского ла́гманна Гутхорма. Скреплял документ королевской печатью сам государственный канцлер Ивар сын Олава, а записывал текст нотарий Хакон сын Ивара.

Таким образом, учитывая непоследовательность торговой политики норвежской короны, вопрос заверения королевского прощения и торговой привилегии гамбуржцам не только печатью самого государя, но и всех норвежских епископов, включая главу митрополии архиепископа Нидаросского Эйлива сына Арни, собравшихся в это же время в Тёнсберг на провинциальный синод[15], для немецкой стороны был очень важен.

Архиепископ Эйлив был выдающимся государственным деятелем своего времени[16]. Он активно отстаивал привилегии и свободы церкви, заботился о церковных доходах. В частности, он зорко следил за тем, чтобы положенные церкви средства, например десятина и недоимки по ней, аккуратно вносились не только местными жителями, но также и немцами, пребывавшими на территории, вверенной ему епархии[17]. Как видно, корона в этой части вторгалась в юрисдикцию церкви, изредка освобождая иноземцев от уплаты церковных сборов, что, например, допускалось в отношении тех же гамбуржцев договором 1296 г. В отличие от своего предшественника Эйлив регулярно собирал в Норвегии провинциальные синоды, один из которых и имел место в Тёнсберге в июле 1318 г., куда прибыли все норвежские епископы.

Очевидно, что условия двустороннего договора 1296 г. неоднократно срывались норвежской стороной, будучи обставлены королевской властью регулярными законодательными препонами, на которые указано в изучаемом документе из Томска. Данное обстоятельство не способствовало процветанию торговли гамбуржцев, порождая у них обоснованное недоверие к норвежским властям на фоне непоследовательного поведения последних как в отношении самих немцев, так и других внешнеполитических партнеров. Тем самым, гамбургские послы воспользовались удобным случаем и постарались хотя бы формально гарантировать соблюдение королем взятых им обязательств путем привлечения в качестве гарантов собравшихся в Тёнсберге норвежских прелатов во главе с самим архиепископом Нидаросским. Немцам нельзя было упустить момент ввиду тех новых послаблений, которые король Хакон начал делать иноземным негоциантам, прибыв в Тёнсберг.

Активная позиция епископата в этом вопросе диктовалась двумя соображениями. В меньшей степени – стремлением сохранить доверительные отношения и контакты с вполне почитаемой норвежским епископатом Гамбургской кафедрой, остававшейся формально старшей. Прежде всего выступление в качестве гарантов соблюдения королем, взятых им на себя обязательств и отказа от причинения дальнейших препятствий гамбургским купцам, являлось скрытым посланием прелатов немцам о готовности норвежской церкви быть Гамбургу надежным торговым партнером, своим авторитетом и властью обеспечивать вводимый короной режим особого благоприятствования для выходцев из этого ганзейского города. Следует отметить, что одним из представителей гамбургской стороны был приор доминиканцев, в чем можно видеть тесное переплетение церковных, дипломатических и чисто торговых связей, важных как для норвежской, так и для немецкой стороны, и обеспечиваемых одновременно королевской властью и высшими иерархами церкви.

Тесное сотрудничество со скандинавскими архивами показало, что даже считавшиеся утраченными, как грамота из Томска, рукописи и артефакты чудесным образом возникают из небытия, как это произошло с также ранее известной, но потерянной, а затем вновь обретенной копией текста «Истории» Теодорика Монаха [12. С. 62; 13. С. 301]. Палеографический анализ томского документа должен быть продолжен с тем, чтобы уточнить, кто из королевских официалов участвовал в переговорах с гамбуржцами и, возможно, непосредственно составлял текст изучаемой привилегии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «…документ выполнен на гладком пергамене белого цвета <…>. На пергамене вертикальные и горизонтальные заломы из-за того, что рукопись ранее существовала в сложенном виде. На лицевой стороне имеются общие поверхностные загрязнения: пылевые, следы жизнедеятельности микроорганизмов (плесень), различные пятна. На верхнем поле пятна бурого цвета. По верхнему краю утраты – следы жизнедеятельности жука-точильщика. На правом поле следы плесени, пятна точечного характера и пятна черного цвета. Верхний слой пергамена более рыхлый в местах поражения плесенью, незначительные пятна коричневого цвета (возможно, от клея). На левом поле поверхностные загрязнения, плесень, пятна различного происхождения. В центральной части внизу имеются наибольшие биологические повреждения, из-за чего верхний слой пергамена более рыхлый, местами утрачен. В правом нижнем углу загрязнения различного происхождения, пятна клея, отдельные капли которого лежат прямо поверх букв, экскременты насекомых. В различных местах грамоты имеются утраты. Текст выполнен железо-галловыми чернилами. Чернила в хорошей сохранности. На оборотной стороне пергамен желтого цвета, равномерный по поверхности. Общее поверхностное загрязнение различного происхождения. В левом нижнем углу имеются следы предыдущей реставрации – пергаменная заклейка. Утраты основы восполнены пергаменом. На заклейке стоит библиотечный штамп и инвентарный номер В-22011. По краям заклейки выступает клей коричневого цвета» [1. С. 367].

[2] Профессор истории Томас Бартолин-младший (2-й), сын великого датского врача-анатома, математика и теолога Томаса Бартолина-старшего (1-го) (1616–1680), собирал свою коллекцию скандинавских памятников, делая копии с оригинальных текстов и приобретая средневековые рукописи на протяжении всей жизни. После его смерти коллекция перешла по наследству Томасу Бартолину 3-му (1690–1737), который продолжил труды своего отца. В 1727 г. Т. Бартолин 3-й женился на Эльсе Магдалене Бартолин – своей кузине и вдове копенгагенского профессора У. Рёмера. Именно благодаря Т. Бартолину 3-му все бумаги его отца и У. Рёмера были вывезены из Копенгагена, что спасло их от гибели в знаменитом пожаре 1728 г., в котором, к сожалению, погибли многие оригинальные скандинавские рукописи, со-

бранные Арни Магнуссоном. В 1739 г. Э.М. Бартолин передала архивы своего отца и обоих покойных мужей в библиотеку Копенгагенского университета, где этот дар положил начало новой секции *e donatione variorum* [2. S. 26].

[3] Литер «К» означает, что документы, объединенные под ним, относятся к официальным договорам, заключенным Городским советом Гамбурга (Threse I) с властями Дании, Норвегии, Исландии и Гольштейна [4. S. 43].

[4] RN III 1065.

[5] DN V 6.

[6] Тело Хакона IV, скончавшегося на Оркнейских островах (17 декабря 1263 г.), согласно его завещанию было доставлено в Норвегию лишь 21 марта следующего года и погребено через четыре дня (25 марта) в Бергене в церкви Христа. Лишь с этого момента Магнус VI, коронованный еще в 1261 г. как соправитель отца, мог считаться единовластным королем.

[7] DN V 13.

[8] DN V 15.

[9] DN V 33.

[10] NgL III. S. 55–56.

[11] Ibid. S. 118–120.

[12] Ibid. S. 122–128.

[13] Ibid. S. 131–132.

[14] Бьярни сын Аудуна – примечательная личность. В 1292 г. он отправился для обучения в университет Болоньи, став там магистром гражданского и канонического права. Он настаивал на необходимости обучения норвежских чиновников за границей, на что Хакон V в своем завещании оставил 300 марок [10. S. 171].

[15] Три документа, одним из которых является изучаемый нами, дают возможность установить факт проведения провинциального синода норвежской церковной провинции в Тёнсберге в июле 1318 г. Два других документа – DN VII 82 от 16 июля и DN IV 125, составленный 26 июля. Также об этом сообщают исландские «Анналы Готшалька» [11. S. 344]. Там же, в Тёнсберге, в это время вместе с двором находился и король Хакон V. Он прибыл туда из столь любимого им Осло, где государь праздновал Рождество Христово 1317/1318 г. Кстати, находясь в замке Бохус, 13 января 1318 г., Хакон V подтвердил торговые привилегии купцов из Бремена, полученные теми еще в царствование его брата короля Эйрика II (DN V 197 ср. DN V 26, DN V 35), согласно договору, заключенному с целым рядом ганзейских городов в 1294 г. (DN V 23). Пасху же, пришедшуюся в 1318 г. на 27 марта, король встречал уже в Тёнсберге, где он осуществил несколько земельных пожалований церкви (DN II 132; DN II 133). В Тёнсберге двор и государь пробудут (с небольшим перерывом в ноябре 1318 г., когда король отправится в Данию для заключения мирного договора с Данией и Швецией) вплоть до кончины Хакона V, случившейся 8 мая 1319 г.

[16] Представить себе, какой политический вес имел Эйлив в королевстве, можно хотя бы на основании того факта, что уже в 1310 г. он добился от короля Хакона V закрепления за собой титула ярла, которым также обладал его предшественник архиепископ Йорунд (1288–1309). И это несмотря на то, что знаменитым указом Хакона V от 17 июня 1308 г. титулы ярлов и лендрманнов в Норвегии были отменены (DN XI 6: Jarla nofn ok lendra manna vtan konungs sonum æinum ok iarlenum af Orkneyium takum ver af openberlega at nokorir gerizst heðan af...). В 1319 г. архиепископ Эйлив вошел во вновь образованный Государственный совет, а в 1323-м, после лишения герцогини-регентши Ингеборг (дочери покойного Хакона V) прав на управление страной, он был официально избран «главой государства» до наступления совершеннолетия короля Магнуса Эрикссона (DN VII 100: ...hafuum ver oc aller jamsaman gefuet i valld oc kosord herra Eilifs erkibiskups, at settia oss þan forman, sem hann seer varom herra konongenom, rikinu, oss oc þægnonom hentazstan a langframa).

[17] DN I 122. Столь же требовательным к немцам, зимовавшим в Норвегии и занимавшимся там торговлей, но не уплачивавшим десятины со своих доходов, был и оппонент Эйлива епископ Бергенский Арни (см. также DN II 97).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

DN – Diplomatarium Norvegicum; NgL – Norges gamle Love; RN – Regesta Norvegica.

ЛИТЕРАТУРА

1. Манернова О.В. Начальный этап реставрации памятника XIV в. (Привилегия, выданная норвежскому королю Алаусу) // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе : материалы Всерос. науч. конф. Томск, 18–20 марта 2002 г. / отв. ред. Э.И. Черняк. Томск, 2002. С. 365–370.
2. Esrum Klosters Brevbog II / Utg. J.E. Skydsgaard, E. Albrechtsen, I. Boserup, C.G. Tortzen. København : Museum Tusculanum Press, 2002. 586 s.
3. Analecta quibus historia, antiquitates jura, tam publicum privatum Regni Norvegici illustrantur / Utg. Grimus Joannis Thorkelin. Havniæ : Typis et impensis Martini Hallageri, 1778. 244 p.
4. Hamburgs Gedächtnis – die Threse des Hamburger Rates. Die Regesten der Urkunden im Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg / hrsg. J. Marquard, N. Nolden, J. Sarnowsky. Hamburg : Verlag der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg Carl von Ossietzky, 2014. Bd. I. 996 s.
5. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deuschen Hanse / hrsg. G.F. Sartorius. Hamburg : vorlegt von Friedrich Perthes, 1830. Bd. I. 1116 s.
6. Hansisches Urkundenbuch / hrsg. K. Höhlbaum. Halle : Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1879. Bd. II. 396 s.
7. Helle K. Kongssete og kjøpstad: fra opphavet til 1536 (Bergens bys historie. Bd. 1). Bergen : Universitetsforlaget, 1982. 998 s.
8. Nedkvitne A., Norseng P. Byen under Eikaberg (Oslo bys historie. Bd. 1). Oslo : Cappelen, 1991. 475 s.
9. Schreiner J. Hanseatene og Norges nedgang. Oslo : Steenske forlag, 1935. 197 s.
10. Helle K. Under kirke og kongemakt: 1130–1350 (Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3). Oslo : H. Aschehoug&Co, 1995. 240 s.
11. Islandske annaler indtil 1578 / Utg. G. Storm. Christiania : Grøndahl & Søns Bogtrykkeri, 1888. 668 s.
12. Агишев С.Ю. Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях» / пер. с лат. яз., общ. ред. и ком. С.Ю. Агишева; науч. ред. пер. Б.А. Макеев. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. 672 с. (Исторические источники).
13. Агишев С.Ю. Рукописная традиция «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха и «Истории похода датчан в Иерусалим» // Не только саги…: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках / сост. и общ. ред. С.Ю. Агишев; вступ. ст. и прим. С.Ю. Агишева, И.И. Аникьева, П.В. Лапо, А.Ю. Чернова; науч. ред. пер. А.В. Белоусов, Т.Л. Шенявская; пер. с греч. А.Ю. Чернова; пер. с лат. И.И. Аникьева, С.Ю. Агишева, П.В. Лапо, А.Ю. Чернова; пер. с древнеисл. и дат. С.Ю. Агишева. СПб. : Наука, 2017. 469 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 марта 2018 г.

King Haakon V's Privilege to Hamburg from the Manuscript Collection of the Tomsk State University Research Library

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 142–150.
DOI: 10.17223/15617793/441/18

Sergey Yu. Agishev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: agisjev@mail.ru

Keywords: Middle Ages; Norway; Hamburg; Haakon V; trade; Hanseatic League; paleography.

This paper is devoted to the privilege granted by Norwegian king Haakon V (1299–1319) to merchants from Hamburg in the presence of representatives of the Hamburg City Council on July 22, 1318. The original manuscript of this privilege is stored in the Department of Manuscripts and Rare Books of the Tomsk State University Research Library. There were two copies of this privilege for each party – Norway and Hamburg respectively. The manuscript from Tomsk is a copy for Hamburg, and it was kept in the Hamburg City Archive, but after the end of the Second World War it came to the USSR with the collection of medieval charters from the archives of Hamburg and Lübeck. The text of this privilege is well known and was published in the 18th and 19th centuries. In this article, the original text is transcribed and translated from Latin into Russian. The article shows that this privilege was one of the many similar ones, in which Norwegian kings under the circumstances and the pressure from the Hanseatic promised not to violate the previous treaties. From the beginning of his reign, the Norwegian king systematically derogated from his commitments. The bilateral treaty between Norway and Hamburg had been signed in 1296. The document from Tønsberg is a rare exception: the Norwegian king acknowledged the committed violations. It is not addressed to the local officials, but directly to the representatives of the other side. The representatives of Hamburg took advantage of the presence of Archbishop Eilif of Nidaros and four other Norwegian bishops at the provincial church synod in Tønsberg. They engaged the clergy members as guarantors that the crown would not violate the treaty again and would adhere to the free trade regime introduced for Hamburgers. The document from Tønsberg was a hidden message of prelates to the Germans that they were ready to be reliable trading partner for Hamburg merchants, and their authority would ensure the regime of special favor for the descendants of this Hanseatic city. One of the representatives of Hamburg was the Prior of the Dominicans. It shows the close interweaving of church, diplomatic and commercial ties important both for the Norwegian and the German sides and supported simultaneously by the royal power and the supreme church prelates. The death of King Haakon V in 1319, the conclusion of the Swedish-Norwegian union entailed reshuffling in the state administration, did not allow Hamburgers (and, more broadly, the Hanseans) to use the promised guarantees they undoubtedly counted on.

REFERENCES

1. Manernova, O.V. (2002) [The initial stage of the restoration of the monument of the 14th century. (Privilege issued to the Norwegian king Alaus)]. *Muzeynye fondy i ekspozitsii v nauchno-obrazovatel'nom protsesse* [Museum funds and expositions in the scientific educational process]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tomsk. 18–20 March 2002. Tomsk: Tomsk State University. pp. 365–370. (In Russian).
2. Skydsgaard, J.E., Albrechtsen, E., Boserup, I. & Tortzen, C.G. (Utg.) (2002) *Esrum Klosters Brevbog II*. København: Museum Tusculanum Press.
3. Thorkelin, G.J. (Utg.) (1778) *Analecta quibus historia, antiquitates jura, tam publicum privatum Regni Norvegici illustrantur*. Havniæ: Typis et impensis Martini Hallageri.
4. Marquard, J., Nolden, N. & Sarnowsky, J. (hrsg.) (2014) *Hamburgs Gedächtnis – die Threse des Hamburger Rates. Die Regesten der Urkunden im Staatsarchiv der Freien und Hansestadt Hamburg.* Bd. 1. Hamburg: Verlag der Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg Carl von Ossietzky.
5. Sartorius, G.F. (hrsg.) (1830) *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deuschen Hanse*. Bd. 1. Hamburg: vorlegt von Friedrich Perthes.
6. Höhlbaum, K. (hrsg.) (1879) *Hansisches Urkundenbuch*. Bd. 1. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
7. Helle, K. (1982) *Kongssete og kjøpstad: fra opphavet til 1536* (Bergens bys historie. Bd. 1). Bergen: Universitetsforlaget.
8. Nedkvitne, A. & Norseng, P. (1991) *Byen under Eikaberg* (Oslo bys historie. Bd. 1). Oslo: Cappelen.
9. Schreiner, J. (1935) *Hanseatene og Norges nedgang.* Oslo: Steenske forlag.
10. Helle, K. (1995) *Under kirke og kongemakt: 1130–1350* (Aschehougs Norgeshistorie. Bd. 3). Oslo: H. Aschehoug&Co.
11. Storm, G. (1888) *Islandske annaler indtil 1578.* Christiania: Grøndahl & Søns Bogtrykkeri.
12. Agishev, S.Yu. (2013) *Teodorik Monakh i ego "Istoriya o drevnikh norvezhskikh korolyakh"* [Theodoric the Monk and his History of the Ancient Norwegian Kings]. Translated from Latin by S.Yu. Agishev. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
13. Agishev, S.Yu. (2017) Rukopisnaya traditsiya "Istorii o drevnikh norvezhskikh korolyakh" Teodorika Monakha i "Istorii pokhoda datchan v Ierusalim" [The handwritten tradition of The History of the Ancient Norwegian Kings by Theodoric the Monk and the History of the Danes' Crusade to Jerusalem]. In: Agishev, S.Yu. (ed.) *Ne tol'ko sagi…: rannyaya istoriya Norvegii v srednevekovykh pamyatnikakh* [Not only the sagas . . .: the early history of Norway in medieval monuments]. Translated from Latin by I.I. Anik'ev, S.Yu. Agishev, P.V. Lapo, A.Yu. Chernov. Translated from Old Icelandic and Danish by S.Yu. Agishev. St. Petersburg: Nauka.

Received: 21 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 151–154. DOI: 10.17223/15617793/441/19

УДК 93/94

А.В. Ахметшина

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА: НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ № В 18-123.

Анализируется проблема материального положения земского медицинского персонала Уфимской губернии в последней трети XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что материальное положение земских медицинских работников в различных уездах губернии было неодинаковым, что объясняется разными финансовыми возможностями уездных земств. Несмотря на улучшение материального положения земского медицинского персонала в начале XX в., на них не распространялись права государственных служащих при выходе на пенсию.

Ключевые слова: Уфимская губерния; земство; земская медицина; жалованье; врач; средний медицинский персонал; фельдшер.

В России вторая половина XIX в. была ознаменована созданием органов местного самоуправления – земств. Образование земских учреждений было одной из составных частей политики реформирования политического строя страны, еще одним важным шагом на пути ее модернизации, перехода от традиционного к модернизированному обществу.

С появлением земства связано возникновение профессиональной категории земских служащих. По «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. в компетенцию земства входили экономические и социальные вопросы местного значения, такие как здравоохранение, просвещение, попечительство, благоустройство населенных пунктов. Земские управы для лучшей организации своей деятельности могли приглашать на службу «сведущих лиц». В их числе были врачи, фельдшеры, акушерки, учителя, агрономы, статистики и представители других профессий. Степень их квалификации, формы организации работы, размер заработный платы определялись земствами самостоятельно.

С созданием земств связано возникновение земской медицины – особой формы медико-санитарного обеспечения сельского населения России. Проделав длинный и сложный путь становления, она оставила после себя большое наследие. Созданные ею надежная система организации лечебного дела, участковый принцип обслуживания, эффективные методы лечения, бесплатность и общедоступность были заимствованы отечественным здравоохранением.

В Уфимской губернии земства фактически были учреждены лишь в 1875 г. Наследство дореформенных учреждений, занимающихся медицинскими вопросами, было невелико. До появления земской медицины сельское население губернии практически не имело организованной медицинской помощи. В сущности, ни амбулаторного, ни коечного лечения не было [1. С. 39]. Земству предстояло самому создавать и вырабатывать основы общественной медицины.

Большое влияние на развитие земского медицинского строя оказывал вопрос материального положения медицинского персонала. И здесь дело не в меркантильности земских медиков, а в потребности создания оптимальных условий для лучшей организации профессиональной деятельности.

Средняя величина жалования земского врача в Уфимской губернии в 90-е гг. XIX в. составляла 1 200–1 500 руб. в год, исключение составляли Бирский, Мензелинский, Златоустовский уезды, врачи которых получали 1 800–2 000 руб. в год [2. С. 191, 232, 268, 301]. Как видим, материальное положение земских врачей в разных уездах было неодинаково. Кроме того, жалованье у губернских врачей часто оказывалось в среднем значительно ниже уездных норм. Такая ситуация во многом объяснялась разными финансовыми возможностями уездных земств.

В начале XX в. земство разработало систему поощрительных материальных мер, которые должны были стимулировать работу врачей и тем самым препятствовать текучести кадров. Так, с 1908 г. стала практиковаться система прибавок к жалованью по выслуге лет. В Мензелинском уезде прибавка давалась через каждые три года по 150 руб. В Белебеевском, Златоустовском и Бирском уездных земствах – через каждые пять лет от 120 до 250 руб. В Стерлитамакском и Уфимском земствах земским врачам прибавки не предусматривались [3. С. 132–133, 139, 143, 146, 155, 158].

В соседней Пермской губернии участковые врачи получали 1 200 руб. в год (при бесплатной квартире и отоплении), прибавка к жалованью также полагалась через каждые три года, которая через 9 лет достигала 50% [4. С. 120].

Земства Уфимской губернии также предоставляли врачам для проживания квартиры или, при отсутствии таковых, выплачивали деньги от 120 до 300 руб. в год в зависимости от местных условий [3. С. 132–133, 139, 143, 146, 155, 158], чего было явно недостаточно для полноценного существования. В своих воспоминаниях земской врач Белебеевского уезда А.И. Веретенникова пишет: «…нанятая мной изба представляла собой одну единственную комнату, разделенную дощатой перегородкой на две половины, где за неимением больницы была вынуждена принимать больных». Получая 1 500 руб., А.И. Веретенникова более половины своего жалованья тратила на приобретение медикаментов и перевязочных средств [5. С. 32].

Чтобы отчетливо представлять материальное положение земских врачей, приведем размер среднегодового жалованья учителей земских школ, который выглядел следующим образом: в 1870 г. – 120–150 руб., в 1880-х гг. – 150–200 руб., в 1890-х гг. – 200–240 руб., в 1900-х гг. – 240–300 руб. [6. С. 501].

Как видим, по сравнению с другими земскими служащими врачи были наиболее высокооплачиваемой группой. Хотя в сравнении с частнопрактикующими врачами денежное жалованье земских врачей было невелико. Кроме того, указанные размеры жалованья практически не менялись в течение изучаемого периода, несмотря на повышение стоимости жизни.

Отметим, что земские врачи, несмотря на то что не состояли на государственной службе, могли пользоваться некоторыми ее привилегиями. В случае, если врач ходатайствовал в Министерство внутренних дел о своем желании работать еще и в данном ведомстве, то ему, как правительственному служащему, присваивались чины, определенные «Табелью о рангах». Начинающие врачи по чинопроизводству относились к 8-му классу «Табели», т.е. являлись коллежскими асессорами. Врачи с большим опытом и стажем работы могли дослужиться до более высоких чинов и быть отмеченными соответствующими государственными наградами. Земства разрешали подобного рода совместительство [7. С. 145], но такие примеры и случаи частной практики были редки и относились в основном к врачам, которые служили в городах. Видом совместительства было преподавание врача в земской фельдшерской школе, но и в этом случае общая сумма жалованья повышалась не более чем на 500 руб. в год. Так, в Самарской губернии врачи, преподающие в фельдшерской школе, получали от земства в целом от 2 до 4 тыс. руб. в год. В Нижегородской губернии пять врачей преподавателей-совместителей получали по 4 тыс. руб. в год, но два врача, преподававших в фельдшерской школе по собственному желанию, делали это бесплатно. В Саратовской губернии пять врачей получали за совместительство приплату не ниже 500 руб. [4. С. 127].

Положение среднего медицинского персонала было значительно хуже. До конца 90-х гг. XIX в. жалованье земского фельдшера в Уфимской губернии составляло от 240 до 300 руб. в год. Ситуация несколько изменилась на рубеже XIX–XX вв., когда земства начинали увеличивать им жалованье. Так, в 1908 г. жалованье ротных фельдшеров составляло 360 руб. в год, школьных фельдшеров – от 400 до 480 руб. в год, фельдшериц-акушерок как имеющих более широкую специализацию – от 500 до 600 руб. в год [3. С. 132–133, 139, 143, 146, 155, 158].

Как и врачам, фельдшерам и фельдшерицам-акушеркам были установлены периодические прибавки за выслугу лет, а также выплачивались квартирные деньги [Там же]. В целом жалованье среднего медицинского персонала зависело от стажа работы и места службы. Так, фельдшер Белебеевской земской больницы П.И. Стуков получал 520 руб., а участковый фельдшер того же уезда И.Д. Седов – 360 руб. [8. Л. 10 об.].

По данным Н.М. Пирумовой, в соседней Пермской губернии оплата труда среднего медицинского персонала в губернских и уездных земствах также была неидентичной. В уездах она была выше: 38% фельдшеров получали свыше 500 руб. в год; в губернии же такой оклад имели только 11%. Причину этого автор видела в системе фельдшеризма. Остальной же состав – 88% в губернии и 59% в уезде – получали среднюю зарплату – 360 руб. в год. В ряде губерний к этой зарплате доплачивалось 60 руб. квартирных в том случае, если фельдшер жил не при больнице [4. С. 130].

Таким образом, по отношению к фельдшерскому персоналу земство разделяло аналогичные взгляды и позиции, что и в отношении врачей. Оно старалось заинтересовать земской службой этот состав медицинских работников. Поэтому в вопросе их должностных окладов проводилась та же линия, что и в отношении врачебного персонала.

Как уже отмечалось выше, разница в жалованье медицинских кадров в различных уездах одной губернии была вызвана разными финансовыми возможностями уездных земств. Так, например, в 1888 г. уездные земства Уфимской губернии выделяли на нужды здравоохранения, в том числе и на денежные оклады медиков, в среднем 23,05% своего бюджета. По величине расходов на земское здравоохранение выделялись Бирское (25,8%) и Стерлитамакское (26,5%) уездные земства. Значительно меньшие расходы несли Златоустовское (23,45%), Уфимское (22,2%), Мензелинское (21,3%) земства. Наименьшие расходы представлены в Белебеевском земстве (19,1%) [9. С. 3–7; 10. С. 8, 15, 30; 11. С. 63–64; 12. С. 2–3; 13. Л. 22, 22 об., 24 об., 27 об., 28 об., 30 об.; 14. Л. 453–463; 15. Л. 18, 35, 40, 59, 70, 110].

В 1894 г. уездные земства Уфимской губернии выделяли на обеспечение медицинской помощью населения в среднем 25,2% бюджета. Наибольшие расходы несло Бирское уездное земство (37,6%). Значительно меньше средств выделялось в Златоустовском (27,9%), Белебеевском (25%), Стерлитамакском (22,5%), Мензелинском (22,1%) уездных земствах. Нижний порог обнаружен в Уфимском уезде (16,4%) [Там же].

В целом можно говорить о стремлении земской администрации проводить политику экономического стимулирования работников и стратегию повышения уровня зарплаты, тем самым обеспечивая приток грамотных специалистов в свои структуры здравоохранения. В то же время здесь важно отметить, что земские управленцы не спешили повышать жалованье медицинскому персоналу. Вероятно, это объясняется господством в органах самоуправления Уфимской губернии сторонников экономного расходования земских средств.

Так или иначе, перечисленные меры по привлечению на земскую службу врачебного и среднего персонала имели положительный эффект. Если на момент введения органов земского самоуправления в Уфимской губернии, медицинским обслуживанием населения шести уездов занимались 9 врачей, 75 фельдшеров и 10 повивальных бабок [16. С. 417], то в 1888 г. в общей сложности насчитывалось 16 врачей и 98 фельдшеров. Наибольшее количество находилось на службе следующих уездных земств: Уфимского – 6 врачей и 13 фельдшеров, Златоустовского – 4 врача и 10 фельдшеров, Стерлитамакского – 6 врачей и 14 фельдшеров, Мензелинского – 7 врачей и 12 фельдшеров и Бирского – 6 врачей и 16 фельдшеров. Наименьшее количество медицинского персонала находилось на службе Белебеевского уездного зем-

ства – 5 врачей и 5 фельдшеров [17. С. 44–45; 18. С. 79–80; 9. С. 2–7; 10. С. 28; 12. С. 6–7, 27; 19. С. 2; 3. С. 132–133, 137–138, 143, 150; 20. С. 3; 14. Л. 453–463; 13. Л. 1, 46].

В 1897 г. медицинский персонал уездных земств Уфимской губернии насчитывал 39 врачей и 128 фельдшеров. Наибольшее количество медицинских работников находились на службе: Бирского уезда – 8 врачей и 29 фельдшеров, Златоустовского – 5 врачей и 28 фельдшеров, Мензелинского – 8 врачей и 18 фельдшеров, Уфимского уезда – 7 врачей и 22 фельдшера. Наименьшим количеством медицинских служащих были обеспечены уездные земства: Стерлитамакское – 5 врачей и 17 фельдшеров, Белебеевское – 6 врачей и 14 фельдшеров [Там же].

По сравнению с соседними земскими губерниями Уфимская губерния значительно отставала по количеству земских врачей в уездах. Например, по данным Б.Б. Веселовского, в 1890 г. в Вятской и Пермской губерниях насчитывалось соответственно 57 и 73 земских врача [6. С. 359].

В 1908 г. уездные земства располагали медицинским персоналом в количестве 59 врачей и 246 фельдшеров. Наибольшее число земско-медицинских служащих было в Бирском уезде – 14 врачей и 69 фельдшеров, Уфимском уезде – 8 врачей и 54 фельдшера, Мензелинском – 11 врачей и 34 фельдшера, Златоустовском – 7 врачей и 37 фельдшеров. Наименьшее количество земских медиков находилось на службе Стерлитамакского уезда – 11 врачей и 22 фельдшера и Белебеевского – 8 врачей и 24 фельдшера [17. С. 44–45; 18. С. 79–80; 9. С. 2–7; 10. С. 28; 12. С. 6–7, 27; 19. С. 2; 3. С. 132–133, 137–138, 143, 150; 20. С. 3; 14. Л. 453–463; 13. Л. 1, 46].

По данным за 1914 г., медицинский персонал уездных земств Уфимской губернии насчитывал в общей сложности 81 врача и 343 фельдшера. Наибольшее число земско-медицинских служащих было в следующих уездных земствах: Бирском – 18 врачей и 78 фельдшеров, Уфимском – 13 врачей и 68 фельдшеров, Златоустовском – 13 врачей и 64 фельдшера, Мензелинском – 12 врачей и 48 фельдшеров. Последние позиции в отношении обеспеченности земским медицинским персоналом продолжали занимать: Белебеевский уезд – 10 врачей и 45 фельдшеров и Стерлитамакский уезд – 15 врачей и 48 фельдшеров [Там же].

Таким образом, можно сказать, что в начале XX в. улучшение материального положения земского медицинского персонала стало рассматриваться как важный фактор в деле развития и совершенствования земской медицины. Это нашло отражение в существующей с конца XIX в. в отдельных губерниях практике увеличения жалованья земским врачам за выслугу лет. В то же время необходимо подчеркнуть, что сам род их деятельности требовал от врачей, фельдшеров и акушерок постоянной самоотверженности и подвижничества, однако не гарантировал им обеспеченной старости, так как по законодательству служащие в земстве по найму не считались состоящими на государственной службе. Поэтому на них не распространялись привилегии чиновников при выходе на пенсию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990. 264 с.
2. Труды 4-го съезда земских врачей и представителей земств в Уфимской губернии. Вып. III. Уфа : Типолитография В.К. Шлегер, 1896. 369 с.
3. Доклады и журналы заседаний губернского совещания врачей и представителей земств Уфимской губернии (3–11 сентября 1908 г.) Уфа : Паровая типолитография торгового дома Н.Е. Милюков и К.А. Медведев, 1908.
4. Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М. : Наука, 1986. 272 с.
5. Веретенникова А.И. Записки земского врача. Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1984. 136 с.
6. Веселовский Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 1. С. 447–592.
7. Балдин К.Е. Земский медицинский персонал Владимирской губернии в конце XIX – начале XX в. // Материалы областной краеведческой конференции : в 2 т. Владимир, 20 апреля 2007 г. Владимир : Изд-во Владимир. обл. общества краеведов, 2007. Т. 1. С. 143–148.
8. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦИА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 221.
9. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимской губернии. 1875–1917. Уфа : Печатня, 1917. 23 с.
10. Краткий исторический очерк деятельности Златоустовского уездного земства со дня открытия земских учреждений в Уфимской губернии. Златоуст : Типография товарищества Лебедева и Белякова, 1914. 99 с.
11. Сборник о деятельности Уфимского уездного земства за истекшую четверть века его существования. 1875–1900 гг. / сост. П.Ф. Гиневский. Уфа : Паровая типолитография А.П. Зайкова, 1900. 137 с.
12. Краткий очерк развития земской медицины в Уфимском уезде за 1875–1916 гг. Уфа : Электрическая типография товарищества книжного и газетного издательства, 1917. 30 с.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2780.
14. ЦИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 488.
15. ЦИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 5.
16. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского Губернского Земского Собрания за 35-летие 1875–1909 гг. : в 3 т. / сост. П.Н. Григорьев. Уфа : Электрическая губернская типография, 1915. Т. 2. 938 с.
17. Обзор Уфимской губернии за 1888 г. Уфа : Типография губернского правления, 1889. 44 с.
18. Обзор Уфимской губернии за 1897 г. Уфа : Типография губернского правления, 1898. 115 с.
19. Краткий обзор состояния земской медицины и заразных заболеваний в Уфимской губернии в 1914 г. Уфа : Печатня, 1915. 17 с.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XIV: Уфимская губерния. СПб. : Изд. центр. стат. комитета МВД, 1901. 197 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 мая 2018 г.

The Financial Position of Zemstvo Medical Personnel: On the Materials of the Ufa Gubernia (The Last Third of the 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 151–154.

DOI: 10.17223/15617793/441/19
Alena V. Akhmetshina, Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak (Sterlitamak, Russian Federation). E-mail: nikitina.alena@inbox.ru
Keywords: Ufa Gubernia; zemstvo; zemstvo medicine; doctor; care personnel.

In this article, the problem of the financial position of the zemstvo medical staff of the Ufa Gubernia in the last third of the 19th – beginning of the 20th centuries is analyzed. The financial position of medical personnel had a great influence on the development of the zemstvo medical system in the gubernia. Based on archival and published sources, the author notes that the financial situation of the zemstvo medical and paramedical personnel in different counties of the gubernia was not the same, which was explained by the different financial possibilities of the district zemstvos. The author points to the desire of the zemstvo administration to pursue a policy of economic incentives for employees and a strategy to increase the level of wages, thereby ensuring the flow of experts into their healthcare structures. At the same time, it is important to note here that zemstvo administrations were slow to raise salaries for medical personnel. This can be explained by the dominance of supporters of economical expenditure of zemstvo means in the self-government bodies of the Ufa Gubernia. Using a comparative historical method, the author reveals common characteristic features in the system of remuneration and incentives for zemstvo medical workers in the gubernias with zemstvo self-government bodies. The system of incentives, designed to stimulate the work of doctors and to prevent staff turnover, included increases in the salary for the length of service, the provision of an apartment for living, or a certain amount of money for renting. Measures to attract medical and care personnel to the community service had a favorable effect on the financial situation of the zemstvo medical staff as evidenced by the growth of medical personnel in the Ufa Gubernia. The author points out that in comparison with other zemstvo employees, doctors were the most highly paid group. However, in comparison with private practitioners, the salaries of zemstvo doctors were inadequate. The author believes that in the early 20th century the improvement of the financial situation of zemstvo medical personnel was regarded as an important factor in the development and improvement of zemstvo medicine. This is reflected in the practice of increasing the salaries of zemstvo doctors for long service that existed since the end of the 19th century in some gubernias. At the same time, according to the laws, people on employment contracts in the zemstvo were not considered to be state employees, so they did not receive the privileges of officials when they retired.

REFERENCES

1. Gerasimenko, G.A. (1990) *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo self-government in Russia]. Moscow: Nauka.
2. Tipolitografiya V.K. Shleger. (1896) *Trudy 4-go s"ezda zemskikh vrachey i predstaviteley zemstv v Ufimskoy gubernii* [Proceedings of the 4th Congress of Zemstvo Doctors and Representatives of Zemstvos in the Ufa Gubernia]. Is. III. Ufa: Tipolitografiya V.K. Shleger.
3. Parovaya tipolitografiya torgovogo doma N.E. Milyukov i K.A. Medvedev. (1908) *Doklady i zhurnaly zasedaniy gubernskogo soveshchaniya vrachey i predstaviteley zemstv Ufimskoy gubernii (3–11 sentyabrya 1908 g.)* [Reports and journals of meetings of the provincial meeting of doctors and representatives of zemstvos of the Ufa Gubernia (3–11 September 1908)]. Ufa: Parovaya tipolitografiya torgovogo doma N.E. Milyukov i K.A. Medvedev.
4. Pirumova, N.M. (1986) *Zemskaya intelligentsiya i ee rol' v obshchestvennoy bor'be do nachala XX veka* [Zemstvo intelligentsia and its role in public struggle until the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka.
5. Veretennikova, A.I. (1984) *Zapiski zemskogo vracha* [Notes of a zemstvo doctor]. Ufa: Bashkir. knizh. izd-vo.
6. Veselovskiy, B. (1909) *Istoriya zemstva za sorok let* [History of zemstvos for forty years]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo O.N. Popovoy. pp. 447–592.
7. Baldin, K.E. (2007) [Zemstvo medical staff of the Vladimir Gubernia in the late 19th – early 20th centuries]. *Materialy oblastnoy kraevedcheskoy konferentsii: v 2 t.* [Proceedings of the regional local history conference: in 2 vols]. Vladimir. 20 April 2007. Vol. 1. Vladimir: Izd-vo Vladimir. obl. obshchestva kraevedov. pp. 143–148. (In Russian).
8. Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (TsIA RB). Fund I-132. List 1. File 221. (In Russian).
9. Pechatnya. (1917) *Kratkiy ocherk razvitiya zemskoy meditsiny v Ufimskoy gubernii. 1875–1917* [A brief essay of the development of rural medicine in the Ufa Gubernia. 1875–1917]. Ufa: Pechatnya.
10. Tipografiya tovarishchestva Lebedeva i Belyakova. (1914) *Kratkiy istoricheskiy ocherk deyatel'nosti Zlatoustovskogo uezdnogo zemstva so dnya otkrytiya zemskikh uchrezhdeniy v Ufimskoy gubernii* [A brief historical essay of the activities of the Zlatoust uyezd zemstvo from the date of the opening of the zemstvo institutions in the Ufa Gubernia]. Zlatoust: Tipografiya tovarishchestva Lebedeva i Belyakova.
11. Ginevskiy, P.F. (1900) *Sbornik o deyatel'nosti Ufimskogo uezdnogo zemstva za istekshuyu chetvert' veka ego sushchestvovaniya. 1875–1900 gg.* [Collection on the activities of the Ufa uyezd zemstvo over its 25-year existence. 1875–1900]. Ufa: Parovaya tipolitografiya A.P. Zaykova.
12. Elektricheskaya tipografiya tovarishchestva knizhnogo i gazetnogo izdatel'stva. (1917) *Kratkiy ocherk razvitiya zemskoy meditsiny v Ufimskom uezde za 1875–1916 gg.* [A brief essay of the development of rural medicine in the Ufa uyezd in 1875–1916]. Ufa: Elektricheskaya tipografiya tovarishchestva knizhnogo i gazetnogo izdatel'stva.
13. Russian State Historical Archive. Fund 1298. List 1. File 2780. (In Russian).
14. Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (TsIA RB). Fund I-9. List 1. File 488. (In Russian).
15. Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (TsIA RB). Fund I-148. List 1. File 5. (In Russian).
16. Grigorev, P.N. (1915) *Sistematicheskiy svodnyy sbornik postanovleniy Ufimskogo Gubernskogo Zemskogo Sobraniya za 35-letie 1875–1909 gg.: v 3 t.* [Systematic consolidated collection of resolutions of the Ufa Gubernia Zemstvo Assembly for 35 years, 1875–1909: in 3 vols]. Vol. 2. Ufa: Elektricheskaya gubernskaya tipografiya.
17. Tipografiya gubernskogo pravleniya. (1889) *Obzor Ufimskoy gubernii za 1888 g.* [Overview of the Ufa Gubernia for 1888]. Ufa: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
18. Tipografiya gubernskogo pravleniya. (1898) *Obzor Ufimskoy gubernii za 1897 g.* [Overview of the Ufa Gubernia for 1897]. Ufa: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
19. Pechatnya. (1915) *Kratkiy obzor sostoyaniya zemskoy meditsiny i zaraznykh zabolevaniy v Ufimskoy gubernii v 1914 g.* [A brief overview of the state of rural medicine and contagious diseases in the Ufa Gubernia in 1914]. Ufa: Pechatnya.
20. Central Statistics Committee of the Ministry of Internal Affairs (1901) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii* [The first general census of the Russian Empire]. Vol. XIV. St. Petersburg: Izd. tsentr. stat. komiteta MVD.

Received: 08 May 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 155–159. DOI: 10.17223/15617793/441/20

УДК 908+ 321.74

В.С. Кузеванов

РУКОВОДСТВО АРХИТЕКТУРНОЙ ОТРАСЛЬЮ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1930–1940-е гг.)

Рассматривается процесс выстраивания системы управления архитектурной отраслью в крупном западносибирском городе. В Омске создается орган главного городского архитектора, который в политическом плане стал проводником решений партий и руководства страны. Автор обращается к архивным источникам для реконструкции организационной структуры местного органа управления архитектурой. Подчеркивается, что развитие управления по делам архитектуры было непланомерным.

Ключевые слова: отраслевое политическое управление; советский город; главный городской архитектор.

История политического руководства 1930–1940-х гг. отдельных отраслей экономики в ответственной историографии притягивает исследователей различных регионов, в том числе отраслевых историков. В 1930-е гг. архитектурная отрасль претерпела ряд трансформаций, связанных с общими политическими событиями страны. Однако в первую очередь для отраслевых историков данный процесс стал основным предметом исследования. Историк архитектуры и градостроительства Ю.Л. Косенкова обращается к системе управления архитектурной отраслью для выявления основных направлений реализации политики и определения роли главного городского архитектора в проектно-производственной деятельности и его политического статуса [1]. Однако есть крайнее крыло историков архитектуры, которые рассматривают деятельность архитектурных «генералов» только через политические решения. Один из таких представителей, Д. Хмельницкий, убежден, что в предвоенный период в стране «создана профессиональная иерархия, скрепленная военной дисциплиной, что сильно облегчает партийное руководство архитектурой» [2. С. 210]. «Отраслевые» историки оставляют за рамками своих исследований саму структуру органов управления, степень наполняемости кадрами и численность управлений городских архитекторов. Попытка поиска компромисса между историей архитектуры и социальной историей была предпринята М.Г. Мееровичем. Опираясь на многочисленные архивные источники, в том числе нормативно-правовые акты, ему удается собрать целостную картину политики жилищного обеспечения населения, в которой находится место как рядовому архитектору, так и руководителю местного органа управления архитектурой [3].

Обращаясь к региональным исследованиям, необходимо отметить значимость работ В.Г. Рыженко, которая впервые указывает на важность изучения деятельности архитектора (как представителя особого отряда технической интеллигенции) в отдельно взятый период советской истории [4]. Одними из наиболее удачных исследований, гармонично объединяющих методы социальной и архитектурной истории, являются работы С.С. Духанова. Предметом его изысканий становятся те градостроительные трансформации сибирских городов, которые кристаллизовались в ходе политических опытов архитектурно-строительной отрасли [5]. Политические решения и эксперименты внедрения политической идеологии в производство стали для новых городских образований фатальными. Политический пафос строительства промышленных предприятий в Сибири с жилым массивом разбивается о суровую действительность: нехватка строительных материалов и отсутствие единой координации деятельности органов управления [6].

Обозначенные научные работы не дают в полной мере представления о процессе выстраивания единой вертикали власти архитектурной отрасли, которая заканчивалась «на местах». Деятельность главного городского архитектора, которая должна была подкреплять выполнение профессиональных задач политической воли, отечественными социальными историками не рассматривается. Исходя из этого была поставлена цель – опираясь на архивные источники, выделить этапы складывания системы управления архитектурной сферой в 1930–1950-е гг. Одним из крупных городов Западной Сибири в 1930-е гг. был Омск, который в 1934 г. стал административным центром одноименной области. До реформ в ее состав входили Челябинская, Курганская, Тюменская области, что определяло статус Омска как стратегической точки роста одного из важнейших экономических районов страны.

Источниковая база исследования включает в себя группу нормативно-правовых актов и делопроизводственных документов, обнаруженных в региональных и центральных архивах. В связи с ограничением выдачи правовых актов и внутренними требованиями Государственного архива Российской Федерации в данной работе использованы электронные правовые системы из открытых источников. Сложность в изучении деятельности отдела главного архитектора города вызывает отсутствие в фонде Исторического архива Омской области документов с 1940-х по 1950-е гг. Первые документы были сданы в 1960-е гг., розыск недостающих документов, как сказано в пояснительной записке к фонду, объявлен и будет дополнен в других описях, но до сегодняшнего дня этого не было сделано. Фонд был основан после 1943 г. (Постановление Совета Народных Комисаров РСФСР от 2 декабря 1943 г. № 996 упраздняло управление, но взамен создавало Отдел по делам архитектуры) и позже 1956 г. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 сентября 1955 г. № 312/3 и Распоряжение Совета министров РСФСР от 2 марта 1956 г. № 650-р), по-

этому название фонда соответствовало последним редакциям – «Омский городской отдел по делам строительства и архитектуры».

Выстраивание иерархии архитектурного руководства в крупных городах СССР осуществлялось в несколько этапов. В систему городской власти включали отделы и структурные подразделения, которые осуществляли политику «на местах». СНК РСФСР 26 июля 1935 г. издает постановление «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства», которое ознаменовало новый этап регионального администрирования: «Установить, что, начиная с 1 января 1936 года, новое строительство всех без исключения видов, а также реконструкция, перестройки и надстройка отдельных зданий и сооружений в городах, перечисленных в прилагаемом списке, не может производиться без предварительного в каждом отдельном случае согласования с главным городским архитектором» [7]. Положение возлагало на главного городского архитектора, который в перспективе занимался формированием городского пространства, максимально возможные полномочия, так как именно с ним согласовывались «все виды строительства». Полномочия городского архитектора были обширными: уточнение и реализация генпланов города, распределение территории под строительство, выдача задания и заключения на проектируемый объект.

В некоторых городах существовали отделы коммунального хозяйства, где при необходимости были введены в состав профессиональные архитекторы, поэтому рядом с указанным городом в скобках указывалось «существует». В прилагаемом списке к постановлению отмечались города Сибири, в которых должность главного архитектора утверждалась с 1936 г.: Омск, Новосибирск, Сталинск (н. в. – Новокузнецк), Красноярск, Иркутск. Только в первых указанных городах еще ранее были введены такие должности.

Должностные обязанности городских архитекторов были широкими. Одно должностное лицо не в состоянии выполнить все функциональные обязанности, поэтому позже именно муниципальные власти принимали положение о главном городском архитекторе, опираясь на которое учреждался полноценный орган управления. Взамен предыдущего постановления Совет народных комиссаров РСФСР издал новое – «Об утверждении положения о главном городском архитекторе» от 4 сентября 1940 г. № 693 [8]. Вышестоящей организацией назначался городской совет депутатов, который при санкции Наркомхоза РСФСР имел право утверждать и освобождать от должности главного архитектора, устанавливать штат аппарата и регламентировать бюджет. Ю.Л. Косенкова подчеркивает, что до 1940 г. городской архитектор напрямую зависел от органа городского коммунального хозяйства, поэтому проектирование оказывалось не в его компетенции: «…городской архитектор был подчинен непосредственно председателю горисполкома, в его ведение была передана геодезическая служба и разрешены некоторые проектные работы по благоустройству» [1. С. 140]. В «Положении» более четко прописывались задачи главного архитектора, вместо шести пунктов было введено десять. Примечателен пункт «е», который стал основанием для создания экспертной комиссии по утверждению проектов: «участие <главного городского архитектора> в комиссиях по приемке сдаваемых в эксплуатацию зданий и сооружений». Главный городской архитектор становится председателем такой комиссии и принимает окончательное решение, что определяет его статус. Однако окончательная штатная структурная сетка формируется и реорганизуется при запросе главным архитектором с учетом решений городского управленческого аппарата.

Восстановление списочного состава корпуса главного городского архитектора является сложной исследовательской проблемой, так как в открытой периодической печати и научных исследованиях информации о порядке замещения указанной должности практически нет. В фондах региональных архивов содержатся многочисленные протоколы заседаний экспертно-технического совета, из чего можно сделать вывод, что этот орган существовал не только «на бумаге», а вел оперативную работу с проектирующими конторами и заказчиками. Также сохранились архитектурно-планировочные задания, которые составляло непосредственно руководство отдела [9].

Президиум Омского городского совета своим Постановлением № 1591 от 3 ноября 1935 г. создал планировочную комиссию для урегулирования дел по отводу земельных участков для строительства. В состав комиссии входили: от Горкомхоза – начальник городского коммунального хозяйства (один из заместителей геодезического, жилого сектора или благоустройства отделов), от Горплана – конструктор по планированию города, от пожарной охраны – инспектор, от государственной санитарной инспекции – горинспектор, от райсоветов – по одному представителю от каждого, от Облкомхоза – один представитель, а также представители от крупных проектных организаций [10. Л. 28]. Также этим постановлением во исполнение циркуляра ЦККХоза создавалось Управление городского архитектора в 1936 г., в которое включили планировочную комиссию. Саму должность главного городского архитектора при Президиуме Горсовета утвердили с 1 октября 1936 г. [11. Л. 49].

Должность главного архитектора города в Омске вводилась на основе указанных выше постановлений СНК РСФСР, но активная фаза работы начиналась также с 1940 г. В отдельных случаях для проведения работ по обследованию технического состояния крупных административных или общественных зданий специальным постановлением Президиума Омского городского совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов могла быть создана техническая комиссия, куда входили председатель, как правило, из Президиума, Госконтроль, инспектор из пожарного управления, санинспектор, специалисты из Омпроекта и главный архитектор [12. Л. 125].

В 1944 г. произошли существенные изменения. В соответствии с Постановлением СНК РСФСР № 996 от 2 декабря 1943 г. и решением исполнительного комитета городского совета № 776 от 26 мая 1944 г. расформировывается экспертный совет при Гор-

комхозе и утверждается архитектурная комиссия города Омска [13. Л. 173] при непосредственном подчинении главному архитектору. На комиссию возложили обязанность рассматривать и утверждать проектные работы свыше 50 000 рублей. Состав комиссии на 1944 г.: В.И. Макеров – председатель комиссии, исполняющий обязанности главного архитектора, П.П. Зутис – инженер, начальник Областного отдела по делам архитектуры, Н.Л. Эйхлер – инженер, Госстрой-контролер города, Д.С. Бутырин, П.С. Голенко, Е.А. Степанов из Союза советских архитекторов [Там же. Л. 173 об.].

Архитектурный надзор был организован только к началу 1950-х гг. Начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля города должен был составлять отчеты ежеквартально и по итогам года. Отчет состоял из десяти пунктов, девять из которых были обязательны для исполнения, а последний – фотографии построенных объектов – рекомендуем. Составленные отчеты представляют собой информационно-аналитический пакет документов, который становился основой для принятия решений главным архитектором города. Начальник инспекции Н.Л. Эйхлер отметил в годовом отчете за 1950 г.: «Штата до сего времени нет. В продолжение шести лет работаю один, а раньше имел штат <дописано> 6 чел. <…> Подконтрольных объектов 199. Крупных государственных подрядных организаций <…> производящих строительство подконтрольных объектов 7, не считая отделов кап. строительства заводов, ведущих строительство хоз. способом» [14. Л. 26]. Начальник инспекции не имел юридических оснований применять взыскания за выявленные нарушения строительного законодательства. Начальник активизировал работу непосредственно с заказчиками, чтобы избежать нарушений на начальной стадии: «Ввиду отсутствия у меня инспектуры (работаю один) имею связь с техническим надзором заказчиков, которые о всех крупных дефектах мне сообщают» [15. Л. 45].

В Управлении также работал архитектурный совет, который был организован после реформ 1954 г. Совет регулярно проводил заседания, особенно часто в период работы над генеральным планом развития города середины 1950-х гг. под председательством главного городского архитектора Б.В. Антипова [16. С. 23]. В него входили не менее 10 архитекторов из разных проектных контор и бюро, а также 13 инженеров. Этот вывод сделан исходя из среднестатистической численности присутствующих на заседании. Важным событием было заседание Архсовета 28 июля 1955 г., на котором обсуждалась планировка центральной части города [17. Л. 1–6]. Примечательно, что участие принимал сотрудник архитектурного факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры (бывш. Академия художеств) В.И. Кочедамов.

Советы, комиссии, отделы реорганизовывались, расформировывались, но должность главного городского архитектора была неизменной. Назначение главного архитектора осуществлялось при участии или согласовании с областным советом, но не всегда в официальных документах указывалась фамилия. Благодаря эвристическим исследованиям искусствоведа О.В. Белана в ведомственных архивах департамента архитектуры Администрации г. Омска и сопоставлениям найденных отраслевых делопроизводственных документов и справочных материалов историков архитектуры, удалось установить очередность замещения должности главного архитектора Омска в рассматриваемый период. В отличие от новосибирской ситуации, где порядок замещения должности «главного городского архитектора» удалось установить документально [18. С. 205], омские реалии показывают обратное, поэтому была сделана реконструкция с основой на косвенные данные: с 3 ноября 1935 г. – Зутис Петр Петрович; с 1937 по 1939 г. [19. С. 270] – Поздняков Виталий Николаевич; 1940 г. – Куриленко Петр Карпович; с 1941 по 1943 г. – Фридман Даниил Федорович; с 1943 по 1944 г. – Степанов Евгений Александрович; с 1944 по 1947 г. – Макеров Владимир Иванович; с 1947 по 1955 г. – Капустин Георгий Александрович; с 1955 по 1969 г. – Антипов Борис Владимирович.

Среди омских специалистов выделяются фамилии иногородних архитекторов. Петр Карпович Куриленко, молодой архитектор Новосибирского отделения Горстройпроекта, принимавший участие в разработке генплана Омска (1935 г.), решением исполкома Омского городского совета № 354 от 22 мая 1940 г. был утвержден в должности главного городского архитектора [20. Л. 7]. Деятельность Куриленко была очень активной, о чем свидетельствуют послужной список и перечень работ (в том числе генплан Ворошиловска на 100 тыс. чел.) [21. Л. 9]. Возможно, поэтому городской исполком был заинтересован в назначении на важный пост специалиста такого уровня и просил облисполком о назначении персональной ставки в 1 200 руб.

Фридман Даниил Федорович – видный архитектор Москвы, участник проектирования объектов московского метрополитена, в годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Сибири. Доктор архитектуры Делфтского технического университета (Нидерланды) указывает даты замещения должности, хронологически совпадающие с годами войны [22. С. 310]. Однако библиографические данные, которые удалось получить в музее архитектуры им. А.В. Щусева (г. Москва), не подтвердили этот факт. Д.Ф. Фридман участвовал в проектировании крупных жилых объектов в Омске до 1943 г., а позже переехал в Новосибирск, где работал в проектировочных организациях.

Примечательно, что среди плеяды архитекторов присутствует фамилия инженера. Владимир Иванович Макеров, инженер геодезического сектора управления главного городского архитектора [23. С. 163], занимался составлением карт города и вел подготовительные работы по разработке территориальных схем 1940–1941 г. Опыт работы в Управлении помог работать в должности главного городского архитектора с 1944 по 1947 г. Однако архитекторы вспоминали, что Макеров отводил земляные участки вне центра города исходя не из архитектурно-градостроительных принципов, а из возможностей грунтов [Там же. С. 165] и не видел необходимости в «архитектурных украшательствах».

Главный городской архитектор, который не был самостоятельным в принятии решений и занимался сугубо хозяйственными вопросами, в начале введения должности становится частью местной бюрократии. В ходе реформ второй половины 1930-х гг. удалось создать работоспособный орган управления архитектурно-строительной отраслью, который решал локальные проблемы, руководствуясь предписаниями Государственного комитета Совета министров РСФСР по делам архитектуры. В руках городского архитектора концентрировалась власть (не всегда во всей полноте) над службами по благоустройству и обеспечению инженерной инфраструктуры. Однако профессиональная приверженность пробуждалась в «чиновнике от архитектуры», что сказывалось на облике текущей застройки городских районов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. М. : URSS ; Книжный дом «Либроком», 2009.
2. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М. : Прогресс-Традиция, 2007.
3. Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М. : РОССПЭН, 2008.
4. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: Вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2003.
5. Духанов С.С. Организация архитектурно-градостроительной деятельности в Западной Сибири в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 4 (51). С. 81–91.
6. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55.
7. Постановление СНК РСФСР «Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства» от 26 июля 1935 г. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25105, свободный (дата обращения: 08.09.2012).
8. Постановление СНК РСФСР «Об утверждении положения о главном городском архитекторе» от 4 сентября 1940 г. № 693. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=27713, свободный (дата обращения: 08.09.2012).
9. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 477. Оп. 1. Д. 1 на 277 листах.
10. ИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 51. Т. 1.
11. ИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 116.
12. ИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 135.
13. ИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 222.
14. ИАОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3.
15. ИАОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10.
16. Материалы к библиографическому словарю архитекторов СССР (А–Б). М. : ЦНИИТиА, 1981.
17. ИАОО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 71.
18. Филиппов В.Н. Главные архитекторы города Новосибирска // Энциклопедия Новосибирска. Новосибирск, 2003. С. 205.
19. Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX – начало XXI века: Иллюстрированный библиографический словарь. М. : Прогресс-Традиция, 2004.
20. ИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 165 (I том).
21. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р.-1444. Оп. 1. Д. 5.
22. Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск : НГАХА, 2013.
23. Белан О.В. Архитектура Омска XX века и деятельность главных городских архитекторов. Омск, 2000. С. 163 (рукопись) // Фонд искусствоведа О.В. Белана. Текущий архив Омского отделения ВООПИиК.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2018 г.

Management of the Architectural Branch of the Administrative Center of Omsk Oblast in the 1930s–1940s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 155–159.
DOI: 10.17223/15617793/441/20

Victor S. Kuzevanov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: Victors2@yandex.ru

Keywords: branch political management; Soviet city; chief city architect.

The article discusses the process of building a system of management of the architectural industry in a large Western Siberian city. In Omsk, a body of the main city architect was created, which politically became the conductor of the decisions of the country's party and leadership. The author refers to archival sources to reconstruct the organizational structure of the local architecture management body. For the first time, the personal list of the main city architects of Omsk in the "Stalin era" is recreated. The article emphasizes that the degree of implementation of the orders of higher authorities becomes the subject of discussions of professional institutions, and the development of the department of architecture was not systematic. The author proposes to identify several stages in the formation of the functions of the chief architect. The organizational stage (1935–40s) is characterized by the instability of the position of the chief city architect. The city architect obeyed the economy department and was not independent in decision-making. The personal authority of the architect allowed to solve some problems. The stage of manual management (1940–45) was marked by a political decision to strengthen the position of the city architect at the municipal level. During the Great Patriotic War, important structural units were reformed. Since then, the architectural image of the city becomes the main task of the architecture department, not the economy one. The last stage is the stage of "transformation" (1945–55); it includes the period of reconstruction of cities after the war and the period of establishment of the department of architecture. The main city architect headed the department which could really affect the development of the districts and the strategic planning of the city's development in political, administrative and organizational ways. This stage ends with the party and political shifts initiated by Nikita Khrushchev. The political hierarchy was to subordinate all sectors of the economy in the 1930s. The regional and local management systems could not cope with all the responsibilities assigned to them, as there were not enough financial resources and there was no improvement in the organizational structure. The local body of architecture was limited in the choice of means of influence since its inception until the fundamental reforms of 1940. Omsk authorities were interested in involving active architects in the management of the construction industry, but there

was a shortage of personnel in the region. During the Great Patriotic War the functions of the city architect were performed by "random people". In the evacuation, D.F. Friedman, a leading Soviet architect, author of the land pavilions and other underground facilities in Moscow, not only managed but participated in the formation of the urban image of Omsk. The author comes to the conclusion that the political status of the post of a city architect was not created together with the introduction of the post in 1935. It took two decades to establish direct control of architecture in a separate city.

REFERENCES

1. Kosenkova, Yu.L. (2009) *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet city of the 1940s – first half of the 1950s: From creative searches to construction practices]. Moscow: URSS; Knizhnyy dom "Librokom".
2. Khmel'nitskiy, D. (2007) *Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [Architecture of Stalin. Psychology and style]. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Meerovich, M.G. (2008) *Nakazanie zhilishchem: Zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gg.)* [Housing punishment: Housing policy in the USSR as a means of governing people (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN.
4. Ryzhenko, V.G. (2003) *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: Voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodov issledovaniya* [Intellectuals in the culture of a large Siberian city in the 1920s: Issues of theory, history, historiography, research methods]. Yekaterinburg: Ural State University; Omsk: Omsk State University.
5. Dukhanov, S.S. (2015) Architectural and town planning activities in West Siberia in the late 1920's and early 1930's. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 4 (51). pp. 81–91. (In Russian).
6. Dukhanov, S.S. (2017) Problems of Western Siberia's "unfinished cities" in the 1930s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 38–55. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/16/4
7. Consultant.ru. (2012) *Postanovlenie SNK RSFSR "Ob uchrezhdenii dolzhnosti glavnogo gorodskogo arkhitektora v gorodskikh otdelakh kommunal'nogo khozyaystva" ot 26 iyulya 1935 g.* [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the establishment of the post of chief city architect in the municipal departments of public services" of July 26, 1935]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=25105. (Accessed: 08.09.2012).
8. Consultant.ru. (2012) *Postanovlenie SNK RSFSR "Ob utverzhdenii polozheniya o glavnom gorodskom arkhitektore" ot 4 sentyabrya 1940 g. № 693* [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR No. 693 "On the approval of the provision on the main city architect" of September 4, 1940]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=27713. (Accessed: 08.09.2012).
9. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 477. List 1. File 1. 277 pages. (In Russian).
10. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 235. List 2. File 51. Vol. 1. (In Russian).
11. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 235. List 2. File 116. (In Russian).
12. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 235. List 2. File 135. (In Russian).
13. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 235. List 2. File 222. (In Russian).
14. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 477. List 1. File 3. (In Russian).
15. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 477. List 1. File 10. (In Russian).
16. Krasheninnikov, A.F. (ed.) (1981) *Materialy k bibliograficheskomu slovaryu arkhitektorov SSSR (A–B)* [Materials for the bibliographic dictionary of architects of the USSR (A–B)]. Is. 2. Moscow: TsNIITiA.
17. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 477. List 1. File 71. (In Russian).
18. Filippov, V.N. (2003) Glavnye arkhitektory goroda Novosibirska [The main architects of Novosibirsk]. In: Lamin, V.A. et al. (eds) *Entsiklopediya Novosibirska* [Encyclopedia of Novosibirsk]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo.
19. Slabukha, A.V. (2004) *Arkhitektory Prieniseyskoy Sibiri. Konets XIX – nachalo XXI veka: Illyustrirovannyy bibliograficheskiy slovar'* [Architects of the Yenisei Siberia. Late 19th – early 21st centuries: An illustrated bibliographic dictionary]. Moscow: Progress-Traditsiya.
20. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 235. List 2. File 165 (Vol. I). (In Russian).
21. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund R.-1444. List 1. File 5. (In Russian).
22. Nevzgodin, I. (2013) *Konstruktivizm v arkhitekture Novosibirska* [Constructivism in the architecture of Novosibirsk]. Novosibirsk: NGAKhA.
23. The Current Archive of the Omsk Branch of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments. The collection of the art critic O.V. Belan. Belan, O.V. (2000) *Arkhitektura Omska XX veka i deyatel'nost' glavnykh gorodskikh arkhitektorov* [The architecture of Omsk of the twentieth century and the activities of the main city architects]. Omsk. A manuscript.

Received: 15 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168. DOI: 10.17223/15617793/441/21

УДК 94(510) + 327.37:623.454.8 + 327.7 + 341.24

К.Г. Муратшина, Т.В. Пашкова

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-014-00033 «Многостороннее взаимодействие в рамках режима ядерного нераспространения и национальные интересы России в контексте инициативы по запрещению ядерного оружия».

Анализируется позиция Китайской Народной Республики по вопросам ядерного нераспространения и разоружения в контексте принятия рядом государств – членов ООН Договора о запрещении ядерного оружия. Решается задача выявления курса в отношении ДЗЯО и его восприятия Китаем, являющимся одним из пяти постоянных членов Совбеза ООН и государств – признанных участников международного «ядерного клуба». В качестве источников использованы дипломатические документы, заявления китайских политических деятелей, актуальные материалы СМИ КНР и других стран.

Ключевые слова: Китай; Договор о запрещении ядерного оружия; разоружение; ядерное нераспространение; международная безопасность.

Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) – многосторонний документ, разработанный при активном участии международных неправительственных организаций (НПО), выступающих против ядерного оружия, прежде всего Международной кампании по запрещению ядерного оружия (ICAN), а также неядерных государств (НЯОГ), и предписывающий принявшим его условия странам обязательство не иметь ядерных вооружений, не использовать их, не производить, не приобретать, не размещать где-либо, а все имеющиеся запасы ликвидировать и провести «необратимую конверсию» [1]. За принятие договора 7 июля 2017 г. на конференции ООН в Нью-Йорке проголосовали представители 122 государств – членов ООН [2]. Впоследствии 20 сентября он был открыт для подписания на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи [3]. Ведущие страны мира, постоянные члены Совета Безопасности ООН и признанные участники мирового «ядерного клуба» выступили категорически против ДЗЯО, что выглядит абсолютно логично: очевидно, что не обладающие ядерным оружием акторы мировой политики (не только неядерные государства, но и другие заинтересованные стороны – сетевые структуры, наднациональные объединения, военные союзы и даже, в теории, террористические организации) таким образом получают «козырь» для своих попыток изменить действующий миропорядок, баланс сил и статус-кво.

В том числе против ДЗЯО выступила Россия. Как заявил директор Департамента МИД РФ по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями М. Ульянов, «Россия не намерена подписывать и ратифицировать новый Договор» и призывает мировое сообщество «придерживаться в вопросах ядерного разоружения апробированных подходов, выработанных консенсусом в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и подтвердивших на деле свою эффективность». Что касается отказа от ядерных вооружений, то это «долгосрочная цель, движение к которой должно быть поэтапным, и работа в этом направлении должна вестись в условиях укрепления стратегической стабильности и с учетом национальных интересов безопасности всех стран. Если же говорить о том, как и когда вводить запрет на ядерное оружие, то он станет целесообразным на одной из последних стадий процесса ядерного разоружения, дабы обеспечить необратимость достигнутых результатов». По словам российского дипломата, «отдельные положения ДЗЯО вызывают очень серьезные вопросы», например, право выхода из Договора в уведомительном порядке при наступлении неких «исключительных обстоятельств… ставящих под угрозу высшие интересы страны». Это значит, что содержащиеся в нем запреты носят обратимый характер [4].

Таким образом, ДЗЯО для мирового сообщества становится документом, предлагающим полностью перекроить привычные для системы международных отношений понятия о ядерном сдерживании, паритете. Он таит определенную юридическую ловушку, поскольку любая сторона, подписавшая его, может, теоретически, на каком-то этапе отказаться от своих обязательств и получить незаконным путем преимущество над другими участниками процесса. Российскими военными экспертами также отмечалось, что даже сам факт появления такого документа сделает взаимоотношения между ядерными и неядерными странами более конфликтными. Гораздо более эффективными мерами по разоружению в настоящее время являются локальные попытки создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), и опыт, например, российско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений на взаимной основе [5]. По оценкам российских специалистов в области ядерного нераспространения, ДЗЯО – это в определенном смысле «протест неядерных стран против ядерных государств ДНЯО», а к консолидации НЯОГ и НПО привело отсутствие консенсуса между членами ДНЯО, расслоение системы ДНЯО [6].

В настоящее время крайне интересным представляется изучение того, какую политику в отношении новой инициативы избрали для себя и ведут мировые лидеры – Россия, США, Китай, Япония, страны ЕС. В данном исследовании будет проанализировано, какую линию в связи с появлением ДЗЯО выбрала для себя Китайская Народная Республика. Дело в том, что в современных условиях отношение к этому докумен-

ту может вывести на более широкие обобщения, являясь в некотором роде индикатором, лакмусовой бумажкой, показывающей основные особенности и направления политики страны в области ядерного нераспространения.

Еще в марте 2017 г., в период подготовки ДЗЯО, МИД КНР выступил с официальным заявлением об отказе страны от подписания договора. Было подчеркнуто, что такое решение принимается после тщательного изучения документов, китайская сторона считает, что достижение целей ядерного разоружения не может быть достигнуто мгновенно, и выступает за сохранение существующих международных механизмов контроля над вооружениями и соблюдение принципа постепенного ядерного разоружения, что «отражает ответственное отношение Китая к поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности» [7]. Газета «Жэньминь жибао», комментируя это решение, написала, что «Китай всегда выступал за полный запрет и уничтожение ядерного оружия и обещал не использовать его первым, а также не угрожать применением ядерного оружия против государств, не обладающих таковым», однако «достижение целей ядерного разоружения не может быть завершено одномоментно и должно осуществляться в соответствии с принципами поддержания глобальной стратегической стабильности и обеспечения безоговорочной безопасности всех стран… Ядерное оружие является чрезвычайно важным сдерживающим фактором. Ни одна страна, обладающая ядерным оружием, не будет запрещать его, если в мире есть другие страны, обладающие им. Это совершенно нормальная позиция и истинное отражение реальности международных отношений» [8].

Как следствие, Китай действительно не подписал договор. Более того, он не стал принимать участия в голосовании по нему в ООН. «South China Morning Post» в связи с этим упомянула о том, что буквально накануне сессии президент США Д. Трамп выступил с угрозами «уничтожить Северную Корею», а кроме Китая из восточноазиатских стран голосование также бойкотировала Япония, «единственная в мире нация, пережившая ядерный удар и давно выступающая за запрет ядерного оружия», но одновременно являющаяся «главной мишенью Северной Кореи» [9]. Таким образом китайское СМИ недвусмысленно указало на неоднозначный международный контекст подписания и в некотором роде оправдало позицию КНР. Представитель КНР в Совете безопасности ООН в своем выступлении по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения заявил, что основами международного режима нераспространения являются ДНЯО и МАГАТЭ, даже не упомянув о ДЗЯО [10]. Казалось бы, позиция высказана и ясна, но, как показывает изучение динамики отношения Пекина к вопросу о ядерном разоружении, поведение КНР, ее курс и оперирование понятиями и нормами в этом вопросе гораздо шире и сложнее.

Обращает на себя внимание гибкость терминологии, которой пользуется китайская сторона, и гибкость самой позиции. Если МИД в своих высказываниях был как будто бы однозначен, то председатель КНР Си Цзиньпин с трибуны Генассамблеи ООН заявлял практически обратное: «Ядерное оружие должно быть запрещено и в конечном счете полностью ликвидировано для достижения безъядерного мира» [11]. На встречах с военными НОАК китайский лидер, напротив, призывал к «строительству мощных информатизированных стратегических ракетных войск» [12].

Согласно официально обнародованной в 2015 г. «Военной стратегии КНР» «поддержание стратегического сдерживания» и возможность «ответного ядерного удара» остаются одними из важнейших задач НОАК. В ближайшие годы будут усилены возможности «вооружений среднего и дальнего радиуса действия», а также будет проведена всесторонняя информатизация вооруженных сил. Ядерное оружие названо «стратегической основой национального суверенитета и безопасности». Не участвуя в гонке вооружений с другими державами и сохраняя обязательство не применять ядерное оружие первым, Пекин планирует «развивать структуру ядерных сил, улучшать системы оповещения, планирования и контроля, повышать способность ракетных вооружений по преодолению зон ПРО и ПВО» [13]. Однако в документах конференции участников ДНЯО 2015 г. китайская сторона прямым текстом заявляла о необходимости полной ликвидации ядерного оружия, а также о важности глобального управления в ядерной сфере. Кстати, как отмечают российские эксперты в области нераспространения, здесь линия КНР идет принципиально вразрез со всеми остальными ядерными государствами (ЯОГ), потому что Пекин предлагает им взять на себя обязательство по полному запрещению и ликвидации ядерного оружия. Кроме Китая, никто из ЯОГ подобных заявлений не делал [14. С. 73].

По оценке В. Кашина (Институт Дальнего Востока РАН), ядерная стратегия КНР в основном остается неизменной с 1960-х гг., подразумевая обязательное наличие ядерного арсенала, который может быть использован в ответ на ядерную агрессию или ее угрозу. При этом Китай не раз на словах подчеркивал, что не вступает в соперничество с другими ЯОГ, хотя сам в это же время создавал новейшие образцы ядерных и неядерных вооружений [15. С. 109, 120–121]. Кстати, в первую очередь из них можно отметить железнодорожные ядерные комплексы, построенные на основе полученной у Украины советской технологии [16], и мощнейшую и впервые испытанную в 2015 г. ракету DF-41, для производства которой также, по некоторым данным, были использованы полученные у Украины советские технологии [17]. Ранее некоторые технологические решения Пекин получил от США: в 2000 г. Государственный департамент США оштрафовал корпорацию «Локхид-Мартин» на 13 млн долл. за несанкционированный экспорт данных о ракетных технологиях, которые были переданы гонконгской компании «Авиасат», связанной с китайской госкомпанией «Great Wall Industries» [18]. Кстати, ядерную стратегию своего заокеанского партнера-соперника Пекин осуждает и использует в качестве косвенного оправдания наращивания собственных вооружений. Например, в начале 2018 г. китайские дипломаты об-

рушились с резкой критикой на опубликованный Пентагоном «Обзор ядерной политики» [19].

Вооруженные силы Китая в последние годы в целом были реформированы, реструктурированы и двигались по пути всестороннего наращивания боеспособности [20]. Также Пекин постоянно увеличивает свои военные расходы и при этом всячески обосновывает необходимость данной тенденции [21]. Оценки величины ядерного арсенала КНР колеблются от 200 до 3 500 зарядов, хотя сам Китай не дает в своих Белых книгах детальной информации, а точное количество новых видов китайских ракет не может даже приблизительно назвать вообще никто [15. С. 122]. Как отмечает эксперт Российского института стратегических исследований и Дальневосточного федерального университета А. Губин, главная тенденция последних лет в развитии ядерного арсенала КНР – переход к преимущественному использованию мобильных ядерных комплексов. Кроме этого, имеются ракеты с шахтным базированием и заряды на подводных лодках. Последние, кстати, засекречены настолько, что данные о них поступают мировому сообществу только от военных наблюдателей благодаря использованию спутников. Третьим приоритетом является стратегическая авиация [18].

Заявляя о своем неучастии в гонке вооружений, Китай параллельно, как отмечают российские и американские эксперты, ведет «программу ядерной модернизации», а в его военных и правительственных кругах идет дискуссия о возможности перехода к более эффективной ядерной политике, в частности отказу от обязательства не применять ядерное оружие первым [22. С. 216–217]. Одно из крупнейших китайских СМИ, «Global Times» (международное издание газеты «Хуаньцю шибао»), опубликовало 23 декабря 2016 г. редакционную статью «Китай не должен колебаться в вопросах строительства своей ядерной мощи» [23]. Содержание статьи сводилось к сетованию, что Россия и США имеют по семь с лишним тысяч ядерных боеголовок. А как же Китай? – ставила вопрос газета. Далее в статье следовали призывы: «Утверждение, что ядерное оружие не может быть использовано, – это всеобщее заблуждение»; «Китай, находящийся в центре глобальной геополитики», в этих условиях «не должен колебаться или испытывать озабоченность по поводу того, как отреагируют западные страны»; «в вопросах ядерного сдерживания нет места колебаниям».

Ровно через месяц, 23 января 2017 г., часть пожеланий китайского общества, если так можно сказать, была воплощена на практике: в провинции Хэйлунцзян, граничащей с Россией, была размещена вторая на северо-востоке Китая бригада мобильных комплексов МБР «DF-41». Радиус их действия – около 14 000 км, каждый комплекс может нести 10–12 ядерных боеголовок. По оценке «Global Times», высказанной в статье «“Дунфэн-41” принесут Китаю больше уважения», «придание Пекином первостепенного значения данным комплексам логично, они являются средством стратегического сдерживания»; «вместе с подъемом Китая растут и стратегические риски для него». «Китай, – добавляет газета, – выполняет нелегкую задачу обеспечения своей национальной безопасности»; «ядерное сдерживание – основа национальной безопасности КНР»; «ядерная мощь Китая должна быть такой, чтобы ни одна страна не посмела начать конфронтацию или открытый конфликт с ним»; «это добавит авторитета Народно-освободительной армии Китая» [24].

На бумаге Пекин призывает к «мирному использованию космического пространства» [25], но при этом успел осуществить уже целую серию (!) испытаний космического оружия, включая различные типы баллистических ракет, т.е., выражаясь простым техническим языком, средств возможной доставки ядерного оружия. При этом китайские власти всякий раз либо называли это «испытанием системы ПРО», либо заявляли, что запуск был нужен для вывода на орбиту некоего исследовательского зонда [26–30].

Китай не ратифицировал гораздо более значимый и в основном поддержанный мировым сообществом Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Кроме него, из ядерных государств ДВЗЯИ не ратифицировали только США. Хотя при этом китайская сторона проводит скорее показательные с глобальной точки зрения акции, такие как церемония проверки и ввода в эксплуатацию четырех испытательных станций ядерного мониторинга в Гуанчжоу и одобрение их деятельности Подготовительным комитетом Организации по ДВЗЯИ [31], а китайская пресса в тематических публикациях подчеркивает, что КНР стала одной из первых стран, подписавших этот договор [8]. Здесь мы практически наблюдаем подмену понятий: да, Китай подписал его одним из первых, но не ратифицировал при этом до сих пор, хотя важна именно ратификация, после которой нормы договора вступают в силу.

Наконец, двойные стандарты китайской политики также проявляются в международных кейсах: в период эскалации напряженности вокруг ядерной программы КНДР в 2017 г. Китай в своих заявлениях призывал северокорейскую сторону «серьезно прислушиваться к требованиям международного сообщества, соблюдать и выполнять резолюции Совета Безопасности и воздерживаться от проведения дальнейших ядерных испытаний» и заявлял о «единодушной позиции международного сообщества в противодействии развитию ядерного потенциала КНДР и в обеспечении международного режима ядерного нераспространения» [32]. Однако при этом Пекином было оговорено, что он «выступает против осуществления односторонних санкций в дополнение к резолюциям Совета Безопасности, в частности, применяемых против физических и юридических лиц» [33]. Кроме того, Китай продолжал покупать у режима Ким Чен Ына за валюту запрещенные, согласно международным санкциям, к экспорту уголь, железную руду и цинк, а также сотрудничать с Пхеньяном в банковской сфере [34], а до этого продавал Северной Корее тяжелые спецшасси, которые затем были использованы в установках для перевозки МБР [35]. Хотя подобное происходило не в первый раз: ранее после решительного заявления Госсовета КНР о необходимости общемирового запрета и уничтожения ядерного оружия, сде-

ланного в 1963 г., в 1964 г. Китай испытал собственную атомную бомбу [36], а в 1980-е гг. оказывал значительную помощь в создании ядерного оружия Пакистану [37. P. 48].

Если говорить о позиции китайского экспертного сообщества, то она тоже крайне интересна. Так, заявляя, что «Китай разделяет дух договора» и «некоторые основные принципы договора согласуются с политическими целями Китая», представители КНР отмечают проблемные моменты в ДЗЯО и переговорах по нему: неурегулированный вопрос о возможности ответного ядерного удара, контроль транзита ядерных материалов и оборудования Группой ядерных поставщиков и проблемы существования части государств вне договора. Подчеркивается, что из-за абсолютного ограничительного характера ст. 1 и 16 Китай не будет присоединяться или одобрять ДЗЯО в нынешних условиях. Более того, «юридические обязательства» государств-участников могут заставить их принять такие политические меры, которые могут создать трудности для Китая, поэтому пока он придерживается своей линии. Также китайская сторона категорически не согласна с запретом размещения, установки или развертывания любого ядерного оружия на территориях, находящихся под юрисдикцией государства, потому что имеет на вооружении подводные лодки с ядерными ракетами, и этим подводным лодкам «необходимо проводить патрулирование», в том числе «за пределами территориальных вод Китая». Кстати, Конвенция ООН по морскому праву (которую КНР предусмотрительно извлекла на свет только в этой ситуации, но старательно не замечает при морских спорах с соседями) «прямо не запрещает ведение патрулирования в исключительной экономической зоне», а значит, ДЗЯО вступает в противоречие с ней. Однако КНР все равно готова «усилить давление на другие ядерные государства для подписания договора и возможной универсализации» и воспринимает его как «свидетельство международной поддержки своей сдержанной ядерной позиции». «Сотрудничество через призму ДЗЯО соответствует долгосрочным интересам Китая, – резюмируют авторы. – Китай не должен жестко реагировать на ДЗЯО и должен разработать перспективную политику дальнейшего содействия ядерному разоружению, поскольку стремится играть ведущую роль в глобальном управлении». Наконец, совершенно особым образом подается факт неучастия Пекина в голосовании по ДЗЯО: «Китай был единственным из пяти ядерных государств, кто не голосовал против начала переговоров по ДЗЯО на Генеральной Ассамблее ООН» [38].

Далее, китайские специалисты считают, что нынешняя система ядерного нераспространения эффективна и основывается на фундаменте ДНЯО, гарантиях МАГАТЭ и различных механизмах экспортного контроля (например, Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков). Как видим, вопрос о запрете ядерного оружия и институтах для такого запрета не поднимается. Что касается главных рисков для глобальной безопасности, то таковым считается возможность попадания ядерного оружия в руки негосударственных акторов, чьи возможности в последнее время увеличились. Международному сообществу, по мнению китайских авторов, нужны новые идеи, новый импульс и новый консенсус в области глобального управления ядерной безопасностью. Глобальный механизм управления ядерной безопасностью должен выходить за рамки модели, основанной на власти, и демонстрировать более сбалансированный и демократичный подход к управлению. Глобальное управление ядерной безопасностью должно уделять больше внимания вопросам развития [39]. Также в своих публикациях китайские авторы упирают прежде всего на важность стратегического сдерживания [40], «оборонный», а не «наступательный» характер вооружений [41], отсутствие якобы приведения ядерных сил в полную боевую готовность и «особую ядерную философию Китая», которая заключается в «самоограничении» (поскольку «ядерные силы Китая очень слабы») и является гораздо более дальновидной, чем стратегии других ядерных стран, и нацеленной на «построение более безопасного и процветающего мира» [42].

С подобными публикациями резко контрастирует, например, получившая огромный резонанс в китайском сегменте Интернета и в мировых СМИ вышедшая в 2016 г. на фоне обострения ситуации в Южно-Китайском море заметка профессора Пекинского педагогического университета Цзи Ляньхая, который заявил, что Китай готов к ядерной войне за свои территории, и даже если он потеряет в ней до миллиарда человек, то все равно останется второй по населению страной после Индии, а вот если США потеряют 300 миллионов человек, то для них это будет несоизмеримо [43]. Кроме того, КНР чтит создателей своей ядерной мощи. Например, в 2015 г., параллельно с упоминавшимися заявлениями о приверженности идеям разоружения, председатель КНР и Госсовет торжественно вручили высшую национальную награду в области научных исследований одному из разработчиков китайской водородной бомбы физику Юй Миню. «Китаю нужны крупные научные инициативы, если он хочет поддерживать стабильный и сравнительно высокий рост», – заявил на церемонии премьер Госсовета Ли Кэцян, отметив также «высокий инновационный потенциал» страны и призвав направить еще больше ресурсов на новаторские научно-технические разработки. Особое внимание, сказал премьер, должно уделяться поддержке молодых ученых [44].

О чем всё это говорит? Можно полностью согласиться с мнением П. Золотарева (Центр глобальных военно-экономических проблем Института США и Канады РАН), что в ядерной политике КНР в полной мере проявляется «суть восточной стратегии – стремление к большему влиянию при минимальных затратах, но не за счет уничтожения противника при неизбежных собственных потерях, а за счет ресурса противника, использования его ошибок для обеспечения своего роста». При этом «китайское руководство стремится несколько преуменьшить свои возможности, избегая конфронтации с кем-либо, во имя создания наилучших условий для своего дальнейшего развития». Более того, как считает российский

эксперт, «уязвимость стратегических ракетных войск КНР такова, что они могут быть уничтожены одним ударом обычных средств поражения. Отсюда следующий вывод: ключевое положение ядерной доктрины Китая о неприменении ядерного оружия первыми – не более чем декларация». Хотя, вместе с тем, «переход в войне к применению оружия массового поражения совершенно бессмыслен для КНР. Численность населения Китая – одно из весомых слагаемых его военной мощи, дающее преимущество по отношению к абсолютному большинству стран мира» [45].

Другой известный российский эксперт, дипломат, в 1999–2010 гг. председатель Экспертного совета Центра политических исследований России (ПИР-Центра) Р. Тимербаев отмечает явное и важное противоречие: хотя китайская сторона на переговорах подчеркивает «значение ДНЯО как гаранта международного мира и безопасности», Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний она при этом, как уже упоминалось, не ратифицирует. На обзорных конференциях ДНЯО китайская делегация демонстрирует повышенную активность, но не приводит «каких-либо сведений о предпринимаемых ею шагах по ограничению или сокращению своего ядерного арсенала либо о своих намерениях в этом направлении, как это вытекает из буквы и духа обязательств Китая по ст. VI Договора» [46].

По мнению еще одного ведущего российского специалиста в ядерной сфере, А.Г. Арбатова (ИМЭМО РАН), Китай мог бы пойти на какие-то изменения в своей ядерной политике в сторону ограничения вооружений только в случае, если бы гипотетическим образом исчезли его разногласия с США по ПРО, а Россия и США выполнили бы китайское требование (объективно, кстати, нарушающее суверенитет обеих стран) по отказу от возможности превентивного ядерного удара. «Убедить Китай пойти на ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли, первого шага или минимального вклада в переход к многостороннему разоружению, – считает российский эксперт, – скорее всего, не удастся. В лучшем случае Пекин намерен вести по этому поводу жесткий торг и будет стремиться “продать” каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату контрагентов» [47].

Западными экспертами отмечается, что подходы Китая к вопросам разоружения могут рассматриваться только в конкретном временном контексте в каждом отдельном случае (что говорит о множественности и амбивалентности этих подходов). Кроме того, указывается, что к КНР трудно предъявить претензии по передаче ядерных технологий или продукции двойного назначения, потому что в этой стране, по сути, существуют две параллельные системы экспортного контроля – гражданская и военная, и подобие «серой зоны» между ними [48]. С этим трудно не согласиться: если бы такое централизованное и бюрократическое государство, как Китай, хотело в действительности осуществлять строжайший экспортный контроль продукции, то это было бы сделано, но пока на примере упоминавшейся ситуации с поставками продукции двойного назначения в Северную Корею мы наблюдаем существование упомянутой «серой зоны».

Далее зарубежные специалисты приходят к выводу, что «интегрированная система стратегического сдерживания для Китая – больше, чем просто принцип. Это «концепт», направленный, по сути, вовне, средство демонстрации возможностей НОАК, осуществляемой перманентно даже тогда, когда нет никаких конфликтов, и доносимой до внешнего наблюдателя через парады, учения, испытания разных видов оружия, неофициальные публикации и официальные СМИ. Отчасти современный уровень этой политики связан с ответом на «перебалансировку» США в Азии при Б. Обаме и на усиление Индии. Чем больше видов вооружений развивается, тем больше вариантов могут использовать в планировании внешней политики и политики безопасности китайские стратеги [49]. Больше всего беспокойства у западных экспертов вызывает закрытость китайской ядерной сферы и то, насколько мировое сообщество недооценивает связанные с ней риски, хотя в настоящее время Китай является четвертым в мире по величине ядерного арсенала и имеет все шансы выйти на третье место, оставив позади Францию. То, что Китай не участвует якобы в гонке вооружений, не отменяет необходимости сотрудничества с остальным миром в деле их ограничения, но как раз этого сотрудничества, готовности идти на компромисс и не хватает в отношениях КНР с партнерами. А имеющихся темпов наращивания вооружений уже хватило для того, чтобы спровоцировать локальную ядерную гонку в Азии, а именно развитие ядерных программ Индии и Пакистана. Доверять Китаю как члену ядерного клуба, уверены аналитики, мировому сообществу нельзя. Что касается участия в разоружении, то в настоящее время КНР в этом процессе реально не участвует и не будет участвовать как минимум до тех пор, пока превосходящим ее потенциалом обладают Россия и США [50].

Наиболее тщательный анализ ядерных сил Китая представлен в работе американского Центра стратегических и международных исследований, вышедшей в 2016 г. На основании данных множества источников подробно рассмотрены все виды ядерных вооружений КНР, особое внимание в том числе уделяется системе шахт и сложных подземных коммуникаций. Вывод – ядерное оружие играет ключевую роль в военной мощи и стратегии КНР на современном этапе. При этом Пекин не предоставляет достаточной информации мировому сообществу для обеспечения прозрачности процесса. Основной акцент Китаем в настоящее время делается на создании разнообразных усовершенствованных средств доставки ядерного оружия. Заявления же о необходимости запрещения и уничтожения ядерного оружия не мешают Пекину заниматься ядерным «распространением» (вновь упоминается о передаче технологий и поставке комплектующих в Пакистан) [51].

Подведем итог. Какую линию в отношении режима ядерного нераспространения в настоящее время ведет КНР, особенно в контексте появления ДЗЯО? По сути, мы наблюдаем двойственность, двойные стандарты. Выступая на словах за запрет и ликвида-

цию ядерного оружия, на деле Китай дистанцировался от ДЗЯО, даже не приняв участия в голосовании по нему. Внутренний курс КНР явно направлен не на разоружение, не на ограничение вооружений, а на их наращивание. С одной стороны, это можно объяснить с точки зрения логики – необходимостью ядерного сдерживания, поддержания баланса сил и т.д. Но с другой, в этом случае не ясно, для чего нужны патетичные заявления о необходимости всеобщего разоружения, запрещения и уничтожения ядерного оружия. Представляется, что смыслом такой вариабельности китайской терминологии может быть стремление завоевать популярность в деле борьбы за разоружение в глазах беднейших стран и всех, кто придерживается пацифистских взглядов. Правда, при этом Китай расходится во взглядах со своими коллегами по «ядерному клубу», официально признанными ядерными государствами: с ними, как можно заметить, тоже нет солидарности. Таким образом, становится понятно, почему Китай не голосовал против ДЗЯО, а попросту отказался от участия в голосовании: чтобы обеспечить себе свободу маневра и не вредить формальному имиджу борца за разоружение.

Вариабельность китайского восприятия простирается и на другие государства: так, Северная Корея для Пекина выступает то как союзник, с которым продолжается торговля даже на фоне санкций, то, напротив, как «пугало», действиями которого, наравне с действиями США, можно удобно и быстро объяснить уровень рисков в международной среде и резкую смену собственной риторики в отношении запрета ядерного оружия. Многие эксперты в области ядерного нераспространения сходятся в оценке курса КНР в сфере разоружения как крайне многозначного, но при этом выгодного самому Китаю и очень устойчивого, такого, в котором Пекин показывает постоянную преемственность. Китайская сторона в своих публикациях предпочитает больше высказывать в адрес международного сообщества различные рекомендации, как лучше действовать в сфере ядерного нераспространения и выстраивать глобальное управление ядерной безопасностью, не желая при этом, как в русской пословице, «на себя оборотиться». Очевидно, что, несмотря на все речи о необходимости разоружения, на реальные уступки, реальное, в отличие от декларативного, «самоограничение» и повышение прозрачности своей ядерной сферы КНР в ближайшее время не готова.

Что же касается ДЗЯО, то этот документ и весь мировой дискурс вокруг него никоим образом не снизят то напряжение, которое в системе мирового ядерного нераспространения создает КНР. В этой ситуации наиболее правильной и логичной видится позиция России, которая продолжает настаивать не на подписании крайне противоречивого ДЗЯО, а на более реальных мерах для повышения уровня глобальной ядерной безопасности – прежде всего, соблюдении всеми странами своих обязательств по ДНЯО, отказе от размещения оружия в космосе, укреплении локального режима уже имеющихся зон, свободных от ядерного оружия, создании новой такой зоны на Ближнем Востоке и всеобщей ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о запрещении ядерного оружия. Полный текст на русском языке // ICAN official website. URL: http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
2. UN conference adopts treaty banning nuclear weapons // The United Nations Organisation. Official website. 07.07.2017. URL: https://news.un.org/en/story/2017/07/561122-un-conference-adopts-treaty-banning-nuclear-weapons (дата обращения: 28.02.2018).
3. Sign the nuclear ban treaty // ICAN official website. URL: http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/ (дата обращения: 15.03.2018).
4. МИД: Москва не станет подписывать Договор о запрещении ядерного оружия // Военное обозрение. 05.10.2017. URL: https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisyvat-dogovor-o-zapreschenii-yadernogo-oruzhiya.html (дата обращения: 15.03.2018).
5. Стефанович Д. Договор о запрещении ядерного оружия может расшатать ситуацию в Евразии // Евразия-Эксперт. 22.09.2017. URL: http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/ (дата обращения: 15.03.2018).
6. Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 170, № 12 (4). С. 100–111.
7. 外交部：中方将不参加即将举行的“禁止核武器条约”谈判 // Жэньминь жибао. 20.03.2017. URL: http://world.people.com.cn/n1/2017/0320/c1002-29157046.html (дата обращения: 20.03.2018).
8. 禁核条约谈判，为何五大国集体缺席? // Жэньминь жибао. 29.03.2017. URL: http://opinion.people.com.cn/n1/2017/0329/c1003-29176496.html (дата обращения: 17.03.2018).
9. New treaty banning nuclear weapons signed at UN but the countries that matter boycott it // South China Morning Post. 20.09.2017. URL: http://www.scmp.com/news/world/article/2112081/new-treaty-banning-nuclear-weapons-signed-un-countries-matter-boycott-it (дата обращения: 28.02.2018).
10. Statement by Ambassador Wu Haitao at the Security Council Briefing on Non-proliferation of Weapons of Mass Destruction // Permanent Mission of the People’s Republic of China to the UN. URL: http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1535034.htm (дата обращения: 17.03.2018).
11. 习近平出席“共商共筑人类命运共同体”高级别会议并发表主旨演讲 // Жэньминь жибао. 20.01.2017. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2017/0120/c1001-29036996.html (дата обращения: 17.03.2018).
12. О встрече Си Цзиньпина с военнослужащими НОАК // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 07.12.2012.
13. Full text: China's Military Strategy // Ministry of Defence of the People’s Republic of China. 26.05.2015. URL: http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2014.htm (дата обращения: 22.10.2015).
14. Ядерный мир: новые вызовы режима ядерного нераспространения / под ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 432 с.
15. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106–129.
16. Китай испытал технологию мобильных железнодорожных установок межконтинентальных баллистических ракет // Южный Китай. 22.12.2015. URL: http://south-insight.com/node/217848 (дата обращения: 16.01.2016).

17. 深度：乌送给中国一份大礼 解放军导弹从此不怕萨德 // Информационный портал «Sina.com». 20.07.2016. URL: http://mil.news.sina.com.cn/jssd/2016-07-20/doc-ifxuapvs8916116.shtml (дата обращения: 20.03.2018).
18. Губин А. Апокалипсис по-китайски: состояние стратегических ядерных сил КНР // Российский совет по международным делам. 22.01.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7153#top-content (дата обращения: 23.01.2016).
19. 中方表示坚决反对 // Жэньминь жибао. 05.02.2018. URL: http://world.people.com.cn/n1/2018/0205/c1002-29804924.html (дата обращения: 14.03.2018).
20. Lin Y. The Implications of China's Military Reforms // The Diplomat. 07.03.2016. URL: http://thediplomat.com/2016/03/the-implications-of-chinas-military-reforms/ (дата обращения: 12.09.2016).
21. 两分钟告诉你中国军费花哪儿了 // Гуанчжоу цанькао. 06.03.2017. URL: http://www.gzcankao.com/news/wx/detail?newsi=44823 (дата обращения: 25.03.2018).
22. Ядерное нераспространение: учеб. пособие / под ред. Л.В. Дериглазовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 464 с.
23. China cannot hesitate on nuclear buildup // Global Times. 23.12.2016. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1025377.shtml (дата обращения: 25.01.2017).
24. Dongfeng-41 will bring China more respect // Global Times. 23.01.2017. URL: http://www.globaltimes.cn/content/1030353.shtml (дата обращения: 25.01.2017).
25. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента РФ. 04.07.2017. URL: http://kremlin.ru/supplement/5218 (дата обращения: 06.07.2017).
26. Keck Z. China Secretly Tested an Anti-Satellite Missile // The Diplomat. 19.03.2014. URL: http://thediplomat.com/2014/03/china-secretly-tested-an-anti-satellite-missile/ (дата обращения: 08.08.2014).
27. Rajagopalan R. Will China conduct another anti-satellite (ASAT) test ? // Eurasia Review. 16.01.2013. URL: http://www.eurasiareview.com/16012013-will-china-conduct-another-asat-test-analysis/ (дата обращения: 08.08.2014).
28. China Tests Missile Intercept System // Nuclear Threat Initiative. 28.01.2013. URL: http://www.nti.org/gsn/article/china-tests-missile-intecept-system/ (дата обращения: 08.08.2014).
29. Китай заподозрили в милитаризации космоса // Новости Mail.ru. 16.05.2013. URL: http://news.mail.ru/politics/13109494/?frommail=1 (дата обращения: 28.05.2013)
30. China conducts successful land-based missile interception test // Xinhua. 24.07.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/24/c_133507496.htm (дата обращения: 08.08.2014).
31. 中国禁核□□□台站批量通□核□□收 // Жэньминь жибао. 31.01.2018. URL: http://sn.people.com.cn/n2/2018/0131/c378287-31202439.html (дата обращения: 08.03.2018).
32. Statement by Ambassador Wu Haitao after Voting on the Security Council Draft Resolution on Non-proliferation / DPRK // Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 22.12.2017. URL: http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/ thematicissues/nuclear/t1522931.htm
33. 第72届□合国大会中方立□文件 反□"□臂管□"朝□半□局□ // Жэньминь жибао. 29.09.2017. URL: http://world.people.com.cn/n1/2017/0829/c1002-29502437.html (дата обращения: 10.03.2018).
34. СМИ: КНДР зарабатывает иностранную валюту в обход санкций СБ ООН // Новости Mail.ru. 08.09.2017. URL: https://news.mail.ru/politics/30936937/?frommail=1 (дата обращения: 08.09.2017).
35. Гонконгский эксперт о ракетной технике // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 02.05.2012.
36. Chinese Government Statement on the Complete Prohibition and Total Destruction of Nuclear Weapons // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18055.shtml (дата обращения: 28.02.2018).
37. Narang V. Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability // International Security. 2010. Vol. 34, No. 3. Pp. 38–78.
38. Zhao T., Wang R. China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty // Tsinghua Carnegie Center. 21.09.2017. URL: http://carnegietsinghua.org/2017/09/21/china-and-nuclear-weapons-prohibition-treaty-pub-73488 (дата обращения: 28.02.2018).
39. 吴莼思. 全球核安全治理机制: 未来在何方?// Шанхайский институт международных исследований. 26.12.2016. URL: http://www.siis.org.cn/Research/Info/1425 (дата обращения: 14.02.2018).
40. Li B. China's Potential to Contribute to Multilateral Nuclear Disarmament // Arms Control Today. 2011. URL: http://www.armscontrol.org/act/2011_03/LiBin (дата обращения: 18.06.2014).
41. Yao Y. Chinese Nuclear Policy and the Future of Minimun Deterrence // Perspectives on Sino-American Strategic Nuclear Issues / ed. by C. Twomey. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 111–124.
42. Wu R. Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics. Atlanta : Georgia Institute of Technology, 2011. 36 p.
43. «Ядерное самосожжение»: известный китайский публицист заявил, что Китай готов потерять миллиард населения в будущей войне // Южный Китай. 18.07.2016. URL: https://www.south-insight.com/node/218339 (дата обращения: 02.10.2016).
44. Награждение разработчика водородной бомбы // Вестник Азия ИТАР-ТАСС. 12.01.2015.
45. Золотарев П. Современная ядерная стратегия Китая // Perspectivy.info. 2007. URL: http://www.perspectivy.info/oykumena/azia/sovremennaja_jadernaja_strategija_kitaja_2009-03-27.htm (дата обращения: 11.02.2015).
46. Тимербаев Р.М. О ядерном потенциале и ядерной политике Китая // Ядерный контроль. 2005. Т. 11, № 4 (78). URL: http://www.perspektivy.info/book/o_jadernom_potenciale_i_jadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm (дата обращения: 11.02.2015).
47. Арбатов А.Г. Перспективы подключения КНР к ограничению ядерных вооружений // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 52–67.
48. Klintworth G. China and arms control: a learning process // Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy / ed. by Y. Zhang, G. Austin. Canberra : ANU Press, 2013. P. 219–249.
49. Chase M., Chan A. China's Evolving Approach to «Integrated Strategic Deterrence». RAND Corporation, 2016. URL: http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt1bz3vx1.11 (дата обращения: 21.03.2018).
50. Haynes S. Dragon in the Room. Nuclear Disarmament's Missing Player // Strategic Studies Quarterly. 2018. Vol. 12, № 1. P. 25–47.
51. Cordesman A., Kendall J., Colley S. China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction. Washington : CSIS, 2016. 56 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

The People's Republic of China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 160–168.
DOI: 10.17223/15617793/441/21

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tatyana26pash@gmail.ru

Keywords: China; Nuclear Weapons Prohibition Treaty; disarmament; nuclear non-proliferation; international security.

This article discusses the position of the People's Republic of China in the issue of nuclear non-proliferation and disarmament in the context of the introduction of the Nuclear Weapons Prohibition Treaty (NWPT) into the United Nations agenda and its adoption by a large number of countries. Currently, NWPT can be called the most controversial initiative in the disarmament process discussed by the international community. In spite of the disapproval of NWPT by the leading countries (the nuclear states, which are the UN Security Council permanent members, simultaneously being the Nuclear Non-Proliferation Treaty-recognized nuclear powers), NWPT is promoted and advocated by many international actors, including non-nuclear states and non-governmental organizations. The article displays China's course towards NWPT in the entire context of the Chinese nuclear policy. The study is based on a large number of sources, including diplomatic documents, statements of Chinese officials, Chinese and foreign media. The authors conclude that China's policy towards NWPT and nuclear non-proliferation regime on the whole can be characterized as ambivalent. Beijing frequently uses double standards. Its statements in favor of nuclear weapons prohibition and elimination did not prevent it from boycotting NWPT. The internal policy of the Chinese state is aimed at nuclear arms buildup rather than disarmament. The variability of Chinese views can be explained with regard to its motivation to gain popularity among the poorest countries of the world and those who promote pacifist and denuclearization views. At the same time, it is evident that Chinese policy differs from that of the other recognized nuclear states, so it lacks solidarity with them. And the variability of China's position can also be traced in its relations with North Korea, which is regarded both as an ally, with which China continues trade in spite of international sanctions, and as a threat, which Beijing uses in order to characterize the level of risks in the international system and to justify its own change of rhetoric on the issue of nuclear weapons prohibition. A large number of experts in the field of nuclear non-proliferation agree that China's course in this sphere is complicated and ambivalent, but rather stable and primarily beneficial for Beijing. The People's Republic of China, in fact, permanently adheres to this course. Chinese experts in their publications prefer to state various recommendations for the international community about the nuclear non-proliferation policies. But, in spite of Beijing's speeches about the necessity of nuclear disarmament, the PRC will obviously avoid any real compromises and restrictions, as well as any increase in transparency of its nuclear sphere in the nearest perspective.

REFERENCES

1. ICAN. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya. Polnyy tekst na russkom yazyke* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. Full text in Russian]. [Online]. Available from: http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2017/07/TPNW-Russian1.pdf. (Accessed: 15.03.2018).

2. The United Nations Organisation. (2017) *UN conference adopts treaty banning nuclear weapons*. 07 July [Online]. Available from: https://news.un.org/en/story/2017/07/561122-un-conference-adopts-treaty-banning-nuclear-weapons. (Accessed: 28.02.2018).

3. ICAN. (2017) *Sign the nuclear ban treaty*. [Online]. Available from: http://www.icanw.org/campaign-news/sign-the-nuclear-ban-treaty/. (Accessed: 15.03.2018).

4. Voennoe obozrenie. (2017) *MID: Moskva ne stanet podpisyvat' Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya* [MFA: Moscow will not sign the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. 05 October. [Online]. Available from: https://topwar.ru/126562-mid-moskva-ne-stanet-podpisyvat-dogovor-o-zapreschenii-yadernogo-oruzhiya.html. (Accessed: 15.03.2018).

5. Stefanovich, D. (2017) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya mozhet rasshatat' situatsiyu v Evrazii* [The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons may erode the situation in Eurasia]. *Evraziya-Ekspert*. 22 September. [Online]. Available from: http://eurasia.expert/dogovor-o-zapreshchenii-yadernogo-oruzhiya-evrazii/. (Accessed: 15.03.2018).

6. Mikhaylenko, E.B. & Mikhaylenko, V.I. (2017) Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-proliferation Regime? *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. T. 170, № 12 (4). pp. 100–111.

7. People's Daily. (2017) 外交部: 中方将不参加即将举行的"禁止核武器条约"谈判. 20 March. [Online]. Available from: http://world.people.com.cn/n1/2017/0320/c1002-29157046.html . (Accessed: 20.03.2018).

8. People's Daily. (2017) 禁核条约谈判, 为何五大国集体缺席? 29 March. [Online]. Available from: http://opinion.people.com.cn/n1/2017/0329/c1003-29176496.html. (Accessed: 17.03.2018).

9. South China Morning Post. (2017) *New treaty banning nuclear weapons signed at UN but the countries that matter boycott it*. 20 September. [Online]. Available from: http://www.scmp.com/news/world/article/2112081/new-treaty-banning-nuclear-weapons-signed-un-countries-matter-boycott-it. (Accessed: 28.02.2018).

10. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. (2018) *Statement by Ambassador Wu Haitao at the Security Council Briefing on Non-proliferation of Weapons of Mass Destruction*. [Online]. Available from: http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1535034.htm. (Accessed: 17.03.2018).

11. People's Daily. (2017) 习近平出席"共商共筑人类命运共同体"高级别会议并发表主旨演讲. 20 January. [Online]. Available from: http://politics.people.com.cn/n1/2017/0120/c1001-29036996.html. (Accessed: 17.03.2018).

12. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2012) O vstreche Si Tszin'pina s voennosluzhashchimi NOAK [About the meeting of Xi Jinping with PLA servicemen]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. 07 December.

13. Ministry of Defence of the People's Republic of China. (2015) *Full text: China's Military Strategy*. 26 May. [Online]. Available from: http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2014.htm. (Accessed: 22.10.2015).

14. Mikhaylenko, E.B. (ed.) (2017) *Yadernyy mir: novye vyzovy rezhima yadernogo nerasprostraneniya* [The nuclear world: new challenges of the nuclear non-proliferation regime]. Yekaterinburg: Ural State University.

15. Kashin, V.B. (2013) Towards Global Military Power: Evolution of Chinese Military Policy in 1949–2014. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 4. pp. 106–129. (In Russian).

16. Yuzhnyy Kitay. (2015) *Kitay ispytal tekhnologiyu mobil'nykh zheleznodorozhnykh ustanovok mezhkontinental'nykh ballisticheskikh raket* [China has tested the technology of mobile railway installations of intercontinental ballistic missiles]. 22 December. [Online]. Available from: http://south-insight.com/node/217848. (Accessed: 16.01.2016).

17. Sina.com. (2016) 深度: 乌送给中国一份大礼 解放军导弹从此不怕萨德. 20 July. [Online]. Available from: http://mil.news. sina.com.cn/jssd/2016-07-20/doc-ifxuapvs8916116.shtml. (Accessed: 20.03.2018).

18. Gubin, A. (2016) *Apokalipsis po-kitayski: sostoyanie strategicheskikh yadernykh sil KNR* [Apocalypse in Chinese: the state of the strategic nuclear forces of the PRC]. [Online]. Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7153#top-content. (Accessed: 23.01.2016).

19. People's Daily. (2017) 中方表示坚决反对. 05 February. [Online]. Available from: http://world.people.com.cn/n1/2018/0205/c1002-29804924.html. (Accessed: 14.03.2018).

20. Lin, Y. (2016) The Implications of China's Military Reforms. *The Diplomat*. 07 March. [Online]. Available from: http://thediplomat.com/2016/03/the-implications-of-chinas-military-reforms/. (Accessed: 12.09.2016).

21. Gzcankao.com. (2017) 两分钟告诉你中国军费花哪儿了. 06 March. [Online]. Available from: http://www.gzcankao.com/news/wx/detail?newsi=44823. (Accessed: 25.03.2018).

22. Deriglazova, L.V. (ed.) (2017) *Yadernoe nerasprostranenie* [Nuclear nonproliferation] Tomsk: Tomsk State University.

23. Global Times. (2016) China cannot hesitate on nuclear buildup. *Global Times*. 23 December. [Online]. Available from: http://www.globaltimes.cn/content/1025377.shtml. (Accessed: 25.01.2017).

24. Global Times. (2017) Dongfeng-41 will bring China more respect. *Global Times*. 23 January. [Online]. Available from: http://www.globaltimes.cn/content/1030353.shtml. (Accessed: 25.01.2017).

25. Official website of the President of the Russian Federation. (2017) *Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o dal'neyshem uglublenii otnosheniy vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya* [The joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the further deepening of the relations of a comprehensive partnership and strategic interaction]. 04 July. [Online]. Available from: http://kremlin.ru/supplement/5218. (Accessed: 06.07.2017).

26. Keck, Z. (2014) China Secretly Tested an Anti-Satellite Missile. *The Diplomat.* 19 March. [Online]. Available from: http://thediplomat.com/2014/03/china-secretly-tested-an-anti-satellite-missile/. (Accessed: 08.08.2014).

27. Rajagopalan, R. (2013) Will China conduct another anti-satellite (ASAT) test? *Eurasia Review*. 16 January. [Online]. Available from: http://www.eurasiareview.com/ 16012013-will-china-conduct-another-asat-test-analysis/. (Accessed: 08.08.2014).

28. Nuclear Threat Initiative. (2013) *China Tests Missile Intercept System.* 28 January. [Online]. Available from: http://www.nti.org/gsn/article/china-tests-missile-intecept-system/. (Accessed: 08.08.2014).

29. Novosti Mail.ru. (2013) *Kitay zapodozrili v militarizatsii kosmosa* [China was suspected of militarization of space]. 16 May. [Online]. Available from: http://news.mail.ru/politics/13109494/?frommail=1. (Accessed: 28.05.2013)

30. Xinhua. (2014) *China conducts successful land-based missile interception test.* 24 July. [Online]. Available from: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-07/24/c_133507496.htm. (Accessed: 08.08.2014).

31. People's Daily. (2018) 中国禁核试监测台站批量通过核证验收. 31 January. [Online]. Available from: http://sn.people.com.cn/n2/2018/0131/c378287-31202439.html. (Accessed: 08.03.2018).

32. Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. (2017) *Statement by Ambassador Wu Haitao after Voting on the Security Council Draft Resolution on Non-proliferation.* 22 December. [Online]. Available from: http://www.china-un.org/eng/chinaandun/securitycouncil/thematicissues/nuclear/t1522931.htm

33. People's Daily. (2017) 第72届联合国大会中方立场文件 反对"长臂管辖"朝鲜半岛局势. 29 September. [Online]. Available from: http://world.people.com.cn/n1/2017/0829/c1002-29502437.html. (Accessed: 10.03.2018).

34. Novosti Mail.ru. (2017) *SMI: KNDR zarabatyvaet inostrannuyu valyutu v obkhod sanktsiy SB OON* [Mass media: DPRK earns foreign currency bypassing UN Security Council sanctions]. 08 September. [Online]. Available from: https://news.mail.ru/politics/30936937/?frommail=1. (Accessed: 08.09.2017).

35. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2012) Gonkongskiy ekspert o raketnoy tekhnike [Hong Kong expert on rocket technology]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS*. 02 May.

36. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (n.d.) *Chinese Government Statement on the Complete Prohibition and Total Destruction of Nuclear Weapons.* [Online]. Available from: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18055.shtml. (Accessed: 28.02.2018).

37. Narang, V. (2010) Posturing for Peace? Pakistan's Nuclear Postures and South Asian Stability. *International Security*. 34 (3). pp. 38–78.

38. Zhao, T. & Wang, R. (2017) *China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty.* [Online]. Available from: http://carnegietsinghua.org/2017/09/21/china-and-nuclear-weapons-prohibition-treaty-pub-73488. (Accessed: 28.02.2018).

39. Shanghai Institute of International Studies. (2016) 吴莼思. 全球核安全治理机制: 未来在何方?. [Online]. Available from: http://www.siis.org.cn/Research/Info/1425. (Accessed: 14.02.2018).

40. Li, B. (2011) *China's Potential to Contribute to Multilateral Nuclear Disarmament*. [Online]. Available from: http://www.armscontrol.org/act/2011_03/LiBin. (Accessed: 18.06.2014).

41. Yao, Y. (2008) Chinese Nuclear Policy and the Future of Minimun Deterrence. In: Twomey, C. (ed.) *Perspectives on Sino-American Strategic Nuclear Issues.* N.Y.: Palgrave Macmillan.

42. Wu, R. (2011) *Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics.* Atlanta: Georgia Institute of Technology.

43. Yuzhnyy Kitay. (2016) *"Yadernoe samosozhzhenie": izvestnyy kitayskiy publitsist zayavil, chto Kitay gotov poteryat' milliard naseleniya v budushchey voyne* ["Nuclear self-immolation": a well-known Chinese publicist stated that China is ready to lose a billion people in a future war]. 18.07.2016. [Online]. Available from: https://www.south-insight.com/node/218339. (Accessed: 02.10.2016).

44. Vestnik Aziya ITAR-TASS. (2015) Nagrazhdenie razrabotchika vodorodnoy bomby [Awarding the developer of the hydrogen bomb]. *Vestnik Aziya ITAR-TASS.* 12 January.

45. Zolotarev, P. (2007) *Sovremennaya yadernaya strategiya Kitaya* [Modern nuclear strategy of China]. [Online]. Available from: http://www.perspectivy.info/oykumena /azia/sovremennaja_jadernaja_strategija_kitaja_2009-03-27.htm. (Accessed: 11.02.2015).

46. Timerbaev, R.M. (2005) O yadernom potentsiale i yadernoy politike Kitaya [On the nuclear potential and the nuclear policy of China]. *Yadernyy kontrol'*. 11:4 (78). [Online]. Available from: http://www.perspektivy.info/book/o_jadernom_potenciale_i_jadernoj_politike_kitaja_2007-01-01.htm. (Accessed: 11.02.2015).

47. Arbatov, A.G. (2012) Perspektivy podklyucheniya KNR k ogranicheniyu yadernykh vooruzheniy [Prospects for China's involvement in the limitation of nuclear weapons]. In: Arbatov, A.G. et al. (eds) *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzheniy* [Prospects for China's participation in the limitation of nuclear weapons]. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, RAS.

48. Klintworth, G. (2013) China and arms control: a learning process. In: Zhang, Y. & Austin, G. (eds) *Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy.* Canberra: ANU Press.

49. Chase, M. & Chan, A. (2016) *China's Evolving Approach to "Integrated Strategic Deterrence"*. RAND Corporation. [Online]. Available from: http://www.jstor.org/ stable/10.7249/j.ctt1bz3vx1.11. (Accessed: 21.03.2018).

50. Haynes, S. (2018) Dragon in the Room. Nuclear Disarmament's Missing Player. *Strategic Studies Quarterly.* 12 (1). pp. 25–47.

51. Cordesman, A., Kendall, J. & Colley, S. (2016) *China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction.* Washington: CSIS.

Received: 18 April 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 169–176. DOI: 10.17223/15617793/441/22

УДК 94(571.11)

А.А. Первухина

УСТРОЙСТВО КАЗЕННЫХ ВИННЫХ ЛАВОК В НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО УЕЗДА)

Рассматривается история появления и устройство казенных винных лавок. На основании письменных и изобразительных источников реконструируется экстерьер и интерьер лавок. Автором были проанализированы письменные источники – документы фонда «Акцизного управления Тобольской губернии и Акмолинской области» (Государственный архив Курганской области), а также графические – картины и фотографии, на которых были запечатлены винные лавки, и чертежи. Опираясь на местные архивные данные, автор исследует норму организации быта винной лавки и отклонения от нее. В статье затронут вопрос ответственности хозяина помещения перед акцизным управлением и формы урегулирования возникавших разногласий.

Ключевые слова: казенная винная монополия; казенные винные лавки; потребление алкоголя; виноторговля; спиртные напитки.

Социально-экономические преобразования конца XIX в. в России были ознаменованы серьезным реформированием винной торговли – учреждалась казенная монополия взамен старой акцизной системы. С момента введения монополии спирт, произведенный винокуренными заводами, покупался государством и проходил очистку на казенных винных складах или в специальных ректификационных отделениях частных заводов. Реализация алкоголя производилась в казенных винных лавках. В большинстве европейских губерний империи монополия была введена в 1894 г., но на территории Сибири начала действовать с 1902 г.

Курганский уезд относился к Тобольско-Акмолинскому акцизному управлению. На 1907 г. в селах и деревнях Курганского уезда функционировала 51 казенная лавка, 5 лавок располагались в городе Кургане [1]. Отметим, что такое соотношение справедливо для всех округов Сибири. В первые годы после введения монополии в Сибири насчитывалось 1 194 лавки, из них 131 находились в городах [2. С. 167]. Такая диспропорция объясняется наличием в городской инфраструктуре большого количества частных питейных заведений (пивные и портерные лавки, трактиры, питейные дома), в отличие от сельской местности, где государственная лавка чаще всего была единственным источником получения алкогольной продукции. Функционал частных заведений подразумевал розлив алкоголя и его потребление в помещении, в специально оборудованной зоне для посетителей, в то время как казенная винная лавка являлась исключительно местом торговли: распитие спиртных напитков внутри было строго запрещено. Подразумевалось, что такая мера будет способствовать процветанию культуры домашнего пития. Однако результатом этого стало повсеместное употребление только что купленной продукции прямо около «казенки». Исследователи отмечают, что до введения монополии такого разгула уличного пьянства не фиксировалось, и только после данной реформы «безобразие вылилось наружу», «пьянство перенеслось из кабака на улицу» [3. С. 371; 4. С. 27; 5. С. 47; 6. С. 18; 7. С. 124]. Очевидно, что территория вокруг новооткрытых монополий вошла в пространство повседневности населения. Она превратилась в составной элемент инфраструктуры поселения – привычный глазу как покупателя, так и работников лавок; стала популярной пространственной локализацией повседневной жизни. Это утверждение будет справедливо в большей мере для алкоголизированного контингента, однако и остальная часть населения вынужденно обратила внимание на данные точки торговли: дома, в которых были устроены «монопольки», пусть и в негативном контексте, но все же зафиксировались в сознании современников.

Казенные лавки работали ежедневно с утра до вечера (за исключением праздничных дней), и внутреннее убранство торгового зала становилось неотъемлемой частью жизни находившихся там продавцов. Помимо этого, они проживали в том же здании, в смежных комнатах и вели хозяйство на приусадебной территории. Так, мы можем констатировать, что весь комплекс построек на участке можно трактовать, как места и производственной, и частной повседневности. Для Курганского уезда реализация монопольной реформы закончилась в 1915 г. ликвидацией сети лавок, а арендуемые для них помещения стали выполнять другие роли, не сохранив характерного убранства и декора. Таким образом, актуальность исследования заключается в осуществлении нами первой попытки в отечественной исторической науке детальной реконструкции внешнего и внутреннего облика винной лавки как элемента пространства повседневности населения и производственной повседневности продавцов вина в начале XX в.

Корпус письменных источников по истории алкогольной монополии традиционно анализируется с точки зрения получения новой информации в ключе остросоциальных проблем (алкоголизация населения России и поиски ее причин, а так же путей решения в прошлом нашей страны). Данная работа – попытка расширить информационный потенциал используемых источников: делопроизводственной документации акцизных управлений. Особенность указанных документов заключается в том, что монопольная реформа установила единые требования к организации торговли на всей территории страны, а значит, полученные нами данные в равной степени могут быть актуальными как для Курганского уезда, так и для любого другого региона, в чем и заключается научная значимость работы. Практическая применимость со-

стоит в возможности использования результатов исследования авторами, занимающимися смежными проблемами, без ограничения по территориальному признаку. Помимо письменных источников нами были использованы изобразительные источники (картины, фотографии, планы), что позволило визуализировать образ казенных лавок.

В отечественной исторической науке накоплен немалый опыт по изучению истории изготовления и потребления алкоголя в экономических, социальных, политических аспектах. Достаточно полно изучен и период казенной винной монополии: особенности введения реформы [2, 8–10]; уровень государственного дохода [11, 12]; социальные отклонения и повышение уровня преступность в связи с алкоголизацией [13–15], незаконного оборота алкоголя [16, 17], общественной и государственной борьбы с алкоголизмом [18–22]; архитектурные особенности казенных винных складов [23–25]. В некоторых вышеперечисленных работах встречались краткие характеристики помещения казенной лавки, более детально разработаны вопросы строительства и обустройства складов. Однако вопрос облика лавки ни разу не становился объектом пристального научного интереса, отсюда поставленная нами цель – реконструкция устройства казенных винных лавок в начале XX в. Задачи исследования заключаются в рассмотрении 1) экстерьера; 2) интерьера казенной винной лавки; 3) определении ее места в повседневной жизни населения (продавцов и покупателей) в указанный период. Отметим, что наша статья – первый шаг на пути изучения данного объекта в ключе истории пространства повседневности и производственной повседневности, поэтому требуется продолжение исследования.

После введения монополии в регионах началась активная работа по организации акцизных управлений, выбору мест для строительства винных складов, подбору персонала. Особое внимание уделялось поиску помещений для торговли, которые удовлетворяли бы всем требованиям Управления. Отметим, что все изученные нами документы содержали крайне скудное описание самого здания лавки. К примеру, в «Актах осмотра» домов всего две строчки описывают состояние постройки: дом бревенчатый, из березового леса, крыша крыта тесом (либо железом). Также оговаривается, что строение должно быть «безусловно сухим и теплым» [26. Л. 42 об.]. По правилам у входа должны иметься типовая вывеска («Казенная винная лавка № _), фонарь. Графические источники показывают две разные картины городской и сельской среды. В городе лавки часто располагались в каменных / полукаменных зданиях, в то время как в деревнях – в деревянных избах. Естественно, это определялось характером застройки поселения, однако отсюда возникает интерес исследования пространственной локализации: городских потребителей спиртного окружала развития инфраструктура, в которой «казенка» была частью урбанизированного пространства. Она находилась среди других торговых заведений, на шумных улицах, в то время как сельские «монопольки», при их аналогичной «вписанности» в ландшафт, стали центром внимания не столько из-за высокой степени алкоголизированности населения (напротив, многие исследователи отмечали больший уровень пьянства горожан), сколько из-за получения обычным домом статуса общественного места.

Такой дом мог арендоваться у местного населения или строился заново с учетом нужд Акцизного управления. Здание должно было состоять из: а) предназначенного для торговли помещения с выходом на улицу и иметь внутренний тамбур; б) помещения для хранения запасов вина и порожней посуды; в) квартиры для продавца, состоящей из комнат, кухни, чулана, сеней, отхожего места. В распоряжении продавца был «двор и необходимые хозяйственные постройки: сарай для скота, ледник и погреб, навес для дров, для порожних ящиков и посуды, соломы, и отхожее место» [26]. Отопление дома должно было осуществляться посредством трех печей, при этом одна из них – с плитой в квартире торговца для приготовления пищи. На примере печного отопления можно проследить, как работники сталкивались с бюрократическими неувязками. На ст. Лебяжье лавка была открыта, вопреки требованиям, с двумя печами в торговом зале. Продавец Григорий Авласенков, который замерзал в своей служебной квартире, с сентября 1910 г. пытался добиться от Управления средств на выкладку третьей печи и дрова [27. Л. 19]. И только в конце зимы разбирательство было окончено, а Авласенков получил выплаты, но лишь за один зимний месяц. Обустройству той части дома, где проживал продавец, уделялось достаточно внимания, однако большинство пунктов все же отражали беспокойство о сохранности продукции, нежели об удобстве сотрудников. Так, строго оговаривалось, что лавку необходимо защитить от проникновений в ночное время. На всех окнах должны иметься наружные ставни, а окна в торговом зале и кладовке – быть снабжены еще и внутренними ставнями.

Что касается декора помещения, то полы рекомендовалось окрасить «палевой масляной краской с употреблением сильно обожженной охры», стены в жилом помещении и в лавке должны быть обиты дранью и гладко замазаны глиной, чтобы их можно было оклеить обоями или окрасить [28. Л. 26]. В актах осмотра и приемки помещений единственная строка заполнялась от руки – цвет использованной краски. Нами были встречены следующие варианты: желтый цвет [Там же], цвет дерева [29. Л. 9], цвет ореха [30. Л. 26].

Главной доминантой в помещении лавки был прилавок. Его описание во всех документах занимает значительную часть текста. Он был сделан из соснового, березового или елового сухого дерева. Было четко прописано условие его расположения: прилавок устанавливался таким образом, чтобы он делил собой помещение на две части, т.е. во всю ширину или длину торгового помещения. Очевидно, что эта мера была предпринята для предотвращения возможности проникновения покупателей за прилавок, где хранились товар и выручка. Примечательным является следующее указание: в городских лавках верхняя доска прилавка должна быть обита цинком или линолеумом, а в сельских – достаточно покрыть масляной краской [26. Л. 42 об.]. Связано ли это с большим потоком по-

купателей в городе (и соответственно большей изнашиваемостью казенного имущества) или с санитарно-гигиеническими нормами, остается вопросом. Норма для высоты прилавка устанавливалась в 22 вершка, что составляет 97 см и при среднем росте продавца являлось оптимальным. От прилавка к потолку шла решетка, состоящая из рамы с поперечными переплетами, в которые вставлена сетка. В той части помещения, где находились покупатели, не должно было быть мебели, так как формат заведения не предполагал долгого нахождения их в лавке. По сути, посетитель попадал в пустое помещение, разнообразие в интерьер вносили только располагавшиеся на стенах часы, икона, объявление о правилах торговли и ценах. Это подтверждают и изобразительные источники. Картина Н.В. Орлова «Освящение монополии» (1904) примечательна тем, что художнику удалось охватить самые важные элементы обустройства лавки (рис. 1). Мы видим пустое торговое помещение с окрашенными светлой краской стенами. Прилавок разделяет помещение на две части: действие картины происходит в части, предназначенной для покупателей. Как и требовалось, нет никакой мебели, но на видном месте висит список цен. Оставшееся помещение (для продавца) скрыто от зрителя, но мы можем видеть часть прилавка (с переплетами, в которые вставлена решетка), а за ним, на стене, икону. Художник изобразил интересный момент: в лавку входит покупатель. На улице, судя по свету в окнах, солнечный день, но из-за двери, не до конца закрытой посетителем, свет не проникает: этому препятствует тамбур, наличие которого было обязательным условием работы лавки.

Рис. 1. Картина Н.В. Орлова «Освящение монополии» (1904 г.)

Обмен продукцией и деньгами происходил через отверстие с отворяющимися дверцами в решетке. Со стороны продавца в прилавке было два ящика, закрывавшихся на замки, где хранились деньги. На стене за прилавком располагались полки с товаром, там же должны находиться стулья. Из торгового помещения шел ход в кладовую, в которой хранились запасы алкоголя. Далее распологался переход в квартиру продавца, который мог обустроить свое служебное жилье по собственному желанию, в то время как вещи, находившиеся в торговом помещении, были казенными и числились на балансе казенного склада. За «испорченное и утраченное имущество» ответственность несли продавцы: действовала система штрафов. Изношенное и устаревшее «из-за длительного использования» имущество подлежало замене [31. Л. 10]. Его либо уничтожали, либо продавали с торгов [29. Л. 19].

В фонде Акцизного управления сохранился акт приема помещения, арендуемого под лавку, с планами внутреннего устройства дома и двора, которые позволяют представить расположение помещений и строений на территории участка [26. Л. 43 об.] площадью 31×25 м^1. Помимо дома в распоряжении продавца были помещение для скотины, ледник и два амбара (рис. 2, *1*). Дом в форме буквы «П» имел три входа: центральный (вход с тамбуром с улицы для покупателей) и два служебных (в запасное помещение и в квартиру продавца) (рис. 2, *2*). Автор чертежа отметил размерные характеристики входной двери (195×85 см) и окон (124×58 см), что позволяет детально реконструировать устройство дома (рис. 2, *3*, *4*).

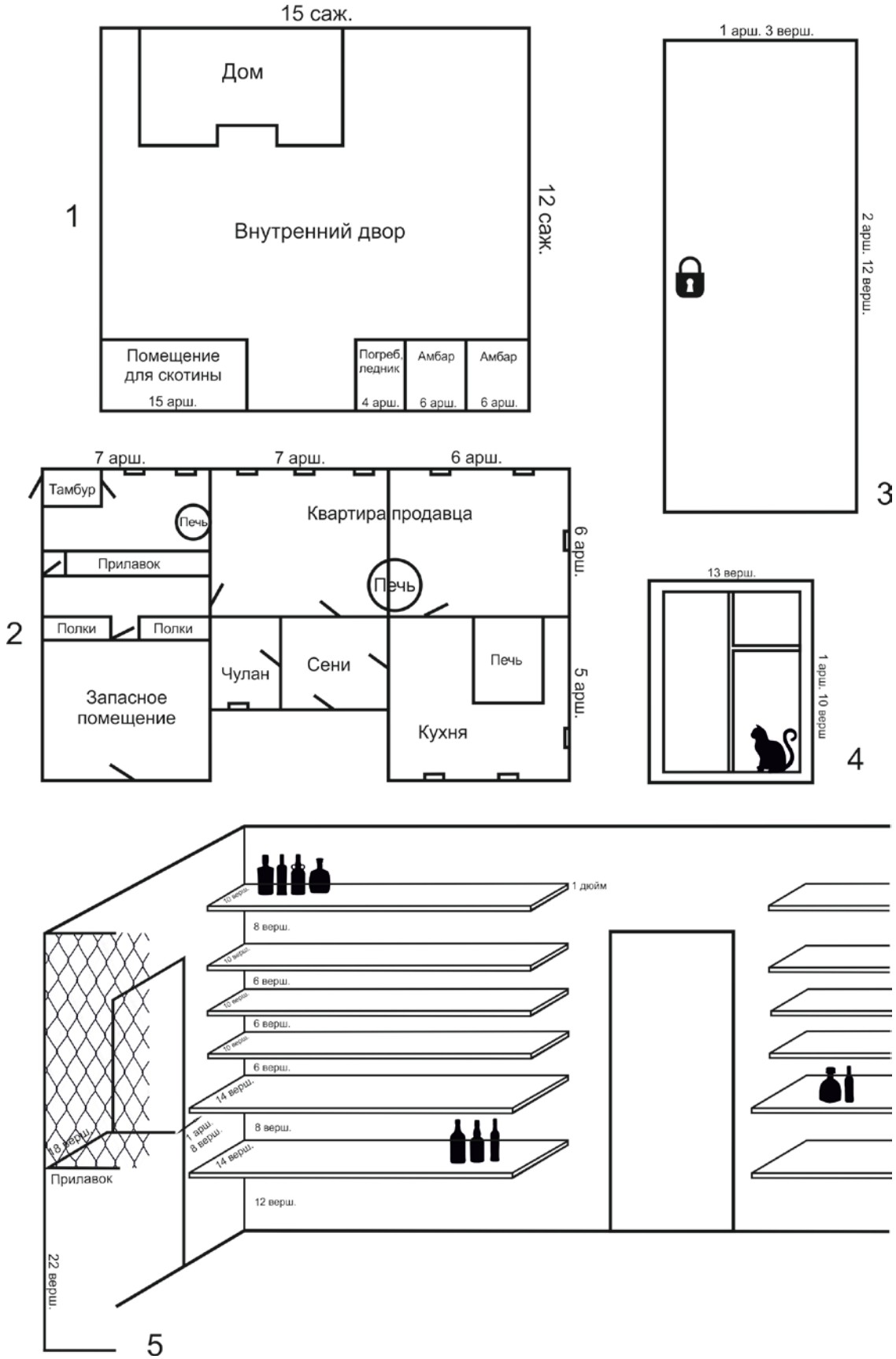


Рис. 2. План внутреннего устройства дома и двора помещения, арендуемого под лавку

Отопление осуществлялось при помощи трех печей. Одна из них, как и требовалось, была русской печью с плитой «при кухне», вторая отапливала жилые комнаты, третья – торговую площадь. Квартира продавца состояла из двух чистых комнат и кухни. Она сообщалась с торговым залом и запасным помещением. Комната, отведенная для торговли, была 2,50 м в ширину и 5 м в длину, высота потол-

ков 2,50 м. Прилавок делил помещение на две части, за ним располагались две двери: одна вела в квартиру продавца, другая – в кладовку. Решетка шла от прилавка до потолка [26. Л. 42 об.]. За спиной продавца располагались полки с товаром (рис. 2, 5)[2]. Ширина двух нижних составляла 62 см, ширина остальных – 44 см. Толщина полки – не менее 3 см. Помощник управляющего, составивший описание дома, от руки вписал в типовой бланк расстояние между полками: нижняя крепилась на высоте 53 см от пола, остальные отставали друг от друга на 36 или 27 см. Таким образом, продавец среднего роста легко доставал товар с 1–5-й полок, а вот 6-я полка находилась примерно на уровне 210 см. Отсюда, вероятно, появилось требование иметь за прилавком «табуреты и стулья» (именно во множественном числе): не только для отдыха торговца, но и для использования мебели в качестве лесенки. Обязательным условием было определенное расстояние от края полок до края верхней доски прилавка. В данном случае оно было соблюдено: продавец имел достаточно свободного пространства для выполнения торговых манипуляций (106 см), но было ли ему в таком «закутке» уютно, остается вопросом. Графическая зарисовка А.А. Чикина иллюстрирует «внутренность» одной из казенных лавок в Санкт-Петербурге, подтверждая унифицированность внутреннего устройства торговых заведений данного типа (рис. 3). Можно разглядеть полки за спиной продавца, заставленные ровными рядами бутылок, икону, которая, судя по всем встреченным нами источникам, всегда находилась за прилавком, дверь, ведущую в запасную кладовку.

Рис. 3. Графическая зарисовка А.А. Чикина «Внутренность казенной лавки»

Однако Управлению не всегда удавалось найти помещение, отвечавшее всем требованиям. В этом случае договор заключался с «нетипичным» зданием. В с. Казаркинском арендуемый дом был «13 на 7 аршин с пристроенной кутьей» [32. Л. 43]. Помощники управляющего отмечают, что хозяин, «человек низшего чина Лопырев», малоимущий и содержать помещение в должном состоянии не способен. Было предложено вернуть старого контрагента (причина разрыва договора не упомянута), так как он согласен построить новое помещение для найма за 200 рублей годовой оплаты [Там же. Л. 66].

Нужно отметить, что арендная плата была очень высока; так, в Курганском уезде она составляла 200–240 рублей в год [26. Л. 4; 29. Л. 41, 50; 32. Л. 9]. Поэтому желающих сдать дом в аренду было много, а Управление в свою очередь строго следило за арендодателями. Нам встретился только один случай отказа от предложения аренды – крестьянин с. Макушинского Созон Петрович Суслов не подписал договор аренды из-за низкой арендной платы [32. Л. 45]. Хозяин дома должен был проводить ремонт всех помещений, а в случае невыполнения – выплатить неустойку в размере полугодовой оплаты [26. Л. 44]. За соблюдением условий договора со стороны хозяина следили помощники управляющего Акцизного управления. Из служебной переписки можно понять, какие нарушения встречались: отсутствие наружных ставней, отсутствие «сообщения между помещениями», отсутствие постройки для лошадей [1. Л. 17; 30. Л. 32; 33. Л. 64]. Если хозяин сам исправлял все недочеты, то писал уведомление на имя управляющего [30. Л. 34].

В противном случае у Управления были способы оказать влияние на нерадивого хозяина. К примеру, Управление «угрожало» хозяину дома в с. Гладковском провести ремонт самостоятельно, при этом используя те материалы, которые покажутся им «наиболее подходящими» (судя по тону письма, подразумевалось «наиболее дорогими»), а оплата за этот ремонт будет вычтена из следующей арендной платы [Там же. Л. 78]. Санкции не применялись только в двух случаях: при расторжении договора по обоюдному согласию сторон и в случае смерти арендодателя. Например, наследники хозяина помещения в с. Марайском Игнатия Дмитриевича Шихалева после его смерти не смогли сделать ремонт дома, в следствие чего договор был расторгнут без каких-либо последствий для семьи Шихалевых [32. Л. 135].

В конце XIX в. система акциза сменилась монополией, однако, как и прежде, винная лавка (частная она или государственная) являлась местом встреч населения. Вопрос внешнего облика лавки (особенно в сельской местности) требует более детального изучения, привлечения новых источников информации, в том числе поиска редких или неизвестных до сих пор графических источников, эго-документов, фондов полицейского надзора. Казенная винная лавка, пусть и на небольшой временной отрезок, вошла в пространство повседневности человека, став для жителей города одним из мест получения спиртосодержащей продукции, а для населения маленьких деревень – единственным, что, несомненно, сделало «казенку» одной из важных пространственных локализаций. Помимо этого она была источником дохода для арендодателей и работников, в частности продавцов вина. Жизнь торговца ограничивалась помещением лавки: ежедневная работа, проживание в соседней с торговой комнате, охрана продукции в ночное время, ведение хозяйства на приусадебном участке. Высота полок, количество печей, качество замков на дверях и засовов на окнах – все это становилось частью его обыденного существования, которая влияла на изменение образа жизни. По сути, место работа одновременно являлось и жилищем, что формировало восприятие отдельных, с нашей точки зрения, пространств (торгового помещения и квартиры продавца) как единого пространства жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее перевод совершен из расчета 1 сажень = 2,13 м, 1 аршин = 0,71 м, 1 вершок = 4,45 см, 1 дюйм = 2,54 см. Конечные цифры округлены для удобства восприятия.

[2] Авторская реконструкция части помещения, в котором находился продавец, произведена на основании описания лавки и приложенного к нему плана [26. Л. 42, 42 об., 43, 43 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. 96. Оп. 1. Д. 17.
2. Андрющенко Б.К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли // Вестник Томского университета. 2003. № 276. 2003. С. 167–170.
3. Карандашев Г.В. Повседневная жизнь городских обывателей: потребление алкоголя в российской провинции в конце XIX – начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 369–373.
4. Карандашев Г.В. Дореволюционные исследователи о проблемах государственного питейного дела конца XIX – начала XX века // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 4. С. 23–30.
5. Долгих К.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 5/6. С. 14–63.
6. Николаев А.В. «Уличное пьянство» как социально-культурное явление в Российском обществе на рубеже XIX–XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 14–22.
7. Политов Е.В. Тамбовская криминальная полиция в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 123–127.
8. Быкова А.Г. Казенная винная монополия в 1985/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // Омский научный вестник. 2006. № 8(45). С. 222–225.
9. Мухачев Н.В. Регулирование виноторговли в Верхневолжских губерниях в середине XIX начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 1. С. 52–55.
10. Марискин О.И., Марискин С.О. Акцизное обложение пивоваренной промышленности России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Пензенской и Симбирской губерний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1 (61). С. 102–104.
11. Мухамедина Ш.М. Акцизы и винная монополия в Российской империи // Финансы и кредит. 2009. № 37 (373). С. 81–88.
12. Жуйкова Т.Н. Особенности налоговой политики России в конце XIX – начале XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 109–112.
13. Федоров С.Г. Государственная акцизная политика, винная монополия и их последствия в Западной Сибири в конце XIX – начале XX // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2007. № 2. С. 33–36.
14. Шевченко И.А. Общественное движение и потребление алкоголя в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140). С. 224–230.
15. Литягина А.В. Алкогольные традиции и проблемы в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 124–139.
16. Пашков Е.В. Усиление незаконной торговли водкой с введением казенной винной монополии в России конца XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 49–53.
17. Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 1 (216). С. 39–45.
18. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в Курской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 169. С. 12–19.
19. Луцик С.С. Меры социально-экономического регулирования, направленные на снижение потребления алкоголя, предпринятые в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 245–247.

20. Николаев А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 35. С. 60–72.
21. Акоева Н.Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 7. С. 13–17.
22. Караваева Е.В. Из истории трезвеннического движения в Томской епархии (конец XIX начало XX вв.) // Сибирский медицинский журнал. 2010. Т. 25, № 3–1. С. 96–101.
23. Латышева К.И. Архитектура комплекса казенного винного склада-завода в городе Минусинске начала XX века // Баландинские чтения. 2014. № 1. С. 351–354.
24. Губанов А.В., Борознов С.А. К вопросу изучения типов объемно-пространственных решений казенных винных складов в конце XIX – XX в. // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура. 2014. № 1. С. 16–32.
25. Снитко А.В. Историческая эволюция системы целевых установок архитектурного формирования производственных зданий (на примере промышленных предприятий центральной России) // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 1. С. 57–60.
26. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16.
27. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20.
28. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 26.
29. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9.
30. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12.
31. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21.
32. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 23.
33. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2018 г.

The Structure of State-Owned Wine Shops in the Early 20th Century (On the Materials of the Kurgan Uyezd)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 169–176.
DOI: 10.17223/15617793/441/22

Anastasia A. Pervukhina, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: perwuscha@mail.ru

Keywords: state alcohol monopoly; state-owned alcohol shops; country town; wine trade; alcoholic drinks.

In the article, the history of appearance and main features of state-owned wine shops is studied. The aim of the study is to see a wine shop of the beginning of the 20th century through the eyes of its contemporaries, either customers or its workers. The way the building of the shop looked like, what the customer saw coming inside, what the working place of the shop assistant of wine was are some of the questions that are considered in the article. The main method of the research is the study of sources, which has helped to find out the construction details of a wine shop building in archival documents. A historical systematic approach has helped to make a structural functional analysis, and to compare the model with the real appearance of the object. The study is based on the documents of the "Excise of Tobolsk Province and Akmola Oblast" fund of the State Archive of Kurgan Oblast first introduced to scientific discourse. The correspondence between administrations and shop employees (assistants, landlords) was studied; a collection of documents characterizing the peculiarities of the shop's everyday life was revealed. Apart from the written sources, graphic ones were used: pictures, photos, schemes; they are very reliable and full of details. The synthesis of the two types of sources has helped to reconstruct the exterior of a typical state-owned wine shop and its interior. The exterior of the shop is weakly reflected in written documents, but was often the object of painters' and photographers' attention. The interior, on the contrary, is fully described in archival documents. The peculiarities of the plan of a shop and its yard with outbuildings were discovered. A special attention was paid to the elements of a shop's decoration (materials of inner decoration, furniture, wall decoration), as well as to questions of safety and security of the building at night. In the article, the question of the responsibility of the owner of the leased building before excise was discussed. The norm and deviations of the organisation of everyday life of a shop were studied. In connection with the latter, methods of administration control over landlords – the system of fines and measures, leading to observance of the terms of lease contract – were determined.

REFERENCES

1. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 17. (In Russian).
2. Andryushchenko, B.K. (2003) Vinnaya monopoliya v Zapadnoy Sibiri i organizatsiya kazennoy torgovli [Wine monopoly in Western Siberia and the organization of state-owned trade]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 276. pp. 167–170.
3. Karandashev, G.V. (2017) Everyday Life of City Inhabitants: Alcohol Consumption in the Russian Province at the end of XIX – the beginning of the 20th century. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. pp. 369–373. (In Russian).
4. Karandashev, G.V. (2005) Dorevolyutsionnye issledovateli o problemakh gosudarstvennogo piteynogo dela kontsa XIX – nachala XX veka [Pre-revolutionary researchers about the problems of the public drinking business of the late 19th – early 20th centuries]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 23–30.
5. Dolgikh, K.V. (2015) To the history of everyday life: an essay in the consumption of the alcoholic beverages in Russia (late XVth century – 1936). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 5/6. pp. 14–63. (In Russian).
6. Nikolaev, A.V. (2011) The problem of "Street drinking" in Russia at the turn of the XX century. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* – Izvestia*: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 132. pp. 14–22. (In Russian).
7. Politov, E.V. (2007) Tambovskaya kriminal'naya politsiya v kontse XIX – nachale XX v. [Tambov criminal police in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities***.** 1. pp. 123–127.
8. Bykova, A.G. (2006) Kazennaya vinnaya monopoliya v 1985/1904–1914 gg.: nekotorye aspekty problemy [State-owned wine monopoly in 1985/1904–1914: some aspects of the problem]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Herald of Omsk University*. 8(45). pp. 222–225.
9. Mukhachev, N.V. (2014) Wine trade regulating in the Upper Volga provinces in the middle of the 19th–20th centuries. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 20 (1). pp. 52–55. (In Russian).
10. Mariskin, O.I. & Mariskin, S.O. (2015) Excise tax on Russian brewing industry in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century: by the materials of Penza and Simbirsk provinces. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11-1 (61). pp. 102–104. (In Russian).
11. Mukhamedina, Sh.M. (2009) Aktsizy i vinnaya monopoliya v Rossiyskoy imperii [Excises and wine monopoly in the Russian Empire]. *Finansy i kredit*. 37 (373). pp. 81–88.

12. Zhuykova, T.N. (2007) Osobennosti nalogovoy politiki Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Features of the tax policy of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2. pp. 109–112.

13. Fedorov, S.G. (2007) Gosudarstvennaya aktsiznaya politika, vinnaya monopoliya i ikh posledstviya v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [State excise policy, wine monopoly and their consequences in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'" – Herald of Omsk University. Ser. "Society. History. Modernity"*. 2. pp. 33–36.

14. Shevchenko, I.A. (2014) Social movement and consumption of alcohol in Russia at the turn of the 20th century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities***.** 12 (140). pp. 224–230. (In Russian).

15. Lityagina, A.V. (2010) Drinking Traditions and Problems in West Siberia Towns in the second half of the 19th c. – early 20th c. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2 (28). pp. 124–139. (In Russian).

16. Pashkov, E.V. (2009) Intensification of illicit vodka trade following the introduction of the state wine monopoly in Russia of the late 19th – early 20th centuries (by the example of the Kursk province). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* – Izvestia*: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 99. pp. 49–53. (In Russian).

17. Ramazanova, G.R. (2011) Sotsial'nye deviatsii v gorodakh Ufimskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Social deviations in the cities of the Ufa Gubernia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. 1 (216). pp. 39–45.

18. Pashkov, E.V. (2014) Anti-alcoholic Campaign in the Kursk Province during World War I. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* – Izvestia*: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 169. pp. 12–19. (In Russian).

19. Lutsik, S.S. (2015) Mery sotsial'no-ekonomicheskogo regulirovaniya, napravlennye na snizhenie potrebleniya alkogolya, predprinyatye v kontse XIX – nachale XX veka [Measures of socio-economic regulation aimed at reducing alcohol consumption taken in the late 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 6-1. pp. 245–247.

20. Nikolaev, A.V. (2008) Antialkogol'naya kampaniya v Rossii 1894–1914 godov: istoricheskiy opyt resheniya problemy [Anti-alcohol campaign in Russia of 1894–1914: historical experience in solving problems]. *Magistra vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii – Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 35. pp. 60–72.

21. Akoeva, N.B. (2015) Fighting for temperance in Russia nationwide: historical aspect. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 7. pp. 13–17. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5.013-017

22. Karavaeva, E.V. (2010) From the history of antialcoholic movement in the Tomsk Diocese (the end of XIX – the beginning of XX centuries). *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal*. 25 (3–1). pp. 96–101. (In Russian).

23. Latysheva, K.I. (2014) Architecture of the state wine plant-and-warehouse complex in Minusinsk in the early XXth century. *Balandinskie chteniya*. 1. pp. 351–354. (In Russian).

24. Gubanov, A.V. & Boroznov, S.A. (2014) K voprosu izucheniya tipov ob"emno-prostranstvennykh resheniy kazennykh vinnykh skladov v kontse XIX – XX v. [On the issue of studying the types of three-dimensional spatial solutions of state-owned wine warehouses in the late 19th and 20th centuries]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Stroitel'stvo i arkhitektura – PNRPU Construction and Architecture Bulleti**n**.* 1. pp. 16–32.

25. Snitko, A.V. (2015) Historical Evolution of Object Setting System of Architectural Formation of Industrial Buildings (Illustrated by Industrial Factories in Central Russia). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo – Academia. Architecture and Construction*. 1. pp. 57–60. (In Russian).

26. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 16. (In Russian).

27. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 20. (In Russian).

28. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 26. (In Russian).

29. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 9. (In Russian).

30. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 12. (In Russian).

31. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 21. (In Russian).

32. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 23. (In Russian).

33. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 8. (In Russian).

Received: 10 April 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 177–182. DOI: 10.17223/15617793/441/23

УДК 94(47).073; 281.93

И.В. Починская

ИЗ ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОВЕРИЯ В РОССИИ: НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПРОЦЕССЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ С ОФИЦИАЛЬНОЙ ЦЕРКОВЬЮ СТАРОДУБСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6. («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Вводится в научный оборот новый документ по истории обращения старообрядцев в единоверие. Он содержит информацию о старообрядцах слободы Добрянка Черниговской губернии, отказавшихся перейти в единоверие. За это они были осуждены на каторгу и ссылку в разные отдаленные места Российской империи. Двое из осужденных отбывали наказание в Омском остроге вместе с Ф.М. Достоевским. Анализируемый в статье документ представляет собой письмо родственников возможному прототипу литературного героя одного из сочинений писателя.

Ключевые слова: Россия; старообрядчество; единоверие; Стародубье; Достоевский.

Борьба российских властей со старообрядчеством, возникшим во второй половине XVII в., на протяжении истории имела самые разнообразные формы: силовое давление, экономические меры, методы убеждения путем открытых дискуссий и т.д. Важнейшим церковно-государственным проектом, направленным на постепенную ликвидацию старообрядчества, стало создание единоверческой церкви, в основе которой лежало подчинение старообрядцев Синоду с сохранением их обрядовой практики. Этот проект получил официальное оформление в самом начале XIX в. [1, 2].

Вторая четверть XIX в. для русского старообрядчества прошла под знаком активных действий властей по его обращению в единоверие. Это обращение происходило принудительно или добровольно-принудительно в силу создания условий, не оставлявших старообрядцам выбора. Степень жесткости мер зависела от объективных и субъективных обстоятельств, складывавшихся в разных регионах империи: например, с применением военной силы, как на Иргизе (старообрядческие монастыри в Поволжье), или давления, в первую очередь экономического, как на Вятке и на Урале.

В 1840-е гг. власти начали процесс обращения в единоверие населения одного из крупнейших старообрядческих центров, ветковско-стародубского, который возник в конце XVII в. на границе России и Речи Посполитой. Российскую часть этого центра составляли старообрядческие слободы, расположенные преимущественно на территории Стародубского полка Запорожского войска. Из записок миссионера Т.А. Верховского следует, что этот процесс обращения старообрядцев в единоверие проходил мирным путем, выразившимся в массовом добровольном переходе с единичными выражениями несогласия. Однако обнаруженный мной документ заставил внимательнее посмотреть на события, происходившие на западных территориях Российской империи, а именно в слободе Добрянка Городнянского уезда Черниговской губернии.

Первый этап обращения добрянских старообрядцев в единоверие начался в мае – августе 1845 г. Непосредственным поводом к этому стало личное распоряжение Николая I. В мае 1845 г. следуя из Киева в Петербург, он посетил Добрянку, где на теплую встречу старообрядцев отреагировал крайне резко. В ответ на поднесенные хлеб-соль император заявил: «Не хочу я вашего хлеба-соли, вы не верноподданные мои! Вы не ходите в церковь Богу молиться. <…> Я вольничать вам не позволю! Я выстрою вам церковь, и приеду Богу молиться, и когда вы пойдете в нее и будете со мною молиться, тогда я и приму от вас хлеб-соль; слышите ли, вольничать не позволю» [3. С. 4–5]. Так передает речь царя Верховский.

Естественно, эти слова государя были восприняты властями всех уровней как прямое указание к действию. Синод принял решение строить в Добрянке единоверческую церковь, был выбран одобренный царем миссионер для обращения местных старообрядцев в единоверие. Выбор пал на единоверческого священника Т. Верховского, который с 1822 по 1827 г. служил в одном из первых единоверческих монастырей Черниговской губернии, Троицком женском [4. С. 84]. В записках о деятельности в Стародубье он с гордостью рассказывает об успехах своих бесед со старообрядцами, в частности о добрянцах писал следующее: «Впечатление, произведенное на них беседою, было в мою пользу; я это ясно видел; оставалось ждать результатов этого впечатления» [Там же. С. 53].

Из дальнейшего рассказа миссионера следует, что все население Добрянки, за исключением девяти человек, добровольно согласилось принять единоверие. 29 августа, во время приезда Николая I на освящение единоверческой церкви ему сообщили об этих несогласных. Царь велел отправить их в Чугуев, где он остановился. Местный исправник распорядился этапировать старообрядцев на следующее же утро после приезда государя. Как пишет Верховский, на их проводы вышли все жители, которые «смотрели на них, как на исповедников и мучеников веры ради; старались облобызать их, и призывали на них помощь Божию, чтобы они могли с радостию перенести Христа ради разлучение со своими семействами, благодушно претерпеть страдания за веру и сподобиться мученических венцов. Даже те, которых я расположил уже

принять единоверие, встревожились до последней степени, роптали и негодовали…» [3. С. 87].

Родственники арестованных своими «воплями и рыданиями» еще больше накаляли обстановку и доводили ситуацию до трагизма. Если к этому добавить еще замечание миссионера о том, что «После службы к государю подошел уставщик Рождественской церкви Чесноков и попросил его не лишать их церквей, которые у них есть и не строить новых» [Там же. С. 81], то не складывается впечатление, что добрянцы легко согласились на принятие единоверия.

Отправленные в Чугуев старообрядцы Добрянки во время встречи с царем обещали ему ходить в единоверческую церковь и, будучи проинформирован о реакции жителей слободы на арест земляков, Николай велел их отпустить [Там же. С. 55–57 втор. счет]. Однако по возвращении домой старообрядцы не только сами не стали ходить в новую церковь, но и отговаривали других от этих посещений. В течение двух лет они были «ядром оппозиции» в Добрянке. В сентябре 1847 г. их снова арестовали и отправили в Черниговский острог [Там же. С. 49 трет. счет.]. Как и в первый раз, эта отправка из Добрянки состоялась днем при большом стечении народа, сопровождалась такими же возмущениями и стенаниями.

Этим заканчивается рассказ Верховского о группе добрянских старообрядцев, активно сопротивлявшихся обращению в единоверие.

Сведения о дальнейшей судьбе арестованных обнаружились в книгохранилище Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета. Это копия письма от 28 мая 1851 г. одному из участников протестного движения в тюрьму от его родственников. Копия сопровождается преамбулой и своеобразным заключением переписчика, в которых он кратко излагает обстоятельства, связанные с появлением этого письма. Кто и зачем сделал копию, точно сказать не могу, ясно только одно – это был человек, близко знавший адресата.

Документ, о котором идет речь, представляет собой шестилистовую тетрадь в четвертую долю листа. Бумага без филиграней, по фактуре она может быть отнесена к 50–60-м гг. XIX в. Текст написан полууставом одной руки черными чернилами.

Информация, изложенная в преамбуле, несколько отличается от сообщенной Верховским. Там уточняется, что после первого ареста добрянцы 2 сентября 1845 г. в 11 часов ночи предстали перед царем. После этой встречи царь их отпустил. Далее писец отмечает, что они «жили по домам своим всего 6-ть недель и потом забраны начальством и разныя несносности терпели до двух лет» [5. Л. 1 об.]. Думается, возможно двоякое толкование этой фразы: либо их арестовали еще в конце 1845 г. и они где-то содержались под арестом на родине, либо до 1847 г. сопротивляющихся введению единоверия пытались «вразумить» неоднократными арестами, чередовавшимися с освобождением. Наконец, в 1847 г. был произведен арест, за которым последовало суровое наказание. В этот раз арестовали уже не девять, а восемь человек. Среди них, как отмечено в документе, были и купцы, и мещане посада, которых «без суда и наказания разослали всех во вся концы по разным местам по крепостям, каждого сия долгая повесть» [5. Л. 2].

Двое из осужденных были сосланы в Омский острог. Они упомянуты в тексте перед письмом. Это Егор Дмитриевич Воронин и Симеон Иванович Щекотихин. Причем указано, что Воронин на момент составления документа находился в крепости, а Щекотихин был переведен на поселение в д. Ачимово Никольской волости Тарского округа Тобольской губернии, ныне это село в Викуловском районе Тюменской области. Необходимо отметить, что эта деревня и ее окрестности относятся к территории, известной как средоточие старообрядчества с XVIII в. И, что интересно, копия письма, о котором идет речь, была обнаружена экспедицией Лаборатории археографических исследований УрГУ в одной из деревень Викуловского района, т.е. оно почти 140 лет хранилось, возможно, потомками человека, которому было адресовано.

А адресовано письмо С.И. Щекотихину. В этом письме передаются слова поддержки заключенному, он превозносится как страдалец за веру, описываются переживания и горе родных в связи с заточением Симеона. В письме перечисляются все родственники, выражающие ему поддержку: мать (Дарья Ивановна), два брата (Михаил и Никита) с женами и детьми, две дочери (Ксения и Мавра) с мужьями и шестью детьми (две Парасковьи, Иоан, Григорий, Лука, Стефан), три сына – Иван, Лука, Василий (сыновья, видимо, не женаты). Переписка была достаточно регулярной. Из письма следует, что первое послание от заключенного родственники получили только 24 марта 1851 г.

Еще пять арестованных добрянцев с указанием мест заключения перечислены после письма. Имя одного из пострадавших за веру оказалось пропущенным. Хотя в начале документа писец обещал ниже назвать имена шестерых. Но к этим пяти вернемся позже, а сейчас об омских седельцах.

Омская крепость изначально была военным поселением с немногочисленным гражданским населением и являлась местом ссылки и каторги. В 1782 г. по административной реформе в Сибири Омская крепость стала уездным городом, но практически ничего не изменилось в жизни Омска [6. С. 41–45]. Он попрежнему оставался местом заключения. В первой половине XIX в. в ней находился каторжный острог, в котором отбывал заключение Ф.М. Достоевский за участие в деятельности кружка петрашевцев, организации русских социалистов-утопистов, которую возглавлял М.В. Буташевич-Петрашевский. Этот кружок посещало немало видных деятелей русской культуры, среди них начинающий писатель М.Е. Салтыков, поэты А.Н. Майков и А.Н. Плещеев, молодой философ Н.Я Данилевский и др. Петрашевцы выступали за отмену крепостного права, демократические преобразования, идеалом государственного устройства считали республику. В 1849 г. опасаясь всплеска революционных настроений под влиянием европейских революций, Николай I приказал арестовать Петрашевского и участников его кружка. 21 человек из их числа, среди которых и Ф.М. Достоевский, были приговорены к смертной казни, но в последний момент она была заменена на каторгу [7, 8].

Достоевский пробыл в Омском остроге четыре года, с 1850 по 1854 г. Свои впечатления о пребывании в крепости он описал в «Записках из мертвого дома». Из произведения следует, что Достоевский жил в одной казарме с кем-то из добрянских старообрядцев. В этой казарме было четыре старообрядца, но писатель обратил внимание именно на этого человека. Его имени он не называет, но подробно описывает.

Вот что пишет Федор Михайлович: старообрядец был «из стародубовских слобод, бывших когда-то Ветковцев… старичок лет шестидесяти, маленький, седенький. Он резко поразил меня с первого взгляда. Он так не похож был на других арестантов: что-то до того спокойное и тихое было в его взгляде, что, помню, я с каким-то особенным удовольствием смотрел на его ясные, светлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорил я с ним и редко встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступление. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло их и стало употреблять все усилия для дальнейшего обращения и других несогласных. Старик, вместе с другими фанатиками, решился “стоять за веру”, как он выражался. Началась строиться единоверческая церковь, и они сожгли ее. Как один из зачинщиков старик сослан был в каторжную работу. Был он зажиточный, торгующий мещанин; дома оставил жену, детей; но с твердостью пошел в ссылку, потому что в ослеплении своем считал ее “мукою за веру”» [9. С. 33].

Очень похоже описывает старика-старообрядца другой сосед Достоевского по казарме, поляк Ш. Токаржевский. Его воспоминания о каторге были написаны позднее романа Достоевского, и в записках польского дворянина явно прослеживается влияние текста писателя. «Нашу большую симпатию и уважение заслужил один 60-летний раскольник, сизый голубь попал на каторгу за сожжение православной церкви, которая была построена недалеко от поселения раскольников. Он переносил каторгу со спокойствием и покорностью истинного мученика. – Не жаловался никогда, молился очень усердно и говорил, что о судьбе жены и детей своих совершенно спокоен, потому что “Высшая Милость” сама могла это сделать. Глядя на худое, ясное лицо этого раскольника, лицо, отмеченное позорным клеймом, иногда нам хотелось плакать, нам, это: Юзику Богуславскому и мне. О своих религиозных убеждениях он не говорил ни с кем, но о поступке, который довел его до каторги, не жалел никогда, и говорил: – Если нужно “веру” защитить, я готов, и церкви сжечь!.. добавлял шепотом, и в это время его ласковые, голубые глаза пылали, а мелкая фигура, сказал бы – вырастала и казалась просто огромной...» (перевод мой. – *И.П.*) [10. S. 164–165].

Любопытна информация о сожжении церкви. Верховский не упоминает о таком случае не только в Добрянке, но и в других стародубских слободах. В «Статейных списках о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости», обнаруженных еще в 1960-х гг. исследователями жизни и творчества Ф.М. Достоевского, было найдено имя старообрядца Егора Воронина[1] из Добрянки, где указано, что он был сослан «по высочайшему повелению», «на бессрочное время» за «неисполнение данного его величеству обещания присоединиться к единоверцам и небытие на священнодействии при бывшей закладке в посаде добрянской новой церкви» [9. С. 282]. Именно этот человек был отождествлен исследователями с героем «Записок из мертвого дома». Возможно, приведенная Токаржевским фраза «Если нужно “веру” защитить, я готов, и церковь сжечь!..» или что-то близкое к этому звучало из уст старообрядца. Писатель же превратил его готовность любой ценой отстаивать свою веру в реально совершенное действие, а поляк повторил это.

Достоевский в большей степени рисует психологический портрет старообрядца, в частности сравнивает его с сибирскими, сидевшими с ними. И это сравнение не в пользу сибиряков: «Были у нас в остроге и другие старообрядцы, большею частью сибиряки. Это был сильно развитой народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды и по-своему сильные диалектики; народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высочайшей степени. Совсем другой человек был старик. Начетчик, может быть, больше их, он уклонялся от споров. Характера был в высшей степени сообщительного. Он был весел, часто смеялся – не тем грубым, циническим смехом, каким смеялись каторжные, а ясным, тихим смехом, в котором много было детского простодушия и который как-то особенно шел к сединам» [9. С. 33–34].

Старик пользовался уважением и доверием других заключенных до такой степени, что они отдавали ему на хранение свои деньги: «Знали, что он куда-то прятал врученные ему деньги, но в такое потаенное место, что никому нельзя было их отыскать» [Там же. С. 34].

Как было отмечено выше, старик-старообрядец из романа Достоевского исследователями был отождествлен с Е. Ворониным. Однако, как следует из письма родственников Щекотихину, во второй половине 1850 – начале 1851 г., когда писатель уже находился в Омском остроге, он тоже был там. Поэтому вполне можно предположить, что не Воронин, а Щекотихин был прототипом героя Достоевского. Однако, думаю, это не имеет принципиального значения. Оба добрянских старообрядца имели одинаковые судьбы, общие испытания и наверняка были близки психотипически. Возможно, Достоевский общался с обоими и дал собирательный образ, взяв черты и того и другого.

Остальные арестованные в Добрянке старообрядцы были разосланы отбывать наказание в различные уголки империи. Симеон Демьянович, фамилия которого не названа, и Егор Козин – в Смоленск, Антон Образцов – в «Змайлов» (что такое «Змайлов», трудно сказать, поселений с названием Измайлово в России немало, например, в Рязанской, Костромской, Оренбургской губерниях и др.), Иван Вавильевич (тоже упомянут без фамилии) – в город «Канинск» Красноярской губернии, так назван Канский острог, основанный в 1628 г. в Сибири. Со временем он превратился в село, а в декабре 1822 г. получил статус

окружного города. Положение города со слаборазвитым хозяйством, удалённого от культурных центров, сделало Канск местом ссылки. В конце 1820-х гг. там был выстроен тюремный острог [11].

Наконец, пятый ссыльный из перечисленных в заключение после копии письма – Николай Козин, как указано в нашем документе, был отправлен «на Палондонския островы» [5. Л. 6 об.]. Что такое «Палондонския островы», непонятно. Попытки выяснить, какой географический объект скрывается за этим названием, привели меня к выводу, что это, скорее всего, Аландские острова. Принадлежавшие Швеции, они в 1809 г. по Фридрихсгамскому мирному договору вместе с Финляндией отошли к Российской империи. Под руководством военного министра М.Б. Барклая де Толли на одном из островов началось возведение крепости Бомарсунд, которое было приостановлено в связи с войной 1812 г. В 1820 г. посетивший острова великий князь Николай Павлович решил возобновить строительство крепости, но работы начались только в 1830-х гг., продолжались до 1854 г., но не были завершены в связи с открытием северного фронта Англией и Францией, вступивших в коалицию с Османской Турцией во время Крымской войны. В 1856 г. по Парижскому мирному договору Аландские острова получили статус демилитаризованной зоны [12. С. 639–640; 13]. В 1830 – начале 1850-х гг. на эти острова вполне могли отправляться ссыльные, в том числе старообрядцы, для строительства крепости.

Таким образом, документ, о котором идет речь, фиксирующий информацию о конкретных персонажах, принадлежит к тем источникам по истории повседневности, на основании совокупности которых формируется целостная картина эпохи. Упомянутые в нем люди, события, факты позволяют воссоздать цепочки взаимосвязей, определяющих своеобразие исторических явлений. Кроме этого, он привлекает внимание потому, что в России крайне мало сохранилось бытовых писем середины XIX в., написанных простыми людьми. Наивно-трогательная, искренняя стилистика письма не позволила пройти мимо него.

Ниже публикуется полный текст письма с сохранением всех грамматических особенностей источника. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными требованиями русского языка.

Письмо

Л. 1 Стародубских слобод Черниговской губернии Городницкого уезда жители посада Добрянки христиан старообрядцев, купцов и мещан 8 человек. 6-ти человек помянутся имена в письме ниже. А два 1-й Егор Димитрич Воронин находится и ныне в сей стране в заточении в крепости в Омску. А Симеон Иванов Щекотихин уже определен с крепости к поселению в Никольской волости в деревни Очимовой. И сему Щекотихину от его матери и от // л. 1 об. детей его, и всего роду, и жителей пасада Добрянки, в сем посаде до семи тысеч душ жителей. Прислано письмо Щекотихину. С сего письма писана копия ниже сего. И сии вси лицы доставляны были царю в 1845 году в город Чугуев и стояли пред царем 21-го сентября к ночи в 11 часу и за несогласие к единоверческой церкви. И от царя отпущены были в домы свои. А после // л. 2 царя жили по домам своим всего 6-ть недель и потом забраны начальством и разныя несносности терпели до двух лет. Все присвоивали к единоверию и потом без суда и наказания разослали всех во вся концы по разным местам по крепостям, каждого сия долгая повесть. Много к сего писать и по сих писать кончаю. А копию с письма присланного начинаю.

Копия

Милостию святых отец // л. 2 об. Г.И.Х.С.Б.И.И.

Посад Добрянка 1851-го года маия 28 дня понедельник. Крест терпения ты последовал. Правды жрец явися. Божии избранник наречеся. Во Христа любовию распален бысть. Отец чадам своего благословения послатель Симион Иоанович, сердобольная твоя родительница Дарья Ивановна возлилась горестными слезами после блистательнаго вашего прочирка, которой удовлетворил сопсвенно всех надеждою // л. 3 о присследовании вашем до означеннаго места. Незрелыя ея очи не могли видить сего краткаго начертания. Прижала стесненно в руки оную хартию, которая была наполнена радосными слезами. По выслушании всех слов вашего благоволения и со опущенною главы твоея к ея стопам к прозбе родительскаго благословения, которая благословляет вас и вручает во век жизни твоея цветушии в горесном положении нерушимо. И тако приветствованием повторяет // л. 3 об. благославляю и буди благословен от руки Господня на добрыя возделания к путям правды. Буди во изобилии житен добраго семя, и благословен венцем благословенным внити в селище святых и водворитися, и многия к сему повторении, и прощает тебе во всем, и благословляет. И Бог благословит ко устроительству спасеннаго возприятия. Молитвевеницы за тебе Дария. Повсегда в купе и Феодосия. Находясь в горести о твоем положении известныя едино // л. 4 кровные твоя братия Михаила и Никита вкупе и сожительницы их и дети, которыя поздровлят тебе с возвитием на божественую далину и возгнездившуюся на ней цветущим лузе благочестием веры к торжеству единаго Бога. В чем зрят на преследовании твоих стопов. И поздравляют с новым селищем. Кланяются тебе от лица и до земли. В горестныя твои уста целуют тебе известныя Михаил Щекотихин. Божественною любовию распаленыи пламень страшных искушении // л. 4 об. угоситель буря к божественной пучины неугасна древнии ковчег веры, ты столб учитель и благоговение к чадам своим. Отец всех Богом обрадованных тобою, Симеон Иванович. Чада твоя, вопервых, Иван, Ксения. Внуки: Парасковия, Иоан, Григорий и Лука, Прасковья, зять Евдоким, внук Стефан, дочь Мавра, зять Никифор, вси сии дети, яко божественным со // л. 5 кровищем сокровены. Тако и чада твоя не вредно соблюдающееся здравием, которыя просят вашего родительскаго мира и благословения. Каковое бы могло быть для полезнаго существования душ во веки нерушима. В чем и припадаем ко стопам ног ваших и целуем ваши уста. И просим неотступно вашего благословения в купе и прощения. Дети твои

осиротевши были раскаянием после кончаемой судбы свиданием. Не могли уже и слышить от уст пожирающаго // л. 5 об. гласа. Молчанием сие между нами и вами производилось по 24 марта, и мы были весма в великом раскаянии. Но потом печаль приложилось к радости. И мы невереятно узрели птичку, взвившуюся от бездн краев, которая орошена была чады твоими источники слез. Ближнии и дальни тебе искреники приходили и удивлялись твоей ниве собрати полезныя плоды, возро // л. 6 стеныя в добром корыстии. Дети твои зря на каждый твой почирк горесно рыдали. С приветствием Господе драгии бисер похищен. Господи наставник нам сокрыся. Не поругана ли всегда бывает от всемилостивых Господе сокровен будиши зноя и глада своего. Денег посылаем тебе три руб. сер. За сим просители чада твои тебе твоего благословения и прошения. Помолитесь об нас Господу Богу. Сын твой Лука обдержим тресавичною болезнию. Прошу помолится угодником Божиим о изгнании, в чем и подписались дети твои // л. 6 об. По получении перваго письма вашего 24 марта, а 28-го послали 3 руб. сер. на Петра молодых Василии и Лука Щекотихины.

Товарищи доставлены к царю Симеон Димьяныч и Егор Козин в Смоленске. Антон Образцов в Змайлове, Никола Козин в путях. Путь его на Палондонския островы означен. Иван Вавильич в Красноярской губернии в городе Канинске.

Оригинал. ЛАИ УрФУ. XII.106р/1929

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В «Примечаниях» к 4 т. ПСС Достоевского, подготовленных Б.В. Федоренко и И. Д. Якубовичем, допущена ошибка: вместо «Воронин», напечатано «Воронов», см.: [9. С. 282].

ЛИТЕРАТУРА

1. White J.M. A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918, PhD Thesis, Firenze, 2014.
2. Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2016.
3. Стародубье. Записки протоиерея с.-петербургской Никольской единоверческой церкви Т.А. Верховскаго, высочайше командированнаго в 1845–1848 г. государем Императором Николаем Павловичем для устройства единоверия в черниговских старообрядческих посадах. Часть первая. 1845 г. Казань, 1874. С. 4–5.
4. Верховский, Тимофей Александрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 4. С. 84.
5. Письмо. Рукопись // Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета. XII.106р/1929.
6. Словцов И.Я. Историческая хроника Омска // Материалы по истории и статистике Омска. Омск, 1880. С. 41–45.
7. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922.
8. Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л. : Наука, 1988.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1972. Т. 4. С. 33.
10. Tokarzewski S. Siedem lat kaiorgi. Warszawa, 1907. S. 164–165.
11. Киселев Л. Канская золотая россыпь. URL: http://www.proza.ru/2013/07/30/1560 (дата обращения: 05.06.2017).
12 Бомарзунд // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого. СПб. ; М., 1911. Т. 4. С. 639–640.
13. Грачева Н. Русская память скандинавского архипелага. URL: http://www.ural.kp.ru/daily/24094/323512/ (дата обращения: 05.06.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2018 г.

From the History of the Introduction of Edinoverie in Russia: A New Source about the Unification of the Starodub Old Believers with the Official Church

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 177–182.
DOI: 10.17223/15617793/441/23

Irina V. Pochinskaia, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: poirvi12@gmail.com

Keywords: Russia; Old Believers; edinoverie; Starodub; Dostoevsky.

The article is devoted to an episode connected with the implementation of a church-state project aimed at the gradual elimination of the Old Belief by means of creation of the so-called Edinoverie. The article introduces a new document about the conversion of Russian Old Believers to Edinoverie in the first half of the 19th century. The article describes events in the Old Believers' settlement Dobrianka (Chernigov Gubernia). The document is stored in the depository of the Laboratory for Studies in Archaeography (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia). It adds and specifies the known information, particularly, corrects data from the memoirs of Timofey Verkhovsky, a missioner who attempted to convert Starodubie settlements to Edinoverie. Verkhovsky claimed that Dobrianka Old Believers converted to Edinovrie massively and voluntary, but the document ubder study draws a new picture of those events. The document contains information about seven inhabitants of Dobrianka who refused to convert to Edinoverie. They were sentenced to hard labor and exile to different distant parts of the Russian Empire. The document is a copy of a letter written by relatives to one of these seven people, Simeon Ivanovich Shchekotikhin, who served his sentence in the Omsk prison. The copy was written in a six-page folio (the quarto size). The paper does not contain any watermarks, but can be dated to the 1850s–60s. The text was written with black ink, semi-uncial script, by one scribe. The letter was found by the expedition of the Laboratory for Studies in Archaeography of the Ural State University in a Siberian village, where Shchekotikhin used to live after the term of his hard labor expired. The author of the article found that there were two sentenced persons from Dobrianka (Shchekotkhin and Voronin) in Omsk, and Fyodor Dostoevsky was in the same prison at the same time. One of these Old Believers (or both of them) became the prototype of the character of the Old Believer old man in Dostoevsky's novel *The House of the Dead*. The letter informs about places of imprisonment of five more sentenced Old Believers. One of them, the author of the article assumes, was exiled to the Åland Islands. The letter is one of the sources on the everyday life history which can be used for the reconstruction of the holistic picture of the

epoch. It is also very interesting because few letters written by ordinary people were preserved till today. The full text of the letter with all grammatical peculiarities is published as an appendix to the article.

REFERENCES

1. White, J.M. (2014) *A Bridge to the Schism. Edinoverie, Russian Orthodoxy, and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918*. PhD Thesis. Firenze.

2. Palkin, A.S. (2016) *Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiyskiy kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie in the middle of the 18th – beginning of the 20th centuries: all-Russian context and regional specificity]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

3. Verkhovskiy, T.A. (1874) *Starodub'e. Zapiski protoiereya s.-peterburgskoy Nikol'skoy edinovercheskoy tserkvi T.A. Verkhovskago, vysochayshe komandirovannago v 1845–1848 g. gosudarem Imperatorom Nikolaem Pavlovichem dlya ustroystva edinoveriya v chernigovskikh staroobryadcheskikh posadakh* [Starodubie. Notes of T.A. Verkhovskiy, the Archpriest of St. Petersburg Nikolskaya Edinoverie Church in St. Petersburg, sent by Emperor Nicholas I for the establishment of edinoverie in the Chernihiv Old Believers posad in 1845–1848]. Pt. 1. Kazan: Universitetskaya tipografiya. pp. 4–5.

4. Arsen'ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1892) Verkhovskiy, Timofey Aleksandrovich. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 4. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I. A. Efrona.

5. Laboratory for Studies in Archaeography of the Ural Federal University. XII.106r/1929. *Pis'mo. Rukopis'* [A letter. Manuscript].

6. Slovtsov, I.Ya. (1880) *Materialy po istorii i statistike Omska* [Materials on the history and statistics of Omsk]. Omsk: tip. Akmolin. obl. pravl. pp. 41–45.

7. Semevskiy, V.I. (1922) *M.V. Butashevich-Petrashevskiy i petrashevtsy* [M.V. Butashevich-Petrashevsky and the Petrashevtsy]. Moscow: Zadruga.

8. Egorov, B.F. (1988) *Petrashevtsy* [The Petrashevtsy]. Leningrad: Nauka.

9. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.

10. Tokarzewski, S. (1907) *Siedem lat kaiorgi*. Warszawa: [s.n.]. pp. 164–165.

11. Kiselev, L. (2013) *Kanskaya zolotaya rossyp'* [Kansk gold placer]. [Online]. Available from: http://www.proza.ru/2013/07/30/1560. (Accessed: 05.06.2017).

12 Novittskiy, V.F. (ed.) (1911) Bomarsund. In: Novitskiy, V.F. et al. (eds) *Voennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. Vol. 4. St. Petersburg: T-vo I.D. Sytina.

13. Gracheva, N. (2008) *Russkaya pamyat' skandinavskogo arkhipelaga* [Russian memory of the Scandinavian archipelago]. [Online]. Available from: http://www.ural.kp.ru/daily/24094/323512/. (Accessed: 05.06.2017).

Received: 26 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 183–188. DOI: 10.17223/15617793/441/24

УДК 323(73)

Т.Б. Румянцева

ТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ КАНДИДАТА НА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА США Б. КЛИНТОНА В 1992 г.

Работа выполнена по программе повышения конкурентоспособности Национального исследовательского Томского государственного университета при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-29-12858).

На основе анализа документов предвыборного штаба Клинтона доказывается, что одним из секретов электорального успеха губернатора штата Арканзас на президентских выборах стало его обращение к теме инновационной политики, нашедшее отклик среди представителей среднего класса, особенно технической интеллигенции. Отмечается факт правильной оценки командой Клинтона вызовов, стоящих перед Америкой, в частности нового вектора развития мира, который определялся уже не военно-политическим противостоянием, а торгово-экономической конкуренцией. По мнению автора, Б. Клинтону удалось найти новый ориентир развития американского общества – поддержку инноваций и укрепление деятельного среднего класса, занятого в сфере производства.

Ключевые слова: Б. Клинтон; избирательная компания; инновационная политика США; развитие высоких технологий.

Президентские выборы 1992 г. в Соединенных Штатах Америки занимают особое место в истории. И если сначала их выделяли в связи с победой молодого и относительно малоизвестного губернатора штата Арканзас Б. Клинтона, который «смог не только преодолеть сопротивление других кандидатов от своей партии, но и получить поддержку в общенациональном масштабе», проявив себя мастером политической борьбы в ходе первичных выборов-праймериз и партийных кокусов [1. С. 56] (т.е. собраний сторонников одной из партий, в ходе которых идет обсуждение кандидатов и их программ), то с течением времени пришло понимание особой значимости победы кандидата от Демократической партии. Она символизировала серьезные перемены в американской политике, отражавшие «глубокие тектонические сдвиги, подтачивавшие устои сложившегося в Соединенных Штатах социально-политического статус-кво» [2. С. 411].

Общеизвестно, что Б. Клинтон в 1992 г. делал акцент на внутренних проблемах Америки, в то время как его основной конкурент, Дж. Буш, действовавший президент-республиканец, выставивший свою кандидатуру на второй срок, предпочитал больше говорить на внешнеполитическую тематику. Негласным лозунгом Б. Клинтона в ходе избирательной кампании 1992 г. стал полушутливый слоган: «Все дело в экономике, дурачок». Эта фраза была написана на плакате, висевшем в предвыборном штабе Клинтона. Также емко была обозначена основная идея тактики борьбы кандидата от Демократической партии: «Скорость убивает… Буша» [3. С. 471]. Смысл состоял в том, чтобы действовать быстрее, реагировать молниеносно на нападки Буша, опережая его на несколько шагов. Кандидат от демократов должен был выглядеть динамичнее, смелее, современнее своего конкурента.

Успеху Б. Клинтона сопутствовала экономическая ситуация в США. За десятилетие правления республиканцев (1981–1991 гг.) дефицит федерального бюджета достиг рекордной цифры 290,4 млрд долл., безработица к началу 1990-х гг. превысила 7%, а уровень бедности к 1992 г. достиг 14,8%. Эйфория по случаю окончания холодной войны и победы в ней Соединенных Штатов сменилась пониманием возросшей конкуренции со стороны союзников США. Как метко сказал по этому поводу сенатор-демократ П. Цонгес, холодная война закончилась, и победила в ней Япония» [2. С. 412, 414]. В предвыборном манифесте Б. Клинтона, озаглавленном «Люди прежде всего», утверждалось: «В Европе и Японии экономика наших конкурентов росла в три-четыре раза быстрее, чем наша, потому что их лидеры решили инвестировать в своих людей. Наше правительство этого не делало» [4]. Кандидат от демократов призывал обратить внимание на «забытый средний класс». Особую роль он отводил государственному аппарату, который должен был стать эффективным инструментом решения проблем внутреннего развития.

Посыл Б. Клинтона предполагал существенное повышение инвестиций в так называемый человеческий капитал. Его риторика должна была заинтересовать тех представителей среднего класса, которых традиционно относят к категории технической интеллигенции – инженеров, технологов, менеджеров промышленных предприятий, представителей мелкого и среднего бизнеса, связанного с новыми технологиями. Еще за год до президентских выборов Б. Клинтон заявлял, выступая перед студентами и преподавателями Джорджтаунского университета: «Позвольте мне пояснить: образование – это экономическое развитие. Мы можем только тогда быть страной с высокими уровнями доходов, с высокими темпами роста, если мы являемся страной высококвалифицированных специалистов. В мире, в котором деньги и производство мобильны, единственный способ, при которым представители среднего класса могут сохранить хорошие рабочие места с растущими доходами, – это их стремление к обучению на протяжении всей жизни и к инновациям. Без этих навыков специалистов мирового уровня численность среднего класса, несомненно, продолжит снижаться. А с ними средний класс создаст более высокооплачиваемые рабочие места в Америке в 1990-х годах» [5].

Показательным в плане привлечения внимания «синих воротничков» к кандидатуре Б. Клинтона стал выбор претендента на должность вице-президента. Им стал А. Гор, сенатор от штата Теннеси, считавшийся экспертом в области новых технологий. В 1986 г. Гор инициировал приятие Закона об исследованиях в

целях создания сети суперкомпьютеров. По предложению А. Гора, 9 декабря 1991 г. Конгресс США одобрил законопроект о «Высокоэффективных компьютерных вычислениях», приведший к созданию Национальной информационной инфраструктуры, которая сыграла весомую роль в становлении и развитии Интернета [6]. Многим выбор Клинтона казался странным. А. Гор был почти ровесником Б. Клинтона, тоже южанином, исповедовавшем те же социально-политические взгляды, что и губернатор Арканзаса. То есть он был практически «двойником» Клинтона. Но своим решением кандидат от Демократической партии словно еще раз подчеркивал готовность к переменам, новациям, отказу от устоявшихся клише.

В своей предвыборной риторике Б. Клинтон часто затрагивал весьма болезненную тему безработицы в США. И здесь выход он видел, в том числе, в развитии наукоемкого производства. Он обращал внимание американской аудитории на то, что только 16% американской рабочей силы заняты в производстве, в то время как в Японии эта цифра равна 28%, а в Германии – 32%. Американские ученые изобрели микроволновую печь, видеомагнитофон, цветной телевизор и электронный чип памяти, но большую часть этих продуктов в начале 1990-х гг. производили Япония, Южная Корея и другие страны. «Почему? – задавался вопросом Б. Клинтон, выступая перед представителями съезда работников автомобильной промышленности в Сан-Диего 15 июня 1992 г. – Потому что они больше экспортируют, лучше реализуют свои идеи, превращают их в производственные рабочие места и занимаются новыми областями производства» [7].

В преодолении барьеров на пути развития новых технологий в области робототехники, биотехнологии и компьютеров Б. Клинтон усматривал ключевую роль государства. Он предложил создать гражданское агентство по исследованиям и разработкам для поддержки исследований в нескольких десятках стратегических технологий, которые выступят в качестве основы для запуска новых отраслей экономики. Это агентство должно было координировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), для того чтобы помочь компаниям разрабатывать инновационные технологии и выводить на рынок новые продукты. Тем самым, не препятствуя конкуренции, которая стимулирует инновации, правительство поощряло бы и поддерживало совместные усилия между фирмами и научно-исследовательскими институтами для коммерциализации новых технологий и продуктов. Собственно говоря, то же самое американское руководство делало на протяжении 40 лет холодной войны с оборонными технологиями. Теперь же правительство должно было содействовать демилитаризации НИОКР и увеличению гражданских статей научного бюджета страны.

В выступлении на съезде Национальной ассоциации промышленников в Вашингтоне 26 июня 1992 г. Б. Клинтон вновь ссылался на технологический вызов со стороны Японии. Эта азиатская страна, чье население было в два раза меньше Соединенных Штатов, тратила на коммерческие НИОКР в два раза больше средств в расчете на душу населения, чем США. В настоящее время, указывал Б. Клинтон, на 70% основных американских рынках доминировали иностранные фирмы. Причиной такого немыслимого, по меркам американского сознания, факта было отсутствие эффективной системы сотрудничества правительства, с одной стороны, и малых и средних технологических предприятий – с другой. Для того чтобы осуществить трансформацию идей в производственные рабочие места, правительство, по мнению Клинтона, должно было развивать Программу партнерств по расширению производства, принятую в 1988 г. в целях предоставления технической помощи и поддержки в области менеджмента для малого и среднего бизнеса. Жизненно важным представлялось ускорение трансфера передовых технологий [8].

Тезис Б. Клинтона о необходимости развития высоких технологий и их коммерциализации был озвучен своевременно. 15 сентября 1992 г. кандидатуру губернатора Арканзаса одобрили 30 лидеров высокотехнологичных отраслей в Кремниевой долине. В отличие от кандидата-республиканца Дж. Буша, предвыборный штаб Клинтона акцентировал особое внимание на малоиспользуемом потенциале предпринимателей в сфере инноваций. Доверенным лицом претендента на президентский пост от Демократической партии в Кремниевой долине стал Д. Баррам, вице-президент компании «Эппл Компьютер». Он организовал поддержку Клинтона со стороны руководителей компаний по производству высокотехнологичной продукции. Среди сторонников губернатора Арканзаса оказались даже республиканцы, такие как Дж. Янг, президент «Хьюлет-Паккард» и Дж. Скалли, председатель правления «Эппл Компьютер» [3. С. 476].

Д. Баррам помог подготовить Б. Клинтону план общенациональной политики в области развития технологий. Этот план был изложен на встрече кандидата от демократов с представителями высокотехнологических компаний в Технологическом центре Кремниевой долины в Сан-Хосе 18 сентября 1992 г. План назывался «Технология: двигатель экономического роста». В преамбуле плана утверждалось: «Наше экономическое будущее зависит от способности не только изобретать и осваивать новые технологии будущего, но и обеспечивать быстрое продвижение этих идей на рынок, чтобы стимулировать рост, создавать новые рабочие места и укрепить наши производственные показатели» [9]. Достичь этого планировалось путем постоянного совершенствования технологий производства, увеличения инвестиций в установки, оборудование и НИОКР, в профессиональную подготовку, а также через укрепление отношений высокотехнологичных компаний со своими поставщиками и клиентами и сокращение времени, необходимого для вывода продукции этих компаний на рынок.

Команда Клинтона настаивала на том, что экономические показатели Соединенных Штатов и международное влияние страны в значительной степени зависели от ее технологической базы. В течение последних 50 лет технология обеспечила большую часть прироста производительности США, породила целые новые отрасли промышленности, создала миллионы рабочих мест и была основным источником способ-

ности Америки поддерживать высокий уровень жизни своих граждан. Соединенные Штаты являлись мировыми лидерами в области биотехнологии, информационных технологий, аэрокосмической техники и многих других отраслей производства. Однако в результате интенсивной международной конкуренции США утратили лидерство в сфере коммерциализации технологий. В итоге, утверждал Б. Клинтон, страна теряла контроль над собственным экономическим ростом и процветанием. Если бы рост производительности труда в США в 1970-х и 1980-х гг. увеличивался с той же скоростью, что и в 1950-х и 1960-х гг., уверял губернатор Арканзаса, уровень жизни американской семьи был бы на 40% выше [9].

Перехват лидерства в области технологий зарубежными конкурентами США объяснялся тем, что им удалось разработать новую инновационную систему, которая тесно связала НИОКР с потребностями рынка. Результат был налицо: если в 1975 г. японская автомобильная промышленность занимала лишь 10% рынка Соединенных Штатов, то к началу 1990-х гг. она владела около 30% автомобильного рынка США. И сделала она это, не вкладывая огромные средства в фундаментальные исследования, а совершенствуя имеющиеся технологии, осуществляя строгий контроль качества, достигая быстрого времени выхода на рынок и жестко контролируя запасы товаров [Ibid.].

Фундаментальные исследования, безусловно, нужны стране, утверждал Б. Клинтон. Но их результаты моментально становятся достоянием всего мира, в то время как новые технологии производства усваиваются десятилетиями. Например, исследовательский прорыв в сверхпроводниках, который был достигнут в лаборатории Ай-Би-Эм в Швейцарии, вскоре был подхвачен Японией, Китаем, и в течение нескольких недель – исследователями Соединенных Штатов. В отличие от этого, американским компаниям потребовались годы, чтобы освоить систему бережливого производства, разработанную японской автомобильной промышленностью. Отсутствие продуманной технологической политики виделось команде Б. Клинтона одной из основных причин отставания Соединенных Штатов от некоторых основных конкурентов в деле коммерциализации открытий в сфере фундаментальных исследований.

Причины технологического отставания США были системными и требовали системного ответа. В частности, необходимо было усилить привлекательность технического образования. В рейтинге желаемых профессий американских старшеклассников в начале 1990-х гг. в пятерке самых привлекательных значились профессии юриста, музыканта, психолога, модельера и фотографа. В самом низу рейтинга были профессии инженера-программиста, инженера-механика, химика, инженера-строителя и физика. 40% присуждаемых в университетах США докторских степеней по математике и 30% по физике принадлежали иностранным аспирантам, которые все чаще предпочитали возвращаться домой после окончания университета. В 1990 г. наибольшее число патентов США было выдано японским фирмам «Хитачи», «Тошиба», «Кэнон» и «Митсубиши». Недостаточным казался и уровень государственной поддержки высокотехнологического производства. США инвестировали только 1,9% своего ВНП в НИОКР, в то время как Германия – 2,8, а Япония – 3,0% [9].

Технологическое лидерство США в мире должно стать национальным приоритетом, заявил Б. Клинтон, и ответственным за реализацию этой задачи следует считать правительство. Но пока существовали три препятствия тесному взаимодействию правительства и инновационного бизнеса. Во-первых, это разноплановый характер правительственных технологических программ, охватывающих многие департаменты и агентства, что затрудняет их координацию и управление. Во-вторых, некоторые положения Закона о Федеральном консультативном комитете и Закона о свободе информации позволяют досрочно раскрывать информацию, которая необходима для долгосрочной конкурентоспособности США, предоставляя иностранным конкурентам быстрый доступ к стратегическим технологиям. В-третьих, правила урегулирования конфликта интересов, которые приняты в США, препятствуют участию осведомленных частных лиц в правительственных дискуссиях о том, как повысить конкурентоспособность Америки в ключевых технологиях [Ibid.].

Б. Клинтон заявил, что руководить усилиями по реализации национальной технологической стратегии будет А. Гор, характеризуя его как одного из лучших в стране экспертов в области высоких технологий и телекоммуникации. А. Гору поручалось координировать реализацию шести главных инициатив предвыборной команды Клинтона в сфере развития технологий:

1. Инвестирование в инфраструктуру XXI в. – в технологии высокоскоростной передачи данных. Команда Б. Клинтона предвидела ту роль, которую будет играть Интернет в эпоху информационных технологий. Создание инфраструктуры XXI в. должно было стать важнейшим технологическим драйвером для страны, стимулирующим новые крупные национальные усилия в области НИОКР, создающим большие, предсказуемые рынки, которые будут привлекать значительные инвестиции частного сектора, и аккумулирующим миллионы новых рабочих мест. Интересно, что кандидат от Демократической партии особо отмечал необходимость федеральному правительству отслеживать то, что делают другие государства в этом же направлении. Например, японское правительство уже обязалось инвестировать более 120 млрд долл. к 1995 г. для развития инфраструктуры цифровой широкополосной связи.

2. Создание образовательных и учебных программ для высококвалифицированной рабочей силы. Система образования США должна обеспечить обучение американских рабочих необходимым навыкам в сфере новых технологий. Особенно это важно, подчеркивал Б. Клинтон, для мелких производителей. Им, чтобы конкурировать, недостаточно просто получить доступ к новому оборудованию и новым технологиям, если их рабочие не имеют должных навыков. А в Соединенных Штатах система дополнительного образования и переподготовки была нацелена только на топ-менеджеров или тех граждан, кто потерял работу.

План демократов исходил из того, чтобы компании, с численностью работников больше 50 сотрудников, тратили 1,5% фонда заработной платы для обучения всех рабочих, а не только топ-менеджеров. Но для небольших компаний требовалась помощь государства в обучении сотрудников новым технологиям и методам работы на новом оборудовании.

3. Инвестирование в технологические программы, которые дадут толчок к развитию малого бизнеса Америки. Здоровый и растущий сектор малого бизнеса имеет важное значение для экономического благополучия Америки, утверждал Б. Клинтон. 20 миллионов малых предприятий Америки составляли 40% ВНП Соединенных Штатов, обеспечивая более половины всех рабочих мест. Нужно создать около 170 производственных технологических центров по всей стране, в которых мелкие и средние предприниматели смогут использовать необходимое оборудование, внедрять лучшие деловые практики и изучать передовые технологии производства. Государство должно поддерживать проекты, создаваемые в подобных центрах, по принципу 50 на 50% финансирования, где половинная доля приходится на федеральные средства, а вторую половину составят частные инвестиции.

4. Переориентация федеральных программ НИОКР на критические технологии, повышающие конкурентоспособность американской промышленности. В настоящее время, подчеркивал Б. Клинтон, 60% расходов федерального бюджета, предназначенного для НИОКР, приходилось на различные оборонные программы и только 40% – на так называемые непрофильные программы, т.е. охватывающие гражданский сектор экономики. По крайней мере, в ближайшие три года, настаивал губернатор Арканзаса, федеральное правительство должно сбалансировать это соотношение на уровне 50 на 50%, что позволило бы высвободить более 7 млрд долл. для НИОКР в области невоенных технологий.

Б. Клинтон уточнил, какие именно технологии он имел в виду. Это, в первую очередь, разработка современного компьютерного оборудования и электронных сетей, которые позволят американским заводам работать так же быстро и эффективно, как это делали их японские коллеги. Невоенные технологии также включали гибкую микро- и нанообработку, моделирование производственных процессов, развитие параллельной инженерии, экологически безопасное и бережливое производство.

5. Использование национальных инвестиций в НИОКР. На текущий момент, как отмечалось в плане демократов по развитию технологий, в Соединенных Штатах было 726 научных лабораторий, финансируемых государством, с коллективным бюджетом в 23 млрд долл. Распределение средств среди этих лабораторий отражало приоритеты, которыми руководствовались Соединенные Штаты во время холодной войны. Лаборатории и промышленность сотрудничали в основном в области обороны, в то время как задача государства, настаивал Б. Клинтон, – переориентировать это сотрудничество в сферу разработки технологий для коммерческого использования.

Для повышения конкурентоспособности США уже несколько лет реализовывалась Программа развития передовых технологий. Ее курировал Национальный институт стандартов и технологий (НИСТ) Департамента торговли США. Целью программы было разделение затрат с промышленностью для ускорения развития и широкого распространения новых технологий с высокой степенью риска, которые обещают большие экономические выгоды для страны. Б. Клинтон предлагал удвоить финансирование НИСТ.

6. Создание бизнес-среды мирового уровня для инвестиций в частный инновационный сектор экономики. Для того чтобы восстановить промышленное и технологическое лидерство США, Б. Клинтон настаивал на необходимости изменений в политике налогообложения, торговли и регулирования: «В глобальной экономике, в которой капитал и технологии становятся все более мобильными, мы должны быть уверены, что Соединенные Штаты имеют лучшую бизнес-среду для инвестиций в частный инновационный сектор». Упрощение контроля за экспортом должно привести к сокращению бюрократической волокиты, которая подрывала конкурентоспособность американских товаров. В случае победы на выборах 1992 г. Б. Клинтон обещал работать над созданием продуктивного партнерства между правительством, исследовательскими лабораториями, университетами и бизнесом [10].

Этот план был с воодушевлением встречен представителями высокотехнологических компаний. Б. Клинтон выгодно смотрелся на фоне своего главного соперника Дж. Буша, который с сомнением относился к идее партнерских отношений между правительством и руководителями промышленных отраслей. Откровенно говоря, Дж. Буш вообще старался не затрагивать тему технологической политики и инноваций в своих предвыборных выступлениях, предпочитая обходиться общими фразами на эту тему. В отличие от кандидата Республиканской партии, Б. Клинтон имел продуманную стратегию поддержки производства высокотехнологической продукции в США и активно эту стратегию отстаивал в ходе своей избирательной кампании.

На президентских выборах Б. Клинтон победил с впечатляющим результатом, получил 370 голосов выборщиков, в то время как у Дж. Буша оказалось лишь 168 голосов. Важно то, что Б. Клинтон получил наибольшее число голосов представителей «среднего класса». По данным Корнельского университета, за Б. Клинтона проголосовал 41% американских граждан, чей годовой доход составлял от 30 до 50 тыс. долл. У Дж. Буша этот показатель был равен 38% (а на предыдущих выборах 1988 г. – 57%) [11, 12]. Анализируя результаты выборов, влиятельная «Нью-Йорк Таймс» признавала, что победа Б. Клинтона во многом объяснялась его продуманной избирательной кампанией, в которой центральное место занимали вопросы экономики и интересы «забытого среднего класса». По данным, которыми располагало это периодическое издание, 4 из 10 избирателей называли проблемы трудоустройства и экономики определяющими их выбор, и лишь 1 из 10 признавал, что на его

электоральные предпочтения влияли вопросы внешней политики [13].

Тема государственной инновационной политики заняла одно из центральных мест в предвыборной риторике Б. Клинтона. Это позволило привлечь на сторону кандидата от Демократической партии значительное число «синих воротничков». Пожалуй, ни один из кандидатов на пост президента США до Б. Клинтона не уделял такого внимания вопросам высокотехнологического производства и развития данного сектора экономики. Причиной этого было то, что команда Клинтона сумела правильно оценить вызовы, стоящие перед Америкой. Вектор развития мира определялся уже не военно-политическим противостоянием, а торгово-экономической конкуренцией, в которой выигрывали наиболее динамичные, мобильные и технологичные игроки. Пример Кремниевой долины показывал, что губернатора Арканзаса поддержал даже ряд влиятельных республиканцев из числа представителей инновационного бизнеса. В итоге Б. Клинтон представил новый ориентир развития американского общества. Им должны были стать качественно новая политика государства по поддержке инноваций, с одной стороны, и укрепление деятельного среднего класса, занятого в сфере производства, – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашов А.В. Билл Клинтон – кандидат от Демократической партии США на президентских выборах 1992 года. Уникальный политик или один из многих? // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1, вып. 2. С. 55–63.
2. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. 503 с.
3. Клинтон Б. Моя жизнь: пер. с англ. М., 2005. 1088 с.
4. Putting People First. A National Economic Strategy for America. Governor Bill Clinton. 1992. June 21. URL: http://www.ibiblio.org/pub/ academic/political-science/speeches/clinton.dir/c20.txt (дата обращения: 23.09.2017).
5. “A New Covenant for Economic Change” Georgetown University. 1991. November 20. URL: http://www.ibiblio.org/pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c25.txt (дата обращения: 25.09.2017).
6. Kahn R., Cerf V. Al Gore and the Internet // The Register. 2000. October 2.
7. Remarks by Governor Bill Clinton. United Auto Workers Convention, San Diego, California. 1992. June 15. URL: http://www.ibiblio.org/ pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c22.txt (дата обращения: 22.09.2017).
8. Remarks by Governor Bill Clinton. National Association of Manufactures, Washington, D.C. 1992. June 26. URL: http://www.ibiblio.org/ pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c14.txt (дата обращения: 19.09.2017).
9. Technology: The Engine of Economic Growth. URL: http://www.ibiblio.org/pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c125.txt (дата обращения: 25.09.2017).
10. A Technology Policy for America. Six Broad Initiatives by Bill Clinton. 1992. September. URL: https://www.eff.org/ru/effector/3/8 (дата обращения: 21.09.2017).
11. How Groups Voted in 1992. URL: https://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1992 (дата обращения: 22.09.2017).
12. How Groups Voted in 1988. URL: https://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1988 (дата обращения: 20.09.2017).
13. Toner R. The 1992 Elections: President – The Overview; Clinton Captures Presidency with Huge Electoral Margin. URL: http:// www.nytimes.com/1992/11/04/us/1992-elections-president-overview-clinton-captures-presidency-with-huge.html?pagewanted=all (дата обращения: 25.09.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 12 января 2019 г.

The Subject of the State Innovation Policy in the Election Campaign of the US Presidential Candidate Bill Clinton in 1992

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 183–188.
DOI: 10.17223/15617793/441/24

Tatiana B. Rumyantseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rtb98@mail.ru

Keywords: Bill Clinton; election campaign; US innovation policy; high-tech development.

The aim of the article is to identify the role of the state innovative policy in the election campaign of the US presidential candidate Bill Clinton in 1992. Objectives of the article include determination of significance of the subject of innovative policy in the electoral success of Bill Clinton and identification of specific proposals of the Democratic candidate in the development of high-tech production in the United States during the election campaign of 1992. Research methods include the content analysis of Clinton’s speeches as well as the historical and biographical method of research. The article is written based on Clinton’s memoirs, his pre-election speeches, policy statements and statistical data. Results of the study allow to conclude that the subject of state innovation policy has taken one of the central places in the pre-election rhetoric of Bill Clinton. It attracted a significant number of voters employed in the sphere of high-tech production to the side of the Democratic candidate. Clinton’s team was able to correctly assess the challenges facing America and offer a new guide for development of the American society. This guide included a qualitatively new state innovative policy and strengthening of the active middle class engaged in production. According to Clinton, the technological lag in the United States was systemic, and required a systemic response; in particular, he proposed to increase the attractiveness of technical education. Clinton also stated that US technological leadership in the world should become a national priority and the government should be responsible for this task. In addition, Bill Clinton presented six main initiatives in the field of technology development: (1) building a 21st-century technology infrastructure – the technology of high-speed data transmission; (2) establishing education and training programs for a high-skill workforce; (3) investing in technology programs that empower America’s small businesses; (4) increasing dramatically the percentage of federal R&D for critical technologies; (5) leveraging the existing federal investment in technology to maximize its contribution to industrial performance; (6) creating a world-class business environment for private sector investment and innovation. Representatives of high-tech companies approved this plan. Bill Clinton looked favorably against his main rival George Bush, who was doubtful about the idea of a partnership between the government and industry leaders. Thus, unlike the candidate of the Republican Party, Clinton had a thought-out strategy to support the development of high-tech products in the United States and actively defended this strategy during his election campaign. In the presidential election, Clinton won

with an impressive result and received the highest number of votes from the ‘middle class’. The theme of state innovation policy played an important role in Clinton’s election rhetoric.

REFERENCES

1. Romashov, A.V. (2005) Bill Klinton – kandidat ot Demokraticheskoy partii SShA na prezidentskikh vyborakh 1992 goda. Unikal’nyy politik ili odin iz mnogikh? [Bill Clinton, a candidate from the US Democratic Party in the 1992 presidential election. A unique politician or one of the many?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1 (2). pp. 55–63.

2. Pechatnov, V.O. (2008) *Ot Dzheffersona do Klintona: Demokraticheskaya partiya SShA v bor’be za izbiratelya* [From Jefferson to Clinton: US Democratic Party in the fight for voter]. Moscow: Nauka.

3. Clinton, B. (2005) *Moya zhizn’* [My Life]. Translated from English by M. Nikol’skiy et al. Moscow: Al’pina Biznes Buks.

4. Clinton, B. (1992) *Putting People First. A National Economic Strategy for America*. June 21. [Online]. Available from: http://www.ibiblio.org/pub/ academic/political-science/speeches/clinton.dir/c20.txt. (Accessed: 23.09.2017).

5. Clinton, B. (1991) *“A New Covenant for Economic Change”*. Georgetown University. November 20. [Online]. Available from: http://www.ibiblio.org/pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c25.txt. (Accessed: 25.09.2017).

6. Kahn, R. & Cerf, V. (2000) Al Gore and the Internet. *The Register.* October 2.

7. Clinton, B. (1992) *Remarks by Governor Bill Clinton*. United Auto Workers Convention, San Diego, California. June 15. [Online]. Available from: http://www.ibiblio.org/ pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c22.txt. (Accessed: 22.09.2017).

8. Clinton, B. (1992) *Remarks by Governor Bill Clinton*. National Association of Manufactures, Washington, D.C. June 26. [Online]. Available from: http://www.ibiblio.org/ pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c14.txt. (Accessed: 19.09.2017).

9. Clinton, B. (n.d.) *Technology: The Engine of Economic Growth*. [Online]. Available from: http://www.ibiblio.org/pub/academic/political-science/speeches/clinton.dir/c125.txt. (Accessed: 25.09.2017).

10. Clinton, B. (1992) *A Technology Policy for America. Six Broad Initiatives by Bill Clinton.* September. [Online]. Available from: https://www.eff.org/ru/effector/3/8. (Accessed: 21.09.2017).

11. ROPER. (2017) *How Groups Voted in 1992*. [Online]. Available from: https://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1992. (Accessed: 22.09.2017).

12. ROPER. (2017) *How Groups Voted in 1988*. [Online]. Available from: https://ropercenter.cornell.edu/polls/us-elections/how-groups-voted/how-groups-voted-1988. (Accessed: 20.09.2017).

13. Toner, R. (1992) *The 1992 Elections: President – The Overview; Clinton Captures Presidency with Huge Electoral Margin*. [Online]. Available from: http:// www.nytimes.com/1992/11/04/us/1992-elections-president-overview-clinton-captures-presidency-with-huge.html?pagewanted=all. (Accessed: 25.09.2017).

Received: 12 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 189–195. DOI: 10.17223/15617793/441/25

УДК 94(497.11)

Р.С. Селезенев, Ю.В. Ковтунова

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕРБИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. И ПРОЯВЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ К ЭМАНСИПАЦИИ

Ставится задача изучить положение женщины в Сербии к концу эпохи Нового времени, в том числе проанализировать процесс женской эмансипации. Авторы показывают, каким образом менялось положение женщины под влиянием модернизации в разных сферах сербского общества – в городе, деревне, в системе образования, быту и законодательстве. Сделан вывод, что к началу XX в. расширение прав женщин только наметилось, но в городе их статус изменился значительно.
Ключевые слова: Сербия; модернизация; положение женщины; эмансипация; Новое время.

Изучение положения женщины в традиционном обществе – это всегда интересная исследовательская задача. Особенный интерес она приобретает, когда мы обращаемся к обществу, которое переживает процессы модернизации. При этом положение женщины всегда являлось одним из важнейших маркеров (показателей) тех изменений, которые происходили в условиях общественной трансформации.

В этом отношении история Сербии второй половины XIX – начала XX в. дает нам отличный материал для постановки подобной исследовательской задачи. Для формирующегося сербского княжества вторая половина XIX столетия – это начало процесса догоняющей модернизации (вестернизации). Сложности и «гримасы» сербской модернизации активно изучаются в историографии [1]. Однако такая исследовательская проблема, как изменение положения женщины в условиях модернизационных трансформаций пока только ставится [2, 3]. Вместе с тем важность изучения данной проблемы нельзя недооценивать – «весь XIX век для женщины – это поиск ее социальной идентичности… между признанием и отрицанием ее права на существование в качестве субъекта, гражданки, члена общества» [4].

Применительно к Сербии XIX в. мы имеем дело с традиционным, патриархальным, крестьянским обществом. Естественно, это сказывалось и на положении женщины, которая была не равноправна с мужчиной по определению – как в быту, так и на законодательном уровне.

Наибольшим образом неравноправие проявлялось, конечно же, в деревне, где статус женщины определялся традицией функционирования такого общественного института, как задруга (община) [5]. В данном объединении четко прописывались права и обязанности мужчин и женщин. Было конкретно определено, что «главой» женской половины в доме являлась «редуша», которая занималась приготовлением пищи, уборкой, прислуживала за столом, присматривала за детьми.

Конечно, неравноправие женщины в Сербии не было абсолютным и преувеличивать его не стоит. По меткому замечанию одного из современников, «у сербов жена и подчинена мужу, но она никогда не унижается до положения рабыни» [6. С. 49]. И самому простому сербскому крестьянину не были чужды восхищение женской красотой, почитание матери, сестры. Можно вспомнить традицию побратимства и посестримства. В сербском народном фольклоре сохранилось немало пословиц и поговорок, где образ женщины представлен с положительной стороны: «Дом покоится на жене, а не на земле» [6. С. 49], «Хорошая жена пустой дом делает полным», «Более ценно то, что жена сэкономит, чем то, что муж заработает», «Мужчина не может стать мужчиной, пока его жена не крестит» и др. [7] Таким образом, некая основа для повышения статуса женщины в сербском обществе существовала.

Вестернизация изменила многие традиционные институты сербского общества. Но, проникновение в деревню модернизационных начинаний происходило крайне медленно и вызывало сопротивление.

Очевидно, что основные изменения в устоявшемся укладе крестьянского мира должны были происходить в городе. Именно здесь наблюдается размывание традиций, внедрение не характерных для общества мировоззренческих практик. Это не могло не коснуться и статуса женщины в сербском «мужицком» царстве.

Именно в городе прозвучало слово *эмансипация:* «Сербская женщина все еще живет под деспотией мужа, но в Белграде она значительно эмансипировалась…» [8. С. 58].

В чем же проявились тенденции к эмансипации в сербском городе? Для русских путешественников, посещавших Сербию во второй половине XIX в., важнейшим критерием эмансипированности городской женщины стали осознание последней своего неравноправного положения и попытка преодолеть данную ситуацию [3]. И, наоборот, покорность, необразованность сельской девушки не позволяли ей осознать свое положение: «В крестьянской семье женщина работает поистине как вьючное животное… но, к сожалению, ее умственное развитие так не широко, что она даже не осознает своего унизительного положения, считая его совершенно в порядке вещей… и только среди более образованных кругов Сербии в женщинах пробудилось чувство человеческого достоинства, и они требуют для себя человеческих прав…» [9. С. 593].

В чем же еще проявлялась эмансипация? Прежде всего, в том, что жительница города могла себе позволить пренебречь некоторыми устоявшимися традициями. Например, не шить самой одежду на собственную свадьбу, а заказать у портного [10. С. 407–408], при наличии прислуги проводить дни в безде-

лии, пренебрегая домашними обязанностями, или не целовать руку мужчине при встрече, или стать инициатором развода, что в общине было представить достаточно сложно.

Показательно, что изменения в традиционном положении женщины происходили не только в Сербии, но и в других балканских землях. В Черногории современники также отмечали некоторые изменения в статусе женщины: «…местные нравы смягчаются. Теперь вы видите мужей с женами, гуляющих и нежно воркующих, тогда как 15 лет назад черногорец счел бы за великий позор для себя появиться на улице с женой» [11. С. 72].

Медленно, но менялось и законодательство в отношении статуса женщины в обществе. Вопрос законодательства Сербии XIX в. довольно непрост для понимания. Дело в том, что начиная с 30-х и вплоть до 70-х гг. XIX в. в Сербии действовали как бы две законодательные традиции – традиционная османская и формирующаяся национальная. И хотя первая со второй половины столетия становилась все более формальной, нельзя игнорировать ее влияние на сербское общество.

О непростом положении женщины в исламском обществе всем известно, и, конечно же, женщины-христианки не могли быть более свободными в нем, чем женщины, исповедующие ислам. Однако в период танзимата принимается Гюльхайский хатт-и шериф (1839 г.), который должен был уравнять в правах мусульманское и немусульманское население и дополнял его хатт-и хумаюн (1856 г.) [12]. В частности, в хатт-и хумаюне 1856 г. содержалось подобное утверждение: «…все подданные моей империи, без всякого различия, будут принимаемы в гражданские и военные школы правительства, если только удовлетворят условиям возраста и экзамена, определенным в органических регламентах сих школ» [13]. Относилась ли данная норма к женщинам, сказать сложно, тем не менее нельзя не отметить определенную тенденцию к сближению правового статуса мусульманского и немусульманского населения в империи.

Однако уже к концу 60-х гг. XIX в. зависимость Сербии от Порты становилась сугубо формальной, а к концу 70-х гг. сербы даже формально перестали быть поданными султана. Поэтому с этого времени нет оснований говорить о влиянии османского законодательства на сербскую действительность.

Что касается формирующегося национального сербского законодательства, то по его нормам еще к середине века статус женщины был однозначным. Так, в Гражданском законнике 1844 г. указывалось, что «жена обязана слушаться своего мужа, исполнять его приказания, следовать за ним и жить с ним, где он заблагорассудит; помогать по мере своих сил в хозяйстве, в приобретении и, в особенности, в сохранении имущества, смотреть за порядком и чистотой в доме, заботиться в особенности о детях, содержать и сохранять их в чистоте и благонравии» [2. С. 31].

Конституция 1869 г. не внесла серьезных изменений в данную ситуацию. Согласно данному нормативно-правовому акту женщина не только не расширяла перечень своих прав, а закрепляла за собой «второстепенное» положение: избирать депутатов на скупщину могли только представители мужского населения и на особых условиях (возрастной и налоговый ценз), она даже не имела основных гражданских свобод, включающих свободу слова, печати, личности и т.д.

В противовес главному сборнику законов страны 1869 г., спустя почти 20 лет принимается Конституция 1888 г. Современники, а позже и историки, по праву назовут ее «наиболее демократической из всех бывших в Сербии» [14. С. 205]. Стоит принять во внимание, что она уравнивала мужское и женское население в основных гражданских правах: провозглашалась свобода личности, печати, собраний и союзов. Вводилось всеобщее избирательное право, позволяющее женщине участвовать в политической жизни государства. Следовательно, наблюдается значительный успех в официальном признании и установлении различных прав и свобод женщин Сербии в конце XIX в.

Необходимо, однако, несколько разграничить то, что было de jure и то, что было de facto. Даже если мы сейчас посмотрим на современное общество, все ли население ответственно принимает участие в выборе главы государства, города, состава парламента и т.д.? Тем более в XIX в. – большинство женщин, прежде не интересовавшихся политической жизнью общества, попросту не пользовались своими избирательными правами, но, тем не менее, ими наделялись. Много ли женщин тотсас начали формировать (или вступать в уже существующие) собрания и союзы с целью донести до общества и отстоять свои идеи, дискутировать на политические темы? Скорее этими правами активно, насколько это возможно, пользовалась просвещенная женская «элита», которая обучалась в университете в Белграде или за рубежом и которая больше подверглась влиянию Запада и России.

Затрагивая инокультурное влияние, отдельно хотелось бы остановиться на «размывании» некоторых традиций и обычаев, связанных с ролью женщины в сербском обществе.

Русские путешественники, посещавшие Сербию во второй половине XIX – начале XX в. отмечают, что даже в деревне видоизменяются и исчезают некоторые традиции.

Русский этнограф И.С. Ястребов в своем труде «Обычаи и песни турецких сербов» неоднократно сетовал на то, что многие традиции и обычаи перестают соблюдаться молодым поколением сербских девушек [10. С. 96–97]. Эти записи относятся к 60–80-м гг. XIX в., когда он служил русским консулом в Сербии. Он отмечает, что меняется и поведение сербских девушек: «Недале – как 15 лет тому назад – даже в домах с ними нельзя было не только говорить, но и видеться. Только в последнее время, благодаря цивилизаторской деятельности учителей, женщины начали принимать гостей, показываться им, подавать руку, и даже перестали целовать руку каждому встречному, поперечному…» [10. С. 295].

Впрочем, тут же И.С. Ястребов указывает, что речь идет об отдельных случаях, в целом же образ жизни сельской девушки мало изменился. Надо учитывать, что русский этнограф путешествовал по так

называемой Старой Сербии (Косово и Метохия – города Печ, Призрен и др.), где уже тогда был очень высок уровень влияния мусульманских традиций в быту. Не случайно автор отмечает, что здесь «образ жизни сербской христианки не многим отличается от мусульманок» [10. С. 294]. Даже внешне их порой было сложно отличить, и после случая, когда мусульманин напал на женщину-мусульманку, приняв ее за христианку, власти особым распоряжением установили различия в одеждах христианок и мусульманок [10. С. 295].

Менялась не только одежда, но и традиционные приемы ее изготовления, например вышивка. Здесь интересным представляется сохранившийся этнографический материал [15]. Современные исследователи отмечают, что закат народной орнаментики связан с трансформацией традиционной культуры под влиянием европейских нововведений в моде. В этой ситуации ключевую роль сыграло проникновение на сербский сельский рынок товаров фабричного производства, заменивших трудоемкие аналоги домашнего ткачества и женского рукоделия. «Наши старые народные узоры теряются и исчезают, а их места занимают современные и чужие, несоответствующие нашему народу» [15. С. 59]. К началу XX в. были утраченные многие знания, связанные с традиционной сербской вышивкой, этот своеобразный язык был непонятен новому поколению сербских рукодельниц.

Государство весьма своеобразно реагировало на подобную деформацию традиции. В конце XIX в. в сербских газетах все чаще стали писать о том, что появившиеся в магазинах «предметы роскоши» негативно влияют на поведение женщин, что наносит удар по патриархальным ценностям сербской семьи. Поэтому в конце XIX в. на законодательном уровне пытались ограничить перечень товаров, продаваемых в сельских магазинах. В частности, разрешалась продажа расчесок и мыла, но запрещалась продажа зеркал [16. С. 82]. Подобные меры являлись, видимо, попыткой сохранить от разрушения сельскую задругу – большесемейную общину.

Однако в городе к началу XX в. масштаб изменений традиционного сербского общества был довольно ощутим, и их уже было не остановить. Это проявилось и в поведении горожанок, о чем пишут, например, русские эмигранты: «Всюду настоящие парижские туалеты, альпийские тросточки на прогулках, кинг-чарльзы и похожие на волков немецкие овчары в шикарных автомобилях, меха, драгоценности. Мужчины в галошах, дамы в меховых ботиках! И вместе с тем, само собою, нездоровая волна всяких танцулек, непристойных фокстротов и прочее и прочее, о чем лучше и не говорить» [17. С. 161]. «Белградскую студентку трудно отличить от демомондки (дамы полусвета): короткое платье, шелковые чулки, разукрашенное помадами и шминкой до безобразия лицо, разговор о балах, о танцах, платьях и кавалерах, мечта выйти богато замуж – вот занятия белградской студентки» [18. С. 391–392].

Таким образом, углубляясь в тему инокультурного влияния, стоит отметить усиливающееся веяние западной моды, которая допускала и даже поощряла во внешнем виде некоторую светскость, шик, использование косметики, а также в среде развлечений – танцы. Последние благодаря деятельности русских женщин стали играть огромную роль в самореализации сербок в данный период. Первоначально балетом занимались лишь «низы общества» – дочери слуг, основной целью которых было получение субсидий. Несколько позже благородные семьи, интеллигенция полностью вытеснили «детей кухарок» из этой области [17. С. 165]. Соответственно, можно сделать вывод, что в начале XX в. девушки имеют шанс проявить себя в сфере культуры, заниматься искусством, а не только работать по дому или преподавать науки в школе.

Развитие женского образования – это, безусловно, один из ключевых вопросов в попытке оценить степень эмансипации женщин в Сербии во второй половине XIX – начале XX в. Проблеме развития образования в Сербии в Новое время посвящено достаточно большое количество литературы [19]. И здесь сложилось достаточно устойчивое понимание, что главной проблемой являлось несоответствие прилагаемых государственных усилий и итогового результата – в традиционном сербском обществе существовало сильно осознанное и неосознанное сопротивление попыткам государства ввести всеобщее начальное образование. Так, в 1883 г. был принят закон о всеобщем бесплатном и обязательном образовании. Но, к сожалению, он не привел к видимым результатам, процент грамотных в 1890 г. оставлял желать лучшего – 14%, в 1900 г. – 21%, в 1911 г. ситуация несколько меняется в положительную сторону – 30% [20].

Особенно сильно сопротивление со стороны общества наблюдалось в сфере женского образования. В этом смысле показательна дискуссия, которая развернулась на Скупщине вокруг открытия Высшей женской школы в 1879 г. Депутаты от крестьян с трибуны заявляли буквально следующее: «От такой школы больше веет духом аристократии и барства, чем духом труда, и это в то время, когда нам и нашей стране необходимы хозяйки, хорошие супруги и матери, а не фальшивые баре и аристократы…» [19. С. 99]. В 1902 г. один из крестьянских депутатов заявлял с трибуны, «что от женского образования всегда было больше вреда, чем пользы…» [Там же]. В этой ситуации не стоит удивляться словам сельских обывателей, которые приводит в своих воспоминаниях П.А. Ровинский: «Хотят, чтоб мы своих девочек туда (в школу) посылали. Это еще к чему? Да моя дочь и дома выучится всему, что ей надо. Выдам я и без того свою дочь за лучшего человека, войдет она в богатый дом, в полное хозяйство; не книжки ей тогда читать…» [21. С. 82].

И здесь мы вновь находим некое сопряжение традиций в разных балканских землях. А.Ф. Гильфердинг в своем описании путешествия по Боснии (г. Сараево) приводит реплику, которую он услышал от одного боснийского купца: «…какая надобность девушке учиться? Будет знать грамоту, так станет писать любовные письма молодым людям…» [22. С. 128]. Вполне объяснимо, что система женского образования в Сербии развивалась преимущественно в городах, где в нем возникала потребность. Еще в

законнике 1844 г. говорилось о важности развития женского образования. В 1846 г. было выпущено специальное постановление о женских школах, а еще в 1845 в г. Парачин открывается первая женская школа [23. С. 534–535]. В 1883 г., как уже говорилось, выходит закон о всеобщем образовании. Открывались новые школы, где не только обучали женщин, но и где обучали сами женщины. Так, Е.И. Витте отмечает, что в некоторых частных женских гимназиях «преподавание почти все в руках женщин… и в этом сербы опередили нас…» [24. С. 363].

К концу столетия система женского образования в Сербии была представлена начальными женскими школами, рядом частных пансионов, а также Высшей женской школой (в двух городах – Белграде и Крагуеваце). На рубеже 80–90-х гг. в Сербии насчитывалось около 60 женских начальных школ, где обучалось около 8 тыс. учениц. Кроме того, был целый ряд частных школ, где также обучались девочки [25]. Большой проблемой для продолжения высшего образования для девушек являлось отсутствие, до 1905 г., гимназического образования, которое было условием для поступления в вуз. Только в 1906 г законом вводится возможность совместного обучения девочек и мальчиков. В 1913 г. в Белград из Черногории был переведен Мариинский девичий институт [26]. Весьма показателен тот факт, что после 1882 г. из числа всех студентов, отправленных за границу на обучение, 5% были женщины [23].

Развитие системы начального, среднего и высшего образования в городе способствовало появлению отдельных ярких личностей, образованных женщин, которые своей деятельностью одновременно и символизировали, и продвигали те изменения, которые происходили в сербском обществе.

Найти примеры ярких и успешных женщин в сербском «мужицком царстве» XIX столетия не так просто. Что наполняло публичную сферу сербского княжества в Новое время? Политика да война! На протяжении большей части столетия вы не найдете здесь следов женщины. Лишь к концу XIX – началу XX вв. можно говорить о каком-то влиянии женщины в публичной политике сербского княжества. Наталья Обренович (Кешко), Драга Обренович (Луневица) – по крайней мере, этим двум женщинам суждено было сыграть определенную роль в политической истории Сербии на рубеже эпох [27].

Только к концу столетия в публичной сфере сербского княжества (королевства) все чаще можно встретить женское присутствие. Мы находим упоминание женщин в различных сферах общественной жизни: Драга Лёчич – первая женщина-сербка, получившая степень доктора медицины (в Цюрихском университете), супруга Раша Милошевича, одна из основателей Радикальной партии Сербии [23]; Миловук Екатерина (1844–1913) – педагог и директор Высшей женской школы в Белграде, автор ряда учебников и пособий для школ [28; 29. С. 226.]; Елена Дмитриевич (1862–1945) – известная писательница; Исидора Секулич (1877–1958) – писательница, учитель, переводчик, первая сербская женщина-академик, первая женщина, возглавившая Союз писателей Сербии [30]; Милица Томич (1859–1944) – сербская писательница, феминистка, журналистка и политик, как депутат в 1918 г. участвовала в работе Великой народной скупщины в Нови-Саде [31].

В своих произведениях сербские писательницы открыто поднимают женский вопрос, темы, связанные со свободой женщины. Отправляясь в путешествия, они подчеркивают, что «прошли времена, когда женщины не путешествовали одни», «мы надышались драгоценного воздуха свободы», «мне это кажется женским капризом: что хочу – сделаю, любой ценой…» [30. С. 286]. Логичным выражением подобных настроений стал роман Е. Дмитриевич «Новые женщины». В 1911 г. другая известная персона Милица Томич основала журнал «Женщина», который выходил до 1921 г., в нем пропагандировались идеи эмансипации и феминизма в сербском обществе [31].

Успехи в сфере образования открывали перед прекрасным полом новую проблему – трудоустройство. Мужчины-работодатели негативно относились к найму женщин. Так, бывшие студентки, обучавшиеся за рубежом и в Белграде, по приезде сталкивались с отказом и были вынуждены кардинально менять место жительства. Одна из первых, кто взялся за решение данной проблемы, – Д. Лёчич, начавшая в 1903 г. работу над юридическим проектом по равному трудоустройству мужчин и женщин [23].

Еще одним результатом должно было стать организационное оформление общественной борьбы женщин. В 1903 г. в Белграде была основана женская организация «Коло српских сестара» [32]. Изначально она ставила своей целью достижение равноправия женщин, и получила особую известность благодаря благотворительной, национально-патриотической и просветительской деятельности. Первая председатель организации – Савка Суботич. В ходе войн начала XX в. ее члены выступали в роли сестер милосердия [29. С. 475]. В 1910 г. уже упоминаемая Милица Томич открыла «Сербский женский читальный зал» в Нови-Саде, где могли собираться женщины разных слоев. Годом позже было основано Благотворительное общество женского читального зала «Посестриме» [31]. Деятельность успешных женщин оказала огромное влияние на изменение положения женщин в обществе, на развитие процессов эмансипации в дальнейшем.

Таким образом, подводя итоги по теме развития эмансипации женщины в сербском обществе во второй половине XIX – начале XX в., необходимо отметить, что расширение прав прекрасной половины населения только наметилось. И, безусловно, стоит согласиться с современником, который заметил, что «сербский народ еще далек от эмансипации женщин в том виде, в каком стремятся к ней некоторые философы и политики запада…» [6. С. 49].

Отчасти эмансипация в Сербии развивалась как инициатива сверху, через активизацию законодательной верхушки «мужицкого царства», ориентирующейся на западноевропейские идеи, ценности, образцы и опыт. По большому счету, женская эмансипация становилась своеобразным последствием проникновения в сербское общество западных ценностей. De jure вводились гражданские свободы, политические

права, право на получение образования и трудовую деятельность. Но традиционное сербское общество к данным веяниям готово не было. Что-то внедрялось медленно, что-то вызывало сопротивление. Значимым показателем и одновременно двигателем женской эмансипации стало развитие системы образования. Из числа образованных сербских женщин выделялись наиболее яркие личности, деятельность которых есть показатель процессов эмансипации снизу. Однозначно можно утверждать, что во второй половине XIX в. была заложена основа серьезного изменения положения женщины в перспективе, но уже в XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) : сб. статей. СПб. : Алетейя, 2007. 376 с.
2. Румянцева А.А. Положение сербской женщины в 1860-е годы (по свидетельству П.А. Ровинского) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М. : Логос, 2003. Вып. 1.
3. Селезенев Р.С. Положение сербской женщины в условиях догоняющей модернизации (вестернизации) глазами русских наблюдателей (вторая половина XIX века) // Сербские научные исследования 2012: сб. науч. ст. М. : Экон-информ, 2013. С. 286–294.
4. Айвазова С.Г. К истории феминизма // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 153–168.
5. Селезенев Р.С. Задруга и вестернизация: сербская община в условиях догоняющей модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1, № 2 (54).
6. Демелич Ф. Обычное право южных славян по исследованиям д-ра Богишича / соч. Федора Демелича; пер. с фр. [и предисл.] В. Гецевича. М. : Унив. тип. (Катков), 1876. 130 с.
7. Паутова У.В. Репрезентация концепта «жена» (женщина) в сербских и хорватских пословицах // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 9, вып. 4.
8. Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. СПб. : Алетейя, 2006. Т. 1.
9. Пименова Э.К. Сербия. Пг., 1916. // Русские о Сербии и сербах. СПб. : Алетейя, 2006. Т. 1.
10. Ястребов И.С. Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). СПб., 1886. С. 459.
11. Юхманкова Г. Бьет – значит любит. Черногорские женщины в XIX веке // Родина. 2006. № 1. С. 70–73.
12. Сквозников А.Н. Правовое положение немусульманских подданных в Османской империи в XVI–XIX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2015. № 1–2 (17). С. 3–14.
13. Хатт-и хумаюн 1856 г. URL: http://www.illuminats.ru/component/content/article/34-2009-10-23-23-02-38/1834-hutt-humayun (дата обращения: 15.02.2018).
14. Раич С. Парламентаризм в Сербии: первые опыты и проблемы // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. 44 (июнь). С. 204–211.
15. Михайлова А.А. Феномен сглаза и обережные мотивы в сербской традиционной вышивке: поиск актуального подхода к изучению этномузеологического наследия // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20).
16. Михайлова А.А. Сербия начала XX в. в отражении этнографических источников: вещевых коллекций, фотоматериалов и документов из фондов Российского этнографического музея // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2016. № 9, вып. 3. Сер. Балканика.
17. Из очерков писателя, поэта и переводчика Г.Я. Виллиама «Русская эмиграция в Сербии» – о влиянии эмигрантов из России на культурную сферу жизни сербского общества // Москва – Сербия / Белград – Россия: Русско-сербские отношения 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / авт.-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М. : Главархив Москвы, 2017. Т. 4. 1026 с.
18. Из отчета, представленного в ВОКС начальником лесоустроительных работ 2-го района Уральской области Драгомиром Миловановичем, о результатах месячного пребывания в Югославии и о перспективах налаживания культурных контактов с югославской интеллигенцией // Москва – Сербия / Белград – Россия: Русско-сербские отношения 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / авт.-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М. : Главархив Москвы, 2017. Т. 4. 1026 с.
19. Шемякин А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) : сб. статей. СПб. : Алетейя, 2007.
20. Ковтунова Ю.В. Женское образование в Сербии в последней трети XIX – начале XX века в описаниях русских путешественников // Вестник магистратуры. 2017. № 1-1. С. 23–26.
21. Шемякин А.Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003. М. : Индрик, 2004.
22. Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Босния, Герцеговина и старая Сербия. СПб. : Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. Т. 3. 541 с.
23. Matijević N. Žene – obrazovanjem do elite: situacija u Srbiji u XIX veku // GODIŠNJAK. 2010. С. 533.
24. Чепелевская Т.И. «Женский» взгляд на Балканы (очерки и корреспонденции второй половины XIX – начала XX вв.) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М. : ПРОБЕЛ, 2010.
25. Овсяный Н.Р. Сербия и сербы. СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1898.
26. Хлебникова В.Б. Педагогическая деятельность С.П. Мертваго в Черногории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2011. Т. 2, № 14. С. 32–38.
27. Алексеева М.В. Семейно-политический кризис дома Обреновичей в последней трети XIX в. (по материалам дореволюционной русской прессы) // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 60–64.
28. Станков, Ljiljana. К. Атарина Миловук (1844–1913) и женское движение в Сербии. Белград : Педагогический музей, 2011.
29. Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). М. : Индрик, 2014. 632 с.
30. Бодрова А.Г. «Что нас толкает в путь?» (интенции путешествий в югославских женских травелогах первой половины XX века) // Славянский альманах 2015. М. : Индрик, 2015. Вып. 3–4. С. 278–295.
31. Стјеља А. Милица Томић – прва жена оснивач и уредник часописа. URL: http://velikiljudi.rs/riznica/militsa-tomi-prva-zhena-osnivach-i-urednik-chasopisa/ (дата обращения: 10.02.2018).
32. Савић Ј. Коло српских сестара – одговор елите на женско питање // Гласник. Етнографски музеј у Београду. 2016.

Статья преставлена научной редакцией «История» 22 марта 2018 г.

A Woman's Position in Serbia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries and Manifestation of Trends to Emancipation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 189–195.
DOI: 10.17223/15617793/441/25

Roman S. Selezenev, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Roman3340@mail.ru
Yuliya V. Kovtunova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kovtunovaju@mail.ru

Keywords: Serbia; modernization; position of women; emancipation; modern times.

In the article, the problem of a woman's position in Serbia by the end of the modern history period is studied, woman emancipation processes are analyzed. The most important criterion of an urban woman's emancipation was her awareness of her unequal position and attempts to fix the situation. The Constitution of 1888 equalized the civil rights of men and women. So universal suffrage was introduced; therefore, a woman could participate in the political life of the state. The influence of the Western fashion was increasing, which allowed and encouraged outward chic. By the beginning of the 20th century, girls did not just do house work, but had a chance to show themselves in the field of culture, practice art. In villages, some traditions changed or disappeared. Modern researchers note that the dying of national ornamentation is connected with the transformation of the traditional culture influenced by the European fashion. The penetration of industrial products in Serbian rural market played a key role; it replaced similar hand-made things that required time and effort to produce them. The main problem was the discrepancy between the efforts of the state and the final result: the state's attempts to introduce universal education, especially for females, were consciously or unconsciously opposed. In Serbia, the system of female education developed mainly in cities. In 1846, a special ruling was passed about female schools; moreover, in 1845, in Parachin, the first female school was opened. In 1883, a law was passed about universal education. By the end of the 19th century, the system of female education was represented by primary female schools, by private female boarding houses and a female high school with about 8,000 students. In 1913, the Mariinsky Girls' Institute was transferred from Montenegro to Belgrade. The developing system of female education in the city contributed to the appearance of individual bright personalities, educated women. By the end of the 19th century, mentions are found about women in various spheres of public life: Draga Lyocic, Milovuk Catherine, Elena Dmitrievich, Isidora Sekulich, Milica Tomic and others. In the works, Serbian female writers openly raised questions and problems of freedom of women. In the beginning of the 20th century, Dmitrievich's novel *New Women* was published. In 1911, the *Woman* magazine was founded which promoted the ideas of emancipation and feminism in Serbian society. In 1903, a woman organization "Kolo srpskikh sestar" was founded in Belgrade. Activities of successful women influenced the woman's changing position in society, greater emancipation in the future. The author concludes that by the beginning of the 20th century the scope of women's rights was only outlined, but in cities the woman's status changed quite significantly.

REFERENCES

1. Grishina, R.P. (ed.) (2007) *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniya protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina XIX – seredina XX v.)* [Man in the Balkans: Socio-cultural dimensions of the process of modernization in the Balkans (mid-19th – mid-20th centuries)]. St. Petersburg: Aleteyya.

2. Rumyantseva, A.A. (2003) Polozhenie serbskoy zhenshchiny v 1860-e gody (po svidetel'stvu P.A. Rovinskogo) [The position of the Serbian woman in the 1860s (according to the testimony of P.A. Rovinsky)]. In: Nosov, B.V. (ed.) *Problemy slavyanovedeniya v trudakh molodykh uchenykh* [Problems of Slavic studies in the works of young scientists]. Is. 1. Moscow: Logos.

3. Selezenev, R.S. (2013) Polozhenie serbskoy zhenshchiny v usloviyakh dogonyayushchey modernizatsii (vesternizatsii) glazami russkikh nablyudateley (vtoraya polovina XIX veka) [The position of the Serbian woman in the conditions of catch-up modernization (Westernization) through the eyes of Russian observers (second half of the 19th century)]. In: Novik, A.N. (ed.) *Serbskie nauchnye issledovaniya 2012* [Serbian research 2012]. Moscow: Ekon-inform.

4. Ayvazova, S.G. (1992) K istorii feminizma [To the history of feminism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 153–168.

5. Selezenev, R.S. (2013) Zadruga and Westernization: Serbian community in catch-up modernization (the second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1:2 (54). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-55-60

6. Demelich, F. (1876) *Obychnoe pravo yuzhnykh slavyan po issledovaniyam d-ra Bogishicha* [Common law of the southern Slavs according to the research of Dr. Bogisich]. Translated from French by V. Getsevich. Moscow: Univ. tip. (Katkov).

7. Pautova, U.V. (2012) Representation of a concept "žena" (a woman) in Serbian and Croatian proverbs. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism.* 4. (In Russian).

8. Rovinskiy, P.A. (2006) Serbskaya Morava. Vospominaniya iz puteshestviya po Serbii v 1867 g. [Serbian Morava. Memories from a trip to Serbia in 1867]. In: Shemyakin, A.L. (ed.) *Russkie o Serbii i serbakh* [Russians about Serbia and the Serbs]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteyya.

9. Pimenova, E.K. (2006) Serbiya. Pg., 1916. [Serbia. Petrograd, 1916]. In: Shemyakin, A.L. (ed.) *Russkie o Serbii i serbakh* [Russians about Serbia and the Serbs]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteyya.

10. Yastrebov, I.S. (1886) *Obychai i pesni turetskikh serbov (v Prizrene, Ipeke, Morave i Dibre)* [Customs and songs of Turkish Serbs (in Prizren, Ipek, Morava and Diber)]. St. Petersburg: tip. V.S. Balasheva.

11. Yukhmankova, G. (2006) B'et – znachit lyubit. Chernogorskie zhenshchiny v XIX veke [Beating means loving. Montenegro women in the 19th century]. *Rodina*. 1. pp. 70–73.

12. Skvoznikov, A.N. (2015) Pravovoe polozhenie nemusul'manskikh poddannykh v Osmanskoy imperii v XVI–XIX vv. [The legal status of non-Muslim subjects in the Ottoman Empire in the 16th–19th centuries]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Ser. Pravo – Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Law"*. 1–2 (17). pp. 3–14.

13. Illuminats.ru. (2009) *Khatt-i khumayun 1856 g.* [Hatt-ı Hümayun 1856]. [Online]. Available from: http://www.illuminats.ru/component/content/article/34-2009-10-23-23-02-38/1834-hutt-humayun. (Accessed: 15.02.2018).

14. Raich, S. (2014) Parlamentarism in Serbia: First Experience and Its Problems. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronnyy vestnik – Public Adminstration. E-Journal*. 44 (June). pp. 204–211. (In Russian).

15. Mikhaylova, A.A. (2016) The phenomenon of the evil eye and apotropaic motives in Serbian traditional embroidery: looking for relevant approach to the study of ethnomuseological heritage. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2 (20). (In Russian).

16. Mikhaylova, A.A. (2016) Serbia of the Early 20th Century in the Reflection of Ethnographic Sources (Material Collections, Photos and Documents in the Funds of the Russian Museum of Ethnography). *Imagines mundi: al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv.* 9 (3). (In Russian).

17. Timofeev, A. et al. (2017) Iz ocherkov pisatelya, poeta i perevodchika G.Ya. Villiama "Russkaya emigratsiya v Serbii" – o vliyanii emigrantov iz Rossii na kul'turnuyu sferu zhizni serbskogo obshchestva [From the essays of the writer, poet and translator G.Ya. Vilyam "Russian emigration in Serbia": on the impact of emigrants from Russia on the cultural sphere of the life of the Serbian society]. In: *Moskva – Serbiya / Belgrad – Rossiya: Russko-serbskie otnosheniya 1917–1945 gg.: sb. dok. i materialov* [Moscow – Serbia / Belgrade – Russia: Russian-Serbian relations 1917–1945: documents and materials]. Vol. 4. Moscow: Glavarkhiv Moskvy.

18. Timofeev, A. et al. (2017) Iz otcheta, predstavlennogo v VOKS nachal'nikom lesoustroitel'nykh rabot 2-go rayona Ural'skoy oblasti Dragomirom Milovanovichem, o rezul'tatakh mesyachnogo prebyvaniya v Yugoslavii i o perspektivakh nalazhivaniya kul'turnykh kontaktov s yugoslavskoy intelligentsiey [From the report submitted to the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries by the head of forest management works of the 2nd region of the Ural region Dragomir Milovanovic, about the results of a month stay in Yugoslavia and about the prospects of establishing cultural contacts with the Yugoslav intelligentsia]. In: *Moskva – Serbiya / Belgrad – Rossiya: Russko-serbskie otnosheniya 1917–1945 gg.:*

sb. dok. i materialov [Moscow – Serbia / Belgrade – Russia: Russian-Serbian relations 1917–1945: documents and materials]. Vol. 4. Moscow: Glavarkhiv Moskvy.

19. Shemyakin, A.L. (2007) Sistema narodnogo obrazovaniya v nezavisimoy Serbii: prinuzhdenie ili potrebnost' [The system of public education in independent Serbia: coercion or need]. In: Grishina, R.P. (ed.) *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniya protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina XIX – seredina XX v.)* [Man in the Balkans: Socio-cultural dimensions of the process of modernization in the Balkans (mid-19th – mid-20th centuries)]. St. Petersburg: Aleteyya.

20. Kovtunova, Yu.V. (2017) Zhenskoe obrazovanie v Serbii v posledney treti XIX – nachale XX veka v opisaniyakh russkikh puteshestvennikov [Female education in Serbia in the last third of the 19th – early 20th centuries in the descriptions of Russian travelers]. *Vestnik magistratury*. 1-1. pp. 23–26.

21. Shemyakin, A.L. (2004) "Mir detstva" serbov v putevykh zapiskakh P.A. Rovinskogo ["The World of Childhood" of Serbs in travel notes by P.A. Rovinsky]. In: Vendina, T.I. et al. (eds) *Slavyanskiy al'manakh 2003* [Slavic Almanac 2003]. Moscow: Indrik.

22. Gil'ferding, A.F. (1873) *Sobranie sochineniy. Bosniya, Gertsegovina i staraya Serbiya* [Collected Works. Bosnia, Herzegovina and old Serbia]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie D.E. Kozhanchikova.

23. Matijević, N. (2010) Žene – obrazovanjem do elite: situacija u Srbiji u XIX veku. In: *GODIŠNJAK*. 5. pp. 533–541.

24. Chepelevskaya, T.I. (2010) "Zhenskiy" vzglyad na Balkany (ocherki i korrespondentsii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.) [A "feminine" look at the Balkans (essays and correspondence from the second half of the 19th – early 20th centuries)]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *V "inter'ere" Balkan: Yubileynyy sbornik v chest' Iriny Stepanovny Dostyan* [In the "interior" of the Balkans: Jubilee collection in honor of Irina S. Dostian]. Moscow: PROBEL.

25. Ovsyanyy, N.R. (1898) *Serbiya i serby* [Serbia and the Serbs]. St. Petersburg: Tipografiya P.P. Soykina.

26. Khlebnikova, V.B. (2011) Pedagogicheskaya deyatel'nost' S.P. Mertvago v Chernogorii [Pedagogical activity of S.P. Mertvago in Montenegro]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 2 (14). pp. 32–38.

27. Alekseeva, M.V. (2014) Family and political crisis of Obrenovich's house in the last third of the XIX century (on the materials of pre-revolutionary Russian press). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 1 (112). pp. 60–64. (In Russian).

28. Stankov, L.K. (2011) *Atarina Milovuk (1844–1913) i zhenskoe dvizhenie v Serbii* [Atarina Milovuk (1844–1913) and the women's movement in Serbia]. Belgrad: Pedagogicheskiy muzey.

29. Shemyakin, A.L. (2014) *Russkie o Serbii i serbakh* [Russians about Serbia and Serbs]. Vol. II. Moscow: Indrik.

30. Bodrova, A.G. (2015) "Chto nas tolkaet v put'?" (intentsii puteshestviy v yugoslavskikh zhenskikh travelogakh pervoy poloviny XX veka) ["What pushes us to go?" (The intentions of traveling in the Yugoslav women's travelogues of the first half of the 20th century)]. In: Vendina, T.I. et al. (eds) *Slavyanskiy al'manakh 2015* [Slavic Almanac 2015]. Is. 3–4. Moscow: Indrik.

31. Stjelja, A. (2017) *Milica Tomić – prva žena osnivač i urednik časopisa* [Milica Tomic - the first woman founder and editor of the magazine]. [Online]. Available from: http://velikiljudi.rs/riznica/militsa-tomi-prva-zhena-osnivach-i-urednik-chasopisa/. (Accessed: 10.02.2018).

32. Savić, J. (2016) Kolo srpskih sestara – odgovor elite na žensko pitanje [A circle of Serbian sisters - an answer to a woman's question]. *Glasnik*. Etnografski muzej u Beogradu [Ethnographic Museum in Belgrade].

Received: 22 March 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 196–205. DOI: 10.17223/15617793/441/26

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.881.161.1

Т.В. Никитина

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ МОНИТОРИНГА СФОРМИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

Конкретизирована структура профессиональной коммуникативной компетенции и предложен инструмент для измерения уровня сформированности данной компетенции у курсантов. Проведены мониторинг уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции с использованием методов статистического анализа, проанализированы полученные результаты, доказана эффективность разработанных условий.

Ключевые слова: компетенция; профессиональная коммуникативная компетенция; методика оценки; уровень сформированности компетенции; сотрудник уголовно-исполнительной системы.

К уровню подготовки сотрудника правоохранительных органов в целом и уголовно-исполнительной системы (УИС) в частности предъявляются особые требования, так как от эффективности выполнения должностных обязанностей и профессионализма во многом зависит общественное спокойствие и укрепление государственной власти. Но, как показывает практика, уровень коммуникативной подготовки многих сотрудников УИС не отвечает современным требованиям, предъявляемым к деятельности учреждений и органов ФСИН России.

Основной причиной сложившейся ситуации, на наш взгляд, является противоречие между возрастающей потребностью в специалистах, имеющих высокий уровень владения профессиональной коммуникацией, и отсутствием приемлемой методической системы формирования и развития профессиональной коммуникативной компетенции будущих офицеров УИС, а также оценки уровня ее сформированности.

К изучению проблем формирования коммуникативной компетенции обращались Ф.И. Буслаев, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.Г. Костомаров, М.В. Ломоносов, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба и др. В последние годы возрос интерес к проблематике формирования профессиональной коммуникативной компетенции (Ch. Brumfit [1], W. Littlewood [2], М.В. Бернавская [3], Н.В. Бокарева [4] и др.), коммуникативной компетенции сотрудников силовых структур (А.А. Бикбулатова [5], Т.А. Кукарцева [6], Т.Г. Лукова [7]), культуры речи сотрудников УИС (Г.А. Гиренок [8], Н.П. Тюменева [9]), коммуникативной компетенции юристов (О.В. Климова [10] и др.), коммуникативной компетенцией кинологов не занимался никто.

Анализ методологических исследований позволил констатировать, что единая методическая система формирования коммуникативной компетенции курсантов в ведомственном вузе в них не представлена, как нет и диагностической обеспеченности, что свидетельствует о недостаточной изученности данного вопроса.

Под профессиональной коммуникативной компетенцией курсантов мы понимаем заданную результативную характеристику курсанта, которая достигается в процессе его профессиональной подготовки в ведомственном вузе и определяет готовность и способность использовать сформированные у него базовые, профессионально ориентированные и профессионально-специализированные коммуникативные знания, умения и способы деятельности для осуществления эффективной профессиональной коммуникации (как письменной, так и устной) в соответствии с моделью методической системы формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России [11. С. 112].

Мы полагаем, что профессиональная коммуникативная компетенция курсантов состоит из трех блоков:

– базовая коммуникативная компетенция курсанта отвечает за его способность к успешной коммуникации в стандартных ситуациях;

– профессионально ориентированная коммуникативная компетенция отвечает за способность к успешной коммуникации в ситуациях профессионально ориентированного характера, помогая осуществлению основных видов профессиональной деятельности;

– профессионально-специализированная коммуникативная компетенция отвечает за способность к успешной коммуникации в ситуациях профессионально-специализированного характера (как сотрудника отдела охраны (конвоирования) / безопасности (режима) / кинологического отделения (группы) УИС). Данная компетенция необходима для осуществления конкретного вида профессиональной деятельности [Там же].

Таким образом, профессиональная коммуникативная компетенция – это степень освоения совокупности базовой, профессионально ориентированной и профессионально-специализированной коммуникативных компетенций. Она выражается в синтезе теоретических знаний и готовности применения практических коммуникативных умений и навыков и проявлении личных качеств для успешной профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что профессиональную коммуникативную компетенцию недостаточно формировать только в рамках изучения дисциплины «Русский язык и культура речи». К данному процессу необходимо обращаться на протяжении реализации всей основной образователь-

ной программы: при изучении общепрофессиональных, профессиональных и специальных дисциплин, в процессе прохождения практик и самостоятельной работы по саморазвитию коммуникативных умений. Не вызывает сомнения, что овладение знаниями, умениями и навыками, их практическое закрепление и профессиональное применение должны происходить поэтапно. Организационная структура процесса поэтапного формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России представлена на рис. 1.

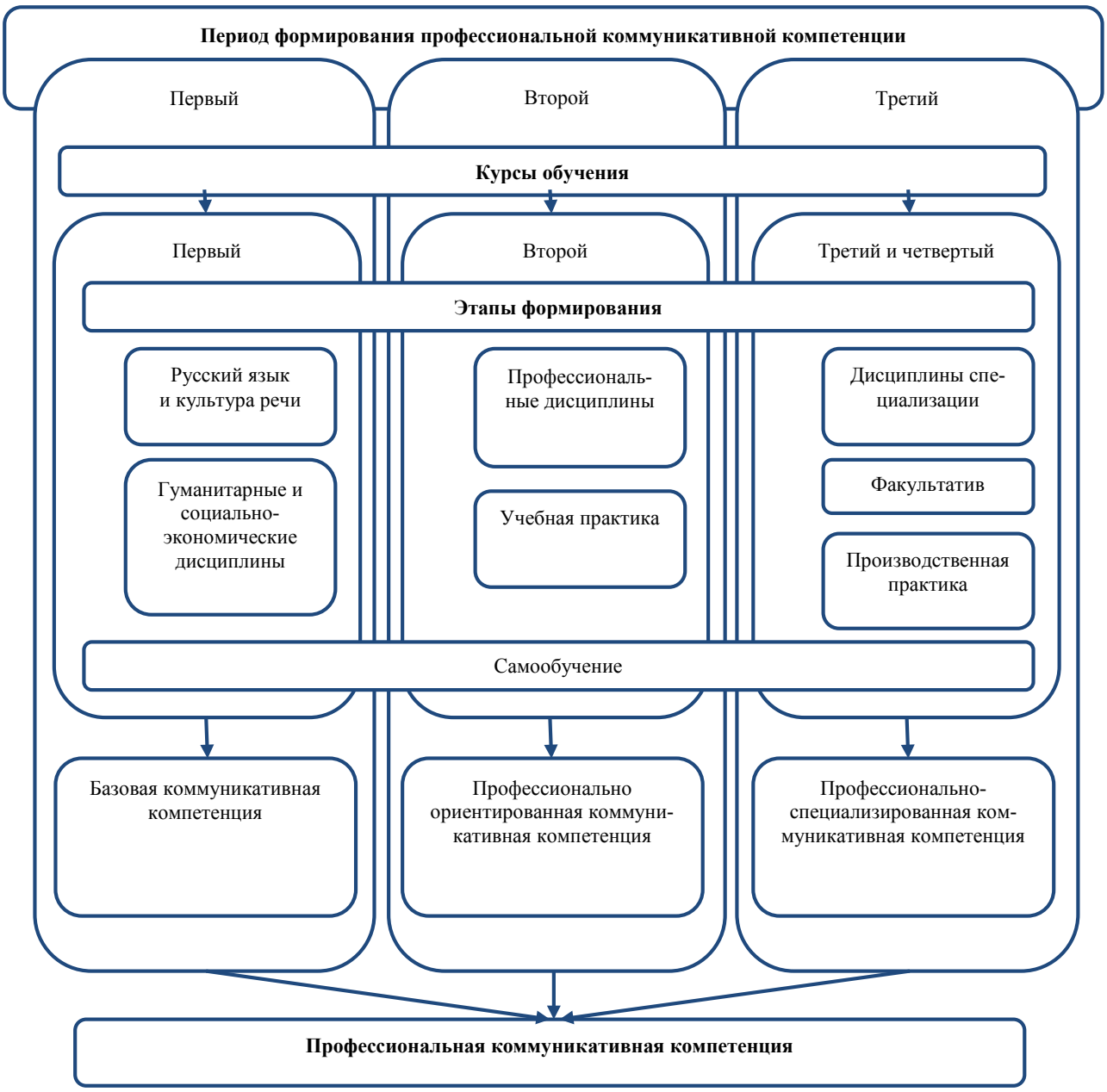


Рис. 1. Организационная структура процесса поэтапного формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России

В 2013/17 учебных годах на базе Пермского института ФСИН России осуществлялось комплексное внедрение методической системы формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний в практику обучения курсантов ведомственного вуза. В основном эксперименте приняли участие шесть групп курсантов Пермского института ФСИН России одного курса, обучающихся по направлениям подготовки Юриспруденция (4 группы) и Зоотехния (2 группы), в количестве 145 курсантов.

Эксперимент начинался с первого курса и продолжался вплоть до четвертого, так как комплексная программа формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов рассчитана на весь период обучения в вузе. При этом на третьем курсе за группами курсантов закреплялись специализации. Следовательно, курсанты, обучающиеся по направлению подготовки Юриспруденция, делились на два профиля: «Организация охраны и конвоирования в УИС» и «Организация режима в УИС»; за курсантами, обучающимися по направлению подготовки Зоотехния, был закреплен профиль «Кинология».

В экспериментальную группу (ЭГ) – 72 человека – с первого курса вошли три параллельные группы курсантов: две группы курсантов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, и одна группа, обучающаяся по направлению подготовки Зоотехния. На третьем курсе за этими ЭГ обучающихся были закреплены специализации.

В контрольную группу (НКГ) – 73 человека – с первого курса вошли три параллельные группы курсантов: одна группа курсантов, обучающаяся по направлению подготовки Зоотехния, и две группы, обучающиеся по направлению подготовки Юриспруденция, которые на третьем курсе разделены на специализации.

Достоверность получаемых выводов на основе используемых методик обеспечивалась сопоставлением данных, полученных каждой отдельной методикой, с результатами других, успеваемостью курсантов. В целом были применены методы исследования, адекватные предмету исследования.

Оценка уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции осуществлялась по следующим критериям:

– личностно-мотивационному (наличие мотивов, ценностных ориентаций, установок и потребностей будущего сотрудника УИС в профессиональной коммуникативной компетенции);

– когнитивному (сформированность профессиональных коммуникативных знаний, согласно ФГОС ВО и квалификационных требований, предъявляемых к сотрудникам УИС);

– деятельностно-рефлексивному (владение практическими умениями и способностью к осуществлению эффективной профессиональной коммуникации, самооценке личностных качеств).

Для определения уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России мы использовали авторскую методику самооценки уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России и контрольно-измерительные материалы (КИМ).

Данные по уровням сформированности профессиональной коммуникативной компетенции по результатам самооценки покритериально (личностно-мотивационный, когнитивный и деятельностно-рефлексивный) до педагогического эксперимента представлены в табл. 1.

Кроме того, уровень сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов на констатирующем этапе был определен с помощью специально разработанных КИМов [13] (результаты представлены в табл. 2).

Таблица 1

Показатели самооценки профессиональной коммуникативной компетенции курсантов

Составляющие коммуникативной компетенции	Уровень сформированности	До эксперимента		После эксперимента	
		КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
БКК (первый период)	*Личностно-мотивационный критерий*				
	Продвинутый	13 (17,8%)	16 (22,2%)	18 (24,7%)	31 (43%)
	Достаточный	28 (38,4%)	28(38,9%)	22 (30,1%)	36 (50%)
	Элементарный	32 (43,8%)	28 (38,9%)	33 (45,2%)	5 (6,9%)
	Когнитивный критерий				
	Продвинутый	9 (12,4%)	12 (16,7%)	11 (15%)	26 (36,1%)
	Достаточный	32 (43,8%)	33 (45,8%)	29 (39,7%)	37 (51,4%)
	Элементарный	32 (43,8%)	27 (37,5%)	33 (45,2%)	9 (12,5%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				
	Продвинутый	11 (15%)	11 (15,3%)	13 (17,8%)	28 (37,5%)
	Достаточный	24 (32,9%)	26 (36,1%)	21 (28,8%)	38 (52,8%)
	Элементарный	38 (52,1%)	35 (48,6%)	39 (53,4%)	7 (9,7%)
ПОКК (второй период)	*Личностно-мотивационный критерий*				
	Продвинутый	16 (21,9%)	13 (18,1%)	17 (23,2%)	33 (45,8%)
	Достаточный	31 (42,5%)	34 (47,2%)	28 (38,4%)	29 (40,3%)
	Элементарный	26 (35,6%)	25 (34,7%)	28 (38,4%)	10 (13,9%)
	Когнитивный критерий				
	Продвинутый	12 (16,4%)	11 (15,3%)	15 (20,5%)	28 (38,9%)
	Достаточный	30 (41,1%)	33 (45,8%)	30 (41,1%)	29 (40,3%)
	Элементарный	31 (42,5%)	28 (38,9%)	28 (38,4%)	15 (20,8%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				
	Продвинутый	14 (19,2%)	12 (16,7%)	16 (21,9%)	29 (40,3%)
	Достаточный	26 (35,6%)	29 (40,3%)	23 (31,5%)	29 (40,3%)
	Элементарный	33 (45,2%)	31 (43%)	34 (46,6%)	14 (19,4%)
ПСКК (третий период)	*Деятельностно-рефлексивный критерий*				
	Продвинутый	0 (0%)	1 (1,4%)	7 (9,6%)	27 (37,5%)
	Достаточный	11 (15,1%)	6 (8,3%)	25 (34,2%)	34 (47,2%)
	Элементарный	62 (84,9%)	65 (90,3%)	41 (56,2%)	11 (15,3%)

Так, в начале первого курса до реализации педагогического эксперимента (в начале изучения дисциплины «Русский язык и культура речи») для оценки уровня сформированности когнитивного критерия базовой коммуникативной компетенции курсантов был проведен входной контроль в форме теста. Для оценки личностно-мотивационного критерия курсантам было предложено написать эссе «Каким я вижу свое профессиональное будущее?». Данная тематика была предложена курсантам КГ и ЭГ, обучающимся как по направлению подготовки Юриспруденция, так и Зоотехния. Для оценки деятельностно-рефлексив-ного критерия

базовой коммуникативной компетенции курсантам ЭГ и КГ было дано задание: подготовить публичное выступление на тему «Я – курсант вуза ФСИН». Результаты представлены в табл. 2. В начале второго курса до реализации второго периода формирования профессиональной коммуникативной компетенции в рамках педагогического эксперимента для оценки уровня сформированности профессионально ориентированной коммуникативной компетенции курсантам было дано следующее задание: Вы – курсант 2-го курса, несете службу способом патрулирования и заметили, как курсант 1-го курса пытался покинуть территорию института без разрешения (через забор). Составить рапорт о случившемся и акт по применению физической силы. Результаты представлены в табл. 2.

В начале третьего курса до реализации третьего периода формирования профессиональной коммуникативной компетенции в рамках педагогического эксперимента до начала изучения специальных дисциплин курсантам всех профилей подготовки для оценки уровня сформированности профессионально-специализированной коммуникативной компетенции было дано следующее задание: в рамках ролевой игры «Сотрудник отдела охраны (конвоирования) / отдела безопасности (режима) / кинологического отделения (группы)» (в зависимости от профиля подготовки), которая была организована в начале изучения специальных дисциплин, необходимо составить план-конспект проведения инструктивного занятия. Результаты представлены в табл. 2.

Достоверность совпадений или различий статистических характеристик ЭГ и КГ до педагогического эксперимента проверена с помощью критерия Хи-квадрат (см. табл. 3). Из табл. 3 и диаграммы 1, видно, что характеристики сравниваемых выборок ниже уровня значимости 0,05 ($\chi^2_{эмпир} < \chi^2_{крит}$), что свидетельствует о том, что статистических различий в выборках не выявлено (распределение курсантов по уровням было одинаковым).

Для самооценки уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов после педагогического эксперимента также использовалась авторская методика измерения уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Кроме того, уровень сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов на контрольном этапе определялся по результатам выполнения КИМов [14].

Таблица 2

Показатели сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов по результатам КИМ

Составляющие коммуникативной компетенции	Уровень сформированности	До эксперимента		После эксперимента	
		КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
БКК (первый период)	*Личностно-мотивационный критерий*				
	Продвинутый	13 (17,8%)	16 (22,2%)	17 (23,3%)	35 (48,6%)
	Достаточный	28 (38,4%)	28(38,9%)	27 (37%)	29 (40,3%)
	Элементарный	32 (43,8%)	28 (38,9%)	29 (39,7%)	8 (11,1%)
	Когнитивный критерий				
	Продвинутый	9 (12,4%)	12 (16,7%)	9 (12,3%)	21 (29,2%)
	Достаточный	32 (43,8%)	33 (45,8%)	30 (41,1%)	41 (56,9%)
	Элементарный	32 (43,8%)	27 (37,5%)	34 (46,6%)	10 (13,9%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				
	Продвинутый	11 (15%)	11 (15,3%)	12 (16,4%)	28 (38,9%)
	Достаточный	24 (32,9%)	26 (36,1%)	23 (31,5%)	36 (50%)
	Элементарный	38 (52,1%)	35 (48,6%)	38 (52,1%)	8 (11,1%)
ПОКК (второй период)	*Личностно-мотивационный критерий*				
	Продвинутый	16 (21,9%)	13 (18,1%)		
	Достаточный	31 (42,5%)	34 (47,2%)		
	Элементарный	26 (35,6%)	25 (34,7%)		
	Когнитивный критерий				
	Продвинутый	12 (16,4%)	11 (15,3%)	9 (12,3%)	26 (36,1%)
	Достаточный	30 (41,1%)	33 (45,8%)	24 (32,9%)	28 (38,9%)
	Элементарный	31 (42,5%)	28 (38,9%)	40 (54,8%)	18 (25%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				
	Продвинутый	14 (19,2%)	12 (16,7%)	10 (13,7%)	25 (34,7%)
	Достаточный	26 (35,6%)	29 (40,3%)	27 (37%)	35 (48,6%)
	Элементарный	33 (45,2%)	31 (43%)	36 (49,3%)	12 (16,7%)
ПСКК (третий период)	*Деятельностно-рефлексивный критерий*				*ПСКК-1*
	Продвинутый	0 (0%)	1 (1,4%)	8 (11%)	29 (40,3%)
	Достаточный	11 (15,1%)	6 (8,3%)	22 (30,1%)	31 (43,1%)
	Элементарный	62 (84,9%)	65 (90,3%)	43 (58,9%)	13 (18,1%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				*ПСКК-2*
	Продвинутый			4 (5,5%)	30 (41,7%)
	Достаточный			19 (26%)	28 (38,9%)
	Элементарный			50 (68,5%)	14 (19,4%)
	Деятельностно-рефлексивный критерий				*ПСКК-3*
	Продвинутый			8 (11%)	30 (41,7%)
	Достаточный			22 (30,1%)	31 (43%)
	Элементарный			43 (58,9%)	11 (15,3%)

Таблица 3

Эмпирическое значение критерия Хи-квадрат для профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России до педагогического эксперимента

Период формирования	Составляющие ПКК	Критерий χ^2		
		Л-М	К	Д-Р
По результатам самооценки				
Первый	БКК	0,58	0,87	0,2
Второй	ПОКК	0,48	0,34	0,38
Третий	ПСКК			2,54
Итого:		0,15	0,38	0,3
По результатам КИМ				
Первый	БКК	0,07	0,3	0,11
Второй	ПОКК			1,18
Третий	ПСКК			1,03
Итого:		0,07	0,54	0,74

Полученные данные отразим на диаграмме 1:

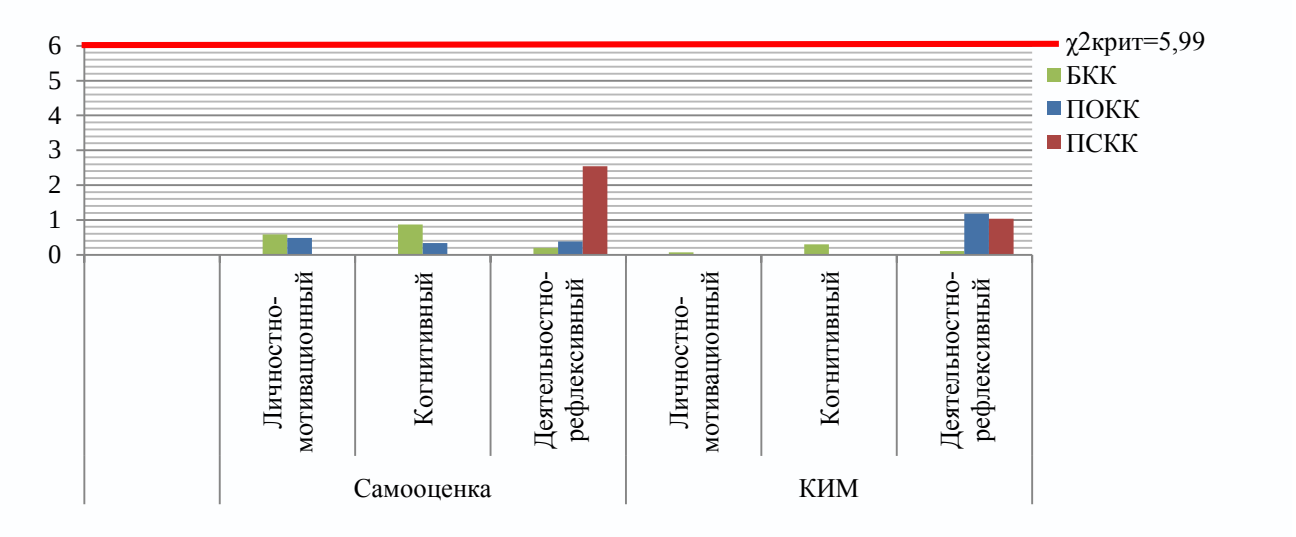


Диаграмма 1. Хи-квадрат для профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России до эксперимента

Так, на первом этапе исследования для оценки когнитивного критерия проводился **компетентностно-ориентированный тест**, который включал в себя следующие задания:

1) позволяющие курсантам продемонстрировать свою коммуникативную грамотность (владение всеми видами речевой деятельности; способность воспринимать чужую речь (устную, письменную) и самостоятельно выражать свои мысли в устной и письменной форме);

2) предполагающие включение курсанта в различные коммуникативные ситуации, приближенные к профессиональной деятельности.

Данные задания относятся к разному уровню сложности и включают в себя задания с выбором с выбором верных ответов (одного или нескольких), задания на установление соответствия, на установление правильной последовательности, на ранжирование, открытые задания (на дополнение и задания на подстановку). Результаты представлены в табл. 2.

Для оценки уровня сформированности деятельностно-рефлексивного критерия базовых коммуникативных компетенций курсантам была предложена **ролевая игра «Судебное заседание»**. Для этого курсантам во время самостоятельной подготовки было необходимо подготовить обвинительную / защитительную речь (в зависимости от роли); определиться с темой для дискуссии, выбрать оппонента, собрать и систематизировать материал. Темой для обсуждения может быть как абстрактное понятие, так и конкретное «преступление». Один курсант выступает в роли защитника, другой – обвинителя. Доклад представляет собой судебную речь обвинительного или защитительного характера и должна учитывать характерные особенности данного вида высказывания.

После выступления каждой пары в процессе ролевой игры организуется последующее подробное коллективное обсуждение с анализом речевых ошибок. Для каждого адвоката и прокурора должен быть выбран судья, который будет регулировать процесс спора и подводить итоги по делу. Все остальные – присяжные заседатели. Они тоже имеют право высказывать свое мнение и исправлять ошибки (речевые или фактические), допущенные ораторами. Выступающий должен отстоять свою точку зрения, склонить других к ее принятию, убедить в виновности или невиновности конкретного человека либо высказать все «за» и «против» какого-либо понятия. Результаты представлены в табл. 2.

На втором этапе исследования изучался уровень сформированности профессионально ориентированных коммуникативных компетенций курсантов. Для оценки личностно-мотивационного критерия профессиональной коммуникатгивной компетенции курсан-

там было предложено написать **эссе «Нужны ли элементарная орфографическая и пунктуационная грамотность и культура речи в моей профессиональной деятельности?».** Результаты представлены в табл. 2.

Для оценки уровня сформированности деятельностно-рефлексивного критерия профессионально ориентированной коммуникативной компетенции курсантам была предложена разработка **проекта «Экскурсия по подразделению исправительного учреждения»**. Для этого во время прохождения учебной практики курсантам было предложено провести экскурсию по подразделению исправительного учреждения, в котором они проходят практику: отдел охраны / управление по конвоированию / отдел безопасности (режима), кинологическое отделение. В качестве экскурсантов могут выступать курсанты, прибывшие в данное исправительное учреждение с ознакомительной целью в рамках изучения профильной учебной дисциплины.

В ходе экскурсии курсантом должны быть освещены следующие вопросы: структура отдела, выполняемые задачи, функциональные обязанности сотрудников, штатная структура и т.д. Для проведения экскурсии курсанту необходимо составить план и подготовить подробный конспект. Результаты представлены в табл. 2.

Для оценки уровня сформированности когнитивного критерия профессионально ориентированной и профессионально-специализированной коммуникативной компетенции курсантам было предложено выполнение **компетентностно-ориентированного теста**, который включал в себя задания:

1) позволяющие курсантам продемонстрировать знание основ современной речевой коммуникации, основных критериев хорошей речи, особенностей, видов и стилей общения; владение приемами поведения в конфликтных ситуациях, основами мастерства публичного выступления, аргументации, анализа и самоанализа в процессе групповой рефлексии, деловым общением;

2) предполагающие включение курсанта в различные коммуникативные ситуации, приближенные к профессиональной деятельности.

Данные задания предполагали разный уровень сложности и включали в себя закрытые (одиночного и множественного выбора, соотнесения вариантов, определения последовательности) и открытые вопросы. Результаты представлены в табл. 2.

На третьем этапе исследования изучался уровень сформированности профессионально-специализированных коммуникативных компетенций курсантов.

Для оценки уровня сформированности деятельностно-рефлексивного критерия профессионально-специализированной коммуникативной компетенции курсантам была предложена **ролевая игра «Сотрудник отдела охраны (конвоирования) / отдела безопасности (режима) / кинологического отделения (группы)»** (в зависимости от профиля подготовки), которая была организована в ходе изучения специальных дисциплин. Остановимся подробнее на описании ролей и их функций.

Профиль подготовки «Организация охраны и конвоирования в УИС»

При изучении дисциплины ***Организация охраны*** в рамках **ролевой игры** курсанты по очереди проигрывают следующие роли:

1) начальник караула, которому необходимо выполнить следующие действия:

– поставить задачу караульным перед заступлением на пост;

– оценить сотрудников караула по результатам несения службы;

2) в качестве инспектора отдела охраны курсанту необходимо выполнить следующие действия:

– подготовить и оформить планирующую и отчетную служебную документацию отдела охраны;

– оформить решение начальника учреждения по организации охраны на квартал, заместителя начальника учреждения по охране на месяц и на сутки;

– провести инструктаж и инструктивное занятие с личным составом перед заступлением на службу;

– организовать и провести занятие с личным составом отдела в системе служебно-боевой подготовки;

– проверить службу караула;

– организовать провести воспитательные мероприятия с сотрудниками отдела охраны;

– провести служебное и оперативное совещание, учебно-методические сборы.

При изучении дисциплины ***Организация конвоирования*** курсанты, участвуя в **ролевых играх**, выполняют обязанности:

1) начальника караула отделения по конвоированию отдела по конвоированию, которому необходимо выполнить следующие действия:

– поставить задачи караульным перед заступлением на посты в составе караула по конвоированию;

– оценить сотрудников караула по результатам несения службы;

2) в качестве инспектора отдела организации службы конвоирования управления по конвоированию курсантам необходимо выполнить следующие действия:

– подготовить и оформить планирующую и отчетную служебную документацию отдела по конвоированию;

– подготовить суточный приказ по конвоированию;

– провести инструктаж и инструктивное занятие с личным составом;

– организовать и провести занятие с личным составом отдела в системе служебно-боевой подготовки;

– проверить служебную деятельность караула по конвоированию;

– организовать и провести мероприятие по воспитательной работе с личным составом отдела;

– провести служебное и оперативное совещание, учебно-методические сборы.

Профиль подготовки «Организация режима в УИС»

При изучении специальных дисциплин ***Правовое регулирование и организация режима, Правовое регулирование и организация надзора*** в рамках **ролевой игры** курсанты по очереди проигрывают следующие роли:

Дежурный помощник начальника колонии / дежурный помощник начальника следственного изоля-

тора / дежурный помощник начальника тюрьмы, которым необходимо выполнить следующие действия:

– поставить задачи личному составу перед заступлением на службу;

– осуществить объектовый надзор;

– осуществить руководство действиями при происшествиях;

– провести инструктаж и инструктивное занятие с личным составом;

– организовать и провести мероприятие по воспитательной работе с личным составом отдела.

В качестве инспектора отдела безопасности (режима) курсантам необходимо выполнить следующие действия:

– организовать службу дежурной (дневной) смены;

– подготовить и оформить служебную документацию дежурной смены;

– осуществить делопроизводство отдела безопасности (отдела режима) с учетом режима секретности на основании требований нормативных документов;

– составить план работы отдела безопасности (режима) исправительного учреждения (следственного изолятора);

– подготовить и оформить планирующую и отчетную служебную документацию отдела безопасности (режима);

– спланировать деятельности по обеспечению надзора;

– осуществить руководство личным составом отдела безопасности (режима);

– организовать выполнение личным составом отдела безопасности (режима) поставленных задач;

– провести инструктаж и инструктивное занятие с личным составом;

– организовать и провести занятие в системе служебно-боевой подготовки с инспекторами, младшими инспекторами отдела безопасности (режима);

– организовать и провести мероприятие по воспитательной работе с личным составом отдела;

– провести служебное и оперативное совещание, учебно-методические сборы.

Профиль подготовки «Кинология»

При изучении дисциплины ***Организация кинологической деятельности ФСИН России*** в рамках **ролевой игры** курсанты по очереди проигрывают роль начальника кинологического отделения отдела охраны, которому необходимо выполнить следующие действия:

– подготовить и оформить планирующую и отчетную документацию кинологического подразделения отдела охраны;

– организовать руководство личным составом кинологического подразделения;

– провести занятие со специалистами-кинологами в системе служебно-боевой и специальной подготовки;

– организовать и провести мероприятие по воспитательной работе с личным составом кинологического подразделения.

– провести служебное и оперативное совещание, учебно-методические сборы.

Результаты представлены в табл. 2 (см. ПСКК-1).

Кроме того, для оценки уровня сформированности деятельностно-рефлексивного критерия (письменной) профессионально-специализированной коммуникативной компетенции (в зависимости от профиля подготовки) курсантами предоставляются следующие **документы**, оформленные во время преддипломной практики:

– планы-конспекты проведения занятий по служебной подготовке;

– планы проведения инструктивных занятий;

– планы подведения итогов несения службы;

– копии служебных документов, подготовленных и оформленных курсантами во время прохождения практики.

Результаты представлены в табл. 2 (см. ПСКК-2).

Для оценки уровня сформированности деятельностно-рефлексивного критерия (устной) профессионально-специализированной коммуникативной компетенции (в зависимости от профиля подготовки) на одно из **занятий по служебной подготовке**, на одно из **инструктивных занятий** и одно из **подведений итогов несения службы**, которые проводит курсант-практикант во время преддипломной практики, приглашается преподаватель-филолог (либо занятие записывается на видео и сдается на кафедру гуманитарных и социально-экономических дисциплин института). Результаты представлены в табл. 2 (см. ПСКК-3).

Достоверность совпадений или различий статистических характеристик ЭГ и КГ после педагогического эксперимента проверена с помощью критерия Хи-квадрат (табл. 4).

Из табл. 4 и диаграммы 2, видно, что характеристики сравниваемых выборок превосходят критическое значение критерия Пирсона ($\chi^2_{эмпир} > \chi^2_{крит}$), что свидетельствует о наличии статистических различий и доказывает влияние изучаемого воздействия на образовательный процесс в ЭГ.

Анализ данных, полученных по результатам самооценки и в ходе выполнения курсантами КИМов, подтвердил, что применение разработанной методической системы обеспечивает объективное и достоверное оценивание уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России.

До внедрения методической системы формирования профессиональной коммуникативной компетенции распределение курсантов КГ и ЭГ по уровням было одинаковым (т.е. статистических различий в выборках не было выявлено), а после проведения педагогического эксперимента оно стало различным, т.е. появились статистические различия, поэтому следует признать доказанность влияния изучаемого воздействия на образовательный процесс в ЭГ курсантов.

Сравним полученное эмпирическое значение с критическим, которое приведено в таблице критических точек распределения Пирсона (хи-квадрат). Из этой таблицы для $i = 2$ и уровня значимости 0,05 критическое значение составляет 5,99, а для уровня значимости 0,01 оно равно 9,21.

В нашем случае и для того, и для другого уровня значимости $\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$, поэтому можно сделать вывод о наличии статистических различий в выборках, т.е. нулевая гипотеза отклоняется, а альтернативная принимается (с вероятностью 99%). Коэффициент

корреляции Пирсона соответствует коэффициенту надежности.

Таблица 4

Эмпирическое значение критерия Хи-квадрат для профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России после педагогического эксперимента

Период формирования	Составляющие ПКК	Критерий χ^2		
		Л-М	К	Д-Р
По результатам самооценки				
Первый	БКК	27,46	20,77	32,65
Второй	ПОКК	13,66	7,88	12,78
Третий	ПСКК			30,45
Итого:		19,15	13,15	22,97
По результатам КИМов				
Первый	БКК	18,22	19,6	28,83
Второй	ПОКК		16,9	19,46
Третий	ПСКК-1			29,52
	ПСКК-2			41,86
	ПСКК-3			33,23
Итого:		18,22	17,76	29,37

Полученные данные отразим на диаграмме 2:

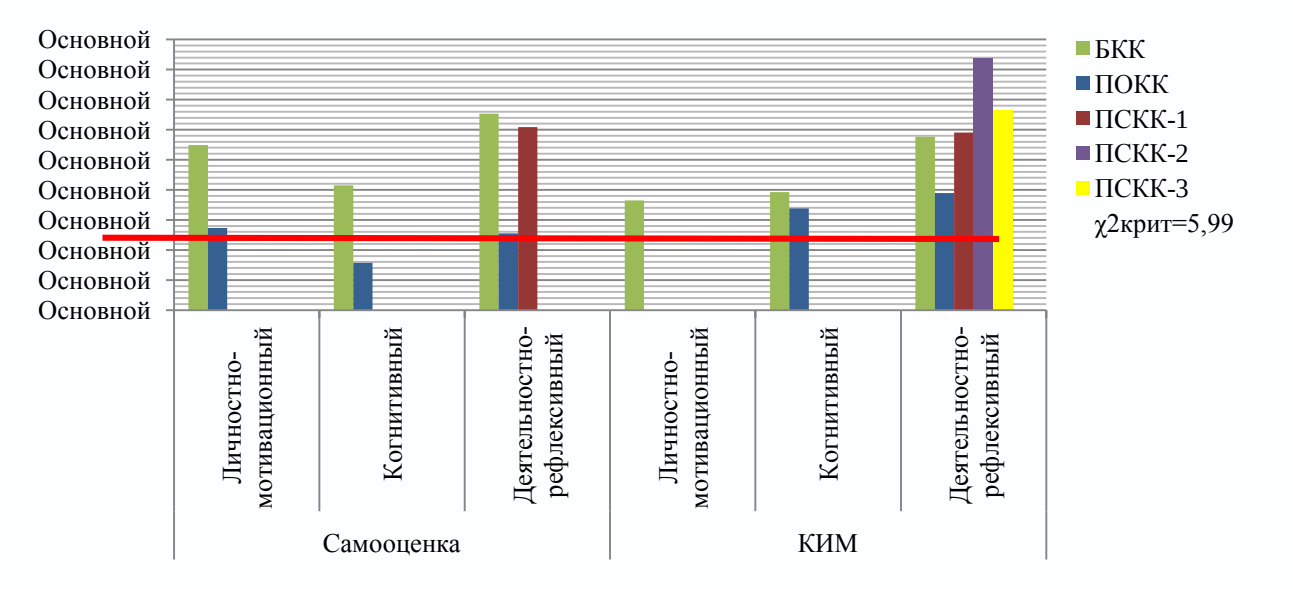


Диаграмма 2. Хи-квадрат для профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России после эксперимента

Для обеспечения полного доказательства валидности произведем конвергентную валидизацию [15]. Для измерения уровня сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов мы использовали несколько методик. Сравнив полученные результаты, мы можем говорить о конструктной валидности, так как экспериментальные данные, полученные от разных методик, имеют высокую корреляцию.

Результаты, полученные в ходе реализации авторской методики измерения уровня профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России, в сравнении с результатами, полученными в ходе использования контрольно-измери-тельных материалов, дают полный охват исследуемой проблемы, позволяют целостно оценить уровень сформированности данной компетенции у курсантов и доказывают действенность внедрения модели формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Brumfit Ch. Communicative Methodology in language teaching. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 154.
2. Littlewood W. Communicative Language Teaching. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. P. 90.
3. Бернавская М.В. Формирование профессиональной коммуникативной компетентности при подготовке инженеров-программистов : дис. … канд. пед. наук. Владивосток, 2007. 216 с.
4. Бокарева Н.В. Конструирование деловой игры как формы обучения студентов профессиональным коммуникативным компетенциям в образовательном процессе туристского вуза : дис. … канд. пед. наук. М., 2011. 197 с.
5. Бикбулатова А.А., Карплюк А.В., Паршин Г.Н., Джафар-Заде Д.А., Серебряков А.Г. Методика выявления профориентационных интересов и склонностей у старшеклассников с инвалидностью // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 2. С. 50–58. DOI: 10.17759/ pse.2018230206.
6. Кукарцева Т.А. Формирование профессионально-коммуникативной компетентности будущих специалистов военно-экономического профиля в иноязычном образовательном процессе : дис. … канд. пед. наук. Ульяновск, 2011. 206 с.

7. Лукова Т.Г. Формирование профессионально-коммуникативной культуры у слушателей вузов МВД России : дис. … канд. пед. наук. СПб., 2002. 146 с.
8. Гиренок Г.А. Формирование коммуникативной компетенции будущих сотрудников УИС в высшей профессиональной школе : дис. … канд. пед. наук. Самара, 2013. 198 с.
9. Тюменева Н.П. Формирование коммуникативных способностей курсантов и слушателей вузов ФСИН России при изучении русского языка и культуры речи : дис. … канд. пед. наук. Рязань, 2007. 184 с.
10. Климова О.В. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции у студентов юридических специальностей в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин : дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2009. 166 с.
11. Никитина Т.В. Профессиональная коммуникативная компетенция курсантов вузов ФСИН России: структура и содержательное наполнение // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. Т. 4, № 1. С. 111–117.
12. Кашицын А.С., Еремин С.В. Методы статистической обработки результатов педагогического эксперимента. Шуя : Из-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. 43 с.
13. Никитина Т.В. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2017. № 3 (39). С. 134–138.
14. Никитина Т.В. Диагностика сформированности профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний // Педагогический имидж. 2018. № 1 (38). С. 125–134.
15. Гессманн Х.-В., Шеронов Е.А. Валидность психологического теста // Современная зарубежная психология. 2013. № 4. С. 20–31.
16. Никитина Т.В. Модель формирования профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний России // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 134–138.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 февраля 2019 г.

A Diagnostic Tool for Monitoring the Formation of Professional Communicative Competence of Cadets of Universities of the Federal Penitentiary Service of Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 196–205.
DOI: 10.17223/15617793/441/26

Tatyana V. Nikitina, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm, Russian Federation). E-mail: tanya.perm@mail.ru

Keywords: competence; professional communicative competence; assessment methodology; level of formation of competence; penal officers.

The article is devoted to the problem of the formation of professional communicative competence of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. The aim of the article is to describe the diagnostic tool for assessing the formation of this competence in cadets. The author proves the effectiveness of the implementation of the methodological system of forming professional communicative competence of cadets. The novelty of the research lies in the fact that the author defines the concept of “professional communicative competence of students of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation”, identifies its components (basic communicative competence, professionally-oriented communicative competence and professionally-specialized communicative competence). The structure of professional communicative competence is specified, and a tool for measuring the level of the development of this competence in cadets is proposed. To reach the aim, the following methods of research were used: analysis and generalization of pedagogical, methodological literature on the problem; questionnaire; monitoring; generalization of pedagogical experience. The author offers to form professional communicative competence of cadets in a departmental university in stages and in a comprehensive manner throughout the training. Six groups of cadets of the same course of study majoring in jurisprudence (4 groups) and zootechnics (2 groups), 145 people in total, took part in an experiment. The experiment lasted the entire period of training of cadets at the university (4 years). In the third year, students started specialized training (“Organization of Guard and Escort in the Penal System”, “Organization of the Regime in the Penal System” and “Cynology”). 72 cadets of the experimental group and 73 cadets of the control group participated in the assessment. The level of the development of professional communicative competence based on the results of self-assessment and test materials before and after the pedagogical experiment has been measured; the empirical data have been processed and analyzed using modern statistical methods. The obtained results have been analyzed. Through Pearson’s criterion, the impact of the influence under study on the educational process in the experimental group of cadets is proved. Statistical differences in the samples indicate that the null hypothesis is rejected, and the alternative hypothesis is accepted with a probability of 99%. The effectiveness of the developed conditions is proved.

REFERENCES

1. Brumfit, Ch. (1984) *Communicative Methodology in language teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Littlewood, W. (1994) *Communicative Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Bernavskaya, M.V. (2007) *Formirovanie professional’noy kommunikativnoy kompetentnosti pri podgotovke inzhenerov-programmistov* [Formation of professional communicative competence in the training of software engineers]. Pedagogy Cand. Diss. Vladivostok.
4. Bokareva, N.V. (2011) *Konstruirovanie delovoy igry kak formy obucheniya studentov professional’nym kommunikativnym kompetentsiyam v obrazovatel’nom protsesse turistskogo vuza* [Designing a business game as a form of teaching students professional communicative competences in the educational process of a tourist university]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
5. Bikbulatova, A.A. et al. (2018) Technique for Measuring Vocational Interests and Inclinations in High-School Students with Disabilities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 23 (2). pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.17759/ pse.2018230206
6. Kukartseva, T.A. (2011) *Formirovanie professional’no-kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh spetsialistov voenno-ekonomicheskogo profilya v inoyazychnom obrazovatel’nom protsesse* [Formation of professional and communicative competence of future specialists of the military-economic profile in the foreign language educational process]. Pedagogy Cand. Diss. Ulyanovsk.
7. Lukova, T.G. (2002) *Formirovanie professional’no-kommunikativnoy kul’tury u slushateley vuzov MVD Rossii* [Formation of professional communicative culture among students of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Girenok, G.A. (2013) *Formirovanie kommunikativnoy kompetentsii budushchikh sotrudnikov UIS v vysshey professional’noy shkole* [Formation of the communicative competence of future employees of the penitentiary system in higher vocational school]. Pedagogy Cand. Diss. Samara.

9. Tyumeneva, N.P. (2007) *Formirovanie kommunikativnykh sposobnostey kursantov i slushateley vuzov FSIN Rossii pri izuchenii russkogo yazyka i kul'tury rechi* [Formation of communicative abilities of cadets and students of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the study of the Russian language and culture of speech]. Pedagogy Cand. Diss. Ryazan.

10. Klimova, O.V. (2009) *Formirovanie professional'noy kommunikativnoy kompetentsii u studentov yuridicheskikh spetsial'nostey v protsesse izucheniya psikhologo-pedagogicheskikh distsiplin* [Formation of professional communicative competence in law students in the process of studying psychological and pedagogical disciplines]. Pedagogy Cand. Diss. Chelyabinsk.

11. Nikitina, T.V. (2018) Professional'naya kommunikativnaya kompetentsiya kursantov vuzov FSIN Rossii: struktura i soderzhatel'noe napolnenie [Professional communicative competence of cadets of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: structure and content]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie*. 4 (1). pp. 111–117.

12. Kashitsyn, A.S. & Eremin, S.V. (2012) *Metody statisticheskoy obrabotki rezul'tatov pedagogicheskogo eksperimenta* [Methods of statistical processing of the results of a pedagogical experiment]. Shuya: Shuya State Pedagogical University.

13. Nikitina, T.V. (2017) Formirovanie professional'noy kommunikativnoy kompetentsii kursantov vuzov FSIN Rossii [Formation of professional communicative competence of cadets of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Gumanitarnye nauki*. 3 (39). pp. 134–138.

14. Nikitina, T.V. (2018) Testing the professional communicative competence of cadets in the universities of the Federal Penal Service. *Pedagogicheskiy IMIDZH*. 1 (38). pp. 125–134. (In Russian).

15. Gessmann, H.W. & Sheronov, E.A. (2013) Psychological Test Validity. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 4. pp. 20–31. (In Russian).

16. Nikitina, T.V. (2018) The model of formation of professional communicative competence of cadets in universities of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (18). pp. 134–138. (In Russian).

Received: 04 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 206–212. DOI: 10.17223/15617793/441/27

УДК 378.016

Ю.О. Охорзина, И.В. Салосина, В.С. Глинкин

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ВУЗОВ КНР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На основе анализа китайских источников выявлены и обоснованы особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР. Определены причины недостаточного уровня языковой подготовки китайских студентов, в том числе недостаточность методологической базы и дефицит кадров высшей квалификации. Внесены предложения по решению проблемы в контексте развития различных форм взаимодействия вузов – партнеров России и КНР в части разработки этноориентированных учебно-методических комплексов и реализации системы повышения квалификации.

Ключевые слова: различия образовательных традиций; китайские студенты; методика обучения; преподаватель русского как иностранного.

Научная проблема и её обоснование. В 2012 г. международная деятельность была определена в качестве критерия эффективности деятельности университетов России [1]. С этого момента количество иностранных студентов, приезжающих для обучения в вузы РФ, ежегодно увеличивается. Особенности географического и геополитического положения страны определили доминирующую роль в этом процессе учащихся из Юго-Восточной Азии, в частности студентов из КНР. Согласно исследованиям Высшей школы экономики, в 2015/16 учебном году доля иностранных студентов из стран Азии, обучающихся в вузах РФ, составляла 56,8% от общего числа представителей дальнего зарубежья [2].

Возрастающее число студентов из Азии, в первую очередь из Китая, не только усиливает позиции университетов в международных рейтингах, но и формирует проблемное поле, в основном методического характера. Это, прежде всего, разработка и реализация эффективных этноориентированных методик преподавания русского языка, поскольку русский язык является фактором эффективности освоения основной программы профессионального образования, а также инструментом социокультурной адаптации в среде принимающего региона. Однако языковой барьер возникает даже у китайских студентов, имевших многолетнюю языковую подготовку на родине. Это отражается на эффективности учебной и научной деятельности обучающихся. И эти сложности обусловлены не только различием языковых систем русского и китайского языков, но и различием подходов к языковому образованию в вузах России и КНР. В частности, коммуникативный подход к обучению иностранным языкам, повсеместно реализуемый в российских университетах, практически не применяется в Китае. В связи с чем в первом семестре учебы в вузе РФ студенты испытывают не только культурный, но и «образовательный» шок от непонимания требований и ожиданий преподавателей. К сожалению, это часто приводит к снижению мотивации к обучению в целом. В соответствии с этим актуальным представляется исследование причин возникновения проблем в изучении русского языка китайскими студентами, которые, с нашей точки зрения, обусловлены разницей методических подходов, реализуемых в российских и китайских университетах. Предметом исследования является специфика преподавания русского языка китайскими преподавателями в условиях вузов КНР. И хотя в настоящее время данная проблема поднимается рядом российских исследователей, системного описания отличий с опорой на работы китайских учёных в научной литературе пока не существует.

Цель исследования: на основе анализа китайских источников выявить и обосновать особенности подходов к преподаванию русского языка как иностранного в университетах КНР.

Теоретические и методологические основы исследования. Методологической основой исследования являются: теоретический анализ научной литературы, в том числе и на китайском языке; педагогическое наблюдение в контексте опыта преподавания и обучения авторов в китайских университетах; результаты интервью, проведенных с преподавателями китайских вузов, обучающих китайцев русскому языку и китайскому как иностранному в вузах КНР в период с 2012 по 2017 г.

Большая часть русскоязычных исследований посвящена обучению русскому языку как иностранному (РКИ) в российских университетах преподавателями – носителями языка. Это отражено в работах Е.В. Кожевниковой, Н.М. Божко, А.К. Новиковой, Е.Ю. Кошелевой, Т.М. Балыхиной и др.

Вопрос необходимости создания этнометодики в преподавании РКИ ставится в работах Т.М. Балыхиной, которая большое внимание уделяет специфике обучения китайских студентов, изучающих русскую фонетику, лексику, грамматику [3].

Особенности преподавания русского языка в Китае анализируются в работах Е.В. Кожевниковой и М.Е. Трубчаниновой, которые отмечают, что методика преподавания русского языка в Китае ориентирована на заучивание стандартных форм и клише, тренировку запоминания больших объемов информации, отсутствие диалогических форм работы [4]. На наш взгляд, это вполне объяснимо, поскольку применение данных методов вполне оправдано при обучении китайскому языку. Кожевникова также подробно раскрывает тему содержательной части стандартной подготовки и оценки качества подготовки лингвистов со знанием русского языка в Китае [5].

Н.М. Божко акцентирует внимание на культурологической составляющей процесса обучения русскому

языку, особенностях этнической ментальности и национального характера, главным образом на рационализме китайского этноса и символизме письменной культуры Китая [6].

А.К. Новикова пишет о непоследовательном соблюдении китайскими преподавателями принципа коммуникативности в обучении (в частности, несоблюдении принципа ориентации на коммуникативные нужды), потребностях в новейших учебных материалах прагматической направленности и о контрастировании китайской образовательной традиции с основными принципами российской методики РКИ [7]. Здесь, вне всякого сомнения, присутствует и влияние традиционной китайской культуры.

Необходимо отметить, что внедрение в устоявшуюся педагогическую систему китайских вузов «европейских заимствований» в виде новых методов и технологий, в частности коммуникативных технологий обучения, воспринимается не всегда позитивно. Также не всегда положительно воспринимают китайские студенты коммуникативные технологии на занятиях по русскому языку, особенно в первые месяцы обучения в российском университете. Наиболее мотивированные студенты при этом задают преподавателю вопросы, связанные с отличиями в форме проведения вузовских занятий в КНР и в России.

Аналогичную специфику фиксируют в своих исследованиях и ряд зарубежных ученых. Отмечается, что содержательные и технологические различия принимающей и направляющей (в данном случае китайской) педагогической системы могут отрицательно влиять на степень удовлетворенности результатами обучения. M. Cheng, O. Adeban Adekola, M. Shah, M. Valyrakis сравнивают опыт шотландских и австралийских университетов по внедрению межкультурного компонента в учебные программы [8]. M. Gram, K. Jæger, Liu Junyang, Li Qing, Wu Xiangying, проведя исследование традиционных для европейской системы образования методов проблемного обучения, указывают на трудности обучающихся при восприятии «иного» стиля педагогического взаимодействия [9]. C. Simpson отмечает, что использование активных методов может вносить дискомфорт в процесс обучения китайских студентов [10].

Таким образом, зарубежные исследователи – представители иных культур (русскоязычные и англоязычные) отмечают различие европейских и азиатских педагогических традиций в преподавании иностранного языка, а также выделяют фактор неприятия «чужого» стиля педагогического взаимодействия (по крайней мере на начальных этапах обучения), и, утверждая о необходимости внесения изменения в процесс преподавания иностранных языков студентам из КНР, с целью повышения эффективности обучения, говорят о важности учёта ментальных представлений обучающихся, а также традиций их культуры и образования. Однако упомянутые выше исследования лишь частично и косвенно отражают интроспективный аспект рассматриваемой проблемы. Поэтому мы акцентируем внимание на работах современных китайских авторов, которые не переводились до этого момента на другие языки. С нашей точки зрения, именно рефлексия исследователей, находящихся «внутри» проблемного поля и являющихся носителями определенного культурного кода, должна являться базовой составляющей для разработки этноориентированной технологии преподавания русского языка для китайских студентов. Такой подход позволит минимизировать риски возникновения психологических и межкультурных барьеров в процессе обучения.

Основные результаты исследования. Анализ научной литературы на китайском языке позволил выявить ряд проблем, существующих в области преподавания иностранных языков в целом и русского как иностранного, в частности, в вузах КНР. Исследователи выделяют ряд сложностей общего характера, влияющих на качество обучения иностранным языкам в Китае.

Китайские ученые отмечают слабую теоретическую подготовку преподавателей в области изучения и внедрения современных подходов к преподаванию иностранных языков, реализуемых в России и в мировой вузовской практике. Это вызвано нехваткой научно-исследовательских центров, лабораторий и проектов по изучению методики обучения, а также другими ограничениями, в том числе, до недавнего времени – информационными.

В связи с этим имеется недостаток собственных исследований по теоретическим вопросам преподавания иностранных языков. Тенденции к изучению того или иного вопроса меняются, что приводит к частой смене объектов исследования и, как следствие, к проблемам с системностью и полнотой данных. В отличие от российской научно-педагогической традиции, когда группы ученых разрабатывают отдельный педагогический подход в течение десятилетий, в результате чего создаются целостная система понятий, инструментарий, критерии и показатели оценивания результативности реализации с проекцией на различные предметные области и направления.

Это обусловливает разрыв теории и практики в области методики преподавания иностранных языков, который отражается непосредственно на эффективности обучения [11].

Указанные выше проблемы обусловлены нехваткой педагогических кадров высшей квалификации в Китае. Так, доля преподавателей, имевших степень PhD, составляла в начале 2000-х гг. не более 2% [12].

Подобное положение дел является, в том числе, следствием «культурной революции», с момента которой прошел достаточно небольшой отрезок времени. Одним из её последствий является то, что сейчас в КНР практически отсутствуют понятия «старая профессура», «старая школа преподавания». Это означает, что разрушен традиционный принцип формирования и развития научных школ и направлений, нарушен принцип преемственности в разработке отдельных подходов. Причем китайские авторы избегают обсуждать влияние «культурной революции» и ее последствия.

В настоящее время количество остепененных преподавателей в «топовых» университетах увеличивается, в связи, в том числе, и со стремлением университетов занимать ведущие позиции в международных рейтингах.

Так, по данным Portal.China.ru (http://www.portalchina.ru) и Studychina (http://studychina.ru), в университете Цинхуа (Пекин) работает 7 235 преподавателей, из них: 1 142 профессора, 1 079 – доцентов; в Пекинском университете, соответственно – 5 513/1 488/1 899; в Фуданьском университете 2 400/1 350; в Пекинском университете иностранных языков 640/335 (профессора и доценты).

Однако в провинциальных вузах на сегодняшний день ситуация с кадрами мало изменилась. И это касается университетов, реализующих программы обучения русскому языку. Так, например, в Шеньянском политехническом университете, в котором в 2016 г. обучались 22 602 студента, преподавателей, имеющих степень кандидата наук или PhD, было менее 100 человек. В Даляньском институте иностранных языков пропорция составляет 1 017/88, а в Цзилиньском университете ситуация лучше: 6 500/2 119 (профессора и доценты).

Всё это негативным образом влияет на качество подготовки специалистов-филологов в Китае, которые впоследствии воспроизводят заложенную в вузе модель профессионально-педагогического взаимодействия при преподавании иностранного языка уже в процессе собственной педагогической деятельности.

Необходимо также отметить, что процесс эффективного освоения русского языка в китайских университетах осложняется влиянием культурных особенностей поведения китайцев, спецификой китайского языка и т.д. Так, одним из исторически сложившихся факторов, отражающихся на качестве обучения, является традиционная форма проведения занятий.

Рассмотрим, каким образом структурируется занятие по русскому языку в КНР. Мы анализируем ситуацию в государственных вузах, поскольку в частных учебных заведениях преподаватели обладают большей методической свободой и чаще всего формирование коммуникативных навыков делегируется приглашенным преподавателям – носителям языка.

В государственных университетах все преподаватели работают по единому, заранее утвержденному плану, единым, общим для всех государственных вузов обучающим заданиям. Учебный отдел образовательного учреждения постоянно проводит проверки на соответствие лекций согласованному с администрацией плану. Контроль может проводиться даже с помощью видеокамер. Кроме очевидной идеологической составляющей, работа на основе изучения единообразных текстов решает проблему сильных диалектных различий (южане в разговоре могут совершенно не понимать северян, но иероглифы у всех одинаковые). Однако такого рода подача информации не подразумевает критического осмысления, гибкости в подаче материала, дискуссий и сравнения разных источников. Основной метод обучения – упражнение и тренировка. У студентов формируются способности к запоминанию больших объемов информации на иностранном языке. Китайские преподаватели осознанно ориентируются на визуализацию изучаемого материала. Так, например, китайские студенты хорошо воспринимают структурированное оформление учебно-методических материалов в виде таблиц и схем. Этот выработанный навык необходимо использовать и нам в процессе преподавания русского языка в российских университетах. Следует заметить, что сами китайцы осознают данную национальную особенность и на курсах повышения квалификации для преподавателей китайского языка как иностранного специально объясняют, что в отличие от китайских студентов, многие европейцы являются аудиалами, поэтому для таких студентов требуется иной подход.

Методы обучения не меняются с 1-го по 4-й курс. 90% времени занятия – монолог-лекция преподавателя. Это обусловлено прежде всего большим количеством студентов в учебных группах (обычно 40–50 студентов, классы в школе такого же размера). Исключение составляют занятия по аудированию и говорению. Говорение занимает незначительную долю в учебном плане – не более 10% общего времени обучения. Для занятий речевой практикой формируются группы по 20–30 человек. В такой ситуации обучающийся имеет возможность за неделю произнести не более 2–3 фраз на русском языке. Поэтому даже успешные студенты старших курсов испытывают сложности со спонтанным речепорождением, в лучшем случае ими заучиваются клишированные фразы из учебника, из которых как из конструктора собирается текст. Этим же объясняется тот факт, что, приезжая учиться в Россию, китайские студенты, обучающиеся по программам двойных дипломов, обладают сформированным стереотипом о том, как следует изучать русский язык: необходимо заучивать диалоги, тексты, тренировать грамматические навыки, решая однотипные тесты.

Занятия по аудированию проводятся преимущественно в форме самостоятельного решения тестов в наушниках. Студент слушает небольшой фразовый диалог на бытовые темы, основное содержание которого надо понять. Учитывая, что многие преподаватели даже в университетах говорят с сильным акцентом, подобное прослушивание дает возможность познакомиться с правильной русской речью.

Ярко выраженный акцент преподавателей связан с тем, что многие из них никогда не покидали пределы Китая и имеют ограниченные возможности для самообучения. Особенно это касается школьных учителей. Исторически сложилось так, что последние 40–50 лет в больших городах Китая преподают преимущественно английский язык. Программы изучения русского языка реализуются в ряде сельских школ и в маленьких провинциальных городах.

Отметим, что дополнительные проблемы в обучении создает сам характер китайского языка. Слова и звуки произносятся так, что смыслоразличительными являются не только 4 тона, но и придыхание и назальность дифтонгов. Поэтому дети, которые учились у китайских преподавателей, часто не слышат и не понимают русскую речь, даже если бегло читают и прекрасно пишут тексты. Например, букву «Т» они учили как звук, аналогичный китайскому – с сильным придыханием при произношении. Звука, обозначаемого в русском буквой «Р», в китайском языке не существует. Отсутствует корреляция по твердости-мягкости, нет сочетаний согласных, аналогичных

возможным сочетаниям в русском. Стремление не произносить сочетания консонантов приводит к появлению диерезы, когда не произносится один из согласных [13]. Помимо фонологических есть еще и существенные грамматические различия, прежде всего флективность русского языка. А китайский – изолирующий язык с фиксированным порядком слов в предложениях [14].

Сложности с говорением и аудированием возникают в процессе обучения не только русскому языку, но и при обучении иностранным языкам в целом. Это связано не только с методикой преподавания и уровнем подготовки учителей, но и с системой итоговой оценки.

По окончанию школы все учащиеся сдают так называемый Гаокао (高考) – единый государственный экзамен. Экзамен проходит в форме письменного тестирования. Именно по результатам экзаменов проводится зачисление в университеты. На отработку навыков, необходимых для сдачи экзаменов, тратится все время преподавателей, начиная со средней школы второй ступени. Хотя наибольшие вопросы вызывает необходимость обязательной сдачи математики всеми выпускниками школ, чиновники Комиссии по образованию Китая признают, что Гаокао в целом требует изменений. На данный момент Министерство образования разработало план реформирования структуры экзамена. В 2020 г. планируется реформирование системы. Наиболее существенно будет пересмотрен экзамен по иностранному языку [15].

Говоря о ментальных представлениях в системе ценностей в контексте культурной традиции Китая, необходимо отметить, что с детства китайцев ориентируют на получение результата, а в знаниях приучают ценить в первую очередь их практическую полезность. Есть даже пословица: «Совершенно мудрый стремится к тому, чтобы быть сытым, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи». Поэтому сложно ожидать, что школьники или студенты будут задумываться о построении коммуникации, если в итоговых тестах требуется знание лексики и грамматики.

Сами китайские преподаватели отмечают необходимость расширения используемых методов, приемов обучения, более интенсивного развития навыков говорения и аудирования [16]. На наш взгляд, это обусловлено еще и тем, что в китайской методической парадигме не обозначено понятие «коммуникативная компетенция», которое в российском образовании устойчиво закреплено в качестве основного результата обучения иностранному языку и представляет собой квинтэссенцию сформированных продуктивных и репродуктивных видов речевой деятельности: письмо, говорение, аудирование, чтение. А лексико-грамматический компонент (языковая компетенция) образует только инструментальную основу, обеспечивающую правильность и точность коммуникации.

Еще одним существенным отличием от современного российского высшего образования, основанного на реализации личностно ориентированного подхода в обучении и воспитании, является распространенный авторитарный стиль общения со студентами в вузах Китая, что приводит к выработке устойчивого чувства страха перед любым преподавателем. Есть даже выражение 师道尊严, означающее непререкаемый и абсолютный авторитет учителя, слепое преклонение перед ним. Из собственного опыта общения с китайскими коллегами отметим распространенность мнения, что студент должен на занятиях испытывать чувство страха. По мнению китайцев, таким образом выражается уважение перед человеком, стоящим на более высокой ступени иерархии. А для эффективного освоения навыков коммуникации на иностранном языке необходимо прежде всего создание «территории комфорта», безопасной среды обучения, атмосферы свободы на занятиях, когда каждый участник образовательного процесса имеет возможность высказать свою точку зрения, спорить, разворачивать аргументацию по обсуждаемой проблеме, инициировать обсуждение.

Такая разница в педагогических стилях в контексте профессионального образования также приводит к проблемам академической и социокультурной адаптации студентов КНР в российских университетах. В ситуации, когда студенты попадают в интернациональную группу, они испытывают дискомфорт от того, что творческая инициатива и активность других членов группы создают барьер для их самореализации на учебных занятиях. В такой ситуации важна позиция преподавателя, который должен на первом этапе обучения создать условия для успешной интеграции в учебный процесс всех обучающихся. В ситуации, когда сформированы моногруппы из студентов КНР, задачей преподавателя будет, с одной стороны, развитие и стимулирование инициативы в учебной деятельности, но, с другой стороны, понимание культурных особенностей в части поддержания коллективизма как обязательного условия успешности отдельного индивида. В этой связи одной из сложностей будет являться управление лидерством с целью снижения рисков возникновения конфликтов психологического и культурного плана.

Следующим аспектом проблемы являются особенности используемых учебно-методических материалов, распространенных в Китае. Действительно, как и отмечают китайские коллеги, учебники зачастую очень абстрактны, оторваны от жизни современной России. Многие, изданные в 2000-е гг., являются переизданиями книг, написанных ещё 30–40 лет назад. В школьных учебниках, словарях и грамматиках приводятся примеры употребления конструкций со словами, актуальными в 1950–1970-е гг.: «комсомольцы», «колхоз», даже «коллективизация». Профессиональную и научную лексику студентам приходится переводить, используя английские словари, что очень часто приводит к неточностям в переводе.

Реальность такова, что все меньше и меньше студентов выбирают русский при обучении в вузе. Во-первых, потому что большая часть студентов не учили его в школе, во-вторых, распространено мнение, что русский – очень тяжёлый для изучения язык. Также существует слишком мало программ по обмену, поэтому студенты не имеет возможности на практике применять освоенные теоретические знания в русской языковой среде. К тому же как преподавате-

лям, так и студентам мало понятно, чем выпускники вуза будут в дальнейшем заниматься, поэтому в университетах пытаются давать одновременно разноплановые и разнонаправленные курсы – учат «всему и сразу»: русский для туристов, деловой русский и т.д. А подготовка по отдельным «активностям», таким как говорение, страдает [17]. Отмечаются также недостатки в системе оценивания: в основном, используются тестовые способы проверки. Нет обыгрывания ситуаций из реальной жизни, нет постановочных диалогов. Это не позволяет всесторонне оценить знания студента, а также не раскрывает его умения использовать полученные знания в реальной жизни [18].

Необходимо отметить, что многие приемы методики преподавания, широко распространенные в России, в частности коммуникативные технологии обучения, редко используются в китайских университетах и воспринимаются там как новые и необычные. Китайские преподаватели осознают описанные выше различия в подходах к подаче и усвоению материала в своей и европейской образовательной традиции, при этом многие из них развернуто аргументируют необходимость применения новых методик преподавания.

Так, китайские авторы пишут, что нужно вызывать интерес к языку, обучать элементам речевого этикета, учить русские песни, максимально использовать русский язык в процессе занятий, создавать ситуативные диалоги и организовывать внеклассные мероприятия, связанные с русской литературой и культурой [19]. Также предлагается стимулировать интерес обучающихся организацией конкурсов на знание языка, создавать стенгазеты и так далее [20].

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволило выявить ряд причин, влияющих на эффективность обучения русскому языку в условиях вузов КНР, а также сформулировать ряд предложений по решению данной проблемы:

1. Недостаточность методологической базы для разработки собственных этноориентированных эффективных методик преподавания русского языка в условиях вузов КНР и слабая интеграция с международным научным сообществом, имеющим результаты в данной области. В связи с чем необходимым условием является совместная работа вузов – партнеров России и Китая с целью создания уникальных учебно-методических комплексов и выработки совместных программ обучения русскому языку.

2. Дефицит профильных специалистов. Решением является развитие системы подготовки кадров высшей квалификации в области методики преподавания русского языка как иностранного в ведущих университетах РФ.

3. Языковые различия, которые необходимо учитывать при разработке учебно-методического инструментария. Важно осуществлять преподавание русского языка с опорой на родной язык учащихся.

4. Безусловно авторитарный стиль педагогического общения. Решение проблемы возможно, если курсы, направленные на развитие навыков коммуникации, будут реализованы преподавателями – носителями языка.

Исходя из вышеперечисленного, становятся понятными многие причины длительного и сложного усвоения языкового материала китайскими студентами, поэтому представляется необходимым трансформировать российские учебные материалы, используемые в вузах РФ, учитывая этнокультурные особенности китайцев.

Так, на первых этапах обучения продуктивнее придерживаться привычных и традиционных для Китая стиля поведения преподавателя и подачи материала. Стоит обратить особое внимание на необходимость постоянной визуализации нового материала. Всю важную информацию желательно дублировать в письменном виде. Необходимо максимально структурировать информацию в виде моделей, схем, таблиц. Важно включать в контекст изучения каждой лексической темы целеполагание, поскольку для студентов КНР значимым компонентом мотивации к изучению является понимание ее практической полезности. Не следует ожидать от студентов активного включения в дискуссии, уточняющих вопросов и обращений за дополнительными объяснениями. Необходимо постепенно вводить студентов в контекст учебной коммуникации на иностранном языке: поощрять критическое осмысление изучаемого учебного материала, одобрять участие в полемике, создавать игровые речевые ситуации, комфортные для реализации диалога.

Осознание существенной разницы в методах и целях преподавания в китайской и русской образовательной традиции поможет лучше понимать причины и мотивы поведения студентов в процессе обучения и сдачи экзаменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования. М., 2012. URL: http://www.ceninauku.ru/mfo/page_29806.htm (дата обращения: 15.09.2018).
2. Академическая мобильность иностранных студентов // Факты образования. 2016. Вып. 7. URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
3. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М. : РУДН, 2010. 344 с.
4. Кожевникова Е.В., Трубчанинова М.Е. Проблемы учебного речевого общения на русском языке (из опыта преподавания в России и Китае) // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 159–163. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-31.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
5. Кожевникова Е.В. Специфика образовательной системы и преподавания русского языка в КНР // Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде / под науч. ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2013. С. 232. URL: http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KEY/publications/Tab/kosheleva_e_yu_nauch_red_kitai-skie_vetnamskie_mongolskie.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
6. Божко Н.М. Национальная культурная специфика обучения студентов из Китая и обучение русскому языку // Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты в академической среде / под науч. ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та,

2013. С. 106. URL: http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KEY/publications/Tab/koshe-leva_e_yu_nauch_red _kitaiskie_vetnamskie_mongolskie.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
7. Новикова А.К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 1. С. 68–75.
8. Cheng M., Adeban Adekola O., Shah M., Valyrakis M. Exploring Chinese students' experience of curriculum internationalisation: a comparative study of Scotland and Australia // Studies in Higher Education. 2016. Published online. P. 1–12. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2016.1198894.
9. Gram M., Jæger K., Liu J., Qing L., Wu X. Chinese students making sense of problem-based learning and Western teaching – pitfalls and coping strategies // Teaching In Higher Education. 2013. Vol. 18, is. 7. P. 761–772. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/13562517.2013.836096.
10. Simpson C. Language, relationships and skills in mixed-nationality Active Learning classrooms // Studies in Higher Education. 2015. Issue 4. P. 1–15. DOI: http://dx.doi.org/10.1080/03075079.2015.1049141.
11. 浅析西方文化导入大学外语教学的方法. (Electronic version). URL: http://www.xuexi.la/lunwen/wenhua/xifangwenhua/2956.html (дата обращения: 15.09.2018).
12. 新形势下大学英语教师专业素质的自我提升与发展. (Electronic version). URL: http://www.artkaoshi.com/html/0pw4pww0ur3zuuqx qpzvxw2s.html (дата обращения: 15.09.2018).
13. Чан Динь Лам. Обучение китайских студентов за пределами Китая: проблемы и решение // Успехи современного естествознания. 2014. № 5-1. С. 170–173. URL: https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=33871 (дата обращения: 15.09.2018).
14. Ильина С.А., Губанова Т.В. Знание национальных особенностей как фактор успешного обучения студентов // Если Ваш студент – иностранец (в помощь преподавателям, работающим с иностранными студентами) : сб. ст. с прил. / под общ. ред. проф. И.М. Поповой. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2005. С. 26–30. URL: http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2005/popovain.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
15. China plans exam reform, multi-evaluation system (2013). (Electronic version). URL: http://english.cntv.cn/program/china24/20131209/100360.shtml/Data check 06/08/2015 (дата обращения: 15.09.2018).
16. 谭秀娟，浅谈如何培养学生学习俄语的兴趣//科技向导，2011，第26期，59, 93.
17. Guo Jun. Research on the Russian Talents Training in Universities Under the Strategic Background of The Belt and Road. Journal of Educational Institute of Jilin Province. 2017. № 1. P. 23–26. URL: http://caod.oriprobe.com/articles/52388700/Research_on_the_Russian_Talents_Training_in_Univer.htm (дата обращения: 15.09.2018).
18. 王洪玲，应用型本科大学俄语专业课程考核改革与研究 // 佳木斯职业学院学报，2017，年 8期 376. (Electronic version). URL: http://www.cqvip.com/qk/97531a/201708/7477837450484955485650525 2.html (дата обращения: 15.09.2018).
19. 姜红梅，如何创造学习俄语的良好条件//黑龙江教育学院学报，2002，第4期，113–114.
20. 刘莹，在中俄两国学习俄语的区别//留学天地，2010，第7期，66–67.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 6 ноября 2018 г.

Russian Language Teaching in a Chinese University: Theories and Methods

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 206–212.
DOI: 10.17223/15617793/441/27

Yulia O. Okhorzina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ohorzina@list.ru
Irina V. Salosina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: salosinaiv@tpu.ru
Vitaly S. Glinkin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glinkinvs@yandex.ru

Keywords: distinctions of educational traditions; Chinese students; training technique; teacher of Russian as foreign language.

The aim of this research is to find and explain the special features of Russian language teaching in the PRC's universities by using data obtained through literal sources, and the authors' work experience. The authors conducted a theoretical analysis of Chinese authors' articles on Russian, Chinese and English languages devoted to the issue of foreign language teaching. The authors' own experience of studying for Bachelor, Master and PhD degrees in China was also taken into consideration. In 2014–17, the authors conducted semi-formalized interviews with Chinese natives who were teaching English, Russian and Chinese in Shenyang Ligong (Polytechnic) University and Jilin University. The PRC's central television programs, their internet versions and Chinese culture precedent texts on the role of teacher and teaching process were also used as data sources. The work depicts the systemic analysis of main differences between Russian and Chinese methods of foreign language teaching. The authors suppose that the historically formed culture and traditions are the reason for the relatively low efficiency of Chinese students' education in Russian universities. The authors found some problems which influence foreign language (especially Russian) teaching in Chinese universities. The common problems are the lack of Chinese theoretical research on foreign language teaching, the lack of teachers' competency in the implementation of new teaching techniques and approaches, the lack of high-quality teachers, over-regulation of the teaching process, poor relevance of Chinese teaching materials to the modern Russia's situation. The authors analyzed methods used in China for teaching foreign languages. The article explains the reasons and sources of students' stereotypes about language learning: the imagined need to memorize dialogues and texts, use similar tests for learning grammar, etc. The difficulties students face in speaking and listening are not only the consequence of the teaching methodology and the teacher's level, but also the consequence of the overall assessment system influence. The article discusses the difference between Chinese and Russian styles of teaching. In Russian universities, the person-centered approach is currently used in relations between a teacher and students; in China, teacher-student relations are more authoritarian. The notion 师道尊严 (which may be roughly translated as "Dignity of Teacher's Profession") is explained in the article as an example of the students' attitude to the teacher. It is noted that some teaching methods and techniques, which are quite common in Russia today, are very rarely used in China. Particularly, communicative teaching technologies are seen in China as new and unusual. It is also stressed that many teachers in China recognize the differences between Chinese and European ways of teaching and many of them advocate openly the use of new teaching methods. The systematization of these data helped to find out reasons which influence the effectiveness of Russian language teaching in Chinese universities and allowed to make some recommendations for teachers who work with Chinese students.

REFERENCES

1. RF Ministry of Education and Science. (2012) *Monitoring deyatel'nosti federal'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Monitoring of the activities of federal higher professional education institutions]. Moscow. [Online]. Available from: http://www.ceninauku.ru/mfo/page_29806.htm. (Accessed: 15.09.2018).

2. Fakty obrazovaniya. (2016) Akademicheskaya mobil'nost' inostrannykh studentov [Academic mobility of international students]. *Fakty obrazovaniya*. 7. [Online]. Available from: https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/ 1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf. (Accessed: 15.09.2018).

3. Balykhina, T.M. & Chzhao Yuytszyan. (2010) *Ot metodiki k etnometodike. Obuchenie kitaytsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya* [From methods to ethnomethods. Teaching Russian to the Chinese: problems and ways to overcome them]. 2nd ed. Moscow: RUDN.

4. Kozhevnikova, E.V. & Trubchaninova, M.E. (2017) Problems of communicating in Russian as a foreign language in classroom (evidence from teaching Russian as a foreign language in Russia and China). *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 159–163. [Online]. Available from: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-31.pdf. (Accessed: 15.09.2018). (In Russian).

5. Kozhevnikova, E.V. (2013) Spetsifika obrazovatel'noy sistemy i prepodavaniya russkogo yazyka v KNR [The specifics of the educational system and the teaching of Russian in the People's Republic of China]. In: Kosheleva, E.Yu. (ed.) *Kitayskie, v'etnamskie, mongol'skie obrazovatel'nye migranty v akademicheskoy srede* [Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants in an academic environment]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. [Online]. Available from: http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KEY/publications/Tab/kosheleva_e_yu_nauch_red_kitaiskie_vetnamskie_mongolskie.pdf. (Accessed: 15.09.2018).

6. Bozhko, N.M. (2013) Natsional'naya kul'turnaya spetsifika obucheniya studentov iz Kitaya i obuchenie russkomu yazyku [National cultural specificity of teaching students from China and the teaching of Russian]. In: Kosheleva, E.Yu. (ed.) *Kitayskie, v'etnamskie, mongol'skie obrazovatel'nye migranty v akademicheskoy srede* [Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants in an academic environment]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. [Online]. Available from: http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KEY/publications/Tab/koshe-leva_e_yu_nauch_red _kitaiskie_vetnamskie_mongolskie.pdf. (Accessed: 15.09.2018).

7. Novikova, A.K. (2011) Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae: etnometodicheskie i etnokul'turnye osobennosti [Teaching Russian in China: ethnomethodological and ethnocultural features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. 1. pp. 68–75.

8. Cheng, M. et al. (2016) Exploring Chinese students' experience of curriculum internationalisation: a comparative study of Scotland and Australia. *Studies in Higher Education*. pp. 1–12. DOI: 10.1080/03075079.2016.1198894

9. Gram, M. et al. (2013) Chinese students making sense of problem-based learning and Western teaching – pitfalls and coping strategies. *Teaching In Higher Education*. 18 (7). pp. 761–772. DOI: 10.1080/13562517.2013.836096

10. Simpson, C. (2015) Language, relationships and skills in mixed-nationality Active Learning classrooms. *Studies in Higher Education*. 4. pp. 1–15. DOI: 10.1080/03075079.2015.1049141

11. 浅析西方文化导入大学外语教学的方法. [Online]. Available from: http://www.xuexi.la/lunwen/wenhua/xifangwenhua/2956.html. (Accessed: 15.09.2018).

12. 新形势下大学英语教师专业素质的自我提升与发展. [Online]. Available from: http://www.artkaoshi.com/html/0pw4pww0ur3zuuqx qpzvxw2s.html. (Accessed: 15.09.2018).

13. Tran Dinh Lam. (2014) Educating Chinese students outside China: problems and solutions. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 5-1. pp. 170–173. [Online]. Available from: https://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=33871. (Accessed: 15.09.2018). (In Russian).

14. Il'ina, S.A. & Gubanova, T.V. (2005) Znanie natsional'nykh osobennostey kak faktor uspeshnogo obucheniya studentov [Knowledge of national characteristics as a factor in successful student teaching]. In: Popova, I.M. (ed.) *Esli Vash student – inostranets (v pomoshch' prepodavatelyam, rabotayushchim s inostrannymi studentami)* [If your student is a foreigner (helping teachers working with foreign students)]. Tambov: Tambov State Technical University. [Online]. Available from: http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2005/popovain.pdf. (Accessed: 15.09.2018).

15. English.cntv.cn. (2013) *China plans exam reform, multi-evaluation system*. [Online]. Available from: http://english.cntv.cn/program/china24/20131209/ 100360.shtml/Data check 06/08/2015. (Accessed: 15.09.2018).

16. 谭秀娟. 浅谈如何培养学生学习俄语的兴趣/科技向导. 2011. 第26期. 59, 93.

17. Guo Jun. (2017) Research on the Russian Talents Training in Universities Under the Strategic Background of The Belt and Road. *Journal of Educational Institute of Jilin Province*. 1. pp. 23–26. [Online]. Available from: http://caod.oriprobe.com/articles/52388700/Research_on_the_Russian_Talents_Training_in_Univer.htm. (Accessed: 15.09.2018).

18. 王洪伶. 应用型本科大学俄语专业课程考核改革与研究 // 佳木斯职业学院学报. 2017. 年 8期. 376. [Online]. Available from: http://www.cqvip.com/qk/97531a/201708/7477837450484955485650525 2.html. (Accessed: 15.09.2018).

19. 姜红梅. 如何创造学习俄语的良好条件/黑龙江教育学院学报. 2002. 第4期. 113–114.

20. 刘莹. 在中俄两国学习俄语的区别/留学天地. 2010. 第7期. 66–67.

Received: 06 November 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 213–219. DOI: 10.17223/15617793/441/28

УДК 378.147.016:796.015.363

В.Ф. Пешков

ОБОСНОВАНИЕ ТЕМЫ «ПЛАНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В СПОРТЕ» ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ»

Приводятся обоснование и разработка теоретического и практического содержания темы по планированию средств восстановления в спорте для учебных дисциплин «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» и «Восстановительные средства в спорте», которые автор создал и внедрил в учебный процесс факультета физической культуры и спорта. Представлены методические подходы к планированию восстановительно-профилактических средств непосредственно во время тренировки, микро- и мезоцикла годичного цикла.

Ключевые слова: учебная тема; планирование; восстановительные средства; методические подходы.

Интенсификация тренировочного процесса на этапах многолетней спортивной тренировки является причиной формирования состояний переутомления, перетренированности, хронических заболеваний, травмирования опорно-двигательного аппарата спортсменов всех квалификационных уровней. Для нейтрализации отрицательных последствий высоких тренировочных нагрузок и оптимизации постнагрузочных реакций организма спортсменов специалистами спорта применяются восстановительные и профилактические средства педагогического, психологического и медико-биологического характера. В этой связи важным компонентом профессиональной подготовки студентов университетов физической культуры и спорта, факультетов физической культуры и спорта является профессиональная восстановительно-профилактическая подготовка.

Федеральные государственные стандарты высшего образования по направлениям подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» и 44.03.01 «Педагогические образования», реализуемые на факультетах физической культуры и спорта, требуют формирования компетенций в области применения средств восстановления в спортивной деятельности и сохранения здоровья занимающихся спортом [1, 2]. Но в образовательном процессе университетов физической культуры и спорта и факультетов физической культуры и спорта уделяется недостаточное внимание профессиональной восстановительно-профилактической подготовке. В учебных планах по указанным выше направлениям подготовки не представлены учебные дисциплины, целью которых является формирование у будущих специалистов физической культуры и спорта компетенций в области методик применения восстановительно-профилактических средств. В дисциплинах «Теория и методика физической культуры и спорта», «Спортивная медицина» ограничено, фрагментарно и разрозненно представлен устаревший материал в области применения восстановительно-профилактических средств в спорте, также отсутствует учебный материал по одной из важных тем «Планирование средств восстановления в спорте». В этой связи своевременными и необходимыми представляются разработка и внедрение в учебный процесс на факультетах физической культуры и спорта инновационных дисциплин восстановительно-профилактической направленности. Актуальными для этих дисциплин являются обоснование и разработка содержание темы «Планирование средств восстановления в спорте». Для решения данной проблемы автором обосновано и разработано содержание, а также внедрены в практику факультета физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета инновационные учебные дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» и «Восстановительные средства в спорте» [3, 4].

Цель исследования: обоснование, разработка и внедрение содержания учебной темы по проблеме применения методических подходов к планированию средств восстановления в процессе тренировочных занятий, микроциклов и мезоциклов годичного этапа спортивной подготовки в учебную дисциплину «Теория и методика восстановительно-профилактических средств».

Методы исследования: анализ и обобщение научно-методической литературы, федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, материалов собственных исследований в области разработки методик применения восстановительно-профилактических средств; обобщение и классификация; метод экспертных оценок; последовательный (естественный по своей направленности) педагогический эксперимент.

Научная работа проводилась с 2010 по 2018 г. на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета по направлениям подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», 44.03.01 «Педагогические образования». В исследовании приняли участие 205 студентов.

При обосновании и разработке содержания представленной учебной темы автор опирался:

1) на подходы в теории и методике спорта к структуре макро-, мезо- и микроциклов спортивной тренировки; к планированию объемов и интенсивности тренировочных нагрузок во всех циклах годичного периода; к направленности тренировочных нагрузок; к подходу о необходимости эффективного сочетания и взаимовлияния тренировочных средств, нагрузок и восстановительных средств и доз их воздействия; к учету характера утомления спортсменов, преимущественного утомления функциональных систем, мышечных групп и суставов [5, 6];

2) принципы теории и методики восстановительных средств: принцип нагрузочного эффекта; погашения восстановительного эффекта; тренируемости восстановительного эффекта; комплексного применения средств восстановления; преимущественного значения педагогических средств, прежде всего рационального сочетания тренировочных и соревновательных нагрузок с дозами воздействия восстановительных средств в ходе тренировочных занятий, микро-, мезо- и макроциклов; первоочередного устранения утомления функциональных систем, лимитирующих специальную работоспособность спортсменов звеньев опорно-двигательного аппарата; принцип компенсации дефицитных положительных физических и психоэмоциональных состояний у спортсменов, вызываемых системными и большими тренировочными нагрузками [6, 7];

3) современную классификацию восстановительных средств, включающую педагогические, медико-биологические и психологические средства и выделяющую в этих трех группах средства избирательного, глобального и общетонизирующего характера [6, 8];

4) результаты собственных исследований в области разработки методик применения средств восстановления и профилактики [9].

Опишем разработанное нами содержание темы «Планирование средств восстановления в спорте».

Раздел «Теоретические аспекты планирования средств восстановления в спорте»

Вопросы:

1.1. Уровни планирования: оперативное планирование непосредственно во время тренировки; текущее планирование после тренировок в микроциклах; во время мезоциклов годичного этапа спортивной тренировки.

1.2. Процессы утомления и восстановления – две взаимосвязанные стороны повышения специальной работоспособности спортсмена.

1.3. Влияние факторов на тактику и стратегию применения средств восстановления, главные из которых: особенности сторон спортивной подготовки в видах спорта; специфика функциональных, технико-тактических задач на этапах годичного цикла; квалификация, пол и возраст спортсменов; текущее функциональное и психоэмоциальное состояние спортсменов; величина и направленность тренировочных нагрузок; климатические и экологические особенности.

1.4. Основные направления применения средств восстановления в спорте (по В.Н. Платонову, Я.С. Ваинбауму).

1.5. Особенности восстановления функций организма: фазность восстановления мышечной работоспособности; гетерохронность (разновременность) восстановления различных вегетативных функций.

Раздел «Методические подходы к планированию оперативного применения восстановительных средств во время тренировочных занятий»

Содержание элементов методики планирования средств восстановления непосредственно во время тренировки:

1. Задачи, решаемые применением восстановительных средств:

– уменьшение и отдаление общего утомления;

– уменьшение состояния утомления в отдельных мышцах и суставах или функциональных системах, лимитирующих специальную работоспособность;

– поддержание на должном уровне специальной работоспособности;

– увеличение объема и интенсивности тренировочной нагрузки.

2. Место средств восстановления во время тренировки.

В процессе тренировок с большой и средней нагрузкой утомление наступает во второй ее половине, которое снижает специальную работоспособность. Следовательно, планировать средства восстановления необходимо во второй ее половине. Эффективно планировать средства восстановления после нагрузок анаэробно-алактатного характера, так как восстановление алактатных анаэробных резервов в мышцах происходит в течение 2–5 минут, оплата алактатно-кислородного долга осуществляется в течение 3–5 минут. Целесообразно также планировать средства восстановления во второй части тренировки перед выполнением специально-подготовительных комплексов силовой, скоростной или скоростно-силовой направленности [9].

Например, во время тренировки юных гимнастов высокой квалификации при средней ее продолжительности в 120 мин, на 90-й мин перед выполнением комплекса упражнений, направленных на развитие статической силы, скоростно-силовых качеств или силовой выносливости, рекомендуется планировать комплексы восстановительных средств.Пример: релаксационные упражнения в положении лежа, выполняемые самостоятельно или с партнером, – упражнения суставной гимнастики на те суставы, которые будут нести основную тренировочную нагрузку; кратковременный восстановительный массаж наиболее утомленных мышц – средства гидротации.

3. Используемые средства восстановления.

1. Группа педагогических средств: выполнение малоинтенсивных физических упражнений в оперативном периоде после нагрузок, стимулирующих восстановительные реакции в паузах между отдельными упражнениями и оказывающие тем большее положительное влияние, чем выше интенсивность предшествовавших упражнений; средства гидротации; релаксационные упражнения; тракционные упражнения; упражнения по методу гравитационной тракции; упражнения, направленные на увеличение подвижности в суставах, проявление гибкости; упражнения позной восстановительно-профилактической гимнастики; восстановительное плавание; восстановительный бег; спортивные и подвижные игры низкой интенсивности.

2. Группа психологических средств: экспресс-аутогенная тренировка, функциональная музыка; приемы психологической защиты.

3. Группа медико-биологических средств: качественная питьевая вода для стимуляции процессов гидратации и ликвидации теплового истощения; угле-

водные смеси; углеводно-белковые смеси; энергетические батончики; кислородные смеси; растворы для ликвидации гипонатриемии; элементы кратковременного ручного массажа.

4. Дозировка воздействия.

Учитывая приоритетность решения тренировочных задач и специфику механизмов восстановительных реакций, рекомендуется во второй половине тренировочного занятия планировать длительность одной восстановительной процедуры от 1 до 10 мин. На комплекс из двух-трех средств восстановления, применяемых в процессе второй половины тренировки, целесообразно планировать длительность воздействия от 5 до 10 мин. В заключительной части тренировки на комплекс из двух-трех средств восстановления планируется от 10 до 20 мин.

Раздел «Методические подходы к планированию текущего применения восстановительных средств в микроцикле»

Содержание элементов методики планирования средств восстановления в микроциклах:

1. Задачи, решаемые применением восстановительных средств:

– уменьшить проявления общего утомления;

– устранить или уменьшить боль в мышцах и суставах;

– оптимизировать состояние психоэмоциональной сферы;

– повысить специальную работоспособность спортсменов к следующей тренировке.

2. Место средств восстановления в структуре микроцикла.

Рекомендуется планирование средств восстановления в середине микроцикла (в среду или четверг) и в конце микроцикла (в субботу или воскресенье), когда накапливается значительное утомление организма и снижается специальная работоспособность спортсменов.

При методически правильном подборе средств восстановления на основании учета характера и степени утомления организма восстановительные средства следует планировать в базовых, контрольно-подготовительных, подводящих и соревновательных микроциклах. При этом доза восстановительных средств должна обеспечивать стимуляцию восстановительных процессов, а не подавление. Многие восстановительные средства, особенно педагогические и физические средства восстановления медицинского характера, для организма являются нагрузочными, и суммация их с тренировочной нагрузкой может усилить утомление спортсменов. После тренировки физические упражнения восстановительной направленности, физические средства восстановления медицинского характера, например различные виды массажа, водные и температурные восстановительные процедуры), планируются не раньше, чем через 4 ч после окончания тренировки. Это объясняется тем, что после применение средств восстановления в течение первого или второго часа после окончания тренировочных занятий наблюдается фазность и гетерохронность восстановительных реакций, которые проявляются в следующем: в первый час отдыха восстановительные реакции ускоряются, превосходя интенсивность естественного течения восстановительных процессов; затем в течение следующих двух-трёх часов отдыха интенсивность естественных восстановительных реакций замедляется и функциональное состояние физиологических систем возвращается к уровню окончания выполнения тренировочных занятий.

При нагрузках различной направленности, продолжительности и величины в процессе первой трети восстановительного периода протекает 50–60%, во втором – 25–30%, в третьем – 5–20% восстановительных реакций. Соответственно, если восстановительные средства планируются в первый и второй часы после окончания тренировочного занятия, то они могут оказать дополнительную нагрузку на организм и не будут способствовать эффективности восстановительных реакций и сокращению периода восстановления специальной работоспособности спортсмена. Когда указанные средства восстановления используются не в интенсивной фазе восстановительного периода, т.е. через 4 ч после окончания тренировки, то повышенная скорость восстановительных реакций приводит к значительному сокращению восстановительного периода. Такая положительная реакция организма на физические средства медицинского характера чаще всего проявляется после выполнения средних и больших тренировочных нагрузок различной функциональной направленности. После выполнения спортсменами малых тренировочных нагрузок средства восстановления не оказывают существенного влияния на динамику восстановительных реакций в целом, в том числе и в отдельных фазах восстановительного периода.

После тренировочных занятий в базовых, контрольно-подготовительных, подводящих микроциклах, направленных на повышение энергетических возможностей организма спортсмена, не целесообразно интенсивно стимулировать восстановительные реакции и укорачивать период восстановления, потому что глубина утомления и продолжительность восстановления существенно определяют величину и характер адаптационных изменений, происходящих в функциональных системах и мышцах.

Если эффективность тренировочных занятий зависит не от глубины утомления, вызванного тренировочной нагрузкой, а от суммарного объема работы, выполненной для решения поставленных тренировочных задач, то целесообразно применение средств восстановления для ускорения восстановительных процессов, а именно после тренировочных занятий, направленных на развитие тех функциональных возможностей организма, которые совершенствуются непосредственно в ходе выполнения тренировочной работы и не требуют длительного последействия. На данном этапе восстановления следует применять разучивание и совершенствование техники спортивных упражнений, схем тактической подготовки, повышение анаэробно-лактатных, анаэробно-алактатных резервов организма [5].

Если в течение одного тренировочного дня первое занятие дня направлено на повышение анаэробных возможностей, а второе – аэробных, то после первого

занятия через 2–3 ч после тренировки эффективно применять комплекс восстановительных средств, направленный на восстановление аэробных резервов организма, что позволяет на втором занятии повысить качество тренировочной работы и увеличить её объем [5].

3. Используемые средства восстановления.

Планируется весь перечень эффективных и доступных педагогических, психологических и медико-биологических средств. В середине микроцикла включаются комплексы восстановительных средств из 2–3 средств избирательного воздействия педагогического, медико-биологического и психологического характера, оказывающие преимущественное влияние на отдельные функциональные системы или их звенья, например, такие доступные и эффективные комплексы, как суставная гимнастика – циркулярный душ – аутогенная тренировка восстановительного характера; упражнения по методу гравитационной тракции – гидромассаж утомленных мышц – психорегулирующая тренировка; релаксационные упражнения – локальный ручной восстановительный массаж – самовнушенный сон; упражнения на гибкость, подвижность в суставах – контрастный душ – поздновосстановительная гимнастика.

В конце микроцикла планируется комплекс восстановительных средств из 1–2 средств глобального воздействия медико-биологического характера и 1–3 средств избирательного воздействия педагогического, медико-биологического и психологического характера.

Примеры комплексов: хвойная ванна – общий ручной массаж – протеино-углеводная смесь; вибромассаж – инфракрасная сауна – психомышечная тренировка; тракционные упражнения – баня, сауна – средства гидратации; массаж позвоночника на массажном столе «Нуга-Бест» – теплая морская ванна – аутогенная тренировка; инфракрасный излучатель для суставов – сауна – функциональная музыка; солярий – теплая пресная ванна – локальный ручной восстановительный массаж; восстановительное плавание в бассейне – тёплый дождевой душ – общий ручной восстановительный массаж. При этом учитываются факторы, определяющие стратегию и тактику применения восстановительных средств в спорте.

С целью устранения локальных зон утомления каждый день в течение микроцикла может выполняться взаимомассаж. Если у спортсменов отмечаются состояния психоэмоциональной несбалансированности, сложности в межличностных отношениях, то применяются приёмы психологической защиты.

4. Дозировка воздействия.

Длительность комплекса восстановительных процедур в среднем составляет 40–90 мин; чем более высок уровень утомления, тем большее количество средств планируется в восстановительных комплексах в середине и конце микроциклов и тем большее время необходимо для их применения.

Раздел «Методические подходы к планированию восстановительных средств в мезоциклах»

Содержание элементов методики планирования средств восстановления и профилактики в мезоциклах.

1. Задачи, решаемые применением восстановительных средств:

– устранение явлений перенапряжения, перетренированности;

– профилактика травматизма, заболеваний;

– восстановление общей и специальной работоспособности.

2. Место средств восстановления в структуре мезоцикла.

Восстановительные средства планируются во всех мезоциклах годичного цикла. В практике спорта восстановительно-подготовительные мезоциклы реализуются в подготовительном периоде, включая в себя 1–3 тренировочных микроцикла и 1–2 восстановительных микроцикла, которые планируются между контрольно-подготовительными и предсоревновательными мезоциклами, между предсоревновательными и соревновательными мезоциклами. После напряженных соревновательных мезоциклов планируется восстановительно-поддерживающий мезоцикл, который состоит из 1–3 восстановительных микроциклов и 1–2 тренировочных микроциклов. В переходном периоде годичного цикла планируется восстановительно-профилактический мезоцикл, включающий 2–4 микроцикла восстановительной и профилактической направленности.

3. Используемые восстановительные и профилактические средства в мезоциклах.

Комплексно планируются педагогические, медицинские и психологические средства. Приоритеты этих средств могут меняться в зависимости от функционального состояния спортсменов.

Если необходимо, в мезоциклы восстановительно-профилактической направленности включаются лечебные средства для решения задач лечения травм, хронических заболеваниям, осуществляемые медицинскими работниками.

4. Дозировка воздействий.

В базовом и контрольно-подготовительном мезоциклах подготовительного периода годичного тренировочного цикла нецелесообразно через применение большого объема восстановительных средств искусственно уменьшать период восстановления после занятий, направленных на повышение аэробных, аэробно-анаэробных и анаэробных гликолитических возможностей организма спортсмена. Именно степень утомления и продолжительность восстановления при таких нагрузках в большой мере определяет величину и характер приспособительных изменений в функциональных системах организма. Целесообразно устранять утомление в лимитирующих спортивную работоспособность функциональных системах, прежде всего в отдельных мышечных группах и суставах. Ускорение восстановительных процессов за счёт объемного применения средств восстановления после вышеперечисленных видов нагрузок обосновано только в предсоревновательном и соревновательном мезоциклах годичного цикла.

Ниже дан разработанный нами вариант планирования восстановительно-профилактического микроцикла, который реализуется на базе восстановительных центров, курортов, санаториев, спортивных баз, в

восстановительно-подготовительном и восстановительно-поддерживающем мезоциклах подготовительного и соревновательного периодов годичного цикла. В данном примере представлены перечень средств и отдельные дозировки воздействия.

Итак, в переходный период планируется 2–4 восстановительно-профилактических микроцикла. В данных микроциклах помимо средств педагогического, медико-биологического и психологического характера планируются средства общей физической подготовки, неспецифические для данного вида.

Объём выполнения физических упражнений планируется в параметрах 30–60 мин на пульсе 90–120 уд./мин; исключаются средства специальной физической и технической подготовки. В целом дозировка воздействия восстановительных средств в мезоциклах планируется на основе методических требований, характерных для конкретных восстановительных средств, должных стимулировать восстановительные реакции, устранять боль в мышцах, суставах, формировать комфортное психофизическое состояние.

Понедельник.

1. Сбалансированное 4-разовое питание с полноценным набором овощей, фруктов, ягод.

2. Гидротация в течение дня: за 30 минут до завтрака, обеда и ужина в объеме 200–300 мл качественной воды для юных спортсменов и 300–500 мл для взрослых спортсменов.

3. Дневной сон после обеда – 1–1,5 ч.

4. Восстановительное плавание во второй половине дня в объеме 30 мин на пульсе 80–120 уд./мин.

5. Процедуры во второй половине дня для лечения и профилактики опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта и системы дыхания; если необходимы лечение и профилактика – по индивидуальным показателям.

Вторник.

1. Сбалансированное 4-разовое питание.

2. Гидротация в течение дня: за 30 мин до завтрака, обеда и ужина.

3. Дневной сон после обеда – 1–1,5 ч.

4. Игровая деятельность по интересам спортсменов до и после обеда.

5. Процедуры во второй половине дня для лечения и профилактики опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, системы дыхания.

Среда.

1. Сбалансированное 4-разовое питание.

2. Гидротация в течение дня.

3. Дневной сон под релаксационную музыку.

4. Восстановительный бег в лесу – 20–30 мин на пульсе 80–120 уд./мин.

5. Процедуры во второй половине дня для решения задач лечения и профилактики.

6. Инфракрасная сауна после обеда – 30 мин при температуре 70–80°С.

Четверг.

1. Питание по принципу выбора любимых блюд.

2. Гидротация в течение дня.

3. Дневной сон после обеда в сочетании с воздушными ваннами в течение 1–1,5 ч.

4. Процедуры для решения задач лечения и профилактики во второй половине дня.

5. Танцы восстановительного характера после ужина.

6. Аутотренинг восстановительного характера перед сном в течение 20–30 мин.

Пятница.

1. Углеводное питание в течение дня (соотношение 60% – сложные углеводы, 20–30% – простые углеводы).

2. Гидротация в течение дня.

3. Дневной сон после обеда в сочетании с воздушными ваннами в течение 1–1,5 ч.

4. Прогулки и игры в лесу после обеда в течение 1,5–2 ч.

5. Процедуры для решения задач лечения и профилактики.

6. Аутотренинг восстановительного характера перед сном в течение 20–30 мин.

Суббота.

1. Углеводное питание в течение дня.

2. Гидротация в течение дня.

3. Дневной сон после аутогенного погружения после обеда в течение 1–1,5 ч.

4. Процедуры для решения задач лечения и профилактики во второй половине дня.

5. Финская сауна или русская баня после обеда в течение 1,5–2 ч, температура в финской сауне – 80–90°С, в русской бане – 70–80°С.

6. Творческо-эмоциональные мероприятия по интересам спортсменов после ужина.

Воскресенье.

1. Сбалансированное 4-разовое питание.

2. Гидротация в течение дня.

3. Дневной сон после аутогенного погружения в течение 1–1,5 ч.

4. Процедуры для решения задач лечения и профилактики во второй половине дня.

5. Восстановительный взаимомассаж вечером после ужина в течение 30–40 мин.

Итак, зафиксируем основные результаты проведенного нами исследования:

– обосновано и разработано с опорой на положения теории и методики физической культуры и спорта, принципы теории и методики восстановительно-профилактических средств, классификацию средств восстановления и профилактики, собственные исследования в области восстановительно-профилактических средств содержание учебной темы «Планирование средств восстановления в спорте» для инновационной учебной дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств»;

– содержание темы включает в себя теоретические аспекты планирования средств восстановления в спорте и методику планирования средств восстановления непосредственно во время тренировок, планирование в микроциклах и мезоциклах годичного этапа спортивной подготовки;

– разработанная тема внедрена в содержание учебных дисциплин «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» и «Восстановительные средства в спорте» на факультете физической

культуры и спорта Томского государственного педагогического университета;

– текущий и итоговый контроль по разработанной теме «Планирование средств восстановления в спорте» показал, что у студентов факультета физической культуры и спорта на должном уровне формируются компетенции в области методики применения и планирования средств восстановления в спорте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата). Утвержден приказом Минобрнауки России от 9 февраля 2016 г. № 91 // Официальный сайт Минобрнауки РФ. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf (дата обращения: 27.09.2018).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования «бакалавриат» направление подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование». Утвержден приказом Минобрнауки России от 4 декабря 2015 г. № 1426 // Официальный сайт Минобрнауки РФ. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf (дата обращения: 27.09.2018).
3. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 12 с.
4. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Восстановительные средства в спорте» по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 10 с.
5. Матвеев Л.П. Общая теория спорта. М. : Воен. изд-во, 1997. 305 с.
6. Платонов В.Н. Периодизация спортивной тренировки: Общая теория и ее практическое применение. М. : Олимпийская литература, 2013. 624 с.
7. Пешков В.Ф. Обоснование восстановительно-профилактической подготовки в структуре спортивной подготовки // Вестник Томского педагогического университета (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 1 (178). С. 136–142.
8. Граевская Н.Д., Иоффе Л.А. Некоторые теоретические и практические аспекты восстановления спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1995. № 2. С. 11–16.
9. Пешков В.Ф. Восстановительные средства в профессиональной деятельности педагогов по физической культуре и спорту. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 196 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 декабря 2018 г.

Substantiation of the Theme “Planning of Recovery Means in Sport” for the “Theory and Methodology of Recovery Means” Discipline

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 213–219.
DOI: 10.17223/15617793/441/28

Vladimir F. Peshkov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: peshkov@sibmail.com

Keywords: educational topic; planning; recovery means; methodological approaches.

The aim of the study is to substantiate, develop and introduce the content of the educational topic on the problem of applying methodological approaches to planning recovery means during of training sessions, microcycles and mesocycles of the annual stage of sports training in the academic discipline “Theory and Methodology of Recovery Means”. Analysis and generalization of scientific and methodological literature, of federal state educational standards for higher education, materials of the author’s own research in the development of methods for the application of recovery means, generalization and classification, an expert assessment method, a consistent pedagogical experiment have been used. The study was carried out from 2010 to 2018 at the Department of Physical Culture and Sports of Tomsk State Pedagogical University in the following fields of education: 44.03.05 “Pedagogical Education”, 44.03.01 “Pedagogical Education”. 205 students took part in the study. The substantiation and development of the topic are based on the provisions, approaches and principles of the theory and methodology of sport, the theory and methodology of recovery means, the classification of recovery means, and the author’s own research results in the field of recovery means in sport. As a result of the study, the content of the topic “Planning of Recovery Means in Sport” for the innovative academic discipline “Theory and Methodology of Recovery Means” has been substantiated and developed. The content covers theoretical aspects of the planning of recovery means in sport and methodological approaches to the planning of recovery means directly during training, planning in the microcycles and mesocycles of the annual stage of sports training. Methodological approaches include the following elements: goals; place of recovery means in the structure of the training session, micro- and mesocycles; recommended means of recovery; parameters of the impact proportion. Complexes of recovery means of targeted and general impact of pedagogical, psychological and medical nature, the approximate content of the recovery microcycle for the preparatory, competitive and transitional periods of the annual cycle of sports training have been presented. The developed theme has been introduced into the content of academic disciplines “Theory and Methodology of Recovery Means” and “Recovery Means in Sport” at the Department of Physical Culture and Sports of Tomsk State Pedagogical University. The continuous and final control on the topic has shown that the students of the Department of Physical Culture and Sports obtain skills in the field of methodology of application and planning of recovery means in sport.

REFERENCES

1. RF Ministry of Education and Science. (2016) *Federal’nyy gosudarstvennyy obrazovatel’nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.03.05 “Pedagogicheskoe obrazovanie” (s dvumya profilyami podgotovki) (uroven’ bakalavriata). Utverzhden prikazom Minobrnauki Rossii ot 9 fevralya 2016 g. № 91* [Federal State Educational Standard ІЦf Higher Education in the direction of training 44.03.05 “Pedagogical Education” (with two majors) (Bachelor level). Approved by order No. 91 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 9 February 2016]. [Online]. Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf. (Accessed: 27.09.2018).

2. RF Ministry of Education and Science. (2015) *Federal’nyy gosudarstvennyy obrazovatel’nyy standart vysshego obrazovaniya. Uroven’ vysshego obrazovaniya “bakalavriat” napravlenie podgotovki 44.03.01 “Pedagogicheskoe obrazovanie”. Utverzhden prikazom Minobrnauki Rossii ot 4 dekabrya 2015 g. № 1426* [Federal State Educational Standard of Higher Education. The Bachelor level of higher education, the direction of training 44.03.01 “Pedagogical Education”. Approved by order No. 1426 of the Ministry of Education and Science of Russia of 4 December 2015]. [Online]. Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf. (Accessed 27.09.2018).

3. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Teoriya i metodika vosstanovitel'no-profilakticheskikh sredstv" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The syllabus of the discipline "Theory and Methods of Rehabilitation and Preventive Means" in the direction of training 44.03.05 "Pedagogical Education"]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

4. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Vosstanovitel'nye sredstva v sporte" po napravleniyu podgotovki 44.03.01 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The syllabus of the discipline "Recovery Means in Sport" in the direction of training 44.03.01 "Pedagogical Education"]. Tomsk State Pedagogical University.

5. Matveev, L.P. (1997) *Obshchaya teoriya sporta* [The general theory of sport]. Moscow: Voen. izd-vo.

6. Platonov, V.N. (2013) *Periodizatsiya sportivnoy trenirovki: Obshchaya teoriya i ee prakticheskoe primenenie* [Periodization of sports training: General theory and its practical application]. Moscow: Olimpiyskaya literatura.

7. Peshkov, V.F. (2017) The substantiation of the restorative and preventive training in the structure of sports training. *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 1 (178). pp. 136–142. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-1-136-142

8. Graevskaya, N.D. & Ioffe, L.A. (1995) Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty vosstanovleniya sportsmenov [Some theoretical and practical aspects of the recovery of athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2. pp. 11–16.

9. Peshkov, V.F. (2000) *Vosstanovitel'nye sredstva v professional'noy deyatel'nosti pedagogov po fizicheskoy kul'ture i sportu* [Recovery means in the professional activities of teachers in physical education and sport]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 11 December 2018

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 220–230. DOI: 10.17223/15617793/441/29

УДК 364.67

Е.Е. Румянцева

ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЦ С ОВЗ: ПОМОЩЬ ИЛИ ДИСКРИМИНАЦИОННЫЙ ОТКАЗ

Рассмотрены особенности образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), проанализированы нормы права и проблемы их частичного соблюдения на практике. Подчеркнута важность проведения систематизированного мониторинга качества систем образования лиц с ОВЗ как основы корректировки подходов к оказанию им более действенной помощи со стороны специалистов, а также принятия ряда важных нормативных документов с ориентацией на обеспечение равенства результатов, а не возможностей.

Ключевые слова: образование; качество; права инвалидов; неравенство возможностей и результатов; дискриминация; ООН; ЮНЕСКО; Всемирный банк; мониторинг.

Введение

В идеальной модели правового и социального государства, которую изучают современные российские школьники, инвалидам, как и всем другим лицам, которые в силу различных причин не могут полноценно трудиться и обеспечивать себя самостоятельно (детям и их родителям, больным, пожилым, студентам), достойный уровень жизни достигается через реализацию определенных мер эффективной государственной политики. Реальная модель отличается от учебной тем, что из-за влияния лоббистов, коррупции и многих других факторов нормы права не всегда четко регламентируют социальные отношения; должностные лица на местах не всегда следят за всеми необходимыми изменениями норм права, не всегда трактуют их правильно и надлежаще реализуют в своей деятельности; инвалиды как заинтересованные и одновременно зависимые от внешней среды лица также не всегда своевременно сигнализируют обо всех проблемах, по сути, слабо выполняя функцию обратной связи. Все эти особенности современной практики характерны для всех сфер оказания социальной помощи инвалидам, в том числе и в их образовании. Оказание действенной помощи инвалидам и шире – лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в сфере образования опирается на своевременность и четкость постановки значимых проблем, к которым, по мнению автора, в настоящее время относятся: недостаток стандартизации прав инвалидов и лиц с ОВЗ при получении ими образования; недооценка значимости изучения реальной практики исполнения законодательства об образовании инвалидов с учетом всей ее специфики; отсутствие многообразных количественных индикаторов качества сопровождения инвалидов в образовательной деятельности и их мониторинга; закрытый характер процесса образования инвалидов в России при низком уровне социальной ответственности должностных лиц за нарушение прав инвалидов в сфере образования, фактическая дискриминация положения многих инвалидов и ряд других проблем, раскрываемых в данной статье.

Необходимость специальной подготовки лиц, работающих в образовании с обучающимися с ОВЗ, и контроля за соблюдением норм права на местах. По состоянию на 1 января 2019 г. в России имеют статус инвалида 11,3 млн чел. старше 18 лет (из них 7 млн чел. – старше 60 лет, 1,1 млн чел. – инвалиды с детства) и 670 тыс. детей-инвалидов [1]. Вместе с тем реальный масштаб лиц с ОВЗ в России значительно больше и составляет, по оценке Минтруда РФ, около 40 млн чел. [2]. На сайте ООН приводятся следующие данные, характеризующие количество и дискриминационное положение инвалидов, в том числе и в сфере образования:

– в настоящее время во всем мире каждый седьмой (более 1 млрд чел.) является инвалидом;

– 80% всех людей с ОВЗ проживают в развивающихся странах (что диктует необходимость проведения качественных международных сравнений образовательных систем инвалидов в странах с высоким и низким уровнем дохода);

– дети с ограниченными возможностями и взрослые с нарушениями психического здоровья почти в четыре раза чаще становятся жертвами насилия, чем их здоровые сверстники [3]. Понятно, что насилие, на которое обращает внимание ООН как на главную проблему положения лиц с ОВЗ, наносит ущерб их здоровью, благосостоянию и возможностям развития.

Лица с ограниченными возможностями в образовании при отсутствии действенной системы помощи им, как правило, вынуждены взаимодействовать с гораздо более широким кругом должностных лиц, чем здоровые обучающиеся, добиваясь соблюдения установленных законодательством прав (соответственно выполнения обязанностей должностными лицами, представляющими ту или иную образовательную организацию), что повышает риск их психического насилия недобросовестными людьми и не соответствует тому, что предписывается действующими нормами права (не работать за других, а получать действенную помощь).

Люди, имеющие ограничения по здоровью и психике, нуждаются в грамотном и своевременном учете особенностей здоровья в организации их образовательной деятельности, что подчеркивает необходимость обучения специалистов, работающих в образовании с лицами с ОВЗ, не только в сфере знания норм российского и международного права (соблюдения прав лиц с ОВЗ в образовании), но и также в сфере медицины и образовательной деятельности (как учета индивидуальных особенностей здоровья лиц с ОВЗ и создания для них адаптированных под их возможности здоровья образова-

тельных программ и графиков обучения). Соответственно, в самом худшем варианте – отсутствие необходимой компетентности, в первую очередь, уполномоченных должностных лиц, равно как и отсутствие какой-либо помощи (нежелание работать и помогать) в образовании лиц с ОВЗ на индивидуальной, а не массовой основе ведет к невозможности получения образования лицами с ОВЗ по причинам отсутствия доступа к нему, из-за невозможности соблюдений требований образовательной организации, которые не стали адаптировать в нарушение норм права и медицинских предписаний. В условиях безнаказанности бездействия и / или некомпетентности образовательных организаций как принимающей лиц с ОВЗ стороны от единичных случаев игнорирования прав и нужд лиц с ОВЗ в образовании процесс приобретает массовый характер, выражаясь в низкой результативности получения аттестатов о среднем образовании и дипломов о высшем образовании лицами с ОВЗ.

Развитие правовой защиты лиц с ОВЗ в сфере образования при недостатках комплексных сравнений разных образовательных систем. Стержнем обсуждения эффективности образования лиц с ОВЗ и возможных нарушений, безусловно, являются нормы права, как действующие (с проблемами их исполнения на практике – понимания исполнителями, государственного и общественного контроля), так и пробелы, упущения, просчеты законодательства.

Проблемам стандартизации прав инвалидов (шире – лиц с ОВЗ) в разных странах мира, в том числе в сфере образования, на протяжении многих лет уделяется существенное внимание. Развитие этой темы нашло отражение во Всеобщей декларации прав человека 1946 г., Конвенции о правах ребенка 1959 г., Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Декларации ООН о правах умственно отсталых лиц 1971 г., Декларации о правах инвалидов 1975 г., во Всемирной программе действий в отношении инвалидов 1982 г., Конвенции о техническом и профессиональном образовании 1989 г., Принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи 1991 г., в Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов 1993 г., Саламанкской декларации о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями 1994 г. В 1990 г. в США был принят Закон об американцах с инвалидностью (ограниченными возможностями); опыт США был заимствован в более чем в 40 странах [4]. Российские исследователи выделяют следующие страны с наиболее совершенным законодательством в области инклюзивного образования лиц с ОВЗ: Мальта, Нидерланды, Норвегия, ЮАР, Испания, Швеция, Уганда, США и Великобритания, подчеркивая при этом, что «инклюзив» при хорошем законодательстве работает не везде (например, по мнению российских исследователей, не работает в Индии). В Дании – пионере инклюзивного образования – растет число детей с особыми потребностями, которые учатся в специальных школах. В Германии, несмотря на хорошее законодательство об инклюзивном школьном образовании, большинство детей с особыми потребностями учатся в специализированных школах [5. С. 16–17].

Проблема особенностей обучения лиц с ОВЗ получила на сегодняшний день два недостаточно комплексно сопоставляемых между собой решения: лица с ОВЗ получают образование либо в специальных образовательных учреждениях, либо инклюзивно в массовых. При этом далекие от дискуссий в этой сфере должностные лица в своей практике работы с лицами с ОВЗ ***ошибочно и сегодня в нарушение действующих норм права трактуют инклюзивное образование как чисто формальное***, без каких-либо затрат и организационных мероприятий присоединение обучающихся с ОВЗ к общим группам. В то время как инклюзивное образование с обязательным выполнением всего, а не какой-то части комплекса требований к учету особенностей лиц с ОВЗ в их образовании, обозначает недопустимость изоляции лиц с ОВЗ от общества, обеспечение равенства всех их гражданских прав [6] с помощью определенных мероприятий, усилий со стороны ответственных за оказание им помощи лиц, а не их фактическое бездействие, равнодушие, безответственность. Российские исследователи подчеркивают не столько необходимость преодоления изоляции лиц с ОВЗ от общества как главный аргумент развития инклюзивного начального и среднего образования вместо специального, сколько расширение возможностей их занятости, самореализации в жизни в дальнейшем и приводят в трактовку инклюзивного подхода ЮНЕСКО, в соответствии с которым организаторы образовательной деятельности должны предоставлять образовательные услуги с учетом различных образовательных потребностей лиц с ОВЗ через более полное участие в образовательном процессе, привлечение общественности и устранение сегрегации и дискриминации в образовании. В соответствии с Саламанкской декларацией, главным в инклюзивном образовании является то, что ***эта система должна гибко приспосабливаться к особенностям и потребностям каждого ребенка*** [5. С. 11, 14].

Несмотря на наличие многолетнего опыта в этой области и публикаций, во Всемирном докладе ЮНЕСКО по мониторингу качества образования за 2016 г. было подчеркнуто, что люди с ОВЗ попрежнему являются «одной из наиболее маргинализированных и отчужденных групп населения, ***которым постоянно отказывают в реализации права на качественное образование***», люди с инвалидностью имеют больше шансов быть бедными и меньше шансов быть трудоустроенными. Согласно проведенным в 2015 г. исследованиям, из всех детей в мире, не посещающих начальную школу, треть являются инвалидами [7. С. 78, 83]. В 2006 г. Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной ассамблеей ООН 13 декабря 2006 г. и вступившая в силу 3 мая 2008 г. после того, как ее ратифицировали 50 государств, обязала правительства обеспечить инклюзивные системы образования на всех уровнях. Глава МИД РФ Сергей Лавров подписал конвенцию 24 сентября 2008 г. в Нью-Йорке, но ратифицирована она была Россией почти через четыре года – в мае 2012 г. [8]. Конвенция ООН по правам инвалидов, которая, по

мнению Т. Дейгенер, впервые в международной законотворческой практике представляет инвалидов как правообладателей [6], устанавливает параметры оценки доступности образовательной среды для лиц с ОВЗ. В частности, в ст. 2 Конвенции определяется понятие «дискриминация по признаку инвалидности», которое означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области. Она включает все формы дискриминации, в том числе ***отказ в разумном приспособлении***, которое, в свою очередь, означает внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод [9]. Можно добавить, что отказ в признании ограничений здоровья является сегодня также важнейшим признаком дискриминации образования лиц с ОВЗ в реальной практике. С 1 января 2016 г. в России вступили в силу нормы социальной защиты инвалидов, принятые более года назад, в соответствии с которыми ***дискриминация инвалидов в России запрещена***, созданы возможности для расширения защиты прав инвалидов в административном и судебном порядке [10].

Как было отмечено во Всемирном докладе ЮНЕСКО по мониторингу качества образования за 2017 г., политика соблюдения обязательств, реализации особых прав в отношении инвалидов, лиц с ограниченными возможностями здоровья все еще не всегда воплощается на практике [11].

Иначе можно сказать, что до принятия этих важных норм международного и национального права дискриминация была и являлась настоящим бедствием для инвалидов, существенным фактором риска их бедности и ухудшения их состояния здоровья и психики. В то же время законодательное запрещение дискриминации инвалидов не должно быть голословным. Однако на сегодняшний день ни мониторинг качества образовательной среды для инвалидов, ни анализ изменений состояния их дискриминации не проводится, как, к сожалению, существует и по аудиту исполнения многих других норм российского права. Соответственно, эта проблема должна решаться как на государственном уровне, так и на уровне действенного общественного контроля, в том числе в ходе проведения независимых (как более объективных) научных исследований.

Показатели мониторинга недопущения дискриминации и качества образования лиц с ОВЗ. В 2015 г. было сообщено, что в России обучаются 481 тыс. детей с ОВЗ. Из них 159 тыс. детей учатся в инклюзивных классах общеобразовательных организаций, 110 тыс. – в отдельных классах, которые осуществляют образовательную деятельность по специальным адаптированным программам при общеобразовательных организациях, а 212 тыс. продолжают учиться в специальных учебных заведениях для детей с ограниченными возможностями, и что в результате реформы системы образования, стартовавшей в 2013 г., все школы и детские сады в России должны стать доступными для детей-инвалидов [12]. В 2017 г., по данным Минобрнауки РФ, только в 21,4% (более 9 тыс.) школ были созданы необходимые условия для инклюзивного образования несмотря на то, что право ребенка с ОВЗ обучаться в любой средней общеобразовательной школе установлено Федеральным законом «Об образовании», а с 2016 г. стал действовать Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) пока только для начальной школы для детей с ограниченными возможностями здоровья [13].

Инклюзивное обучение в российском профессиональном образовании характеризуется следующими показателями: по данным опроса более 900 студентов-инвалидов в более чем 160 российских государственных вузах, выявлено, что студентом в России становится в настоящее время только каждый 33-й инвалид (3,07%) в возрасте до 30 лет (т.е. сразу после школы – еще меньше), в то время как сверстники, не имеющие ограничений по здоровью, – каждый 5-й (20%), несмотря на то, что для поступления инвалидов в стране созданы достаточно лояльные условия – по квоте инвалидов во многих вузах недобор уже на стадии приема документов с передачей бюджетного места под общий конкурс. Среди студентов всего 0,38% инвалидов. Что касается вопросов качества обучения студентов-инвалидов, которые смогли сдать ЕГЭ или вступительные экзамены и поступить, то в соответствии с выявленными показателями от 25 до 63% из них (из того небольшого числа студентов, которые поступают по квоте) не заканчивают обучение, выразив в то же время свое стремление, надежды, волю, интерес к учебе, поступив в тот или иной российский вуз. Работу имеет только каждый 4-й инвалид в трудоспособном возрасте. Таковы результаты однократно пока проведенного исследовательским центром «Особое мнение» и представленного Общественной палатой РФ в феврале 2017 г. всероссийского комплексного мониторинга доступности высшего образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [14].

Для неутешительного для многих российских семей с инвалидами сравнения: в Кембридже, например, инвалиды составляют более 14% от общего числа студентов [15]. В США выделяют семь видов нарушений здоровья, с которыми связано создание специальных условий, в том числе сокращение учебных нагрузок студентов и отмену ряда предметов [16]. В России, где непрофессионалы воспринимают только три вида нарушений здоровья, а не все семь, к сожалению, лишь единичные вузы работают с инвалидами так, как это установлено нормами права.

Согласно ст. 2, 13 «Всеобщей Декларации прав человека» (принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), ст. 2, 27 «Конституции РФ» (принятой всенародным голосованием 12.12.1993), ч. 21 и 23 «Всемирной программы действий в отношении

инвалидов» (принятой 3 декабря 1982 г. Резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН), ст. 150 «Гражданского кодекса РФ» а также иных норм права, ограничение права инвалида на свободное перемещение является незаконным. За отсутствие соблюдения требований к созданию условий инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, а также для беспрепятственного пользования железнодорожным, воздушным, водным, междугородным автомобильным транспортом и всеми видами городского и пригородного пассажирского транспорта, средствами связи и информации в России установлена административная ответственность (ст. 5.43 и 9.13 Кодекса административных правонарушений РФ). Согласно определению Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 689, вытекающая из норм федерального законодательства публичная обязанность по обеспечению доступности зданий и сооружений для инвалидов и других групп населения с ограниченными возможностями передвижения возлагается, в частности, на собственников зданий и сооружений. Однако кроме конкретизации и соблюдения требований к доступу лиц с ограниченными возможностями передвижения в образовательные учреждения***, остались почти неурегулированными на практике вопросы обязательности разработки и применения для лиц с ОВЗ адаптированных образовательных программ***, что даже чисто формально не контролируется государственными органами в плановом порядке, но является системообразующим звеном в качественным и результативном (до получения документов об успешном окончании образовательного учреждения) образовании всех инвалидов.

В 2011–2015 гг. в России на создание благоприятной среды для обучения инвалидов в рамках реализации программы «Доступная среда» за счет средств федерального бюджета было выделено 16 млрд руб., или более 366 млн евро, потраченные на строительство пандусов для колясок, оборудование специальными приспособлениями для инвалидов школьных туалетов [17], но при этом не было уделено должного внимания профессиональной подготовке кадров и созданию адаптированных для особенностей здоровья учеников с ОВЗ учебных программ, информационной доступности образовательной среды, искоренению практики недобросовестной саморекламы ряда российских вузов в этой сфере. Правительством Российской Федерации принято решение продлить программу на пять лет. Проект государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг. с выделением значимого финансирования на эти цели был одобрен на заседании Правительства Российской Федерации 15 октября 2015 г. В 2017 г. президент России В.В. Путин объявил о пролонгации данной программы на срок до 2025 г. [18].

Очевидно, что обобщающие показатели количества обучающихся лиц с ограниченными возможностями, финансирования (особенно в условиях масштабной коррупции) не исчерпывают всего круга вопросов, которые необходимо глубинно измерять, чтобы не допускать ухудшения здоровья лиц с ОВЗ во время обучения из-за незнания специфики организации их образования, например неумения создавать психологически комфортную для таких лиц образовательную среду. К числу рекомендованных ЮНЕСКО показателей отнесены: показатель охвата дошкольным, средним, высшим и послевузовским образованием инвалидов; коэффициент поступления инвалидов в образовательные организации; коэффициент учащихся, возраст которых превосходит средний возраст обучающихся на данной ступени образования; коэффициент инвалидов-второгодников; динамика изменения количества числа студентов-инвалидов в вузах и число выпускников-инвалидов за определенные периоды времени; распределение ресурсов в области образования для обучения студентов-инвалидов; расходы на студента-инвалида в сравнении с расходами на студентов массового обучения и студентов, обучаемых по индивидуальным программам, но не причинам здоровья; индекс равенства как возможностей, так и результатов, включающий сопоставления по важнейшим показателям результатов обучения студентов-инвалидов со студентами массового обучения [7. С. 8, 281, 562–563]. Для России – это также сравнение показателей сдачи ГИА и ЕГЭ лиц с ОВЗ с их здоровыми сверстниками. К числу дополнительных показателей, которые целесообразно включать в качественный, систематизированный по данной проблеме мониторинг, исследователи относят: показатели социальной дискриминации лиц с ОВЗ в образовательной среде (с преподавателями и одноклассниками или однокурсниками) [19]; показатели соблюдения требований адаптации образовательных программ в целом и отдельно – к физическим (например, паралич, потеря конечности, глухота), психическим (например, депрессия или посттравматический стресс) и умственным (например, необучаемость) ограничениям возможностей здоровья (как глубина решения проблемы помощи лицам с ОВЗ в получении качественного образования); показатели изменения здоровья инвалидов во время обучения; показатели затрат времени на усвоение нового учебного материала и выполнение домашних заданий и др. Чем четче будет поставлен круг задач, который надо решать, тем легче их будет наблюдать во времени с помощью соответствующих показателей, важнейшими их которых являются результативность процесса образования лиц с ОВЗ.

Таким образом, важнейшим подходом к оценке реализуемости цели обеспечения равного доступа к образованию и профессионально-технической подготовке всех уровней для инвалидов как одной из наиболее уязвимых групп населения является измерение ее достижений в течение определенного периода времени, сравнение с другими странами.

Определение социальной группы, нуждающейся в адаптированной образовательной программе из-за риска неполучения образования в связи с ограничениями по здоровью. Определение нуждающихся в адаптированной образовательной программе не должно, по нашему мнению, ориентироваться исключительно на наличие статуса инвалидности. Это подтверждается развитием международной теории данной проблемы, выступающей основа-

нием для принятия или изменения законодательства в данной сфере.

С 1960-х гг. в научной литературе упоминалось о разных моделях инвалидности (медицинская (био) модель, социальная модель, экономическая модель, модель группы меньшинств, универсалистская модель, скандинавская реляционная модель, модель возможностей и др.) [6]. В Докладе ЮНЕСКО обращается внимание на то, что точный подсчет случаев инвалидности является проблематичным из-за значительных отличий при определении форм и степеней инвалидности, поэтому в мониторинг доступности и качества образования для инвалидов должны включаться не только лица, имеющие документ об инвалидности, позволяющий им также иметь определенные социальные льготы, но лица, находящиеся под угрозой инвалидности, имеющие существенные ограничения по здоровью, влияющие на их способность к получению образования, но ***не получившие статус инвалида*** [7. С. 83, 238].

«Инвалиды, – говорится в другом Докладе ЮНЕСКО, – ***могут не сообщать о своей инвалидности*** из страха стигматизации. Кроме того, ***правительство может избегать сбора данных*** из опасения того, что они негативным образом отразятся на его политике или усилят напряженность в обществе» [11]. Поэтому важным является корректный учет всех возможных параметров физических и психических ограничений в образовательной деятельности, на основе которого производится отделение лиц с ограниченными возможностями, от лиц, обучающихся массово. Безусловно, в этом вопросе немаловажное значение имеет стандартизация формулировок в медицинских справках особенностей образования с учетом ограничений распространения сведений, составляющих врачебную тайну, и не являющихся предметом обсуждения в образовательной организации. К числу таких формулировок можно отнести рекомендации в щадящей сдаче экзаменов (в случаях стрессовонеустойчивости), индивидуального графика обучения (в случае частых пропусков занятий по причинам временной нетрудоспособности и / или необходимости осуществления медицинских процедур) и др.

Минздрав России издал приказы по стандартизации лечения граждан в России по болезням, но не имеет пока систематизирующего все варианты формулировок нормативного документа о выдаче медицинских справок об особенностях образования лиц с ОВЗ как основания для предоставления спецусловий в том или ином образовательном учреждении. В современных условиях необходимости противодействия управленческой коррупции в том же нормативном документе необходимо также предусмотреть механизм противодействия выдаче таких медицинских справок по знакомству или на условиях взяточничества, защитив граждан с ОВЗ от психологического насилия и обмана, мошенничества и в этой сфере тоже. Таким образом, на наш взгляд, с целью исключения в дальнейшем дискриминации должно быть обеспечено взаимодействие между медицинскими и образовательными организациями в образовании лиц с ОВЗ на специальных, адаптированных к индивидуальным физическим возможностям условиях.

На практике же недобросовестные представители образовательных организаций в устном негласном порядке стремятся прикрывать свой непрофессионализм и / или недобросовестность в данной сфере требованиями к обучающимся приносить различные медицинские справки в дополнение к документу, подтверждающему инвалидность, которые не ставят на контроль, а обсуждают, нужно их вообще выполнять или нет, не имея на то полномочий, злоупотребляя тем самым своими должностными обязанностями и унижая, обманывая при этом граждан.

Целесообразно также, на наш взгляд, на уровне Минобразования РФ в связи с непрозрачностью и неподготовленностью вузов к обучению инвалидов с соблюдением всех действующих норм права и этики и отчислением по этой причине инвалидов из таких вузов создать на нормативно-правовом уровне на переходный период (на 5 лет, например) условия для поступления инвалидов на места с бюджетным финансированием по квотам инвалидов не только на 1-й курс, но и на все другие курсы (по справкам об обучении). Пока такая возможность отсутствует, инвалиды, попадая в неподготовленный по инклюзивному образованию вуз или вуз, применяющий недобросовестные, коррупционные практики образовательной деятельности, отчисляясь, теряет возможность своего дальнейшего бесплатного обучения, не имея, как правило, достаточных средств для оплаты образовательных услуг и не получая, в итоге, образование по организационным и финансовым причинам, не зависящим от его тяги к знаниям, лишаясь в будущем доступа к более высокооплачиваемой работе.

Российское законодательство и требования к его исполнению на местах, несмотря на существенную автономию вузов, построено именно на таком подходе – на раскрытии, достаточно значимом для этой социальной группы нуждающихся в реальной помощи людей, требований к организации обучения не только инвалидов по своему статусу, а всех лиц с ограниченными возможностями здоровья, которых значительно больше. В статье 79 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определено, что «содержание образования и условия организации обучения и воспитания обучающихся с ограниченными возможностями здоровья ***определяются адаптированной образовательной программой***» [20]. Таким образом, главным критерием инклюзивного, немассового обучения как в профессиональном, так и в среднем образовании в России является наличие адаптированной под возможности обучающихся лиц с ограниченными возможностями здоровья образовательной программы – и в ее содержательном плане, и в имеющей критическое значение организационной части обучения студентов с ОВЗ, формально направленной на соблюдение администраторами образовательного процесса, преподавателями – представленных медицинских предписаний. Отсутствие же такой адаптированной образовательной программы, по нашему мнению, содержательного, организационного наполнения ин-

клюзивного обучения в профессиональном образовании является наиболее емким показателем, характеризующим невыполнение образовательной организацией российских норм права, и, соответственно, причиной того, что поступившие по квоте инвалидов студенты, как и студенты с ОВЗ, но без статуса инвалидности не могут в такой организации дойти до счастливого для них финала – до получения диплома (как раз, как и было выявлено, как это происходит реально в российской практике, когда от 25 до 63% из 0,38% студентов-инвалидов в общем числе студентов не получают диплом вопреки своим выраженным при поступлении в вуз жизненно важным для них целям).

Требования к содержанию адаптированной к возможностям здоровья и психики учебной программы. Пунктом 8 Порядка организации образовательной деятельности [21] установлены основные параметры адаптированной образовательной программы, подчеркивается плановый, а не в ряде случаев проявляемый как спонтанный (по сути, как вид произвола в обучении) подход. Предписывается, что любому студенту уже в начале обучения должны быть известны все требования, все задания, необходимые для прохождения контрольных форм. Закрытый же характер образовательной программы является, по нашему мнению, существенным показателем для оценки как резервов повышения эффективности, так и уровня коррупции в той или иной образовательной организации, открыто пренебрегающей соблюдением норм права и скрывающей от общественного контроля, от лиц, проходящих обучение в данной организации, образовательные программы. В таких организациях спонтанного (беспланового) и закрытого образовательного процесса и ***по студентам с ОВЗ не выполняются установленные государством требования адаптации образовательных программ***. В таких случаях российские образовательные организации пока не наказываются за данные нарушения (главные в инклюзивном образовании в содержательном и организационном планах), реальная практика государством и обществом почти не наблюдается, а студенты с ОВЗ отчисляются из них «по собственному желанию», так как не в состоянии в индивидуальном порядке бороться за признание и реализацию своих прав на образование по адаптированной образовательной программе и специальным условиям обучения, не вытягивая при этом повышенную, не нормируемую учебную нагрузку для них.

Нормирование и контроль за соблюдением нормативов учебных нагрузок (п. 16 Порядка) – еще один важный момент соблюдения медицинских предписаний в инклюзивном обучении (но и для здоровых обучающихся, которые не должны в ходе некачественных образовательных практик с административно устанавливаемыми перегрузками ухудшать свое здоровье и психику так же, как и лица с ОВЗ). Если в вузе такая нагрузка не считается, ни с кем не обсуждается при поступлении по квотам инвалидов, то, как правило, она превышает допустимые для здоровья студентов нормы, а образовательный процесс только по этой причине ухудшает здоровье студентов с ОВЗ, что должно обсуждаться, контролироваться государством, общественными организациями, независимыми экспертами и пресекаться в дальнейшем как злостное нарушение, как основание для штрафа образовательной организации и наказания конкретных должностных лиц – нарушителей нормативных требований. По нашему мнению, именно поэтому (из-за неподготовленности учебного процесса по обучению данной социальной группы или, возможно, из-за нарушения норм права по причине вседозволенности в системе многолетних коррупционных связей) студенты с ОВЗ ***не могут обучаться***, а их место ***с бюджетным финансированием*** забирается администрацией для других, негласно реализуемых ею целей. То есть в недобросовестных практиках идет борьба за досрочное освобождение мест с бюджетным финансированием от лиц с ОВЗ в связи с тем, что они своим присутствием создают дополнительную нагрузку для образовательной организации, «ненужные» с позиции нацеленности на получение максимальных коммерческих выгод для узких групп лиц хлопоты. И в условиях недостатка государственного контроля и недейственности системы штрафов образовательных организаций за нарушения норм права (неисполнение действующего законодательства) эти процессы становятся заразительными, получив массовый, а не единичный характер. Вообще, любые нарушения норм права, основанные на перераспределении выгод с их получателей на должностных лиц, заразны (термин, который стал активно использоваться в современной международной коррупциологии) – распространяются в массовом порядке до введения механизмов их действенного пресечения. В случае с доступностью образовательной среды в школах и вузах в России для лиц с ОВЗ эта проблема пресечения заразных нарушений является в настоящее время одной из приоритетных в переходе от состояния дискриминации в образовании лиц с ОВЗ к ее заметному искоренению.

В соответствии с пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», а также пп. «а» п. 3 Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и обновления информации об образовательной организации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 582, образовательные организации обеспечивают размещение на своих официальных сайтах информации о реализуемых образовательных программах, в том числе о реализуемых адаптированных образовательных программах, с указанием учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, предусмотренных соответствующей образовательной программой, а также об использовании при реализации указанных образовательных программ электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Имея доступ к ее открытым данным, потребители образовательных услуг получают возможность оценить не только качество образовательной деятельности по ее содержанию, преподавательскому составу, но и рассчитать реальную учебную нагрузку на здоровье, которая является сегодня существенным различием в процессе образовательной деятельности по разным

вузам страны, обучающим по схожим учебным программам, но с разными показателями качества и уровня требований, предъявляемых к студентам. Поэтому в одних вузах студенты сдают сессии почти без задолженностей и не испытывают серьезных стрессов из-за плохой организации учебного процесса, а в других они изначально настраиваются на получение задолженностей и их урегулирование в индивидуальном порядке в долгосрочном периоде, что, естественно, вызывает вопросы по соблюдению прав студентов и норм права в области обучения лиц с ОВЗ.

Однако сайты многих российских вузов не выполняют требования к их ведению, не содержат объективных сведений о них, нацелены на привлечение студентов на основе подачи информации рекламного характера, не соответствующей действительности. Поэтому, по нашему мнению, для снижения уровня обмана абитуриентов и их семей, представления информации, не соответствующей реальной практике работы вузов, работа по стандартизации предоставления сведений на сайтах должна быть продолжена. В целях снижения уровня недобросовестной рекламы, непредставления важных для абитуриентов, студентов, отдельно студентов с ОВЗ совместно с органами прокуратуры к ответственным лицам должны применяться меры административной и уголовной ответственности. Пока же уровень искажений информации на сайтах вузов является одной из значимых причин ошибочного (по критерию гуманности, качеству, добросовестному и ответственному отношению к этому направлению не коммерческой, но социальной деятельности, в целом, соблюдению государственных требований к инклюзивному обучению лиц с ОВЗ) выбора вуза абитуриентами с ОВЗ, препятствуя их дальнейшему обучению по факту неподготовленности учебного процесса как, в основном, тщательно скрываемому от госорганов нарушению норм права.

Важнейшим препятствием успеха образования лиц с ОВЗ является также отсутствие (в том числе как непринятие) в практике работы вуза электронной информационно-образовательный среды (п. 27 Порядка), преобладание примитивизма в организации учебного процесса. В таких вузах неформальный порядок предусматривает конфликтный, дискриминационный, вседозволенный характер общения со студентами, которые во всех учебных ситуациях определяются как виновные, а примитивно преподающие преподаватели и их администраторы всегда правыми. Деспотичный, спонтанный, ненормированный по учебной нагрузке характер фактической организации учебного процесса, состояние борьбы студента за сохранение своего места в условиях, по сути, административного произвола, проявляющегося в ряде случаев, как правило, несовместим с обучением лиц с ОВЗ в такой неправовой среде, является барьером на пути профессионального образования и дальнейшего трудоустройства инвалидов, мониторинг изменения состояния здоровья (в части ухудшения) во время их обучения которых также крайне важен.

Кризис и высокая фактическая стоимость образования. Обсуждение проблемы соблюдения прав лиц с ОВЗ в образовании, недопущения их дискриминации в будущем затрагивает и проблемы состояния системы образования в целом.

Как подчеркивается в Докладе Всемирного банка о мировом развитии 2018 «Обучение как средство реализации образовательных перспектив», некачественная образовательная деятельность в странах с низким и средним уровнем дохода позволяет говорить о ее кризисе не только при образовании лиц с ОВЗ, а в целом. Данный кризис, проявляющийся в плохих результатах обучения, обусловлен, по мнению представителей Всемирного банка, слабой мотивацией обучающихся на их обучение (что, в свою очередь, по нашему мнению, требует дальнейшего изучения и связано в России во многом с отсутствием перспектив хорошей работы и дороговизной образовательной деятельности); недостатком квалификации и мотивации у задействованного контингента учителей школ и преподавателей вузов, отсутствием поддержки талантливых и компетентных педагогов и их инноваций в образовании; неэффективным управлением образованием на всех его уровнях [22].

Как заявил президент Группы Всемирного банка Джим Ён Ким, кризис образования – не только экономический, но и нравственный. Образование при хорошей его организации и содержании помогает обеспечить занятость, более высокий заработок, здоровье, хороший уровень жизни. Обществу оно обеспечивает ускоренное внедрение инноваций, укрепление институтов и усиление социальной сплоченности. Получение всех этих благ определяется не любым обучением, а качественным. Посещение же школы без получения знаний означает упущенные возможности [23]. То же самое можно конкретизировать и про вузы, которые могут давать знания низкого качества, подрывать здоровье и психику у студентов своим стрессовым, конфликтным подходом к их обучению, выпускать кадры, не обеспеченные высокооплачиваемой работой. В связи с этим всем обучающимся Всемирный банк рекомендует ***не попадать в ловушки низкого уровня (некачественного) обучения***, а государственным органам – ***изучать проблемы в этой области и последовательно решать их.*** В этом контексте кризис образования понимается как несогласованность действий разных сторон – потребителей образовательных услуг и государственных контрольных органов власти в отношении взаимодействия с образовательными организациями, что подтверждает сделанные выше выводы автора.

К общей беде обмана населения предоставлением некачественных образовательных услуг, психологического насилия недобросовестными практиками добавляется резко возросшая в России фактическая стоимость обучения, особенно ее теневая часть, которую семьям необходимо тратить, но никто ее комплексно не оценивает, как и эффективность образования в разных образовательных организациях. В российских школах крайне вариативно относятся к тратам родителей на образование, из года в год вводя все новые требования к финансовому обеспечению обучения детей, проявляющиеся, в основном, в устной форме (негласно) на родительских собраниях. К числу таких требований, в частности, относят сборы наличных

денег зачастую без какого-либо отчета: на учебники и рабочие тетради (одно время школы просили купленные на родительские деньги учебники отдавать в конце года в школьную библиотеку), ремонт школы, нужды класса, благотворительные взносы в фонд школы, средства на подарки учителям и администрации школы или их премирование, обязательные подготовительные курсы перед поступлением в школу и обязательные платные дополнительные занятия по предметам, школьную форму, платную продленку, праздники для детей, дорогостоящие экскурсии и поездки, коллективные и индивидуальные фотографии по завышенным ценам, выпускные почти после каждого класса, охрану и пр. [24].

К началу учебного года необходимо собрать школьника в соответствии с требованиями школы и традициями, которые рекомендуется соблюдать (в 2017 г. средние расходы на сбор московского школьника составляли 32,5 тыс. руб., что эквивалентно средней заработной плате в России после уплаты налога на доходы физических лиц). Но главный расход в выпускных классах для родителей, желающих помочь своим детям в условиях кризиса образования, – на репетиторов (70–80 тыс. руб. в год на каждый выбранный для углубленного изучения вне школы предмет) [25]. Обо всех этих особенностях родители узнают уже после выбора школы, и для многих – это пребывание в состоянии конфликта с администрацией, педагогами из-за ограничений их семейного бюджета, особенно если один из родителей (нередко в неполной семье) еще и не работает из-за необходимости оказания ежедневной помощи своему ребенку (для родителей детей-инвалидов – это вынужденная мера). Если подсчитать все гласные (официально разрешенные) и негласные (нередко даже запрещенные) расходы российских семей на образование в школе за 11 лет, то эти затраты образуют значимую нагрузку на бюджет большинства российских семей. При этом уровень затрат на саму школу – по устным требованиям к родителям, звучащим на родительских собраниях, – не всегда гарантирует качество обучения учеников и подготовки к ГИА и ЕГЭ. При данной практике вариативного управления в российских школах Минобрнауки России в своем письме от 9 сентября 2015 г. № ВК-2227/08 напомнило о недопущении незаконных сборов денежных средств с родителей обучающихся, осуществляемых в нарушение ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», гарантирующего общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования в России.

Выводы

Потребности и возможности лиц с ОВЗ являются главными критериями оценки усилий общества в реализации и своевременной доработке принятых норм права в сфере образования. В частности, предлагается на уровне Минздрава РФ в контексте модернизации российской системы здравоохранения [26] и повышения значимости противодействия коррупции [27] принять регламент выдачи лицам с ОВЗ медицинских рекомендаций по созданию специальных, адаптированных к их индивидуальным возможностям условий обучения, обязательных для исполнения в образовательных организациях, предусмотрев все нюансы адаптированной формы образования лиц с ОВЗ по разным профилям их заболеваний, а также на нормативно-правовом уровне на переходный период (на 5 лет, например) в связи с непрозрачностью и неподготовленностью вузов к обучению инвалидов с соблюдением всех действующих норм права и этики и отчислением по этой причине инвалидов из таких вузов предусмотреть порядок для поступления инвалидов на места с бюджетным финансированием по квотам инвалидов не только на 1-й курс (на основании результатов сдачи ЕГЭ или вступительных испытаний для таких лиц), но и на все другие курсы (по справкам об обучении, полученным при отчислении из вуза, в котором нормы права лиц с ОВЗ не соблюдены, и ситуация усилиями обучающегося или его законных представителей не может быть улучшена).

Проведенные нами исследования показывают, что неподготовленные лица не могут заниматься образованием инвалидов и оказывать им квалифицированную поддержку по сопровождению их обучения. И более того, неподготовленные, некомпетентные лица своими действиями наносят ущерб по хрупкой и уязвимой системе образования инвалидов, лишая последних получения образования как результата и будущего, связанного с достижением более высокого уровня жизни, чем в ситуации без образования. С учетом необходимости проведения аудита соблюдения прав лиц с ОВЗ на качественное образование должны применяться более четкие показатели, на основе которых будет проводиться на постоянной основе реалистичный мониторинг правоприменительной практики в разных образовательных организациях, анализироваться их сравнительная эффективность, а также оцениваться достижение целей государственной политики в этой области, не допускающее дискриминации и неравенства не только возможностей, но получения значимых для самореализации и дальнейшей занятости лиц с ОВЗ результатов. Необходимо также продолжить формирование базы данных о практике соблюдения прав лиц с ОВЗ в целом, в том числе в образовании в наиболее успешных в этой сфере деятельности странах и российских образовательных организациях, поскольку сведений по данной проблематике представляется пока недостаточно. Одним из направлений привлечения внимания гражданского общества к необходимости урегулирования многих проблем на практике является составление рейтинга стран мира по реализации прав лиц с ОВЗ. Еще одним важным направлением, по нашему мнению, основанному на исследовании ситуации в странах с высоким уровнем доходов, является значимое расширение институциональных рамок, числа независимых экспертов, правозащитников, занимающихся защитой прав лиц с ОВЗ в России на постоянной основе и накапливающих в рамках своей деятельности позитивную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный реестр инвалидов. URL: https://sfri.ru/analitika/?territory=1 (дата обращения: 03.02.2019).
2. 3 декабря отмечается Международный день инвалидов. Новость на сайте Минтруда России от 01.01.2016 г. URL: https://rosmintrud.ru/social/invalid-defence/354 (дата обращения: 03.02.2019).
3. Международный день инвалидов 3 декабря. URL: http://www.un.org/ru/events/disabilitiesday/background.shtml (дата обращения:03.02.2019)
4. Degener T., Quinn G. A Survey of International, Comparative and Regional Disability Law Reform. In the book: Disability Rights Law and Policy. International and National Perspectives. Berkeley : Disability Rights Education and Defense Fund (DREDF), 2000. URL: https://dredf.org/news/publications/disability-rights-law-and-policy/a-survey-of-international-comparative-and-regional-disability-law-reform/ (дата обращения: 03.02.2019).
5. Гонтмахер Е.Ш., Клепиков А.В. и др. Россия: на пути к равным возможностям. М. : Весь мир, 2009. 53 с.
6. Degener T. Disability in a Human Rights Context // Laws. 2016. № 5 (3). P. 35. DOI: 10.3390/laws5030035. URL: http://www.mdpi.com/2075-471X/5/3/35/htm (дата обращения: 03.02.2019).
7. Образование в интересах людей и планеты: Построение устойчивого будущего для всех. Всемирный доклад по мониторингу образования. Париж : Издательство ЮНЕСКО, 2016. 568 с.
8. Россия ратифицировала конвенцию ООН о правах инвалидов // РИА-новости. 03.05.2012. URL: https://ria.ru/society/20120503/640208771.html (дата обращения: 03.02.2019).
9. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // Собрание законодательства РФ. 11 февраля 2013 г. № 6. Ст. 468.
10. Дискриминация инвалидов запрещена в России с 1 января // РИА-Новости. 11.01.2016. URL: https://ria.ru/society/20160111/1357718226.html (дата обращения: 03.02.2019).
11. Accountability in education: meeting our commitments. The Global Education Monitoring Report 2017/18. Paris : UNESCO Publishing, 2017. 486 p.
12. Алленова О. Школа обязана создать условия для ребенка // Коммерсантъ Власть. 2015. № 45. 16 ноября. С. 16.
13. Филиппова Д. Родители не увидели в школах условий для детей-инвалидов // Известия. 2017. 25 авг. URL: https://iz.ru/636334/daria-filippova/nestandartnaia-inkliuziia (дата обращения: 03.02.2019).
14. Инвалидам облегчат поступление в вузы. Общественная палата обсудила итоги мониторинга доступности высшего образования инвалидам // Комсомольская правда. 2017. 28 февр. URL: https://www.kp.ru/daily/26647/3668087/ (дата обращения: 03.02.2019).
15. Студенты с ограниченными возможностями. Сайт Кембриджского университета. URL: https://www.undergraduate.study.cam.ac.uk/why-cambridge/support/disabled-students (дата обращения: 03.02.2019).
16. Жаворонков Р.Н. Технология высшего инклюзивного образования инвалидов, применяемая в Соединенных Штатах Америки // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2010_5_1950.pdf (дата обращения: 03.02.2019).
17. Вишневецкая Ю. Школа без барьеров: могут ли инвалиды учиться в обычном классе? // Deutsche Welle. 2013. 8 окт. URL: https://www.dw.com/ru/%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0-%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0 %B5%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%83%D1%82-%D0%BB%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0% B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D1%8B-%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D0%B2-%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5/a-17143957 (дата обращения: 03.02.2019).
18. Путин: госпрограмма «Доступная среда» будет продлена как минимум до 2025 года // ТАСС. 2017. 5 дек. URL: http://tass.ru/obschestvo/4785243 (дата обращения: 03.02.2019).
19. Bean K.F., Hedgpeth J. The Effect of Social Work Education and Self-Esteem on Students' Social Discrimination of People with Disabilities // Social Work Education. 2014. Vol. 33, is. 1. P. 49–60. DOI: 10.1080/02615479.2012.740454.
20. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2017 г.) // Первоначальный текст документа опубликован в Собрании законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
21. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 05.04.2017 г. № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Российская газета. 2017. 19 июля.
22. Learning to realize education's promise. World Development Report 2018. Washington : The World Bank, 2018. 216 p.
23. World Bank warns of «learning crisis» in global education. Press release 2017. 27 Sept. URL: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2017/09/26/world-bank-warns-of-learning-crisis-in-global-education (дата обращения: 03.02.2019).
24. Ворсобин В. «Скинемся дружно на нужды класса!»: Как бороться со школьной коррупцией? // Комсомольская правда. 2016. 8 сент. URL: http://www.kp.ru/daily/26579.4/3594305/ (дата обращения: 03.02.2019).
25. Дорогая школа: как обеспечить школьника всем необходимым и не разориться? // Общественное российское телевидение. 2017. 5 сент. URL: https://otr-online.ru/programmi/prav-da/dorogaya-shkola-kak-72452.html (дата обращения: 03.02.2019).
26. Румянцева Е.Е. Мониторинг национальных систем здравоохранения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 92–99.
27. Румянцева Е.Е. Пробелы российского антикоррупционного законодательства и негласные правила борьбы с коррупцией. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 116–127.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 февраля 2019 г.

Education of Persons with Special Health Needs: Assistance or a Discriminatory Refusal

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 220–230.
DOI: 10.17223/15617793/441/29

Elena E. Rumyantseva, Economic Policy and Business Centre (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.p.centre@mail.ru

Keyword: education; quality; rights of disabled people; opportunities and results inequality; discrimination; UN; UNESCO; World Bank; monitoring.

The aim of the article is to consider the features of education of persons with special health needs (SHN) in modern Russia having analyzed the norms of international and national law and their actual observance in practice. The article uses data collected by the author from various sources that do not have a systematic nature of their presentation. In studies of education of persons with SHN, many Russian authors present advantages and shortcomings of the comparison of two systems: education at specialized schools and inclusive education. Inclusive education in Russia, unlike in many developed countries, has started developing, as emphasized in the article, rather recently. In Russian educational organizations, many officials without special training mistakenly treat inclusive education as careless inclusion of persons with SHN in groups of students rather than as hard work with them, so that they progress in training, taking into account features of their health and mentality (sluggishness, absent-mindedness, limited physical activity, weak

immune system and others). Without state and public control over the observance of the current standards of the rule of law, persons with SHN were systematically refused in the realization of the right of to a high-quality education. At the same time, the lack of assistance in education to persons with SHN is shown against the background of the global crisis of education in the countries with low and average income. At present, there is no integrated approach to carrying out the quantitative assessment of the realization by persons with SHN of their rights to high-quality education at all levels; there is little competent international comparison. In this regard, more attention must be paid to the monitoring of the realization by persons with SHN of their right to education. The adoption of legal documents in the field of regulation of medical recommendations in education and the opportunity for persons with SHN to enter higher education institutions on disabled people quotas for the second, third and fourth courses of study are also significant. The author comes to the following conclusions. It is necessary to overcome the lack of standardization of the rights of disabled persons and people with SHN when they receive an education. The significance of the study of the actual practice of implementing the laws on the education of disabled persons, taking into account all its specificity is underestimated. There are no diverse quantitative indicators of the quality of support for disabled persons in educational activities for its continuous monitoring. The education process of disabled persons in Russia has a closed nature, with a low level of officials' social responsibility for violations of the rights of disabled persons in the field of education, factual discrimination of the situation of many people with SHN and a number of other problems in the field of education of people with SHN.

REFERENCES

1. Pension Fund of the Russian Federation. (2019) *Federal'nyy reestr invalidov* [Federal Register of Disabled Persons]. [Online]. Available from: https://sfri.ru/analitika/?territory=1. (Accessed: 03.02.2019).

2. RF Ministry of Labor. (2016) *3 dekabrya otmechaetsya Mezhdunarodnyy den' invalidov* [December 3 is the International Day of Persons with Disabilities]. [Online]. Available from: https://rosmintrud.ru/social/invalid-defence/354. (Accessed: 03.02.2019).

3. UN. (n.d.) *Mezhdunarodnyy den' invalidov 3 dekabrya* [December 3 is the International Day of Persons with Disabilities]. [Online]. Available from: http://www.un.org/ru/events/disabilitiesday/background.shtml. (Accessed:03.02.2019)

4. Degener, T. & Quinn, G. (2000) *A Survey of International, Comparative and Regional Disability Law Reform. In the book: Disability Rights Law and Policy. International and National Perspectives*. Berkeley: Disability Rights Education and Defense Fund (DREDF), [Online]. Available from: https://dredf.org/news/publications/disability-rights-law-and-policy/a-survey-of-international-comparative-and-regional-disability-law-reform/. (Accessed: 03.02.2019).

5. Gontmakher, E.Sh. et al. (2009) *Rossiya: na puti k ravnym vozmozhnostyam* [Russia: Towards equal opportunities]. Moscow: Ves' mir.

6. Degener, T. (2016) Disability in a Human Rights Context. *Laws.* 5 (3). DOI: 10.3390/laws5030035. [Online]. Available from: http://www.mdpi.com/2075-471X/5/3/35/htm. (Accessed: 03.02.2019).

7. UNESCO. (2016) *Obrazovanie v interesakh lyudey i planety: Postroenie ustoychivogo budushchego dlya vsekh. Vsemirnyy doklad po monitoringu obrazovaniya* [Education for people and planet: creating sustainable futures for all, Global education monitoring]. Paris: UNESCO Publishing.

8. RIA-novosti. (2012) *Rossiya ratifitsirovala konventsiyu OON o pravakh invalidov* [Russia ratified the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online]. Available from: https://ria.ru/society/ 20120503/640208771.html. (Accessed: 03.02.2019).

9. Russian Federation. (2013) Konventsiya o pravakh invalidov (Zaklyuchena v g. N'yu-Yorke 13.12.2006) [Convention on the Rights of Persons with Disabilities (Concluded in New York on 13 December 2006)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 11 February. 6. Art. 468.

10. RIA-novosti. (2016) *Diskriminatsiya invalidov zapreshchena v Rossii s 1 yanvarya* [Discrimination of persons with disabilities is prohibited in Russia from 1 January]. [Online]. Available from: https://ria.ru/society/20160111/ 1357718226.html. (Accessed: 03.02.2019).

11. UNESCO. (2017) *Accountability in education: meeting our commitments. The Global Education Monitoring Report 2017/18*. Paris: UNESCO Publishing.

12. Allenova, O. (2015) Shkola obyazana sozdat' usloviya dlya rebenka [School is obliged to create conditions for children]. *Kommersant" Vlast'*. 45. 16 November. pp. 16.

13. Filippova, D. (2017) Roditeli ne uvideli v shkolakh usloviy dlya detey-invalidov [Parents did not see conditions for children with disabilities in schools]. *Izvestiya*. 25 August. [Online]. Available from: https://iz.ru/636334/daria-filippova/nestandartnaia-inkliuziia. (Accessed: 03.02.2019).

14. Komsomol'skaya pravda. (2017) Invalidam oblegchat postuplenie v vuzy. Obshchestvennaya palata obsudila itogi monitoringa dostupnosti vysshego obrazovaniya invalidam [Admission to universities will be facilitated for persons with disabilities. Public Chamber discussed the results of the monitoring of accessibility of higher education for people with disabilities]. *Komsomol'skaya pravda.* 28 February. [Online]. Available from: https://www.kp.ru/daily/26647/3668087/. (Accessed: 03.02.2019).

15. University of Cambridge. (n.d.) *Studenty s ogranichennymi vozmozhnostyami* [Disabled students]. [Online]. Available from: https://www.undergraduate.study.cam.ac.uk/why-cambridge/support/disabled-students. (Accessed: 03.02.2019).

16. Zhavoronkov, R.N. (2010) The Technique of Higher Inclusive Education of the Persons with Disabilities Used in the United States. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education.* 5. [Online]. Available from: http://psyedu.ru/files/articles/ psyedu_ru_2010_5_1950.pdf. (Accessed: 03.02.2019).

17. Vishnevetskaya, Yu. (2013) Shkola bez bar'erov: mogut li invalidy uchit'sya v obychnom klasse? [School without barriers: can people with disabilities study in a regular classroom?]. *Deutsche Welle*. 8 October. [Online]. Available from: https://www.dw.com/ru/%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0-%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%83%D1%82-%D0%BB%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D1%8B-%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D0%B2-%D0%BE%D0%B1%D1%8B%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5/a-17143957. (Accessed: 03.02.2019).

18. TASS. (2017) Putin: gosprogramma "Dostupnaya sreda" budet prodlena kak minimum do 2025 goda [Putin: the state program "Accessible Environment" will be extended at least until 2025]. *TASS.* 5 December. [Online]. Available from: http://tass.ru/obschestvo/4785243. (Accessed: 03.02.2019).

19. Bean, K.F. & Hedgpeth, J. (2014) The Effect of Social Work Education and Self-Esteem on Students' Social Discrimination of People with Disabilities. *Social Work Education*. 33 (1). pp. 49–60. DOI: 10.1080/02615479.2012.740454

20. Russian Federation. (2012) Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 29.12.2017 g.) [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" (as amended on December 29, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31 December. 53 (Pt. 1). Art. 7598 (original version).

21. Rossiyskaya gazeta. (2017) Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 05.04.2017 g. № 301 "Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel'noy deyatel'nosti po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury" [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 301 of 05 April 2017 "On approval of the procedure for organizing and carrying out educational activities on educational programs of higher education – undergraduate programs, specialty programs, graduate programs"]. *Rossiyskaya gazeta.* 19 July.

22. World Bank. (2018) *Learning to realize education's promise. World Development Report 2018*. Washington: The World Bank.

23. World Bank. (2017) *World Bank warns of "learning crisis" in global education*. Press release 2017. 27 September. [Online]. Available from: http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2017/09/26/world-bank-warns-of-learning-crisis-in-global-education. (Accessed: 03.02.2019).

24. Vorsobin, V. (2016) "Skinemsya druzhno na nuzhdy klassa!": Kak borot'sya so shkol'noy korruptsiey? ["Let's collect money for the needs of the class!": How to fight school corruption?]. *Komsomol'skaya pravda.* 8 September. [Online]. Available from: http://www.kp.ru/daily/26579.4/3594305/. (Accessed: 03.02.2019).

25. OTR. (2017) *Dorogaya shkola: kak obespechit' shkol'nika vsem neobkhodimym i ne razorit'sya?* [An expensive school: How to provide the student with all necessary things and not to go bankrupt?]. 5 September. [Online]. Available from: https://otr-online.ru/programmi/prav-da/dorogaya-shkola-kak-72452.html. (Accessed: 03.02.2019).

26. Rumyantseva, E.E. (2018) Monitoring of National Health Systems. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 62 (2). pp. 92–99. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-92-99

27. Rumyantseva, E.E. (2017) Gaps in the Russian anti-corruption law and unspoken rules of fight against corruption. Monitoring of Public Opinion. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Economic and Social Changes*. 3. pp. 116–127. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.08

Received: 04 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 231–234. DOI: 10.17223/15617793/441/30

ПРАВО

УДК 342.413

Ю.В. Ким

«ПАЛЛИАТИВНЫЕ» ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется природа паллиативных положений Конституции. В качестве таковых представлены нормы, которые в силу значительной смысловой неопределенности их содержания не обладают достаточным ценностно-регулятивным потенциалом. Их возникновение обусловлено системными причинами, коренящимися в правосознании общества, традициях конституционного строительства. Паллиативные нормы близки к правовым фикциям и создают предпосылки для неограниченного расширения дискреционных полномочий органов государственной власти.

Ключевые слова: Конституция; конституционализм; конституционное право; государственность; фикции; паллиатив; дефект правовой нормы.

Конституция РФ сыграла важную роль в стабилизации политической системы и формировании основ правового государства в России. Велико значение нашей Конституции и в том, что она на протяжении двух с половиной десятилетий способствовала реальному формированию, освоению и совершенствованию инструментария отечественного конституционализма.

Между тем жизнь не стоит на месте. Опыт конституционализма, освоенный за прошедшие четверть века, не только существенно изменил представления профессионального юридического сообщества о механизме современной конституционной государственности. По мере дальнейшего углубления в «физику» и «метафизику» конституции она непрестанно открывается новыми гранями и оттенками, высвечивающими не только достоинства, но и скрытые дефекты, которые ограничивают социорегулятивный потенциал основного закона.

Дефектность нормоположений конституции вызвана разными обстоятельствами – и формально-логического, и технико-юридического, и семантического свойства. Словом, они разноплановы и обнаруживаются практически во всех главах Конституции – и в основах конституционного строя (глава 1), и в федеративном устройстве (глава 3), и в нормах, моделирующих форму правления и механизм государства (главы 4 и 6) вкупе с системой местного самоуправления (ст. 12 и глава 8). В специальной литературе эти моменты так или иначе подвергались научному анализу [1–4].

Среди прочих условий, детерминирующих дефектные нормы, следует особо выделить системные факторы, которые имеют, скорее всего, ментальную, доктринальную природу, обусловленную состоянием правосознания общества, подверженностью некритическому заимствованию чужих взглядов и концепций, что чревато возникновением понятийно-категориальных «завалов», а отсюда – институционных провалов. Нередко они становятся источниками правовых фикций. Как известно, наиболее распространенными из них и воспроизводимыми во многих конституциях, в том числе в Конституции РФ, является фикция суверенитета народа (ч. 1, 2 ст. 3). Зачастую возникновение дефектных юридических конструкций может быть объяснено особенностями текущего политического момента, когда законодатель не всегда имеет возможность избежать институционализации небезупречных в теоретическом отношении правовых конструкций. Таковыми, судя по всему, явились положения, в прямой или же косвенной форме закрепляющие суверенный государственно-право-вой статус субъектов федераций (ст. 3 Федеральной конституции Швейцарской конфедерации 1999 г., абз. 1-а ст. 24 Основного закона ФРГ 1949 г., ч. 2 ст. 5 Конституции РФ). Именно факторами идейно-политического, ситуативного характера можно объяснить проникновение в Конституцию России и, стало быть, в структуру отечественной государственности архаичного концепта «республика (государство)» применительно к статусу субъекта федерации. Между прочим, корни его уходят в ту эпоху (XVIII–XIX вв.), когда идея деленного суверенитета вполне уживалась с зыбкой моделью ранней федерации (США – на основе статей Конфедерации и вечного союза 1781 г., Германия – по Конституции Германской империи 1871 г.), об унитаризации которой еще никто не помышлял. При этом логическим недоразумением представляется конструкция ч. 4 ст. 5, необъяснимо (в контексте задач юридической герменевтики) провозглашающая, что *во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти* все субъекты Российской Федерации *между собой равноправны*.

Вместе с тем трудно ожидать от основного закона государства высококачественного нормативно-правового материала, когда последний сгенерирован в обстановке напряженного политического противостояния, в разгар системного кризиса государственности и правосознания. В подобного рода переходных состояниях общества и политических систем чаще всего продуцируются промежуточные, неидеальные решения и документы, содержащие «паллиативные» юридические конструкции. Паллиати́в (фр. *palliatif* от лат. *pallium* – покрывало, плащ) – неисчерпывающее, временное решение, полумера. Термин «паллиатив» перешел из медицины и обозначает лекарство, приносящее лишь временное облегчение, но не излечивающее от болезни [5, 6]. И.А. Ильин объяснял появление

паллиативов в практике государственно-правового строительства «слепотою и беспомощностью», «безыдейностью власти», порождаемых кризисным состоянием правосознания и приводящих к «вырождению правовой и государственной жизни» [7. С. 541].

Итак, применительно к политико-правовой области паллиативами можно обозначать некие акты институционального или же нормативно-правового характера в государственном строительстве, содержащие решения или меры промежуточного, временного, половинчатого характера. Они создают впечатление незавершенности институциональной «наладки» в конституционном строительстве. Чаще всего такой эффект вызывается либо существенной смысловой неопределенностью, абстрактностью положений основного закона, либо недостаточностью целеполагающих ориентиров, призванных раскрыть их содержание или же обозначить конкретные задачи, подлежащие решению.

Такова ситуация с началами социального государства (ст. 7 Конституции РФ), предполагающими создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1). Причем параметры, характеристики и предпосылки достойной жизни не раскрываются. Нельзя сказать, что и гарантия минимального размера оплаты труда сама по себе (ч. 2) несет позитивную смысловую нагрузку. При отсутствии уточняющих критериев и целевых индикаторов она легко может стать обещанием стабильной нищеты, что, собственно, почти нашло свое практическое подтверждение. В соответствии со ст. 133 Трудового кодекса РФ, введенного в действие в 2002 г., минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Однако введение данной нормы Кодекса было отложено на неопределенную перспективу ст. 421, в соответствии с которой порядок и сроки поэтапного повышения минимального размера оплаты труда до размера должны устанавливаться федеральным законом. Что из этого вышло? С 2000 г. минимальный размер оплаты труда изменялся 19 раз, но так и не был доведен до искомой величины. И лишь теперь этот вопрос в связи с поручением Президента РФ Правительству РФ о доведении МРОТ до прожиточного минимума с 01.05.2018 некоторым образом разрешился посредством внесения изменений в Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» [8]. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения» введен механизм ежегодного установления минимального размера оплаты труда, исчисляемого как величина прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за II квартал предыдущего года (ст. 3) [9]. С 1 января 2018 г. минимальный размер оплаты труда установлен в сумме 9 489 рублей в месяц, что составляет 85% от величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2017 г. Согласно Федеральному закону от 07.03.2018 № 41-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» минимальный размер оплаты труда с 1 мая 2018 г. установлен в сумме 11 163 рублей в месяц, т.е. в размере 100% от установленного прожиточного минимума [10]. Однако это лишь частичное решение проблемы. Для всех будоражащим и злободневным остается вопрос о корректности подходов, на основе которых определяется прожиточный минимум. Понятно при этом, что необходимость включения в повестку дня работы Правительства РФ темы о параметрах достойной жизни, путях и этапах их поэтапного достижения напрашивается сама по себе. В Послании Федеральному Собранию РФ 01 марта 2018 г. Президент РФ В.В. Путин в качестве основополагающей на обозримую перспективу выдвинул задачу сбережения народа России и благополучия граждан. «Именно здесь, – отметил он, – нам нужно совершить решительный прорыв» [11]. Предполагается в предстоящем десятилетии обеспечить уверенный, долгосрочный рост реальных доходов граждан, а за шесть лет как минимум вдвое снизить уровень бедности.

Другой характерный пример, так же, как и первый, находящийся на поверхности, касается механизма пересмотра Конституции РФ. До настоящего времени не принят – как того требует ч. 2 ст. 135 Конституции – федеральный конституционный закон, регулирующий порядок созыва Конституционного Собрания. Соответствующие законопроекты в разное время вносились и депутатами Государственной Думы РФ, и учеными. Но все они были отклонены. Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству Госдумы непреклонен в своей позиции: такой закон должен приниматься только в том случае, если речь идет о необходимости разработки проекта новой Конституции Российской Федерации. Комитет же твердо убежден, что такая необходимость сегодня отсутствует [12]. Строго говоря, это прерогатива Конституционного Собрания: либо подтвердить неизменность Конституции РФ, либо определиться с необходимостью разработки и принятия проекта новой Конституции РФ (ч. 3 ст. 135). Но Конституционное Собрание собраться и приступить к работе не может, поскольку законодательная основа для этого не создана. Круг замкнулся.

Приведенный пример не единичный. Похожая ситуация складывается вокруг законопроектов о Совете безопасности РФ. Согласно п. «ж» ст. 83 Конституции РФ статус этого органа должен быть определен федеральным законом. Проекты законов вносились в Госдуму еще в 1997 г., но так и не были приняты.

Как видим, включение в текст конституции некоего императива не всегда есть условие, достаточное для его воплощения в жизнь. Подчас требуется конкретизация декларируемых правовых ценностей, что не всегда получается. В силу отмеченного обстоятельства в ряду паллиативов оказываются и те положения конституции, которые провозглашают важные начала государственного строя (демократию, верховенство закона, гарантии самостоятельности местного самоуправления и др.). Их относят к категории норм-

принципов или же норм-деклараций. Вопрос об их трактовке, содержательном наполнении и воплощении в жизнь наталкивается на непростую и в теоретическом и в практическом отношении проблему конституционного права – о пределах и глубине конституционного регулирования тех или иных сторон жизни государства и общества. С одной стороны, конституция не может объять необъятного и быть «безразмерной». С другой стороны, абстрактность ее формулировок, смысловая неопределенность ключевых положений, конституирующих цели, задачи государства и основы государственного строя, создают широкий объем дискреций для органов государственной власти, т.е. возможности действовать по своему усмотрению. К примеру, сторонников демократии не счесть. Но мало кто сможет внятно объяснить, что такое подлинная или же настоящая демократия. Конституция РФ о ней упоминает лишь дважды – в преамбуле и ч. 1 ст. 1, без конкретизации ее смысла и целеполагающих начал. Стало быть, содержательное наполнение идеи или же принципа демократии будет осуществляться за рамками конституции в текущем порядке в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры, что, собственно, и происходит.

В таких условиях нет правовых ограничений для произвольной интерпретации содержания фундаментальных принципов и приспосабливающей трансформации текущего законодательства. Иными словами, чем пространнее текст конституции, тем необъятнее дискреции у публичной власти, что не ново. Иллюстративными в этом плане являются нескончаемые метаморфозы в избирательном праве. Обратимся для примера к законодательству о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, основные этапы эволюции которого совпадают с семью электоральными циклами по выборам депутатов Государственной Думы (1993, 1996, 2000, 2004, 2008, 2011, 2016 гг.). Каждому из этих этапов предшествовали основательный пересмотр механизма выборов (избирательной системы, процентного барьера и пр.) и соответствующие корректировки законодательства. Вслед за введением по Указу Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» Положения о выборах депутатов Государственной Думы [13] Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации» принимался заново пять раз (1995, 1999, 2002, 2005, 2014 гг.). Причем в действующий Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ уже 14 раз вносились дополнения и изменения [14].

И опять же: если дискреционные полномочия фактически беспредельны, то в чем смысл конституции и конституционной государственности? Ведь, как известно, эра конституционализма в истории человечества начиналась с устремленности цивилизованно разрешить проблему правового ограничения государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
2. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9.
3. Чиркин В.Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12.
4. Чиркин В.Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1994. Т. 3. С. 14.
6. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. С. 449.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания // Теория права и государства. 2-е изд., доп. / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 26. Ст. 2729.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (часть I). Ст. 5.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 11. Ст. 1576.
11. Российская газета. 2018. № 46.
12. Справочно-информационные данные о ходе и результатах рассмотрения в Государственной Думе Федерального Собрания РФ законопроектов о Конституционном Собрании РФ, представленные в правовой базе // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/
13. Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
14. Собрание законодательства РФ (ред. от 04.06.2018). 2014. № 8. Ст. 740.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 января 2019 г.

“Palliative” Legal Constructs in the Constitution of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 231–234.
DOI: 10.17223/15617793/441/30

Yuriy V. Kim, Kemerovo Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Yu_kim@mail.ru

Keywords: constitution; constitutionalism; constitutional right; statehood; fictions; palliative; defect of legal norm.

In the article, the main attention is concentrated on the analysis of the legal nature of the palliative constructions and constitutional and legal fictions considered as norms which, owing to considerable semantic uncertainty, have no sufficient valuable and normative potential. So, there is a problem of functionality of key provisions of the constitution and efficiency of the basic law in whole. On the one hand, standards of the constitution do not provide the due depth of a regulation of legal relationship, on the other hand, they create ample opportunities for acceptance of important, but any (discretionary) state solutions. Often, they mention bases of the constitutional system. The research is based on the materials received in the thorough analysis of methodological and special literature of constitutional and legal orientation and also the constitutional legislation. At the same time historical and legal method, comparative and legal, formal and legal methods flexibly combined with methods of semantic analysis of the constitutional provisions and legal hermeneutics are used. The subject of the research is assessment of results of the 25-year evolution of the Constitution of

the Russian Federation, its role in stabilization and development of foundations of statehood and also problems of the constitutional regulation of separate directions of development of the state and society, the mechanism of the state. In the final part of the article, the main conclusions in the form of setting of the problem have been made. The problem is fundamental: the search of an optimum ratio of objects, subject and depth of the constitutional regulation of legal bases of the Russian statehood. The redundancy of palliative constructions in the constitution unfairly expands a discretion of state and other authorities of public power. In such conditions, there are no legal restrictions for any interpretation of the content of the fundamental principles and the adapting transformation of the current legislation. The problem of palliative norms in general is solvable. Targeted specifying adjustments of the text of the constitution are required. It is necessary to distinguish fiction norms from palliatives. Their sources are ideas wrong in the theoretical and formal logical aspects that are enshrined in the constitution (sovereignty of the people, the sovereign state status of the territorial subject of the federation, etc.). They are the reasons of in-stitutional failures. The problem of fictions is unsolvable. It means that only one of the known ways of solving legal collisions is appropriate here: a complete elimination of a fiction from the text of the regulatory legal act. At the same time, in situations in which the problem of a palliative norm is not solved permission, the norm does not differ from a fiction.

REFERENCES

1. Avak'yan, S.A. (2007) Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya [Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 8. pp. 3–12.
2. Avak'yan, S.A. (2012) Nuzhna li konstitutsionnaya reforma v Rossii? [Does Russia need a constitutional reform?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 9. pp. 2–9.
3. Chirkin, V.E. (2013) A Word about the Constitutional Terminology. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 13–19. (In Russian).
4. Chirkin, V.E. (2013) K voprosu o tsennosti rossiyskoy Konstitutsii 1993 g. [On the value of the Russian Constitution of 1993]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 12.
5. Dahl, V. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: TERRA.
6. Vasyukova, I.A. (2001) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, pp. 449.
7. Il'in, I.A. (2008) O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. In: Tomsinov, V.A. (ed.) *Teoriya prava i gosudarstva* [Theory of law and the state]. 2nd ed. Moscow: Zertsalo.
8. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation]. (2000) 26. Art. 2729.
9. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2018) 1 (Pt. I). Art. 5.
10. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. (2018) 11. Art. 1576.
11. *Rossiyskaya gazeta*. (2018) 46.
12. Konsul'tantPlyus. (n.d.) *Spravochno-informatsionnye dannye o khode i rezul'tatakh rassmotreniya v Gosudarstvennoy Dume Federal'nogo Sobraniya RF zakonoproektov o Konstitutsionnom Sobranii RF, predstavlennye v pravovoy baze* [Reference and information data on the course and results of consideration in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of draft laws on the Constitutional Assembly of the Russian Federation presented in the legal base]. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/.
13. *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF* [Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation]. (1993) 39. Art. 3597.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* (amended on 4 June 2018). (2014) 8. Art. 740.

Received: 31 January 2019

Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 235–242. DOI: 10.17223/15617793/441/31

УДК 342.733

К.В. Черкасов, Е.Б. Лапина

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Рассматриваются отдельные вопросы федерального государственного контроля качества образования в России. При изучении этапов развития правового регулирования авторами исследованы причины правовых пробелов и противоречий в данной области. На основе проведенного анализа федерального законодательства, судебной практики и юридической литературы сделан вывод о необходимости совершенствования существующей системы федерального государственного контроля качества образования, сформулированы предложения и рекомендации, направленные на оптимизацию действующего законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: образование; образовательная деятельность; образовательная организация; государственный контроль; качество образования; стандарт.

Закрепляя право на образование, Конституция Российской Федерации не только провозглашает его общедоступность и бесплатность, но и гарантирует гражданам страны достойный уровень образования [1]. Вместе с тем, к сожалению, и в настоящее время обеспечение качества образования является не только одной из наиболее актуальных, но и проблемных сфер современного общества, а потому значимость решения этого вопроса трудно переоценить. Данная мысль, в частности, неоднократно подчеркивалась в ходе последнего (27 ноября 2018 г.) заседания Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, на котором обсуждался широкий спектр аспектов научно-технической политики в контексте реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [2].

Поскольку «образование является социальной функцией современного государства, имеющего сервисный характер» [3. С. 194], федеральное законодательство не только устанавливает обязательные требования к условиям оказания образовательных услуг и уровню знаний, получаемых обучающимися, но и систему средств и способов оценки качества образования. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) предусматривает обширный набор организационно-правовых мероприятий, позволяющих оценить качество образования. К их числу следует отнести мониторинг системы образования, самообследование образовательных организаций, федеральный государственный контроль качества образования и независимую оценку качества образования [4]. Вопросы, связанные с контролем качества образования, достаточно обширны, и обстоятельно проанализировать их в рамках одной публикации в периодическом печатном издании не представляется возможным. Исходя их этого, в настоящей работе подробно остановимся на исследовании, по нашему мнению, одного из наиболее важных его направлений – федерального государственного контроля качества образования.

Напомним, действующий до вступления в силу Закона об образовании Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» предусматривал осуществление федерального государственного контроля качества образования в отношении всех образовательных учреждений, осуществляющих образовательную деятельность (далее – организации), без исключения [5]. Вступивший с 01.09.2013 в силу Закон об образовании установил уже возможность проведения этого вида контроля исключительно в отношении аккредитованных организаций, но до 2015 г. осуществление образовательной деятельности, несоответствующей требованиям федеральных государственных образовательных стандартов, признавалось «нарушением», влекущим выдачу предписания о его устранении. При этом неисполнение предписания являлось основанием для запрета приема в организацию и возбуждения дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6]. Приостановка действия государственной аккредитации образовательной деятельности допускалась только в случае неисполнения предписания, подтвержденного посредством судебного контроля (после вынесения судом решения о привлечении организации к административной ответственности за неисполнение в установленный срок выданного предписания). Все эти механизмы согласовывались с мерами воздействия, применяемыми при проведении федерального государственного надзора в сфере образования в случае выявления нарушений обязательных требований.

Ситуация изменилась кардинально с 2015 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 31.12.2014 № 500-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий иной порядок нормативного регулирования отношений, связанных с осуществлением федерального государственного контроля качества образования [7]. Именно с этого времени отсутствует требование о выдаче предписания в случае установления фактов нарушения федеральных государственных образовательных стандартов; нарушения требований федеральных государственных образовательных стандартов именуются несоответствиями; никакие меры, кроме приостановки действия государственной аккредитации или лишения государственной аккредитации, не могут применяться к организации в случае выявления несоответствия содержания и каче-

ства подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам; принципиально изменены основания и порядок применения таких мер государственного принуждения, как приостановление и лишение государственной аккредитации образовательной деятельности; в принятии решения о приостановлении действия государственной аккредитации или лишении государственной аккредитации предусмотрено участие коллегиального органа аккредитационного органа.

В соответствии с Законом об образовании под федеральным государственным контролем качества образования понимается деятельность органов государственного контроля (надзора) по оценке соответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам. Федеральный государственный контроль качества образования осуществляется исключительно в отношении организаций, имеющих государственную аккредитацию образовательной деятельности (повторим, в отношении иных организаций он не применяется). Смысл данного контроля состоит в том, что если орган государственного контроля (надзора) – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) или орган государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющий переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, – установит отсутствие соответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, организации будет приостановлено действие государственной аккредитации, и если в дальнейшем организация не устранит указанные несоответствия, она будет такой аккредитации лишена.

Устанавливая порядок осуществления мероприятий федерального государственного контроля качества образования, законодатель сегодня избегает использования понятия «нарушение», заменяя его на более мягкий термин – «несоответствие», фактически определяя необязательность выполнения нормативных установлений, соблюдение которых проверяется. В то же время нельзя не отметить, что к компетенции органов государственного контроля (надзора), осуществляющих федеральный государственный контроль качества образования, относятся также функции по федеральному государственному надзору в сфере образования и лицензионному контролю, в рамках которых отклонение от нормативных правил осуществления деятельности квалифицируется исключительно в качестве «нарушений». Данная особенность федерального государственного контроля качества образования имеет не только теоретическое, но и, в большей степени, практическое значение с точки зрения выбора мер государственного принуждения, применяемых по результатам проверок, проводимых в рамках федерального государственного контроля качества образования. Так, на основании п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Федеральный закон о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в случае выявления при проведении проверки нарушений юридическим лицом обязательных требований должностные лица органа государственного контроля (надзора) обязаны выдать такому лицу предписание об устранении выявленных нарушений [8]. Положения ч. 6 ст. 93 Закона об образовании ретранслируют обозначенный порядок на отношения в сфере образования, предусматривая обязательную выдачу предписания организации, допустившей нарушения требований законодательства об образовании, выявленное при осуществлении федерального государственного надзора в сфере образования. Применительно к лицензионному контролю аналогичная норма содержится в п. 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [9].

В итоге складывается ситуация, когда, в отличие от процедур, предусмотренных для федерального государственного надзора в сфере образования и лицензионного контроля, несоответствие содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, выявленное при проведении проверки в рамках федерального государственного контроля качества образования, не влечет выдачу организации предписания об устранении соответствующих недостатков. В случае обнаружения указанного несоответствия орган государственного контроля (надзора) лишь издает распорядительный акт о приостановлении действия государственной аккредитации образовательной деятельности, который устанавливает срок устранения выявленного несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, но, в отличие от предписания, не содержит требования об его устранении. И если за неисполнение в установленный срок законного предписания органа государственного контроля (надзора) предусмотрена административная ответственность, то за неустранение выявленного несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам административная ответственность не установлена.

Такие особенности федерального государственного контроля качества образования обусловлены спецификой института государственной аккредитации образовательной деятельности, которая является добровольной процедурой, проводимой с целью подтверждения соответствия образовательной деятельности федеральным государственным образовательным стандартам. Наличие или отсутствие у организации государственной аккредитации не оказывает влияния на право организации осуществлять образовательную деятельность, ибо оно подтверждается лицензией, выдача или аннулирование которой не обусловлены наличием или отсутствием государственной аккредитации. Принятие уполномоченным органом решения об аккредитации организации означает признание государством уровня качества образования в этой организации не ниже, чем того требуют федеральные государственные образовательные стандарты, т.е. по

факту признания «государственного статуса» такой организации [10. С. 70]. Согласно ч. 4 ст. 59 Закона об образовании это означает для организации возможность проведения государственной итоговой аттестации и выдачу документов об образовании или документов об образовании и квалификации по определенному законодательством образцу. В противном случае, при отсутствии у организации государственной аккредитации, итоговая аттестация её выпускников не будет обладать статусом государственной итоговой аттестации, а документы, выдаваемые после прохождения такой итоговой аттестации, могут оформляться исключительно по образцу, установленному самой организацией.

Невзирая на добровольность прохождения государственной аккредитации, т.е. процедуры подтверждения соответствия образовательной деятельности федеральным государственным образовательным стандартам, сами они носят обязательный, а не рекомендательный характер. При этом под федеральным государственным образовательным стандартом Закон об образовании понимает совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Сегодня такими федеральными органами исполнительной власти каждый в своей части выступают Министерство науки и высшего образования Российской Федерации и Министерство просвещения Российской Федерации. При этом нельзя не отметить, что отдельные требования федеральных государственных образовательных стандартов являются одновременно и лицензионными требованиями. Например требования к наличию материально-технической, кадровой и информационной обеспеченности образовательного процесса.

Обязательность федеральных государственных образовательных стандартов в определенной степени входит в противоречие с избирательностью в отношении осуществления контроля качества образования исключительно в части образовательных организаций, осуществляющих деятельность по аккредитованным образовательным программам. Такое положение дел вряд ли можно признать оправданным и логичным. Более того, качество обязательности федеральных государственных образовательных стандартов предполагает, что невыполнение их требований должно повлечь за собой государственное понуждение, направленное на устранение выявленных нарушений: запрет осуществления образовательной деятельности (запрет на реализацию программ соответствующего уровня, для которых установлены федеральные государственные образовательные стандарты) или указания в выдаваемых организацией документах об образовании и (или) квалификации соответствующего уровня образования. Между тем ни одна из этих мер государственного принуждения при осуществлении федерального государственного контроля качества образования не применяется. Организации, в деятельности которых выявлены нарушения федеральных государственных образовательных стандартов, на легальном основании могут продолжать образовательную деятельность и выдавать документы об образовании и (или) о квалификации, подтверждающие получение образования соответствующего уровня, но по форме, установленной организацией. Следовательно, в реальности соблюдение федеральных государственных образовательных стандартов является не обязанностью организации, а лишь условием наличия у организации государственной аккредитации образовательной деятельности. В итоге налицо несоответствие процессуальных (процедурных) и материальных аспектов федерального государственного контроля качества образования. Образовавшаяся коллизия правовых предписаний, обусловленная добровольностью прохождения процедуры государственной аккредитации (подтверждения соответствия образовательной деятельности федеральным государственным образовательным стандартам) при обязательности федеральных государственных образовательных стандартов, приводит к нарушению внутренней структуры правоотношений в сфере образования, что препятствует последовательности как в правоприменительной практике, так и в законотворческой деятельности.

Существенные негативные последствия имеют и установленные в настоящее время порядок и срок приостановления государственной аккредитации – органом государственного контроля (надзора) непосредственно после выявления несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам (без предоставления времени на устранение несоответствий, без судебного решения, без производства по делу об административном правонарушении). Это приводит к тому, что организация при несогласии с выводами органа государственного контроля (надзора) о наличии в ее деятельности нарушений федеральных государственных образовательных стандартов не имеет юридической возможности обжаловать данное решение в судебном порядке до приостановления государственной аккредитации и вынуждена вступать в судебный процесс уже в условиях приостановленной государственной аккредитации.

Нюанс заключается еще и в том, что в соответствии с ч. 9 ст. 34 Закона об образовании приостановление действия государственной аккредитации или лишение государственной аккредитации являются безусловным основанием для перевода обучающихся (по их заявлению) в иные организации, имеющие государственную аккредитацию для обучения на тех же условиях. И даже в случае положительного результата судебного обжалования решения органа государственного контроля (надзора) о приостановлении действия государственной аккредитации такой перевод обучающихся не аннулируется. В свою очередь уменьшение контингента организации, помимо прямых финансовых потерь, также может оказывать отрицательное влияние на иные показатели деятельности организации, поскольку данные о контингенте обучающихся используются при проведении мониторинга эффективности образовательных организаций

высшего образования, причем как в качестве самостоятельного показателя, так и при расчете иных индикаторов [11].

Не является секретом и то, что приостановление действия государственной аккредитации и обусловленный этим обстоятельством перевод обучающихся в иные организации подрывают доверие к организации как со стороны обучающихся, так и со стороны потенциальных абитуриентов. Право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органа государственного контроля (надзора), может быть реализовано в форме возмещения реального ущерба или упущенной выгоды в судебном порядке. Для взыскания упущенной выгоды необходимо документально подтвердить связь между отсутствием желающих обучаться в организации с действиями органа государственного контроля (надзора) [12]. Но поскольку это достаточно проблематично, данный механизм не позволяет в полной мере восстановить права и законные интересы организации, в том числе возместить репутационные потери, возникшие в результате незаконного решения органа государственного контроля (надзора) о приостановлении действия государственной аккредитации.

При этом применение к организации таких мер государственного принуждения, как приостановление действия государственной аккредитации и лишение государственной аккредитации, влечет негативные последствия не только для организации, но и для обучающихся. Организационные процедуры, связанные с их переводом в иные организации, сложны и требуют достаточно продолжительного времени. С момента приостановления организации государственной аккредитации обучающиеся лишаются ряда льгот, предусмотренных действующим законодательством исключительно для лиц, обучающихся по аккредитованным образовательным программам. В частности, обучающиеся утрачивают право на отсрочку от службы в армии и право на получение дополнительных отпусков в связи с обучением в образовательных организациях, предусмотренных соответственно Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [13] и Трудовым кодексом Российской Федерации [14]. К тому же реальная возможность перевода в иные организации не всегда доступна для обучающихся в связи с отдаленностью организаций, реализующих аналогичные образовательные программы. Следовательно, изначальные цель и назначение этих мероприятий – защита прав обучающихся – в полной мере не достигается.

Процедура проверки устранения организациями выявленных недостатков в условиях установления срока устранения выявленного несоответствия взамен выдачи предписания об устранении нарушений сегодня также принципиально изменена. В соответствии с Федеральным законом о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей истечение срока исполнения юридическим лицом ранее выданного предписания об устранении выявленного нарушения обязательных требований является основанием для проведения внеплановой проверки. При этом установлена обязанность должностных лиц органа государственного контроля (надзора) обеспечить организациям открытость и доступность информации о результатах проведения проверок путем ознакомления их руководителей (иных уполномоченных должностных лиц) с актом проверки. Но так как выдача предписания организациям, в деятельности которых выявлено несоответствие содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, законодательством не предусмотрена, то и основания для проведения повторной проверки соответствующих организаций отсутствуют. Проверка устранения выявленного ранее несоответствия осуществляется в форме изучения информации, содержащейся в уведомлении организации. Такая проверка не регулируется нормами Федерального закона о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а потому соответствующие мероприятия проводятся без привлечения независимых экспертов; у органа государственного контроля (надзора) не возникает обязанности проверять или уточнять информацию, указанную в уведомлении, запрашивая дополнительные документы или пояснения организации; не предоставляется для ознакомления акт, составленный по результатам исследования представленных организацией документов; организации не сообщаются основания, по которым орган государственного контроля (надзора) пришёл к тому или иному заключению [15–19]. Организация лишь уведомляется об итоговом решении органа государственного контроля (надзора), т.е. о возобновлении действия государственной аккредитации или о лишении государственной аккредитации. Таким образом, решение о приостановлении действия государственной аккредитации и лишении государственной аккредитации принимается органом, которым и было выявлено указанное несоответствие, без какого-либо контроля за правильностью выводов о наличии такого несоответствия.

Ситуацию усугубляет отсутствие реальных полномочий у коллегиального органа аккредитационного органа, его неспособность повлиять на решение органа государственного контроля (надзора), хотя и предусмотрено участие этого органа в данном процессе с правом вынесения решения, носящего исключительно рекомендательный характер. Принятие решения о приостановлении действия государственной аккредитации или лишении государственной аккредитации органа государственного контроля (надзора), как и «любое управленческое действие органов исполнительной власти определенно является строго регламентируемой совокупностью процедурных норм» [20. С. 207]. Закон об образовании содержит императивные нормы о приостановлении действия государственной аккредитации в случае выявления несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, а также лишения организации государственной аккредитации в случае установления факта неустранения указанного несоответствия. Отсюда, при составлении акта, фиксирующего факт наличия или неустранения в установленный срок несоответствия содержания и качества подготовки

обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, орган государственного контроля (надзора) не имеет права принять никакого иного решения, кроме приостановления государственной аккредитации или лишения государственной аккредитации. Основная проблема заключается в том, что коллегиальный орган аккредитационного органа не уполномочен рассматривать жалобы на действия и (или) решения органа государственного контроля (надзора), не вправе отменить или изменить акт проверки, устанавливающий наличие несоответствия образовательной деятельности федеральным государственным образовательным стандартам.

Отдельный вопрос – получение государственной аккредитации в случае, если организация была лишена государственной аккредитации по соответствующей специальности (направлению подготовки, уровню образования). Согласно ч. 26 ст. 92 Закона об образовании в случае лишения организации государственной аккредитации право на обращение в аккредитационный орган с заявлением о проведении процедуры государственной аккредитации возникает по истечении одного года со дня лишения государственной аккредитации. Такое ограничение на обращение за повторным прохождением процедуры государственной аккредитации установлено без каких-либо исключений, без учета степени тяжести и оценки последствий несоответствия содержания и качества подготовки обучающихся федеральным государственным образовательным стандартам, допущенного организацией. Однако федеральный государственный контроль качества образования есть «экспертная, оценочная деятельность, направленная на содержательную оценку качества образовательного процесса», целью которой является пресечение образовательной деятельности, не соответствующей федеральным государственным образовательным стандартам [21. С. 105]. Более того, судебные органы неоднократно обращали внимание на необходимость соблюдения соразмерности вмешательства органа публичной власти целям такого вмешательства, характеру совершенного правонарушения, размеру причиненного вреда и степени вины правонарушителя [22–25]. Исходя из этого, лишение организации, исправившей имевшие место недостатки, возможности в течение достаточно длительного времени вновь получить государственную аккредитацию не только представляется излишним, но и вступает в противоречие с общеправовыми принципам справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению, а равно его реальной общественной вредности (опасности).

В заключение отметим: к сожалению, институт федерального государственного контроля качества образования, какой он есть в современном состоянии, нуждается в оптимизации. Первоочередной мерой, необходимой для совершенствования данного механизма обеспечения качества образования, является гармонизация положений действующего законодательства, регулирующего вопросы установления федеральных государственных образовательных стандартов, а также осуществления государственной аккредитации и федерального государственного контроля качества образования. На законодательном уровне необходимо определиться, а в дальнейшем и последовательно проводить однозначную правовую политику в исследуемой сфере. Речь идет либо о восприятии идеи безусловной добровольности соблюдения федеральных государственных образовательных стандартов, исключив содержащиеся в них положения из числа лицензионных требований, либо об установлении обязательности соблюдения федеральных государственных образовательных стандартов, установив контроль за исполнением этого требования в рамках лицензионного контроля и федерального государственного надзора в сфере образования. В любом случае значение федерального государственного контроля качества образования и его место в системе регламентации образовательной деятельности представляется целесообразным пересмотреть. Кроме того, имеется настоятельная потребность в изменении подходов к выбору мер государственного принуждения, применяемых сегодня по результатам мероприятий федерального государственного контроля качества образования. Право на обращение организации, исправившей указанные в заключении недостатки, за повторным прохождением процедуры государственной аккредитации не может быть, по крайней мере, безусловно, ограничено периодом времени. Дополнительной проработки требует вопрос о правовом статусе коллегиального органа аккредитационного органа, участвующего в принятии решений о приостановке, лишении и возобновлении государственной аккредитации образовательной деятельности, наделении его реальными полномочиями. И наконец, особое внимание следует уделить проблеме действенной защиты прав обучающихся в случае приостановки действия или лишения организации государственной аккредитации. Только в комплексе данные организационно-правовые мероприятия способны существенно повысить эффективность федерального государственного контроля качества образования в России, что в определенной степени позволит вывести российское образование на качественно новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с послед изм. и доп.) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.
2. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59203/audios (дата обращения: 29.11.2018).
3. Кирилловых А.А. Образовательная доктрина в системе инструментов публичного управления образованием: правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 193–198.
4. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (Ч. I). Ст. 7598.
5. Об образовании: Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 // Российская газета. 31.07.1992 № 172 (утратил силу).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 1.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 500-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (Ч. I). Ст. 53.
8. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (Ч. I). Ст. 6249.
9. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.
10. Трошкина Т.Н. Государственная аккредитация образовательной деятельности: научно-практический комментарий статьи 92 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Реформы и право. 2015. № 4. С. 67–76.
11. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2018 года (на основе данных формы N 1-Мониторинг за 2017 год) (утверждена заместителем Министра образования и науки Российской Федерации от 30.03.2018 г. № ИК-139/05вн). Документ опубликован не был // СПС КонсультантПлюс.
12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 22.05.2017 по делу № А40-8726/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/14da09da-7baf-4805-b4c8-d8288a5ad7c4/a809b21d-458f-4168-bec6-f91bb32a1a2f/A40-8726-2017_20170511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
13. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 3.
15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30.11.2016 по делу № А40-167857/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/2daccb04-8c23-4be3-8a9a-c469644752fc/04fc93bf-5f6a-4e35-94ca-be0392192363/A40-167857-2016_20161130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2017 № 305-КГ17-8834 по делу № А40-159857/2016. URL: https://kad. arbitr.ru/PdfDocument/d705da50-6f42-42e0-a992-6d10281af684/a9581ae8-4627-4f8e-9edb-9f27ec049b21/A40-159857-2016_20171023_Opredelenie.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.11.2017 по делу № А40-238542/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/ PdfDocument/52ed9c46-a95e-4a29-9983-7a31d8d7f802/1141d6da-11a6-416b-96d9-667e53d7e6ba/A40-238542-2016_20171102_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
18. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2018 по делу № А40-237665/2015). URL: https://kad.arbitr.ru/ PdfDocument/dfd68751-1a20-48d3-b228-147e8fc25976/0e022c4a-9602-4f2c-8a19-2260ce06305d/A40-237665-2015_20180329_Reshenija_i_posta-novlenija.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
19. Решение Арбитражного суда города Москвы от 08.11.2016 по делу № А40-160438/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c3f4a084-eba5-4379-a6a2-732eaafd6ac4/cecd1dc3-8983-4504-a290-345696d678ab/A40-160438-2016_20161108_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
20. Ведяшкин С.В. Административные процедуры охранительной направленности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 206–210.
21. Кудилинский М.Н. Особенности правового регулирования государственного контроля в сфере образования // Журнал Российского права. 2017. № 12. С 101–109.
22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2173.
23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 32. Ст. 3412.
24. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2017 № 305-КГ17-8834 по делу № А40-159857/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d705da50-6f42-42e0-a992-6d10281af684/a9581ae8-4627-4f8e-9edb-9f27ec049b21/A40-159857-2016_20171023_Opredelenie.pdf (дата обращения: 05.11.2018).
25. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Российская газета. 06.07.2018. № 145.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 февраля 2019 г.

Federal State Quality Control of Education in Modern Russia: Some Aspects of Legal Uncertainty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 235–242.
DOI: 10.17223/15617793/441/31

Konstantin V. Cherkasov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation); All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru
Ekaterina B. Lapina, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: ekaterina_lapina@bk.ru

Keywords: education; educational activities; educational establishment; state control; quality of education; standard.

The article focuses on the essential issues of legal regulation of the federal state quality control mechanism in the sphere of education in Russia. The authors have thoroughly studied the flaws and contradictions of this mechanism and its legal basis. The research area has been selected as the one requiring complex regulatory measures to be taken on the federal level which will make a change in Russian education. The state quality control mechanism in educational sphere has been repeatedly changed in some parts; however, the actions have not been fully coordinated. Moreover, general regulatory prescriptions have not always been considered by public agencies when exercising their control. Some issues have not been tackled at all and still remain a problem area. The research aims at developing suggestions and recommendations improving regulation of the state quality control in the sphere of education.

The main issue, which is the focus of the authors' attention, is the obligatory nature of the federal state educational standards which contradicts the voluntary status of the licensing procedure which educational institutions have to go through in order to comply with these standards. State regulation of the quality of education in its current form prevents educational establishments from functioning effectively. The laws regulating the federal state quality control in the sphere of education alongside with court practice and a vast theoretical background have been the objects of thorough analysis performed for the purpose of this research. The approved methods have been used in the research, namely, general scientific methods (logical, dialectic, and systematic approaches) as well as specific juridical ones (technical approach, interpreting the law, judiciary forecasting). The article focuses on the government action employed by the state to exercise the federal quality control in the sphere of education, its procedure, and the mechanisms to protect students' rights in current conditions. The research has theoretical and practical importance. The authors argue the existing form of federal quality control in the sphere of education. They suggest amending the relative legislation to improve the ways through which the federal state educational standards are set, state accreditation is received, and state quality control of education is exercised. It is recommended that the approach to measures of legal coercion, which are selected as soon as the federal quality control procedures are fulfilled, be changed. The process of quality control as well as the mechanisms of protecting rights of students or educational establishments, in case their state accreditation is suspended or withdrawn, should also be subject to revision. The conclusions and recommendations provided in the article are of significant importance, and are able to raise the quality of education as well as to improve the federal state quality control in the sphere of education.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s posled izm. i dop.) [The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12 December 1993 (as amended and addended)]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 December. 237.

2. The official website of the President of the Russian Federation. (2018) *Zasedanie Soveta po nauke i obrazovaniyu* [Session of the Council for Science and Education]. [Online]. Available from: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59203/audios. (Accessed: 29.11.2018).

3. Kirillovykh, A.A. (2018) Educational doctrine in the system of public education management tools: a legal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 193–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/26

4. Russian Federation. (2012) Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (s posled. izm. i dop.) [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of 29 December 2012 (as amended and addended)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 53 (Pt. I). Art. 7598.

5. Rossiyskaya gazeta. (1992) Ob obrazovanii: Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 10.07.1992 № 3266-1 [On education: Law of the Russian Federation No. 3266-1 of 10 July 1992]. *Rossiyskaya gazeta*. 31 July. 172 (expired).

6. Russian Federation. (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (s posled. izm. i dop.) [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of 30 December 2001 (as amended and addended)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1 (Pt. I). Art. 1.

7. Russian Federation. (2015) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 31.12.2014 № 500-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 500-FZ of 31 December 2014]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1 (Pt. I). Art. 53.

8. Russian Federation. (2008) O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya: Federal'nyy zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ (s posled. izm. i dop.) [On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law No. 294-FZ of 26 December 2008 (as amended and addended)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (Pt. I). Art. 6249.

9. Russian Federation. (2011) O litsenzirovanii otdel'nykh vidov deyatel'nosti: Federal'nyy zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ [On licensing of certain types of activities: Federal Law No. 99-FZ of 04 May 2011]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 19. Art. 2716.

10. Troshkina, T.N. (2015) Gosudarstvennaya akkreditatsiya obrazovatel'noy deyatel'nosti: nauchno-prakticheskiy kommentariy stat'i 92 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" [State accreditation of educational activities: scientific and practical commentary of Article 92 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation"]. *Reformy i pravo*. 4. pp. 67–76.

11. Konsul'tantPlyus. (2018) *Metodika rascheta pokazateley monitoringa effektivnosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya 2018 goda (na osnove dannykh formy N 1-Monitoring za 2017 god) (utverzhdena zamestitelem Ministra obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii ot 30.03.2018 g. № IK-139/05vn)* [The method of calculating the performance monitoring indicators of educational institutions of higher education in 2018 (based on data from Form N 1-Monitoring for 2017) (approved by the Deputy Minister of Education and Science of the Russian Federation, 30 March 2018, No. IK-139/05vn)]. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295007/.

12. Kad.arbitr.ru. (2017) *Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 22.05.2017 po delu № A40-8726/2017* [The decision of the Arbitration Court of Moscow of 22 May 2017 in case number A40-8726/2017]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/14da09da-7baf-4805-b4c8-d8288a5ad7c4/a809b21d-458f-4168-bec6-f91bb32a1a2f/A40-8726-2017_20170511_Reshenija_i_postanovlenija.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

13. Russian Federation. (1998) O voinskoy obyazannosti i voennoy sluzhbe: Federal'nyy zakon ot 28.03.1998 № 53-FZ (s posled. izm. i dop.) [On military duty and military service: Federal Law No. 53-FZ of 28 March 1998 (as amended and addended)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 13. Art. 1475.

14. Russian Federation. (2002) Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (s posled. izm. i dop.) [The Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30 December 2001 (as amended and addended)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1 (Pt. I). Art. 3.

15. Kad.arbitr.ru. (2016) *Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 30.11.2016 po delu № A40-167857/2016* [The decision of the Arbitration Court of Moscow of 30 November 2016 in case number A40-167857/2016]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/2daccb04-8c23-4be3-8a9a-c469644752fc/04fc93bf-5f6a-4e35-94ca-be0392192363/A40-167857-2016_20161130_Reshenija_i_postanovlenija.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

16. Kad.arbitr.ru. (2017) *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23.10.2017 № 305-KG17-8834 po delu № A40-159857/2016* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of October 23, 2017 No. 305-KG17-8834 in case No. A40-159857/2016]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d705da50-6f42-42e0-a992-6d10281af684/a9581ae8-4627-4f8e-9edb-9f27ec049b21/A40-159857-2016_20171023_Opredelenie.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

17. Kad.arbitr.ru. (2017) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 02.11.2017 po delu № A40-238542/2016* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 02 November2017 in case No. A40-238542/2016]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/ PdfDocument/52ed9c46-a95e-4a29-9983-7a31d8d7f802/1141d6da-11a6-416b-96d9-667e53d7e6ba/A40-238542-2016_20171102_Reshenija_i_postanovlenija.pdf . (Accessed: 05.11.2018).

18. Kad.arbitr.ru. (2018) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 29.03.2018 po delu № A40-237665/2015* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District on 29 March 2018 in case number A40-237665/2015]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/ Pdf-

Document/dfd68751-1a20-48d3-b228-147e8fc25976/0e022c4a-9602-4f2c-8a19-2260ce06305d/A40-237665-2015_20180329_Reshenija_i_postanovl enija.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

19. Kad.arbitr.ru. (2016) *Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 08.11.2016 po delu № A40-160438/2016* [The decision of the Arbitration Court of Moscow of 08 November 2016 on the case number A40-160438/2016]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/c3f4a084-eba5-4379-a6a2-732eaafd6ac4/cecd1dc3-8983-4504-a290-345696d678ab/A40-160438-2016_20161108_Reshenija_i_postanovlenija.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

20. Vedyashkin, S.V. (2017) Administrative procedures of protective direction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 422. pp. 206–210. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/422/29

21. Kudilinskiy, M.N. (2017) Key Features of Legal Regulation of State Control in the Field of Education. *Zhurnal Rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 12. pp. 101–109. (In Russian). DOI: 10.12737/article_5a200507549846.40269735

22. Russian Federation. (1998) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 12.05.1998 № 14-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy abzatsa shestogo stat'i 6 i abzatsa vtorogo chasti pervoy stat'i 7 Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyunya 1993 goda "O primenenii kontrol'no-kassovykh mashin pri osushchestvlenii denezhnykh raschetov s naseleniem" v svyazi s zaprosom Dmitrovskogo rayonnogo suda Moskovskoy oblasti i zhalobami grazhdan" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 14-P of 12 May 1998 "On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Paragraph 6 of Article 6 and Paragraph 2 of Part 1 of Article 7 of the Law of the Russian Federation of 18 June 1993 'On the use of cash registers in the implementation of cash settlements with the population "in connection with the request of the Dmitrovsky District Court of Moscow Oblast and the complaints of citizens'"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 20. Art. 2173.

23. Russian Federation. (2001) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 30.07.2001 № 13-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy podpunkta 7 punkta 1 stat'i 7, punkta 1 stat'i 77 i punkta 1 stat'i 81 Federal'nogo zakona "Ob ispolnitel'nom proizvodstve" v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo suda Voronezhskoy oblasti, Arbitrazhnogo suda Saratovskoy oblasti i zhaloboy otkrytogo aktsionernogo obshchestva Razrez 'Izykhskiy'" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of 30 July 2001 "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Subparagraph 7 of Paragraph 1 of Article 7, Paragraph 1 of Article 77 and Paragraph 1 of Article 81 of the Federal Law "On Enforcement Proceedings" in connection with requests of the Arbitration Court of Voronezh Oblast, the Arbitration Court of Saratov Oblast and the complaint of the Open Joint-Stock Company Razrez 'Izykhsky'"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 32. Art. 3412.

24. Kad.arbitr.ru. (2017) *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23.10.2017 № 305-KG17-8834 po delu № A40-159857/2016* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-KG17-8834 of 23 October 2017 in case No. A40-159857/2016]. [Online]. Available from: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/d705da50-6f42-42e0-a992-6d10281af684/a9581ae8-4627-4f8e-9edb-9f27ec049b21/A40-159857-2016_20171 023_Opredelenie.pdf. (Accessed: 05.11.2018).

25. Rossiyskaya gazeta. (2018) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 26.06.2018 № 28 "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri rassmotrenii administrativnykh del i del ob administrativnykh pravonarusheniyakh, svyazannykh s primeneniem zakonodatel'stva o publichnykh meropriyatiyakh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 28 of 26 June 2018 "On some issues arising in courts when considering administrative cases and cases on administrative offenses related to the application of legislation on public events"]. *Rossiyskaya gazeta*. 06 July. 145.

Received: 07 February 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВИЛОВ Роман Сергеевич – канд. ист. наук, и.о. ст. науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток); гл. библиотекарь отдела научно-исследовательской и методической работы Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: avilov-1987@mail.ru

АГИШЕВ Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории средних веков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: agisjev@mail.ru

АХМЕТШИНА Алена Вадиковна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. E-mail: nikitina.alena@inbox.ru

БАКУЛА Виктория Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и массовых коммуникаций Мурманского арктического государственного университета. E-mail: museum-vs@yandex.ru

БАХМЕТЬЕВА Ирина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: irbakh@mail.ru

БЕЗРУКОВА Вера Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: verabz.ru@gmail.com

БУРОВА Евгения Евгеньевна – аспирант, преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета. E-mail: abcedik00@yandex.ru

ГЛИНКИН Виталий Сергеевич – ст. преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: glinkinvs@yandex.ru

ГОЛУБИНСКАЯ Анастасия Валерьевна – канд. филос. наук, мл. науч. сотр. Института открытого образования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: golub@ioo.unn.ru

ЗАЗУЛИНА Мария Рудольфовна – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: zamashka@yandex.ru

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета. E-mail: agivanov2@yandex.ru

КАТЫШЕВ Павел Алексеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: katpa@rambler.ru

КИМ Юрий Владимирович – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кемеровского института Российского экономического университета им Г.В. Плеханова. E-mail: Yu_kim@mail.ru

КРАСАВИН Игорь Вячеславович – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: krasavin.i@gmail.com

КОВТУНОВА Юлия Владимировна – магистрант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: Kovtunovaju@mail.ru

КУЗЕВАНОВ Виктор Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности и гражданской обороны Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: Victors2@yandex.ru

ЛАПИНА Екатерина Борисовна – заместитель проректора по учебной работе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ekaterina_lapina@bk.ru

ЛУКАШКИН Алексей Сергеевич – аспирант школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: l.lukashkin@gmail.com

МИРОШНИЧЕНКО Евгений Игоревич – аспирант, науч. сотр. сектора истории российской социологии Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Томского государственного университета. E-mail: mna@tpu.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

НИКИТИНА Татьяна Васильевна – канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермского института ФСИН России. E-mail: tanya.perm@mail.ru

ОХОРЗИНА Юлия Олеговна – канд. экон. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: ohorzina@list.ru

ПАШКОВА Татьяна Вадимовна – студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: tatyana26pash@gmail.ru

НАУМОВА Наталья Геннадьевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: aj-latan@yandex.ru

ОСАДЧИЙ Михаил Андреевич – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: MAOsadchiy@pushkin.institute

ПЕРВУХИНА Анастасия Алексеевна – ассистент кафедры культурологии Курганского государственного университета. E-mail: perwuscha@mail.ru

ПЕШКОВ Владимир Федорович – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета. E-mail: peshkov@sibmail.com

ПОЧИНСКАЯ Ирина Викторовна – д-р ист. наук, зав. лабораторией археографических исследований департамента Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: poirvi12@gmail.com

РОЖНЕВА Жанна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: zhar@ido.tsu.ru

РУМЯНЦЕВА Елена Евгеньевна – д-р экон. наук, президент Центра экономической политики и бизнеса (г. Москва). E-mail: e.p.centre@mail.ru

РУМЯНЦЕВА Татьяна Борисовна – ст. преподаватель кафедры управления качеством Томского государственного университета. E-mail: rtb98@mail.ru

САЛОСИНА Ирина Викторовна – канд. пед. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: salosinaiv@tpu.ru

СЕЛЕЗЕНЕВ Роман Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: Roman3340@mail.ru

СЕРГЕЕВ Василий Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: svsrmsk@gmail.com

СИМАТОВА Софья Андреевна – ассистент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета. E-mail: sonyachita14@mail.ru

СУВОРОВА Ирина Михайловна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета. E-mail: suvormih@list.ru

ТИК Наталья Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: tiknataly@yandex.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар); профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (г. Москва). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ШПИЛЕВАЯ Галина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: 19alex04@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 441. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 26 апреля 2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31. Усл. печ. л. 28,8. Тираж 50 экз.
Заказ № ?... Цена свободная.

Дата выхода в свет 24 мая 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru